

СОЧИНЕНИЯ
ФИЛАРЕТА,
МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО И КОЛОМЕНСКАГО

СЛОВА И РЕЧИ

ТОМ IV

1836–1848

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ОТДЕЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

Слова и речи, избранные самим проповедником

для изданий 1844, 1848, 1861 годов.

1836 год	Слово по освящении Градо-Клинского соборного храма Пресвятыя Троицы
	Слово в неделю вторую по Пятдесятнице
	Слово по освящении храма святителя Иакова, в первоклассном Ставропигиальном Иаковлевском монастыре
	Слово в день обретения мощей Преподобнаго Сергия
	Слово в день введения во храм Пресвятыя Богородицы
	Слово в день коронования Благочестивейшаго Государя Императора Николая Павловича
	Слово по освящении храма Преображения Господня, что на Ордынке
	Слово на память Преподобнаго Сергия
1837 год	Слово в день обретения мощей Святителя Алексия
	Речь Его Императорскому Высочеству, Всероссийскаго престола Наследнику, Государю Цесаревичу, Великому Князю, Александру Николаевичу, пред вступлением в Московский Успенский Собор
	Речь Его Императорскому Высочеству, Всероссийскаго престола Наследнику, Государю Цесаревичу, Великому Князю, Александру Николаевичу, пред вступлением в Свято-Троицкую Сергиеву лавру
	Речь Ея Императорскому Величеству, Благочестивейшей Императрице Александре Феодоровне, пред вступлением в Московский Успенский собор
	Слово неделю первуюнадесять по Пятдесятнице, и в день коронования

	Благочестивейшаго Государя Императора Николая Павловича
	Слово по освящении храма Святыя Мученицы Татианы, при Московском Университете
	Слово в день обновления храма Воскресения Христова, что в Барашах
	Слово Благочестивейшему Государю Императору Николаю Павловичу, пред вступлением в Успенский Собор, по возвращении Его Императорскаго Величества из Закавказскаго путешествия
	Слово в день восшествия на Всероссийский Престол Благочестивейшаго Государя Императора Николая Павловича
1838 год	Беседа пред пренесением памятников прежняго заложения храма Христа Спасителя, для приготовления к заложению онаго на новом месте
	Слово в день Успения Пресвятыя Богородицы
	Слово в день торжественнаго венчания и помазания на царство Благочестивейшаго Государя Императора Николая Павловича
	Слово по освящении храма Живоначальныя Троицы в Московском Данилове монастыре
1839 год	Слово в неделю шестую по Пятдесятнице
	Слово по освящении храма святого праведнаго Филарета в Спасобородинском монастыре, при обновлении сей новоучрежденной обители
	Речь Благочестивейшему Государю Императору Николаю Павловичу, пред вступлением Его Императорскаго Величества в Успенский собор, после открытия Бородинскаго памятника
	Речь Благочестивейшему Государю Императору Николаю Павловичу, при торжественном заложении храма во имя Христа Спасителя, в Москве, Сентября 10 дня, 1839 года
	Слово о молитве, преимущественно церковной, в день памяти Преподобнаго Сеньгия
	Слово по освящении храма Благовернаго Князя Александра Невского, в учрежденном от Московскаго градскаго Общества доме воспитания бедных детей и призрения престарелых и немощных
1840 год	Беседа о соблазнах
	Слово при посещении Свято-Троицкой единоверческой церкви, пред заложением на единоверческом кладбище храма всех Святых
	Слово на освящение храма Воскресения Христова, в селе Гуслицах
1841	Речь Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику, Цесаревичу, Великому Князю, Александру Николаевичу, пред вступлением в Сергиеву Лавру с Ея Императорским Высочеством, Государынею Цесаревною, Великою Княгинею Мариею Александровною
	Речь Благочестивейшему Государю Императору Николаю Павловичу, пред вступлением Его Императорскаго Величества с новобрачными, Государем Наследником престола, Цесаревичем, Великим Князем Александром Николаевичем, и Государынею Цесаревною, Великою Княгинею Мариею Александровною, в Успенский Собор
	Слово в день обретения мощей Святителя Алексия
	Слово по освящении храма Святителя Николая, в Перервенском

монастыре

Слово в день сошествия Святого Духа, по освящении храма Благовещения Пресвятыя Богородицы, более известного по придельному олтарию Святых Безсеребренников Космы и Доминана, что в Шубине

Слово в день рождения Благодетельнейшего Государя Императора Николая Павловича

Слово в день Успения Пресвятыя Богородицы

Слово в день священного венчания и помазания на царство Благодетельнейшего Государя Императора Николая Павловича всея России

Слово в день памяти Преподобного Сергия

Слово по освящении храма явления Божией матери Преподобному Сергию, устроенного над мощами Преподобного Михея в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре

Слово по освящении храма св. Иоанна Богослова, что в Бронной

Слово в день собора св. Архистратига Михаила

Слово по освящении Богородице-Рождественского храма, что в Столечниках

Речь к Преосвященному Иосифу, Епископу Дмитровскому, по рукоположении его, в кафедральной церкви Святителя Алексия
Беседа о благодарности к Богу

1843 год Слово в день Благовещения Пресвятыя Богородицы

Слово в день святыя Пасхи

Слово в день св. мученика, Благоверного Димитрия Царевича

Слово в день рождения Благодетельнейшего Государя Императора Николая Павловича

Слово в день обретения мощей Преподобного Сергия

Слово в день торжества о рождении Великого Князя Николая Александровича

Речь при благодарственном к Господу Богу молебном пении, в Высочайшем присутствии Его Императорского Величества, к собранным из безсрочного отпуска воинам

Слово в день тезоименитства Благодетельнейшего Государя Императора Николая Павловича, в Мариинской церкви, пред обетом сердобольных вдов

Слово по освящении храма Пресвятыя Богородицы, Взыскательницы Погибших, устроенного при замке пересыльных арестантов

Беседа по крестном ходе

1844 год Слово на память Святителя Алексия, в субботу первой недели Великого поста

Слово на вечерне дня Святыя Пасхи

Слово в неделю шестую по Пятдесятнице

Слово на память преподобного Сергия, Радонежского чудотворца

Слово на обновление древняго храма Успения Пресвятыя Богородицы

Слово по освящении храма Святителя Николая в доме Московской

	духовной Семинарии
	Слово по освящении храма Благовещения Пресвятыя Богородицы в Кафедральном Чудове монастыре
	Слово в день тезоименитства Государя Императора Николая Павловича
	Слово в неделю вторуюнадесять по Пятдесятнице
	Слово в день Успения Пресвятыя Богородицы
	Беседа о новом рождении свыше
	Беседа о молитве с должным приготовлением
	Беседа о страхе Божиим
	Слово в день Успения Пресвятыя Богородицы
1845 год	Слово в день Святителя Алексия
	Слово в неделю четвертую великаго поста в день Благовещения Пресвятыя Богородицы
	Слово в день Пасхи
	Слово в день обретения мощей Преподобнаго Сергия
	Слово по освящении храма Господа нашего Иисуса Христа в честь и память Гефсиманскаго моления Его
	Слово в день Преображения Господня
	Слово в день Успения Пресвятыя Богородицы
	Слово на освящение устроеннаго при Московской Глазной больнице храма Христа Спасителя, отверзающаго очи слепому
	Слово в день восшествия на всероссийский престол Благочестивейшаго Государя Императора Николая Павловича
1846 год	Слово на освящение храма Пресвятыя Богородицы, в честь иконы Ея Иерусалимския, в городе Бронницах, совершившееся февраля в 3 день 1846 г.
	Слово в день Святителя Алексия, на третий день недели воспоминания страшнаго суда
	Слово в день Благовещения Пресвятыя Богородицы
	Слово в день Святаго Мученика Благовернаго Царевича Димитрия
	Слово в день Успения Пресвятыя Богородицы
	Речь на открытие больницы при Московском Университете
	Речь Благочестивейшему Государю Императору Николаю Павловичу, пред вступлением Его Императорскаго Величества с Государем Наследником престола, Цесаревичем, Великим Князем Александром Николаевичем в Успенский Собор
	Слово в день восшествия на всероссийский престол Государя Императора Николая Павловича
	Слово в день Тезоименитства Государя Императора Николая Павловича
	Слово пред приведением к присяге дворянства Московской губернии, пред его выборами
1847 год	Молитва пред окончанием молебнаго пения, в новый 1847 г., и в воспоминание семисотлетия царствующаго града Москвы
	Слово на память Святителя и Чудотворца Алексия в среду второй недели великаго поста
	Слово в день обретения мощей преподобнаго Сергия

	Слово в день освящения храма Святителя и Чудотворца Николая, в городе Бронницах
	Слово в день Успения Пресвятыя Богородицы
	Слово в день торжественного венчания и помазания на Царство Благочестивейшаго Государя Императора Николая Павловича
	Слово читанное в московских церквях пред молебствием об охранении от губительной болезни
	Слово по освящении храма Святаго Духа, в Рождественском монастыре
	Слово в день памяти преподобнаго Сергия
	Слово по освящении храма Рождества Пресвятыя Богородицы, при Богадельне Общества ремесленников
	Слово в день восшествия на Всероссийский престол Благочестивейшаго Государя Императора Николая Павловича
	Беседа о трудолюбии
1848 год	Слово пред благодарственным молебствием за прекращение губительной болезни
	Слово в день Благовещения Пресвятыя Богородицы
	Слово по освящении храма Святаго Предтечи Господня Иоанна, в Кремле
	Слово в день рождения Благочестивейшаго Государя Императора Николая Павловича
	Слово в день обретения мощей преподобнаго Сергия, во время возобновившейся и продолжающейся губительной болезни
	Слово в день Успения Пресвятыя Богородицы
	Слово по освящении храма Святителя Николая, в селе Парфеньеве
	Слово в день памяти преподобнаго Сергия
	Слово в день восшествия на Всероссийский престол Благочестивейшаго Государя Императора Николая Павловича
	Слово в день тезоименитства Благочестивейшаго Государя Императора Николая Павловича
	Слово пред благодарственным молебным пением, по прекращении губительной болезни
	Беседа о милосердии к бедным
1846 год	Речь Благочестивейшему Государю Императору Николаю Павловичу, пред вступлением Его Императорскаго Величества с Их Императорскими Высочествами, Великими Князьями Николаем и Михаилом Николаевичами, в Успенский Собор

ОТДЕЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Слова и речи, напечатанныя при жизни проповедника,

но не внесенныя в собрания 1844, 1848 и 1861 годов.

1836 год	Речь Благочестивейшему Государю Императору Николаю Павловичу
----------	--

- 1842 год   пред вступлением Его Величества в Успенский Собор
Речь Благочестивейшему Государю Императору Николаю Павловичу
пред вступлением Его Величества в Успенский Собор
Беседа при торжественном священнослужении по случаю внесения в
храм Святых мучеников Флора и Лавра и освящения креста,
устроенного благоизволением и щедротами Государя Цесаревича,
Великаго князя Александра Николаевича и Государыни Цесаревны
Великия княгини Марии Александровны
- 1846 год   Слово по освящении храма во имя святых первоверховных апостолов
Петра и Павла, в Московском кадетском корпусе
- 1847 год   Речь Благочестивейшему Государю Императору Николаю Павловичу
пред вступлением Его Величества в Успенский Собор
Слово по освящении храма Знамения Божией Матери, при доме графа
Димитрия Николаевича Шереметьева

ОТДЕЛЕНИЕ ТРЕТИЕ.

Слова и речи, не напечатанные при жизни проповедника.

- 1838 год   Слово в день обретения мощей Преподобнаго Сергия
- 1843 год   Слово в день успения Пресвятыя Богородицы

ОТДЕЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

СЛОВА И РЕЧИ,

избранные самим проповедником для изданий

1844, 1848 и 1861 годов.

(Печатаются с изданий 1848 и 1861 годов.)

1836 ГОД.

ССV.

124. Слово

по освящении Градо-Клинскаго соборнаго храма Пресвятыя Троицы.

(Говорено 24 мая; напечатано отдельно и в собраниях 1844 и 1848 гг.)

<1836 год>

*И бяху выну в церкви, хваляще и
благословяще*

Восхвалим и мы Бога, в Троице поклоняемого, Начальника и Совершителя всякого создания, во веки благословенного в церкви Святых. Ныне особенно да восхвалят Бога братия святого храма сего.

Труд многих лет наконец окончан. Заботы прекратились. Долгое ожидание исполнилось. Храм, усердием вашим воздвигнутый, благодатию Божиею совершен и освящен.

Не без заботы был и я свидетелем трудностей в его созидании. Здание предпринято было почти не по силам вашего малаго града. Надлежало не только созидать, но частью и пересозидать неблагословенно созданное. Надлежало по временам останавливать дело, потому что истощались средства продолжать оное. Видно, ревность ваша не изнемогла: потому что помощь Божия вас не оставила.

Радуюсь ныне с вами, не столько вашему облегчению от труда и заботы (хотя и сему радуюсь), сколько тому, что вы понесли труд Богоугодный, заботу душеполезную; и что Бог принял от вас дар усердия, потому что возниспослал на оный дар освящения.

Возблагодарим Бога, тако благоволившаго: возблагодарим не только словом, но наипаче сердцем и делом. Имев усердие к созиданию храма, имейте усердие ко храму созданному. Утешаясь им, как делом вашего усердия, почитите в нем дело благодати Божией. Пользуйтесь освященным храмом для собственного вашего освящения: ибо иначе для чего было бы и созидать и освящать оный?

Бог вездесущ, и потому не имеет нужды в храме, который для Него всегда мал и неместителен. Но человек ограничен: и потому имеет нужду в ограниченном явлении присутствия Божия. Бог снисшел к сей нужде человека: и благоволил быть храму, и даровал ему благодать особеннаго Своего присутствия.

Мы знаем одно состояние человечества, когда не нужен ему храм: — это состояние новаго Иерусалима, под новым небом, на новой земле: но сие самое доказывает надобность храма в других состояниях, и именно в том, в котором теперь мы находимся. Как особенную, отличительную черту новаго Иерусалима, Тайновидец указывает то, что в нем нет храма: *и храма не видех в нем* (Апок. XXI. 22). И, как-бы предусматривая, что сия необычайность покажется слишком поразительною и невероятною, что будут спрашивать, как можно быть граду Божию без храма Божия, он тотчас объясняет, почему это так: *Господь бо Бог Вседержитель храм ему есть, и Агнец*. Как-бы так сказал он: человечество там усовершено и возвышено до того, что твари не заграждают и не закрывают от него присутствия Божия; в сие святое присутствие входят там непосредственно, не имея нужды в особом святом месте, представительном сего присутствия. Нет нужды в храме: потому что человек живет в Боге и во Христе, как во храме, и в Нем Самом обретает без труда все, к чему мы подвигаемся проникнуть посредством храма. Если и там сотворенное око не объемлет света несотвореннаго, и потому нужно некоторое снисхождение и умерение света неприступнаго: то сие совершает там открытый свет Богочеловека Иисуса, Который Своим человечеством низводит и умеряет свет Божества, и Своим Божеством просвещает и блаженнотворит человечество. *Светильник его Агнец* (Апок. XXI. 23). Так, и потому не нужен храм в Иерусалиме новом. Но мы еще не в новом, сходящем с небес, Иерусалиме: следственно нам нужен храм. Еще тварь, еще собственная плоть наша, грубая, не очищенная, преграждает нам вход во святое, благодатное присутствие Божие: и так надобно, чтобы сие благодатное присутствие само себя отверзло для нас во святом храме. Еще небеса, куда вознесся Христос, свет наш, не отверзаются и не открывают нам сияния

славы Его: надобно нам пока хотя малое небо на земле, свет, хотя сокровенный в тайне; и сие можем мы обрести во храме, чрез молитву, чрез Слово Божие, чрез Таинства.

Обращаясь от конца времен к их началу, если бы мы не нашли храма и там: сие было бы не удивительно; потому что райский человек походит более на человека нового Иерусалима, нежели на нынешнего человека. Но можно сказать, что первый на земле храм Божий был самый рай, в котором Бог благодатно являлся человеку, в котором человек, освященный образом Божиим, был непорочным священником, в котором видимою, таинственною святынею было древо жизни; поелику от сего древа человек таинственно вкушал нетленную жизнь, подобно как мы ныне, на Трапезе Господней, от плода пшеницы и лозы, таинственно и существенно вкушаем бессмертную жизнь Божественного Тела и Крови Христовы.

С тех пор, как человек грехопадением сокрушил в себе образ Божий, и перестал быть живым храмом Божиим, потребность видимого, образовательного, тайноводственного храма Божия очевидно сделалась более ощутительною: и Священная история показывает, что сколько человек трудился над удовлетворением сей потребности, столько же, или еще более, Сам Бог споспешествовал тому.

От древних Патриархов, которые кочевали в шатрах, не естественно было бы требовать храма, по правилам зодчества создаваемого. Храм существовал у них сокращенно в жертвеннике: и мы многократно видим в их житиях, что Бог является, и в следствие того Патриарх созидает жертвенник, и обратно, Патриарх созидает жертвенник, и Бог является ознаменовать Свое благоволение над жертвенником и над создавшим его. Бог является Ною, сохраняя его от потопа, и тотчас по потоке *созда Ное жертвенник Господеву* (Быт. VIII. 20): Ной возносит всесожжение на жертвенник, и Господь вновь является благословить новый послепотопный мир. *Явися Господь Авраму: и созда тамо Аврам жертвенник Господу явльшемуся ему* (Быт. XII. 7). Иакову Бог сам повелевает создать жертвенник, и назначает для того место: *взыди на место Вефиль, и живи тамо, и сотвори тамо жертвенник Богу явльшемуся тебе* (Быт. XXXV. 1). Место, называемое *Вефилем*, то есть, *домом Божиим*, еще прежде Бог освятил, явсь на нем Иакову во время сна в видении над лестницею, соединяющею землю с небом. Создание Авраамом жертвенника, на котором он хотел, по повелению Божию, принести в жертву Исаака, было как-бы предварительное заложение Храма Иерусалимского, после, чрез несколько веков, на сем месте созданного.

Когда же Патриархальное племя, в котором от начала мира сохранилось ведение истинного Бога и откровений Его, возросло и образовалось в народ: тогда Бог под собственными распоряжениями устроил в нем храм Свой в большей полноте и совершенстве, сперва, под именем *Скиннии свидения*, подвижный и походный, применительно ко времени странствования народа Божия из Египта в землю обетованную, а потом в сей земле, неподвижный, в создатели которого также Сам назначил Соломона. Наконец, по разрушении сего храма вместе с Иерусалимом, за грехи народа, как скоро паки настало время помиловать народ, еще раз Сам Бог пекся и о восстановлении храма, послав Пророков Аггея и Захарию побуждать Иерусалимлян и всех Иудеев к созиданию онаго.

На основании всех сих событий можем утвердить решительно, что храм Истинного Бога в человечестве есть устройство Божие, а не человеческое. Но Богу не свойственно устроить иное на земли, как только благопотребное и спасительное для человеков. И так в устройении Божиим имеем мы свидетельство Самого Бога о том, колико храм Божий нам нужен и спасителен.

При сем может кто нибудь помыслить, что храм, о котором теперь говорено, был ветхозаветный, прообразовательный относительно ко Христу, еще тогда ожидаемому; а потому с исполнением прообразований, то есть, со времени пришествия Христова, он перестал быть нужным, почему и упразднен тою же особенною судьбою Божиею, которою прежде был устроен. Это правда. Однако сие не препятствует нам из Божественного установления храма во времена ветхозаветныя выводить заключение о важности и потребности храма во времена новозаветныя. Отделите от главной мысли храма придаточныя особенности храма ветхозаветнаго, — его приспособление к прообразованиям, к кровавым жертвам, к строгому закону обрядов: вот то, что достигло своего предела, и упразднено, как не нужное: но коренная мысль о храме, как о доме молитвы, как о святилище таинств, как о хранилище благодати, не есть исключительная принадлежность времен ветхозаветных; и потому не могла перейти с оными. Она свойственна и Христианству; и потому входит в оное со всею силою, какую прежде Христианства получила от Божия устройства. Сам основатель Христианства, Иисус Христос, не только посещал храм Иерусалимский, но и защищал его достоинство против оскорбления, когда изгнал из него продающих и купующих: это, без сомнения, не для того, чтобы поддержать храм, котораго скорое падение Сам Он предсказал, но для того, чтобы сохранить и в Христианстве мысль о святости храма Божия, и о должном к нему благоговении.

И Апостолы, даже по вознесении Господнем, когда так наполнены были Святыми образами сорок дней продолжавшихся явлений Господа Воскресшаго, и Его беседами о царствии Божием, не просто между собою благодарили и прославляли за сие Бога, но устремлялись во храм: *и бяху выну в церкви хваляще и благословяще Бога* (Лук. XXIV. 23). Даже и по сошествии Святаго Духа, когда Он очевидно и торжественно освятил их в живые храмы Божии, еще не излишним почитали они *восходить во святилище на молитву* (Деян. III. 1). Так свойственно благочестивому духу ощущение потребности в Божием храме, законно устроенном и Иерархически освященном!

Впрочем Апостолы пользовались ветхозаветным храмом только по нужде, на время. Поелику же многое в нем Христианству не соответствовало, и надлежало его непременно перестроить применительно к новому завету: то грубую работу разорить старое, Провидение Божие поручило язычникам Римлянам; а Христовым Апостолам и Богомудрым их преемникам Дух Святый преподал высокое искусство не зодчества вещественнаго, но духовнаго и Богодейственнаго устройства новых, собственно Христианских храмов.

Первоначальным образцом их послужила, без сомнения, та *горница велия* (Лук. XXII. 12), в которой Господь установил, и в первый раз совершил таинство Тела и Крови Своея. Он Сам ее для сего назначил, и, как верховный Архиерей, освятил: отсюда тот закон Христианскаго храма, по которому власть и назначить оный, и освятить, принадлежит Архиерею. Господь назначил горницу велию особенно для новозаветнаго таинства Тела и Крови Своея: отсюда закон, по которому всякий храм Христианский назначается особенно для сего таинства, так что некоторыя другия таинства могут по нужде быть совершаемы и в других местах; а сие непременно требует храма Иерархически освященнаго. В горнице велией Господь совершил таинство только при двенадцати Апостолах, причастниках сего таинства: отсюда закон, по которому во храм Христианский, особенно на время таинства Тела и Крови Христовы, допускаются только способные быть причастниками сего таинства, а не удостоившимся крещения и отлученным от таинств диакон велит изыти из храма на сие время.

Но я не распространюсь более о законах Христианского храма, которые впрочем также показывают, как важна потребность онаго, и как высоко достоинство.

Замечу о благопотребности храма в Христианстве еще одно, что и те избранные подвижники Христианства, которые в совершенном удалении от мира, в возможном отречении от всего чувственного, в пустынях и недоступных местах проводжали равноангельную жизнь, входили в общение с небесными силами, получали откровения вещей Божественных, сподобились быть, и делом явились духовными и Богоносными, – и они при всем том еще должны были пользоваться благодеяниями храма Божия, именно, приобщением Тела и Крови Христовы, как можно примечать особенно из того, что Провидение Божие не редко употребляло необычайные, даже чудесные, средства, чтобы доставить им сие напутствие пред их отшествием в вечность. Для примера именую Преподобную Марию Египетскую, которой и по толиких подвигах, и по толикой благодати, нужен был последний дар – причастие Трапезы Господней; и, чтобы ей доставить сей дар, каким непонятным, но вместе каким верным движением подвигнут был Богодвижимый воистину Зосима!

Сии размышления о происхождении, достоинстве и благопотребности храма Божия, и особенно Христианского, да будут в особенное утешение тем, которые здесь своим усердием споспешествовали делу столь Богоугодному и душеспасительному; всем же нам да будут в напоминание и побуждение, чтобы тщательно пользоваться храмом Божиим, как великим для нас даром Божиим, или паче, как великою сокровищницею много различных даров Божиих. Посещайте Храм Божий прилежно; пребывайте в нем благоговейно; участвуйте здесь в молитвах и славословиях сердечно; слушайте возвещаемое Слово Божие внимательно, не так чтобы только слышать и на время занимать свое любопытство, но так чтобы слышанное прилагать к своему сердцу, сохранять в памяти, возобновлять в размышлении, обращать в дело и жизнь.

Требовать ли от нынешних Христиан, чтобы они были *выну в церкви, хваляще и благословяще Бога?* – Опасаюсь, что скажут: как это возможно? Когда же делать дела домашние! – Однако, братия, это как-то было возможно, и без требования исполнялось в начале Христианства: *бяху выну в церкви, хваляще и благословяще Бога.* Впрочем согласимся, что это не для всех. Церковь не требует, чтобы все вы отвергли ваши домашние дела: но желает, чтобы все привели в порядок ваши дела душевные. Делайте ваши земные дела во дни, которые всем Бог для того предоставил: *шесть дней делай, и сотвориши в них вся дела твоя* (Исх. XX. 9): хотя, правду сказать, между нами есть такие, которым и шесть дней в неделе не все нужны для дел, и не все на дела употребляются. Но я уже не оспариваю у вас дней, которые предоставил вам Бог. *Седьмой день Суббота Господу Богу твоему.* День Воскресный, день освященный для праздника, или для поста, должен решительно и вполне принадлежать Богу и его храму. По крайней мере в сей день будьте *выну в церкви*, участвуйте, по возможности, во всяком Богослужении храма, и дома паче других дней одушевляйте себя духом церковным, духом молитвы и благоговения к Богу, возвышением сердца над всем земным и мирским. Если в день праздничный церковь полна, дома пусты, улица и торжище безмолвствуют: вот прекрасный вид Христианского града, на который и от небеснаго града посмотреть не стыдно! Тогда благословение небесное, как *роса Аермонская на горы Сионския* (Псал. CXXXII. 3), нисходит на храм и на пребывающих в нем; от храма приносится ими в дома; день праздничный благословляет дни работные, и дела человеческия делаются лучше и успешнее, потому что не пренебрежено дело Божие, потому что освящена Суббота Божия. Но если и в праздник к утреннему Богослужению храма не пускает нас леность и сон, к дневному – неуместное дело мирское, к вечернему – опять мирское веселие, или леность и отвычка: отдаю на суд вашей совести, Христианские ли это обычаи!

Господи! Даруй людям Твоим, на них же наречется имя Твое, духовно возлюбители благолепия дому Твоего и место селения славы Твоея (Псал. XXV. 8); да соделаются истинными чадами дому Твоего, и в крове крилу Твоею не постыдно надеяться имут; да упиются от тука дома Твоего, и потоком сладости Твоея напоиши я (Псал. XXXV. 8. 9). Аминь.

CCVI.

125. Слово

в неделю вторую по Пятидесятнице.

(Напечатано в собраниях 1844 и 1848 гг.)

<1836 год>

*Она же абие оставльше корабль и отца
своего, по Нем идоста. Матф. IV. 22.*

Евангелие показывает нам ныне, с какою властью Господь наш Иисус Христос призывал избранных к последованию за Ним, и в служение Апостольское; и, соответственно тому, с каким послушанием, и с какими пожертвованиями, они последовали Его призыванию. Власть призывающего являет в Нем силу Божественную: послушание призываемых вразумляет нас о долге Христианском.

На берегу моря Галилейского четверо рыбаков занимались своим делом. Двое закидывали сети, начиная лов: другие двое, в другом месте, поправляли сети, видно, поврежденные во время лова. Идет некто по берегу, и говорит двум первым: идите за Мною; и Я сделаю вас ловцами человеков. Петр и Андрей могли узнать в призывающем Того, Котораго Иоанн Креститель указал им на Иордане, и назвал *Агнцем Божиим*; и Который, при первой встрече с незнакомым Симоном, не только назвал его по имени, но и преднарек ему новое имя Петра, тогда не понятное и загадочное. Сии воспоминания должны были возбудить в Петре и Андрее почтительное внимание к словам призывающего Иисуса. Но при сем нельзя было им не заметить и того, что призывающий был странник, беспомощный, не имеющий ни собственного дома, ни богатства, ни звания в обществе, почетного или начальственного. Как же вдруг пойти за Ним? Куда итти за человеком, который не имеет, где преклонить голову? Петр и Андрей имели какую нибудь хижину, имели лодку, сети, рыболовный промысл, и от того пропитание: как бросить сие, чтоб итти за тем, который и сего не имеет? – Но Он сделает *ловцами человеков*? – Что это значит? Как это возможно? Люди ловят людей в свою власть, подчиненность, зависимость, в свою волю, посредством предварительной власти над некоторыми людьми, посредством богатства, посредством разнообразного светского искусства, посредством сильных, богатых, образованных сообщников и единомышленников: ничего такого не имеют ни призывающий, ни призываемые быть ловцами человеков. Посему чего бы естественно должен был ожидать призывающий Иисус от Петра и Андрея? – если не решительного отказа, то нерешимости, раздумья, колебания и борьбы между порывами на зов необыкновенный и привязанностию к быту обыкновенному, между желанием и надеждою неизвестного великого, и между опасением потерять известное малое, и не приобрести ничего. И что же напротив оказалось? – Решимость быстрая, готовность полная, последование зову неотсроченное ни на минуту. Петр и Андрей не остановились даже, чтобы передать свои рыболовные сети, дабы оне без пользы не пропали, или не сделались добычею хищника. Они просто их бросили. *Она же абие оставльше мрежи, по Нем идоста.*

Иисус идет далее по берегу, и подобным образом зовет других двух рыбаков, Иакова и Иоанна. Действие зова оказывается подобное прежнему, и, может быть, еще более удивительное. Из Евангельской истории не видно, чтобы Иаков и Иоанн так рано, и так благоприятно предварены были о Иисусе, как Андрей и Петр: тем более удивительно, что и те приняли зов Его также безпрекословно, как сии. Иаков и Иоанн, чтоб идти за Иисусом, должны были оставить то, что гораздо дороже рыболовных сетей, – оставить отца своего: но и сила сыновней любви, вместе с прочими противоборными чувствованиями и помышлениями естественными, не могли стоять против силы слова Иисусова: *она же абие оставльша корабль и отца своего, по Нем идоста.*

Что же это за сила, которая в немногих звуках слова Иисусова действует так внезапно, так неестественно, так победоносно над сильнейшими естественными привязанностями, чувствованиями, умопредставлениями? – По самому действию необходимо должно признать, что это сила вышеестественная, следственно Божественная, – сила слова Божия *живаго и действеннаго* (Евр. IV. 12), – глагола, который *не возвращается тощ* (Ис. LV. 11) к изрекшему его, Слова, – которым *вся быша* (Иоан. I. 3). То же Слово, соприисущное Богу Отцу, Которое в начале мира непостижимым, Божественным образом *рече, да будет свет: и бысть свет* (Быт. I. 3), и вообще: *рече, и быша: повеле и создашася* (Пс. XXXII. 9), теперь облекшись в одежду человеческого естества, с тою же Божественною властью глаголет человеческим гласом, и глаголемое творится; тварь неудержимо никакими препятствиями устрояется и движется по гласу Творца; человек идет за Бого–человеком; рыбак делается Апостолом.

Из сказанного доселе усмотрим, братия, к нашему назиданию и утешению, сколь благотельно для нашея веры Господь Иисус повсюду являет Божество Свое и спасительную силу Свою; сколь дивная сила обитает в Слове Его, исшедшем из уст Его; и сколь богатое сокровище Божественной и спасительной силы предано нам в наследие в словах Господних, сложенных, как в некоей сокровищнице, в Святом Евангелии.

Но при сих размышлениях о Божественном могуществе Слова Христова, надлежит принять в разсуждение и то, что сие Слово, всегда одинаково могущественное само в себе, неодинаково простирает Свое могущество на твари. Когда Оно глаголет твари, как твари: тогда она покорствуется Ему необходимо. Так Иисус *запрети ветру, и рече морю: молчи, престани; и улежсе ветр, и бысть тишина велия* (Марк. IV. 39). Но когда Слово Божие глаголет твари, как существу разумному и свободному: тогда предоставляет ей свободно внять глаголемому, и принять спасительную силу и действие глагола. Так глагодал Господь Петру и Андрею: *грядита по Мне*; и сим не только побуждал их следовать за Ним, но и давал им силу исполнить сие, и преодолеть все препятствия: однако не принуждал их, а предоставлял им свободно принять слово, и силу слова, повеление, и благодать исполнения. И потому, прославляя Божественную силу слова Христова, мы не должны оставить без замечания и человеческую в Апостолах добродетель послушания слову Христову.

Как быстро подвиглась их свободная воля во след призывающего слова Христова: *абие, тотчас!* Как верно за намерением последовало самое дело: *по Нем идоста!* Как безусловно всем для сего пожертвовано: *оставльша мрежи, – оставльша корабль и отца своего!*

И вот, братия, и для нас пример, и указание общего Христианского долга – послушания слову Христову, – послушания скорого, неуклонного, деятельного, никакими препятствиями не побеждаемого, на все жертвования готового. Ибо не одним Апостолам так могущественно глагодал Христос: но с тою же Божественною силою глаголет и всем Христианам, или желающим быть Христианами: *покайтесь и веруйте; –*

бдите и молитесь; – будите милосерди; – да любите друг друга; – глаголет, и вместе подает благодать исполнения. Самое повеление итти за Иисусом, хотя не в том смысле, чтобы всем быть ловцами человеков, но чтобы самим быть уловленными во спасение, относится ко всем Христианам, как не трудно усмотреть из другого изречения Его: *аще кто Мне служит, Мне да последствует* (Иоан. XII. 26). Служить Христу, без сомнения, обязан каждый Христианин; следственно и последовать Ему должен каждый. Долг, которого нарушение тем неизвинительнее, что дающий повеление, дает вместе и силу исполнять оное, только-что не принуждает.

Испытаем себя, Христиане, и возбудим. Господь призывает нас, чтобы Ему служить, и Ему последовать, и куда последовать? – *Идеже есмь Аз*, говорит Он, *ту и слуга Мой будет* (Иоан. XII. 26). Какую высокую цель Он указывает нам! И Он же дает силу достигать оной. Что же мы? Может ли каждый из нас, не запинаясь совестию, сказать: *готово сердце мое, Боже, готово* (Пс. LVI. 8)? Если и кажется в лучшие минуты наши, что душа наша *исходит в слово Его* (Песн. V. 6): идут ли также и дела наши во след Его повелений и заповедей? Мрежи земных забот, привязанностей, пристрастий, не опутывают ли наших ног, направляемых во след Господа? Видя истинный путь Господень, и слыша призывание на оный, не говорят ли некоторые: что же нам делать с нашими родителями, с нашими знакомыми, с нашими общественными связями, с нашими выгодами, которых не лъзя взять с собою на сей путь? Да! *Узкий путь*: не лъзя увлечь по нем за собою многого. Но надобно вспомнить, что нет инаго пути за Христом, ко спасению, кроме узкаго, и что не лъзя притти ко спасению, если не вступишь самым делом на истинный путь спасения. Если, не обманывая себя, желаешь спастися: то будь верным последователем Христа, по пути истинной веры Его и заповедей Его, и как можно, оставляй позади себя все, что не может, или не хочет, проходить с тобою путем тесным, но единым спасительным.

Господи, в силе Слова Твоего посли нам благодать последования Тебе! *Влецы нас в след Тебе, в воню мира Твоего течем* (Песн. I. 3). Аминь.

CCVII.

126. Слово

по освящении храма святителя Иакова, в первоклассном

Ставропигиальном Иаковлевском монастыре.

(Говорено Июня 14 дня; напечатано

в Христ. Чт. 1836 года и в собраниях 1844 и 1848 гг.)

<1836 год>

Говорить ли мне здесь? Тратить ли для соседней нивы семя слова, которого запас в моей малой кошнице слишком скуден для насеяния участка земли, собственно мне указанного Небесным Земледельцем? Не дерзновенно ли отверзаю мои уста, здесь, где, кажется, еще не совсем замолкло духовное вместе и витийственное слово Святителя Димитрия, где сильнее всякаго слова говорят дела его, и единочестных предшественников его, Иакова, Игнатия, Исаии, Леонтия, – не только поучительныя дела святой и святительской жизни, но еще более чудныя дела, совершаемыя среди гробоваго покоя? Не лучше ли в благоговейном безмолвии смотреть на сию, так давно святую землю, на сей древний вертоград и рассадник святыни и преподобия, где рано процвел Авраамий, откуда

пересажен многоплодный добродетелями и дарованиями, многоветвистый учениками, Сергей, откуда Иов возрас до неизвестной прежде на Севере высоты Патриаршества, где родоначальник Царей святительствова, и готовился поддержать потрясенный первосвятительский в России престол? И так умолкнуть? –

Но не само ли Слово Божие изрекло закон слова человеческого: *от избытка сердца уста глаголют* (Матф. XII. 34)? Не хвалилось ли некогда слово свободою искренности пред Самим Богом: *се устнам моим не возбраню; Господи, Ты разумел еси; правду Твою не скрых в сердце моем, истину Твою и спасение Твое рех, не скрых милость Твою и истину Твою от сонма многа; благовестих правду в церкви велицей* (Псал. XXXIX. 10. 11)? Нет, не возбраняйте устнам моим немощным, сильные Богом служители и творцы слова, но паче, данную вам благодатию, уврачуйте мою немощь, восполните мое оскудение, как на не многия минуты настоящего слова, так и на весь остаток моего недостойного служения слову, если какой сохраняется еще мне долготерпением и благодатию Небесного Пастыреначальника.

Се, устнам моим не возбраню. От избытка сердца возглаголют уста мои. Реку истину Твою и спасение Твое, Господи.

Благословен Бог, Который дарует храм Свой человеку! – Не подумайте, что я обмолвился. Точно, Бог дарует храм свой человеку, когда, по видимому, человек создает храм Богу. *Кий дом созиждете Ми?* – вопрошает Бог через Пророка (Иса. LXVI. 1). И человек не может найти на сие ответа. Как можно создать дом Безконечному, Невместимому? Как определить особое жилище Вездесущему и вся Исполняющему? Храм без присутствия Божества напрасно именовался бы храмом Божиим: но как ввести в храм земный присутствие Бога небесного, в видимый невидимаго, в вещественный высочайше духовного? Разум человеческий, путем естественного рассуждения, не дошел бы до разрешения сей задачи, как-бы ни сильно чувствовал потребность ближайшего и удобнейшего сообщения с Богом, яко источником всякого блага, если бы не разрешила оной премудрость Божия, в тайне сокровенная. Бог безконечный Сам применил Себя к мере человека ограниченного; снисшел (не существом, а действием) от вечности во время, от вездесущия в место, явил свое присутствие в благодатных знамениях и действиях, как на пример, Иакову в видении лестницы, соединяющей землю с небом: и мысль об особенном месте присутствия Божия родилась, и дом Божий основался, как сие именно видно в словах Иакова: *есть Господь на месте сие; страшно место сие: несть сие, но дом Божий, и сия врата небесная; и прозва Иаков имя месту тому: дом Божий* (Быт. XXVIII. 16. 17. 19). Так *дом Божий*, по благодати Божией, явился между людьми, сперва в жертвенниках, потом в скинии Моисеевой, далее в храме Соломоновом, и наконец с обилием благодати является в храмах Христианских.

Благословен Господь наш Иисус Христос, с особенным обилием являющий милость Свою, и истину Свою, и спасение Свое, во храмах Нового Своего Завета! Нкогда во всем мире был один только храм истинного Бога; но Господь наш и над храмом совершил нечто подобное притче, которою изобразил Самого Себя: *аще зерно пшенично пад на земли не умрет, то едино пребывает; аще же умрет, мног плод сотворит* (Иоан. XII. 24). Суд Божий над ветхозаветною Церковию поверг на землю единственный в мире, Богоугодный некогда и облагодатствованный храм, и ветхое зерно умерло: но вместо того благодать Нового Завета произрастила по всей земле безчисленные храмы Христианские. Нкогда один только Давид осмелился желать создания храма, и одному только Соломону даровано исполнить сие: какая же милость Господня, что ныне так невозбранно многие, по мере усердия, по благословению Церковного Священноначалия, могут участвовать в деле Соломоновом, и один человек может соединить в себе и

Давидово желание и Соломоново исполнение! Сколь щедро Зиждитель Христианства разсыпает по земле храмы новозаветные: столь же щедро полагает в них сокровища благодати и спасения. *Яже начат Иисус творити же и учити* (Деян. I. 1) во храме, в Иерусалиме, по всей Иудее и Галилее, в синагогах и домах, в селениях и в пустынях, – не все ли сие продолжается и повторяется в наших храмах посредством чтения Евангелия: Не преувеличиваю, когда говорю: продолжается и повторяется посредством чтения Евангелия; ибо это не просто слово и сказание, но вместе сила и действие, – слово, которое тогда, выходя из уст Иисуса, на пример, изгоняло бесов, и ныне, выходя из Евангелия, также ужасает их, карает и обращает в бегство. Чем дивна и небоподобна горница тайной вечери Господней, и дом сошествия Святаго Духа: не тем же ли самым святы и наши храмы, куда еще приходит Христос приобщать Своих Своего Тела и Крови, ибо приобщение Тела и Крови Его конечно не может быть в Его отсутствии; – где еще сходит Дух Святой, освящая служителей слова и таинств, и тайнодействия, ими совершаемые, ибо как чрез рукоположение Апостольское продолжалось сошествие Святаго Духа на рукополагаемых, так и доныне в рукоположении священства продолжается рукоположение Апостольское?

Благодарно благословим Господа и за то, что даровав храмам новаго Своего завета высокую благодать своего Божественнаго, спасительно действующаго присутствия, благопрмыслительно присовокупил к тому посредствующий благодатный дар – общение Святых. Ибо если и в небесной Иерархии, как поведает нам Богопросвещенные созерцатели, не все равно способны непосредственно принимать Божественный свет, но блаженные духи высших чинов передают оный блаженным же духам низших степеней; то кольми паче для нас, сущих на земли, полезно и благопотребно быть может, под единым верховным Ходатаем Бога и человеков, Богочеловеком Иисусом, подчиненное благодатное посредничество Святых, дабы всевышняя благодать Божия, часто неудободосязаемая нами, по недостатку чистоты ума и возвышения сердца, по отягчению духа плотию, по несообщимости высочайшей чистоты Божией с неочищенным от греха естеством, – дабы благодать Божия сама нисходила к нашей низости, и ближе приспособлялась к частным и постепенным потребностям нашим, посредством частных и постепенных дарований, которые Дух Святой разделяет Святым. По сему-то, думаю, и в сем-то смысле первенствующая Церковь *общение Святых* явственно признавала членом веры, как то можно видеть из некоторых древних символов веры. По сему-то, думаю, и Апостол, как на важное преимущество Церкви Христианской, указывает на ее общение с Церковию небесною. *Приступисте, говорит, к Сионстей горе, и ко граду Бога живаго, Иерусалиму небесному и тьмам Ангелов, торжеству и Церкви первородных на небесех написанных, и Судии всех Богу, и духом праведник совершенных* (Евр. XII. 22. 23). Но если бы кто спросил нас, когда же, и где мы приступили, или приступаем к торжествующей небесной Церкви, как является, и чем знаменуется наше с нею общение; то сему испытанию нельзя удовлетворить очевиднее и проще, как разве указать на Христианский храм справедливо и знаменательно называемый *Церковию*, не только по тому, что собирает в себе Церковь земную, но и потому, что соединяет ее с Церковию небесною. В нем не только благоговейно чтится память Святых, и призывается молитвенное их предстательство с таким постоянством и порядком, что, можно сказать, все светила духовнаго неба в известных кругах времени обращаются окрест Церкви, сущей на земли; но и многообразная благодать, данная Святым, как в некоей сокровищнице от всех времен и мест собирается, неповрежденно сохраняется, щедро в пользу всех и каждого употребляется. Здесь даже доныне Дух Святой ударяет в струны Давидовой Псалтири, и оглашает вас ея Богодвижными звуками. Даже доныне Моисей, Анна, Аввакум, Исаия, Иона, Даниил, Захария, воспевают с нами свои пророческия песни, и дышат на нас духом своей молитвы. Даже доныне, каждый день, сама Пресвятая Дева отверзает свое преисполненное Божественною любовью сердце к нашему сердцу, и возглашает свое

превыше-серафимское величание Господа. Даже доныне Василий и Златоуст влагают в наши священнослужашая уста свои священнодейственные глаголы. Даже доныне здесь Ефрем поучает, Дамаскин песнословит вместе и богословствует, Савва освященный управляет чином Церковных молитвословий, и – чтобы вспомнить хотя одного и из наших некогда единомыслителей, а теперь небожителей, видимо связующих земную Церковь с небесною, – Димитрий ежедневно чредою призывает Святых показать нам для подражания их Богоугодную жизнь и подвиги. Что сказать о древнем священном установлении полагать части телес святых Мучеников и других Святых в наиболее священном месте храма? Не представляется ли в сем осязательная точка благодатного соприкосновения Церкви земной с небесною, из коих одной принадлежит дух праведника совершившагося, а другая еще обладает его телом, не чуждым и духа, потому что оно оказывает действия в высшей степени жизненные, каковы суть целебные? Что сказать о другом Церковном обычае, по которому храм, посвящаемый всегда собственно Богу, иногда приписуется имени одного из Святых, как и освященный ныне храм приписан имени Святителя Иакова? Просто ли это обычай? Для различения ли только и памяти наименование? – Нет. Богомудрые установители Церковных обычаев не могли действовать без мысли; в Церкви нет ничего не значущаго. Во всех явлениях ея живет сокровенная благодатная сила; во всяком слове изрекается дух. Если мы при освящении наименовали храм сей храмом Святителя Иакова: то сим самым поручили ему храм, благоговейно пригласили сего Святителя быть его покровителем и начальником; и Святитель, живущий в Боге человеколюбец, по человеколюбию, без сомнения, не отрекся от сего приглашения. Какое утверждение храму! Какая помощь нам немощно и недостойно служащим! Какое утешение вам предстоящим! Праведник совершенный невидимо настоятельствует здесь посреди нас; он, как достойный, пространнее отверзает токи благодати, более или менее преграждаемые нашим недостойнством; он подкрепляет наше немощное служение, и дополняет недостатки онаго; он возносит и неокриленные молитвы наши и ваши, в пренебесный жертвенник Божий. Благословен Бог, дивный во Святых своих!

Наконец, братия святого храма сего и обители сея, благодарственно благословим Бога и за сей собственно новосозданный храм: ибо *еще не Господь созиждет, все трудящиеся зиждущи* (Пс. СХХVI. 1). Он благословляет начинание, и дарует совершение. Он, владыка сердец Ему предающихся, и не имеющую в вашем храме нужды руку движет на помощь вашей нужде. Он и благоугодность дела, и благоприятие приношений, и благопромышление о нашем спасении запечатлел новониспосланным освящением.

Скрою ли и остальное в сердце моем? – *Благослови душе моя Господа, и вся внутренняя моя имя святое Его* (Пс. СII. 1). Благословени вы Господеви, Святителие Иакове и Димитрие, благословением и молитвами вашими сподобившие меня не только припасти к святыне вашей, но и священнослужить под вашим священноначалием.

Всем же слышавшим теперь мои малая помышления о великой и многоразличной благодати Божией во храме, говорю словом Апостольским: *да имамы благодать*, столь щедро нам подаваемую; и *ею да служим благоудно Богу, со благоговением и страхом* (Евр. XII. 28). Аминь.

ССVIII.

127. Слово

в день обретения мощей Преподобнаго Сергия.

(Говорено в Троицкой Сергиевой Лавре, 5 июля;

напечатано в Христ. Чтении 1837 г. и в собраниях 1844 и 1848 гг.)

<1836 год>

Рече же ему Господь его: добре, рабе благий и верный, о мале был еси верен, над многими ты поставлю. Матф. XXV. 21.

Сие сказано в притче о царствии небесном. Следственно в сих словах представляется закон царствия небеснаго: кто на деле оказывается верным в малом, тому дается полномочие на многое.

Хотите ли видеть в действительном бытии то, что слышите в иносказании притчи? Можете еще на земле усматривать, как действует закон царствия небеснаго в людях, которых Царь Небесный особенно избрал, испытал в верности, обрел *верными в малом*, и потому *поставил над многим*, и прославил, как высокия и сильныя орудия своего царствия.

Укажем на то, что ближе. Многое ли имел Преподобный Отец наш Сергей, когда избрал для себя сие место, или лучше, когда Бог избрал его, чтобы благословить чрез него и сие место? – Удобнее сказать, чего он не имел, и что оставил, нежели, что имел. Он оставил звание, родительский дом, наследство; нашел здесь пустыню безлюдную, непроходимую, не совсем безводную для одного, но для жительства многих даже водою скудную; построил хижину и малый храм, но не имел в нем священнодействующаго; иногда не имел в хижине хлеба, а в храме обычного светильника для ночных молитвословий. Один можно было примечать рано данный ему талант: – это желание служить Богу; но только время открыть могло, чистаго ли золота сей талант, и до какого степени обогатит он делателя. И что же открыло время? Смотрите, сколь *над многими поставлен сей верный о мале*. Как во многом небесном был он уполномочен, когда еще жил на земле! Как на многое земное простирает свое полномочие и теперь с неба! Не высоким ли небесным полномочием действовал он, когда, на пример, жизнь умершему призвал, или когда избавлению отечества от ига неверных не просто советом и молитвою, но прозрением и предсказанием споспешествовал? Что может быть сильнее и обширнее сего полномочия, которое возмогло дикую пустыню превратить в вековую обитель, и которое благотворныя влияния и действия, – благословение, охранение, утешение, исцеление, помощь в добре, помощь противу зла, распростирает по векам, по местам, по людям, так что, по благодати дивнаго во святых Бога, нельзя указать сему ни конца, ни предела?

Вот удивительный, очевидный опыт, как в царствии Божиим *верный о мале* *поставляется над многими*. Но я говорю о сем не для того, чтобы только удивляться, а чтобы учиться. И потому, показав вам в частном опыте действие общаго закона, поспешаю возвратить внимание ваше к самому сему закону, который, как общий закон царствия Божия, должен касаться до всех, и до каждого из нас, если желаем принадлежать царствию Божию.

Кто бы ты ни был, желающий себе царствия небеснаго, притча о царствии небесном сказана и к тебе. Итак, если хочешь достигнуть желаемаго: то надобно и тебе достигнуть того, чтобы тебе сказано было сие одобрительное слово: *добре, рабе благий и верный, о мале был еси верен*. Ибо, если сего не достигнешь: то, по необходимости, случится противное сему: тебе сказано будет: *лукавый рабе и ленивый*; а в след за сим: – *неключимаго раба вверзите во тьму кромешнюю* (Матф. XXV. 26. 30). Если сего

ужасаешься: то позаботься *о верности*. Не почитай маловажным и того, чтобы *о мале быть верным*.

Как Христиане, мы охотно называем себя *верными*, и в сем наименовании полагаем надежду спасения, так как напротив наименование *неверного* представляем себе и ненавистным и погибельным. И справедливо. Сей образ мыслей есть Евангельский и Апостольский. *Кая часть верну с неверным?* говорит Апостол (2 Кор. VI. 15). И как часть верного есть спасение, по слову самого Иисуса Христа: *иже веру имет и крестится, спасен будет* (Мар. XVI. 16): то противоположная часть неверного должна быть погибель.

Но, чтобы нам не обмануть самих себя, нужно со вниманием рассмотреть вопрос: кто имеет полное право называться верным, и потому имеем ли мы сие право?

Скажет ли кто: я имею полное право называться верным, потому что верю Христианскому учению о Боге? – Боюсь, чтобы такому не сделал сильного возражения Апостол: *ты веруеши, яко Богъ един есть; добре твориши: и беси веруют, и трепещут* (Иак. II. 19). Однако их никто не называет верными.

Видите, что вопрос, по видимому, простой, становится труднее, при углублении в его исследование. Усиьте же внимание, чтобы победить затруднение.

Применяя свойство нашего языка к духу Евангельского учения, кажется, без опасения погрешности, можем мы в полном понятии *веры* признать три подчиненные и составительные понятия: *уверенность, доверенность и верность*. Когда Апостол говорит, что без *веры не возможно угодити Богу; веровати же подобает приходящему к Богу, яко есть, и взыскающим его мздовоздатель бывает* (Евр. XI. 6): он указывает сим особенно на начальную часть веры, на *уверенность* в истинах Богопознания, на веру ума. Но когда тот же Апостол в другом месте говорит о Аврааме, что он *верова Богу, животворящему мертвыя, и нарицающую не сущая, яко сущая; что он паче упования во упование верова* (Рим. IV. 17. 18): здесь представляется уже не простая вера ума но более глубокая и более сильная вера сердца; это безусловная преданность человека Богу, неограниченная *доверенность* к обетованиям благодати, не имеющая нужды ни в каком речительстве доводов и удостоверений; это решительное направление души к Божественному² как-бы естественно встречающееся с благодатию Божиею. Сюда принадлежит вера приемлющая спасительную силу таинств, и, в особенных случаях, ознаменуемая дарами чудодейственными. Но что и сего рода вера, даже чудодейственная, может иногда быть неполною, неоправдательною и неспасительною, в том не позволяет сомневаться грозное, поистине, изречение Христово: *мнози рекут Мне во он день: не в Твое ли имя пророчествовахом, и Твоим именем бесы изгонихом, и Твоим именем силы многи сотворихом; и тогда исповем им, яко николиже знах вас; отъидите от Мене делающии беззаконие* (Матф. VII. 22. 23). Итак необходимым дополнением веры, чтобы она была оправдывающею и спасительною, должна быть *верность*. На сие дополнение веры указывает Апостоль, когда говорит: *праведный от веры жив будет; и аще обинется, не благоволит душа Моя о нем. Мы же братие несмы обинования в погибель, но веры в снабдение души* (Евр. X. 38. 39). *Вера* противоположная погибельному *обиновению*, колеблемости, отступлению вспять, непостоянству, измене, есть *верность*, – верность Богу и Христу в неизменном исповедании православных веры, верность в отношении к заповедям Божиим, состоящая в неленостном их исполнении, верность в отношении к таинствам, дарованиям, служениям, в тщательном употреблении оных по намерению Божию, во славу Божию.

Теперь, кажется, открылось, что полное право на спасительное наименование *верных* не так легко приобрести, как легко мы присвоаем себе сие наименование, не думая о праве.

Если хочешь действительно принадлежать к числу *верных*, над которыми должно исполниться предуставление Христово: *иже веру имет и крестится, спасен будет*: то не только мысленно веруй, что Бог есть, что Он ищущих Его награждает, что по неизреченному человеколюбию, Он послал Единородного Сына Своего на землю, дабы открыть нам путь спасения, и Духа Своего Святого, чтобы нас облагодатствовать и освятить; не только без пытливости разума, с доверенностию принимай неизъяснимыя таинства веры; но предайся вере всею душою своею, и всею жизнью своею, так, чтобы вера была главною мыслию твоей жизни, и вся твоя жизнь выражением веры; наконец, будь верен Царю Небесному, которому, кроме того, что принадлежишь по праву естественному, как Творцу и Господу всего, сверх того добровольно вписался ты в службу, когда вступил в Христианство; будь же неизменно и постоянно верен Его имени, Его повелениям, Его службе, Его дарованиям и талантам, которые Он вверяет нам, *комуждо противу силы его* (Матф. XXV. 15).

Вероятно, многие из нас не довольно опасаются сделаться неверными пред Богом, потому, что представляют себе неверность только в большом виде, а не обращают внимания на неверность в малом. Если бы кто сказал нам: *идем, да послужим Богом иным* (Втор. XIII. 2): кто не ужаснулся бы одной мысли о толикой неверности? В сем случае самая великость зла уменьшает опасность подвергнуться оному. Сделаться неверным о *мале* не так страшно: и опасность, по виду маловажности пренебрегаемая, тем удобнее постигает неосторожных.

Иной успокоивает себя мыслями: я не то, что лукавый раб, который зарыл данный ему талант в землю, и ничего доброго не сделал; я нечто делаю; то еще не беда, если некоторые лепты моего таланта остались без прибыли, или вовсе потеряны; что некоторые заповеди или обеты не исполнены; что некоторые дни года или часы дня не посвящены Богу, как бы надлежало; что некоторые средства добра употреблены небрежно, или обращены только к удовольствию собственному. Ах, клевет мой! Ты не так рассуждаешь, как судит праведный Господь наш. Только *верному о мале* Он дарует многое: следственно, попуская себе умышленно неверность в малом, ты сам себя лишаешь права на многое. И если за неверность в малом ты не получишь от Господа многого; да и малое утратишь неверностию: то с чем ты наконец останешься?

Лукавое самооправдание дерзает иногда говорить и то, что быть верным о *мале* не стоит труда; и что можно было бы больше быть верным, если бы больше было вверено. Заградим и сии безстыдные уста словом Господним: *верный в мале, и во мнозе верен есть, и неправедный в мале, и во мнозе неправеден есть* (Лук. XVI. 10). Кто из рубля крадет или расточает: не то же ли сделает из тысячи? Так и в духовном: неверному в малом дары большие были бы только случаем к большей неверности. Не щедрости недостает у Бога, чтобы дать человеку вдруг многие и высокие дары благодати: но, чтобы предохранить от крайнего осуждения за неверность в великом, Он испытывает его в меньших служениях, и тем приготавливает к большим дарованиям.

Сими и подобными размышлениями потщимся, братия, часто возбуждать себя к верному во всем хождению пред Богом. Потщимся быть верными пред Ним в употреблении даров природы, да ниспослет нам высшие природы дары благодати; верно сохраним начатки благодати, да сподобимся дарований больших; как же скоро усмотрим в сем нашу неверность, будем по крайней мере верны в признании и исповедании грехов наших, и – Бог *верен есть и праведен, да оставит нам грехи наша, и очистит нас от всякия неправды* (Иоан. I. 9); и за сию верность в малом, – в покаянии, воздаст нам обилием душевнаго мира и вечнаго спасения. Аминь.

ССІХ.

128. Слово

в день введения во храм Пресвятыя Богородицы.

(Напечатано в Христ. Чтен. 1836 г. и в собраниях 1844 и 1848 гг.)

<1836 год>

*Явися бо благодать Божия спасительная
всем человеком, наказующи нас, да
отвергшеся
нечестия и мирских похотей, целомудренно
и
праведно и благочестно поживем в
нынешнем
веце. Тит. II. 11. 12.*

Если память жизни и деяний Святых естественно приводит к размышлению о добродетелях и совершенствах, которыми жизнь их была ознаменована: то к настоящему торжественному воспоминанию посвящения Богу Преподобнословенныя и Пречистыя Девы Марии что может быть ближе, как размышление о девстве и целомудрии?

Ибо не Она ли положила твердое основание девства? Не Она ли возвела оное до безмерной высоты?

Мир ветхозаветный ревновал о чадородии, а потому и о браке, домогаясь родить Спасителя мира. Он так мало понимал и чтит девство, что девство, навсегда чуждое брака, было для него предметом оплакивания. Дщерь Иеффая, которая должна была умереть, *не познав мужа*, не только *иде сама, и другини ея, и плакася девства своего на горах*, но и после смерти *от дней до дней исхождаху дщери Израилевы плакати о дщери Иеффая Галаадитина четыре дни в лете* (Суд. XI. 38. 40). Жизнь Иоанна Крестителя, и, еще прежде, жизнь Пророков Илии и Елисея, – вот ранняя указания на достоинство девства: но и сии указания в свое время не поняты; потому что Евреи чаще видали Пророков, не чуждающихся жизни супружеской, как например: Моисея, Самуила и других. Были от начала мира человеки Божии: но первая Дева Божия есть Преподобнословенная Мария. В непорочности младенческой быв посвящена Богу на всегдашнюю чистоту, Она сделалась первым, навсегда непоколебимым, основанием Ангельской на земли жизни.

И в какой, больше нежели небесной, высоте, Она показала нам достоинство девства! От Евы до Нея, женский пол, так как и мужеский, служил закону брака, в чаянии той награды, что рано или поздно произведет на свет благословенное Семя, которое *сотрет главу* адскаго змия (Быт. III. 15), и о Котором *благословятся вси языцы земнии* (Быт. XXII. 18): но сия награда не браку была предназначена. Брак мог раждать только человеков. Одно девство достойно было родить Богочеловека.

Но прежде нежели скажу что нибудь о девстве собственно для вас, которые меня слушаете, опасаясь помысла, который, может быть, захочет отражать от вашего сердца слово о девстве. – «Девство Пресвятыя Богородицы, избранное быть приятелищем воплощения Сына Божия, есть единственное в роде человеческом, которое как пред собою не имело примеров, так и по себе не будет иметь подражателей» – То правда, что не будет

другого воплощения Бога Слова, ни другой Матери Божией: однако братия, из сего не должно заключать, будто девство Преподобнословенныя Марии не представляет нам никакого примера для подражания, не подает никакого учения для жизни.

Если Дева Мария удостоена высочайшаго избрания Божия: то рассуждайте, почему сие сделано? Скажете: по особенной благодати Божией? – Не спору. Но рассуждайте далее: благодать Божия может ли быть в противоречии с правдою Божиею? – Нет, без сомнения. Если в человеке несогласие с самим собою есть нелепость: кольми паче в Боге, существе всесовершенном, должно быть совершенное согласие свойств и действий, сродное чистейшему единству. Итак, если Дева Мария удостоена высочайшаго избрания по благодати Божией; то равномерно и по правде Божией. Превыше всех вознесена Она избранием; потому что превыше всех явилась достойною избрания, по своим душевным качествам и расположениям, и, между прочим, по чистейшему девству, которым Она, как солнце, взошла, очевидно превыше всего древняго, верно же и превыше всего грядущаго мира. Отсюда надлежит заключить, что если Преподобнословенная Мария чистейшим девством достигла высочайшаго и безпримернаго избрания Божия: то, хотя и не возможно равное сему избрание, однако подражающий, по возможности, Ея девству, по правде Божией, может, подобно Ей, уповать особенной благодати Божией, особеннаго избрания, особеннаго приближения к Богу. Если Ея одну девство соделало честнейшею Херувим, и славнейшею без сравнения Серафим: то Ея подражателей по крайней мере оно может соделать равными Ангелам. Если Ея одну девство соделало осененною скиниею Духа Святаго, Материю Сына Божия: то может оно тем не менее и другия души соделать дочерьми Божиими, ближними Царя небеснаго, невестами Христовыми. Сие именно возвещает нам тайнознаменательный псалом: *приведутся Царю девы в след ея* (Псал. XLIV. 15).

Если умозаключения кажутся вам не довольно надежны; а речи Пророков и гадания не довольно ясны: то хотите ли от Самого Господа узнать о равноангельном достоинстве девства? Слышите собственное слово Его: *в воскресение ни женятся, ни посягают, но яко Ангели Божии на небеси суть* (Матф. XXII. 30); или, как пересказывает другой Евангелист, *равни суть Ангелом* (Лук. XX. 36). Состояние, в котором ни женятся, ни посягают, следственно, всегдашнее девство, Господь называет состоянием равноангельным.

Хотите ли узнать из слова Божественнаго, что девство не только для многих возможно к соблюдению, но и для всех вожделенно? – Слышите слово Апостола Павла к Коринфянам: *хощу, да вси человецы будут, якоже аз* (1 Кор. VII. 7). Что значит: *якоже аз*? – Сие изъясняет он далее в том же Послании: *еда не имамы власти сестру жену водити! Но не сотворихом по области сей, но вся терпим, да не прекращение кое дамы благовествованию Христову* (IX. 5. 12). То есть, он лишил себя помощи и утешений брачнаго состояния, чтобы тем безпрепятственнее заниматься проповеданием Евангелия. Следственно и всем Апостол желал бы того, чтобы посвятили себя на служение Богу и благочестию в девстве.

Хотите ли видеть высокий жребий, уготованный девству от Бога? – Смотрите очами тайновидца Иоанна: *и видех, и се Агнец стояше, на горе Сионстей, и с ним сто и четыредесать и четыре тысячи, имуще имя Отца Его написано на челех своих*. Он слышал их *поющих песнь нову пред престолом Божиим, и никтоже можаше навикнути песни, токмо сии*. Кто ж это? – спросите вы. – Он отвечает: *сии суть, иже с женами не осквернишася: зане девственницы суть: сии последуют Агнцу, аможе аще поидет; сии суть куплени от людей, первенцы Богу и Агнцу* (Апок. XIV. 1–4).

Видите превосходное достоинство девства. Полюбопытствуйте знать, что такое девство, и как сия добродетель совершается.

Каждый, по собственному опыту, знает девство, как естественное состояние, предшествующее браку, не испытавшее таин брака, не пробужденное к познанию их. Но это есть только несовершенный начаток того, о чем теперь беседуем. Это еще только трава лилии, а не цвет; только леторосль яблони, а не яблоко благовонное. Девство младенчества, потому самому, что есть просто естественное состояние, не есть дело свободы, ни плод подвига, следственно не есть еще добродетель. Прилично называется оно *невинностью*, потому что в нем *нет вины*, противоположной девству; но и все тут: а еще нет в нем превосходного достоинства, принадлежащего девству совершенному.

Девство, как подвиг, как добродетель, как цвет чистоты, как плод целомудрия, как путь совершенства, является тогда, когда человек, в возрасте, по обыкновенному ходу телесной природы, более или менее располагающему к супружеству, не предаваясь влечению природы, не увлекаясь обычаем, примерами, приятностями и нуждами общежития, решается не приобщаться браку, а соблюсти девство навсегда.

Но как и подвизающийся не будет увенчан, если незаконно будет подвизаться (2 Тим. II. 5): то решающийся на подвиг девства должен знать, всегда помнить и соблюдать главный закон сего подвига, состоящий в том, чтобы подвиг девства предпринимаем и проходим был для Бога. *Царствия ради небеснаго*, говорит Сам Верховный Законоположник девства Иисус Христос (Матф. XIX. 12); и Апостол: – *не оженившийся печется о Господних, како угодити Господеви. – Не посягающая печется о Господних, како угодити Господеви, да будет свята и телом и духом* (1 Кор. VII. 32. 34). Угождение Богу, и для сего освящение духа и тела есть цель подвизающихся в девстве. Кто бежит на поприще девственной жизни не к сей цели: тот не к венцу бежит. Для того девственник и устраняется от супружества, чтобы особенная склонность к существу земному не задерживала, или не кривила его стремления к Богу. По сему стремлению всю силу ума и любви к Господу, и по направлению всей деятельности к благоугождению Ему, девствующая душа и называется невестою Небеснаго Жениха.

Из сего главного закона девства не трудно уразуметь, что телесное удаление от всего, принадлежащего браку, не есть совершенное девство, а только низший степень онаго: ибо стремление и приближение к Богу, как Существу духовному, может и должно совершаться собственно в духе; девство же тела отъемлет только препятствия стремлению духовному, и пресекает стремления противоположные. Отсюда происходят разные подробные правила девства.

Господь сказал: *всяк, иже воззрит на жену, ко еже вожделети ея, уже любодействова с нею в сердце своем* (Матф. V. 28). Посему, как есть любодеяние сердца: так должна быть и противоположная сему пороку добродетель – девство сердца. Подвизающийся в сей добродетели должен сохранять сердце свое чистым от всякаго плотскаго вожделения, от всяких помыслов, противных целомудрию; невольныя приращения нечистых помыслов без укоснения отражать, для сего бдеть осторожно над движениями своих помышлений и желаний, занимать и ограждать ум и сердце свое, то упражнением в Слове Божиим, то внимательно, внутреннею молитвою.

Как Господь показал, что любодеянию сердца бывает служителем око: то в противоположность сему и око надлежит обучать, чтобы оно служило девству, то есть, отвращать взоры от всякаго соблазнительнаго предмета, а на представляющиеся неизбежно, взирая без страсти, без помысла, видя не видеть, и, как можно скорее,

пресекать опасное видение. И сие-то есть, умерщвлять чувство зрения, по завещанию Господнему: *аще око твое десное соблазняет тя, изми е, и верзи от себе* (Матф. V. 29). Отсюда покрывало на очах, пустынножительство, затворничество.

Но если для охранения девства от соблазна и нечистоты нужно умерщвлять чувство зрения: то, по сравнению, можно понять и убедиться, что подобным образом нужно умерщвлять и прочия чувства, как то: слух – от слышания нескромных и соблазнительных речей, вкус, обоняние, осязание – от соответствующих им ощущений, наклоняющих к неге и роскоши. Отсюда упражнение в молчании, пост, сухоядение, простота и суровость в одежде, одре, жилище, порабощение и умерщвление тела трудом, молитвенными бдениями, коленопреклонениями.

Чтобы сократить изображение девства в одну черту, привожу прекрасное и многозначительное изречение святого Златоуста: *корень и плод девства есть жизнь распятая* (О девст. гл. 79).

Но не много ли уже беседую я о предмете, о котором многие из слышащих могут думать, что сие не до них касается? В самом деле, Господь Сам предварил нас, что не все способны девствовать: *не вси вмещают словесе сего, но имже дано есть* (Матф. XIX. 11). Он Сам призывал к подвигу девства не всех, но только тех, которые способны, которым дано сие дарование: *могий вместити, да вместит* (Матф. XIX. 12). И поелику девство не для всех; то вы можете даже спросить: для чего ко всем об оном беседуем? – Приемлю сей вопрос. Он приведет меня к цели и к концу моего слова.

Ко всем говорим о девстве: потому что между всеми находятся те, *имже дано есть* сие; и слово ищет между всеми тех, которых Бог призывает слышать и творить оное, и которых человек часто не знает.

Ко всем говорим о девстве: чтоб и брачные знали, что есть состояние выше брака; чтобы смиренно мыслили о браке; и чтобы, уважая девство, хотя в других, и смиренно мысля о браке, приобретали браку благословение, близкое к благословию девства.

Ко всем говорим о истинном девстве: чтобы, зная оное, остерегались ложных путей буиих дев, которые, с невозженными светильниками ума, без сердечного елея, скитаются вдали от чертога, и, вместо небесной любви к небесному Жениху, питают в себе только вражду против благословенного брака. Ибо еще с Апостольских времен *дух явственне глаголет, яко в последняя времена, отступят нецыи от веры, внимающе духовом лестчим и учением бесовским, в лицемерии лжесловесник, сожженных своею совестью, возбраняюще жениться* (1 Тим. IV. 1–3).

Наконец, ко всем говорим о девстве: чтобы и брачные и безбрачные, от высокой красоты девства, от среднего благообразия честного и непорочного брака, осторожным и заботливым оком различали неблагообразие того состояния, которое ни златаго таланта девства, ни серебряного таланта брака не возделывает верно по воле Господа всех талантов и даров. Девство и брак не для всех: но целомудрие для всех. *Явися бо благодать Божия спасительная всем человеком, да отвергшиися нечестия и мирских похотей, целомудренно праведно и благочестно поживем в нынешнем веце.* – Что значит целомудренно? – Или в чистоте девства, или в честности брака, в том и другом случае, с *отвержением мирских похотей*, и в особенности *плотских похотей, яже воюют на душу* (1 Пет. II. 11). Только так живущие в нынешнем веке, могут *ожидать блаженного упоования в будущем* (Тит. II. 13). Аминь.

ССХ.

129. Слово

в день коронования Благочестивейшаго Государя

Императора Николая Павловича.

(Говорено Августа 22 дня, в Успен. соборе;

напечатано отдельно и в собраниях 1844 и 1848 гг.)

<1836 год>

*Повинитесь убо всякому человеку созданию
Господа
ради, аще Царю, яко преобладающе, аще ли
же князем,
яко от Него посланным, во отмщение убо
злодеем, в
похвалу же благотворцем. I Петр. II. 13. 14.*

Десять крат обратившийся годовой круг возвращает ныне нам, радующиеся Россияне, тот пресветлый день, в который, в сем самом Храме, узрели мы Благочестивейшаго Императора нашего Николая Павловича, восприявшаго наследственный Императорский венец, и запечатленного священным помазанием. Сей венец сияет. Венчанная глава благоденствует. И так, в настоящей радости нашей, не только мы можем петь с Царственным Псалмопевцем: *положил еси, Господи, на главе его венец от камени честна*, но, с утвержденною опытом надеждою, можем присовокупить и следующий за сим Псаломский стих: *живота просил есть у Тебе, и дал еси Ему долготу дний во век века* (Псал. XX. 4. 5).

При мысли о венце, мне приходит на память еще один стих древняго благоговейнаго созерцателя природы: *благословиши венец лета благости Твоея, Господи, и поля Твоя исполнятся тука* (Псал. LXIV. 12). Если год земли составляет для нея род венца, более или менее украшеннаго ея произведениями: то не паче ли год Царя, — не паче ли еще, десятилетие Благочестивейшаго Императора нашего мы можем разсматривать, как новый над венчанною Главою венец, составленный не из ветвей, или цветов, или драгоценных камней, но из мудрых предначинаний, благотворных деяний и благословенных успехов? Это венец, собственно Царскою работою выработанный и украшенный, но притом и благословением Божиим освященный: ибо и мудрыя предначинания приводит в действие, и увенчивает успехами, не одна человеческая воля и сила, но превыше ея Божие благословение. Указать ли, хотя бегущим взором, хотя на некоторыя драгоценности сего венца, впрочем и без меня видимыя вами, — указать ли потому только, что и видимое всеми мы любим указывать друг другу, когда радуемся видеть. — Смотрите. Враги внешние побеждены и укрощены. Враги домашние уничтожены. Союзы, особенно благоприятные миру царей и народов, укреплены особенно. Редким Царским искусством враги переработаны в друзей. Силе бедствий, которыя предупредить и отвратить не во власти человеческой было, не раз могущественно и благотельно противопоставлено личное присутствие духа Благочестивейшаго Императора. Военныя силы бдительным попечением непрерывно содержаны и содержатся в развитии, соответственном достоинству и безопасности Государства; в особенности же морской, не только

увеличены, но, не знаю, не сказать ли, воскрешены пристальным животворным Царским взором. Просвещение, искусства, промышленность разнообразно поощрены. Законодательство и правосудие получило свой особенный венец в систематическом составе законов. Человеколюбивыя заведения для воспитания, врачевания, призрения, возвращены в число, и цветут под незаходящим солнцем непосредственного Царского призрения. Всякая нужда, бедность, несчастье, общественное, частное, непрерывно находили и находят отверстою благодетельную руку Царскую. Соответственно потребностям Святыя Церкви, ея Пастыри, ея Храмы, ея Обители, частью умножены, частью облагодетельствованы. В областях, где в прежния несчастныя времена, Восточное благочестие стеснено было насилиями Запада, собственное око Благочестивейшаго Государя усмотрело неблагообразие Православных храмов, и особенная Его воля облекла их приличным благолепием. Его любовь к Православной Церкви одушевлена ревностью ея служителей, и многия тысячи ея чад, частью отторженных от нея в своих предках во дни неустойчивости и гонений, частью заблудившихся в лета неведения, возвращены в ея материя объятия.

Вот некоторые части высокой работы в венце Царского десятилетия! Величественно и сладостно сияет он око сердца Русскаго; и не только в настоящее время, но и на будущее отражает свет благих надежд. Рука, держащая Всероссийский скипетр, твердая в начале, естественно приобрела большую благодетельность, посредством десятилетних опытов; а между тем на дальнейшую будущность державы простерто попечение и обеспечение воспитанием Наследника Престола. Природная любовь Россиян к Царю своему естественно умножена приобретенною любовью к Царю, Который непрерывно о нас печется, для нас живет и действует и с священной высоты Своей так приближается к Своему народу, что наши сердца, можно сказать, соприкасаются с Его сердцем.

Что убо речем, радующиеся Россияне? – *Заповеждь, Боже, силою Твоею, укрепи Боже сие, еже соделал еси в нас* (Псал. LXVII. 29). *Дни на дни Царевы приложиши; лета Его до дне рода и рода* (Псал. LX. 7).

Но время мне вспомнить, что сие место, и сии минуты, назначены не просто для изображения впечатлений и излияния чувствований, но преимущественно для учения.

Учение, котораго теперь само сердце наше требует, не о том ли должно быть, что могли бы мы воздать Царю, непрестанно для блага нашего подвизающемуся, что могли бы воздать Богу, подвиги Его благословляющему?

Не только благодеяния Царя Небеснаго, но и благодетельные для нас подвиги Царя земнаго выше нашего воздаяния. Для них возможно с нашей стороны не воздаяние, а только соответствие. Какое соответствие? – Непрестанное воодушевление себя к исполнению своих обязанностей пред Царем Небесным и земным, как учит Апостольское слово: *повинитесь убо всякому человеку созданию*, то есть, всякому от Бога устроенному над человеками начальству, *Господа ради, аще Царю, яко преобладающе, аще ли же князем, яко от Него посланным*.

Какое удовлетворительное учение! *Повинуясь Царю и начальству*, вы благоугождаете Царю; и в то же время, *повинуясь Господа ради*, вы благоугождаете Господу.

Что повиноваться должно, надобно ли сие доказывать? – Где есть общество человеческое, там необходимо есть власть, соединяющая людей в состав общества; ибо без власти можно вообразить только неустроенное множество людей, а не общество. Но власть действует в обществе, и сохраняет оное, посредством повиновения. Следственно

повиновение необходимо соединено с существованием общества. Кто стал бы колебать или ослаблять повиновение; тот колебал бы, или ослаблял бы основание общества.

Но Апостол не довольствуется тем, чтобы учить повиноваться какнибудь: он учит повиноваться с определенным побуждением – *Господа ради*. Здесь видно предположение, что он имел в виду и другие роды повиновения, по другим побуждениям, как-то, ради себя, ради общества, ради начальства: но преимущественно пред прочими выбрал для своих учеников один род – повиновение *Господа ради*.

Кто повинуетсЯ из страха наказания: тот повинуетсЯ ради себя, чтобы охранить себя от неприятности наказания. Есть люди, для которых надобно и сие побуждение к повиновению: но никто не захочет похвалиться, что он выбрал для себя именно сей род повиновения.

Кто повинуетсЯ для достижения выгоды, награды, почести: тот также повинуетсЯ ради себя. Власть поступает прозорливо и благотельно, когда употребляет показанныя теперь поощрения к повиновению: но оне, по существу своему, могут иметь место в некоторых только случаях; а не могут основать и обезпечить повиновения всеобщаго. Дела повиновения, наиболее общия и притом необходимыя для общества, как например, вношение податей, наименее способны к тому, чтобы соединить с ними какоенибудь воздаяние или почесть.

Ум любомудрствующий похвалит повиновение ради общества и вместе ради себя. Благо человека не может быть устроено и сохранено иначе, как посредством общества. Общество доставляет человеку безопасность личную, образование способностей, случаи к употреблению оных, способы к приобретениям, и опять безопасность приобретеннаго. Но как для сохранения общества необходимо повиновение: то каждый человек и должен повиноваться – ради общества, из благодарности к нему за себя, и вместе – ради себя, чтобы, сохраняя повиновением общество, сохранять для себя то, чем от общества пользуется. Умозрение сие справедливо: но много ли в обществе людей, способных учреждать свое повиновение по идеям и умозрениям? Когда смотрю на опыты, как на подобных умозрениях хотят в наше время основать повиновение некоторые народы и Государства, и как там ничто не стоит твердо, зыблются и престолы и олтари, становятся, по выражению Пророка, *людие аки жрец, и раб, аки господин* (Исаии XXIV. 2), бразды правления рвутся, мятежи роятся, пороки безстыдствуют, преступления ругаются над правосудием, нет ни единодушия, ни доверенности, ни безопасности, каждый наступающий день угрожает: – видя все сие не могу не заключать: видно, не на человеческих умозрениях основывать должно Государственное благоустройство!

Есть повиновение ради общества и Начальства, не столько по умозрению, сколько по чувству сердца, по любви к Государю и отечеству. Счастлив народ, одушевляемый сегою любовью! Это жизненная теплота в теле Государства, самодвижное направление к общественному единству, крылатая колесница власти, свободная покорность, покорная свобода. Нам, Россияне, от матерняго млека напитанным любовью к Государю и отечеству, известно по давним и недавним опытам, сколь крепительна была сия пища для подвигов труднейших, во времена труднейшия. Продолжайте, – не забывайте, – сию, некоторым образом чудесную, и на земле, выше, нежели земнаго свойства пищу, сию манну народной жизни, чем раньше, тем лучше, по отечественной земле собирать, и ежедневно питать ею себя и детей ваших. Ибо – предостерегаем вас – есть народы, у которых сладкая манна любви к отечеству, не быв употреблена правильно и благовременно, повредила, или стала казаться менее приятною для поврежденнаго вкуса; есть земли, где под знойным солнцем ложнаго просвещения, она растаяла,

испарилась, улетела. Но в чем же должна состоять предосторожность? – В том, чтобы знать и соблюдать от вышнего неба нисходящий и Богоданный закон, как собирать, хранить и употреблять манну. Скажем без иносказания: чтобы естественная любовь к государю и отечеству была неизменна, чиста, спасительна, для сего нужно, чтобы ее охранял, и в действиях руководствовал высший, совершенно небесный и Божественный закон любви Христианской.

Таким образом, по возможности, пересмотрели мы разные побуждения к повиновению, которые Святый Апостол Петр или отверг, или миновал в своем убеждении к повиновению: и, если не обманываюсь, вы могли усмотреть из сказанного доселе, что все оныя оставляют чувствовать потребность более сильного, более общего, более чистаго и возвышеннаго побуждения, которое одно, как совершенное, избрал Апостол: *повинитесь Господа ради*.

Власти от Бога учинены суть, говорит другой Апостол. *Темже противляйся власти, Божию повелению противляется* (Рим. XIII. 1. 2). *Повинитесь убо всякому начальству человеку*, всякой законной, и особенно Верховной власти, *Господа ради*; повинуйтесь полным, безпрекословным повиновением, ради Господа Всемогущаго и Правосуднаго, Который не может попустить ненаказаннаго противления Своему повелению; повинуйтесь искренно, ради Господа Сердцеведца, Который не только всякое дело неповиновения, но и всякий жестоковыйный или ропщущий помысл видит и осуждает; повинуйтесь с надеждою, ради Господа Премудраго и Всеблагаго Промыслителя, Который непрестанно бдит над приведением Своего устройства к спасительным для нас целям, и Который особенно *сердце Царево* имеет *в руке Своей* (Притч. XXI. 1); повинуйтесь с любовью, ради Господа, Котораго и славное царство на небесах, и благодатное царство в душах человеческих есть царство любви, и Который заповедал нам, всею силою души стремиться к тому, *да будет воля Его, яко на небеси, и на земли*, следственно и в земном царстве.

Вот повиновение, всегда удовлетворительное для власти, и всегда блаженное для повинующагося! Поставьте оное в самое сильное испытание: пусть, например, надобно будет пожертвовать собою повиновению, пострадать или умереть за Государя и Отечество; пусть воздвигнет против сего естественную борьбу естественная любовь к собственной жизни, к благам жизни, ко многому любезному в жизни: вся брань помыслов, без сомнения, низложена будет, как скоро придет сильное благодатное слово: *Господа ради*. Пожертвуй всем повиновению *Господа ради*: если сладостно жертвовать для Царя и отечества, еще паче сладостно жертвовать для Господа; и в сем случае не горько уже оставить и земную жизнь, вместо которой приемлющий жертву сию Господь даст много лучшую жизнь небесную; не горько оставить и любезное на земле, поелику оно будет оставлено на руках любви Отца Небеснаго.

Благочестивые Россияне! Изъясняя Христианское учение о повиновении, думаю, что сим самым изъяснил я и ваши собственные чувствования. Кроткий Дух Господа Иисуса, *послушливаго даже до смерти*, да не престанет благодатно одушевлять сердца и жизнь нашу чувством кроткаго, совершеннаго Христианскаго повиновения; и да будет оно непрерывным нашим благодарением Благочестивейшему Государю, непрестанно для блага нашего подвигающемуся, и вместе благодарственную жертвою Господу, Его нам даровавшему, и благотворные подвиги Его благословляющему. Аминь.

ССХІ.

по освящении храма Преображения Господня, что на Ордынке.

(Говорено сентября 20 дня; напечатано

в Христ. Чтен. 1837 г. и в собраниях 1844 и 1848 гг.)

<1836 год>

Что воздам Господеву о всех, яже воздаде ми? Чашу спасения прииму, и имя Господне призову. Пс. CXV. 3. 4.

Если верный подданный приносит Царю дар от своего усердия, и дар его приемлется: кто, думаете, в сем случае одолжен и осчастливлен, приемлющий, или приносящий? – Думаю: приносящий. Ибо частное приношение частного человека может ли быть важно для Царя, обладающего всем? Напротив очень важно для усердного подданного снисхождение и благоволение Царя, изъясляемое приятием дара. Кольми паче, когда верный раб Божий, от своего благоговения приносит дар Богу, Который в дарах наших не имеет никакой нужды, Который есть всевластный Владыка даров наших и прежде их приношения, пред безконечным величеством Котораго все тварные дары безмерно малы и ничтожны; – по справедливости должен думать приносящий, что не он одолжает Бога, но что Бог дарует ему милость, благодаяние, счастье, сподобив его благодатию воспринять благоговейное желание, дав провидением Своим средства исполнить оное, и от пренебесной высоты крайним снисхождением призрев на приношение земнороднаго.

Что и одно желание создать храм имени Божию есть благоугодный Богу дар, сие из уст Самого Бога знаем мы чрез Давида и Соломона, который говорит: *и рече Господь к Давиду отцу моему: понеже взыде на сердце твое, еже создати храм имени Моему, добре сотворил еси, яко бысть на сердце твоём* (3 Цар. VIII. 18). Итак, кто сподобился не только иметь на сердце подобное желание, но и самым делом принести Богу подобный дар: тот да взирает на дар свой Богу, как на дар себе от Бога, с кротким чувством своего благополучия, с чистою радостью, со смиренным благодарением Богу, Который един великодаровит и в ниспослании даров человеку, и в приятии даров от человека.

Но не сии ли же чувствования приличествуют и всем, участвующим в торжестве храма, Богу посвящаемого, и Богом освящаемого? Ибо храм Божий есть общий дар Божий человекам, или, точнее сказать, великая сокровищница многообразных даров и благодеяний Божиих человекам, как-то: духовнаго просвещения, очищения, исцелений, утешения, возрождения в новую жизнь, питания, возвращения, укрепления сей новой жизни, всякаго благословения, всякой силы, помощи, защиты, общения с Богом мысленнаго, сердечнаго, тайнодейственнаго, не редко, по вере и благопотребности, даже чудеснаго. И потому, когда с новым храмом Господь дарует нам новый ключ, отверзает новую дверь к толиким сокровищам Своея благодати: кто внимательный не воскликнет с Давидом: *что воздам Господеву о всех, яже воздаде ми!*

Если подлинно, братия, ваше сердце, возбуждаемое к благодарности за благодеяния Божии, изрекло теперь Давидов вопрос: *что воздам Господеву о всех, яже воздаде ми?* то примите к сердцу и Давидов на сие ответ: *чащу спасения прииму, и имя Господне призову.*

Чудно! Желая благодарить Бога, что хочет он делать? – *Чашу спасения прииму!* Но если он хочет в изъяснении благодарности Богу поступить так, как обыкновенно в его время

поступали *во дворах дому Господня, посреде Иерусалима* (Псал. СХV. 10): то не свойственное ли было бы ему сказать: *принесу жертву спасения*, или *всесожжение тельца* или *овна*? Какую вместо того хочет он *принять чашу спасения*? Левитский закон именно предписывает *жертву спасения* (Лев. III. 1) от говяд, или от овец, или от козлов: а наименования *чаши спасения* нет в Левитском уставе. Если между служебными сосудами храма Иерусалимского и упоминается о чашах: но не в числе предметов первостепенной важности. Что-ж? Не ужели Пророк не знал, что должно делать, или на что обратить преимущественное внимание в установленном Богослужении? Кто может сие подумать о Пророке? Что ж такое говорит он: *чашу спасения прииму*? – Мы пойдем сие, братия, если представим себе, что Давид сказал сие именно, как Пророк, а не просто, как благодарный пред Богом песнопевец. Тогда, как его сердце возжелало принести благодарственное служение Богу, дух Пророческий пронес его сквозь тени и образы ветхозаветные к новозаветной истине, мимо храма Иерусалимского в горницу Сионскую; показал ему Господа, учреждающего совершеннейшее благодарственное Богослужение; дал узреть в руке Его таинственную чашу; дал услышать слово Его: *сия чаша новый завет Моею кровию, яже за вы проливается* (Лук. XXII. 20); восторженный Пророк воспламенился желанием сделаться причастником грядущаго таинства, и воскликнул в древнем Иерусалиме, как будто здесь ныне с нами пред Святою чашею: *чашу спасения прииму*!

Дивлюсь тебе, святой Пророк, который *по вере умер, не прияв обетований*, нам Христианам предоставленных, но тем не менее *издалеча видел я, и целовал* (Евр. XI. 13).

Обращаясь же к нам самим, дивлюсь и скорблю, и даже ужасаюсь, помышляя, как святой Пророк, из отдаления веков, стремился свою пред Богом благодарность ознаменовать общением дарованнаго нам таинства; и как напротив многие из нас, стоя при самых дверях сего таинства, пред самою Святою чашею, не имеют сердечной жажды, не хотят сказать с решительным стремлением духа: *чашу спасения прииму*, приобщусь и я.

Слышите ли, что глаголет Господь, учреждая Свою Божественную трапезу? – *Приимите, ядите* (Мар. XIV. 22). Не довольно ли было бы сказать: *вкусите*; дабы можно было разуметь, что довольно вкусить от трапезы Господней хотя однажды, или причащаться ея иногда, при особенной нужде, подобно как употребляют врачевство; ибо трапеза сия и действительно заключает в себе могущественное Божественное врачевство для душ и телес; и могущество его, как Божественное, так велико, что *аще кто съест от хлеба сего и единократно, сего может быть достаточно, да жив будет во веки* (Иоан. VI. 51). Но нет! Господь предложил нам Тело Свое не для единократнаго, или не частаго и случайнаго употребления, как врачевство, но для питания постоянного и всегдашняго: *ядите*. Если бы Тело Христово предложено было нам только как врачевство: и тогда, братия, надлежало бы нам самим просить позволения употреблять врачевство сие чаще, подобно как часты наши немощи, особенно душевные. Но когда Господь даровал нам оное, как насущный хлеб, по слову Его: *хлеб, егоже Аз дам, плоть Моя есть* (Иоан. VI. 51): то чрез сие самое не только позволил, но и повелел, чтобы мы часто приступали к Его трапезе. Мы не оставляем себя на долго без хлеба обыкновеннаго, зная, что иначе ослабеют наши силы, и жизнь телесная продолжаться не может: как же не боимся мы надолго оставлять себя без хлеба животнаго, небеснаго, Божественнаго?

Вслушайтесь еще в другое учредительное слово Господне, именно о Святой чаше: *пийте от нея вси* (Матф. XXVI. 27). Не пропустим без внимания малаго слова: *вси*: ибо в каждой черте слова Божия скрывается свет, в каждом звуке премудрость. Господь не сказал о таинственном хлебе: *приимите, ядите* вси: и праведно, ибо некоторые не могут ясти, на пример, младенцы. Но о таинственной чаше сказал: *пийте от нея вси*, и таким образом устранил всякое исключение, разумеется, для пребывающих в вере и единении

Церковном. Примечайте же, как отступают от точности заповеди Господней те, которые не допускают до святых таин младенцев и малолетних до известного возраста; и как напротив верна слову Господню Православная Церковь, когда она и младенцам подает Святую чашу, да *пьют от нея вси*, даже и те, которые могут только *пити*, не имея крепости, чтобы *ясти*. Еще более достойно примечания, как Господь при первом преподавании Святыя чаши, в то же время обличает ея отъятие у народа, – нововведение поздних веков. Не знаю, чему здесь более дивиться, многообразной ли премудрости слова Божия, или дерзости мудрования человеческого против яснаго слова Божия. Господь видит, что подаваемую Им чашу жизни самочиние захочет похитить у меньших братий Его; и предварительно поставляет преграду против сей дерзости определительным повелением: *пийте от нея вси*. Но самочиние не внемлет; нет, не *вси*, говорит оно, простолюдины не должны причащаться от чаши. – Благословим, братия, Бога, что мы принадлежим к Православной Церкви, которая непричастна сему самопроизвольному мудрованию, но с верным послушанием слову Христову всем вам предлагает Святую чашу: *пийте от нея вси*. Но чем более утешаюсь я верностию, с которою возлюбленная мать наша святая Церковь соблюдает законоположительное слово Господа своего: тем с большею заботою смотрю на неточность и недеятельность, с которою тоже слово Господне приемлют многия чада Церкви. Тайная вечеря и здесь таже, как в Сионской Горнице; Тот же Господь и ныне учреждает ее; вы слышите собственное слово Его чрез уста священнодействующаго: *пийте от нея вси*; вскоре после сего священные врата отверзаются, является служитель таинства, чтобы пригласить вас к исполнению повеления Христова: *пийте от нея вси*; он зовет вас: *со страхом Божиим и верою приступите*. Но вы – приступаете ли *вси*? – Долготерпеливе Господи! – часто, ни один. – Не смущайтесь много; не укоряя, говорю сие; знаю, что в вас это не дерзость самочиния, но недостаток дерзновения в вере; что вы поступаете по обычаю, от предков принятому, веками распространенному: но будьте безпристрастны; сличите ваш обычай с заповедию Христовою: не можете не признать, что обычай мог бы точнее следовать заповеди; что можно бы вам деятельнее исполнять слово Христово. В начальные века Христианства хождение в воскресные и праздничные дни в Церковь, и приобщение Святых таин составляло для верных одну почти нераздельную обязанность; так что есть церковныя правила, которые осуждают *ходящаго в церковь и исходящаго вон без святаво причащения* (Апост. Прав. 9. Антиох. Соб. прав. 2). Вот обычай, очевидно более совершенный, нежели нынешний! Что же касается до тех, которые ниже один раз в год не приступают к Трапезе Господней, или совсем чуждаются ея: суд их написан в Евангелии: *аще не снете плоти Сына человеческого, ни пиете крове Его; живота не имате в себе* (Иоан. VI. 53).

Не промолчим того, что говорят обыкновенно в свое оправдание редко приступающие к Святым Тайнам: мы недостойны; мы не готовы. Мысль сия иногда подлинно происходит от смирения; и тогда она конечно не повредит союзу сих душ со Христом, подобно как сему не повредило смиренное чуждение Петрово: *изыди от мене, яко муж грешен есмь, Господи* (Лук. V. 8). Но надлежит осматриваться, чтобы под благовидным покровом имени смирения не притаилась наша холодность к вере, и нерадение о исправлении жизни. Ты не готов: не ленись, приготовься. Ты недостойн: недостойн и ни один человек общения со Всесвятым, потому что ни один не безгрешен; но как всякому другому, так и тебе предоставлено веровать, каяться, исправляться, быть прощenu, и уповать на благодать Спасителя грешников и Взыскателя погибших. Ты говоришь, что недостойн: напрасно ты приемлешь на себя чужую должность; удостоить или не удостоить тебя таинства есть долг тайнодействителя, а не причастника. Ты недостойн: согласимся, что это правда. Что же далее? Не ужели ты хочешь и оставаться недостойным? Если ты безопасно оставляешь себя недостойным общения со Христом на земли: не подвергаешь ли ты себя явной опасности остаться недостойным общения с Ним на небеси? Но если ты

страшишься своего недостойнства, и хочешь от него избавиться: то избавишься ли, удаляя себя от Христа, от Его благодати, от Его силы, от Его жизни? Не лучше ли, посильно исправляя свое недостойнство, прибегать ко Христу в таинстве, чтобы принимать от Него помощь и силу к более совершенному исправлению и преуспеянию в благоугождении Богу?

Христиане! Щедро и великодаровито, почти всегда и повсюду, Господь отверзает для нас храм Свой, уготовляет Свою Трапезу, призывает к Своей Вечери. Надобно стыдиться неблагодарного на милостивое приглашение отзыва: *имей мя отречена* (Лук. XIV. 18). Надобно страшиться приговора: *званнии не быша достойни* (Матф. XXII. 8). Да возбуждаем себя, чтобы, как можно, не редко приступать к Трапезе Господней, со внимательным очищением себя от всякия скверны плоти и духа, со страхом своего недостойнства, но с верою в благодать, с сердечным алканием и жаждою любви к сладчайшему Иисусу, Котораго плоть и кровь есть истинный хлеб жизни, и единственная чаша спасения. Аминь.

ССХІІ.

131. Слово

на память Преподобнаго Сергия.

(Говорено в Троицкой Сергиевой Лавре, 25-го сентября;

напечатано в Христ. Чтен. 1836 г. и в собраниях 1844 и 1848 гг.)

<1836 год>

*Возвратишся в Листру и Иконию и
Антиохию,
утверждающе души учеников, моляще
пробыти
в вере, и яко многими скорбми подобает нам
внити
в царствие Божие. Деян. XIV. 21. 22.*

Сие сказание Святаго Евангелиста Луки о проповеди святых Апостолов Павла и Варнавы представляет способ наставления, довольно необыкновенный. Цель наставления, как вы видите из самого сказания, была та, чтобы утвердить души учеников в вере. Какое же средство употребляют для сего Богомудрые Наставники? – Они предсказывают верующим скорби, и скорби необходимы, потому что чрез них надобно достигать царствия Божия. *Многими скорбми подобает нам внити в царствие Божие.* Не надлежало ли опасаться, что сия истина, грозная, поколеблет веру, а не утвердит? Не лучше ли было бы скрыть опасное предвидение опасностей? Но нет! Апостолы не скрывают учения о скорбях, предстоящих на пути к царствию Божию: видно, нужно сие учение. Они предлагают сие учение, желая утвердить души учеников в вере: видно, есть в сем учении сила для утверждения веры.

Многими скорбми подобает нам внити в царствие Божие. Апостолы не говорят: многими познаниями подобает внити в царствие; хотя сие, по видимому, было бы сообразно с *сокровищами премудрости и разума* (Кол. II. 3), сокровенными во Христе. Видно, многия познания полезны, но не совсем необходимы для достижения царствия Божия. В самом

деле, Мытарь достиг оправдания, а следственно и близкой надежды царствия Божия, не многими познаниями, но многим смирением, не высокими созерцаниями, но очень простою молитвою: *Боже, милостив буди мне грешнику* (Лук. XVIII. 13).

Не говорят: многим временем подобает внити в царствие Божие: хотя и на земли многое достигается не скоро; а небо, кажется, далее земли. Видно, продолжительность времени не есть строгое условие приближения к царствию небесному. В самом деле, разбойник на кресте, в несколько часов, и даже, может быть, в несколько минут совершил путь от врат адовых до дверей рая.

Не говорят: многими трудами и подвигами подобает внити в царствие Божие: хотя то правда, по слову Самого Иисуса Христа, что *царствие небесное нудится* (Матф. XI. 12). Видно, успех усилий, которыми достают царствие небесное, не всегда определяется тягостию трудов и числом подвигов. Перстень сына царствия дан блудному сыну скорее, нежели он окончил труд договорить покаянную речь оскорбленному отцу. Он едва успел изобразить свое недостойнство: *отче, согреших на небо и пред тобою, и уже не смею достоин нарецися сын твой* (Лук. XV. 21); а не успел еще принести просьбы: как ему даровано более, нежели он смел желать и надеяться.

Не многими познаниями, не многим временем, не многими трудами, но, – говорят Апостолы, – *многими скорбми подобает нам внити в царствие Божие*. Видно, скорби, паче других средств и пособий, нужны и полезны для достижения царствия Божия.

Разум, не довольно покоренный вере, не довольно ею просвещенный, не вдруг усмотреть может, подлинно ли, и почему путь к царствию Божию должен лежать непременно чрез скорби. Что, кажется, за необходимость заставлять человека страдать, чтобы потом сделать его блаженным? Отсюда может родиться догадка, не относится ли учение о скорбях ради царствия Божия только до первенствующих Христиан, которым надлежало вытерпеть гонения от Иудеев и язычников, до утверждения Христианства во вселенной. Сим подлинно Христианам, и в сих обстоятельствах, Апостолы Павел и Варнава говорили *о многих скорбях* ради царствия Божия, и притом вскоре после того, как Павел пред их глазами, в Листре, едва не до смерти побит был камнями, за проповедывание Христианства. Но, что учение о скорбях ради царствия небеснаго есть не временное только и частное, а всегдашнее и всеобщее в Христианстве, в сем не трудно удостовериться из наставлений Самого Иисуса Христа, не случайных и примененных к особнным обстоятельствам, но коренных и всеобщих. – Чем начал Он Свое учение о царствии небесном? – *Блажени нищии духом; блажени плачуущи* (Матф. V. 3. 4). Ощущение нищеты, более или менее, соединено с ощущением скорби; и плачь, даже благочестивый, течет из источника скорби, хотя впрочем должно быть и такое время, когда, как Моисей древом горькия воды Мерры, Христос крестом услаждает горесть благочестиваго плача. Чем оканчивает Господь Свое учение о блаженстве? – *Блажени есте, егда поносят вам, и ижденут, и рекут всяк зол глагол на вы лжущи, Мене ради* (Матф. V. 11). Не видите ли, что учение Господне о блаженстве скорбию начато, и еще большею скорбию окончено? – Какое учение может быть более общим для Христиан, как учение о последовании Христу? Но в чем состоит сие учение? – *Аще кто хочет по Мне ити, да отвержется себе, и возмет крест свой и по Мне грядет. Иже бо аще хочет душу свою спасти, погубит ю; и иже аще погубит душу свою Мене ради, обрящет ю* (Матф. XVI. 24. 25). Как ни уменьшайте силу, как ни смягчайте значение сих изречений Господних: во всяком случае нельзя не признать, что ими предрекаются последователю Христову многия скорби. Если ты возьмешь крест, и пойдешь за Христом: то куда ты придешь? – Очевидно, туда, куда шел, взяв крест, Он Сам; следственно на Голгофу, на страдание, на распятие. *Погубить душу свою* ради Христа, значит ли пострадать за Него

мученически (что впрочем не есть общий жребий, тогда как напротив изречение Господне о погублении души есть общее для всех спасаемых); или сие значит пресечь и умертвить в душе страстные движения, составляющие жизнь ветхаго человека, изсушить похоть, угасить ярость, обуздать порывы собственной воли, отвергнуть пристрастие к собственному мудрованию: – самое выражение: *погубить душу*, которым изображены сии подвиги последователя Христова, сии душевные преобразования, дает разуместь, что здесь имеют место многия скорби, простирающиеся даже до смертного борения и подвига.

Святой Апостол Петр учит: *Христу пострадавши за ны плотию, и вы в ту же мысль вооружитесь* (1 Пет. IV. 1). Подлинно мысль о страдании Христовом за нас одна может быть достаточна для того, чтобы примирить нас со всякою скорбью и страданием ради Христа и Его царствия. Если Христос, не сотворивший греха, пострадал: можно ли нам грешным роптать на страдание? Если Христос пострадал за нас: какая была бы неблагодарность не хотеть принять скорбь ради Его и Его заповеди? Если возлюбленный Спаситель наш пьет чашу страданий: любовь к Нему не должна ли ощутить жажду причаститься от чаши Возлюбленного? Если *подобаше*, должно было, сообразно было с премудрою, праведною и благою судьбою Божиею, *пострадати Христу и внити в славу свою* (Лук. XXIV. 26); и сие *подобаше* ради нас: как не поверить, что и нам *подобает*, должно, прилично, сообразоваться с примером и судьбою нашего Подвигоположника, – *многими скорбми внити в царствие Божие?*

Но если кому не довольно просто верить, а нужно притом о потребности скорбей быть удостоверену рассуждением: и сей способ наставления имеем мы также в словах святого Апостола Петра: *зане пострадавший плотию престал от греха, во еже не ктому человеческим похотем, но воли Божией прочее во плоти жити время* (1 Пет. IV. 1. 2). Чудно сие рассуждение Апостола. Оно подает случай к вопросу: не ужели человек не может *престать от греха, не пострадав плотию*, тогда как он имеет свободу избирать лучшее, и сверх того помощь к добру от благодати Божией? Я не буду довольно смел, чтобы решительно ответить на сей вопрос, на который Апостол только намекнул. Но замечу, что дело, о котором говорит Апостол, конечно лучше нас знает он, и как Богопросвещенный Апостол, и как опытный подвижник, который уже не мало шел путем страданий, когда указывал сей путь Христианам; и конечно его Божественное просвещение и его страдальческие опыты показали ему причину, по которой Христианин должен поставлять себя в готовность к страданиям: *зане пострадавший плотию престал от греха*. В самом деле, грех, который человеком допущен, пробил себе дорогу в его сердце и в его существо. Если вы, усилием свободной воли, при помощи благодати, изгоняете его: по пробитой дороге он силится возвратиться. По следам прежних греховных впечатлений вновь идут страстные и греховные движения, возбуждаемые воспоминанием или присутствием искушающих предметов и привычкою. Что же надобно делать, дабы решительнее освободить себя от греха? – Не только изгнать его, но и пробитую им дорогу заградить, разрушить, истребить. Надобно глубоко взрыть землю сердца, чтобы уничтожить следы греховного услаждения, чтоб исторгнуть глубоко проникшие тонкие корни греха. Надобно с огнем пройти по стезям внутренних чувств, чтобы очистить их от остатков греховных впечатлений. Следственно надобны скорби и страдания, дабы *пострадавший плотию престал от греха*.

Найдя таким образом, что скорби в руке Провидения суть очистительное орудие для человека, уготовляемого к царствию Божию, мы не должны удивиться, если найдем в опытах Святых и то, что высшему очищению нередко соответствуют преимущественно многия скорби. *Многи скорби праведным* (Псал. XXXIII. 20), скажет Псалмопевец по наблюдению; а также и по собственному опыту исповедует пред Богом: *по множеству болезней моих в сердце моем, утешения твоя возвеселиша душу мою* (Псал. XCIII. 19).

Лишени, скорбяще, озлоблени (Евр. XI. 37): – сими чертами описал Апостол ветхозаветных подвижников веры, не заботясь называть их по имени: так находил он черты сии общими и обыкновенными! Если бы надлежало изобразить жизнь и новозаветных подвижников веры, Апостолов, Мучеников, Преподобных: опять годились бы теже черты: *лишени, скорбяще, озлоблени*.

Не сими ли же чертами ознаменован образ и твоей жизни, присный наставниче наш к царствию Божию? – *Лишен, скорбящ, озлоблен*. Не только *лишен* всякаго земнаго стяжания, что, может быть не трудно для лишившаго самого себя добровольно; не только *скорбящ* в заботах о мире и спасении братии; но и *озлоблен*, то от малодушия облагодетельствованной тобою братии, во время скудости потребностей, то от *любоначалия* роднаго брата: – *озлоблен* даже до того, что сделал было себя изгнанником из обители, которая и существованием, и всем тебе одному обязана. Итак и житие твое тоже проповедует нам, что слово Апостольское: *яко многими скорбми подобает нам внити в царствие Божие*.

Посмотримся, братия, в два верныя зеркала, – в зеркало слова Божия, и в зеркало жития святых, – так ли, как подобает, идем мы к царствию Божию.

Хвалимся в скорбех (Рим. V. 3), скажет о себе Апостол. От нас, может быть, еще рано сего требовать. Исполняется ли в нас хотя другое, меньшее слово Апостольское: *скорби терпяще, в молитве пребывающе* (Римл. XII. 12)? Скорби, которыми по судьбам Божиим посещаемся, приемлем ли с терпением, и, когда изнемогает терпение, подкрепляем ли оное молитвою, чтобы не впасть в нетерпение или ропот? Не тяготимся ли напротив даже легкими и обыкновенными в жизни скорбями, трудностию некоторых дел, неисполнением некоторых желаний, лишением некоторых приятностей жизни? – Малая скорбь оскорбительнаго слова не истощает ли иногда всего терпения нашего, так что вместо приобретения посредством ея награды терпения, мы мучим сами себя преувеличенною и вредною скорбию гнева и памятозлобия?

Апостол сказал Коринфским Христианам: *ныне радуюся, не яко скорбни бысте, но яко оскорбистесь в покаяние, оскорбесте бо по Бозе* (2 Кор. VII. 9). Скорбим ли и мы о грехах наших скорбию по Бозе, скорбию покаяния, так искренняго и глубокаго, чтобы о нашей скорби радовались Ангелы, как о залоге нашего исправления и спасения?

Кто не подвергает себя добровольно очистительной работе внутренней скорби покаяния и самоукорения, и внешних скорбей не приемлет с терпением и смирением: тот еще не на пути, который указывает *Евангелие* к царствию Божию. *Многими скорбми подобает нам внити в Царствие Божие*. Аминь.

1837 год.

ССХІІІ.

132. Слово

в день обретения мощей Святителя Алексія.

(Говорено в Чудове монастыре, мая 20-го;

напечатано в Христ. Чтен. 1838 г. и в собраниях 1844 и 1848 гг.)

<1837 год>

*Поминайте наставники ваша, иже глаголаша
вам слово Божие, ихже взирающе на
скончание
жительства, подражайте вере их.*
Евр. XIII. 7.

Настоящий день есть один из тех, в которые Церковь с особенною торжественностью призывает нас к исполнению Апостольского завещания, мною теперь прочитанного. По ея установлению мы воспоминаем ныне Богомудраго наставника нашего, Святителя Алексия, который как во все время Святительства своего с благодатною силою глаголал слово Божие в назидание словеснаго стада Христова, так особенно потрудился в чистом изглаголании слова Божия, когда Славенское преложение святаго Евангелия с Греческим подлинником поверил, и от несовершенств старого наречия, и от описок невнимательных переписчиков, очистил и исправил. Сей подвиг важен, между прочим, потому, что чрез него Святитель, Богом просвещаемый, предварительно обличил неправое мнение людей, явившихся после него, которые даже доньше утверждают, будто в священных и церковных книгах, и описку переписчика исправить, и непонятное слово перевода заменить понятным, непозволительно и противно Православию. Они говорят: по старым неисправленным книгам спасались и спаслись известные Святые; такая книги поправлять, значит, портить. Если бы так рассуждал святой Алексей: то конечно не стал бы он ни поверять перевод, ни поправлять рукопись Евангелия; а должен был взять книгу Евангелия, какая в его время находилась в Успенском Соборе, и сказать: по сей книге спасался и спасся Святитель Петр; нечего здесь поверять и исправлять. Но он поверял и исправлял: и потому очевидно не так рассуждал, как новые ревнители не очень старой старины, а точно также, как и древле и ныне рассуждает православная Церковь, то есть, что спасительная истина Христова и в неисправленных и исправленных священных и церковных книгах одна; но что, для сохранения и распространения сей самой истины, исправная книга лучше неисправной. Как предначинание и оправдание церковнаго изследования и исправления книг в последовавшая времена, Провидение Божие сохранило нам исследованную и исправленную Святителем Алексием книгу святаго Евангелия: и она являлась очам вашим в самое сие священнослужение, быв несена диаконом во святой олтарь.

Видите, братия, благодетельность Апостольскаго завещания. Мы вспомнили наставника нашего: и от сего воспоминания тотчас получили полезное для всей Церкви наставление. Но углубимся несколько в завещание святаго Апостола Павла о благоговейном воспоминании наставников наших.

Поминайте наставники ваша, иже глаголаша вам слово Божие. В сих словах есть нечто печальное. Поминают то, чего уже нет. И так когда Апостол завещает помянуть наставников Богоглаголивых: то сим самым сказывает, что их нет уже, и едва ли не предсказывает, что подобных им не будет. Ибо как тем, что имеем и видим, легче пользоваться, нежели тем, чего не видим, и что уже миновало: то не очень нужно было бы заботиться о воспоминании прежних наставников, если бы подобные им непрерывно процветали в Церкви. Но Апостол заботится о воспоминании наставников, прежде бывших: видно не надеется, чтобы в их преемниках наставляемые вполне обрели тот же дух и силу, те же подвиги и добродетели, то же слово и тот же пример. Что сие предвидение верно, к сожалению свидетельствуют опыты многих веков. Не случается ли слышать и ныне сетования: где ныне Святые? Где прозорливцы или чудотворцы? Где

наставники, которые бы глаголали слово Божие с такою силою, руководствовали ко спасению с такою верностию, как Петр или Павел, или хотя как некоторые из Духоносцев, бывших после Апостолов?

На печальный подлинно вид навело нас Апостольское завещание, поминать наставников наших. Но смотрите, как оно же может подать нам и утешение.

Сетуют, что нет ныне Святых. Мимоходом замечу, что не должно преувеличивать сего мнения. Многие, или немногие, только должны быть и ныне Святые; и не может быть, чтобы их совсем не было: ибо без Святых мир не был бы достоин хранения Божия, и не мог бы стоять. *Семя свято стояние его* (Иса. VI. 13). Мы можем говорить, что нет ныне в мире Святых, подобно как отец Алексия человека Божия сказал бы, что у него в доме нет сына, и нет Святого, тогда как сын его жил у него в доме, и был муж Святой, но закрыт был, и от отца, и от других, образом нищаго. Справедливее можно скорбеть, что Богопросвещенные наставники и Святые ныне слишком редки; что их не видно, что в людях духовных примечается незрелость духа. Что ж? Как утешиться нам в сей скорби? Как восполнить примечаемый недостаток? – Возьмите в прошедшем то, чего не находите в настоящем: *поминайте наставники ваша, иже глаголаша вам слово Божие* прежде. Правда, поминать наставников скончавшихся, не то, что пользоваться живущими: но слишком ли велика сия разность, и не стоит ли одно другого? Наставление от наставника живущаго близко и удобоприемлемо, когда его видим и слышим; слово и пример его в сем случае для нас так же живы, как и он сам: преимущество немаловажное! Но живя в теле, подобно нам, кто бы он ни был, он еще подвержен искушениям, и не избавлен от возможности преткнуться, и, может быть еще, в своем падении, увлечь с собою наставляемых. Напротив того наставник скончавшийся, которого житие и скончание жителства ознаменовано присутствием в нем благодати Божией, которого чистое учение оправдано святою жизнью, и святость жизни подтверждена святою и блаженною кончиною, есть руководитель ко спасению решительно достоверный и непоползновенный, есть притом помощник тем более сильный и неизнемогающий, что, отложив тленность и немощь земной жизни, живет в безпрепятственном причастии света и силы Божией: преимущество высокое и несравненное! Что касается до близости и удобоприемлемости наставления и помощи духовной: близость в духе не измеряется областями жизни и разстояниями места и времени, но мыслию, желанием и любовью, созерцанием, молитвою и верою. Вера может сблизить вас с наставником благоговейно воспоминаемым, почти также, как с присутствующим: ибо и с сим душеполезно сближает она же, а не просто видение лица и слышание слова. Вера посредством писания или предания, оживит пред вами учение и пример отшедшаго к Богу наставника; а посредством молитвы приобретет вам его действительную за вас молитву к Богу, и действительную помощь. Сим образом *поминайте наставники ваша*: и без сомнения, вы будете удовлетворены в потребностях духа вашего так, что не будет нужды сетовать на несовершенство или скудость наставления современного.

Чудное, братия, устроение Царствия Христова! Наши немощи, наши недостатки угрожают лишить вас потребнаго вам духовнаго наставления. Что же творит многомилостивый и благопромыслительный Господь? Дополняя недостаток наставников живущих, Он прежде общаго воскресения воскрешает некоторым образом наставников умерших, и, еще прежде полного открытия царствия небеснаго, на земли в небесном царствии Своем, то есть, в Церкви Своей, особенным образом *творит их*, по изъяснению Тайновидца Иоанна, *Цари и Иереи*, небеснаго вкупе и земнаго священноначалия, – *Иереи*, возносящие за вас действительную молитву непосредственно в пренебесный жертвенник, – *Цари*, имеющие власть чудодейственною помощию благоуправлять вас к миру и спасению. Вы боитесь не найти ни одного духовнаго наставления близ себя, в свое время. Он дает вам всех

духовных наставников, из всех времен вся Вселенская Церкви, и в них делает для вас доступными все духовныя познания и опыты, все дарования и силы благодатныя.

При сем не без сожаления и не без удивления воспоминаю, что некоторые из Христиан не хотят угодивших Богу наставников воспоминать воспоминанием благочестия и веры, и особенно прибегать к их помощи в молитвах. Не нужно, говорят, никакого ходатайства пред Богом, кроме ходатайства Христова; и ходатайством простых человеков было бы оскорблено ходатайство Богочеловека. Сие мудрование подобно тому, как если бы кто вздумал утверждать, что в царстве, ни в самых даже и малых делах, ни к кому не должно прибегать, как только к царю, и не чрез кого инаго, как только чрез сына царева; и что прибегающий к посредству подчиненных властей, и рабов царевых, имеющих доступ к его престолу, оскорбляет верховное достоинство царя и высокое предстательство сына его. Не царь ли своею властью действует чрез подчиненныя власти? Не к его ли милосердию прибегают чрез посредство верных ему рабов? Не Бог ли и Христос действует и славится чрез Святых Своих? Не к Его ли благодати прибегают чрез их посредство смиренные молитвенники, почитающие себя недостойными непосредственно приступать к Богу и Христу? Не совершенно ли согласно с крайнею чистотою Божества и с крайним также Его снисхождением и милосердием то, что наши молитвы несовершенныя и неочищенныя, вспомошествоющею молитвою Святых очищаются и делаются способными к приятию на пренебесный мысленный жертвенник.

Но возвратимся еще раз к завещанию Апостола. Заповедав нам помнить Святых наставников наших, он указывает цель сего воспоминания, чтобы мы, *взирающе на скончание жительства их, подражали вере их*. Что мы, по благодати Божией сохраняем Апостольскую заповедь, о сем свидетельствует самое сие собрание, ради памяти Богомудраго наставника нашего, Святителя Алексия. Остается нам помыслить и попещись о том, идем ли мы точно к цели, указуемой Апостольскою заповедию. Иных ударяющий гром заставляет перекреститься: несчастье, болезнь, печаль, приводит им на память Святых, как утешителей, целителей, помощников, и побуждает призывать их. Хорошо и то, что в бедах прибегаем к предстательству и помощи Святых; конечно это лучше, нежели совсем забывать их: но не довольно воспоминать их только по случаям и по нуждам временным. Всех нужд важнее то, чтоб воспоминать их для подражания вере их и неразлучному последствию истинной веры, богоугодному житию их. Та только память Святых угодна им и Богу, и спасительна совершающим оную, которая совершается с искренним желанием подражать им, и достигнуть полного с ними во свете Божиим общения чрез оовещение и нас самих. Аминь.

ССХIV.

133. Речь

**Его Императорскому Высочеству Всероссийскаго престола Наследнику,
Государю Цесаревичу, Великому Князю, Александру Николаевичу,
пред вступлением в Московский Успенский Собор.**

(Говорена июля 24; напечатана отдельно и в собраниях 1844 и 1848 гг.)

<1837 год>

Благоверный Государь!

Всегда светло для нас Твое пришествие, как заря от Солнца России, но на сей раз новые виды, новые чувствования и думы.

С особенною радостью встречаем Тебя после Твоего путешествия даже в другую часть Света, хотя все в одном и том же Отечестве; ибо сердце наше трепетно следовало за Твоим ранним, дальним и быстрым полетом.

Но что значит сие путешествие? Не то ли, что сказал древний мудрец: *обходя страны, умножит мудрость*? Тебе должно наследовать мудрость, объемлющую огромное из царств земных: и дальновидная попечительность Августейшаго Родителя Твоего, сверх домашнего руководства к сей мудрости, назначила для Тебя учебною храниною – Россию.

И что же? *Обходя страны* России, уже Ты простерся далее, нежели кто либо из ея Царей. Собственное око Твое собирает или поверяет и умножает сведения о ея силах, средствах и потребностях. Каких вождельных плодов должна надеяться от сего Россия!

Се и на древлепрестольный град простираешь наблюдательные взоры. Глубокая мысль ведет Тебя почтить здесь святыню, освящающую Царей и хранящую приснопамятный покой освященных ею Твоих родоначальников. Здесь наипаче прикасаешься Ты сердцу России, и его жизненную силу, которая есть наследственная любовь к наследственным Государям, отразившую в прежних и нынешнем веках столько враждебных сил, видишь в ея свободной игре, – в сих волнах стремящегося к Тебе народа, в сих восторженных взорах, в сих торжественных восклицаниях.

Любовь Россиян да соделает Тебе легким труд, внушенный любовью к России.

Когда же возвратишься к Возлюбленному Тебе и нам Твоему Родителю: возвести Ему, что Россия чувствует Его дальновидную о ней попечительность; что мы благословляем Его как за себя самих, так и за потомство; что мы молимся, чтобы род и род потомства возрастал и созревал пред очами Его и Твоими, дабы за себя и за нас благословлять Его и Тебя.

ССХV.

134. Речь

Его Императорскому Высочеству, Всероссийскаго престола

Наследнику, Государю Цесаревичу, Великому

Князю Александру Николаевичу, пред вступлением

в Свято-Троицкую Сергиеву лавру.

(Говорена Августа 2; напечатана отдельно и в собраниях 1844 и 1848 гг.)

<1837 год>

Благоверный Государь!

В других местах предметом исследования Твоего были богатства природы, способы искусства, действия власти. Здесь наблюдательный взор Твой усмотрит, что может один человек, без пособий природы, искусства, власти, с одною силою, часто неприметною для мира, – с силою благочестия.

Здесь была пустыня, и жили звери; потом была пустыня, и жил один отшельник.

Но как его удаление телом от мира было стремление сердцем к Богу: то благословения и силы Неба пролились на него, и оросили место его. Пустыня его превратилась в вековую обитель, в разсадник учения и жизни духовной, в сокровищницу даров благодатных: и, поелику *благочестие на все полезно есть, обетование имеюще живота нынешняго*, также как *и грядущаго*, – Сергиева обитель сделалась твердынею, на которую иногда могла опереться Столица и Россия. Под сими стенами сокрушились волны, которые поглотили было Столицу и Россию от того, что потрясен был ея твердейший оплот, – верное наследование Престола.

Благоговейное посещение Преподобнаго Сергия в обители его, всегда было по сердцу Благочестивейших Государей наших. Что ТЫ наследовал сие благочестивое чувство, подобно как и все возвышенное, достойное твоего рода, – тому свидетель – нынешний день.

Вниди, Благоверный Сыне Царя Благочестивейшаго! Пред олтарем Триипостаснаго Бога, предай желания чистаго сердца неземному молитвеннику, который еще паче очистит и возвысит их, и которому ближе положить их на небесный Олтарь.

Нам же даруй утешение вместе с Тобою молиться за безценное долгоденствие и благоденствие Твоих Августейших Родителей, и Твое.

ССХVI.

135. Речь

Ея Императорскому Величеству, Благочестивейшей Государыне

Императрице Александре Феодоровне,

пред вступлением в Московский Успенский собор.

(Говорена Августа 4; напечатана отдельно и в собраниях 1844 и 1848 гг.)

Благочестивейшая Государыня!

Древняя Столица юнеет от радости, встречая Твой пресветлый Материнский взор, отражающийся в цветущих взорах Первороднаго из Твоих Сынов и Первородных из Твоих Дщерей.

Как счастлива Москва, которой суждено было принять Твоего Первенца в свои объятия, при самом Его рождении, – как она счастлива, что ей же даровано видеть Его возвращение в Твои объятия, после первых подвигов Его, в жизни возмужавшей.

Возвращаясь, Он приносит Тебе радость, которою возрадовались о Нем миллионы Россиян. Тобою рождена вся сия радость. Так благословил Тебя Господь, купно с Твоим Августейшим Супругом.

Да благословляет душа Твоя Господа святою радостью и благодарением. Господь же Твое благодарное пред Ним сердце да продолжит исполнять новыми благословениями и радостями.

ССХVII.

136. Слово

**в неделю первуюнадесять по Пятдесятнице,
и в день коронавания Благочестивейшаго Государя
Императора Николая Павловича.**

(Говорено Августа 22; напечатано в Христ. Чтен. 1838 г. и в собраниях 1844 и 1848 гг.)

<1837 год>

*Не подобаше ли и тебе помиловати
клевету твоего, якоже и аз тя
помиловах? Матф. XVIII. 33.*

Евангельское чтение настоящего воскреснаго дня назначает предметом настоящего слова учение о прощении согрешающих. Сие не будет неблагоприятно и для особеннаго настоящего торжества о Благочестивейшем Государе императоре Нашем, Богом венчанном и священно-помазанном. Святое учение кстати встречается с достойным себя примером, и назидательныя размышления облегчаются приятными воспоминаниями верноподданнической любви.

Сколько в обширной державе Благочестивейшаго Императора Нашего людей, которые пред Его правосудием были в долгу, иногда и очень тяжком, но которых судьба может быть изображена сею Евангельскою чертою: *милосердовав же господь раба того, прости его, и долг отпусти ему!* Сколько, следственно, таких, которых Он сильным примером собственного милосердия может учить милосердию к согрешающим: *не подобает ли и тебе помиловати клевету твоего, якоже и аз тя помиловах?*

Можно ли не вспомнать теперь, что и Первородный Сын Благочестивейшаго Государя нашего, вступая с возрастом в неотсрочное наследие Родительских добродетелей, одно из ранних движений наследственной благодати явил в сострадательном внимании к судьбе должников правосудия, и в ходатайстве пред Августейшим Родителем о ея облегчении, какое только возможно милосердию без оскорбления правосудия; и что милосердие Царя с радостью отозвалось милосердию Сына Царева?

И так возвратимся к Евангелию, и возьмем оттуда побуждение и способ перенести и в наши дома и в наши сердца – добродетель, столь светло сияющую пред нами на престоле.

Чтобы учение о прощении согрешающим соединить с побуждением к исполнению оного, Божественный Учитель наш предлагает оное в поразительной притче.

Царь требует отчета от подданных, у которых было в руках множество богатства, ему принадлежащего. Приводят одного, который должен ему десятью тысячами талантов, то есть, долгом, для подданного неоплатным, и который за то, по законам царства, должен быть продан с женою и детьми. Несчастный, не зная, что делать, просит отсрочения уплаты. Но Царь сжаливается, и совсем прощает долг.

Величественное зрелище милосердия! Должник не имеет средств к оправданию; закон осуждает его; царь имеет всю власть исполнить осуждение; повинный не почитает возможным просить, чтобы долг был прощен, а разве только отсрочен: и внезапно – долг прощен. Это так прекрасно, что, если бы Господь, не продолжая речи, сказал, как некогда в другой притче: *иди, и ты твори такожде* (Лук. X. 37), сердцу неокаменелому надлежало бы тотчас отвечать: пойдем, исполним.

Но Господь не благоизволил остановиться, показав, как прекрасна добродетель; Он провидел, что не все пленятся ею красотою; и признал нужным показать безобразную противоположность. Притча продолжается.

Прощенный должник встречает своего должника, одного из своих клеветников, подданных того же царя. Долг маловажен: только сто пенязей. Однако прощенный заимодавец взыскивает с своего должника строже, нежели Царь заимодавец: *емь его давяше*. Слышит ту же мольбу, которую сам приносил царю: *потерпи на мне, и вся воздам ти*: но не воспоминает прошедшего, не трогается настоящим, и бросает своего должника в темницу.

Какая неуместная жестокость! Сам прощен: а простить не хочет. Сам просил отсрочения уплаты невозможной: а не хочет отсрочить возможной. Если предыдущая часть притчи сильно побуждает к тому, чтобы простить: то сия вторая часть еще сильнее отражает самую мысль о том, чтобы не простить.

Третья часть притчи показывает последствие жестокости, которую оказал прощенный непрощающий. Царь узнает об его поступках; берет назад свое великодушное прощение; и предает его истязателям, *дондеже воздаст весь долг свой* – неоплатный.

Нельзя не чувствовать силы сей притчи. Надобно только узнать ее верное приложение.

Что значит иносказательное лице Царя заимодавца, Господь Сам истолковал в заключении притчи: *также и Отец мой небесный сотворит вам*. И так Царь заимодавец есть Отец небесный. Чрез сие определяется значение всех частей притчи.

Что же дал нам в долг Отец небесный? – О, как много! Больше, нежели тысячи талантов! Дал Он нам бытие и жизнь, тело и душу, разум, сердце и чувства; дал землю под ноги наши, прекрасный шатер неба над главы наши; дал солнце нашему зрению и жизни, воздух нашему дыханию; дал животных во власть нашу, и многообразныя произведения земли для наших нужд и удовольствий, для пищи, для одежды, для жилища, для упражнения нашей деятельности к произведению полезного и приятного. Скажет ли кто при сем, что слишком гордо думать, будто для нас и земля, и солнце, и небо; таковому отвечаю: если ты думаешь о сем гордо, советую тебе отложить свою гордость, и думать о сем смиренно и благодарно пред благодетелем Богом, а не думать, будто мысль, злоупотребленная гордостью, потому самому перестает быть истинною. Скажешь ли еще, что землею, солнцем и небом пользуешься не ты один, и не только все человеки, но и

безчисленное множество других тварей Божиих; отвечаю: что до того? Тем более чудно, тем более необъятно богатство Божие, что, хотя им пользуются безчисленные существа, но и ты пользуешься им так, что оно совершенно для тебя приготовлено, и к твоим потребностям приспособлено. Найди способ обойтись без земли, солнца и неба, – и тогда не почитай себя за них должником пред Богом: а если сего не можешь сделать, то признай, что каждый луч солнца, который тебя освещает или согревает, каждая капля воздуха, которую ты берешь себе дыханием, есть твой новый заем из сокровищ Божиих, – заем, всегда продолжаемый, ежеминутно возобновляемый, и следственно, всегда неоплатный. Но из одних ли сокровищ творения занимаем мы у Творца? Как щедро дарует нам еще Всеблагий Промыслитель из сокровищ Своего провидения, – ежеминутное хранение наших сил и способностей, помощь и содействие во всем благом, средства и пособия к жизни благоустроенной и благополучной, добрых и любящих родителей, благоразумных воспитателей, праведного и благодетельного Царя, безопасность общественную, успехи в начинаниях, невидимо устрояемое избавление от бед, когда очевидно *суетно спасение человеческо* (Псал. LIX. 13). Что сказать о важнейшем еще, и еще более неоценимом заимодательстве Божиим из сокровищ благодати? Нам грешникам, омраченным, погибшим, даровал Господь свет веры, надежду спасения, смертью Сына Своего Единородного заплатил за искупление нас от вечной смерти, которой мы предали себя грехом; как залог, как начаток, как напутствие жизни вечной и блаженной, дал нам Духа Своего Святого, крещение возрождения, нетленную пищу тела и крови Христовой. О, если бы мы были вечными должниками Божиими потому только, что благодеяния Божии к нам безчисленны и вечны!

Но это еще не все. Есть новые долги наши перед Богом, которые болезненно нас тяготят и глубоко унижают, – долги, происходящие и возрастающие от того, что мы и заимоданное нам во зло употребляем, и возможного с нашей стороны Великому Заимодателю, или, по Его поручению, клеветам нашим, не воздаем. Всегда ли верно воздаем мы Богу славу, благодарность, молитву, ближнему любовь, бедствующему сострадание, бедному возможную помощь? Тщательно ли употребляем мы в оборот заимоданные нам таланты, – время всегда ли на занятия полезные, или, по крайней мере, невинные, разум всегда ли для истины, сердце всегда ли на движения к добру, чувства всегда ли на подвиги умеренности воздержания и чистоты? Можем ли похвалиться, что удовлетворяем в сих отношениях своему долгу? – *Тебе, Господи, правда, нам же стыдение лица* (Дан. IX. 7)!

После сего, братия, усмиранный, как думаю, взор наш обратим на то, что притча Господня оценивает маловажною ценою *ста пенязей*, – на долги ближних наших пред нами, на их согрешения против нас, на несправедливости, или оскорбления, нами от них претерпеваемые. Как малыми, как ничтожными являются все долги сего рода, когда имеем в виду наши собственные долги пред Вседержителем! Небрежно коснулся ктонибудь нашей чести: можно вовсе не заметить сего, если мы заняты справедливо заботливою мыслию о том, как часто мы невоздаем должной чести и славы великому и всеблагому Богу. Ктонибудь несправедлив против нас: не трудно стерпеть и простить, если разсуждаем, что попустил сие Бог, пред Которым мы так часто, так тяжко неправы. Тому, кто не забывает, что по безконечному только милосердию не низвержен он в вечную темницу, трудно забыть до того, чтобы до уз и темницы преследовать ближнего без необходимости, за оскорбленное своекорыстие или самолюбие.

Но если, к стыду нашему, Христиане, мы забываемся, и помилованные не милуем, и прощаемые не прощаем: то поспешим напомнить себе, что Царь небесный видит; что ближайший к нам клевет, от которого нельзя утаиться, наша совесть, против нас пред Ним свидетельствует и будет свидетельствовать; что придет наконец день, когда и

Долготерпеливый *путесотворит стези гневу Своему* (Псал. LXXVII. 50), то есть, правосудию; что упрек небеснаго Судии, который слышим заранее, и который еще можем обратить себе в орудие исправления и спасения, тогда уже неисцельно пройдет душу нашу, как оружие суда и наказания: *не подобаше ли и тебе помиловати клевету твоего, якоже и аз тя помиловах?*

Для заключения сего слова надобно вполне выслушать заключение притчи Господней: *также и Отец Мой небесный сотворит вам, аще не отпустите кийждо брату своему от сердец ваших согрешения их. От сердец ваших:* в сем заключается дух учения о прощении согрешающим, и разрешение могущих встретиться недоразумений. Прости от сердца: не наружно только, и не лицемерно. Прости от сердца: и все сделано, хотя бы потом потребовались от тебя внешния действия, выражающия, по видимому, не прощение, а взыскание. Должника не беднаго, а лукаваго, можно и в темницу всадить в духе помилования, как будто в больницу для излечения его от язвы лукавства. Царь или судия также не нарушают заповеди о прощении согрешающим, когда определяют наказание виновному, не мстя ему, но исправляя его, и предохраняя невинных от его преступлений. Так добрая мать плачет, и берет розгу на упрямое дитя: без сомнения, в сие время она не мстит, а разумно любит. Прощай согрешающему от сердца, с любовью: а между тем, если можешь и должен, исправляй его с благоразумием и также с любовью. Аминь.

ССХVIII.

137. Слово

по освящении храма Святыя Мученицы Татианы, при Московском Университете.

(Говорено сентября 12; напечатано отдельно и в собраниях 1844 и 1848 гг.)

<1837 год>

*Взысках Господа, и услыша мя, и от всех
скорбей
моих избави мя. Приступите к Нему и
просветитесь,
и лица ваша не постыдятся.
Пс. XXXIII. 5. 6.*

И так вот дом молитвы под одним кровом с домом любомудрия. Святилище таин приглашено в жилище знаний, и вступило сюда, и здесь основалось и утвердилось своими тайнодейственными способами. Видно, что Религия и Наука хотят жить вместе, и совокупно действовать к облагорожению человечества. Снисходительно, со стороны Религии: возблагодарим ея снисхождению. Благоразумно, со стороны Науки: похвалим ея благоразумие.

Не скажу: высочайший Мудрец, ибо сие наименование было бы еще низко для Того, о Ком теперь думаю; – Тот, Который есть Само-премудрость, и единственный источник всякой мудрости, в Котором *вся сокровища премудрости и разума сокровена*, Который, открывая Свои сокровища, *дает премудрость, и от лица Котораго исходит познание и разум*, – Он пришел сюда ныне, и притом не только как посещающий Гость, но и как

водворяющийся Обитатель; и открывает здесь Свое училище, какого никто, кроме Его, ни до Него, ни после Его, не мог образовать; – училище, всегда довольно высокое для самых возвышенных умов и душ, и вместе довольно простое для самых простых и смиренных земли; – училище, которое не ласкает надеждою степени учительской, а хочет сделать все народы, не более, как *учениками*, но которое, будучи так не приманчиво, при первоначальном образовании своем, привлекло и переучило по своему древле ученый мир; – училище, в котором, без нарушения справедливого уважения и любви к известным наукам, можно заметить преимущественно достойные неповерхностного любопытства предметы учения. Слово жизни, – философия не по стихиям мира, художественными опытами убиваемым и раздробляемым на мелочи, и, по естественной соразмерности последствия с причиною, дающим не очень живые и не очень огромные познания, но по живым и животворным началам *премудрости Божией, в тайне сокровенной, юже уготова Бог прежде век в славу нашу*, – созерцание Верховной Единицы в единосущной Троице, и Троицы в Единице, как истинного корня всего числимаго, как безмерного основания всего измеряемаго, – познание земли и неба, не то могильное познание земли, которое по глыбам и слоям сходит в глубину ея, как в могилу, и остатками разрушения хочет истолковать жизнь погребенную и оставшуюся, без надежды воскресить погребенную, и сохранить оставшуюся, не то стеклянное познание неба, которое посредством дальнозрительных стекол следит пути звезд, не пролагая зрителю пути в небо, но познание земли и неба, в начале добрых зело, потом земли проклятой в делах человека, и неба сделавшагося *нечистым* (Иов. XV. 15), далее, земли, которая с сущими на ней делами сгорит, и неба, которое пройдет, наконец *новаго неба и земли новой, в которых правда живет*, и в которые можем переселиться и мы, если правдою жить будем, – законодательство, не какое нибудь древнее Греческое и Римское, которому время дало важность, и которого время показало слабость, потому что Государства, которых хотело благоустроить и упрочить сие законодательство, давно исчезли, но законодательство, которым Царь неба и земли благоустроит Свое царство всех веков и Свое владычество во всяком роде и роде, и, что особенно важно для каждого из нас, законодательство, которым Он хочет устроить Свое царство внутри нас, если мы решительно и деятельно возжелаем сделаться сынами Его царствия, – врачебная наука душ, преподающая средства не только исцеления от болезней душевных, но и воскресения от смерти духовной, показывающая способы не только сохранять от разрушительных нравственных недугов жизнь, какую имеем, но и обретать новую, лучшую, открывающая не мечтательное, а подлинное, всеисцеляющее врачевство, Плоть и Кровь Богочеловека, и единственное начало высшей жизни, Благодать Святого Духа: – не занимательны ли должны быть сии учебные предметы? Не достоин ли ревностного слушания и последования Единственный Учитель, Который преподавал и преподает их в Своем вселенском училище? И что же препятствует слушать Его и поучаться от Него? Напротив, как близко и как удобно! *Приступите к Нему, и просветитесь.*

Сии призывныя к просвещению и к Просветителю слова принадлежат очень древнему и бесспорно высокому служителю просвещения, Царю и Пророку Давиду. Повторим их несколько в большей полноте: *взысках Господа, и услыша мя, и от всех скорбей моих избави мя; приступите к Нему, и просветитесь, и лица ваша не постыдятся.* Чтобы лучше выразуметь сие, надобно вспомнить, что древние почитали невозможным видеть Бога, и что сам Бог некоторым образом утверждал их в сей мысли, когда рек Моисею: *не возможеши видети лица Моего; не бо узрит человек лице Мое, и жив будет* (Исх. XXXIII. 20). Итак державный певец псалмов не чрезмерное ли, не противное ли верованию своих времен предлагает, когда предлагает приступить ко Господу, и от Него непосредственно просвещаться? Чтобы не обременить Пророка виною погрешности в Богопознании, несообразной с просвещением Пророка, мы по необходимости должны взять в соображение другой вид Богопознания, также представляющийся у древних

Евреев. Внимательное исследование священных книг Еврейских показывает, что Бог являлся в образе существа сотворенного, Ангела, человека, но с Божиим именем, с Божеским действием. Чем неожиданнее встречается сей человекообразный вид Богопознания под владычеством главной мысли о Боге невидимом, неприступном, непостижимом: тем легче узнать в нем особенное устройство провидения, именно, раннее к человечеству снисхождение Сына Божия, предварительно являющегося в очертании Своего будущего воплощения, подобно как солнце, прежде восхождения своего, является в утренней заре, а иногда и в воздушном отражении круга своего. Теперь становится понятным, как Давид невидимаго и неприступнаго Бога представляет видимым, безопасно доступным и просвещающим приближающихся к Нему; а с сим вместе определительно дознается и то, что Пророк приглашает приступить для просвещения нашего к тому точно Господу, которого мы называем Господом нашим Иисусом Христом. И так Христос есть Свет и древняго мира, также как новаго! И отдаленный древний мир указывает не на иной свет, как на сияющий нам так близко во Христе! Куда же и теперь приглашать любителей просвещения, как не к сему Свету? *Приступите к Нему, и просветитесь.*

Если вникнуть в союз сих пригласительных слов у Пророка с предыдущими и последующими: то можно усмотреть, что с призыванием к Господу Просвещающему он желает соединить убеждение к принятию сего призывания. Когда он говорит: *взысках Господа, и услыша мя, и от всех скорбей моих избави мя*: он указывает чрез сие на свой личный опыт, сперва несчастный, потом счастливый. *От всех скорбей моих*: видно, скорби его были многочисленны, тяжки; видно на обыкновенных стезях мирской жизни не встречал он ни облегчения, ни помощи, ни утешения. *Взысках Господа*: – видно, и помощь от Бога не легко получил он, или потому, что, не искусясь трудным опытом, не был довольно просвещен, или потому, что слишком глубокий мрак скорби скрывал от него путь Божий: ибо не говорит, что прибегнул к Господу прямо, приступил близко, но говорит, что *взыскал Господа*; ищут же не того, что видят, или к чему путь верно знают. Что же однако наконец принесло искание Господа? – *Взысках Господа, и услыша мя, и от всех скорбей моих избави мя*. Как блуждающий в темноте, или в лесу, или в дебрях, голосом ищет избавителя, которого не может видеть, и состраждущий, услышав, отвечает ему, приближается к нему, и прекращает его затруднение: так Давид взыскал Господа гласом скорби и молитвы, и Господь, услышав, отвечал ему гласом благодати, приблизился к нему, и прекратил все его скорби. Теперь Давид, из несчастного счастливый, хочет делиться своим счастьем; благодарный к Избавителю, хочет споспешествовать избавлению бедствующих человеков: и потому, в след за указанием на свой счастливый опыт, произносит воззвание, побуждающее не только искать Господа, как сокровенного, но и приступать к Нему, как уже обретенному: *приступите к Нему, и просветитесь, и лица ваша не постыдятся*. Такое последование изречений дает нам право разуметь сие последнее так, что Пророк обещает от Господа не только просвещение ума, светом истины Христовой, но и просвещение сердца, светом Духа Утешителя, в преизобилующем утешении которого всякая скорбь земная исчезает, как капля горечи в чаше сладости.

Найдя, что Пророк призывает к просвещению от Господа, яко к средству против скорбей, не подумаем впрочем, будто его призывание в сем смысле относится только к некоторым людям, в некоторых обстоятельствах. Нет. Он взывает: *приступите, – просветитесь, – а* не называет никого, к кому бы обращал сие воззвание, без сомнения, в том знаменовании, что взывает ко всем, которые имеют уши слышати. Спросим себя: без скорбей ли прожили мы доньше, и надеемся ли прожить без скорбей? Не думаю, чтобы кто так решительно похвалился прошедшим, или поручился за будущее. Спрошу особенно: кто из нас ненарушимо обладает блаженством, о котором говорит древний благочестивый мудрец: *блажен муж, иже не поползnesia устнами своими, и не уязвися печалию греха*

(Сир. XIV. 1)? Если паче чаяния захотел бы кто сказать, что он сохранил и сохраняет сие блаженство: таковому предварительно заграждает уста непрекословный обличитель, избранный по чистоте, ученик Христов Иоанн: *аще речем, яко греха не имамы, себе прельщаем, и истины несть в нас* (1 Иоан. I. 8). Но если мы не так прельщены сами собою, не так чужды истины, чтобы не признавать в себе греха, и следственно подвержены печали греха: то спрашиваю всех имеющих, или когда-либо имевших притязание на просвещение и мудрость: где та мудрость, которая бы научила меня утешиться в печали греха? Где то просвещение, которое осветило бы мне путь избавления от скорбей жизни; и наипаче от скорбей совести? Где та наука, которая бы удовлетворительно разрешала, ни для кого из нас не посторонний, вопрос о возможном облаженствовании человека, и особенно человека согрешившаго и повиннаго пред Богом: ибо хотя издревле не мало Любомудрствовали о блаженстве человеческом по разуму, но мало имели успеха, частию потому, что не понимали главной трудности вопроса, происходящей от мысли о грехе и о виновности пред Богом, частию потому, что суетились, как бы облаженствовать временную жизнь человека бессмертнаго, то есть, хотели подсластить каплю, не заботясь, сладко или горько будет море, которое после нея пить надобно? Где человек, который бы просветил меня так, чтоб *лице мое не постыдилось* пред Богом и пред собственным сердцем, зазирающим согрешающему? Изыскатели сил, движущих небо и держащих оное в порядке и равновесии! не найдете ли вы мне силы, которая бы исправляла мое уклонение от истиннаго пути неба, которая бы достаточно противодействовала моему вольному и невольному тяготению к аду? Ведцы прав Божеских и человеческих, естественных и общественных! вы не можете не признать, что нет естественне и безызъятнее права, как то, которое имеет Бог требовать, чтобы никакая тварь Его не нарушала Его воли и закона никаким действием, никаким словом, которое также есть своего рода действие, никакою мыслию и желанием, которая в области духа и всеведения суть тоже, что слова и действия в области чувств; что поступивший в противность правам Самодержца теряет чрез сие собственные права, которыми пользовался по его милости, и которыми, по коренным началам Царственного благоустройства, не мог пользоваться иначе, как с обязанностью вернаго послушания; что по тем же началам он подвергает себя укротительным или карательным действиям правосудия. Таким образом и ваша наука, так же как и совесть, *постыждает лице* грешника: но найдет ли она средство изгладить его стыд? Говорят у вас, что сделанное не может быть не сделанным: сие изречение осуждает грешника на вечный стыд сознаваемого греха. Бог милосерд: говорят часто без размышления, и на сей мягкой мысли хочет уснуть неразборчивая совесть: но мысль о милосердии Божиим, столь сильным, столь сладким светом просвещающая область веры, не может быть приведена в подобное действие в области естественнаго мудрствования, одними условиями умозаключающаго разума. Бог милосерд, но и правосуден; бесконечно милосерд, но и бесконечно правосуден; весы понятий стоят равно, и нет причины, почему бы надежда на милосердие Божие могла перевесить ужас правосудия Божия. Что грешник подлежит правосудию Божию, то очевидно; в каком он отношении к милосердию Божию, то по разуму неопределимо; а каким образом Божие милосердие может преизбыточествовать для грешника без нарушения прав Божия правосудия, сие, без особеннаго откровения свыше, совершенно непостижимо. Кто же разрешит мои недоумения? Кто просветит тьму мою? Кто утешит меня верным и непосрамляющим упованием на милосердие Божие? Кто *избавит мя от всех скорбей моих*. – Тебе Единому возможно сие, от Бога пришедший Учителю, Свете мира, Посетителю душ, Господи Боже, Спасителю Иисусе! Твое чудесное явление в мире, Твое слово, которому подобно *николиже глагола человек*, наипаче же Твои за меня страдания, Твои раны, Твоя крестная смерть суть такая доказательства спасающаго милосердия, которая сильны и достаточны, – и оне только сильны и достаточны, – не только земную тьму неведения, сомнения, скорби, но и адский мрак отчаяния просветить сладким, животворным, неугасимым светом. Как бы ни глубоко

*уязвлено было сердце мое печалию греха; как бы ни было изранено и растерзано скорбями земной жизни; – когда внутренним движением веры прилагаю мои сердечные раны к Твоим крестным ранам: текущая из них Твоя бессмертная и воскрешающая жизнь касается моей жизни умирающей или уже умершей; и Твой Божественный свет просвещает омраченного; творческое Слово Твое возставляет падшего, исцеляет недугующего, воскрешает умерщвленного: утешение Духа Твоего или избавляет от всех скорбей, или самые скорби делает утешительными, самые страдания радостными, в причастии Твоих спасительных скорбей и страданий; с тобою *лице мое непостыждается* пред Богом Отцем Твоим и пред собственной моею совестью; ибо *кровь Твоя очищает совесть мою от мертвых дел*; правда Твоя покрывает мою самоосужденную неправду; ходатайство Твое дарует мне дерзновение пред Отцем Твоим, и, как Ты научил и дал нам право нарицать Его и нашим Отцем, сего ради славлю Тебя, Единственный Просветитель, и хотя недостойным гласом, с достойным служителем Твоего вечного просвещения, взываю о Тебе ко всем просвещенным и непросвещенным века сего: – *приступите к Нему*, – благоговеющим умом, верующим сердцем, молящимся духом, послушною волею, приблизьтесь, *приступите к Нему, и просветитесь, и лица ваша не постыдятся*. Аминь.*

ССХІХ.

138. Слово

в день обновления храма Воскресения

Христова, что в Барахах.

(Говорено сентября 13; напечатано в собраниях 1844 и 1848 гг.)

<1837 год>

*Быша же тогда обновления во
Иерусалимех. Иоан. X. 22.*

И ныне Православная Церковь празднует обновление храма; и сей храм в особенности, благодаря усердию Христолюбивых душ, торжествует свое обновление. От чего сей праздник, и к чему он служить должен? – Ибо всякое учреждение Церковное должно быть утверждено на святом основании; должно иметь целью благо духовное. Праздник без основания и без пользы, был бы не достоин не только мудрости Христианской, но и простаго благоразумия человеческого.

Обычай торжественно совершать обновление храма, и даже торжественно воспоминать совершение онаго, имеет свое основание в примерах глубокой и священной древности.

Когда явление Господа Иакову во сне над лестницею, соединяющею землю с небом, подало ему первую, может быть, на земли мысль о местном присутствии невместимаго Бога: *есть Господь на месте сем* (Быт. XXVIII. 16); и когда Иаков назвал место сие *домом Божиим*: тогда он, одинокий странник, с посохом в руке, и с дорожным запасом хлеба и масла на плечах, конечно не мог воздвигнуть сей дом Божий в огромном и великолепном виде; однако еще будучи в духе Богосообщения, побужден был, по крайней мере вместо олтаря, поставить камень, на котором спал, и возлить на него елей, какой имел с собою. Что ж это такое, как не опыт безкровнаго олтаря, неожиданный во времена кровавых

жертв, и его обновление, посредством помазания, – действие, которое и ныне видите вы в миропомазании олтаря, при освящении храма Христианского?

После того, как Моисей по повелению Божию, воздвигнул скинию свидения, то есть, подвижный храм в походном стане странствующаго народа Израильскаго, в книге Числ о торжественном обновлении сего храма пишет он следующее: *и бысть в день, в оньже сконча Моисей, яко же поставити Скинию, и помаза ю, и освяти ю, и вся сосуды ея, и олтарь, и вся сосуды его, и помаза я, и освяти я, и приведоша Князи Изральтестии – дары своя пред Господа* (VII. 1–3). И здесь видим помазание, но уже помазание не простым елеем, как у Иакова по нужде, а миром благоуханным, по особенному повелению Божию устроенным, и назначенным единственно для освящающаго помазания, притом помазание не олтаря только, но и храма, с его принадлежностями. Подобно сему и в освящении Христианскаго храма видите вы не только помазание олтаря, но и помазание храма, крестообразно, по четырем странам света.

Когда вместо скинии создан был неподвижный храм во Иерусалиме: для обновления онаго *сотвори Соломон праздник в той день, и весь Израиль с ним, собор велий* (3 Цар. VIII. 65). Поелику в сей новый храм должна была переселиться древняя святыня скинии, Кивот завета Господня, который особенно представлял присутствие Божие: потому особенное действие в торжестве обновления было то, что *внесоша Иереи кивот завета Господня на место его, во святая святых, под крила Херувимов* (VIII. 6). Сему при обновлении Христианскаго храма соответствует торжественное внесение в оный священных останков святых Мучеников или других Святых прославленных, чрез которое представляется вступление в оный Самого Царя славы, Иисуса Христа, во Святых почитающаго.

Можно сказать, что обновление скинии Моисеевой и храма Соломонова, не только служители святыни и народ, но и Сам Бог торжествовал, исполнив святилище славою Своею в подобии облака, и ниспослав небесный огонь на жертвы. Не позавидуем ли мы сей чудесной торжественности? – Да не будет. Тогда были времена видимых образов и знамений. Нам сказано: *блажени не видевшии, и веровавши* (Иоан. XX. 29). И теперь светлый облак благодати Божией осеняет не очи, но сердца верующих; и теперь огонь любви Божественной восплаляет, не агнцев, но сердца кротких; и ведают опытно достойные, хотя не видят недостойные.

И чудесно обновленный храм Иерусалимский разрушен, не столько враждебною силою Вавилонян, сколько гибельным преобладанием грехов народа Иудейскаго. Но после возвращения его из пленения Вавилонскаго, паки новый храм, и паки *сотвориша сынове Израилевы, священницы и Левити, и прочии сынов преселения обновление дому Божия в радости* (1 Езд. VI. 16).

Потом, когда и в сем храме, хотя не разрушенном, но обнаженном от святыни Сирийцами, надлежало, и оказалось возможным, вновь устроить святыне сосуды и жертвенник, опять вси людие *сотвориша обновление олтаря дний осмь, и принесоша всесожжения с веселием* (1 Мак. IV. 56). Чем безнадежнее было пред сим состояние Иудеев; тем сие событие было радостнее, и достойнее всегдашней пред Богом благодарности: а потому *и устави Иуда и братия его, и весь собор Израилев да празднуются дние обновления олтаря во времена своя на всяко лето* (59).

И вот праздник обновления, о котором упоминает Святой Евангелист Иоанн: *быша же тогда обновления во Иерусалимех, и зима бе; и хождаше Иисус в Церкви, в притворе Соломони*. Из сего повествования видно, что Сам Иисус Христос уважил праздник

обновления, и посетил храм ради праздника, хотя время не благоприятствовало празднику: *зима бе*, и, что гораздо хуже воздушной непогоды, *зима бе неверия*, как дополняет Святаго Иоанна Богослова Святый Григорий Богослов.

После того, как ветхозаконный праздник обновления во Иерусалиме украшен и возвышен, поелику на нем, – скажу опять словами Григория Богослова – *Иисус присутвоваше, Бог сый и храм. Бог вечный, храм новый, единодневно разрушаемый, и тридневно возставляемый, и пребывающий во веки*; – после сего неудивительно, и понятно то, что и в Христианском мире явилась подобная мысль, обновление храма Воскресения Христова в Иерусалиме сделать общим, ежегодным праздником вселенской Церкви. Надобно при сем вспомнить, что языческая злоба, стараясь истребить Христианство, и самые следы его на земле, святыя места распятия, погребения и воскресения Господня, не только сделала недоступными благоговению Христиан, засыпав землею и камнями, но и поругала поставлением на них идолов. Какая же была, по долгой скорби, радость Христиан, когда святая Елена идолов сих низвергла, святыя места открыла, истинный Крест Господень обрела, Голгофу и пещеру гроба Господня объяла одним обширным храмом! Матерь Церквей передала сию радость Церквам всех мест и времен, и все оне приняли ее, в празднике обновления сего храма. Иногда подражали сему и другие храмы, ежегодно празднуя день обновления своего: но ныне воспоминательный праздник обновления храма обыкновенно скрывается в праздновании дня имени храма, более известного, и потому более способного к общественному торжеству.

Таково, братия, происхождение и последовательное образование Церковного обычая и чина священных обновлений. Предложенныя вам воспоминания и соображения должны поставить вас в благоговейное внимание к настоящему празднику.

Но то, к чему благоговеем, если подлинно достойно благоговения, должно быть для нас и благотворно. Какое же благо должен принести нам праздник обновления?

Священнодействие обновления приносит храму благодать освящения, по которой он из простой храмины становится домом и жилищем Божиим, хранилищем всякаго благословения и освящения для верующих и для приступающих к вере. Для сего собственно назначен чин освящения храма: но это не все.

Празднственное воспоминание обновления храма исповедует благодеяние освящения, и славу Бога Освятителя. Достойно и праведно! Только и это еще не все.

Что ж еще? – *И сами, яко камене живы, зиждитесь в храм духовен* (1 Петр. II. 5), взывает ко всем Христианам, следственно и к нам, Апостол. А другой Апостол и видит уже в Христианах то, чего сей требует *не весте ли, яко храм Божий есте, и Дух Божий живет в вас* (1 Кор. III. 16)? Должно и нам, Христиане, достигать сего, если еще не достигли. О сем своею торжественностию напоминает нам, к сему призывает нас праздник обновления храма.

Но пусть вам и мне говорит о сем древняя Церковная книга: *обновляемся же и мы, суще Церкви Бога живаго, ветхаго отлагающе человека, в новаго же облакающеся, уклонимся от обещавших в нас зол наших, и сотворим благая дела, в новости жизни ходити начение: да якоже человецы рукотвореннаго, сице Ангели нерукотвореннаго душевнаго нашего храма празднуют обновление: радость бо бывает на небеси Ангелом о грешнице, покаянием обновляющемся* (Пролог. Сент. 13).

Легко ли, скажут иные, отложить целого *человека ветхаго*! Легко ли сделаться совсем *новым человеком*? – Положим, что не легко; но если сие достигнуто многими, то и нам возможно. Не легко; но нужно для нашего спасения: разве лучше погибнуть, когда это не так трудно? Не легко дело обновления: но и дела ветхаго человека разве не имеют своих трудностей? Не легко, для лениваго, для опирающагося на собственные силы: но не слишком трудно для ревностнаго, и очень не трудно для верующаго в помощь Божию, всегда готовую. Не должно преувеличением трудностей питать леность и малодушие. Малыя плинфы кладут одну по другой, и созидают огромный храм: подобно сему назидай твою душу, как можно, непрерывно, посильными благами помышлениями, благами желаньями, благами делами, и весь созиждешься в храм духовен. Старайся каждый день отложить что нибудь ветхое, и воспринять новое: и наконец явишься всецело и вечно новым. Если вчера ты заботился только о плоти, которая ежедневно ветшает, и решительно изветшает во гробе: позаботься ныне о духе, который страдает от ветхости твоей, и вечно может страдать от нея, если не потрудишься над твоим обновлением. Если вчера ты наслаждался вкусом избранных яств: испытай ныне вкус простой снеди, приправленной продолжительным воздержанием. Если вчера хвалил ветхое вино: предпочти сего дня новую воду. Если вчера блистал украшениями: узнай сегодня, что несравненно покойнее простая, неизысканная одежда. Если вчера думал о корысти: ныне подумай о милостыне. Если вчера был любителем зрелищ: ныне возлюби Церковныя собрания. Если вчера в книгах празднословных *поучался тщетным* (Пс. II. 1): начни ныне *испытывать писания* (Иоан. V. 39) Богомудрыя. Если сделал и доброе дело: не останавливайся на нем, чтобы не обветшило его самохваление и тщеславие, *но задняя забывая, в предняя простирайся* (Филип. III. 15), к новым подвигам и добродетелям. Если тебе нравилось казаться добрым: не ищи более казаться, но будь. Новый человек не мечта, не призрак, но истина, существенность; не в чужих глазах должен он жить, но в твоей внутренности: *потаенный сердца человек, в неистлении кроткаго и молчаливаго духа, еже есть перед Богом многоценно* (1 Петр. III. 4). Долго ли суетиться для людей, для мира? Надобно наконец жить для Бога. Только живя для Бога, соделаемся мы храмом Божиим, и будет жить в нас Бог, и мы в нем будем жить и блаженствовать во веки. Аминь.

ССХХ.

139. Речь

Благочестивейшему Государю Императору Николаю

Павловичу, пред вступлением в Успенский Собор, по возвращении Его

Императорскаго Величества из Закавказскаго путешествия.

(Говорена октября 27; напечатана отдельно и в собраниях 1844 и 1848 гг.)

Благочестивейший Государь!

Слава Богу. Ты возвращаешься. Ты перешел горы, и горы отнял от наших сердец, озабоченных трудностями Твоих исполинских путей по землям и морям Твоей исполинской державы.

Но конец заботливым помыслам. Осталось с удивлением радоваться.

Продолжая и усовершая начатое Преобразователем России, – давно ли, подобно ему, Ты стоял на бреге Невы, и, под Собственными глазами Твоими созданный корабль,

собственным мановением устремлял в воды западных морей? И уже Ты приходишь к нам из того восточного края, где дальновидный Петр едва успел поставить стопу ноги, и где Ты твердо и обширно владычествуешь.

А между тем – там – твердины, которыми Ты ограждаешь нашу безопасность, становились еще тверже под Твоими стопами. Там – горы, освященные Апостолом России, смирялись под Твоими коленопреклонениями пред древнею святынею. Там – поля Вознесенския содрагались, там – волны Черноморския трепетали, от Твоих громов, мирных, но сильных, как бранные, мирных, но тем не менее победоносных: ибо Твоим предусмотрительно благоустроенным воинством и среди мира Ты непрестанно побеждаешь и низлагаешь, если не врагов, то самый дух вражды и тревоги, который привык-было колебать Европу.

Благочестивейший Государь! подвиги не утомляют Тебя. Но если, по слову Премудраго, *время всякой вещи*, а следственно должно быть некоторое время и покою: то прииди, много ради нас подвизающемуся Духу Твоему дай опочить – на наших сердцах.

Благословение же Господне, которое одно дает и утверждает истинный мир и покой, да почивает выну на Тебе, и на Твоем Августейшем Семействе, и на Твоей России.

ССXXI.

140. Слово

в день восшествия на Всероссийский Престол

Благочестивейшаго Государя Императора Николая Павловича.

(Говорено в Чудове монастыре, ноября 20;

напечатано в Воскр. Чтен. 1837 г. и в собраниях 1844 и 1848 гг.)

<1837 год>

*И возвращу тя зело, зело, и положу тя в народы,
и царие из тебе изыдут.* Быт. XVII. 6.

Если день природы неодоушевленной может нечто говорить внимательному, как некто подслушал и свидетельствовал, что *день дни отпрыгает глагол* (Псал. XVIII. 3): то не больше ли внятно и обильно должен говорить день человеческий, ознаменованный особенными действиями Провидения Божия, или воспоминаниями о них. –

Какое слово может обнять все, что нынешний день говорит уму и сердцу Россиянина? Он говорит, во-первых, о том за четырнадцать лет бывшем дне, в который Бог в сердце приснопамятнаго Александра, и в его заветную хартию положил мысль о царствовании Николая, как преимущественно желанном и благонадежном для России; потом, о другом дне, от которого начинаются двенадцатилетние, до ныне, опыты, удостоверяющие, что в завете Александра заключалось предусмотрительное и благотворное для России определение Божиих судеб. В царствовании полном деятельности, *день дни отпрыгает глагол* Царских подвигов, подъемлемых и совершаемых в войне и мире, в законодательстве и правосудии, в усовершеннии устройства разных родов общественной

службы, званий и состояний, в покровительствовании и распространении просвещения и благотворения, в превозможении трудностей, в отвращении опасностей, в умножении плодов народного благоденствия в настоящее время, в сеянии новых семян общественного блага на будущия времена: и естественно, что нынешний царственный день особенно полон отголосками столь многообразных глаголов царской славы.

Впрочем, когда вижу, что день сей собрал вас, верные и избранныя чада России, привел во храм, поставил пред олтарем: то с утешением о вас заключаю, что день уже изглагоал в сердца ваши свою проповедь, и что вы уже приняли его поучение, которое в том наипаче и состоит, чтобы принести Богу славу, благодарение и молитву за Царя, Богом дарованного, царствующаго под осенением Провидения Божия.

После сего не так уже трудно служителю слова договаривать нечто из глаголов царскаго дня, в назидание сынов царствия.

Зрелище Царскаго благословеннаго семейства, которым в сие время наслаждается сия столица, представляет нам, Россияне, среди высоких доблестей Царских, в столь же возвышенном свете доблести семейственные. Доблести царския суть достояние собственно царево: доблести семейственные могут и должны быть общим достоянием Царя и народа. Провидение, являя семейственные доблести на высоте Престола, не говорит ли чрез сие народу, что и в них есть возвышенное достоинство, что и оне нужны и важны, и столько же достойны поревнования, сколько доступны подвигу?

Семейство древнее Государства. Человек, супруг, супруга, отец, сын, мать, дочь, и свойственныя сим наименованиям, должности и добродетели существовали прежде, нежели семейство разраслось в народ и образовалось Государство. Посему жизнь семейственная в отношении к жизни государственной есть некоторым образом корень дерева. Чтобы дерево зеленело, цвело и приносило плод, надобно, чтобы корень был крепок, и приносил дереву чистый сок. Так, чтобы жизнь государственная сильно и правильно развивалась, процветала образованностию, приносила плод общественного благоденствия, — для сего надобно, чтобы жизнь семейственная была крепка благословенною любовию супружескою, священною властью родительскою, детскою почтительностию и послушанием, и чтобы, вследствие того, из чистых стихий жизни семейственной естественно возникали столь же чистыя начала жизни государственной, чтобы с почтением к родителю родилось и расло благоговение к Государю, чтобы любовь детища к матери была предыгранием любви к отечеству, чтобы простодушное послушание домашнее приготавливало и руководствовало к самоотвержению и самозабвению в повиновении законам и священной власти Самодержца, действующей непосредственно, или чрез начальства, от него поставленные.

Из семейств составляется Государство, и члены семейств образуются в члены великаго состава государственнаго. Хотя сила общей жизни тела может, больше или меньше, исправлять частные недостатки и повреждения в здравии членов: но, без сомнения, полнее и совершеннее может она проявлять себя в движениях членов здравых и неповрежденных. Так, хотя власть государственная, может исправлять частные недостатки и пороки жизни семейственной: но тем еще лучше для Государства, чем менее нужны сии¹ исправления, чем более здравых членов семейство представляет в распоряжение Государства, чем вернее приготовлена и сбережена домашняя честность и доброта к употреблению в подвиги и добродетели на поприще жизни общественной.

Итак, да помыслят отцы и начальники семейств, что если они, по выражению Апостольскому, *дом свой добре правят* (1 Тим. III. 4); если в своем комнатном

владычестве правильно и верно действуют разсудительно употребляемою властью, опытным словом, добрым примером; если содержат своих домашних в порядке и послушании, вселяют в них страх Божий, любовь к ближним, верность к Государю и отечеству, бдительным смотрением охраняют их нравы: то, кроме того, что исполняют чрез сие долг, возлагаемый природою, а следственно и ея Создателем, что готовят сами себе плоды семейных утешений, – кроме сего, таковым действованием они совершают и в пользу Государства служение, которого благия последствия могут простираться даже до потомства.

Я сказал, что последствия доблестей семейственных могут простираться даже до потомства: и как не могу показать сего в будущем потомстве, которого мы не видим; то, дабы оправдать сказанное, по необходимости должен обратиться к предкам и потомкам, бывшим прежде нас.

Авраам был благочестивый и добрый отец семейства, почти только начинающагося, когда Бог явился ему, и дал следующее обещание: *возращу ты зело, зело, и положу ты в народы, и царие из тебе изыдут* (Быт. XVII. 6). Провещание много сказывающее в немногих словах!

Надобно вспомнить, что сие было за многие веки до того, как Бог в избранном народе Своем учредил царское достоинство, и освятил оное собственным избранием и помазанием. Примечайте же, как рано Господь помышляет о царях; как ясно дает разуметь, что учреждение царя есть дело Его вечнаго предопределения; как высоко ценит достоинство царя, когда преимущество быть родоначальником царей предоставляет в награду столь избранной доблести, как Авраамова.

Но какая то была доблесть, которая приобрела Аврааму столь великое и обширное потомственное обетование: *возращу ты зело, зело, и положу ты в народы*? – Еще не та единственная доблесть самоотвержения, с каким он, по воле Божией, готов был единокровнаго сына своего принести в жертву; ибо сие было уже после; но не столь безпримерная доблесть мужа непорочнаго, упражняющагося в домашнем благочестии, дом свой добре правящаго, с пожертвованием собственных выгод охраняющаго домашний мир и родственное согласие (Быт. XIII), с опасностью собственною готоваго на избавление присных от бедствия (Быт. XIV). Итак Авраам в сем случае представляет образ доблести семейственной; а Божие к нему провещание – образ потомственно благих последствий такой доблести.

Чтобы показать важность семейственных должностей и добродетелей и для подчиненных членов семейства, довольно указать на один пример, сильнейший самага закона; потому что это пример Законодателя, покаряющагося закону. Когда юнаго Иисуса преблагословенная Матерь Его и мнимый отец нашли во храме в собеседовании о предметах духовной мудрости, и жаловались, что Он оставил их: тогда Он дал было им на сие такой ответ, которым, по видимому, разрешал Себя от закона покорности земным родителям; потому что занимался делом Отца Своего небеснаго. *Что, яко искасте мене? Не весте ли, яко в тех, яже Отца Моего, достоин быти Ми?* Но что же потом? Не смотря на столь высокое право, смиренно преклонил Он выю под иго заповеди, повелевающей чтить отца и мать: *и сниде с нима, и прииде в Назарет, и бе повинуюся има* (Лук. II). Так важен долг повиновения семейственнаго, что единокровный Сын Божий, отсрочил Свое вступление в дело Божие, чтоб исполнить сей долг пред землею Материю, и даже пред одним именем отца, которое носил Иосиф до благовременнаго открытия тайны неимеющаго отца на земли, и чтобы Своим примером вновь освятить обязанности, и возвысить добродетели жизни семейственной.

Если сии размышления и примеры слышавшими вспомнятся, по возвращении в семейства; если некоторых предохранят от невнимания к обязанностям семейственным; если внимательных сделают ревностнее, ревностных утешат: то малое слово сие награждено будет немалым плодом. Аминь.

1838 год.

ССХХП.

141. Беседа

пред пренесением памятников прежняго заложения храма

Христа Спасителя, для приготовления к заложению онаго на новом месте.

(Говорена в Троицкой церкви, что на Воробьевых горах, июня 20;

напечатана в собраниях 1844 и 1848 гг.)

<1838 год>

Нынешний день для собравшихся здесь представляет так много необходимаго дела, что не оставляет много времени для произвольной беседы. Однако надобно же сказать хотя несколько слов, чтобы дать отчет в том, что мы делаем. Некоторое объяснение тем более нужно, что случай, который теперь с нами встретился, не встречался с нами прежде, и не трудно предсказывать, что еще не встретится.

Что же значит сие собрание? Какой праздник знаменуется сим собором церковным? Это не праздник, если говорить языком церковным, но *отдание*, окончание праздника, который не был вполне торжествован, и вместе *предпразднество*, приготовление к празднику, который не вскоре торествуем будет. Мы призваны сюда, чтобы окончить то, что почти не начато, для приготовления к новому началу. Что могли бы сделать только поздние потомки после отдаленных предков, то нам доводится сделать после наших современников, и частию после самих себя.

Александр Благословенный положил в сих местах начало созиданию Храма во Имя Христа Спасителя, в ознаменование царственной благодарности за спасение России. Составлен чертеж здания; избрано место; даны средства сооружения; прошло двадцать лет, в начале которых думали, что к концу сего времени мы увидим здание возрастающим. В столько времени мог бы даже явиться целый храм: и если бы так было, то мог бы он стоять многие веки непоколебимым и неповрежденным, потом опять многие веки могли бы видеть его древним и ветшающим; еще веки нужны были бы для того, чтобы сквозь развалины обнажились самая основания, и тогда наконец могла бы найтись в них крестообразная доска, знак бывшего храма, с именем Основателя его Александра, напомнила бы подвиги Великаго Монарха, и дело Его благочестия, и ввела бы размышляющих в думы возвышенные и печальные. Какая же то необычайная игра событий, что сие необъятное поприще промелькнуло перед нами, и мы теперь очутились у его последнего предела!

Тот, который нашел средства сдержать тяжесть Европы, обрушившейся на Россию, мог ли сомневаться, что найдутся средства сдержать тяжесть здания, неравновесно действующую

на склоне горы? Тот, который умел соединить сердца владык и народов Европы, чтобы создать храм общего мира, мог ли думать, что камень будет упрям против Его державной воли, и не пойдет в состав храма, ею указуемый? Время уяснило истину.

Преемник Александра, по любви братней, и по уважению к воле Предшественника, простираемому до благоговения, употребил все возможные усилия, чтобы исполнить мысль Его без перемены: но сим отдалилось только время ее исполнения. И прежнее место и прежний чертеж преднамереваемого здания оказалось необходимым заменить новыми.

Что ж? Не ужели не благословилось предприятие Благословенного? Да не будет. Но Божие всемогущество явилось над могуществом человеческим, судьбы Божии превознеслись и над возвышеннейшими и над лучшими помыслами человеческими. *Не суть, якоже путие ваши, путие Мои, глаголет Господь* (Иса. LV. 8). *Да смиритсЯ всякая высота человеческая, и да вознесетсЯ Господь един* (Иса. II. 11).

Бог низлагает гордость нечестивых, разрушая создания их без надежды восстановления; Бог смиряет и усовершенствует мудрование благочестивых, приводя благия их намерения к исполнению не теми путями, которые предначертал самомудрствующий человеческий разум.

Не ныне начинаются опыты сего явления непостижимых судеб. Вспомним одно из древнейших начинаний храмовоздательных. Иаков видит видение Божие; благоговеет к месту, на котором оное видел; поставляет на нем камень; возливает на него елей; дает ему имя: *Вефиль*, то есть, *дом Божий*. Подумаешь, что видишь заложение храма, который когда либо может быть создан истинному Богу, и которого не было до Иакова. Но когда пришло время создать скинию Господню, и потом храм, скиния воздвигнута не в Вефиле, а в пустыне Аравийской, и, быв перенесена в землю обетованную, поставлена не в Вефиле, а в Силоме, и потом в Гаваоне; а наконец и храм создан, не в Вефиле, ни в Силоме, ни в Гаваоне, но, где прежде не думали, – в Иерусалиме. Давид, Царь по сердцу Божию, предпринял создать храм: но исполнить сие предприятие суждено было сыну и преемнику его Соломону. Не дивно, если и ныне, чем важнее храмовоздательное предприятие, тем более является владычество Божиих судеб над человеческими начинаниями.

И посему-то мы не с скорбию или смущением, идем снять основание несозданного еще храма, но с молитвою и упованием веры, и с священной торжественностью, с какою оное было положено. Освященные руки поднимут то, что положено было освященными руками; руки избранных служителей державной воли примут то, что положено державными руками, и древний святой храм сохранит сие, *дондеже обрящется* новое и благоугодное *место Господеви, для селения Богу Иаковлю*.

Соединимся братия, в молитве, да дарует Господь после Благочестивейшаго Александра Благочестивейшему Николаю благодать храмовоздательства, как даровал оную после Давида Соломону. *Да обрящет Он место Господеви*, и да возблаговолит Господь о месте, от Него избранном; да созиждет Он *селение Богу Иаковлю*, и да вселится в оное слава Господня. Да исполнится торжественный обет Царя и Царства; и да утвердятся обетования Божии на Благочестивейшем Самодержце России, на Его Доме и на Его народе, на веки. Аминь.

142. Слово

в день Успения Пресвятыя Богородицы.

(Говорено в Успенском соборе;

напечатано в Христ. Чтен. 1839 г. и в собраниях 1844 и 1848 гг.)

<1838 год>

*Призре на смирение рабы своя: се бо
отныне
ублажат мя вси роди.* Лук. I. 48.

Кому из внимательных к Богослужению не известна часто слышимая Церковная песнь в честь Пресвятыя Девы Марии: *блажим тя вси роди, Богородице Дево?* Если размыслим, от чего произошла сия песнь, и на что указуют самые слова ея: то созерцающему духу представится чудное и необъятное зрелище. В дали прошедших времен видите вы, что из незнатнаго *Назарета* в другой не славный город нагорной страны Иудейской¹ приходит бедная и безвестная в мире Дева; приветствует свою престарелую родственницу обычным приветствием: но внезапно возбуждает в ней Пророческий восторг; приветствуется ею, как *Матерь Господа*, и, быв объята подобным восторгом, пророчествует сама о себе: *се, отныне ублажат мя вси роди.* Глас Ея слышат народы, веки, концы вселенныя, и народы, веки, концы вселенныя ответствуют Ей: *се исполняем твое слово: блажим тя вси роди, Богородице Дево.*

Сей храм, сей праздник, сие священное и торжественное собрание, также принадлежат к исполнению предсказания пресвятыя Девы, что Ее будут ублажать все роды. В ней ублажается и то, что до Нея всегда было предметом оплакивания, — конец земной жизни.

Усмотрим из сего, братия, высокое достоинство изречения пресвятыя Девы: *се, отныне ублажат мя вси роди.* Это не простое слово радости, не гадание, случайно получившее вид предчувствия; но пророчество, в самом точном смысле сего слова, глагол Духа Святаго в устах Марии, изъявление определения и изволения Божия о Ея судьбе, и о нашей к Ней обязанности.

Усмотрим и высокую важность предания, по которому Вселенская Церковь во всяком Богослужении постоянно и ревностно ублажает пресвятую Матерь Господню. Это не простое человеческое предание, не обычай только, введенный произвольным усердием, не подражание примерам частного верования, но мысль Духа Святаго, переданная человекам, последование мановению перста Божия, исполнение обязанности столько же священной, сколько справедливой и благотворной для Христианства.

Закон, по которому рождаются истинные пророчества, Апостол Петр изобразил в следующих словах: *ни бо волею бысть когда человеком пророчество, но от Святаго Духа просвещаемии глаголаша святии Божии человецы* (2 Пет. I. 21). Два признака должны соединиться, чтобы с достоверностию показать и отличить такое пророчество. Во-первых, предсказание должно быть такое, котораго не лъзя вывести из известных обстоятельств посредством заключений разума, или изъяснить из естественнаго состояния предсказателя. Во-вторых, предсказание должно исполниться в точности. Если предсказание выводится посредством заключений разума, или изъясняется из естественнаго состояния предсказателя: то это догадка человеческая, а не Богом

вдохновенное пророчество. Если предсказание не сбылось в точности: то это ложное, а не истинное пророчество, или, по крайней мере, не дознанное в истине. Так судить о Пророках учат сами Пророки. *Пришедшу слову, познают Пророка, егоже посла им Господь в вере* (Иер. XXVIII. 9).

Приложим сии начала к предсказанию Пресвятыя Девы.

Бедная и безвестная в мире Дева из чего могла бы по разуму вывести столь великолепную догадку, на чем могла бы естественно утвердить столь огромную надежду, что Ее узнает и будет прославлять не только современный мир, но и все роды всех последующих времен? На том ли, что она была от рода царей? – Но слава рода сего давно прешла; сама же она была обручена древоделю, а от такого жребия конечно слишком далеко до всемирной славы. На том ли, что Ей уже предсказано быть Материю Христа? – Но если бы и о сем рассуждала Она по разуму своего времени, как даже и при Христе рассуждали самые Апостолы; и потому ожидала бы *устроения царствия Израилева* (Деян. I. 6): как мало и сие могло вести Ее к надежде всемирной и всеродной славы! Кто из царей Израилевых знаменитее Давида? Чья память в роде Израилевом благословеннее памяти родоначальника Авраама? Но матери Авраама и матери Давида, не только не ублажают последовавшие роды, но даже имен их не знают. Много ли могла обещать Себе по сим примерам и Мать Мессии, рассуждая естественно по разуму и понятиям своего народа и времени? Надобно при сем вспомнить о глубоком смирении преблагословенныя Марии. Кто не мало думает о своем достоинстве, о своих добродетелях, тот может льстить себе преувеличенными надеждами: но расположение духа Ея совсем не таково было. В то самое время, как Она славит Бога за свое избрание к высокому званию Матери Господа, она видит Себя только рабою, говорит только о своей ничтожности: *призре на смирение рабы своя*. Как же вдруг, от столь смиренного мудрования переходит Она к столь высоким глаголам о самой Себе: *отныне ублажат мя вси роды*? Очевидно, что не от собственных семян Ея разума и сердца возникла сия мысль. Дух Святый, которому предалась Она в восторге молитвы, просветил в сие время Ея ум, подвигнул Ея уста, и Она изрекла то, что предопределил о Ней Бог, и что, под руководством Его провидения, должна в отношении к Ней исполнить Вселенская Церковь.

Как предречение Пресвятыя Девы являет признаки глаголющего в Ней Слова Божия; так событие сего предречения ознаменовано признаками дела Божия, не только вообще, потому что событие вполне соответствует предречению, но и в особенности, потому что событие образовалось и утвердилось не теми способами, которые бы показывали обыкновенный путь природы, или дело рук человеческих. Если славу в мире находит ищущий ея, или охотно пользующийся случаями встретиться с нею: это путь мира, это дело рук человеческих. Но если убегающий славы входит между людьми в славу, чистую, возвышенную, даже больше, нежели человеческую: очевидно, это не путь мира, не дело человеческое; здесь есть причина искать пути Божия, усматривать перст Божий. *Славы от человек не приемлю* (Иоан. V. 41), глаголет Сын Девы Марии; но слава Его покрывает землю, и очевидно, что это *слава, яже от единого Бога* (44). Такой же путь славы устроил Он и для своей пречистой Матери. По видимому, Ей менее других надлежало чуждаться славы, которую Она сама себе предсказала: тем не менее Она постоянно чуждалась и убегала ея. Когда народ был в восхищении от Божественных глаголов Иисуса; когда славил Его за чудодействия; когда торжественно сретал Его, как Царя: ни однажды не видим в Евангелии, чтобы в таких случаях Мать Его являлась близ Его, разделить Его славу. Напротив, видим Ее поспешающую к Нему с материнским участием, когда Его безславили, будто *неистов есть* (Мар. III. 21. 31); видим Ее при кресте Его, разделяющую Его страдания и поругание. Сам Господь наш Иисус Христос, во дни земной жизни своей, не спешил открыть славу Матери Своей, чтобы не казалось

делом естественной, человеческой любви то, что должно быть действием высокой благодати. А потому не удивительно, что в сие время и Апостолы, как многое другое, так не довольно понимали то, какая степень чести и служения подобает Матери Господней, и нужно было со креста преподать начатки сего учения возлюбленному ученику: *се мати твоя*. Таково было устранение Пресвятыя Богородицы от славы, Ее ожидающей, сообразное с Ее смирением, а также и временем, когда *Иисус не у бе прославлен*. Но посмотрите, как уже в сие самое время непроложенным, по видимому, путем приходит Ея слава. Как из облака молния, внезапно просиявает она из уст некоей жены, которая, в духовном восторге от Божественных глаголов Иисуса, *воздвигши глас от народа, рече Ему: блаженно чрево носившее Тя!* Неизвестная жена конечно не слыхала того, что Матерь Иисуса слишком за тридцать лет сказала одной только Елисавете: *ублажат мя вси роди*. Но как верен ея исполнительный ответ на сие пророчество, не только в мысли, но даже в слове: *блаженно чрево!* Можно ли не примечать здесь, от предсказания до исполнения, единого пути Божия, которым приходит *слава, яже от Бога*, – дыхания единого Духа Божия, начинающего подвизать *все роды, да ублажат* Матерь Приснодеву?

Когда распятый Господь прославлен воскресением и вознесением на небо: тогда слава Божественная Матери Его является уже не мгновенно блистающею, яко молния, но, по выражению Соломона, *восходящею, аки утро*, так что *добрая, яко луна*, при Солнце правды, – та же самая, по возшествии Его превыше всех небес, осталась для земли *избранною, яко солнце*, посреди единонадесяти или двенадцати звезд, то есть, Апостолов. *Сии вси*, говорит Книга их деяний, *бяху терпяще единодушно в молитве и молении, с женами и Марию материю Иисусовою* (I. 14). Примечайте, что Она, никогда не быв видена среди Апостолов при Иисусе, теперь уже неразлучна с собором их: *бяху терпяще*, постоянно пребывали, *с Марию материю Иисусовою*. Что значит сие новое устройство? – Хотя оно может быть изъясняемо и просто желанием общения в молитве, при общем ожидании сошествия Святого Духа: но, при углубленном внимании, можно здесь открыть нечто особенное и более таинственное. Если сосуд, в котором было благоуханное миро, и после онаго благоухает, и в некотором степени продолжает действие самого мира: кольми паче соделавшаяся сосудом Божества во время воплощения, должна была на веки быть умащена Божественным благоуханием благодати от Того, Котораго и единое имя есть *миро изливанное* (Песн. I. 2); и потому Ей свойственно и как-бы сродно Своим присутствием и молитвою приближать к человекам благодатное присутствие и спасительное действие Обитавшаго некогда в Ней телесне, и всегда Обитающего в Ней духовно и Божественно. Сие-то конечно благотворное действие общения с Материю Господнею ощутили Апостолы в сердцах своих, тем полнее, чем сильнее жаждали они подобного ощущения, дабы восполнить лишение видимого общения с вознесшимся Господом; и таким образом Она сделалась глубоким средоточием их единства, не смотря на то, что по Своему смирению продолжала уклоняться от всякаго вида владычествования в их сонме. *Бяху терпяще единодушно с Марию материю Иисусовою*. Чудно и торжественно наконец благодать *избранныя, яко солнце*, явилась средоточною силою Церкви тогда, когда Она, по закону земнородных, познав запад свой на земли, восходила в не вечерний день небесный: ибо и разсеянным по вселенной для проповеди Евангелия Апостолам свет Духа показал сие время последнего с Нею в видимом мире общения, и влечение Духа соединило их окрест Ея смертного одра, Ея живоприемного гроба. С тех пор, по выражению Церковному, *слава ея Боголепная Богоподобными сияет чудесы*. Тщетно мрачныя мудрования неправомыслящих усиливались затмить Ея славу: оне только изошрили ревность правоверующих к Ея прославлению. Ни пространства мест, ни продолжение и превратности времен, не ослабляют сияния славы Ея. Сколь наши поздняя времена ни удалены от лицезрительнаго с Нею общения: сие не препятствует вере созерцать Ее, и молитве приближаться к Ней, между прочим при посредстве Ея священных изображений, и Она сама, чрез тайно сообщительные образы и знамения,

исходит во сретение вере и молитве, и простирает усвоенную Ей благодать и благотворную силу на все исполнение Церковное, которое, в соответствие тому, всеродно ублажает Ее, сколько по долгу благоговения к Матери Господа, столько же по чувству веры, упования и благодарности.

Христиане! Чем совершеннее удостоверяемся мы, что слава пресвятыя Богородицы в Церкви есть дело Божие; что наша обязанность ублажать Ее есть определение Божие: тем тщательнее, тем вернее должна быть исполнена сия обязанность.

Ублажаем Приснодеву. Искренно ли? Не с лестью ли? Презренна лесть и между живущими на земле, которых впрочем она иногда обманывает: но живущую на небе, и видящую во всевидящем Боге, и обмануть невозможно. Возможно ли, скажут, и льстить там, где самая высокая похвала остается ниже своего предмета? – Льстим, если хвалим то, чего внутренно не уважаем. И так, ублажая Приснодеву, чтим ли девство? Уважаем ли целомудрие? Храним ли чистоту? Ненавидим ли нечистоту? Ревнуем ли о своем очищении?

Ублажаем во храме преблагословенную Матерь: но не делают ли противного сему некоторые дома? Не оскорбляют ли благословенных имен отца и матери дети, неповиновением или непочтительностью, а и сами родители – пренебрежением родительских обязанностей и добродетелей?

Прославляем здесь высокую в смирении, глубокую в молчании Мариам: но не здесь ли же с нами наша гордость, наше тщеславие, наша суетность, наша рассеянность и склонность к празднословию? И молва страстей не заглушает ли в нашем сердце славословий наших устен?

С Елисаветою блажим *веровавшую*, и чрез то введшую в мир Начальника Веры; чудимся Богоблагодатной: величаем чудодействующую: но тщательно ли храним безценный залог веры, которая и нас может привести к блаженству? Взыскуем ли благодати, не говорю, видимо чудодейственной, которая не всем даруется, так как и не для всех нужна, – но благодати внутренно возрождающей, созидającej в нас сердце чистое, обновляющей дух правый, соделывающей нас новою во Христе тварию? Не живем ли напротив небрежно и безпечно в растлении природы, в ветхом человеке, в делах плоти, в заботах или забавах мира, с праздным именем веры, неоплодотворенной любовью и делами благими, и потому немогущей ни родить в нас блаженства внутреннего, ни родить нас в блаженство небесное?

Не красна похвала в устах грешника. Если желаем достойно ублажать Пресвятую Матерь Божию; то да возлюбим всем сердцем Ея достоинства и добродетели; возлюбив да поревнуем, по возможности, жизнь следовать тому, что мыслию и словом ублажаем. В таком расположении утвердиться да поможет нам Сама ублажаемая нами, данною Ей благодатию и могущественными молитвами к Сыну Своему и Богу, единосущному и прославляемому со Отцем и Святым Духом во веки. Аминь.

ССXXIV.

143. Слово

в день торжественного венчания и помазания на царство

Благочестивейшаго Государя Императора Николая Павловича.

<1838 год>

И ношашеся Дух Господень над Давидом от того дне, и потом. 1 Цар. XVI. 13.

Дух Божий носится над Давидом. Какое высокое состояние! Без сомнения, оно было и весьма благотворно для Давида. Без сомнения, от носившагося над ним Духа Божия нисходили светлые лучи в его ум, чтобы просвещать его в познании того, что истинно, Богоугодно и спасительно; упали в сердце святые искры, чтобы воспламенять его к добрым намерениям и спасительным делам, и все существо его исполнялось выш||нею силою, с которою он и трудные дела с дерзновением начинал, и совершал без утомления. Ибо если бы присутствие Духа Божия не ознаменовалось такими благотворными влияниями: то что могли бы значить, как могли бы сказаны быть, сии слова: *ношашеся Дух Господень над Давидом от того дне, и потом?*

Но какой это счастливый день, который ввел Давида из обыкновенного в столь возвышенное благодатное состояние? – Это день помазания его в царя народа Божия, как о сем ясно сказует первая книга Царств. *И прия Самуил рог со елеем, и помаза его посреде братии его: и ношашеся Дух Господень над Давидом от того дне, и потом.*

Можно ли думать, что Давид позабыл день, столь примечательный в его жизни? Не вероятнее ли напротив, что он помнил оный, и при каждом обращении годового круга дней встречал его с особенным вниманием, с благоговением к Богу, с благодарением, с молитвою о продолжении благопомощного осенения Духа Господня?

И вот в какой глубокой и священной древности встречаемся мы с мыслию о торжественном дне царского помазания! И вот на каком глубоком основании утверждается сия мысль, именно на действии Духа Господня в царском помазании!

В сем, по моему мнению, заключается истинное изъяснение важности и нашего, благочестивые Россияне, настоящего торжественного дня. Бог, Который повелел помазать на Царство Давида, не есть ли Тот Самый Бог, Которым и ныне царие царствуют? Итак Он благословил и освятил венчание и помазание и нашего Царя. От дня помазания Дух Благодати Его носится над Помазанником. И как настоящий воспоминательный день венчания и помазания на Царство Благочестивейшаго Самодержца нашего очевидно связан со днем самого события: то не должно ли думать, что в сей день особенно Дух Господень призывает и в наши сердца, чтобы по мере веры нашей, по искренности наших благодарений за прошедшее, по усердию и чистоте наших молитв о будущем, продлить над Царем и царством Свое благодатное осенение, благопомощное Царю, благотворное и спасительное для царства. Да будет же для нас день сей сколько радостным и торжественным, столько же и священным. Да одушевляет он как любовь к Царю, так и благоговением к Царю царствующих. Пусть веселие движет сердца: но и молитва да воздвигает души под благодатное осенение Духа Господня.

Между тем мысль о священной важности царского помазания, приводит меня к некоторым размышлениям о важности священно-таинственных учреждений вообще.

В наши времена разум человеческий, наслышавшись от Истории, что прежде люди много погрешали чувственным образом мышления о духовных предметах и суеверием, и что такое состояние называют детством человечества и разума, думает тем вернее показать

себя вышедшим из детства, чем менее уважает чувственные виды Религии. Люди, которым не нравится подчиненность учреждениям Религии, но которые не находят силы отвергнуть самую мысль о Религии, в понятии о духовности ее ищут повода к освобождению себя от власти ее учреждений. Так рождаются два сомнения, одно хуже другого: имеют ли священные учреждения внутреннюю важность и силу? даже, нужны ли для духовного человека чувственные виды и обрядовые установления Религии?

Те, которые усиливаются довести свои сомнения до несчастной уверенности, мнимые ревнители духа, известного им только по имени, дерзают важности и даже потребности священно-таинственных и обрядовых учреждений противопоставлять слово Господа к Самаряныне: *Дух есть Бог, и иже кланяется Ему, духом и истиною достоин кланяться* (Иоан. IV. 24).

Дерзость невероятная и после того, как мы ее видели! Не тот же ли Господь установил Таинства, и облек их внутреннюю силу чувственными видами, и действиями обрядовыми? Итак может ли Его слово опровергать собственные Его постановления? Разве может Премудрость Божия сама себе противоречить, и сама себя разрушать?

Чтобы определить точный смысл слов Господа о духовном Богослужении, надлежит заметить, что сомнение Самаряныни, в разрешение которого произнесены оные, было не о важности или надобности видимых установлений Религии вообще. И в надобности, и в важности оных она была уверена, когда не смела быть равнодушною к ним, а заботилась удостовериться, которое из двух известных ей Богослужений есть правильное и спасительное, Самарийское или Иерусалимское. И Господь не колебал ее уверенности, а утверждал оную, когда одобрил Иерусалимское священно-обрядовое Богослужение, как сообразное с истинным познанием о Боге, и ведущее ко спасению. *Мы*, то есть, покланяющиеся Богу во Иерусалиме, *кланяемся, Егоже вемы: яко спасение от Иудей есть* (Иоан. IV. 29). Сим образом Господь приводил Самарянку от Самарянского раскола к Иудейскому правоверию. Но если бы Он на сем только и остановился: то оставил бы ее на пути к истине, не доведя до истины совершенной. Надлежало приготовить ум ее к высшему верованию Христианскому, готовому явиться с своими новыми установлениями на развалинах установлений Иудейских. Посему Господь продолжает: *грядет час, егда ни в горе сей, ни во Иерусалимех поклонитесь Отцу*: то есть, скоро не только неправильное Самаряньское Богослужение рушится, но и законное Иудейское перестанет быть правильным, и также разрушено будет. А дабы сие не показалось предвещанием совершенного уничтожения Богослужесных установлений, особенно для Самарянки, привыкшей достоинство Богослужения измерять только святостию места, и дабы помысл ее, привязанный к одним чувственным видам Религии, возвести на высшую степень духовного разумения, Господь продолжает еще: *грядет час, и ныне есть, егда истиннии поклонницы поклонятся Отцу духом и истиною*. То есть: скоро Богослужение перестанет быть привязанным к одному святому месту, каков Иерусалим; но тем не менее будет свято, и еще более совершенно; потому что более духовно, и следственно более достойно Бога, как существа духовного, и более истинно, вместо того, что Иудейское Богослужение состоит из прообразований ожидаемой истины, а непонятые прообразования остаются одними чувственными видами без духа. Так слово Господне от чувственных видов Богослужения, возводит к поклонению Богу духом и истиною, но не отвергает оных, поколику они суть проявления духа и облачения истины: ибо иначе надлежало бы при поклонении духом отвергнуть даже слова человеческого языка, которые, и в чистейшем их употреблении, не суть самый дух и истина, но только проявление духа и облачение истины.

Впрочем удостоверение, что духовное Богопоклонение не отвергает чувственных видов Богослужения, и даже имеет в них нужду, не есть еще удовлетворительное дознание важности оных. Как же можно достигнуть сего дознания?

Разум человеческий не надежный к сему вождь; потому что, не умея дознать сокровенного в своем собственном доме, как может он исследовать и постигнуть сокровенности великаго дома Божия? Не понимая, как душа человеческая соединена с телом, вотще усиливался бы он стать выше самого себя, и уразуметь, как в учреждениях Божественных вещественное соединено бывает с духовным, земное с небесным, естественное с сверхъестественным, и сколь важно сие соединение для произведения действий благодатных и спасительных в человеке.

Духовный, внутренний опыт высокаго, могущественнаго и благотворнаго действия священно-таинственных учреждений есть самое близкое дознание их силы и важности для тех, которые имеют такие опыты. Но здесь встречается то затруднение, что верные и полные опыты сего рода происходят только при чистой и совершенной вере: а такая вера не есть достояние общее; и в тех, которые стяжали ее, не всегда доступна открытому дознанию. Совершенно верующий получает внутренние опыты, как дар Благодати, как плод веры, свыше потребности своего удостоверения. Маловерный, если пожелает достигнуть тех же опытов для своего удостоверения, может не достигнуть их по самому маловерию. Не лъзя ли однако найти средство воспользоваться и такими опытами, к которым сами мы еще, может быть, не способны? – Такое средство есть внимательное наблюдение над духовными опытами людей дознанной святости и веры; и особенно над такими опытами, которые, так сказать, сам Бог учреждает и производит над верующими, ощутительно являя невидимую благодать, дабы возбуждать, привлекать и утверждать веру.

С примером такого опыта мы встретились в начале сего слова: обратимся к оному вновь.

Бог предопределил Давида в царя Своему народу; и хочет возвестить о сем назначении Давиду и его семейству, прежде нежели настало время действительно исполнить предопределение. Орудием Божиим избирается Самуил. Что же для сего нужно? – Кажется, только пойти, и сказать слово. Нужно ли еще какое особенное действие? Какое? Чудесное для удостоверения Давида? – Юный Пророк и просто поверит престарелому Пророку, Который от юности своей известен всему Израилю, как истинный Пророк Божий. Обрядовое для торжественности? – Сие, кажется, было бы даже не уместно; потому что это еще не действительное и торжественное воцарение Давида, а только тайное предвозвещение, которое во время события служило бы удостоверением о воле Божией. Но что глаголет Господь Самуилу? – *Наполни рог твой елее* (1 Цар. XVI. 1). И потом: *востани, и помажи Давида* (1 Цар. XVI. 12). Если не можно подумать, чтобы Бог соделал что либо излишнее или бесполезное (ибо так думать было бы Богохуление): то надобно заключить, что помазание было в сем случае благопотребно даже пред очами Божиими, а посему не лъзя уже не признать онаго важным для человека. Еще более дознается сие из непосредственнаго действия помазания над Давидом: *помаза его посреде братии его: и ношашеся Дух Господень над Давидом от того дне, и потом*. Вот опытное дознание того, что священное помазание не есть простой обряд, для впечатления на зрителей, ниже мертвый знак, связанный с означаемым только в мыслях, а не в самом деле, но действие таинственное, в котором чувственный вид невидимо есть сопутствуем или проникнут духовною и Божественною силою, и с возлиянием елея на помазуемаго соединено наитие благодати.

Не стану собирать примеров. И один ясный и достоверный не мало вразумить может. Поспешим принять вразумление.

Если ветхозаветные священно-обрядовые действия оказываются имеющими толикую важность и силу, тогда как оне были только *сень грядущих* (Колос. II. 17), тогда как *не у бе Дух Святый* изливаем обильно, *яко Иисус не у бе прославлен* (Иоан. VII. 39): то что должно думать о новозаветных священно-таинственных установлениях, получивших начало свое от Самого Иисуса Христа, тогда как *от исполнения Его мы вси прияхом и благодать возблагодать* (Иоан. I. 16); тогда как живоносные токи Святаго Духа, обильно изливавшегося на Апостолов, потому что Иисус уже бе прославлен, текут непрерывно, и орошают все исполнение Церкви, потому что прославленный Иисус пребывает с нею *во вся дни до скончания века* (Матф. XXVIII. 20)? Не больше ли еще важны, не паче ли исполнены благодати сии учреждения? Какого же оне требуют внимания? Какого благоговения?

Креститься, по слову Господню, есть *родиться водою и духом*. Крещены все мы. Что ж? Помышляем ли мы о том, что носим в себе новое духовное рождение? Тщимся ли хранить, питать, возвращать сие вышнее рождение?

Господь рек на таинственной вечери, и при каждом повторении того же священнодействия глаголет и здесь: *сие есть тело Мое: сия есть кровь Моя*. Где Тело и Кровь Господа, распятого, но и воскресшаго: там, без сомнения, и Дух Его, и Божество Его; там Сам Он присутствует: там близко стоим мы пред Ним, пред Которым и Ангелы трепещут: и чувствуем ли внутренно близость Его? по крайней мере, помышляем ли о ней благоговейно? Не забываемся ли здесь иногда, как не позволили бы себе забыться в присутствии великих земли?

Рече Господь: *глаголы, яже Аз глаголю, дух суть, и живот суть* (Иоан. VI. 63). Сии самые глаголы оглашают нас в Евангелии; следственно дух и жизнь исходит в них. Как издалека, и с каким усилием устремлялся на встречу глаголам Господа нашего тот, который в уста духовной, таинственной невесты сего Божественнаго Жениха вложил сии слова: *душа Моя изыде в слово Его* (Песн. V. 6)! Наша душа, при толикой близости, исходит ли в сретение слову Господню благоговейным вниманием? Отверзается ли сердце наше верою к принятию духа и жизни в глаголах Евангелия? Не случается ли, что дух и жизнь течет в провозглашении сих глаголов; а мы остаемся без внутреннего чувства и движения, как мертвые камни в струях живаго потока?

Сократим слово. Все священное в Церкви приосенено духом Благодати. Да приносим благоговение и веру; и да приемлем Благодать. Иначе самая близость Благодати тем тягчае осудит нашу невнимательность и небрежение. Аминь.

ССХХV.

144. Слово

**по освящении храма Живоначальная Троицы
в Московском Данилове монастыре.**

(Говорено Сентября 13; напечатано в Хр. Чт. 1838 г. и в собраниях 1844 и 1848 гг.)

<1838 год>

*Хвалю же вы, братие, яко вся моя помните,
и якоже
предах вам, предания держите.*
1. Кор. XI. 2.

Святый Апостол Павел, преподавая Коринфским Христианам спасительныя наставления, хвалит их за то, что верно сохраняют предания. Какая это предания? – Сие можно усмотреть из тех его изречений, которыми он напоминает и дополняет предания. Он говорит, что *муж не должен есть покрывати главу* во время молитвы: вот дополнение предания, которое показывает, что сему предшествовало предание о церковной молитве. Далее говорит он: *еда домов не имате, во еже ясти и пити? Или о Церкви Божией нерадите?* Сие обличение случайного беспорядка и неблагочиния в Церкви показывает, что сему предшествовало предание о святости Церкви, по которой она совсем не то, что простой дом, и требует благоговейнаго внимания. С особенною же ясностию, как на предмет предания, указывает Апостол на таинство Тела и Крови Христовы, когда говорит о сем: *аз приях от Господа и предах вам*. Таким образом оказывается, что Апостол хвалит Коринфских Христиан за соблюдение преданий о церковной молитве, о святости храма, о Божественной литургии.

Взирая на сей храм, благолепно устроенный, и ныне благодатию Божиею освященный, помышляя, что сие сделано не по какому либо требованию, или необходимости, но по свободному усердию к Богу и святине Его, по желанию, чтобы здесь непрерывно совершались церковныя молитвы, и приносима была безкровная жертва о душах живущих и преставльшихся, и чтобы место печальных воспоминаний превратилось в сокровищницу благодатных и спасительных утешений, – хвалю в душе моей предпринявших и совершивших сие Богоугодное дело. Но поелику похвала моей мерности не была бы для них наградою, какой им желаю: то призываю на помощь святого Апостола Павла, показую ему дело, подобное тому, что похвалил он в Коринфянах, и молю его преподать свою Апостольскую похвалу и благословение и здешним братьям. *Хвалю вы, братие, яко вся Апостольская помните, и якоже предаша нам Богоноснии Отцы, предания держите.*

Заслужить Апостольскую похвалу за верное соблюдение истинных преданий должно быть желательно всякому сыну Церкви. И так внимания каждого достойно учение о преданиях.

С тех пор, как учение Христианское заключено в священные книги, Святая Церковь, для вернаго и неизменнаго сохранения сего учения, имеет обычай и правило, не только мысли сего учения на непреложном свидетельстве Богодухновеннаго Писания утверждать, но и самыя слова и выражения, для означения важнейших предметов и частей учения заимствовать из того же чистаго источника Писания. Так, если тщательно разберете Символ Православныя Веры, и сличите его с священным Писанием: то найдете, что Святые Отцы Никейскаго и Константинопольскаго Вселенских Соборов изобразили в нем догматы Веры не своими словами ни выражениями, но взятыми из Священнаго Писания, и таким образом Символ Веры имеет для нас сугубую важность; ибо не только в нем изрекают истину Отцы Церкви, но и само Священное Писание, само слово Божие говорит их устами. Подобно сему и в учении о преданиях самое сие понятие, и самое наименование *предания* заимствуется из Священнаго Писания, как уже и показали мы отчасти из слов Святаго Павла.

Но главнейшим основанием сего учения можно принять следующее изречение того же Апостола: *темже убо братия, стойте и держите предания, имже научистесь, или словом, или посланием нашим*. 2 Сол. II. 15.

Вот вместе, и учение для разумения, и учение для исполнения, и заповедь о преданиях, и введение в познание преданий. *Стойте и держите предания*, т. е. твердо и постоянно соблюдайте: вот заповедь, выражение неременной обязанности, соблюдать предания. *Предания, имже научитесь или словом, или посланием нашим*: вот, вместе с наименованием преданий, руководство к истолкованию сего наименования. *Преданиями* называет Апостол все то, чему от него *научились* Христиане, яко от Апостола, относительно веры, священноначалия, Богослужения, благочиния церковного и правил жизни. Далее он различает два вида предания: предание посредством *послания*, или писанное предание, и предание посредством *слова*, или неписанное предание. Но как предание писанное простее и обычнее означает наименованием Священного Писания: то наименование предания обыкновенно употребляется для означения того, чему не посредством Священного Писания, но посредством слова и примера мы научились от Святых Апостолов и Святых Отец.

Достойно примечания, что Апостол нераздельно и равно заповедует держаться и преданий посредством *слова*, и преданий посредством *послания*, или иначе сказать, велит нераздельно и равно держаться и Священного Писания и священных преданий. Предания и Богодухновенное Писание стоят у него рядом; он требует от нас не меньшего внимания и ревности к преданиям, как и к Богодухновенному Писанию. Нужно ли более сего, для удостоверения о важности преданий, и для побуждения к верному соблюдению оных?

Здесь мог быть и конец учению о преданиях, если бы мы, подобно непосредственным ученикам Апостолов, имели пред глазами и непосредственное Апостольское, и потому несомненно истинное, предание.

Но уже Христианския предания прошли чрез многия страны, народы, языки, чрез многие веки. К первоначальным преданиям Апостольским присоединились предания Отческие разных степеней древности. В некоторых частях преданий оказалось разнообразие, простирающееся до противоречия. Сделалось нужно исследование подлинности и достоинства преданий, – исследование, не всегда удобное и не всякому доступное. Для удостоверения в подлинности и достоинстве преданий, всего лучше было бы с точностию знать их начало: но оно нередко скрывается в туманной дали прошедшаго. Теперь что делать?

Прежде, нежели скажем, что должно делать, – посмотрим, что делают. Одни обращают все внимание на то, что в преданиях есть темного и недостоверного, и отсюда выводят догадку, не суть ли оныя дело, если не просто человеческое, то по крайней мере, преданное Провидением произволу людей и случайностям времен, и не позволительно ли освободить себя от дальней заботы о преданиях, тогда как *имама известнейшее Пророческое* и Апостольское слово в *Богодухновенном писании, могущее умудрити во спасение, да совершен будет Божий человек, на всякое дело благое уготован*. Другие, обращая внимание только вообще на заповедь соблюдать предания, без исследования, без разсуждения, слепо держат предания, как нибудь упавшия на их руки, не стараясь дознать их подлинность, достоинство и чистоту. Что же должно делать? – Должно остерегаться обеих крайностей, теперь указанных.

Священное Писание начато чрез Моисея. Как же до того, в продолжении столь многих веков от начала мира, сохранялась и распространялась истинная вера, и учреждалось сообразное с нею Богослужение? – По преданию. Следственно предание было точно такое же орудие Божие ко спасению человеков, как и Священное Писание.

Священное Писание Нового Завета начато чрез Евангелиста Матфея, спустя восемь лет по вознесении Господнем на небо. Где же до того было Евангелие, основание догматов, учение жизни, устав Богослужения, законы управления церковного? – В предании. Богодухновенное Писание, по свидетельству одного из священных писателей, именно, святого Евангелиста Луки, есть только продолжение и неизменное особенным устроением Духа Божия упроченный вид предания. *Якоже предаша нам, иже исперва самовидцы и слуги бывшии Словесе, изволися и мне по ряду писати* (Лук. I. 2. 3).

Вы хотите все утверждать на незыблемом основании Священного Писания. Очень хорошо. Так и должно. Между тем откуда известно вам, какие книги суть священные, и почему та или другая из них точно принадлежит к числу священных? – Сие известно большею частию из предания. И так самое Священное Писание пользуется пособием предания.

Если так важно истинное предание, прежде писания, и вместе с писанием: то когда же могла бы уменьшиться его важность? Разве тогда, когда писание, став на место предания, сказало бы нам, что уже не нужно заботиться о предании? Но писание говорит противное сему: *стойте и держите предания, имже научистесь или словом, или посланием*.

Впрочем, если даже Апостолов должно было испытывать в том, истинные ли они Апостолы, как сие видно из того, что в Откровении Святого Иоанна Сам Господь одобряет дело Ангела Ефесския Церкви, *икусившаго глаголющия быти Апостолы и обретшаго их ложных*: то кольми паче после Апостолов, чрез столь многия руки, чрез столь многие веки прошедшия предания, нужно испытывать, суть ли оне истинныя Апостольския и Святоотеческия, и не подверглись ли неправоуменным изменениям и чуждым применениям. Без сей осторожности наше служение Богу может подвергнуться тому же осуждению, которым Господь поразил Фарисеев и книжников Иудейских, державших предания старец: *всуде чтут мя, учаще учением, заповедем человеческим. Оставльше бо заповедь Божию, держите предания человеческая* (Мар. VII. 7. 8).

Спросят, может быть: как же предохранить себя от сего осуждения? Как испытать предания, и отличить несомнительное? – Надежнейшее для сего, и удобнейшее к употреблению правило извлекаю из приведенного теперь изречения Господня. Испытывай предание посредством Слова Божия и посредством заповедей Божиих. Если предание противоречит Слову Божию; если оно ведет тебя к нарушению заповеди Божией: то знай, что это человеческое, не истинное предание, что такое предание соблюдал бы ты *всуде*, между тем как нарушение заповеди Божией осудило бы тебя.

Другое правило для испытания преданий можно извлечь из следующего изречения святого Апостола Павла к Тимофею: *да увеси, како подобает в дому Божию жити, яже есть Церковь Бога жива, столп и утверждение истины* (1 Тим. III. 15). Если Церковь есть столп и утверждение истины: то в ней должно искать истины, и ею можно поверять требующую дознания истину, и особенно истину преданий, которых Церковь есть единое верное хранилище. Приемля предание от единых, Святыя, Соборныя и Апостольския Церкви, *стойте* в нем, не колеблясь напрасными сомнениями, *держите* оное, с упованием благоугодить Богу. *Да держим*, поучает Апостол, *исповедание упования неуклонное*, – *не оставляюще своего собрания* (Евр. X. 23. 25), т. е. собрания Вселенския Православныя Церкви, *якоже есть неким обычай*. Примечайте, братия, что еще в Апостольския времена были некие, имевшие обычай оставлять собрание Вселенския Церкви: не дивитесь, если и ныне встречаете неких, имеющих сей несчастный обычай. А если такие люди станут предлагать вам свое предание: то можете знать предварительно, что люди, оставившие Церковь, *столп и утверждение истины*, конечно предложат вам

предание или ложное, или поврежденное, или по крайней мере, краденое и неблагословенное; и, конечно, ложное не спасет, поврежденное не исцелит, краденое не обогатит, неблагословенное не принесет благословения.

Прославим, братия, Бога, сподобившаго нас быть чадами и членами истинныя и Святыя Церкви, в которой истинное и святое предание, – не просто видимое и словесное предание учения, правил, чиноположений, обрядов, – но с сим вместе и невидимое, действительное преподавание благодати и освящения, сходит с неба на землю, *яко роса аермонская на горы Сионския*, течет непрерывно и неизсякаемо, и орошает священноначалие и священнодействия, *яко миро на главе, сходящее на браду, браду Аарону, сходящее на ометы одежды его* (Псал. СXXXII. 2. 3), так что помазанные Духом Святым Апостолы помазуют тем же духовным миром Святых Отцев, и сии своих преемников из века в век, Святители подают освящение храмам и таинствам, и взаимно храмы и таинства подают освящение Святителям, почему, прикасаясь к нынешней святыне, вы прикасаетесь к той же благодати, которая излилась в сошествии Святаго Духа на Апостолов.

Да держимся неуклонно сего чистаго и живаго источника. Яко чада послушания, с усердием и любовью да приемлем от уст и рук Матери нашае Православныя Церкви чистое учение веры и жизни, истинное благодатное освящение, верное руководство к жизни вечной. Аминь.

1839 год.

ССXXVI.

145. Слово

в неделю шестую по пятидесятнице.

(Напечатано в собраниях 1844 и 1848 гг.)

<1839 год>

*Видев Иисус веру их, рече разслабленному:
дерзай
чадо, отпущаются ти греси твои.
Матф. IX. 2.*

Верующаго поучать вере, не значит ли учить ученаго, и не излишний ли это труд? Так может показаться при поверхностном сличении слов: но не так при основательном рассмотрении дела. И ученому нужно возобновлять приобретенныя познания, и приобретать новыя, одним словом, учиться: ибо иначе надлежит опасаться, что и познанное потемнено будет забвением, и, остановясь, он отстанет от науки, которая непрестанно идет вперед. Подобным образом, или, еще и более, нужно верующему непрестанно поучаться вере, и умозрительно, и деятельно: ибо иначе надлежит опасаться, чтобы и засветившийся в сердце свет веры, без благоразумнаго наблюдения и поддержания, не погас, подобно светильникам известных в притче дев юродивых. *Правда Божия* в благовествовании Христовом *является от веры в веру*, как изъясняется Апостол (Римл. I. 17). То есть: в учении Христианском открывается путь к праведности и святости, даруемой от Бога, посредством веры, восходящей со степени на степень, от совершенства

к совершенству, всегда полагающей себе новые восхождения, всегда простирающейся в предняя; потому что она стремится к бесконечному.

Посему прилично нам, Христиане, каждый раз, когда слышим какое слово писания о вере, *испытывать*, по повелению Господню, сие *писание* (Иоан. V. 39), и изыскивать, какое преподается в нем учение и руководство собственно для нашей веры.

Ныне в Евангелии мы слышали во многих отношениях поучительное повествование, как расслабленный принесен был к Господу Иисусу на одре, и получил от Него прощение грехов, и исцеление от болезни. При сем некоторые книжники, люди мнимо ученые, но в самом деле ослепленные гордостью книжного звания, услышав возвещаемое Иисусом отпущение грехов, мысленно приняли сие за Богохуление: и таким суждением сами впали в преступление, которое хотели осудить, порицая Богохулением Того, Который Сам есть Бог: поразительный пример, до чего может довести склонность к пересудам! Но сие оскорбление Божеского достоинства Спасителя нашего подало Ему причину явить Свое Божественное всеведение: потому что на сокровенныя, сердечныя помышления книжников Он тотчас дал ответ. Мнением книжников, что грехи может прощать один Бог, Он воспользовался для преподания глубокого учения, что, так называемое, физическое зло, то есть, страдание, болезнь, тление, зависит от нравственного зла, то есть, греха, как последствие, с ним родившееся и с ним уничтожающееся; почему то же Божественное действие, которое, простираясь на душу, выражается словами: *отпускаются ти греси*, простираясь и на тело расслабленного, здесь выражается словами: *востани и ходи*, то есть, будь исцелен. Действительным исцелением расслабленного Иисус оправдал сие учение, доказал Свою Божескую власть прощать грехи, и показал в Себе истинного Сына Божия. Происшествие кончилось тем, что простой народ, следуя здравому смыслу и не предубежденной совести, принял чудо с лучшими чувствованиями, нежели книжники, и прославил Бога. Как бы мимоходом, среди сего повествования, встречается имя веры: *и видево Иисус веру их, рече расслабленному: дерзай, чадо, отпускаются ти греси твои*. Но при внимательном рассмотрении, открываются здесь относительно веры важные и назидательныя истины.

Первая истина: вера благотворно действует на человека грешника, для получения прощения во грехах. Ибо Евангелист не напрасно замечает, что Господь произнес отпущение грехов, *видев веру*. Видно, Господь действовал не просто по Своему изволению, не потому только, что имел болящего пред глазами, даже не потому, что сострадал бедствующему, хотя и сие свойственно Источнику милосердия, но потому, что увидел веру. Видно, что если бы не была усмотрена вера, не последовало бы и отпущения грехов. Один Бог действительно дает прощение грехов: одна вера приемлет оное.

Другая истина: вера благотворно действует на человека бедствующаго, к его избавлению от бедствия. Возвещая расслабленному отпущение грехов, Господь не сие одно имел в намерении, но вместе с сим, его исцеление от болезни. В Божественном определении: *отпускаются ти греси*, уже заключалось и другое: *востани и ходи*. Только лукавыя помышления книжников потребовали, чтобы последнее произнесено было вновь, выразительно и отдельно. Следственно и к исцелению приступил Господь, *видев веру*. Если бы не было веры: то не последовало бы чудеснаго исцеления, как сие ясно заметил Евангелист в другом случае: *и не сотвори ту сил многих, за неверство их* (Матф. XIII. 58). Господь, по милосердию Своему, дарует благодатныя и чудесныя исцеления, и другия творит избавления от бед; и без сомнения за Его милосердием дело не станет: надобно при том, чтобы не стало дело за нашею верою.

Третья истина: вера одного человека может благотворно действовать в пользу другого. Евангельское повествование говорит: *видев Иисус веру их, рече расслабленному*. Из сего видно, что не вера самого расслабленного, или по крайней мере, не одна его вера привлекла ему прощение грехов и исцеление; но помогла ему вера некоторых других людей: *видев Иисус веру их*. Кто были сии необыкновенные помощники, узнаем от Евангелиста Марка, который, повествуя о исцелении расслабленного, согласно с Матфеем в существе дела, присовокупляет некоторыя подробности. Он сказывает, что расслабленного несли на одре четыре человека; что, по тесноте от множества народа, они не могли внести его в дом, в котором Господь находился; что, не уступая сему препятствию, они разобрали кровлю или потолок дома, и опустили одр с больным в храмину, на пространство, которое между Господом и собравшимся к Нему народом оставлено было благоговением сего народа. Их-то веру Господь увидел, и по их вере, или, по крайней мере, при содействии веры их вере расслабленного, и грехи расслабленному простил, и от недуга исцелил его.

Здесь, братия, не любопытно было бы мне, если бы то возможно было, *видеть помышления* ваши. *Чудитесь* ли вы простодушно, подобно лучшим из древних Иудеев, и *прославляете ли Бога, давшего власть таковую человеком*, что они верою своею могут привлекать благодатную и чудодейственную силу Божию не только самим себе, но и другим, у которых не достаёт собственной подобной веры, или, подобно древним книжникам, и между вами, некоторые *помышляют в сердцах своих, что сей тако глаголет?* Один верует, и другой исцеляется: какая тут сообразность? Один верует, и другой разрешается от грехов: какая тут правда? Не знаю, входят ли в сердца ваши подобныя помышления: но поелику они ходят между людьми, и возмущают иногда и тех, которые не желали бы *мыслити лукавая в сердцах своих*: то что скажем мы в ответ духу сомнений и совопрошений? – Не будет ни грубо, ни обидно, если мы скажем ему то, что сказал Господь Апостолу Петру, когда он возстал с возражением против одной из таин веры: *иди за мною сатано: яко не мыслиши, яже суть Божия, но яже человеческа* (Марк. VIII. 33). Ты мыслишь о правде человеческой, и не понимаешь правды Божией; думаешь о сообразностях естественных, вещественных, но и сих часто не понимаешь и удивляешься, встречая их там, где не ожидал, и не находя там, где предполагал; и удивительно ли, что сообразностей духовных, общений благодатных, не постигаешь без благодатного опыта? Дух выше плоти; благодать выше природы; вера выше разума: посему не удивительно, что для плоти не понятно, как действует дух; для природы не понятно, как действует благодать; для разума не понятно, как действует вера.

Впрочем из самого прещения Господня на *не мыслящих, яже суть Божия*, можно приметить, что есть некоторая возможность мыслить, яже суть Божия: потому что не справедливо было бы осуждать за то, что не сделано невозможного. И если можно, по Апостолу, *верою разумеать* (Евр. XI. 3): то можно несколько разумеать и самую веру и ея спасительныя действия, и удостовериться, что в них нет ни неправды, ни несообразностей. Одна строгая правда не позволила бы ни в каком случае простить грехи; для сего нужна помощь милосердия; а милосердие не требует заслуги, которой бы воздано было по правде, но только готовности принять подаваемую благодать. Душа без веры есть сосуд запёртый для благодати, а душа верующая – открытый. Вера открывает душу для принятия благодати. Чтобы увериться в сем действии веры Божией, посмотрим на действие веры человеческой. В сношении с человеком, к которому не имеем ни доверенности, ни преданности, не примечаем ли, что душа наша запёрта для него; что его на нас действие скользит, так сказать, по поверхности нашего сердца, не проникая внутрь его; что разсуждения его нас не убеждают, и чувствования не трогают, хотя оне и не без силы? Напротив, кому мы доверяем и преданы: того и легкая мысль, и простое слово, преклоняет наш ум, проникает сердце, движет душу; и такое общение душ бывает иногда

столь тесным, что мы находим для него приличным наименование единства. Примените сие дальнее к горнему, сие земное к небесному, сие человеческое к Божественному, и вы отчасти сможете уразуметь, как вера отверзает душу для принятия благодати, а также и то, как одна душа, привлекая благодать верою чрез искреннее общение с другою душою, может и ей впечатлеть действие веры, и облегчать приятие благодати. Так души носителей Евангельского расслабленного с одной стороны верою стремились ко Христу, с другой человеколюбием и состраданием прилеплялись к душе расслабленного: *и видел Иисус веру их*, и ток благодати пролился от Него чрез их души на душу и на тело расслабленного.

О если бы, братия, сии размышления о благотворном и могущественном действии веры, сколько нибудь помогли нам, чтобы наша вера не была ни безсильнее, ни бездейственнее веры сих неизвестных жителей не славившагося верою Капернаума, которые, принеся ко Господу расслабленного, из сокровищ благодати Его вдруг извлекли несколько чудес, и весь народ подвигли к прославлению Бога! Благо было бы сие для нас во всякое время, во всякой скорби от належащего, во всяком страхе от угрожающего зла, при всяком непорочном желании потребного и истинного блага. Ко Господу взывающая скорбь, и к Нему взирающее желание, само собою обращалось бы в молитву веры; и вера приводила бы исполнение молитвы. Ибо верно Господне обещание: *вся, елика аще воспросите в молитве, верующе, примете* (Матф. XXI. 22). Аминь.

ССХХVII.

146. Слово

по освящении храма святого праведнаго Филарета в Спасобородинском монастыре, при обновлении сей новоучрежденной обители.

(Говорено Июля 23 дня; напечатано в Христ. Чтен. 1839 г.

и в собраниях 1844 и 1848 гг.)

<1839 год>

*Аще кто любит Мя, слово Мое соблюдет:
и Отец Мой возлюбит его, и к нему приидем,
и обитель у него сотворим.* Иоан. XIV. 23.

Молитвами, тайнодействием, торжественным славословием Божиим, обновляем мы ныне здесь и обитель Божию между людьми, то есть, храм Божий, и обитель человеком, посвящающих себя Богу.

Добрая была мысль, посвятить храм Богу на месте, где столь многия тысячи подвизавшихся за Веру, Царя и Отечество положили временную жизнь, в надежде воспринять вечную. Те из них, которые принесли себя в жертву, в чистой преданности Богу, Царю и Отечеству, достойны мученического венца, и потому достойны участия в церковной почести, которая издревле воздавалась Мученикам, посвящением Богу храмов над их гробами. Если же некоторые из сих душ, оставляя тело, понесли на себе некоторые тяготы грехов, некоторые нечистоты страстей, и, к своему облегчению и очищению,

требуют силы церковных молитв и безкровной жертвы, за них приносимой: то, за свой подвиг, паче других усопших достойны они получить сию помощь.

Мысль обитать здесь, родилась, может быть, в недрах частной, семейственной печали. Что нужды? Довольно на первый раз, если печаль сия принесена Богу, и в Нем взыскано утешение. В совершенстве *никтоже благ, токмо един Бог* (Лук. XVIII. 19). Нemoшь есть исходная точка человека; совершенство – цель, которую он не вдруг даже усматривает, а усмотрев, и при усиленном стремлении к ней, всегда видит в разстоянии от себя. Благий Бог, ведающий человеческого естества немощь, милосердый Господь, *лена внемшася не угашающий*, видит и слабую искру искренно добраго намерения в человеке, и Сам подвизается, судьбами своего Провидения, очистить ее от дыма естества, и напитать чистым светом благодати, к истинному благу и спасению душ. Не усомнимся признать дело Божия Провидения в том, что без искания нашлись желающие обитать на сем месте, когда оно было пусто, не утверждено никаким постановлением, ни чем не обезпечено; что сии люди вошли в общество, которое не было еще учреждено, предали себя в послушание, когда еще не было власти; что сие новое жительство было потом утверждено церковным благословением и Державною волею под необычайным дотоле наименованием Богоугоднаго Общежития, а наконец возведено и в чин обителей монашествующих; что Царская щедрота пришла на помощь частным приношениям, дабы надгробный храм и смиренныя при нем жилища облеклись в вид, обители свойственный, с присовокуплением и сего другаго храма, приспособленнаго собственно к потребностям Обители.

Благословен Бог, благословляющий добрыя начинания во имя Его. Благодарение Благочестивейшему Государю, всегда готовому покровительствовать благочестивым предприятиям. Благодать, мир и спасение притекающим во храм сей и в Обитель сию искать благодати мира и спасения.

Господи Боже сил! *Призри с небесе и виждь, и посети виноград сей, и соверши и, егоже насади десница Твоя* (Псал. LXXIX. 15. 16): ибо только Ты сеешь доброе семя; только Ты, хотя и не без рук человеческих, насаждаешь, возвращаешь, умножаешь и сохраняешь истинный и плодоносный виноград; только Ты, хотя и не без нас, созидаете обитель, и сию рукотворенную, в которой человек обитает пред Тобою, и нерукотворенную, в которой Сам благоволишь обитать в человеке.

Да, обитатели обители, посетители храма! – когда обитель построена, когда храм освящен; тогда еще не все сделано. Есть еще обитель и храм, которые должно созидать и освящать. Какой храм? – Тот, о котором написал Апостол: *и сами, яко камене живы, зиждитесь в храм духовен* (1 Пет. II. 5). Какая обитель? Та, о которой сам Господь сказал: *аще кто любит Мя, слово Мое соблюдет: и Отец Мой возлюбит его, и к нему приидем, и обитель у него сотворим*.

Человеку быть храмом Бога Отца, и Сына, и Святаго Духа, и обителию, в которой бы Он жил, или хотя гостил, – какая необмыслимая мысль! Плоть не вместит сего, разум не поймет, гордое мудрование найдет несообразным, чтобы Безконечный обитал в ограниченном; самое чувство смирения скажет, что это безмерно много для ничтожной твари. Потому-то возвещающее столь высокия тайны Христианство и требует веры, которая бы пленяла в свое послушание разум человеческий, которая бы низлагала всякое возношение помышлений, взимающееся на разум Божий, которая бы паче упования уповала, когда ей скажут: *от человек сие невозможно есть, от Бога же вся возможна*. Не дух ли истины чрез Апостола говорит Христианам с такою уверенностию: *не весте ли, яко храм Божий есте, и Дух Божий живет в вас* (I Кор. III. 16)? Не самосушая ли Истина, не Сын ли Божий изрек сие высокое обетование о сем ничтожном человеке, котораго мы,

человеки же, так часто ненавидим, или пренебрегаем или чуждаемся: *Отец Мой возлюбит его, и к нему приидем и обитель у него сотворим?* Без сомнения истинно то, что говорит Истина.

Иной, может быть скажет: мне ли домогаться высоких состояний духовных, непосредственной близости к Богу? Останусь хотя чем нибудь менее, нежели храмом Божиим и жилищем Духа Святаго. Нет, возлюбленный! Не советую тебе отказываться от того, что Бог даровать тебе желает, хотя, без сомнения, слишком дерзновенно было бы удостоивать себя того. Не преувеличиваю, когда говорю, что Господь не только позволяет, но и желает, чтобы ты Его имел твоим посетителем, гостем, обитателем. Он точно изъявил сие желание, когда сказал: *се стою при дверех и толку: аще кто услышит глас Мой, и отверзет двери, вниду к нему и вечеряю с ним, и той со Мною* (Апок. III. 20). О чудо снисхождения! Живущий во свете неприступном, сидящий на престоле славы, скрывает Свой свет, которого и Херувимския очи снести не могут, нисходит в мир дольний, чтобы приблизиться к убогой, полуразрушенной хижине, какова душа человека, во грехах рожденного и живущаго, прежде нежели Сотворивший ее храмом и образом Своим возсозиждет ее и украсит Своим присутствием; стоит при дверях ея Тот, Которому отверзаются страхом врата смертная, пред Которым вземлются врата небесная, Который и затворенным дверем входит; как будто не имеющий дерзновения странник, осторожно ударяет Он в двери, пред Ним затворенная, и терпеливо ждет быть услышан: и это потому так, что, принося человеку новый дар благодати, Господь желает сохранить ненарушимым древний дар свободы. Что ж, смиренное чадо земли? Не ужели ты не потщишься принять столь высокаго посещения, потому что чувствуешь себя недостойным онаго? Это было бы нескромность, а дерзость, или безчувствие; не смирение, а оскорбление величества. Не ужели ты не пожелал бы вечерять с Господом? Не ужели не желаешь услышать глас Его? Не ужели оставишь Его за дверьми бесполезно ударяющим в оныя, как не поступают и с безвестным странником? И что сделаешь ты с душею своею, если не захочешь пещися, чтобы она *созидалась* вновь, как сотворена была вначале, *в жилище Божие духом*? Не ужели оставишь ее домом запустелым, вместилищем нечистот, обиталищем нетопырей, или даже разбойников? Не ужели не страшишься видеть, или увидеть ее чуждою добра, полною темных помыслов и нечистых желаний, оскверненною и отягченною идолами страстей, доступною духам злобы? – Сохрани Бог! – скажешь ты. Сохрани Бог! – говорю и я, и для сохранения души твоей показую тебе верное средство в том, чтобы ты со всяким вниманием и верностию, поколику можешь, уготовлял ее в обитель Господу.

Если спросишь, что должно делать для сего уготовления; на основании слова Господня отвечаю: исполнять те условия, под которыми Господь обещает, к кому бы то ни было, *прийти, и обитель у него сотворить; – аще кто любит Мя, слово Мое соблюдет*. Возлюби Господа, толико любящаго тебя, толико к тебе снисходящаго; и сия любовь возбудит в тебе тонкое духовное чувство слышать глас Его, и она же отверзет Ему дверь сердца твоего, и примешь Его, и сотворишься обителю Его. Если вопрошаешь еще: как бы обучить себя любви Божией, и соделать ее истинною, нелицемерною, крепкою; паки отвечаю из слова Господня: *соблюдай слово Его, исполняй заповеди Его; в сем состоит истина и сила любви к Господу, как он Сам удостоверяет: имея заповеди Моя, и соблюдаяй их, той есть любяй Мя* (Иоан. XIV. 21). Если же и в самом делании заповедей чувствуешь себя изнемогающим, или затрудняемым искушениями и препятствиями, паки призови на помощь любовь Божию, и ею одушевляй себя: *ибо крепка, яко смерть, любви; – крила ея крила огня* (Песн. VIII. 6); с нею *терпящи Господа изменяют крепость, окрылаются аки орли, потекут и не утруждаются* (Иса. XL. 31).

Еще один вопрос нужно мне разрешить, и тогда умолкну. Если нерукотворенной, невидимой, внутренней, духовной обители требует себе Бог: то для чего еще сия

рукотворенная и видимая? – Для того, чтобы в сей обители, тем удобнее услышать глас Господа, приближающегося к нашей обители внутренней, чем менее здесь оглушаемся шумом и молвою мира; – для того, чтобы в дверь сердца, отверзаемую Господу, не так легко вторгалось многое, что мы оставили за оградой обители видимой; – для того, для чего Пророку Илии нужен был Кармил, и Иоанну Крестителю пустыня; – для того, чтобы жизнь Пресвятыя Девы Богородицы имела на земли подражательное продолжение, и бывшее о ней пророчество ясно было в исполнении: *приведутся Царю девы в след ея* (Псал. XLIV. 15); – для того, чтобы дать свободное место слову Господню: *могий вместити, да вместит; и другому: аще хоцещи совершен быти, иди, продаждь имение твое, и имети будещи сокровище на небеси* (Матф. XIX. 21).

По сему-то святой Златоуст, похваляя Христианское благочестие страны Египетской в свое время, отдает в тоже время преимущество пустынножителем. *И сия, говорит, не во градах токмо благая, но и в пустынях, паче нежели во градах. Ибо мощно видети во всей стране оной Христово воинство, и царское стадо, и горних сил гражданство. И сия не в мужех токмо, но и в женской породе содержима обретаются: ибо и оне не меньше мужей любомудрствуют; не щиты приемлющая, не на кони всedaющая, якоже славнии Еллинстии, повелевают законоположницы и любомудрцы, но ину много труднейшу рать имущия. Обща бо женам и мужем брань к диаволу и ко властем тьмы, и нигде же, естества немощь таковым сражением бывает препятие. Не по естеству бо телес, но по произволению души сия судятся ратования. Сего ради и жены паче мужей подвизашася многажды, и светлейшия победы знамения оставиша. – Сего ради,* продолжает он, *с прилежнейшим учений хранением, многу и житием своим показывают добродетель: всех бо имений совлекшися, и всему миру распенишися, далее происходят, и телесный труд свой в пищу требующим истощевающе. Ниже бо, егда постятся и бдят, праздни во дни быти хоцут: но нощи в священных песнях и всенощных молитвах, дни же в молитвах, купно и рукоделии провождают* (Злат. на Матф. нрав. 8).

В сих изречениях златословеснаго учителя, пребывающие в сей обители да обретут и закон своего подвижничества, и поощрение в нем; а мир да уразумеет из оных, что, устроая святыя обители иночествующих, мы не произволом человеческим изобретенное жительство вводим, но древнее благочестие и священный чин церковный соблюдаем. Аминь.

ССХХVIII.

147. Речь

**Благочестивейшему Государю Императору Николаю Павловичу,
пред вступлением Его Императорскаго Величества в Успенский Собор,
после открытия Бородинскаго памятника.**

(Говорена Сентября 4;

напечатана отдельно и в собраниях 1844 и 1848 гг.)

<1839 год>

Благочестивейший Государь!

С благоговением слышал Твой древлепрестольный град, как ты, воздая честь подвигам рода минувшаго, в тоже время поучал подвигам род настоящий и грядущий, — как освящал славу благочестием, — как чуждую неги жизнь воинского стана услаждал для воинов — Твоим примером.

Наконец и видит Тебя Твой древлепрестольный Град, и радостными взорами особенно ищет теперь увидеть во взорах Твоих отсвет радости, озарившей недавно Твой Благословенный Дом.

Твой Первенец возвратился в Твои объятия, пленив сердца и чуждых народов доблестями, которые наследовал от Тебя рождением, и которые Ты образовал в Нем воспитанием.

Любовь к Отечеству Твоей первой Дщери, при Твоем Родительском попечении, навсегда упрочила Ее для России, соделав и Супруга Ея Сыном России.

Вниди в сие царственное святилище соединить Твою благодарную молитву с нашею; и новыя благодеяния Неба да орошают выну Твое благодарное пред Богом сердце.

ССХХІХ.

148. Речь

Благочестивейшему Государю Императору

Николаю Павловичу, при торжественном заложении храма

во имя Христа Спасителя, в Москве, Сентября 10 дня, 1839 года.

(Напечатана в собран. 1844 г.)

<1839 год>

Благочестивейший Государь!

Есть для некоторых важных дел особенная судьба Провидения Божия, по которой одному избранному дается возвышенная мысль, а другому предоставляется величественное исполнение. В ожидании сего плотскому оку представляется, что дело не успевает: но пред очами Провидения оно преуспевает. Вместо одного избраннаго имеет оно двух; и сквозь одно дело просиявает много добродетелей: в предприемлющем — не только доброе намерение, но и смирение, и терпение, и покорность судьбам Божиим, когда он должен уступить другому исполнение, — в исполняющем — не только благое делание, но и безкорыстие, великодушие, братолюбие, когда исполняет мысль другаго как-бы свою.

Так Давид, благодарный Богу за утверждение своего царства, помышляет создать Ему храм в Иерусалиме, и в сем утверждается совещанием с Нафаном. Мысль прекрасна; Пророк изобрел ее; Пророк одобрил: однако и два Пророка не угадали судьбы Провидения, пока она им не явилась. Исполнителем мысли Давидовой Бог назначает Соломона. *Той созиждет дом имени Моему, и управлю престол его до века* (2 Цар. VII. 13).

Так Александр Благословенный, благодарный Богу за спасение Своего Царства, помышляет создать, для священных воспоминаний и благодарных молитв, Храм Христу

Спасителю, в Столице, бывшей всесожжением за спасение Отечества, и возрожденной из пепла. Мысль Его провозглашена; Церковь благословляла начинание Благословенного. Ты един из Братий Его стоял тогда подле Него: и – теперь мы видим, что Тебе еще тогда указал Вседержитель исполнить Священный обет Державного Брата Державною рукою.

Итак, Россияне, мы в современных происшествиях читаем древнюю книгу Богоправимых Царств! Священные времена проходят пред нами в деяниях наших Царей! Какое утешение для веры! Какая надежда для Отечества!

Благочестивейший Государь! *Да утвердится сердце Твое во Господе; да вознесется рог Твой в Бозе Твоем*; Спаситель мира, спасший Россию, да благопоспешит Тебе *создати сей Дом имени Его, и да управит Престол Твой до века.*

ССХХХ.

149. Слово

о молитве, преимущественно церковной,

в день памяти Преподобного Сергия.

(Говорено в Троицкой Сергиевой Лавре, 25 сент.;

напечатано в Христ. Чтении 1840 г. и в собраниях 1844 и 1848 гг.)

<1839 год>

Молитесь о нас: уповаем бо, яко добру совесть имамы, во всех добре хотяще жити (Евр. XIII. 18). – Пишет святой Апостол Павел ко Евреям, то есть, к Христианам из Евреев.

Молитесь о нас: говорим иногда и мы людям, которых почитаем сильными в молитве, или, по крайней мере, упражняющимися в ней с приметным вниманием. И ныне, для чего множество людей собралось во храме сем, если не для того наипаче, чтобы сказать Преподобному Сергию, как могущественному молитвеннику: моли Бога о нас?

Воспользуемся же словами Апостола, чтоб извлечь из них о взаимной молитве некоторые мысли, для нас полезные.

Молитесь о нас. Подумайте, кто это просит себе молитвы других? – Павел, который некогда, с своим сотрудником Силою, в темнице Филиппийской, совершал молитвенное Богу славословие, с такою духовною силою, что *внезапу трус бысть велий, яко поколебатися основанию темничному, отверзошася же абие двери вся, и всем юзы ослабеша* (Деян. XVI. 25. 26); – Павел, который объятием сострадательной любви и молитвы воскресил Евтиха; – Павел, которого молитве даровал Бог вдруг двести семдесят шесть душ, спутников его в плавании, готовых погибнуть от кораблекрушения; – Павел, которого сам Господь нарек *избранным сосудом* благодати Своея, и который сам о себе не обинулся исповедать: *вся могу о укрепляющем мя Иисусе Христе* (Фил. IV. 13). И сей, вся могущий, просит себе помощи молитвенной; и от кого просит? – Не от каких либо избранных, крепких молитвенников, но от всех Христиан-Евреев, без разбора, не исключая и последнего мирянина. Что ж такое делает святой Павел? Да, что он делает, то

достойно глубокого внимания нашего, и, если будем внимательны, может подать нам немаловажные наставления.

Пример Апостола должен вразумить нас, Христиане, как настоятельна потребность взаимной друг о друге молитвы, и наипаче общественной, когда и сей, толико крепкий подвижник духовный, признает для себя нужду сей духовной помощи; как дерзко было бы опираться на силу одной собственной молитвы, хотя бы кто в ней уже имел некоторые опыты, и достиг некоторых успехов, когда на собственную молитву не дерзает положиться муж, облагодатствованный столь необыкновенно и чудесно; с каким смирением и простотою надлежит нам не отвергать, не пренебрегать молитвенной помощи немощнейшаго из верующих, когда прозорливый дух Павла не употребил в сем случае разборчивости, которую трудно употребить без возношения себя и без уничижения ближняго, и которая была бы без цели, потому что *сила Божия в немощех совершается*, следственно может иногда совершиться и в немощнейших, по видимому, молитвенниках.

Кстати заметим из примера святого Павла, как верно, даже до ныне, в Церкви Божией сохраняется тот же дух и тот же чин, какой учением и примером ввели в нее святые Апостолы. В каждом Богослужении слышите вы, как Церковь призывает всех верующих, не исключая немощнейшаго и последняго, молиться, как друг за друга вообще и в разных отношениях, так в особенности за тех, которые призваны в преемственное Апостолам служение благодати.

Дабы, без трудных разсуждений, ясно показать вам благотворное действие молитвы друг за друга, приведу пример другого Апостола. *Петра стрежаху в темнице: молитва же бе прилежна бываемая от Церкви к Богу о нем. Егда же хотяше его извести Ирод*, для суда, и, вероятно, для убиения, *в нощи той бе Петр спя между двема воинома, связан железнома ужема двема, стражие же пред дверми стрежаху темницы*. Опасность крайняя; избавление кажется невозможным; притом же сам Петр не молится о избавлении: *бе Петр спя*. Но какая нечаянность! *Се Ангел Господень предста*. Он разбудил Петра; оковы спали с него сами собою; Ангел провел его сквозь запертые двери, между стоящими при них стражами, и оставил на свободе. Каким же образом Петр не вымолил, а покоясь сном приобрел себе избавление? Тем образом что *молитва, бе прилежна бываемая от Церкви к Богу о нем*. Она совершила избавление Петра без его усилия и без его ведома.

Мало сведущие в делах духа могут спросить: почему посторонняго молитвеннаго содействия, или даже полного действия, требуют и такие люди, которые имеют сами дар молитвы, возделанный упражнением, и приносящий даже чудесные плоды? Некоторые, по недоумению, в простоте, могут сказать о Петре или Павле то, что некогда Иудеи, в ожесточении, в укоризну говорили о Христе: *иныя спасе, себе ли не можешь спасти?* На сие, для искренно вопрошающих, ответствуем: Павел просит себе чужой молитвы, по смирению; Петр не спасает себя из темницы, по отвержению своей воли, по преданности в волю Провидения Божия: между тем как того же Петра, и того же Павла, в молитве за других гораздо более свободными, и по вере дерзновенными, делает человеколюбие и сострадание; и потому они подлинно иныя спасают своей молитвою, и не стыдятся сами молитвою иных быть спасаемы. Но для чего Бог полагает на избранных Своих сей образ духовной скудости и уничижения, что они заимствуются пособиями молитвы от других людей, менее облагодатствованных? Для того же, чтобы лучше сберечь высоту их достоинства в глубине их смирения. Или, пусть сии люди сами изъясняются о дивном в них смотреии Божиим: *имамы, говорят, сокровище сие в скудельных сосудех, да премножество силы будет Божия, а не от нас* (2 Кор. IV. 7). Если бы Святые всегда были также чудесно могущественны для себя, как часто бывают для других: то

непроницательные люди удобно приписали бы им самим силу Божию, в них действующую; и следственно похитили бы у Бога славу, Ему принадлежащую: но когда те же люди в одном случае Богоподобны чудесным могуществом, а в другом подобострастны нам общею человекам немощию; тогда и малопроницательные должны усмотреть, что тут является *премножество силы Божия, а не от нас*.

Возвратимся к словам Апостола, которые мы взяли в руководство настоящему размышлению. *Молитесь о нас: уповаем бо, яко добру совесть имамы, во всех добре хотяще жити*. Не просто требует он молитв о себе, но представляет нечто такое, по чему бы его требование признали справедливым, и не отказали в требуемом: *уповаем бо, яко добру совесть имамы, во всех добре хотяще жити*. В сих словах можно видеть следующее размышление Апостола: если бы я признавал в себе совесть не добрую, неочищенную от грехов, по возможности человеческой и по благодати Божией; если бы не имел искренняго намерения вести добрую жизнь во всех отношениях: то не отважился бы просить себе от Церкви молитвенной помощи, которой нечистая совесть недостойна, и которая злomu намерению споспешествовать не может: но поелику, испытую сердце свое пред Богом, не нахожу, чтобы совесть обличила меня в делах, заведомо и по намерению злых; а напротив того стараюсь во всех случаях иметь намерения Богу угодныя, ближним полезныя, собственной душе моей спасительныя; то с несмущенным дерзновением прибегаю к духу благодати и щедрот, дышущему в Церкви, испытующему сердца, и дающему всем по сердцу каждого. И так, вот еще наставление, которое мы должны для себя извлечь из примера Апостола: кто желает воспользоваться споспешествующею молитвою ближних и всея Церкви; тот должен прилежно испытать свою совесть, отвергнуть всякое намерение греховное, всякое хотение нечистое, стараться нелицемерно, во всяком случае, соделать такую долю добра и правды, какая возможна ему, по дару Божию естественному, и по предварительной благодати; и потом уже с упованием просить достойнейшей помощи духовной и благодатной от душ, искренно молящихся.

Таковы суть, братия, законы общественного духа молитвы; таков порядок его действия. Кто не подчиняется сим законам; кто не обращает внимания на сей порядок: тот напрасно вздумает жаловаться на скудость плодов общественной и взаимной молитвы; он должен жаловаться на самого себя, на свое неразумие, или, поелику для простаго добролюбиваго неведения есть простыя внушения духа и тайная помощь благодати, еще справедливее должен жаловаться на свое произвольное нерадение или неверность.

Церковь непрестанно призывает нас к молитве взаимности, то в особенности за начальствующих и служащих Церкви, то за братьев наших, разнообразно бедствующих, то за всех единоверных вообще. Учрежденный лик, то и дело, вопиет за нас ко Господу о помиловании нас; и подаении нам благодати. Что же ты предстоящий? Вопиешь ли также в сие время в сердце твоём? Чувствуешь ли важность сего общения, чтобы присоединить твой малый молитвенный глас к великому молитвенному согласию Церкви? Помышляешь ли о твоей частной молитве смиренно и униженно, а о соединенной молитве Церкви – благоговейно и благонадежно? Или только слушаешь пробегающия слова чтеца, как шум ветра, и глас певца, как звук свирели, и, между одушевленными духом молитвы, стоишь празднен, холоден, безчувствен? Если, по несчастию, так: то очувствуйся, полумертвая душа, возбуди сердце твое, воззови ко Господу из глубины твоей внутренней, да можешь реянием твоим коснуться глубин Духа Божия, исполняющего Церковь Божию, и привлещи себе начаток духа благодати и щедрот, в обновление и благоуправление твоея жизни.

Иные, по видимому, обращаются к молитвам Церкви, призывают молитвы Святых, просят молитв от некоторых ближних: но между тем не довольно обращаются к своей совести, не довольно внимания обращают на свою жизнь, не восприимлют добрых намерений, или, восприяв, не сохраняют. Говорят Святому: молися о нас, а сами беззаботно стоят на пути грешных. Подумали ль вы, чего требуете? Не ужели дух молитвы для того дан Церкви, чтобы он, как вихрь, мог схватить некаящегося грешника, и бросить в рай? Какая в сем случае была б правда у Бога? И что было бы с самым раем, когда бы его наполнили неочищенные покаянием и неисправленные в житии грешники? – Блаженное место не может сделать блаженным грешника; но грешник и блаженное место оскверняет собою и повреждает, как именно с сим блаженным некогда миром случилось чрез грех Адама. Нет! – Благодатный дух молитвы дарован от Бога для помощи грешникам, восчувствовавшим и возненавидевшим свою греховность, решительно возжелавшим очищения и совершенного исправления, у которых не достает только силы делать добро, а не добраго намерения.

Желаю, братия, чтобы как можно менее нашлось между нами таких, для которых в настоящем размышлении нашем найдется обличение. – Кто же найдет здесь для себя обличение: тот да не гневается на обличающего по долгу, но да примет доброжелательное напоминание, и употребит оное к своему исправлению, которое да подастся всем нам благодатию Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, молитвами Преподобнаго Отца нашего Сергия и всех Святых. Аминь.

ССXXXI.

150. Слово

**по освящении храма Благовернаго Князя Александра Невского,
в учрежденном от Московскаго градскаго Общества доме воспитания
бедных детей и призрения престарелых и немощных.**

(Говорено Сентября 28-го;

напечатано в Христ. Чтен. 1839 г. и в собраниях 1844 и 1848 гг.)

<1839 год>

*Вера бо чиста и нескверна пред Богом и
Отцем
сия есть, еже посещати сирых и вдовиц в
скорбех
их, и нескверна себе блюсти от мира.
Иак. I. 27.*

Много приятных мыслей раждается при виде сего храма, ныне освященнаго, и сего дома, для котораго храм сей служит венцем доброты.

Приятно видеть создание сего храма, как свободное дело благочестия.

|| Приятно видеть учреждение сего дома, как щедрое дело человеколюбия.

Приятно видеть здесь сочетание благочестия и человеколюбия, в одном деле, для одной цели, так что сии добродетели, в соединении, одна другую подкрепляют, одна другую возвышают.

Приятно мыслить, что сие дело благочестия и человеколюбия есть плод благих расположений не одного человека, или не многих, но целого сословия граждан великаго града.

Приятно вспомнить, какой случай привел в движение благия расположения, и произвел благотворное дело. Первородный Сын Царев, надежда России, достиг совершеннолетия, и торжественно вступал в права онаго. Радовались Венценосные Родители. Сорадовалась Россия. Москва чувствовала сию радость, как свойственно сердцу России. Все, под руководством Церкви, возносили сию радость к небу и молили о ея упрочении; все, кто как мог, желали ознаменовать ее и в земном быту. Тогда возвысился сей общественный голос: «Царь заботился о своем Первенце, Царь радуется о своем Первенце, не только по родительской любви к Сыну, но и по Царской любви к Отечеству, по предусмотрительной заботливости о будущем благе России: чем же бы нам ознаменовать то, что мы сие чувствуем, что желаем сему соответствовать, поколику нам возможно? – Есть дети, о которых некому заботиться, о которых некому радоваться: да будет их матерью – наша любовь к Царю и Сыну Его. Ею призренные, обезпеченные, образованные, да будут они ея живыми памятниками, ея от нас наследниками, ея проповедниками потомству». – Итак, учредители, вы полагали, что, дабы ознаменовать радость; надобно сделать доброе дело; что, дабы доказать любовь к Царю, надобно сделать дело человеколюбия; что, дабы сделать приятное Царю, надобно сделать дело благотворения! Прекрасно, возлюбленные! Такой образ мыслей достоин сынов Веры. Такая мысль о Царе достойна истиннаго величия. Такое предприятие достойно верных подданных Царя благочестивейшаго.

При виде таких расположений, остается только желать, чтобы оне сохранялись, и не преставали приносить плод, их достойный; чтобы чувствования, так светло блеснувшие в минуты восторга, были постоянным и всеобъемлющим светом дел и жизни в людях, ими одушевленных. *Кто даст – скажем словом Господним – кто даст еже быти тако сердцу их в них – во вся дни, да благо будет им, и сыном их во веки* (Втор. V. 29)?

И кто же дал бы нам сие без Тебя, *Отче светов*, от которого *свыше нисходит всякое даяние благо, и всяк дар совершен? Ты призри на рабы Твоя, и на дела Твоя, и настави сыны их: и буди светлость Господа Бога нашего на нас, и дело рук наших исправи* (Пс. LXXXIX. 16. 17). Благословение Твое да исходит выну от храма сего на дом сей, и на обитающих в нем, и на создателей и блюстителей того и другаго.

С нашей же стороны, братия Христиане, требуется постоянное внимание к сердцу своему, дабы в нем от источника истинной веры исходили чистыя струи человеколюбия. Вот правило, которое должно быть основным не только для тех, которые особенно призваны благоустроить обители человеколюбия, но и для всех, которые желают благоустроить свой душевный дом.

В соборном послании, то есть, в учении, писанном в руководство всем вообще членам Соборной или Вселенской Церкви, Святый Апостол Иаков оставил нам чудное изречение о союзе веры с человеколюбием. *Вера, говорит он, чиста и нескверна пред Богом и Отцем сия есть, еже посещати сирых и вдовиц в скорбех их, и нескверна себе блюсти от мира.* Это почти все равно, как если бы сказано было, что чистая вера есть чистое человеколюбие и непорочность жизни. Если бы сие сказал ктонибудь другой: то могло бы случиться, что его упрекнули бы смешением понятий. Но как сие сказал Апостол; а чрез

Апостола говорил Дух Святой; а Дух Святой есть Дух истины: то нет сомнения, что в словах Святаго Иакова заключается чистая истина, а не смешение понятий. Не лзя его поправлять или оспаривать, а надобно правильно выразуметь.

Святой Иаков, непосредственно после приведенного теперь изречения говорит: *братия моя, не на лица зряще имейте веру Господа нашего Иисуса Христа славы* (II. I). Здесь видно, что он учит существу Христианския веры, и не думает, как некоторые ныне, пренебрегать догмат, чтобы обратить все внимание на одну нравственность. Посему и предшествовавшее изречение не так должно разуметь, аки бы вся вера, благоугодная Богу, заключалась в человеколюбии; но так, что чистая вера есть купно и человеколюбие. Вера пребывает верою; человеколюбие – человеколюбием: но между ими есть столь близкое отношение, столь неразрывная связь, что где есть чистая вера, там непременно есть и чистое человеколюбие, как последствие. Каждый истинно верующий должен быть истинно человеколюбивым.

Дабы полнее выразуметь сие Апостольское учение, и точнее приложить оное к жизни, можно предложить два вопроса: не ужели не лзя иметь чистой веры без человеколюбия? И обратно, может ли быть чистое человеколюбие без чистой веры.

Решение первого из сих вопросов не трудно извлечь из приведенных нами слов Апостола. Если чистая вера есть купно чистое человеколюбие, или, что то же, человеколюбие есть неразлучное последствие чистой веры: то отсутствие неразлучного последствия по необходимости должно быть признаком отсутствия действующаго начала; и следственно, где нет человеколюбия, там не лзя предполагать чистой веры; кто не имеет человеколюбия, тот не может благонадежно уверять себя, что имеет чистую веру.

Как? – скажет иной, – я верую в единосущную Троицу, в Господа Иисуса Христа Богочеловека, в Его спасительное страдание, крестную смерть и воскресение, в Его вознесение на небо и грядущий суд, в благодатныя тайнодействия Святаго Духа; отвергаю всякое неправославное мудрование: не сия ли есть чистая вера в Бога, каковы бы ни были отношения мои к людям? – Нет спора, единовѣрный мой, что сия есть истинная Апостольская вера в существе своих догматов: но может быть сомнение в том, точно ли ты ее имеешь, и как имеешь. Поколикую ты имеешь ее в Слове Божием и в Символе веры: потоликую она принадлежит Богу, Его Пророкам, Апостолам, Отцам Церкви, а еще не тебе. Когда имеешь ее в твоих мыслях и в памяти: тогда начинаешь усваивать ее себе; но я еще боюсь за сию собственность, потому что твоя вера в мыслях, может быть, есть только еще задаток, по которому надлежит получить сокровище, то есть, живую силу веры. А как получить ее? – сердцем, как говорит Апостол Павел: *сердцем веруется в правду* (Рим. X. 10). Но если ты усвоил себе веру сердцем, то есть, в глубине души почувствовал ея достоинство, святость и силу, возлюбил ее, прилепился к ней: то, в следствие сего, надлежит, по слову Апостольскому, *вселитися Христу верою в сердце* (Ефес. III. 17) твое, то есть, внести в него Свою благодать, Свой свет, силу и жизнь, Свое мудрование, любовь и добродетель; и тогда ты возлюбишь всех человеков, – иначе и быть не может, – любовью Христовою; из любви и благодарности к пострадавшему и умершему за тебя готов будешь пострадать и умереть за спасенных Его любовью и искупленных Его смертию; кратко сказать, по мере совершенства в вере будешь совершен в человеколюбии. Таким образом одно из двух: или ты имеешь чистую веру, и купно с нею человеколюбие, и вообще Христианскую добродетель и непорочность; или, если сих не имеешь, то не будь дерзновен, хваляся одною верою, только словесною, или мысленною, но подвизайся утверждать веру в сердце твоём, да веруешь в правду, живую, а не мертвую, деятельною в любви, а не праздною верою, да оправдишься на суде Христовом, где воздастся по делам человеколюбия, и с *праведниками от веры жив будешь* вечно (Рим. I. 17).

Разсматривание отношения между верою и человеколюбием, как между началом и последствием, откроет нам путь к разрешению и того вопроса: может ли быть чистое человеколюбие без чистой веры? Если спросят о человеке верующем: откуда в нем чистое человеколюбие? ответ, по учению Апостольскому, прост: от чистой веры. *Вера бо чиста и нескверна пред Богом и Отцем сия есть, еже посещати сирых и вдовиц в скорбех их.* Но если предположите чистое человеколюбие в человеке, не имеющем чистой веры: то спрашивается: откуда оно? Не знаю, какой можно было бы дать на сие удовлетворительный ответ. Скажете ли от природы? Но природа человека, поврежденная грехом, не производит чистаго добра собственною силою без особенной благодати Божией, которая приемлется только верою. Скажете ли от разума? Но он принадлежит к той же поврежденной природе человека, и потому также не обещает чистоты без благодати. Есть и в поврежденной грехом природе человека расположение к человеколюбию; одобряет сие расположение и необлагодатствованный разум: посему и природа и разум осудят не человеколюбиваго: но возведут ли они человеколюбие на степень чистоты? На пример правило: *аще алчет враг твой, ухлеби его: аще ли жаждет, напой его* (Рим. XII. 20); – изобрел ли бы разум? Обрадовалась ли бы оному природа? – Не знаю. А то знаю достоверно, что природа и разум, неисправленные верою, пьют кровь врагов, и пожирают их трупы. Может и неуправляемый верою сделать иногда благодеяние врагу, из гордости, для славы великодушия, из удовольствия видеть унижение одолжаемого, для предусматриваемой впереди выгоды собственной; следственно из побуждений нечистых. Но чистый закон любви ко врагам только Господь Иисус изрекает, только вера приемлет, только благодать делает любезным и удобоисполнимым. Потому-то Господь, изрекая сей закон, поставляет Себя в противоположности с иными законоположителями и наставниками: *Аз же глаголю вам: любите враги ваша* (Матф. V. 44).

Ища истины непреложной, выдерживающей всякое испытание, обратим внимание на особенные случаи, в которых является чистое человеколюбие, по видимому, вне пределов чистой веры.

Руфь Моавитянка, следственно, природная язычница, из сострадательной любви к бездетной и беспомощной Ноеммини, оставляет и свой род и отечество, и решается следовать за нею в землю Израилеву, без всякой надежды для себя, а только для того, чтобы утешать и упокоивать возлюбленную свекровь. Не есть ли это чистое человеколюбие вне пределов чистой веры? – Нет. Любовь к благочестивой Ноеммини привила ей веру душе Руфи, и вера сделала ее способною к человеколюбию, чистому до самозабвения и самопожертвования. *Бог твой, Бог мой* (Руфь. I. 16), – говорила Руфь Ноеммини, совершая прекрасный подвиг человеколюбия.

Ангел сказал Корнилию Сотнику, также природному язычнику: *молитвы твоя, и милостыни твоя взыдоша на память пред Бога* (Деян. X. 4). Если милостыни Корнилия взошли на память пред Бога, то есть, приняты в благоволение Божие: то они должны быть чистыя, потому что нечистое не может приблизиться к Богу. Не есть ли это чистое человеколюбие вне пределов чистой веры? – Нет. Из слов Ангела видно, что молитвы Корнилия восходили к Богу впереди его милостыней: а молитвы восходят к Богу не иначе, как предводимыя верою. Искреннее хотение, волю Божию творити, сделалось в его душе приятелищем предваряющей благодати Божией, и сия ускорила посеять в нем зерно веры, сперва нераскрытое, погребенное в естественном неведении; а дабы оно раскрылось и прозябло, для того послала потом Ангела, и наконец Апостола Петра. Что проповедь Апостола, как солнечный луч, упала на готовое уже, хотя закрытое, зерно веры в душе Корнилия, сие можно приметить из того, как быстро вера его раскрылась, и как высоко

возрасла в немногие часы. Она достигла уже до причастия Святого Духа прежде крещения водою.

Но чтобы решить дело непогрешительным и окончательным судом, приступим к великому суду Христову. Очевидно, что на нем оправдывается человеколюбие. *Взалкался бо*, говорит, *и дайте Ми ясти, возжадахся, и напоите Мя*, и так далее. Но примечаете ли важную особенность человеколюбия, которое Господь оправдывает и награждает вечным блаженством? *Понеже*, говорит, *сотвористе единому сих братий моих меньших, Мне сотвористе* (Матф. XXV. 35. 40). Дабы дела человеколюбия были чисты, достойны Господа, оправдательны, блаженнотворны, для сего надобно, чтобы оне в лице человека сделаны были самому Господу Иисусу. Но как сего достигнуть? Думаю, что не иначе можно, как путем чистой веры, которая во всем и чрез все взирает на Господа, Его полагает средоточием всех намерений и дел, ради Его благодетельствует, Его зрит в благодетельствуемых, как нареченных Его братиях, и таким образом, *милая нищаго, взаим дает Богу* (Прит. XIX. 17). *Суд Божий есть по истине*. Как же оправдает Господь дела наши, как скажет нам: *Мне сотвористе*, если мы делаем наши дела не для Него, а совсем по другим видам, если при делах наших к Нему не взираем, и о Нем не помышляем, если не приближаемся к Нему истинною и чистою верою и любовью?

Якоже предрекохом, и ныне паки глаголю (Гал. I. 9). Братия Христиане! Да имеем постоянное внимание к сердцу своему, дабы в нем от источника истинной веры исходили чистые струи человеколюбия. Аминь.

1840 год.

ССXXXII.

151. Беседа

о соблазнах.

(Напечатана в собраниях 1844 и 1848 гг.)

<1840 год>

Не ктому убо друг друга осуждаем: но сие паче судите, еже не полагати претыкания брату или соблазна. Рим. XIV. 13.

В житии Богоносного Отца нашего Сергия находим, что Он, во время своего Игуменства, услышав однажды изшедшее из уст брата его Стефана, слово любоначала: *кто есть Игумен на месте сем? не аз ли прежде седох на месте сем?* – немедленно вышел из обители, чтобы поселиться на другом удаленном и сокровенном месте. Очевидны в сем поступке терпение, кротость и смирение Святого. Но вот что недоуменно: почему не вразумил он брата, по долгу Игумена? Как, за одного человека, оставил всю братию и служение, в которое поставлен священной властью? – Есть особенные пути Святых, пред которыми все должны благоговеть, поелику они особенною благодатию Божиею управлены, и оправданы в своих последствиях; но которым не всякой имеет право последовать, потому что было бы дерзновенно, если бы каждый стал приписывать себе ту же благодать. Таков случай, теперь рассматриваемый.

Если у отца сын или у начальника подчиненный безчинствует: берегитесь молчать, и оставлять его без обличения и исправления. Вспомните грозное прещение и наказание, которым за небрежение сего рода Бог поразил несчастного Илия: *отомщу Аз на доме его до века в неправдах сынов его, о нихже ведяше, яко злословиста Бога сынове его, и не наказа их* (1 Цар. III. 13). Если от какого нибудь искушения или неудовольствия приходит тебе желание бежать от места, на котором ты поставлен законною властью: остерегись; может случиться, что вину своеволия понесешь; от зла путем своего произвола не избежешь, и преследуемого тобою спокойствия не уловишь.

Но если Святой Сергей в известном случае, не по сим обыкновенным правилам действовал: то по каким же? Ибо святому по святым правилам действовать надлежит. Мы уразумеем дело его, если приложим к его поступку правило Апостола: *сие паче судите, еже не полагати претыкания брату или соблазна*. Видел прозорливый Сергей, что не удобно было прямо обличить любоначалствующаго; потому что в сем случае обличение казалось бы препирательством за Начальство, и вид личной распри между Игуменом и старшим по нем, и притом между родными братьями по плоти, был бы не без претыкания и для прочих братий обители.

В сих трудных обстоятельствах премудрый Старец нашел средство, не только не положить претыкания с своей стороны, но и положенный другим соблазн уничтожить. Он никому не сказал о поступке брата, и своим удалением от начальствования подал и сильнейшее врачевство против страсти любоначала. Бог же, оправдывая путь Угодника своего, чрез его добровольное изгнанничество паче прежняго утвердил в любви к нему братию его первоначальной обители, и возвратил его к ней властью Святителя Алексия.

Вот примечательное указание на важность Апостольскаго правила: *еже не полагати претыкания брату или соблазна*. Святой пример да возбудит нас к деятельному наблюдению онаго в нашей жизни.

Но что такое *претыкание*? Что такое *соблазн*? – Если ты идешь, и об камень, лежащий на дороге, внезапно ударяешься ногою, от чего происходит замешательство движений и опасность падения: в таком случае камень есть для тебя *претыкание*. Сей чувственный образ переносит Апостол к душе: ибо он заботится конечно не о претыкании на дороге, но о претыкании в жизни нравственной и духовной. Притом, он различает от претыкания *соблазн*, без сомнения, как нечто более тяжкое, как причину не только преткновения, но и падения. Претываемся – в мыслях; падаем в делах. Претываемся – сомнениями, ложными мнениями, смущением помыслов и разстройством чувствований душевных; падаем – во грех, в преступление. Если мы пред ближним нашим говорим такая слова, или делаем такая дела, которые произведут в нем худые помыслы и разстройство душевное; то мы полагаем ему претыкание: если нашими словами или действиями даем ему повод, побуждение, поощрение ко греху; то полагаем ему соблазн. Итак притчею изображенное увещание Апостольское: *еже не полагати претыкания брату или соблазна*, означает то, что мы должны тщательно наблюдать, чтобы ни словами, ни делом, не подать ближнему повода, побуждения, поощрения к худым помыслам, к душевным возмущениям и движениям страстей, и наконец к самым делам греховным.

Для точности учения различим еще виды соблазна, по его предметам. Предметом соблазна могут быть дела не только греховныя, но и позволительныя, и даже святыя.

Не ужели, скажете, и святыя дела могут быть предметом соблазна? Могут, без сомнения: поелику о сем свидетельствует непогрешительное Слово Божие. Что может быть святее, как проповедывать людям спасительное учение о Христе Распятом? Но сие было

предметом соблазна, как говорит Апостол: *мы проповедуем Христа распятого, Иудеям соблазн* (1 Кор. I. 23). Это соблазн не от проповедующих, которых дело было чисто и свято, а от самих соблазняющихся, которые из спасительного для верующих учения о Кресте, мудрованием плотским, гордостью и неверием извлекали для себя вещество соблазна, подобно как паук извлекает яд из цветка, дающего пчеле мед. Из сего примера не трудно вывести правило, как должно поступать в отношении к соблазну сего рода. Если бы Апостолы, убоясь соблазна Иудеям, не стали проповедывать Христа распятого: то мир не услышал бы спасительного учения, и не спасся бы. Итак очевидно, что им должно было творить дело, приносящее спасение миру, и не изменять своего действия для людей, которые сами себя соблазняют, и сами себя погубляют. Соблазн Креста не совсем кончился, братия; случается и ныне, что чада мира и плоти возмущаются при виде сильного и решительного стремления к делам духа и к мудрованию Христову, крестному. Не сюда относится Апостольское предостережение против соблазна. Да делаем свободно дела святыни и спасения. Плоть да не будет судиею духа. Мир да не предписывает законов делу Божию.

Что дело позволительное может быть предметом соблазна, сие можно усмотреть из следующих изречений Святого Апостола Павла. *Брашно нас не ставляет пред Богом; ниже бо аще ямы, избыточествуем, ниже аще не ямы, лишаемся* (1 Кор. VIII. 8). Нет нужды входить в разбирательство, к какому случаю, и к какому употреблению пищи относится сие изречение: то ясно, что Апостол говорит здесь о употреблении пищи, как деле, не заключающем в себе ни особенного достоинства, ни особенной виновности пред Богом, следственно говорит о деле позволительном. И о сем самом деле он говорит далее: *аще брашно соблазняет брата моего: не имам мяса ясти во веки, да не соблазню брата моего* (13). В сих словах, вместе с указанием на соблазн от дела позволительного: *аще брашно соблазняет брата моего*, находим и особенное правило предосторожности против сего рода соблазна: *не имам мяса ясти во веки, да не соблазню брата моего*. Удивительное соединение силы увещания с кротостию совета! Как строг святой Павел к самому себе, когда дело невинное запрещает себе на веки, чтобы не соблазнить брата однажды; и как сильно сею строгостию к себе, побуждает и других к предосторожности против соблазна! С тем вместе как он снисходителен к поучаемым, когда не заповедует им *не ясти мяса во веки, да не соблазнят брата*, но строгость запрещения обращает на себя, а другим предоставляет последовать его примеру, сколько могут.

Что дела греховныя бывают предметом соблазна, сие не требует ни доказательства, ни объяснения. Только для нашей невнимательности, может быть, не излишне заметить, сколь обыкновенно грех сопровождается соблазном, и чрез соблазн размножается; как длинна бывает цепь, как обширен круг соблазнов, которые влечет за собою, и распространяет от себя, один грех. В книге Судей Израилевых повествуется, что некто Миха изваял кумир для себя и для своего дома, потом нанял Левита, чтобы приносить ему жертвы; от Левита выведали о сем домашнем кумире воины племени Данова, и похитили оный; и таким образом идолослужение одного человека из одного дома сделалось грехом города и племени. Таков обыкновенно ход греха путем соблазна. Лукавый помысл изваяет невидимый кумир греха; нечистое желание вносит его в душу; греховное дело выставляет его, и делает видимым; тщетно скрываемая тайна греха похищается и разносится; соблазн родится, и грех размножается; поползновенные увлекаются худым примером; другие впадают в грех злоречия и осуждения ближнего. Что сказать о грехах, которые, или по свойству своему неудобоскрываемы, или по дерзости открыто делаются, или от положения согрешающих между людьми получают особенную силу распространять соблазн? – Какой обильный сев, какая необъятная жатва плевел!

Как печально, и вместе как грозно говорил о соблазнах Господь наш! *Горе миру от соблазн! – Горе человеку тому, имже соблазн приходит* (Матф. XVIII. 7)! – *Уне ему было бы, аще жернов осельский облежал бы о выи его, и ввержен в море; неже да соблазнит от малых сих единого* (Лук. XVII. 2). – О милосердый Господи! о грехах и грешниках глаголеши с толиким покоем, с толикою кротостию: *не приидох призвати праведники, но грешники на покаяние* (Матф. IX. 13): а о соблазнах и соблазняющих так плачевно, и так грозно!.. *Разумех, Господи, яко правда судьбы твоя* (Пс. CXVIII. 75); воистину, плачевен грех, и страшен; но соблазн более. Грех мой, при помощи Благодати Твоея, могу я прекратить, и покаянием очистить; но соблазна, если он виною моею подан, и перешел к другим, уже не властен я ни прекратить, ни очистить.

Да страшимся, братия, соблазна; и осторожность против соблазна да содействует нам в осторожности против греха, хотя впрочем греха убегать должно не по одному опасению соблазна, но по внутреннему отвращению от зла, и по любви к Богу, как исповедал о себе Псалмопевец: *неправду возненавидех и омерзих, закон же Твой возлюбих* (Псал. CXVIII. 163).

Да страшимся же как подавать соблазн, так и принимать поданный: ибо грех по случаю поданного соблазна есть тем не менее грех, и может породить новый соблазн. Не продолжай рода порождений ехиднинных; но спеши сокрушить главу змия, – греховный помысл победоносною силою Агнца непорочна и пречиста Христа. Аминь.

ССXXXIII.

152. Слово

при посещении Свято-Троицкой единоверческой церкви,

пред заложением на единоверческом кладбище храма всех Святых.

(Говорено сентября 8 дня;

напечатано отдельно и в собраниях 1844 и 1848 гг.)

<1840 год>

Святой Апостол Павел в послании к Римлянам говорит между прочим к чадам Римския Церкви: *желаю видети вас, да некое подам вам дарование духовное ко утверждению вашему, сие же есть, соутешитися в вас верою общею, вашею же и моею* (Рим. I. 11. 12).

Поучительна ревность Апостольская. Святой Павел имел в своем попечении многия Церкви Азийския, Греческия, Македонския, большею частию им основанныя, и им руководствуемыя: но и на Римскую, не столь близкую, и не им основанную, простирает внимание; и не только писал к ней послание, но и лично посетить ее желал.

Если те, которые, по устроению Божию, прияли, хотя не Апостольскую власть, впрочем от Апостолов друг-другоприимательно преданный жребий священноначальства, по справедливости должны подражать ревности Апостольской в своем, хотя не столь обширном, круге действия: то я не особенным чем либо похваляюсь, а только укажу на свою обязанность, если скажу, что уже давно *желаю видети вас*, братия, в вашей собственно церкви, и что теперь исполняется мое давнее желание.

Но, может быть, ктонибудь, услышав сие, помыслит: почему ж бы давно и не исполниться сему желанию, если оно есть давнее? – Дабы ответить на сей вопрос, я прибегну опять ко Святому Апостолу Павлу, который, в след за вышеприведенными словами, в послании к Римлянам пишет: *не хочу же не вести вам, братие, яко множицею восхотех прийти к вам, и возбранен бых доселе*. Если могло случиться, что Святой Павел, при толиком обилии данной ему, даже чудодейственной благодати, долго не мог исполнить трудного: то при моей немощи, конечно не удивительно, что я не скоро мог исполнить не трудное.

Вопрос, несравненно более достойный внимания для меня и для вас, должен быть сей: для чего я желал, или лучше, для чего должен был желать, увидеться с вами здесь, и для чего вам прилично было желать сего; ибо я нахожусь ныне здесь как по моему давнему желанию, так и по вашему неоднократному приглашению. И в сем отношении тот же Апостол может быть руководителем и образцом уже не для меня только, но купно и для вас, братия. *Желаю бо видети вас*, говорит он Римским Христианам. Но для чего? – *Да некое*, говорит, *подам вам дарование духовное*. Что это значит? Какое обещает он дарование духовное? – Он объясняет: *сие же есть соутешитися в вас верою общию, вашею же и моею*. Итак вот для чего Апостол желает посетить церковь Римскую, видеть Христиан Римских: он желает найти у них общую веру и общение в вере, ближайшим образом дознать и открыть, что Римляне точно единоверцы ему, и он единоведец Римлянам. И в сем дознании он уповает обрести *соутешение*, то есть, взаимное утешение, Римлянам от него, и ему от Римлян, и не просто утешение человеческое, но *дарование духовное*, дар Святого Духа Утешителя. Если, братия, и мы хотим быть верными сему Апостольскому направлению, сообразными сему первоначальному образу Церкви Христовы: то надобно, чтоб и ваше предварившее приглашение, и мое к вам настоящее пришествие, имело не иную цель, как *веру общию, вашу же и мою*. Едино должно быть и у меня и у вас желание, да обрящемся точно друг другу единоверцы, по вере истинной, православной, чистой, непорочной, от Господа Спасителя чрез Святых Апостолов и Богоносных Отцев преданной, и непрерывным и неизменным преданием и до нас достигшей; да в общении мирных сердец и несмущенных совестей, *соутешимся верою общию, вашею же и моею*, и в сем утешении познаем и ощутим благодатное *дарование духовное*.

Не домогаюсь покорить вас моему слову: покоряюсь слову Евангельскому и Апостольскому, и в покорении ему желаю быть вместе с вами. Послушайте еще, как оно проповедует и заповедует, не только веру каждому порознь, но и всем в совокупности общение и соединение веры.

Когда Господь наш, отходя на вольное за нас страдание, Своею всемогущею к Единосущному Отцу Своему молитвою на веки утверждал Свою Церковь: тогда, помолясь прежде о Своих Апостолах, проповедниках веры, столпах Церкви, строителях таин, потом продолжал молитву Свою так: *не о сих же молю токмо, но и о верующих словесе их ради в Мя, да еси едино будут* (Иоан. XVII. 20. 21). Слышите: не о том только печется Начальник и Совершитель веры, чтобы верующие пребывали в вере, но и в особенности о том, чтобы верующие все были едино. Итак, если кто и мнится иметь веру, но не держится великаго единства всех верующих; ходит самочинно, не заботясь о искреннем общении с Единою, Святою, Соборною и Апостольскою Церковию: за такового весьма надобно бояться, чтобы он не остался вне действия спасительной молитвы Христовой, а следственно и вне спасения; ибо нет сомнения, что спасутся токмо те, за которых принес молитву Свою Ходатай Бога и человеков, и над которыми она исполнилась.

Посему-то и Апостол, увещевая Христиан поступать достойно своего звания, увещевает соблюдать единство. *Молю вас*, пишет Святой Павел к Ефесеям, *аз юзник о Господе, достойно ходити звания, в неже звани бысте, – тщищися блюсти единение духа в союзе мира* (Еф. IV. 1. 3). Таким сочетанием мыслей Он дает разуметь, что достойно Христианского звания ходит только тот, кто тщится блюсти единение духа в союзе мира; что небрежение о единстве принадлежит к хождению, недостойному звания Христианского. Далее, открывая основания Христианского единства, и убеждая к соблюдению онаго, Апостол присовокупляет: *едино тело, един дух, яко же и звани бысте во едином уповании звания вашего: един Господь, едина вера, едино крещение: един Бог и Отец всех, Иже над всеми, и чрез всех, и во всех нас* (4. 5). Подлинно, сколько причин, и каких сильных причин и побуждений к единству! Если для рабов бывает средоточием единения один общий господин, и еще более для домашних глава семейства, для детей отец: то кольми паче для нас, братия Христиане, Единый над всеми нами Господь Вседержитель, Единый у всех нас Отец небесный! Если едина есть вера, живущая в единстве Церкви, в общении единых таинств: то устраняющийся от единства, по необходимости должен опасаться, чтобы от него не устранилась самая вера, которая не может отлучиться от своего единства. Если все мы во Христе должны составлять единое тело, единым духом одушевленное: то кто может вознерадеть о единстве, без крайней для себя опасности? Кто не знает, что члены тела живут только в единстве тела, при несовершенном единстве бывают больны, отделясь от единства, умирают? Если мы призваны благодатию к единому упованию Царствия небеснаго: то нам очевидно нужно единение душ, чтобы беспрепятственно вступить в обладание нераздельнаго небеснаго наследия. Как верно то, что *царство раздельшееся на ся запустеет* (Матф. XII. 25): так же верно и то, что царство вечное и неразрушимое не примет в себя никаких разделений и раздоров. В чистом единении веры и любви на земли должна образоваться способность к высочайшему соединению с Богом и Святыми на небеси.

Братия святого храма сего! чем удостоверительнее мы дознаем из Божественнаго слова, сколь важно и необходимо единение в вере: тем заботливее надлежит нам помыслить о том, действительно ли мы имеем сие благо, можем ли, при настоящем видимом общении, внутренно и духовно, по Апостолу, *соутешитися верою общемою, вашею же и моею*.

И почему ж не предаться нам утешению сему, неколеблущимися мыслями, не стесненными сердцами? Не имеем ли мы твердых оснований вашего единения в вере? Не едину ли единосущную и нераздельную Троицу, одними и теми же догматами православия исповедуем и славим? Не единую ли крестную смерть и живоносное воскресение Иисуса Христа полагаем в основание нашея веры и нашего спасения? Не единую ли благодать Святого Духа приемлем, в одних и тех же таинствах? Не одне ли и те же имеем заповеди и правила Евангельския, Апостольския, Соборныя, Свято-Отечeskия? Не одним ли священноначалием и священством, которое от единыя живыя Лозы Христа, чрез Апостолов, исходит в подобии ветвей, простирающихся по всем местам, продолжающихся чрез все времена, и никогда не пресеченных, прививаемся к единой и той же живой и жизнедательной Лозе духовной и Божественной? Узел единства, связанный из столь многих золотых нитей, перестанет ли быть крепким, если ниже его ктонибудь усмотрит расходящиеся концы некоторых малых нитей?

Знаю, братия святого храма сего, что единоверие ваше не для всех кажется ясным, во-первых, потому, что видят у вас некоторые Богослужебные обряды и обычаи, по внешнему образу отличные от употребляемых в великой Церкви, хотя впрочем не противоречащие духу и значению оных, как дознано испытанием не кратковременным; во-вторых, потому, что держащиеся сих обрядов некогда подвержены были осуждению церковному, когда держались оных с преслушанием Церкви и с отторжением от единства

ея. Но не разрешаю ли уже я сих недоумений, когда только произношу их? Где есть единый дух веры, и единение духа в любви и в послушании, так как слово Апостольское повелевает Христианам быть чадами послушания (1 Петр. I. 14): там некоторое случайное разнообразие в обрядах не есть разделение; и от суда, произнесенного на непокоривых, по справедливости освобождаются послушные. Так рассуждать не мы начали ныне, и не наши предшественники недавно: так рассуждала и поступала Святая Церковь и в первые свои времена по требованию обстоятельств.

Во втором столетии по Рождестве Христовом, между обычаями Церквей восточных и западных, была разность в предмете важном: Восточные праздновали Пасху в четвертый-надесят день Марта, хотя бы он был и не воскресный, а Западные – непременно в воскресный день. Но при сем единство веры и единение Церквей существовало, и не подлежало сомнению. Римский Епископ Виктор возстал было за сие против Восточных, и покушался на расторжение церковного общения с ними: но сему не мирному намерению противустал и западный же Епископ, Святой Ириней, который притом напоянул Виктору, что когда Святой Поликарп посетил Римского Епископа Аникиту, тогда каждый из них остался при своем обычае празднования Пасхи, но тем не менее они имели общение между собою, и Аникита ради чести предоставил Святому Поликарпу в своей Церкви первенство в совершении Святыя Евхаристии, и оба разстались в мире, и мир сохранялся во всей Церкви между держащимися одного, и между держащимися другого обыкновения. Вот доказательство, что единоверие может существовать при разнообразии обряда и доказательство сие представляют вам Святой Поликарп и Святой Ириней. Воспомните при сем, что, по установлении на первом вселенском Соборе для всей Церкви одного времени празднования Пасхи, и в след за тем общего пасхального круга, непокорные сему определению не были извинены старым обычаем, но были осуждены: и вот вы имеете древний церковный пример того, как церковная строгость может падать на непокорных и враждующих за обряд или обычай, терпимый в миролюбивых и послушных. Кто размыслит о сказанном теперь, внимательно и безпристрастно: тот, надеюсь, ясно увидит, как и ныне Святая Церковь согласна сама с собою, когда к искренно желающим быть чадами послушания снисходительно простирает свои матерния объятия, и, твердо держа свои общие древние обряды и благочестивые обычаи, не поставляет однако же в преграду единоверию некоторых частных старого времени обрядов, при уверенности в единстве догматов, таинств и священноначалия.

Итак, братия, нет нам препятствия *соутешитися верою общюю*, как истинным дарованием духовным, если только искренно сего желаем и усердно взыскуем. *Аще убо кое утешение о Христе*, со Апостолом глаголю вам, *или аще кая утеха любви, аще кое общение духа, аще кое милосердие и щедроты; исполните мою радость, да тожде мудрствуете, ту же любовь имуще, единомушнии, единомудренни: ничтоже по рвению или тщеславию, но смиренномудрием друг друга честию больша себе творяще. Не своих си кийждо, но и дружних кийждо смотрите* (Фил. II. 1–4).

Имейте христианскую любовь; это просто: а любовь умудрится, чтобы соделать вас единомудренными; ибо ей свойственно соединять, а не разделять.

Рвение, тщеславие, своекорыстие суть семена распрей и разделений: не допускайте сеяться злым семенам, и не возникнут злыя прозябения.

Глубоко насаждайте смиренномудрие: и обильно произрастет мир.

Ищите блага, утешения и спасения не себе токмо, но и ближним: да упрочится надежда спасения вашего, да умножится радость спасения общего. Обретайте спасительное

утешение в единении с единою Святою Церковию; и приносите матернему сердцу ея утешение вашим искренним ей послушанием. Не довольствуйтесь быть только как нибудь ей не чуждыми: подвизайтесь, *да будете*, по слову Господню, *совершени во едино* (Иоан. XVII. 23). Духом чистаго единения и любви и примером благозаконнаго жития споспешествуйте, да придут в безопасную ограду единства церковнаго *и ины овцы, яже не суть от двора сего*.

Тако мудрствующим, и таковыми правилами жительствующим, благословение Вам, и благодать, и мир от Отца, и Сына, и Святаго Духа, Единого Истинного Бога, во Святой Троице славимаго и покланяемаго во веки.

Благословение Господне да придет и на благое начинание, к которому теперь мы приближаемся, чтобы с самым началом дела, в последствии святаго, соединить начало освящения. Да примет Господь добровольную жертву рабов своих, которых сердца Он подвигнул на дело благочестия и человеколюбиваго странноприимства; и да возниспослет им Свою Божественную благодать и щедроты. Да оснует храм Свой, да созиждет, да освятит, да утвердит.

И прежде почившие в надежде воскресения братия святаго храма сего, да примут новое утешение в том, что место упокоения их приосенит святой храм, с присною за них молитвою и безкровною жертвою.

И душа новопреставленнаго раба Божия Петра, который не дал себе покоя, *дондеже обрете место Господеви, селение Богу Иаковлю*, а обретши тотчас упокоен судьбою Божиею в самом начале и основании дела своего, да водворится у Господа в месте светле, в селении праведных, в вечно блаженном единстве *Церкви первородных на небесех написанных*. Аминь.

ССXXXIV.

153. Слово

на освящение храма Воскресения Христова, в селе Гуслицах.

(Говорено 22 сентября;

напечатано отдельно и в собраниях 1844 и 1848 гг.)

<1840 год>

Ныне прилично сей обновленный храм огласить Псаломским возгласением: *се ныне благословите Господа вси раби Господни, стоящи в храме Господни, во дворех дому Бога нашего* (Пс. СXXXIII).

Правда, и во всякое время, на всяком месте должно хвалить и славить Бога. Ибо если неодушевленные *небеса поведуют славу Божию*; если *всякое дыхание хвалит Господа*: то как не делать сего существу разумному, паче прочих тварей Богом ущедренному? Но при особенных благодеяниях Божиих, особенно прилично приносить хвалу и славу Богу благодарным сердцем.

А сие не есть ли новое благодеяние Божие для братий святого храма сего, что многотрудное и многопопечительное дело храмоздательства наконец добрым тщанием довершено; что благолепный храм сей освящен, и чрез то приял новое осенение, посещение и вселение благодати Божией. Ибо что Бог обещал храму Ветхозаветному, который имел в себе только *сень грядущих благ*: то конечно дарует храму Новозаветному, который имеет самыя блага, в Ветхом Завете обещанные. *Будут, рек Он, очи Мои ту, и сердце Мое во вся дни* (3 Цар. IX. 3).

И так ныне особенно, *благословите Господа вси раби Господни, стоящи в храме Господни*. И как облагодетельствованные и благодарные, при новом благодеянии, охотно воспоминают прежния милости благодетеля: то благословим Господа, в начале даровавшего роду нашему бытие и жизнь, Свой Божественный образ и блаженное райское пребывание, и райскую Церковь основавшего. Восхвалим Господа, яко и грехопадением прародительским в конец разрушиться Церкви Своей не попустил, но ее обетованием Спасителя вновь на веки утвердил, и человека грешника покаянием в нее паки призвал; и во времена неведения человеческого не несвидетельствованна Себе оставил, но благодеяниями Своего промысла и чудесами Своими Свою благодать и силу возвещал, Божественными судами и наказаниями пути грешных пресекал, житием Святых Своих и словом Пророков Своих путь спасения показывал, жертвами, священством и храмом Ветхаго Завета, единую всемирную, крестную жертву Новаго Завета, священство Христово и Церковь Христову спасительно предзнаменовал, озаряя единым светом веры настоящее, прошедшее и будущее. Наипаче прославим Бога Отца, яко Он Единороднаго Своего Сына Господа нашего Иисуса Христа для спасения нашего в мир послал, и Его краеугольным камнем Церкви Своея положил, с таким утверждением, что *и врата адава не одолеют ей* (Матф. XVI. 18), и будет Ему *слава в Церкви о Христе Иисусе во вся роды века веков* (Ефес. III. 21). Прославим Его, яко и Духа Своего Святого на Апостолов и на всю Церковь Свою изливал, и Его благодатию таинства церковныя исполнил: а дабы благодать таинств, как требует самое имя и понятие таинства, имела чистое, верное и ненарушимое тайнохранилище, для сего дал нам и освятил Свой благодатный храм, сие хранилище таинств, сокровищницу благодати, чертог Тела Христова, дом молитвы, училище Боговедения и благочестия, источник освящения, пристанище обуреваемых, прибежище бедствующих, лечебницу недугующих, утешение скорбящих, жилище радости духовныя, преддверие обителей небесных.

Так благодарно приемля залог толиких благ, подаваемый нам в освящении храма, мы должны, братия, помыслить далее о том, как бы действительно воспользоваться благодатию святого храма, да не бесплоден будет человеческий труд храмоздательства, да не потерян для нас будет Божественный дар освящения.

Как же должно нам пользоваться святым храмом? – Дабы спасительно пользоваться святым храмом, надлежит вообще, подобающим образом посещать оный, в особенности участвовать в главнейшем достоянии храма – в таинстве Тела и Крови Христовы, и наконец стараться и вне храма ходить достойно святыни храма.

Должно, говоря, посещать святой храм Божий.

Если строят дом; то конечно для того, чтобы в нем жить: а иначе на что было бы и строить его? Так, если созидают храм, то конечно для того, чтобы приходить в него и освящаться от него: а иначе на что было бы и созидать его?

Должно посещать святой храм прилежно.

Правда, храм возносит молитву не только за предстоящих в нем, но и за сущих повсюду православных: но сие, без сомнения, относится к тем, которые, когда могут, с верою, благоговением и страхом Божиим входят в оный. Если же ты забудешь посещать храм: то не будет ли справедливо, чтобы и он тебя забыл, и чтобы не посетила тебя благодать его?

Должно посещать храм Божий с благоговением.

Если, пришед в дом царя, ты был бы в опасении и в заботе, чтобы не сделать чего-либо несообразного с достоинством места: то с каким благоговением должен ты входить в дом Царя небесного! Если со страхом находился бы ты в доме царя, хотя он тебя и не видит, хотя, может быть, нет его и дома: то с каким страхом должен ты предстоять в доме Божиим, где Вездесущий всегда присутствует, где Всевидящий непрестанно тебя видит!

Должно посещать храм Божий со вниманием.

Слышите вы во храме молитву, Слово Божие, псалмопение, учение. Прекрасно учреждено, что все сие, без вашего труда, готовое, вы слышите: но и слышать надобно уметь. *Блудитесь, како слышите* (Лук. VIII. 18), вразумляет сам Господь. *Вонмем*, возглашает нередко священнослужитель: то есть, будем слушать с полным, с глубоким вниманием.

Когда слышишь в Церкви молитву: старайся, чтобы слышало не только ухо твое, но и сердце, и чтобы молитва Церкви сделалась твоею собственною молитвою.

Когда слышишь Слово Божие: преклони пред ним не главу только, по обычаю видимому, но и ум твой невидимо. Слово Боже есть семя плода духовного: проводи глубоким вниманием глубокую бразду в сердце твоём, чтобы принять оное, и возрастить, и принести плод Богови. Слово Божие есть роса небесная: положи пред ним душу твою, как землю жаждущую. *Живо слово Божие и действительно* (Евр. IV. 12): не препятствуй ему животворно действовать в тебе; устрани беспорядочное движение помыслов, желаний, страстей.

Когда слышишь церковное Псалмопение: воспевай и ты, если можешь, и устами; но наипаче, и непременно по изречению Апостольскому, *воспевай и пой в сердце твоём Господеву* (Ефес. V, 19).

Когда слышите в Церкви учение: ревнуйте и уразуметь оное, и сохранить, и употребить в пользу свою и других. Не обезпечивайте себя ленивою мыслию: «мы люди простые»: без сомнения, и простым так просто заповедует Апостол: *не дети бывайте умы, но злобою младенствуйте, умы же совершени бывайте* (1 Кор. XIV. 20).

Должно посещать храм Божий с верою.

Только вере дано великое обещание исполнения всякой молитвы, *вся елика аще воспросите в молитве, верующе, примете* (Матф. XXI. 22). Только вера живоносно приемлет действие живаго Слова Божия, только чрез нее бывает полезно и плодоносно слово учения: почему и сказано о слышавших при горе Синайской слово Божие, и учение Пророка Моисея: *не пользова оных слово слуха, неразтворенное верою слышавших* (Евр. IV. 2). Только вера обретает и объемлет благодать сокровенную в таинствах: почему и вызывает приглашающий к великому таинству веры: *со страхом Божиим и верою приступите*.

Должно посещать Церковь Божию с верностью, ей неизменною.

Вопрошал некогда Пророк Илия Израилеитянин: *доколе вы храмлете на обе плесне ваши* (3 Цар. XVIII. 21)? Сею притчею он укорял их за то, что они хотя совсем от истинного Бога отрещись не дерзали, однако и Ваалу, по примеру язычников, жертвы приносили. И между вами, Новый Израиль, нет ли колеблющихся и непостоянных, у которых тогда, как истина и правая совесть ведут их путем Церкви, неправые внушения и примеры, виды корыстные и нечистые, преломляют твердость, и изменяют направление; которые хотят, по видимому, быть учениками Евангелия, и между тем *прилагаются в научения странна и различна* (Евр. XIII. 9); то держатся освященного Собора церковного, то уклоняются к собраниям неосвященным и самочинным, или ищут, сами не зная, чего, в скопищах тайных, где, как обличает Апостольская прозорливость, *тайна деется беззакония* (2 Сол. II. 7)? И на сих не падает ли упрек Илиин: *доколе вы храмлете на обе плесне ваши?* Неблагопоспешен в пути храмлющий на обе плесне. *Муж двоедушен неустроен во всех путех своих* (Иак. I. 8). Не такими стопами праведные идут к Богу. Если желаете чрез святой храм достигнуть освящения неотъемлемого, и благодатною на земли Церковью, как лестницею, взйти в славную Церковь небесную: то прилепитесь к Церкви искренно, постоянно, неизменно, неколеблющеюся мыслию, нераздвоенным сердцем. *Держите*, как учит Апостол, *исповедание упования неуклонное не оставляющее своего собрания*, то есть, Церкви Апостольской (Евр. X. 23. 25).

Дабы спасительно пользоваться святым храмом, в особенности нужно не лишать себя участия в важнейшем достоянии онаго, – участия в Трапезе Господней.

Смотря на храм, подумайте, для чего наипаче он устроен. Для молитвы? – Так. Он есть дом *молитвы*, по слову Господа. Однако молитва может быть совершаема и совершается и в простых домах, и на открытых местах. Для поучения в Слове Божиим? – И это правда. Однако и сие возможно и кроме храма. Для совершения таинств? – Справедливо. Но и некоторые таинства по нужде совершаются без помощи храма. Например, не в храме, а на реке совершил таинство крещения над каженником святой Апостол Филипп. Для чего же наипаче храм? К чему особенно предназначено и приспособлено его устройство? Для чего, кроме мест читающих, поющих, молящихся, святилище внутреннее, доступное только посвященным? Для чего средоточие святилища, на которое обращена вся сила освящения храма, имеет образ трапезы? – Очевидно сие приспособлено к совершению таинства Тела и Крови Христовы. После сего подумайте, как это странно, или лучше сказать, как печально, что сею-то существенною святынею храма, к которой и создание и освящение храма служит только приготовлением, сею-то святынею недовольно стараются пользоваться братия храма!

Рече Господь: *ядый Мою плоть и пияй Мою кровь во Мне пребывает и Аз в нем* (Иоан. VI. 56). Что может быть вожделеннее, как пребывать во Господе, и Его иметь в себе пребывающего? Не ужели вы сего не желаете? А если желаете: то как же некоторые долго не приходят вкусить Тела и Крови Господней, и даже приглашаемые к тому, отлагают и уклоняются?

Рече Господь: *ядый Мою плоть и пияй Мою кровь иматъ живот вечный* (ст. 54). Не ужели вы не желаете живота вечнаго? А если желаете: то не оставляйте пользоваться средством, которое Господь даровал нам для приобретения живота вечнаго; не оставляйте, в приличныя времена, с очищением совести, приступать к общению Тела и Крови Христовы.

Не внимайте тем, которые говорят, будто может Христианин обойтись и без сей святыни, или заменить ее другим способом освящения. *Небо и земля преидет, словеса же Моя не преидут* (Марк. XIII. 31), глаголет Господь. Кто дерзнет изменить непреходящее Слово Божие? Можно ли заменить установление и дело Божие примышлением и делом человеческим?

Некоторые недовольно заботятся о частом общении со Христом в таинстве, успокоивая себя надеждою, что сей недостаток восполнят при смерти, и соединятся с Ним единожды на веки. – О Господи! Сподоби каждого из нас сего последнего дара в жизни настоящей, сего спасительного напутствия к будущей, якоже и Твоя первообразная Тайная Вечеря была напутственная пред Твоею спасительною для нас смертию и славным воскресением! – Но кто знает, братия, будет ли отдано в наше распоряжение наше предсмертное время, и будем ли мы уметь им воспользоваться, особенно после того, как мы не умели, или небрегли пользоваться временем жизни? *Смерть не замедлит*, угрожает Премудрый, *завет же адов не показан ти бысть* (Сир. XIV. 12). Нельзя сказать смерти: помедли. Ад не станет договариваться с тобою, чтобы ему не разверзть челюстей до часа, который ты назначишь. Пока свободно пользуешься жизнью, питайся пищею жизни и благовременно предохраняй себя от опасности сделаться самому пищею смерти и ада.

Наконец, мы должны, сокровища благодати, хранящиеся для нас во храме, охранять тщательно нашим хождением вне храма.

От храма зависит судьба нашей жизни, которая им благословляется и освящается: но и от нашей жизни зависит судьба самого храма. Щедро Бог дарует благодать; но не расточает ее напрасно. Верующих, кающихся, исправляющих свою жизнь, благодать святого храма очищает и освящает: а неверующие, нераскаянно преданные греху, оскорбляют благодать, удаляют, и преумножением беззаконий самый храм оскверняют и разрушают. *Аще отвращающиеся обратитесь вы, и чада ваша от мене, и не сохраните заповедей Моих, и повелений Моих: – и храм сей, егоже освятих имени Моему, отвергну от лица Моего* (3 Цар. IX. 6. 7), то есть: храм, лишенный благодати, будет опустошен и разрушен. Кто не знает, как верно, и как страшно, сей суд Божий исполнился над храмом Соломоновым?

Сего-то провидящим духом предварительно страшась, и от сего предохраняясь, в день освящения храма Иерусалимского, Соломон молился между прочим сею молитвою, которую да вознесут и ныне с нами братия сего новоосвященного храма: – *да будут сердца наша совершенна ко Господу Богу нашему, преподобно ходити в повелениях Его, и хранить заповеди Его, якоже день сей* (3 Цар. VIII. 61). Аминь.

1841 год.

ССXXXV.

154. Речь

Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику,

Цесаревичу, Великому Князю Александру Николаевичу,

пред вступлением в Сергиеву Лавру с Ея Императорским Высочеством,

Государынею Цесаревною, Великою Княгинею Мариею Александровною.

(Говорена мая 23-го; напечатана в собраниях 1844 и 1848 гг.)

<1841 год>

Благоверный Государь!

Не в долгое время вторично Ты шествуешь сим Царским путем: Царским, говорю, потому что уже несколько веков Государи Российские и Их Семейства по временам, шествуют от Престольнаго града сюда, – к смиренному Обитателю пустыни.

Такова сила Веры. Она и отрекшагося от мира делает подвижником Отечества, паче пребывающаго в мире, и не только в жизни, но и по смерти; и высокое преклоняет к смиренному; и с отжившим земный век продолжает живыя общения.

С такими мыслями сретая Тебя, Благоверный Государь, едва смеем упомянуть, что мы здешние радуемся Твоему пришествию; ибо не сие достойно Твоего внимания: но паче свидетельствуем, что пришествие Твое в сию обитель радостно для всей Православной России: поелику оно являет, что Ты шествуешь Царским Родительским и Прародительским путем благочестия, ведя с Собою теми же стопами и избранную Тобою Сопутницу жизни; и что для новых надежд жизни взыскуешь новых благословений свыше.

В Троице славимый Бог, толикократно благословлявший Царственные молитвы, приносимыя Ему на месте сем, при предстательстве Угодника Своего, да сретит Вас, Порфирородные Молитвенники, новыми дарами Своей вседержавной благодати, и в высоком счастье жизни Вашей да дарует всегдашнее утешение Августейшим Родителям Вашим, и залог ненарушимаго благоденствия Отечеству.

ССХХХVI.

155. Речь

Благочестивейшему Государю Императору Николаю Павловичу,

пред вступлением Его Императорскаго Величества

с высоконовобрачными, Государем Наследником престола, Цесаревичем,

Великим Князем Александром Николаевичем, и Государынею Цесаревною,

Великою Княгинею Мариею Александровною, в Успенский Собор.

(Говорена мая 14; напечатана в собраниях 1844 и 1848 гг.)

<1841 год>

Благочестивейший Государь!

Уже сердце России трепетало радостью при вести о радости Твоего родительскаго сердца и двух сердец, соединенных на радость России. Твой Первородный, исполнив Собою высокия надежды Отечества, исполняет его приятными надеждами, избрав и соединив с

Собою священными узами достойную Сонаследницу благословений, которыми ущедрено свыше Твое Августейшее Семейство.

Но ныне, по любви Твоей, к подданным Отеческой, Ты благоволил и наградить, и еще возвысить верноподданническую радость Твоей древней Столицы, даруя ей счастье лицезрения Твоего и Виновников Твоей и нашей радости.

Святая же Церковь свойственно ей духовною радостью радуется, когда Ты, Благочестивейший Государь, среди веселия Твоего Дома, вспомняв святыню сего древняго Дома Божия, притекаешь в сие святилище Царей, чтобы Твою и Чад Твоих радость благодарственно и молитвенно принести Богу, ее даровавшему.

Царь царей да исполняет во благих желания Твои, и благословением благодетельным, обильным, потомственным, да благословит Благоверных Александра и Марию, якоже благословил Благочестивейших Николая и Александру.

ССХХХVII.

156. Слово

в день обретения мощей Святителя Алексия.

(Напечатано в собраниях 1844 и 1848 гг.)

<1841 год>

*Слово Христово да вселяется в вас богато,
во всякой премудрости учаще и
вразумляюще
себе самех, во псалмех и пениих и песнях
духовных, во благодати поюще в сердцах
ваших Господеви. Кол. III. 16.*

Если нужен опыт и пример, до какого успеха в духовной жизни довести может простое поучение во псалмех, и пениих, и песнях духовных, по руководству Христовы Церкви: то для сего мы можем указать на многих прославленных в Церкви Святых, и в числе их на прославляемого ныне Светильника церкви Российския.

Ибо какия средства имел он для своего наставления? Училища? Они в его время не процветали: и не в училище искал он образования, но в обители монашествующих. От поучения во псалмех и пениих, и песнях духовных, по чину церковному, возсиял в нем духовный свет, который, возрастая, вознес его на высокий свещник, озарил церковь его мудростию и святынею, и еще озаряет благодатию чудодейственною.

Какой же простой путь – упражнением в слове псалмопения, дойти до чистаго состояния духовнаго, до спасения души, до славы чад Божиих! и притом путь конечно верный: потому что его указал Апостол Павел; потому что им прошел Святитель Алексий.

А если так: то и удивления, и сожаления, и заботливаго размышления достойно то, что многие долго сим путем идут, и не далеко достигают; – долго упражняются в церковном и домашнем Богослужении, но, и после столь обильнаго сеяния духовнаго семени в их

чувства и мысли, не только сторичного, ниже тридесятичного плода духовного в них не видно.

По устроению и чину Христовой Церкви, мы все ученики слова Христова: соответствуют ли же наши успехи цели и продолжению нашего учения? – Дабы вы могли в сем испытывать сами себя, повторяем один из начальных уроков вашего учения.

Слово Христово да вселяется в вас богато, во всякой премудрости учаще и вразумляюще себе самех, во псалмех и пениих и песнях духовных, во благодати поюще в сердцах ваших Господеви.

Под именем слова Христова, в наставлении Апостола, по руководству других его изречений, надлежит разуместь, во-первых, *начала Христова слова* (Евр. VI. 1), или первоначальное Христианское учение, о покаянии от мертвых, то есть, греховных дел, о вере в Бога, о воскресении мертвых и суде вечном; во-вторых, *слово крестное* (1 Кор. I. 18), или учение о спасении человека грешника крестным страданием и смертью Богочеловека Иисуса Христа; в-третьих, *премудрость Божию в тайне сокровенную* (1 Кор. II. 7), открытие высоких таин Божества Духом Святым, *испытание духом глубин Божиих* (ст. 10), многое, о чем знающие говорить большею частию не смеют и не умеют, и о чем не знающие мы напрасно усиливались бы плодить немые речи.

Великое и необъятное слово Христово! И чего же в отношении к сему слову требует Апостол от учеников своих? *Слово Христово*, говорит он, *да вселяется в вас*. Это не то, что слушать по временам сие слово из уст другаго, или своими устами произносить, или уметь иногда приводить оное на память. Требуется, чтобы оно в нас *вселялось*, и следственно жило в нас. – Каким образом? – Так, чтобы другия мысли в ум, другия желания в сердце были принимаемы, как гости, допускаемы, как пришельцы, на время, по нужде; а слово Христово было постоянною мыслию в уме, господствующим желанием в сердце, душою во всей деятельности. Нескудный наставник дополняет: *да вселяется в вас богато, во всякой премудрости*: то есть, надобно, чтобы вы не оставались при скудных детских начатках учения Христова, но постепенно приобретали в оном новые, более обильные успехи; чтобы никакую, даже в тайне сокровенную, премудрость не почитали для вас чуждою, и до вас не принадлежащею, но со смирением устроили ум ваш к Божественному созерцанию, и сердце ваше к небесным ощущениям.

Но как все сие сделать? – Искусный наставник для великаго дела предлагает довольно простой способ, или, – чтобы нам понять его раздельнее, – в одном способе заключает два.

Апостол предлагает, во-первых, псалмопением упражнять ум: *учаще и вразумляюще себе самех, во псалмех и пениих и песнях духовных*. Какой удобный способ образования духовного! Не посылают вас в училища, на продолжительные и трудные уроки, для чего у многих не достало бы, или времени, или способности; не заставляют далеко искать превосходных наставников, если таких нет в виду: вам предлагается род самообучения и взаимного обучения в Христианстве. Упражняйтесь, говорят вам, во псалмех и песнях духовных; это не столько труд, сколько увеселение духовное; только делайте сие не просто и без внимания, но с сим вместе учите и вразумляйте сами себя и друг друга. Когда слышишь, или произносишь слова псалма, или другаго духовнаго песнопения, или церковнаго чтения: собирай в них мыслящую силу твою, углубляй внимание твое, примечай, какая в оных заключается истина, или какая открывается тайна, или какое преподается правило жизни. Если не снопами, как богатые, то, хотя по подобию бедных, малыми класами и зернами собирай на великой ниве церкви семя жизни: довольно и сим

образом соберешь, чтобы засеять твою малую духовную ниву. Если встречаешь не вразумительное для тебя; и если притом не любопытство побуждает тебя искать уразумения: обратиться к другому внимательному и опытному, и преимущественно к поставленному церковью наставнику, да последует одному от другого вразумление в том, что кому открылось. Случится ли, что и ближний твой так же, как ты, не доразумевает: обратиться опять к тем же псалмам, и они подадут тебе помощь против сего затруднения, научая тебя взывать в молитве к Богу: *открой очи мои, и уразумею чудеса от закона твоего* (Псал. СХVIII. 18). Тихая молитва, как безмолвная Мария, при ногах Христовых, несравненно более научается, нежели самодеятельный суетливый, как Марфа, разум, молвящий о мнозе, с своими мудрованиями и внешними пособиями знания. Посмотрите, как Архангел Гавриил преподает Даниилу откровение таин, и вместе изъясняет способ, каким достиг Пророк до сего высокого познания. *Еще глаголющу ми в молитве*, говорит о себе Пророк, *и се муж Гавриил, парящ: и вразуми мя, и рече: Данииле, ныне изыдох устроить тебе разум. В начале молитвы твоя изыде слово, и аз приидох возвестити тебе, яко муж желаний еси ты* (Дан. IX. 21–23). Чудное училище Божественное! Ученик на земли; учитель на небеси: не успел ученик изъяснить желание небесного наставления, как молния откровения блистает на небесах, и слово Божественное нисходит на землю в устах вестника небесного. Ты должен получить ведение: говорит Архангел Пророку; потому что ты человек молящийся: *яко муж желаний еси ты*. Да не подумает слушающий сие: до меня сей пример не касается; ибо я не Пророк. Что нужды, что ты не Пророк? Из сего можно заключить только, что к тебе, вероятно, не Архангел пошлется, и не откровение судеб тебе преподается; но по крайней мере один от меньших Ангелов, тем не менее, по выражению Церкви, *верный наставник*, может вразумить тебя о том, что тебе нужно уразуметь для твоего спасения: только дай ему доступ до тебя путем твоей молитвы: *яко муж желаний еси ты*.

Во-вторых, Апостол предлагает псалмопением питать сердце: *во благодати поюще в сердцах ваших Господеви*. Если надобно, как то уже несколько изъяснено, чтобы слово Христово жило в Христианине: то, без сомнения, недостаточно было бы стараться образовывать оным ум, без особенного попечения о сердце. То, что в мире обыкновенно называют просвещением, есть не более, как лунное мерцание света и жизни, а не полный свет и жизнь духа. Истинное начало жизни духовной, подобно солнцу, изливает теплотворный свет, просиявающий в уме истинною, и согревающий сердце любовью к добру. Даже преимущественно в сердце открывается духовная жизнь, по крайней мере, ближайшая степень ея, на которую восходим из плотской жизни падшаго Адама. Так учит древний царственный мудрец: *всяцем хранением блюди твое сердце: от сих бо исходища живота* (Прит. IV. 23). *Сердце отверзает Господь*, дабы человек внимал (Деян. XVI. 14) слову Христову, и оно вселилось в нем. *В сердца изливается любовь Божия Духом Святым данным нам* (Рим. V. 5). *В сердца посылает Бог Духа Сына своего, вопиющая Авва Отче* (Гал. IV. 6). Таковым благодатным действиям Божества на сердце человека взаимным сердечным действием соответствовать, и к принятию оных себя располагать учит Апостол, когда увещевает *во благодати петь в сердцах наших Господеви*. Совершая священное песнопение, или участвуя в оном, берегись, чтобы не одними устами участвовать в оном; поелику Господь со гневом жалуется на тех людей, которые к нему *приближаются усты своими* только, и которых *сердце далече отстоит* (Ис. XXIX. 13) от Него; – также не одним слухом, хотя бы то было и не без разумения; потому что *не пользует слово слуха, не растворенное верою слышащих* (Евр. IV. 2). Но возбуждай сердце твое, чтобы оно изнутри ответствовало на внешний псалом, в духовном созвучии; чтобы оно, при воплях покаяния сокрушалось и умилялось, пред глаголами веры и таин благоговело и смирялось, при гласах славословий восхищалось на небо, когда воспевается любовь к Богу и надежда на него, веселилось и радовалось, при песнях духовных, изображающих духовную, Богоугодную жизнь, всеми своими желаниями воскрилялось к

сей возжеленной жизни; наконец, чтоб и тогда, когда в устах пение умолкает, оно еще отзывалось в сердце, и возобновлялось воспоминанием и повторением благодатных ощущений.

Если кому представится недоумение в том, что Апостол заповедует петь в сердцах *во благодати*, которая от нас не зависит; а потому, кажется, и заповеди не подлежит: то, для ответа на сие, можно указать на достойных подражания певцов, *имущих гусли Божии, стоящих на мори стекляном, смешенном со огнем* (Апок. XV. 2). Благодать подобна сему морю: так она безпредельна; так водоогненна; ибо и орошает жаждущее сердце, и воспламеняет охладевшее. Ты стоишь, может быть, еще не на сем море, а на земле, потому что к земле привязан помыслами, желаниями, пристрастиями: но сделай шаг, и стань на море стекляном, чистом и светлом; отвергни земныя пристрастия, желания, помыслы, и ты очутишься во благодати; и тогда познаешь, как удобно исполняется Апостольская заповедь, *петь в сердцах во благодати*.

Таков, возлюбленные соученики, Апостольский урок о вселении в нас слова Христова. Нужно ли напоминать, что сделано Церкви, к большому облегчению нашего духовнаго учения? Псалмы, пения, песни духовныя, назидательныя чтения, избранны из священных книг, дополнены чистыми излияниями Духа чрез уста Богоносных Отцев, расположены по дням и часам; небесное училище, вместе и святилище, всякому отверсто. Что ж? Довольно ли учим мы самих себя? Довольно ли вразумляем друг друга? Каковы наши духовныя успехи в учении, в житии? Трижды в день мы слышим в церкви символ святыя веры: но в чем существенно состоит спасительная истина веры, как мало иные знают! Годы проводят среди псалмов и песней духовных: но слова Христова, в себе вселившагося, не являют; *плода духовнаго*, каковый *есть любви, радость, мир, долготерпение, вера, кротость, воздержание*, в зрелости и обилии не приносят. Ежедневно слышат в церкви возбуждающий глас: *горе имеем сердца*: но возвысить сердца свои не подвизаются, без заботы оставляют их долу, наполненные суетою, одебелевшия, ожесточающияся, окаменевающия. Что же будет далее? – по господствующей привычке и многочисленным примерам, вероятно, все то же. Что же наконец? – Сие учебное время, сия учебная жизнь кончится, не как во внешних училищах в известный срок, но совсем не ожиданно, и мы призовемся на открытое пред целым светом испытание, еже на страшнем суде Божиим. Чем извиним тогда духовную малоуспешность нашу?

Знаю выдуманная на сей случай извинения. Не всем, говорят, быть учителями и Богословами; не всем быть Святыми.

То правда, что не всем предназначен дар и долг учительства, что и Апостол не желает *многих учителей* (Иак. III. 1); и Церковь не многих удостоила имени Богословов. Однако ж никому не позволено в Христианстве быть вовсе не ученым, и оставаться невеждою. Сам Господь не нарек ли Себя учителем, и Своих последователей учениками? Прежде нежели Христиане начали называться Христианами, они все до одного назывались учениками. Не ужели ли это праздныя имена, ничего не значащия? И за чем послал Господь в мир Апостолов? – первое всего учить все народы: *шедшие научите вся языки*. Если ты не хочешь учить и вразумлять себя в Христианстве: то ты не ученик и не последователь Христа: не для тебя посланы Апостолы; ты не то, чем были все Христиане с самага начала Христианства; я не знаю, что ты такое, и что с тобою будет.

Что касается до тех, которые хотят основать себе надежду спасения на сем, конечно не святом, догмате: не всем быть святыми; довольно сказать против них одно святое слово: *мир имейте*, пишет Апостол, *со всеми, и святыню, ихже кроме*, то есть, без мира и святыни, *никтоже узрит Господа* (Евр. XII. 14). Сбудется приговор, произносимый

миром против себя, что не всем быть святыми: но что будет с теми, которые не потщатся покаянием, верою, духовным учением, благоговейным житием очиститься, просветиться, и, рано или поздно, *имети святыню?* Апостол уже решил их участь: *не узрят Господа*.

Братия! да не разлучит нас от Господа нерадение наше и невнимательность. Перестанем думать, если кто думал до сих пор, будто можем угодить Ему, исполняя только некоторые обязанности, только наружно, и как случится. *Бог разумов Господь* (1 Цар. II. 3). *Бог зрит на сердце* (1 Цар. XVI. 7). *Царствие Божие внутрь вас есть* (Лук. XVII. 21). И так непременно нужно внутренне готовить и устроить для царствия Божия наш разум и наше сердце. Воспользуемся для сего средствами, кои столь щедро подает нам Церковь, непрерывно нас учащая и вразумляющая, если только желаем учиться и вразумляться. Примем себе в деятельное руководство Апостольское слово, написанное некогда для Христиан Колосских, но точно не мимо и каждого из нас изреченное Духом Святым: *слово Христово да вселяется в вась богато, учаще и вразумляюще себе самех, во псалмех и пениих и песнях духовных, во благодати поюще в сердцах ваших Господеви*. Аминь.

ССXXXVIII.

157. Слово

по освящении храма Святителя Николая,

в Перервенском монастыре.

(Напечатано в собраниях 1844 и 1848 гг.)

<1841 год>

*Исполню храм сей славы, глаголет Господь
Вседержитель. Мое серебро и Мое злато,
глаголет Господь Вседержитель. Зане велия
будет слава храма сего последняя паче
первья,
глаголет Господь Вседержитель.
Агг. II. 8. 9. 10.*

Такова была проповедь Пророка Аггея, при возобновлении храма Иерусалимского. Известно, что храм сей, Соломоном великолепно созданный, Вавилонянами разрушенный, был потом возстановлен возвратившимися из плена Вавилонского Иудеями, под начальством Иисуса и Зоровавеля, при скудных средствах, при многих препятствиях. Для поощрения возстановителей храма в их подвиге и в награду за него, Пророк именем Божиим возвещает им неожиданную новость, что храм сей не только будет иметь славу, как прежний Соломонов, но даже большую славу, нежели прежний Соломонов.

Храм, в котором теперь мы находимся, имел своего рода и степени прежнюю славу, или, скромнее сказать, достоинство, достопамятность. С уважением воспоминаем, что его созидателем был Святейший Патриарх Адриан. Не враждебная рука, но время, которое раньше или позже делается враждебным всему, что родится и пребывает под законом времени, было причиною, что он потребовал возобновления: и сие, по благодати Божией, посильно совершилось. От почтительного воспоминания о прошедшем, от мгновенного

воззрения на настоящее, которое и само мгновенно, мысль почти невольно простирается в будущее: потому что не для настоящей только минуты предпринят труд возобновления.

Что ж? Дерзнем ли уповать, что и здесь возглаголет Господь Вседержитель: *исполню храм сей славы?* Не только можем уповать, но и должны веровать, что Господь уже исполнил и здесь свое обетование о исполнении Своего храма Своею невидимою славою, что, внемля молитвам Церкви, и приемля предстательство добропобедных Мучеников и Святых, сопричастующих нам во святых мощах своих, вступил он благодатным своим присутствием в сие святилище, и утвердил здесь пребывание Своей Святыни.

А будет ли *велия слава храма сего последняя паче первая?* Какой человек может сие провидеть и предсказать, если не покажет и повелит Господь Вседержитель? Даже и желать сего не было ли бы дерзновение чрезмерное?

В смирении духа и признании нашего недостойнства, вознесем ко Господу Вседержителю менее дерзновенные, и более умеренные желания, да пребывает неотступно во храме сем благодать Его древняя и новая, да возвещается здесь выну слава Божия, свет Слова Божия, живаго и действенного, да озаряет сердца, осенение Духа Святаго да покрывает их миром, да возжигается здесь не один огонь светильников, но и огонь Божественного желания, да исправляются молитвы верных, яко кадило пред Богом, и да низводят всякий дар совершенный свыше от Отца светов, при предстательстве преблагословенных Богородицы, и Святителя Николая, и Преподобного Сергия, призванном сему храму и сей обители, благочестием и верою предшественников наших.

Но, может быть, мы поспешили мнением о славе храма первой и последней, не вникнув предварительно, что такое слава храма первая и последняя. Возвратимся к проповеди Пророка, и к храму Иерусалимскому, на который можно взирать частию, как на образец храмов и судеб их: поелику он создан Соломоном по образу скинии Моисеевой, а сия по образу, показанному на горе Богом.

Поклонники храма Иерусалимского славу храма полагали, кажется, наиболее в его великолепии. К сему народному понятию применяется Пророк, когда говорит Иудеям: *кто от вас, иже виде храм сей в славе его прежней? И како вы видите его ныне, якоже несуща пред вами?* Сие сказано потому, что храм, который они созидали, был мал и скуден в сравнении с прежним разрушенным.

Но далее, когда Пророк возвещает пророчески провиденную и понимаемую славу храма, он уже не держится народного мнения, а исправляет оное и возвышает. К сему, без сомнения, клонятся следующие слова: *Мое серебро и Мое золото, глаголет Господь Вседержитель.* То есть: не думайте, чтобы храм был славен только тогда, когда исполнен серебром и золотом, и напротив безславен, когда скуден. Не много в сем разности для Бога, Который обладает не только серебром и золотом храма, но серебром и золотом всего мира. Он и обогащает храм Свой, когда восхощет, и без видимаго великолепия может дать ему славу, которая выше всякаго великолепия.

Но в чем же, по лучшему разумению, состояла слава Иерусалимского храма, Которую Пророк называет первою? Ответ на сие можно найти в повествовании об освящении сего храма при Соломоне. *И бысть, повествует книга Царств, егда изыдоша Иереи из Святилища, и облак исполни храм Господень. И не можаху. Иереи стати служити от лица облака, яко исполни слава Господня храм* (3 Цар. VIII. 10. 11). Очевидно, что здесь *славою Господнею* называется чудесный облак, осенивший и наполнивший храм, и бывший видимым знамением невидимаго, благодатнаго присутствия Божия.

Следует другой вопрос: что значит возвещаемая Пророком Иерусалимскому храму *велия слава последняя паче первая*? – Вопрос не так легкий к разрешению, как первый, даже затрудняемый разрешением первого. Если первую славу храма Иерусалимского, или важнейшую часть ее составлял чудесный облак, знаменующий присутствие Божие; но сего чудесного знамения не видно во втором храме Иерусалимском, воздвигнутом после пленения Вавилонского: то где же *велия слава последняя паче первая*? Кажется, здесь нет даже и равной с первою славы. Вспомним еще, что в первом храме Иерусалимском был кивот завета с Богоначертанными скрижалями, хранилась чудесная манна и жезл Ааронов, чудесно прозябший: все сие скрылось с разрушением первого храма, и во втором уже не являлось. Где же *велия слава последняя паче первая*? Разве она еще впереди? Но храм, на который указывал Пророк Аггей, когда говорил от имени Божия: *исполню храм сей славы*, давно разрушен язычниками, бедственнее первого. Где же его последняя слава велия паче первая? – Вот не разрешимая загадка для неверующаго Иудея. Вам, Христиане, надобно было видеть трудность ее для того, чтобы тем яснее видеть силу Пророческого слова, тем радостнее чувствовать торжество веры. Ключ к разрешению загадки Аггея подает нам другой, следовавший за ним Пророк, когда говорит: *внезапу приидет в Церковь Свою Господь, Его же вы ищете, и Ангел завета, Его же вы хотите: се грядет, глаголет Господь Вседержитель* (Мал. III. 1). Не трудно понять, что сие последнее пророчество указывает на пришествие Господа нашего Иисуса Христа во второй Иерусалимский храм: Он есть *Господь*, Которого столь долго искали, то есть, ожидали верующие Ветхаго Завета; Он *Ангел* благодатнаго Завета, Которого желали они, как своего, равно как и нашего, Спасителя. Теперь понятно и Аггеево Пророчество о преимущественной последней славе храма, и оказывается удивительно точным. Не величайшая ли та слава храма, когда в нем является Сам Господь славы с Своим животворным словом, с Своими Божественными чудесами? И явился в нем Господь наш, точно в последнее время, пред его разрушением.

И так невидимое присутствие Божие в видимых знамениях – вот *первая слава* храма Иерусалимского! Видимое присутствие Бога, явившагося во плоти – вот *последняя слава* храма Иерусалимского, *велия паче первая*!

Что посему должно думать о славе храма Христианского? – Нечто подобное сказанному о славе храма Ветхозаветнаго, который был *сень грядущих*, и которого существование совершенное познается в Христианстве.

Мысль о славе храма Христианского, конечно, не должно смешивать с мыслию о его благолепии и великолепии. Благословенно и в Христианине чувство древняго любителя храма: *Господи, возлюбих благолепие дому Твоего* (Псал. XXV. 8). Благо душе, сочувствующей душе возлюбленнаго Давида, который говорил Пророку Нафану: *се аз живу в дому кедрове, кивот же Завета Господня под кожами* (1 Парал. XVII. 1). Стыдно, думал он, жить в прекрасном доме, и видеть дом Божий без свойственного ему благолепия и великолепия; если Бог благословил меня обищем, надобно, чтобы лучшая часть онаго посвящена была даровавшему. Так размышляющему не усумнюсь и я сказать с Пророком: *добре сотворил еси, яко бысть на сердце твоем сие. Все, еже в сердца твоем, твори, яко Господь с тобою есть*. Но если бы кто сказал, что он щедрыми приношениями храму Божию составил славу его: то я повторил бы ему проповедь Аггея Пророка: *Мое серебро, и Мое злато, глаголет Господь Вседержитель*. Не ты обогатил Бога, и прославил Его храм: Бог даровал тебе и дары, которые ты принес Ему, и благую мысль посвятить их. Его благодари, о Нем радуйся, Его прославляй; а в себе смиряйся. Един Господь Вседержитель силен и властен исполнить храм Своею славою. Он сказал о храме Иудейском: *исполню храм сей славы*; и дабы знали, откуда произойдет она не в одном знамении, но в существе и силе, Он сказал еще в тоже время: *заче аз с вами есмь*,

глаголет Господь Вседержитель: слово, еже завещах с вами, егда изходите из земли Египетския, и Дух Мой настоит посреде вас. Подобно и нам, Христиане, сказал Господь наш: *идеже аще два или трие собрани будут во имя Мое; ту есмь и аз посреде их;* и в сем заветном слове, действенном и непреходящем, положил неоскудевающее начало славы для храмов Христианских, которые для того и существуют, чтобы собирать верующих во имя Его. Здесь Он, посреди нас, в слове Евангелия, в облаке таинств, в духе и пламени молитв единомышленных. И поелику, где Бог и прославленный Богочеловек, там и небо, всегда исполненное славы: то воистину, Господи, *во храме стояще славы Твоя на небеси стояти мним.* Вот существенная слава храма Христианского.

Но как слово Пророческое дало нам мысль о славе храма первой и последней, большей первыя: то не ожидает ли чего подобного и Христианский храм? – Ожидает и Он второго славного пришествия Христова: но оно последует не для того, чтобы дать высшую степень славы земным храмам Христианским, а для того, чтобы истинных поклонников сих храмов возвести в нерукотворенный храм небесной славы, которая и есть *последняя*, потому что ею все заключается, и вместе никогда не будет *последнею*, потому что есть вечная.

Приготавливая нас к славе храма небесного, храм славы Божией на земли ожидает еще некоей посредствующей славы, которая, как и всякая истинная слава, даруется Богом, но которой обретение предоставлено нашей вере и нашей ревности. Как в Ветхозаветном храме слава знамений, чудес, прообразований должна была вести к славе явления Иисус Христов, так в Новозаветном храме слава благодатного присутствия Господня в Слове Его, в таинствах, в молитвах, должна вести к славе *вселения Христа верою в сердца наша*, как изъясняется святой Апостол Павел (Ефес. III. 17). Надлежит нам, входящим в храм Божий, по другому изречению Апостола, и самим соделаться *Церквами Бога жива* (2 Кор. VI. 16), и *Духу Божию жить в нас* (1 Кор. III. 16), или, по изречению другого Апостола, надлежит приходящим во храм ко Господу, *камени живу, от человек убо уничижену, от Бога же избрану, честну, и самим, яко камению живому, созидаться в храм духовен* (1 Пет. II. 4. 5). Еще и в Ветхом Завете, издавека, но уже ясно, Бог показывает сие последнее назначение Христиан, быть живыми храмами Божиими: *вселюся в них, и похожду, и буду им Бог, и тиши будут мне людие* (Лев. XXVI. 12). Подумайте, какая была бы эта слава для храма, когда бы наполняющие пространство его были вообще духовными, живыми храмами Божиими, исполненными Духа Божия. Как разливался бы свет Христовой истины! Как многоплодны были бы молитвы! Как ощутительна сила таинств! Как сладостны духовныя общения! Как сильна взаимная духовная помощь! Как легки чудеса, когда только нужны! И было так в Церкви: потому что Апостол утвердительно, и вообще говорит Христианам своего времени: *вы есте Церкви Бога жива. Егда сходитесь, то есть во храм на Богослужение, кийждо вас псалом имать, то есть, песнь, вдохновенную ему Духом Святым, учение имать, язык имать, то есть, чудесный дар говорить неизученным языком, откровение имать, сказание имать* (1 Кор. XIV. 26), то есть, истолкование невразумительного другим. Так же ли в Церкви ныне? Кажется, нам уже не до того в храмах наших, чтобы домогаться *велией славы, последней, паче первыя*. Не должно ли оплакивать оскудение славы первыя?

Позаботимся, братия, о душах наших, предназначенных быть храмами Божиими. Утешительно помыслить, что Господь отчасти, хотя сокровенно, уже обитает в нас благодатию крещения и других таинств: но если мы не печемся охранять Его в нас жилище в чистоте и святине, то есть, *очищать себя от всякия скверны, плоти и духа и творить святыню в страхе Божиим* (2 Кор. VII. 1); если небрежем оглашать внутренно наш душевный храм Словом Божиим, возжигать в нем светильник веры и любви, облагоухать его молитвою: опасно, братия, чтобы Святой, и во Святых почивающий, не

возгнушался недостойною обителию, и не изрек, подобно как на древний храм и Иерусалим, решительного суда: *се оставляется вам дом ваш пуст* (Матф. XXIII. 38). Неослабными усилиями да отражаем приражающихся Вавилонян, то есть, лукавые помыслы, нечистые страсти, плотския похоти, чтобы не возобладали нами и не разорили в нас храма Божия; если же по несчастию и сие случилось, да возстанем, как Иисус и Зоровавель, и да возставим в себе храм Божий невозвратимым покаянием, слезными молитвами, делами человеколюбия и милосердия, и всякаго рода благим духовным деланием, и да исполнит Господь храм Свой славы от времени до вечности. Аминь.

1842 год.

ССXXXIX.

158. Слово

в день сошествия Святаго Духа, по освящении храма

Благовещения Пресвятыя Богородицы, более известного

по придельному олтарию Святых Безсребренников

Космы и Дамиана, что в Шубине.

(Говорено июня 8; напечатано отдельно и в собраниях 1844 и 1848 гг.)

<1842 год>

Продолжая ныне торжествовать воспоминание сошествия Святаго Духа на Апостолов, и в то же время сподобясь торжественно совершить освящение храма сего, мы имеем благоприятный случай сблизить в наших мыслях предметы того и другого торжества, и чрез то войти в размышления, для нас утешительныя и назидательныя.

Святой Евангелист Лука, излагая обстоятельства, предшествовавшия сошествию Святаго Духа на Апостолов, говорит, что по вознесении Господнем на небо, возвратились они от горы Елеона в Иерусалим, *и егда внидоша, възидоша на горницу, иде же бяху пребывающе*; что потом, *сии вси бяху терпяще единомушно в молитве и молении, с женами, и Марию Материю Иисусовою и с братиею Его* (Деян. I. 13. 14); что наконец, *и егда скончавашася дние пятидесятницы, беша вси Апостоли единомушно вкупе* (Деян. II. 1). Что это за горница, в которой пребывала сия первоначальная Церковь Христова? И что значит пребывание Апостолов, и прочих, в сей горнице? Была ли это простая жилища храма, в которой днюют и ночуют? Так думать не позволяет самое многолюдство тех, которые представляются пребывающими в сей горнице. Двенадцати Апостолам, Пресвятой Матери Господней, Мироносицам и другим благочестивым женам, прочим ученикам Господним, которых всех Евангелист считает: *имен народа вкупе яко сто и двадцать* (Деян. I. 16), было ли прилично, было ли удобно, было ли возможно поместиться жительством в одной горнице? Что ж это была за горница? – Напоминает мне она, упоминаемую тем же Евангелистом, *горницу велию послану* (Лук. XXII. 12), о которой Господь сказал Петру и Иоанну: *ту уготовайте* пасху; и в которой Он установил, и в первый раз совершил таинство Тела и Крови Своея. Или это есть одна и та же горница, по самому месту; или по крайней мере, та и другая одинакова по назначению и достоинству. Ея назначение было не то, чтобы в ней дневать и ночевать, обедать и вечерять, сидеть и

почивать, но то, что пребывающие в ней *бяху терпяще единогодушно в молитве и молении*; в ней совершалась тайная Вечеря Господня; в ней произошло избрание Матфия в священное служение и его причтение к лику Апостольскому. Это была *горница*, которая возвышалась *горе* над всем земным и житейским; и благочестивым духом пребывающих в ней касалась небесного и Божественного, почему и возымела наконец то высочайшее преимущество, что в ней торжественно и чудесно явилось Небо и Божество. Дух Святый не только Своим всемогущим дыханием одушевил Апостолов, и огненными языками просветил их умы, воспламенил сердца, образовал языки для всемирной проповеди спасения, но и самое место их пребывания исполнил Своея святыни и благодати: *исполни весь дом, идеже бяху сядяще* (Деян. II. 2).

Еще раз вопрошаю: что это за горница? – И сказанного мною доселе, надеюсь, довольно, чтобы оправдать окончательный ответ, который даю на предложенный вопрос: горница Сионская, Апостольская, горница сошествия Святого Духа, есть не иное что, как первоначальный образец святого Христианского храма; и взаимно святой Христианский храм, следственно и храм ныне освященный, есть повторенная, возобновленная, размноженная Апостольская горница сошествия Святого Духа.

Правда, вы не слышали ныне здесь шума, *яко носиму дыханию бурну* (Деян. II. 2); не видали огненных языков; никто не говорит здесь разными языками разноплеменных народов. Но примите в разсуждение, что и в Апостольской горнице, или иначе сказать, в Апостольском святом храме, не каждый день слышалось потрясающее дыхание бурно: только однажды явились огненные языки; однако и в другия времена храм сей не был лишен благодати, которою исполнил его Дух Святый. Без первоначального чудесного движения и блистания огненного, Святые Апостолы продолжали преподавать тот же дар Святого Духа, в тихом возложении рук, которое друг-другоприимательно простирается и до нынешних священноначальственных тайнодействий в наших святилищах. *Языцы*, говорит Апостол Павел, *в знамение суть не верующим, но неверным* (1 Кор. XIV. 22): то есть, чудесный дар говорить разными неизученными языками ниспослан от Бога для людей еще неуверовавших, дабы чрез дарованное знание их языка преподавать им наставление в вере, и в то же время чудесным дарованием удостоверить их в Божественности веры; но для тех, которые уже уверовали, сие знамение не нужно. По той мере, как Божественная вера на земли распространялась, чудесное дарование языков сокращалось; и следственно соккрытие сего дарования не есть оскудение благодати, но прекращение нужды. Господь не одобряет в верующих искания очевидных, удостоверяющих знамений; но приписывает особенное достоинство вере, которая их не требует. *Блажени*, глаголет, *не видевши, и веровавшие* (Иоан. XX. 29).

Что же, братия? Дерзнем ли мы требовать от Бога в нашем храме того, что и в Апостольском не всегда было, так как и не всегда было нужно? Почтем ли крайним лишением неявление здесь чудесных знамений? Но слово Христово, которое вы слышите здесь в Евангелии, не так же ли Божественно, как огненные языки Святого Духа? Не то же ли истинное Тело Христово, не та же ли истинная Кровь Христова предлежат на трапезе храма сего, как и на трапезе горницы Сионской? В молитвах и священнодействиях, и здесь по Апостольскому преданию и чину совершаемых, не Единый ли и Тойжде Дух Святый дышет, осеняет, освящает, прелагает земное в небесное, вещественное проникает духовным, сотворенное Божественным? Не Его ли наитием освящается вода крещения и кропления, совершается миропомазание? Не Он ли вступил и вселился в храм сей в мощах Святых, которых тела, по собственному Его свидетельству, *храм живущаго* в них *Святого Духа суть* (I Кор. VI. 19)? Нужно ли более для нашей веры, благоговения, любви, утешения, надежды? Да веруем благодати храма, не домогаясь видения чудесных ея знамений. Да благоговеем: ибо воистинну *Господь во храме святем Своем* (Пс. X. 3). Да

возлюбим благолешие дома Господня (Пс. XXV. 8), не столько естественное и видимое, сколько невидимое и благодатное. *Да веселимся с Давидом о рекших нам: в дом Господень пойдём* (Пс. CXXI. 1). Да уповаем, что и нас, подобно как многих прежде нас, *сокроет Господь в тайне селения Своего в день зол наших* (Пс. XXVI. 5), – в день зол греха, от ужаса правосудия сокроет нас в тайне благодати прощения, – в день зол временного наказания, сокроет нас, прибегающих в тайну селения Его внутренней, искренносердечную молитвою, – сокроет во благодати охранения, облегчения, избавления.

Утешительно находить, дознавать и рассматривать таинственное сближение благодатного храма Христианского с чудесною Апостольскою горницею сошествия Святаго Духа. Но дабы утешение сие могло быть полным и верным, надобно присовокупить другое сближение, – между пребывавшими в оной горнице и между посетителями нашего храма.

То, что высокаго и вожделеннаго имела в себе горница Апостольская, было дар Божий, – дар, и Апостолами незаслуженный; потому что кто может оказать заслугу Богу, Который не имеет нужды ни в какой заслуге, и Которому все создания Его служат не своею собственностию, но Его дарами? – дар, в котором и нам не отказано; потому что *благ Господь всяческим, и щедроты Его на всех делах Его* (Пс. CXLIV. 9). Но дар сей не был бы дан, если бы не встретил простертых к нему рук; сокровище сие не было бы положено, если бы не обрело сосудов, по возможности очищенных и уготованных, каковы были Апостолы, и прочие, пребывавшие с ними. Поколикую приближаемся к ним и мы, не местом, не временем, что в собственном смысле невозможно, и не весьма нужно, потому что и наш храм есть место Апостольское по общению Апостольской благодати, – но поколикую приближаемся и мы к Апостолам и их сопричастникам расположениями духа и сердца; потоликую приближаемся к Божественному сокровищу благодати.

Какия же это расположения духа и сердца? – *Беша вси Апостоли*, говорит Святой Лука, *единодушно вкупе. Вси бяху терпяще единодушно в молитве и молении.*

Апостолы и ученики Господни пребывали *в молитве и молении* к Богу, и тем приготавливали себя к приятию благодати Святаго Духа. Вспомним при сем, что Господь, пред вознесением Своим, не дал им особеннаго заветнаго о молитве, а только повелел *от Иерусалима не отлучатися, но ждати обетования Отца* (Деян. I. 4), то есть обещаннаго Святаго Духа. Для чего ж бы, кажется, молиться о том, что уже обещано и не может не быть исполнено верным в Своих обещаниях Богом? Однако Апостолы и ученики Господни, по собственному ощущению нужды, молятся об обещанном и ожидаемом, как бы только еще о искомом, и еще нечаемом. Такова необходимость молитвы для достижения благодати. Молитва есть дыхание духовнаго человека. Как дыханием телесный человек привлекает окружающий воздух, и вдыхает из него жизненность и силу: так молитвою душа отверзает себя вездеприсутствующему Духу Божию, и приемлет от Него жизнь и силу духовную. Да пребываем и мы в молитве и молении, да и нам Отец Небесный, по обетованию Единороднаго Сына Его, *даст Духа Святаго просящим у Него* (Лук. XI. 13).

Апостолы и ученики Господни *бяху терпяще* в молитве, то есть, пребывали в ней постоянно, неутомимо, неослабно. Не одно всенощное бдение, по вознесении Господнем, совершили они; день за днем проходил, а обещанное не являлось. Но не возроптали они на медление; не усомнились в обещании, долго неисполняющемся; не изнемогли, не обленились, также усердно молились в десятый день, как и в первый: *бяху терпяще*. И терпение их наконец оправдалось, и молитва торжественно исполнилась. Да не будем и мы в молитве нетерпеливы, ни ленивы, ни маловерны; да прибегаем к молитве, как

можно чаще; да пребываем в ней, как можно постояннее; да не малодушествуем, не видя скороспелых плодов молитвы: скорее, или медленнее, более явственно, или более сокровенно, дарует Господь и нам, терпящим в молитве, благодать, довольную для нашего спасения.

Апостолы и ученики Господни пребывали и молились *единодушно вкупе*. Сие соединение их устроил Сам Господь, когда повелел им *от Иерусалима не отлучатися*; и еще ранее, когда поучал их: *яко аще два от вас совещаема на земли о всякой вещи, ея же аще просита, будет има от Отца Моего, Иже на небесех; иде же бо еста два или трие собрани во имя Мое, ту есмь посреде их* (Матф. XVIII. 19. 20). Важное пособие в молитве, – единодушные молящихся! Подобно как сила Святого Духа в Его чудесном сошествии, сила соединенной молитвы Церкви Апостольской, не раз простирала свое действие от духовной до вещественной природы. Ею некогда *подвижесе место, идеже бяху собрани* (Деян. IV. 31) Апостолы. В другое время она разрешила узы и заклепы, и отверзла двери темницы, в которой заключен был Петр Апостол. Для чего и ныне общая молитва церковная, если не для того наипаче, чтобы молитва каждого была преумножена в силе споспешествованием множества *молящихся единодушно вкупе*? Не постыдимся, и не усташимся признать, что моя или твоя молитва и немощна, и недостойна, чтобы достигнуть искомой благодати: но прииди, положи твою лепту молитвы в сокровище единодушной молитвы церковной, и сокровище сие будет достаточно, чтобы и тебе, вместе со всеми, приобрести безценный бисер благодати Божией. Благодарение Богу, не оскудевают и доныне опыты, как может прилежная молитва Церкви, искренняя молитва единодушных, не только мраком искушений, но и узами заблуждений, страстей и грехов одержимую *извести из темницы душу исповедатися имени Господню* (Пс. CXLI. 8).

И сего ради, с упованием и дерзновением, общим гласом душ верующих, молим Тя и ныне, *Царю Небесный, Душе истины, прииди и вселися в ны*. Не преставай осенять благодатию Твоею сей храм, Тобою освященный в день Твоего наития; исполняй во благих желания приходящих в него с верою и молитвою, просвещай их умы светом истины, согревай сердца любовью ко всему благу, наипаче же к Тебе Самому, Источнику всякого блага! Благо сотвори душе возлюбившаго благолепие сего дома Твоего; и принесшаго в жертву земное небесному благослови благословением земным и небесным. Спаси души всех нас, да в неотъемлемой радости славим Тебе купно с Безначальным Отцем и Собезначальным Его Сыном во веки. Аминь.

CCXL.

159. Слово

в день рождения Благочестивейшаго Государя

Императора Николая Павловича.

(Говорено в Успенском Соборе Июня 25;

напечатано отдельно и в собраниях 1844 и 1848 гг.)

*Стойте в вере, мужайтесь,
утверждайтесь:
вся вам любовь да бывают.
1. Кор. XVI. 13. 14.*

Если точно на всех членов Церкви простирается предписанный Апостолом закон взаимности: *утешайте друг друга, и созидайте кийждо ближняго* (1 Сол. V. 11), так как он изречен без изъятия и ограничения: то не надобно ли иногда, чтобы и поставленный в Церкви подавать утешение и назидание, заимствовал утешение и назидание, или, по крайней мере, случай к назиданию, от тех самых, которые предстоят как приемлющие назидание? – Так действительно могу я поступить ныне.

Вижу собор сынов Отечества, предстоящих в радостной, благодарной и благожелательной молитве за Отца Отечества, при воспоминании дня, в который Провидение даровало земле жизнь, по его назначению, благотворную и охранительную для миллионов жизней. По нашему общему сочувствию, сознаю в сем благословенное действие благословенной любви к Помазаннику Божию, которой в Россиянах удивляются иноплеменные, и удивлением дают свидетельство превосходства.

Итак от вас приемлю я утешение, видеть в вас одну из важных отраслей любви Христианской уже прозябшую и плодоносящую. И с сим вместе, от вас же беру случай, предложить к нашему общему назиданию, несколько мыслей о Христианской любви, не довольствующейся тем, чтобы проявлять силу свою в некоторых отраслях, но помогающей наполнить все поле жизни и деятельности.

Обширный и многообъемлющий закон любви заключил Святый Апостол Павел в немногих словах: *вся вам любовь да бывают*. Все, что вы ни делаете, должны делать *любовию*, как-бы всеобщую силою и всеобщим орудием; все должны делать из любви, ради любви, по крайней мере с помощью и с участием любви.

Апостол не выразил, любовь ли к Богу разумел он в изречении своем, или любовь к ближнему, или ту и другую вместе. Но как об отношениях к Богу непосредственно пред сим сказал он в другом изречении: *стойте в вере*: то надлежит заключить, что об отношениях к ближним, а потому, вероятно, и о любви к ближним, думал он, когда сказал: *вся вам любовь да бывают*. Таков долженствовал быть разум его изречения и по обстоятельствам, в каких написал он сие к Коринфянам. Распри нашел он у них: потому и нужду имел учить, чтобы они все взаимные отношения устроили на основании взаимной любви. Впрочем любовь к ближнему представляется здесь в ближайшем действии; но и любовь к Богу не исключается: потому что любовь к Богу есть душа истинной любви к ближнему.

Вся вам любовь да бывают: какую безпредельную область представляет Апостол действию любви! Мысль достойная глубокого внимания! Как есть соответствие между высотой власти и между пространством области, на которую она простирает свое влияние: так есть соответствие между высотой любви и между пространством области, в которой она действует.

Если бы кто приступил ко мне с вопросами: должно ли любить когонибудь? должно ли с любовью делать чтонибудь? то я не стал бы отвечать, а поспешил бы отступить от вопрошателя: потому что такие вопросы может предлагать только стоящий на пороге ада. Только там, где царствует *человекоубийца искони*, думают решительно, что можно быть совершенно без любви, что любовь есть слабость, что сила есть ненависть: следственно вопрос о возможности быть без любви есть порог ада. По сую сторону двери адской вопрос может быть не о всецелом отрицании любви, но разве о ея предметах, видах, степенях и пространстве или стеснения ея области.

Представим себе любовь, заключенную в более или менее тесном круге родства, знакомства, взаимности: и посмотрим, каково ее достоинство. Отцу и матери нужен ли подвиг, чтобы любить свое дитя? Младенцу надобно ли учиться любить отца и мать? Если же в сей любви все делает природа, без подвига и почти без ведома человека: то где тут достоинство добродетели? – Это просто естественное чувство, которое и в безсловесных примечаем. Нелюбление родителей или детей есть глубоко низкий порок: но любовь к родителям и детям не есть еще высокая добродетель, кроме особенных случаев, когда ее возвышает соединенное с нею самоотвержение и самопожертвование. О достоинстве любви взаимности, которою любят любящих, нет нужды входить в исследование, после суда, который произнес над нею непогрешительный и нелицеприятный Судия: *аще любите любящая вы, кая вам благодать есть? ибо и грешницы любящая их любят. И аще благотворите благотворящим вам: кая вам благодать есть? ибо и грешницы тожде творят* (Лук. VI. 32. 33). *И аще целуете други ваша токмо: что лишнее творите? Не и язычники ли тожде творят* (Матф. V. 47)?

Сии разсуждения поставляют нас между двумя противоположностями, между которыми однако нет отдельной середины, и из которых в одну надлежит нам впасть неизбежно. Если мы ограничим нашу любовь родными, знаемыми, любящими нас: то мы не во благодати небесной, но в природе земной, несовершенной; наше достоинство едва ли восходит выше меры грешников и язычников, и, может быть, не далеко возвышается над уподоблением безсловесным. Если же мы признаем недостаточество природы, и жаждем благодати; если оставаться на ряду с грешниками почитаем низким, бедственным, погибельным; если чувствуем наше призвание к высшей добродетели, нежели до какой достигали язычники: то не должно нам ограничивать нашу любовь родными, знаемыми, любящими нас, но простираť оную далее сих пределов, от родных к чужим, от знаемых к неизвестным, от любящих к нелюбящим, словом, ко всем.

Тот, чье сердце не расширено еще до всеобщей любви, может недоумевать, как любовь одного человека простираťся может на такую безпредельную область? Разрешить сие недоумение поможет нам Апостол любви, Святый Иоанн Богослов. Он говорит: *всяк любяй рождшаго, любит и рожденного от Него* (1 Иоан. V. 1). К сему можно присовокупить: всяк любящий Создателя, любит и создание любящаго Создателя. И так возлюби единаго Бога; и возлюбишь всех чад Божиих. Возлюби Творца, и не трудно тебе будет любить создания, которые Он любя сотворил и сохраняет. Что касается до дел любви; для них есть порядок, указанный другим Апостолом: *да делаим благое ко всем, паче же к присным в вере* (Гал. VI. 10). Твори добро преимущественно присным по вере, по роду, по отечеству: но не полагай здесь рубежа для твоей любви; а поколику встречаешь случай, поколику имеешь средства, помощи бедности чужаго; сжался над бедствием иноплеменника; *еретика человека отрицайся* (Тит. III. 10), то есть, его ложнаго и вреднаго учения, но человека и в иноверном щади, милуй, споспешествуй его благу, особенно духовному.

Впрочем закон всеобщей любви, стремящейся объять всех человеков, необходимо должен дать человеку так много дела, что не останется места досугу от упражненья любви. Посему Апостол проповедует всеобщность любви, объемлющую и все дела, и все ей подчиняет. *Вся вам любовию да бывають.*

Есть дела, в которых любовь участвует сама собою, так что для сего не нужно ни учение, ни увещание. Так с любовию отец ласкает, мать питает свое чадо; с любовию сын отцу и матери откликается на зов, служит, помогает. Но есть другия дела, к которым не так близка любовь, и при которых не всякой о ней вспомнит. Над сими особенно надлежит

испытывать благотворную силу Апостольского учения о любви вседействующей, или всему содействующей.

«Что значит оное: *вся вам любовь да бывают?*» – вопрошает Святый Златоуст. И отвечает: «аще запрещает кто, рече, аще обладает, или обладаем есть, аще учится, аще учит, вся с любовь да творит».

Чего, как существенно необходимого, искал Господь в Петре, когда хотел поставить его в учительское и священноначальническое служение? – Любви. Трижды вопрошал Он: *Симоне Ионин любииши ли Мя?* и не прежде, как по уверении в любви, изрекал повеление: *паси овцы Моя; паси агнцы Моя* (Иоан. XXI. 15–17). Правда, вопрошение: *любииши ли Мя паче сих?* очевидно указывало, на прежнее самонадеянное уверение Петра: *аще и вси соблазнятся о Тебе, аз никогда же соблазнюся* (Матф. XXVI. 33), и троекратным удостоверением о любви ко Христу заглаждалось троекратное отречение от Христа; это была кроткая епитимия покаявшемуся и разрешаемому Петру. Но тем не менее сие относилось и к вверяемому служению. Ведал Господь, что любящий Его будет любить и овец Его; и что для пастыря, и для овец пастырская любовь надежнее жезла, и приятнее свирели. Это случай единственный, но вместе и пример для всех.

Учащий, который действует одним знанием без любви, предлагает алчущим и немощным черствый, или даже каменный хлеб. Учение, которое не сердцем любящим приемлется, есть семя сеемое в снег. Знание без любви есть зимнее солнце, которое не оживляет и не возвращает. Итак аще кто учится, аще учит, с любовь да творит.

Если начальствующий или обладающий все думает делать одною силою власти, не пользуясь силою любви: то по необходимости он должен будет чрезмерно напрягать одну силу в замен другой, и таким образом отягчит бремя подчиненности, которое мог бы облегчать, и будет разстроивать союз, который желает скреплять: ибо *союз совершенства*, совершеннейшая связь между людьми, есть *любовь* (Кол. III. 14). Если и подвластный с необходимою покорностию не соединяет свободной любви: то сам для себя ожесточает иго, которое любовь умягчила бы. Не стараясь быть в сердце сыном обладающего, приметно или неприметно, препятствует он обладающему быть отцем для него. Итак аще кто обладает, с любовь да обладает: аще обладаем есть, с любовь да повинуется.

Должно ли и *запрещать*, как выразился Св. Златоуст, то есть, бранить и наказывать с любовью? – Непременно с любовью, если запрещение должно быть Христианское и спасительное. Для чего бранят? Для чего наказывают? Не ужели для того, чтобы неистовствовать во гневе, мстить и карать? Какой разум одобрит сие? Какое сердце, в минуты безстрастия, не отвратится от сего? Для чего же можно, или должно, бранить? – для того, чтоб изъяснить виновному его вину и тягость ея. Для чего наказывать? – для того, чтобы пресечь или предупредить зло, и побудить согрешившаго к исправлению. Не трудно приметить, что сию цель наказания и назначает не иной кто, как любовь. И кто лучше ея может исполнить сие назначение? Она также может предохранить, чтобы обличение не перешло в гнев, чтобы неудержанный гнев не ожесточил виновного вместо исправления, чтобы строгость не простерлась до жестокости; она проливает животворный бальзам на рану, которую наносит наказание. Итак, аще кто запрещает и наказывает: и сие с любовь да творит.

Братия! Еще *воспомянути вам хочу ведущим и вам единою сие*: какую заповедь новую, последнюю, единую оставил нам Господь наш, в отличительное знамение Своих учеников? – *Заповедь*, глаголет, *новую даю вам, да любите друг друга* (Иоан. XIII. 34). Мало ли еще заповедей? Мало ли добродетелей? Почему не упомянул Он ни об одной,

кроме любви? Без сомнения, по предуведению, что если будет любовь, то будут и все добродетели, исполнятся и все заповеди. Итак, и по заповеди Господней, и по учению Апостольскому *вся вам любовь да бывают*. Аминь.

ССХLІ.

160. Слово

в день Успения пресвятыя Богородицы.

(Говорено в Успенском соборе;

напечатано в Христ. Чтен. 1842 г. и в собраниях 1844 и 1848 гг.)

<1842 год>

Ангел рече: радуйся благодатная: Господь с тобою, благословенна Ты в женах. Она же видевши, смутилась о словеси его.
Лук I. 28. 29.

Не удивляюсь, что и Ты, Матерь Начальника мира, смутилась о словеси небесного вестника. Слишком необычайна была весть; очень рановременно приветствие, которое один Ангел мог тогда произнести, едина Ты могла услышать и принять с верою.

Бысть *Господь с Тобою* не только благодатным присутствием, но и существенным в Тебе вочеловечением. *Благодать* непостижимо высокая! *Радость* безмерно светлая! Но какие мраки облежали Тебя, живая и живоносная Обитель Света! Еще Он не возсиял от утробы Твоей, как близ Тебя возстала буря помышлений сумнительных, и едва, омрачив, не низложила стража Света, Иосифа. Тогда, как Божественный Свет из яслей отразился в небесах, и небесная о Нем слава отозвалась на земли, — тогда как Он озарял и простодушных пастырей и дальновидных волхвов, — Ирод и весь Иерусалим с ним смутились от близости Света, и царь подвигся на смертную брань против безоружного младенца, и Тебе, Матерь Света, надлежало убежать во тьму Египта, бояться возвращения в отечество Света, Иудею, и еще удалиться *к людям, сидящим во тме и сени смертной*, — в *Галилею языков* (Матф. IV. 15. 16). Праведный Симеон, один из не многих, рано не только увидел, но и узнал, и на свои руки принял *Свет в откровение языков* (Лук. II. 32): но что же? Когда сей Свет осветил для него будущее, тогда он оружием пророческого слова предварительно пронзил душу Матери Света, которой суждено было быть пронзенной оружием скорбей крестных: *и Тебе же самой*, сказал он, *душу пройдет оружие*. Божественное провозглашение Иисуса на Иордане, Его светолитие на Фаворе, торжество Его учения и чудес довольно ли озаряло радостию Тебя, Благодатная, мы не довольно знаем: а то и в Писании нам открыто, и по собственному нашему, хотя несовершенному в любви сердцу, нам понятно и ощутимо, как многи, разнообразны, продолжительны, глубоки должны были быть скорби Твои о Твоем Божественном, но в человеческия немощи облекшемся Сыне, когда Ты видела Его, то в изнурении от подвигов, то в пререкании у народа, то в опасности от врагов, то наконец в руках врагов; когда против Него возносимые вопли и хуления, Ему наносимые удары и раны поражали Твое сердце; когда Он вместо Себя дал Тебе чужаго сына; когда Ты видела Его последний взор, слышала Его последний глас, сопровождала Его бездыханное тело. Свет воскресения Его, без сомнения, осиял Тебя обильнее всех: но не тем ли паче, как после молнии ночь, темною и безвидною должна была остаться для Тебя земная жизнь, когда Он сокрылся в

вознесении на небо? И сия ли есть судьба *Благословенная в женах* – сперва быть сиротствующею матерью после умершаго на кресте Сына, потом от воскресшаго и присноживущаго в небесной славе Сына, вновь остаться на земли сиротствующею матерью.

Но вот настает новое время. Оказывается, что семя слова небесного, если не всегда скорый, зато тем более обильный и прочный плод приносит. Теперь не одно небесное созерцание видит Твою *благодать*, не один Ангел тайно благовествует Тебе *радость*; в церкви велицей благовествуется Твоя благодать и радость; род человеческий благословляет Тебя, *Благословенная в женах*. Подобно, как слава Твоего Сына и Бога, и Твоя слава Боголепная из гроба возсиявает. Чудеса Твоего Успения открывали, что Богоносная душа Твоя отходит прямо к Богу: праздный после погребения гроб Твой показал, что и в теле Твоем смерть не нашла себе никакой пищи, то есть, ничего грехом зараженного, и потому ничего тленного. Жизнь будущего века, которой мы еще только чаем, для Тебя уже есть настоящая вечная жизнь, на высочайшей степени славы. В чертоге небесном, как *Царица* по благодати, *предстала Ты одесную Царя* по естеству, *в ризах позлащенных одяна* (Псал. XLIV. 10), или по другому созерцанию, *облечена в солнце* (Апок. XII. 1), – в открытый, как мне мнится, и совершенный свет Христов; предстала, чтобы не только пребывать во свете и наслаждаться им, но и царствовать во свете, или световодительствовать, да *приведутся Царю девы*, – души целомудренные или уцеломудрившиеся, – *в след Тебе*. Ныне *радуйся благодатная*, и отныне на веки ненарушимо *радуйся*, – не только радуйся, но и блаженствуй, – не только *благодатная*, но и препрославленная!

И если высокая степень света и блага, благодати и блаженства, есть состояние преисполнения, преизливающегося на сродное и удобоприемлющее: то, Богоблагодатная, от Твоего преисполнения и нам, Твоей благодати верующим и ее славящим, ниспосли хотя некую, тайную росу благодати, как зарю света, как источник блага, как залог блаженства.

Простите мне, братия, если долго при вас, как будто без вас, размышляю. В такие дни, как нынешний, можно совсем забыть землю в беседе с Небом. И хорошо было бы, если бы мы охотнее и долее беседовали с Небом, а менее охотно и поспешно к земле обращались, и то для того только, чтобы, встретясь с нашими недостатками и нуждами, тем неотступнее прибегать к обилию и щедротам Неба.

Да, братия, от созерцания *благодати*, которую Мариамь *обрела у Бога*, и которая столь чудными путями возвела Ее к толь высокой славе, – обращаясь к себе, мы должны помыслить о потребности благодати для нас самих. Если едина Мариамь есть *благодатная* по превосходству: то напротив безблагодатным оставаться никому не можно без того, чтобы не погрязнуть во зле и погибели. Надобна хотя наименьшая доля благодати, чтобы достигнуть хотя последнего степени блаженства.

Благодать, – если хотим исчерпывать полноту значения сего имени, – есть даяние от Благаго, даяние благое, даяние по единой благодати, без предварительного права, или заслуги и достоинства приемлющего. Если принять в разсуждение, что, по слову Господню, *никтоже благ, токмо Един Бог*: и следственно источника всего, что только есть благо в тварях, нигде нельзя искать, кроме Единого Бога, по чистой благодати дарующаго, а не воздающаго (ибо *кто прежде даде Ему и воздастся Ему?* Рим. XI. 35): то можно было бы заключить, что человек все, и в себе, и окрест себя, самое бытие, жизнь, тело, душу, способность и употребление способности познавать, желать, действовать, – все имеет по благодати Божией. Но поелику благо, которое Бог положил в твари

действием Своего творения, усвоилось им как-бы в собственность: то бывшее в своем начале благодатию, в своем продолжении соделалось естеством сущих и природою рождаемых, и в отличие от сего, благодатию именуется то, что Всеблагий Бог дарует человеку выше естества и природы. В сем разуме слово Божие употребляет имя благодати, означая им и *даяние преподающее*, или Божественную силу, источающую благодатныя влияния, как на пример в следующем изречении: *явися благодать Божия спасительная всем человеком* (Тит. II. 11); и *даяние преподаваемое*, или дар благодатный, как на пример в следующем засвидетельствовании Апостола: *Единому комуждо нас дадеся благодать по мере дарования Христова* (Ефес. IV. 7).

Когда не было в мире греха: тогда, не знаю, все ли было удобопроницаемо и прозрачно для сего стихийного света, но, без сомнения, все прозрачно и проходно было для света благодати. Он беспрепятственно изливался на природу, и непрестанно исполнял ее благом и блаженством, сохраняя в ненарушимом совершенстве и бессмертии даже и то, в чем скрывалась возможность тления, – тело человека. Но когда чрез прельщение, злоупотребление свободы и уклонение воли человека от воли Божией вошел в мир грех: тогда сим самым нарушен первоначальный союз между природою и благодатию. Хотя свет благодати, как Божественный, и потому ничем не воспящаемый, не преставаая, всегда и на все сияет: но природа, грехом оскверненная, омраченная, огрубелая, зараженная, сделалась и недостойною и неспособною принимать чистыя, светлыя, тонкия, нетленныя влияния благодати. Так вошла в мир *грехом смерть* духовная, и в след за нею телесная, временная, и за нею вечная. И если только при споспешествовании благодати человек сохранял то, что первоначально имел: то конечно не возможно ему без особенной помощи благодати возратить то, что утратил. Здесь наипаче открывается и крайняя потребность, и чудным образом удовлетворительный, по Апостольскому слововыражению, *избыток благодати* (Рим. V. 17). Отторгшемуся и отпадшему от благодати человеку естественно уже было ниспадать даже до ада, если бы провидевший сие от века, и вечно милосердующий Бог в среду падения не простер удерживающей и возстающей руки. И дающее благодать, и приемлющее оную, – Божество и чистое человечество дивно совокупил Он в едину Ипостась Христа Господа, и в Его слове и жизни, в Его теле и крови, в Его крещении водою и духом, отверз новые преизобилующие токи благодати, простираемые и на отчужденное от нея, но не чуждое Вочеловечившемуся естество наше, дабы таким образом оскверненное грехом очистить, омраченное просветить, плотяное одуховить, растлевшее исцелить, падшее возставить, осужденное оправдать, умерщвленное оживить, погибшее спасти. Это не мое умозрение, но Евангельское учение. *Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа*, говорит Апостол, *облагодати нас о Возлюбленном, о Немже имамы избавление кровию Его, и оставление прегрешений по богатству благодати Его* (Еф. I. 6. 7).

Слово Апостольское часто к мысли о благодати обращается, и все в Христианстве на ней утверждает. Хочет ли оно возвести нас к началу нашего спасения? Оно возводит нас к благодати: *явися благодать Божия спасительная всем человеком*. Хочет ли указать на спасение наше, как уже совершившееся? Указание опять относится к благодати: *благодатию есте спасени* (Еф. II. 5). Хочет ли изъяснить цель, силу и действие воплощения Сына Божия и пришествия Его на землю? И сие изъясняет мыслию о благодати: *благодать и истина Иисус Христом бысть* (Иоан. I. 17). Хочет ли показать, как произошли в церкви Апостолы, Пророки, благовестники, Пастыри, Учители, и их дело служения спасению прочих человеков? Показует начало сего в благодати: *Единому комуждо нас дадеся благодать, по мере дарования Христова*. Хочет ли укрепить Христианина в подвиге? Укрепляет благодатию: *Ты убо, чадо мое, возмогай во благодати, яже о Христе Иисусе* (2 Тим. II. 1). Хочет ли остеречь от греха? – Остерегает благодатию: *грех вами да не обладает: несте бо под законом, но под благодатию* (Рим. VI. 14). Хочет

ли благоустроить нашу внешнюю деятельность? – Благоустроит благодатию: *Слово ваше да бывает всегда во благодати, солию растворено, ведети, како подобает вам единому комуждо отвечаати* (Кол. IV. 6). Хочет ли приветствовать и благословить? И для сего призывает в помощь благодать: *благодать вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа*.

Видите, Христиане, что в Христианстве все благодатию, и ничего без благодати. Да печется же каждый из нас обрести для себя благодать.

Да не придет кому лестный помысл, что если в спасении нашем все действуется благодатию, то нам уже не много нужно попечения о нашем спасении. Нет, соучастники благодати; благодать могущественная и действенная нам возвешена и дарована для того, чтобы укрепить нашу немощь, ободрить нашу безнадежность, одушевлять нашу благую деятельность, а не для того, чтобы обеззабочивать наше нерадение, и усыплять нас в бездействии. *Молим*, пишет святой Павел к Коринфским Христианам, *не вотще благодать Божию прияти вам* (2 Кор. VI. 1). Как? Не ужели благодать, *спасительная всем человеком*, может быть принята *вотще*? Видно, может сие случиться, когда от сего так заботливо предостерегает Апостол: *молим, не вотще благодать Божию прияти вам*. Спасительна благодать Божия сама в себе: но не спасает нас без нас. *Не вотще* приемлется она, когда приемлется с верою, когда верно употребляется и сохраняется, когда обращаем ее в нашу жизнь и дела: но вотще, – когда вера оскудевает, когда наше житие и дела благодать Божию оскорбляют и отрывают. Благодать есть талант небесного Домовладыки, который верного и усердного раба обогащает, а неверного и ленивого осуждает, и отъемлется у него. Итак *молим, не вотще благодать Божию прияти вам, – смотряще да не кто лишится благодати Божия* (Евр. XII. 15).

Остережемся и от другого помысла, неблагоприятного благодати. Некоторые думают, что живут довольно хорошо, если живут по природе; и потому не подвизаются возвысить план своей жизни, чтобы жить по благодати. Благовидность опасная! Если, как мы отчасти показали, неповрежденный грехом человек жил не одною природою, но паче благодатию блаженствовал: то будет ли довольно хороша жизнь по природе, которая грехом повреждена и благодатию не исправлена? Не укажет ли кто, как на одобрение жизни по природе, на сказанное Апостолом, что *языцы, не имущи закона, естеством законная творят* (Рим. II. 14)? Такому скажу: разве тебе приятно в достоинстве жизни выравниваться только с язычниками? Не так судил Господь наш, когда в упрек несовершенной жизни глагодал: *не и язычници ли такожде творят* (Матф. V. 47)? Чрез сие давал Он разуметь, что для Его последователя, для человека совершенного, слишком мало того, чтобы жить по природе, подобно язычникам.

Чтобы определить значение и достоинство жизни по природе, надобно взглянуть на место, которое занимает она во владычестве Божиим и Христовом. Хотя владычество сие безпредельно и неизмеримо для нас: однако, поелику во всяком благоустроенном владычестве можно замечать некоторое распределение состава его, соответственно целям управления: то Богословы не без основания заметили во всеобщем владычестве Божиим и Христовом три сопредельных царства: царство природы, царство благодати, царство славы. Вход в царство природы открывается человеку естественным рождением, в царство благодати – крещением, в царство славы откроется воскресением из мертвых и последним судом. С царством славы непосредственно сопредельно царство благодати, и только чрез сие лежит к оному путь из царства природы. Следственно, кто живет только по природе, тот на целое царство удален от блаженного царства славы. И потому, когда в последний день все царство благодати окончательно перейдет в царство славы; *а земля и яже на ней*

дела сгорят: где тогда останется безблагодатная жизнь по природе, если не в природе преисподней.

Братия, общники даров и обетований благодатных! Не вознерадим о благодати Божией. Взыщем ее познанием, и признанием нашей немощи и греховности, молитвою, поучением в слове Божиим, общением таинств веры, искренним желанием жить по заповедям Христовым; приимем оную верою и готовностію повиноваться ея внушениям; сохраним – верностию и постоянством в последовании ея руководству. Благодать сама будет нам тайною помощницею в наших ради ея подвигах, и увенчает их. По увещанию Апостола, *да приступаем с дерзновением к престолу благодати, да приимем милость, и благодать обрящем, во благовременну помощь* (Евр. IV. 16). По обещанию Пророка, *Господь Бог благодать и славу даст* (Псал. LXXXIII. 12).

Слава Господу Богу, Дателю благодати, Отцу, и Сыну, и Святому Духу, во веки. Аминь.

ССХLII.

161. Слово

в день священнаго венчания и помазания на царство

Благочестивейшаго Государя Императора

Николая Павловича всея России.

(Говорено в Успенском Соборе Августа 22; напечатано отдельно,

в Моск. Губ. Ведомостях и в собраниях 1844 и 1848 гг.)

<1842 год>

*Да разумеваем друг друга в поощрении
любве
и добрых дел, не оставляюще собрания
своего,
якоже есть неким обычай, но друг друга
подвизающе. Евр. X. 24. 25.*

Праздник Царскаго помазания и Царскаго венца празднуем, сынове России. Достоинo и праведно празднуем. Это праздник Государя, торжествуемый верностию и любовию подданных, и вместе праздник Государства, веселящагося о своем благе. Потому что, хотя Царское помазание и венец предоставлены единому Царю, но не для Него единого. Не входя в испытание, каким образом с видимым помазанием соединено преподание даров духовных (потому что таинство должно всегда оставаться таинством, и следственно пребывать недоступным изъяснению); – можем однако позволить себе указание на ту символическую черту тайнодействия, что как от простаго помазания благовонною мастию одного человека, многим окружающим сообщается ощущение благоухания; так от таинственного миропомазания Царя животворное благоухание распространяется на все царство. Подобным образом и Царский венец не только главу Царя увенчивает, но увенчивает с тем вместе и благоустройство, и благосостояние, и благолепие царства. Так должно быть, по намерению Провидения: так и есть с нами, Россияне, по благодати Провидения, и по доблести Благочестивейшаго самодержца.

Но когда празднующая мысль приступает ближе к предмету празднования, чтобы возвеселиться созерцанием Его величия; когда рассматривает, как державный ум проходит по всему огромному составу Государства, объемлет вниманием и разнообразным попечением жизнь, безопасность, довольство, нравы, просвещение, верование миллионов народа, чтобы повсюду добро насаждать, возвращать, охранять, зло пресекать, отвращать, предупреждать, необразованное образовывать, несовершенное усовершенствовать, поврежденное исправлять, и для сего по временам изрекает новые, или дополняет прежние законы, непрестанно движет многочисленныя пружины управления, бдит над правосудием, зиждет и одушевляет воинство; как Он проницательные и дальновидные взоры простирает далее пределов своего, в иныя царства, дабы отовсюду ограждать и утверждать мир, приобретать и поддерживать добрых союзников, подавлять семена раздоров, браней и крамол, обезоруживать зависть, высматривать обще-полезное, и усвоить, открывать вдали крадущееся влияние какойнибудь иноземной заразы, и преграждать ему стези: при таких помышлениях о подвигах Царя, к радости о Нем присоединяется и удивление, и забота любви. Сколько бремени, к облегчению всех нас, несут одне державныя рамена! О если бы и мы взаимно могли какнибудь споспешествовать облегчению оных!

Некоторое средство для сего преподает нам Святая Церковь. Это есть молитва за Царя. Ибо если, по слову Писания, *много может молитва одного праведнаго* (Иак. V. 16): то конечно не мало может молитва благовернаго народа, в котором уповательно Господь имеет не одного праведнаго, потому что для праведных Он и хранит мир.

Но дабы поискать, нет ли еще способа, которым бы подданные, не прикасаясь к делам Самодержца, могли споспешествовать облегчению Царскаго бремени, — вообразим, что все подданные жили бы в любви между собою, и не делали ничего, кроме добрых дел. Как облегчилось бы дело Царево! Не нужно было бы умножать законы; потому что любовь исполняет закон, прежде нежели он написан. Уменьшились бы заботы о порядке и благочинии общественном; потому что *любы не безчинствуют* (1 Кор. XIII. 5). Долгий праздник был бы от дел правосудия; потому что не добрыя дела дают работу Судам. Тогда Царь был бы в полном смысле тем, чем представляет Его молящаяся Церковь, *Отцем о чадех веселящимся*. Что ж? Не можем ли мы сами споспешествовать тому, чтобы в царстве все жили в любви, чтобы все подвизались в делании дел добрых? — И можем, и должны. Не я изобретаю сие: сие проповедует и завещавает Апостол. *Да разумеваем, говорит, друг друга в поощрении любви и добрых дел, не оставляюще своего собрания, яко же есть неким обычай, но друг друга подвизающе*.

По истине, братия, если судьба, рождение, закон ввели нас в единое собрание, совокупили в единое общество: то конечно не для того, чтобы каждый знал только себя, и не заботился знать других, и споспешествовать их благу. Сие было бы противно понятию и существу общества. Союз общества связывается не иначе, как взаимностию: взаимным содействием, помощью, споспешествованием. Взаимныя обязанности членов общества частью определяются в законах, и распределяются по званиям и должностям; частью изрекаются совестью, и простираются на всех. Когда тать вламывается в дом гражданина, или в сокровищницу общественную: кто, благонамеренный, видя сие, скажет: не мое дело? Не каждый ли почувствует себя обязанным споспешествовать общественной и частной безопасности? Если таким образом на каждом лежит обязанность отвращать зло, частное или общественное: меньше ли всеобща, меньше ли сильна, не больше ли благородна обязанность распространять добро частное, и, поколику возможно, чрез частное — общественное, и особенно высшее добро нравственное и духовное, которое есть душа истиннаго благосостояния общественнаго?

Христианство соединяет нас, братия, союзом более тесным, нежели общество просто человеческое, – союзом не только единой власти, взаимных нужд, общей пользы, но и союзом единой жизни. По учению Апостольскому и Церковному, все мы, под главою Христом, едино тело есмы. Итак чем очевиднее сия опытная истина, что *еще страждет един уд, с ним страждут вси уди; еще ли же славится един уд, с ним радуются вси уди* (1 Кор. XII. 26); тем непоколебимее сей закон, тем непреложнее сия обязанность, *да равно един о другом пекутся вси уди* (25). И какое друг о друге попечение для Христиан нужнее, важнее, благотворнее, как поощрение друг друга к любви Христианской и к добрым делам?

Слыша сие, не ответствен ли мне мысленно некоторые: твое дело поощрять других к любви Христианской и добрым делам; исполняй свою обязанность. – Нет у меня спора против сего; признаю мою обязанность; приемлю ваше поощрение к исполнению ея; исповедую с Апостолом, что *горе мне есть, еще не благовествую* (1 Кор. IX. 16). Но и вы не должны уклоняться от исполнения обязанности, которую на меня и на вас равно возлагает Апостольское слово. В другом случае Святый Павел сказал мне, то есть, вообще поставленному Церковию служителю Христианского учения: *проповедуй слово, настой благовременно и безвременне, обличи, запрети, умоли, со всяким долготерпением и учением* (2 Тим. IV. 2). Но вот, он не говорит различительно: пастыри поощряйте к добру пасомых, священники подвизайте народ; а говорит ко всем без различия, без изъятия: *да разумеваем друг друга в поощрении любви и добрых дел, – друг друга подвизающе*. И ненапрасно так расширяет он сию обязанность: потому что для нея одних Церковию поставленных учителей не достало бы. Сколько людей, сколько направлений ума, склонностей, занятий, сколько разнообразных положений и случаев жизни, которые требуют наставления, совета, увещания, но которых не может преследовать Церковное наставление и Церковный наставник! И так необходимо, чтоб и сами наставляемые часто друг друга вразумляли, остерегали, поощряли к добру.

Здесь можно встретиться с новым прекословием. Разве надобно, скажут, всем быть учителями других? – Отнюдь нет. Против сей крайности мы имеем ясное запрещение Апостольское: *не мнози учителя бывайте* (Иак. III. 1). Бог Церкви Своей дал *есть овы убо Апостолы, овы же Пророки, овы же Благовестники, овы же Пастыри и Учители* (Еф. IV. 11), а не отдал каждому на произвол поставлять себя в духовные наставники. О сем именно сказано, что *никтоже сам себе приемлет честь, но званный от Бога* (Евр. V. 4), или непосредственно, как вначале Апостолы, или преемственно, чрез званных от Бога прежде. О множестве же не призванных учителей Дух Святый предвещает нас, как о принадлежнoсти несчастных времен: *будет бо время, егда здраваго учения не послушают, но по своим похотех изберут себе учителя чеши слухом, и от истины слух отвратят, и к басне уклонятся* (2 Тим. IV. 3. 4). Против сего самодельного, и потому обманчивого и опасного учительства, поставляет преграду Богопоставленный наставник, когда, увещавая всех нас поощрять друг друга к добру, тотчас присовокупляет: *не оставляюще своего собрания, яко же есть неким обычай. Свое для истинных Христиан собрание, есть Соборная Православная Церковь*. Ея должно держаться, в ея послушании пребывать, чтобы ревность побуждать других к добру не перешла в самочиние, и не повела к разделению и заблуждениям.

Когда дело идет о догматах, о таинствах, о священноначалии: берегись, чтобы не явиться делателем, которого не посылал Господь в виноград Свой. Если Тот, Кем *все тело Церкви, составы и союзы подаемо и снемлемо, растит возвращение Божие* (Кол. II. 19), не устроил тебя оком или устами сего тела: не присвой себе особенных обязанностей сих членов. Не может рука или другой член сказать оку или устам: я исполню вашу должность. Но есть обязанности, которые никакому члену тела не чужды, как то:

сохранять жизнь, отвращать опасность. Жизнь тела духовного есть любовь; так как напротив *нелюбяй пребывает в смерти* (1 Иоан. III. 14). Добрые дела суть проявления жизни духовной. Итак, чтобы жизненная сила любви Христианской не угасла, чтобы плоды ее не оскудели, чтобы не подавили ее мертвые дела суеты и порока, о сем должны заботиться все без изъятия члены Церкви. Может ли какойнибудь член тела сказать другому: я не забочусь, есть ли, и будет ли в тебе жизнь, или нет? – Надобно всем нам, братия, сочлены единого тела Церкви, друг друга охранять от смерти греховной, друг друга поощрять к Боголюбию и братолюбию, друг друга подвизать на дела благая.

Но как исполнять сие, без права учительства, и без неуместных притязаний учительства? – Сему едва ли не лучше разсуждений может научить – доброе намерение. Случаи поощрять друг друга к добру безчисленны: если усердно воспользуемся хотя некоторыми удобнейшими; то мы уже вступили в добрый путь; а кто вступил в путь, и остановиться не хочет; пред тем сам собою открывается дальнейший путь.

Примечателен особенный образ выражения в Апостольском увещании: *да разумеваем друг друга в поощрении любви и добрых дел*. Сим указывается на нашу знаемость друг другу, и чрез нее пролагается путь взаимному поощрению к добродетели. В самом деле, сколько людей, которых мы знаем, с которыми знакомимся, видимся, проводим время, безотчетно предаваясь развлечению, часто не догадываясь даже спросить себя о пользе наших общений! Для чего ж бы не сделать сию знаемость более разсудительною? Для чего бы не дать знакомствам более возвышенного направления? *Да разумеваем друг друга*, не по образу только видимому, но паче по невидимому в нас образу Божию, не по ласковым приветствиям, но паче по словесам истины и целомудрия, не по родству только земному, но и по небесному родству чад Божиих, не только по связям временных нужд, выгод, удовольствий, но гораздо более по святому союзу в искании благ вечных, не по видам любочестия, но по стремлению к почести вышнего звания о Христе Иисусе. Так разумеая друг друга, сколько времени и деятельности, так небрежно иногда расточаемых на праздные беседы, на увеселения, на суеты, могли бы мы сберечь, и обратить на употребление, сообразное с достоинством человека и сына Церкви и Отечества, на разсуждения о истинном благе каждого и всех, о нашем собственном и взаимном усовершеннии, на чтение назидательное и душеполезное, вместо бесплодного и раздражающего страсти, наконец на самые дела добрыя, и других к добру поощряющия!

Но это значило бы изменить направление господствующих в обществе обычаев? Кто может сие сделать? – Да, ты, и я, сделать сего не можем: потому-то мудрость Апостольская и не обращается к тебе или ко мне с повелением поощрять других к добру, но всем совокупно заповедует: *да разумеем друг друга в поощрении любви и добрых дел*. О, если бы хотя не все, хотя довольно многие, возревновали о сем деятельною ревностию, постоянно имели сие в намерении, не затруднялись мелочными препятствиями в немаловажном подвиге! – Доброе соединение добрых волей, без сомнения, много возрастит их силу, и в обилии привлечет благословение и силу Божию; и тогда добро решительно превозможет; любовь воцарится; благоденствие царства и Царя будет совершенно; царство земное будет предградием града небесного. И да будет! – Аминь.

ССХLIII.

162. Слово

в день памяти Преподобного Сергия.

(Напечатано в собраниях 1844 и 1848 гг.)

<1842 год>

*Поминайте наставники ваша, иже
глаголаша
вам слово Божие, ихже взирающе на
скончание
жительства, подражайте вере их.
Евр. XIII. 7.*

Вот заповедь Апостольская. Кажется, не забыта она у нас, и не оставлена без исполнения. Ибо что значит настоящий день, и настоящее собрание, как не то, что мы наставника нашего, Преподобного Сергия, *поминаем* памятию торжественною? Благоговейно *взираем на скончание жительства* его, когда празднуем дни, скончания его жительства, и его по скончании вновь явления между живущими, в его нетленных и чудодейственных останках.

Можем ли, к довершению сего, похвалиться и тем, что *подражаем вере* наставников наших, *иже глаголаша нам слово Божие*? О если бы! Но и Апостол не всем Христианам Апостольским приписывал сию похвалу. Высокое свидетельство дал он вере Христиан Филиппийских, когда написал им: *вам даровася, еже о Христе, не токмо еже в Него веровати, но и еже по Нем страдати* (Фил. I. 29). А когда писал к Христианам Евреям: тогда нашел нужным о том же предмете еще заповедывать и учить. *Подражайте, говорит, вере их.*

Признаем и мы, братия, что имеем, не столько права на похвалу веры нашей, сколько нужды в обучении подражать вере Святых.

Подражание есть одно из самых употребительных орудий для образования и направления жизни и деятельности, во всех видах. Это есть средство не менее действующее, как слово учения, иногда еще более, а иногда почти единственное. Подражание старше слова учения, и самое слово раскрывается и образуется посредством подражания. Может ли мать искусственно истолковать младенцу, какими движениями языка и уст, каким направлением дыхания должен он производить различные звуки, чтобы произносить слова? – Но дитя слышит слова, произносимыя матерью; и, раскрывающуюся жизнь побуждаясь к действию, однако не самоизобретаемому и самоуправляемому, к которому еще не способно, получает направление делать тоже, что мать, одним словом, подражает ей, между прочим, и в произношении словесных звуков, и после возобновляемых покушений и опытов, один более другого удачных, – дитя умеет говорить.

Такова сила подражания, всаженная в самой природе человека. С возрастом, ее ограничивают и подчиняют себе другия открывающиеся способности и возрастающая силы: свободная воля, учение, размышление, изобретательность. Но все еще значительно остается сила подражания, во-первых, потому, что ранее других раскрываясь, и объемля многие предметы, она поддерживается и привычкою, и необходимостью; во-вторых, потому, что к возвышенному учению, к умственному исследованию, к изобретению, не многие имеют достаточныя дарования, а подражать способен весь род человеческий; в-третьих, потому, что умственное исследование следит свой предмет в призрачной области воображения и памяти, в неокончательных чертах общих понятий, а подражание смотрит на предмет существующий в природе, в определенных и оконченных чертах действительности; и потому первое, переводя свои созерцания в действительность, не редко затрудняется и запутывается, а последнее легче и надежнее делает то, что видит уже сделанным.

Отсюда можно усматривать, как важно для жизни, чему, и как человек подражает. Если бы он решился не подражать ничему, а все изобретать сам, и делать по своему изобретению: то в какое бедственное состояние поставил бы он себя, и как трудно было бы ему оттуда выйти! На пример, скорее умер бы он от голода, нежели в безчисленном разнообразии царства растений открыл бы пшеницу или рожь, и устроил многосложное искусство возделывать ее, собрать, отделить, превратить в муку, и наконец в хлеб. Если с своею подражательностью попадает он на недостойные и ложные образцы: то естественно делается худым списком с худого подлинника, и нередко на долго. Кто в малолетстве по худому образцу образовал свою способность писать буквы: тот обыкновенно во всю жизнь худо пишет. Бывает и хорошему образцу худое подражание, когда подражание не внимательно, не разсудительно, не постоянно. Если же избираем себе образцы деятельности достойные по предмету, совершенные или хотя приближающиеся к совершенству по образу и степени действия; и если следим их внимательно, разсудительно, постоянно: то и мы на пути к совершенству, открытом и верном.

Но размышления о влиянии подражания на естественную жизнь и ее действия не суть ли посторонние для учения о подражании Святым в жизни духовной? – Разсуждайте. Если уста младенца не иначе, как подражанием образуются, чтобы нареци отца и мать: думаете ли вы, что гораздо легче, без образца, без подражания, как нибудь, научиться сердце ваше, не движением воздуха производить словесные звуки, но движением Духа Святого в вере, нарицать и призывать Господа Иисуса, взывать из глубины своей к Отцу небесному: *Авва Отче*? Если без помощи подражания вы затруднились бы приготовить и здравоносно употребить земный хлеб для поддержания телесной жизни: думаете ли, что без подобного пособия не трудно вам обрести и спасительно вкушать устами веры хлеб небесный, который дает новую жизнь душе, который, правда, сходит с небесе без нашего искусства и труда, но которого вкушение необычайно и неведомо земной природе, и который знающие не все вкушают в жизнь вечную, но некоторые в суд себе? Если только постоянным подражанием образцу научились вы писать мертвые буквы на тленной бумаге, думаете ли, что гораздо проще, без образца, без подражания, наудачу, напишете имя ваше в нетленной книге жизни, писменами живыми, то есть, делами живой веры?

Впрочем перестанем, если угодно, любопытствовать по нашим соображениям и догадкам. *Имамы известнейшее пророческое и Апостольское слово.* Что говорит оно? – *Бывайте подражатели Богу*, гласит оно устами Святого Павла. И само Ипостасное воплощенное Слово глаголет: *будите вы совершени, яко же Отец ваш небесный совершен есть.* А как может сие сделаться? – Без сомнения, посредством подражания.

Или безмерная высокоость сего образца, предлагаемого вам для подражания, приводит вас в недоумение и в безнадежность о успехе? – Напрасно. Подражание не требует равенства с первообразом. Вы можете снять с онаго только некоторыя черты для вас благопотребныя и доступныя, одну часть необъятной картины в уменьшенном размере: и при сем подражание может иметь свою пользу, достоинство и даже совершенство. Отец небесный *солнце Свое сияет на злыя и благия, и дождит на праведныя и на неправедныя* (Матф. V. 45). Вот первообраз представленный вам, дабы вы могли снять с него подобие для себя. Конечно, ты не можешь засветить другое солнце для того же или для другого мира: но ты можешь засветить свет спасительной истины в уме неведущаго, зажечь искру любви к добру в сердце жестоком, или иначе испорченном: и вот, ты подражатель Богу, не только Сияющему солнцем на видимый мир, но и просвещающему души светом духовным. Не дано тебе свести с неба дождь, и оросить поля праведных и неправедных: но ты можешь оросить слезою сострадательной любви изсохшее от скорби сердце невиннаго страдальца, или жегомое раскаянием сердце грешника: и вот, ты подражатель Богу, Который дождит на праведныя и на неправедныя. Ты не в силах, как Бог,

облагодетворить всех добрых и злых, праведных и не праведных: но хотя одному, которого ты знаешь недобрым для тебя, сделай возможное для тебя добро, с усердием², с самопожертвованием: и одно такое дело уже делает тебя подражателем Отцу небесному, Иже *солнце Свое сияет на злыя и благия, и дождит на праведныя и на неправедныя*.

Но, дабы высоту образца Божественного сделать очевиднее доступною для ревности подражания, посмотрите, что еще умышляет искусный и снисходительный наставник спасительного подражания, Святой Павел. Как-бы лестницу восхождения поставляет он для нас, говоря: *подобни мне бывайте, яко же аз Христу*. Теперь уже не на превыспреннее, невидимое, непостижимое небо зовет он вас искать образца для подражания, но низводит его для вас на землю, и показывает во Христе, истинном Боге, но купно истинном человеке, принявшем на Себя естество наше, даже немощи наша, кроме греха. Если и сие не воздвигает нашу низость к высоте: руководитель сходит ниже, и еще ближе полагает для нас в степень восхождения самого себя: *подобни мне бывайте*. Мне, говорит, подобострастному вам человеку, – мне, бывшему некогда хульнику и гонителю веры, – мне без труда можете подражать и грешники, *от нихже первый есмь аз*.

Если бы кто на сие возразил, что черты жизни Апостольской неудобоприменимы к состоянию его души, к обстоятельствам его жизни: разрешает Апостол и сие, когда заповеди подражания дает большее пространство: *поминайте наставники ваша, – подражайте вере их*. Во множестве благих примеров, подаваемых истинными наставниками, без сомнения, откроются достоподражательные черты, для меня, для тебя, для каждого, по особенному состоянию души, по особенным обстоятельствам жизни.

Заповедуя особенно *взирать на скончание жителства* наставников, Апостол, кажется, особенно имел в мыслях примеры мученической твердости в вере, так как имел особенную потребность указывать оные, для утверждения верующих в бедственные времена Церкви. Но если заповедь Апостольская должна обнять все времена Церкви, и потребности всех и каждого верующаго: то должна иметь и сие всеобщее значение: подражайте вере и жизни Святых. И подлинно, для чего и осиял Господь небо церковное толиким множеством прославленных Святых, подобно как небо стихийное множеством звезд, – для чего иначе, если не для того, чтобы каждый из нас удобно мог, по своей потребности, принимать от них свет и управление своего пути на небо?

Предлежит ли кому подвиг охранения Святыя Веры от неправославия? – Да ищет таковой себе образца и руководства в жизни и слове таких наставников, как Великие Афанасий и Василий, Григорий Богослов и Златоуст.

Избрал ли кто себе путь жизни уединенной и особенно посвященной Богу и молитве? – Да проходит мысленно, по книгам и преданиям, духовныя пустынножителства и общежителства, и да называет, хотя издалека, следы также Великих в своем роде подвижников, каковы Антоний, Макарий, Пахомий, Ефрем, и многие из века в век стопам их последовавшие, и столь еще близкий к нам, по благодати Божией, Сергей.

Поставляет ли кого Провидение Божие в испытание веры лишениями и бедствиями? – Да утверждает себя таковой примером Иова, который и в лишениях, и в страданиях не преставаля благословлять имя Господне.

Озабочен ли кто, как бы жить достойно веры в богатстве и обилии? – Да взирает на жизнь Авраама кроткаго, уступчиваго, благодетельнаго, избавителя бедствующих, страннoлюбца, страннoприявшаго Ангелов и Бога.

Если кто и глубоко низринулся в дела страстей и пороков: покажут и ему надежду и способ возникновения из пропасти спасшийся на кресте разбойник, подобный ему Моисей Мурин, Мария Египетская, и многие после гибели спасенные, после глубокого развращения святые.

Мне бы не кончить слова, если бы исчислять примеры Святых, разнообразно назидательные и спасительные. Старайтесь, братия, узнавать и замечать особенно те из них, которые ближе к состоянию вашей души, к обстоятельствам вашей жизни. Внимая им, вы получите сугубый плод: и удостоверительное познание спасительного для вас пути, и сильную помощь к прохождению его, молитвами Святых, к которым приблизитесь подражанием и вашею молитвою.

Братия! Подражательность так сродна человеку, что без нея не живет никто из нас. Разность в предметах и в ревности подражания. – Кто предписывает законы суеты, роскоши, своекорыстия, самочестия? – Никто. Как же усиливаются и распространяются суета, роскошь, своекорыстие, самочестие? – всего более посредством безразсудного подражания. Какую же силу должно иметь подражание, когда обращается на предметы законные и благословенные? –

Да помышляем, братия, что *добро ревновати в добром* (Гал. IV. 18); и что как возвышенный образец возвышает подражателя, так низкий унижает. И потому да отвращаем очи от суеты мира; да взираем внимательно на жизнь Святых: да подражаем их вере непорочной, твердой, живой, действующей в подвигах, в любви, в творении добра, да наследим и мы *достояние Святых в свете*, и с ними вечно славим Отца, и Сына и Святаго Духа. Аминь.

CCXLIV.

163. Слово

по освящении храма явления Божией Матери

Преподобному Сергию, устроенного над мощами

Преподобного Михея в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре.

(Говорено 27 сентября, напечатано отдельно и в собраниях 1844 и 1848 гг.)

<1842 год>

Благодатию всесвятаго и всеосвящающаго Духа совершилось ныне священное обновление сего храма, созданнаго прежде нас в честь и память явления Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы Преподобному и Богоносному Отцу нашему Сергию, чему очевидным свидетелем был и Преподобный Михей, во благоухании святыни здесь почивающий. Праведно было память сего благодатнаго события почтить освященным храмом, хотя впрочем и вся обитель сия есть памятник сего чуднаго посещения; потому что вся судьба ея в продолжении веков есть исполнение обетования небесной Посетительницы: *неотступна буду от места сего*.

Но если памятнику свойственно возвращать мысль ко временам и предметам, которые ознаменованы памятником: то, прости мне, великая Лавра Сергиева, мысль моя с особнным желанием устремляется в древнюю пустыню Сергиеву. Чту и в красующихся

ныне храмах твоих дела Святых, обители святыни, свидетелей праотческого и современного благочестия; люблю чин твоих Богослужений, и ныне с непосредственным благословением Преподобного Сергия совершаемых; с уважением взираю на твои столпостены, непоколебавшиеся и тогда, когда поколебалась-было Россия; знаю, что и Лавра Сергиева и пустыня Сергиева есть одна и та же, и тем же богата сокровищем, то есть, Божиею благодатию, которая обитала в Преподобном Сергии, в его пустыне, и еще обитает в нем и в Его мощах, в Его Лавре: но при всем том желал бы я узреть пустыню, которая обрела и стяжала сокровище, наследованное потом Лаврою. Кто покажет мне малый деревянный храм, на котором в первый раз наречено здесь имя Пресвятыя Троицы? Вошел бы я в него на всенощное бдение, когда в нем с треском и дымом горящая лучина светит чтению и пению, но сердца молящихся горят тише и яснее свечи, и пламень их достигает до неба, и Ангелы их восходят и нисходят в пламени их жертвы духовной. Отворите мне дверь тесной келлии, чтобы я мог вздохнуть ея воздухом, который трепетал от гласа молитв и воздыханий Преподобного Сергия, который орошен дождем слез его, в котором впечатлено столько глаголов духовных, пророчесственных, чудодейственных. Дайте мне облобызать праг ея сеней, который истерт ногами Святых, и чрез который однажды переступили стопы Царицы Небесная. Укажите мне еще другая сени другой келлии, которая в один день своими руками построил Преподобный Сергий, и в награду за труд дня, и за глад нескольких дней, получил укруп согнивающего хлеба. Посмотрел бы я, как, позже других насажденный в сей пустыне, Преподобный Никон спешно растет и созревает до готовности быть приемником Преподобного Сергия. Послушал бы молчания Исаакиева, которое без сомнения поучительнее моего слова. Взглянул бы на благоразумного Архимандрита Симона, который довольно рано понял, что полезнее быть послушником у Преподобного Сергия, нежели начальником в другом месте. Ведь это все здесь: только закрыто временем, или заключено в сих величественных зданиях, как высокой цены сокровище в великолепном ковчеге. Откройте мне ковчег; покажите сокровище; оно непохитимо и неистоимо; из него, без ущерба его, можно заимствовать благопотребное, например, безмолвие молитвы, простоту жизни, смирение мудрования.

Или это вам кажется только мечтанием воображения? – О, если бы мы достойны были, более очищенным оком ума созерцать сие в более существенных явлениях света духовного, а не в представлениях только собственного воображения! – Но, мне кажется, лучше хотя мечтать таким образом, нежели любомудрствовать противным сему образом.

Братия сей обители! вы пришли сюда, когда пустыня уже облечена некоторым образом в подобие града обительного: но не града же искать пришли вы сюда; следственно пришли вы искать пустыни. Если она несколько закрыта: тем внимательнее надлежит ее искать. Если шум житейской молвы не вдалеке слышен: тем нужнее заграждать от него слух. Если образы суетного мира движутся пред лицом пустыни: тем ревностнее должно нам преднаписывать себе пред очами образ чистаго пустынножительства, и постоянно на него взирая, и с ним сообразовать житие наше.

И для сего хочу я показать вам теперь, не человеческим художеством, но словом Божественным начертанный образ духовного любителя пустыни. Смотрите, как он сам себя изображает: *И рех: кто даст ми криле, яко голубине; и полещу, и почию. Се удалихся бегая, и водворихся в пустыни. Чаях Бога спасающаго мя от малодушия и от бури* (Псал. LIV. 7–9).

Правда, тот, кто говорил сие в псалме, был только временный пришелец пустыни по нужде, а не постоянный житель ея по обету: но сие не препятствует нам усматривать в словах его черты добраго пустынножителя; и даже тем более примечательна любовь его к

пустыне, и правильное изображение пустынножительства. Дух Божий, который носился над Давидом от дня помазания его Самуилом, вел его чрез разные состояния внешния так, и для того, чтобы в них показать нам поучительные образы духовных состояний.

И так первая черта духовного пустынножителя есть желание пустыни, или усердие к благочестивому, отшельническому и уединенному жительству. *Кто даст ми криле, яко голубине; и полещу, и почию!*

Желание есть семя или зародыш всякого свободного дела, когда ему должно начаться, и душа его, когда оно продолжается. Как от души зависит жизнь, сила, достоинство тела: так жизнь, сила, достоинство всякого дела зависит от желания. Если желание нечисто: дело недостойно. Если желание слабо: и дело не сильно достигнуть своего совершенства. Если духовного желания нет: дело есть мертвое. Дела, которые мы делаем без искреннего желания, не утешают нас самих, и не приносят удовольствия другим. Если так судят и чувствуют люди, которые дела только видят, а о желаниях только догадываются: что сказать о суде Бога всевидящего, испытующего сердца и утробы? – *Даст ти Господь по сердцу твоему*, а не по наружному твоему делу (Псал. XIX. 5).

Посему, кто желает пустынножительства, или монашествовать с утешением и пользою для себя, и со благоугождением Богу: тот должен как начать сие дело с искренним, духовным и Божественным желанием, так и продолжать с неослабным усердием. Надобно, чтобы еще в мире сказал он себе: *кто даст ми криле, яко голубине; и полещу, и почию?* И когда чистое и горящее желание действительно, как на крилах голубиных, принесло его в пустыню, или в обитель отшельничающих: он должен часто вновь возбуждать себя, расширять и приводить в движение сии крила, чтобы оне имели довольно легкости и крепости нести его далее – из пустыни на небо.

Другая черта доброго пустынножителя или отшельника есть решительное и совершенное удаление от мира. *Се удалихся бега.*

Если бы не было нужды удаляться от мира: то не для чего было бы и водворяться в пустыне, избирать отшельническое одиночество преимущественно пред обыкновенным образом жизни семейственным и гражданским. Не Бог ли, сотворивший пустыню, созидает и хранит грады, и самую пустыню не для того ли сотворил Он, чтобы населить ее? Не живут ли и в городах Его рабы и чада, которых пустыня едва ли достойна иметь, подобно как напротив того другие, которых *недостойн весь мир, в пустынях скитаются, и в горах, и в вертепах, и в пропастях земных* (Евр. XI. 38)? Не обитал ли сам Господь во граде, так же как и в пустыне, и не дал ли граду Иерусалиму Своего храма, подобно как пустыне дал Свою скинию? Не на всяком ли месте можно поставлять Ему обитель в душе, и поклоняться Ему духом и истиною? – *На всяком месте владычества Его: благослови душе моя Господа* (Псал. CII. 22).

Но что делать, если сие благословенное приглашение, всюду и всегда благословлять Господа, не успешно повторяю я к душе моей от того, что мир в тоже время, не переставая, оглашает и оглушает ее своими разнообразными гласами требований, прещений, прельщений, смущения, развлечения, нужд, забот, страстей, похотей, и она не находит довольно силы противоборствовать сему, или утомленная противоборством, жаждет приблизиться к Богу без препятствий со стороны тварей, служить Ему без развлечения? – В сем случае не остается иного, как расторгнуть всякия узы, привязывающие нас к миру, бежать из него, как Израильтяне из Египта, как Лот из Содомы, и учредить для себя в пустыне новое жительство добровольного изгнанничества,

в котором бы все внушало нам, что *не имамы zde пребывающего града, но грядущаго взыскуем* (Евр. XIII. 4).

Таким образом истинное отшельничество и пустынножительство есть также истинное и совершенное отречение и удаление от мира, по заповеди Апостола: *не любите мира, ни яже в мире* (1 Иоан. II. 15).

Кто приходит в пустынножительство или отшельническое братство, как переселенец, желающий перенести сюда выгоды и удобство прежнего жительства, или заменить их другими, а не как беглец, бросивший все, чтобы только избавиться от того, что было причиною бегства: тот не вполне отшельник, не в совершенстве пустынножитель.

Кто в пустынножестве ропщет на скудость в чем либо, и, пользуясь необходимым, требует излишнего, под благовидным именем утешения: тот еще не удалился от роскоши мира. Он подобен Израильтанам, которые в пустыне воздыхали о мясных котлах Египетских; и должен вспомнить, что были некоторые, которые спаслись из погибающего Египта, погибли в спасительной пустыне, в гробах похотения.

Кто в братстве отшельническом более желает поступать по своей воле, или даже повелевать, нежели покоряться: тот еще не удалился от гордости и честолюбия мира. Заботливо надлежит ему осмотреться, чтобы не приблизиться к сонму Корея, котораго конец показал, что чистая пустынная земля не хочет носить на себе властолюбивых и мятежных.

Кто в братстве отшельническом более радеет себе, нежели братству и обители, усвоит, что не благословлено, или более, нежели что благословлено; после обета нищеты думает богатиться для себя, а не для Бога, не для братства, не для нищих: тот не удалился от корыстолюбия мира. В какой образ образует он себя? Не в образ ли пророческаго ученика Гиезия, который, восхотев тайно и неблагословенно усвоить сребро Неемана, явно усвоил себе его проказу?

Кто, вышед из мира в отшельническое жительство, пристрастным оком озирается на оный под предлогом невинной любви к присным, друзьям, знакомым: тому не бесполезно взглянуть на жену Лотову, которая озрелась на оставленный ею Содом, и, как говорит Премудрый, *стоит столп слан, неверныя души память* (Прем. X. 7).

Третья черта благонадежнаго пустынножителя есть упование на Бога. *Чаях Бога спасающаго мя от малодушия и от бури.*

Образ духовнаго пустынничества был бы довольно страшен, если бы столь суровая черта его, какую представляется совершенное отречение от мира, не умягчалась и не покрывалась приятною и светлою чертою совершеннаго упования на Бога.

Не случается ли даже, что удалившиеся от мира с намерением избежать трудностей и опасностей для души, сверх ожидания встречают для нея новыя трудности, и самыя опасности в отшельническом и пустынном уединении или общежительстве? И не должно сему дивиться. Израильтяне в пустыне сколько перенесли трудностей, сколько видели опасностей! Едва ли не более, нежели в самом Египте. Сам Начальник нашего спасения, и совершеннейший для нас образ онаго, где испытал сильнейшую брань против врага душ, как не в пустыне? Где более перенес духовных страданий, как не в уединении вертограда Гефсиманскаго?

Но если так: то для чего же, скажут, и удаляться от мира в пустыню, от трудностей к трудностям, от опасностей к опасностям?—Ответствую: для того же, для чего Израильтяне вышли из Египта в пустыню: ибо в пустыне испытали они трудности и опасности, но очистились, научились и спаслись, вместо того, что в Египте погибли бы в мерзостях язычества; и если бы они не вышли в пустыню, то не пришли бы в землю, текущую медом и млеком. Для того же, говорю, для чего и Спаситель Духом Святым возведен был в пустыню, и для чего удалялся Он в уединение Гефсиманское: ибо в пустыне победил Он, непобежденного дотоле, врага душ наших, а в Гефсимании принес Он за преслушание человеков духовную жертву послушания воле Бога Отца Своего, и крепкую о нашем спасении молитву, в которой и *услышан от благоговеинства* (Евр. V. 7). Так и для нас, если и трудна и не безопасна пустыня: то все же полезно и спасительно бежать в нее от мира погибельного.

А дабы и трудности преодолеть, и опасности пройти невредимо, для сего не более требуется, как только не быть нетерпеливу, не унывать, не отчаяваться, но, каково бы ни было наше положение, непрестанно *чаять Бога спасающего нас от малодушия и от бури*. Если произвольным нашим непостоянством, или нетерпеливостью не прервем сего чаяния: *упование не посрамит* (Рим. V. 5), и помощь свыше придет непременно тогда, и в такой мере, как сие нужно для искренно желающих спасения, как прилично славе Спасителя.

Братия святые обители сия! если пустыня Сергиева, некогда безлюдная, дикая, бесплодная, безводная, скудная, беззащитная, беспомощная, населилась, возрасла, процвела, благословилась от тука земли и от росы небесная и пренебесная, открыла в себе источники вод и благодати, возмогла защищать иногда грады и помогать народу: что все сие значит? Не то ли, что поелику ея основатель, и его сподвижники, *чаяли Бога спасающего*: то чаяние их оправдалось, и еще оправдывается, даже свыше чаяния? Какое подкрепление и для нашего упования на Бога спасающего?

Внимайте себе и званию вашему, и ходите достойно столь благаго призрения Отца Небеснаго. Воскриляйте себя благочестивым желанием, дабы лететь во внутреннюю пустыню, — то есть, в духовную область *Царствия Божия*, которое *внутри вас есть* (Лук. XVII. 21). Отвращайте очи сердец ваших, еже не видети суеты мира, вами оставленного. Возбуждайте себя к неослабным подвигам для спасения душ ваших, упованием на Бога спасающего.

Мне же, который недолго беседую с пустынею и о пустыне, и потом долго пребываю в молве и попечениях града и дел человеческих, — *кто даст ми криле, яко голубине; и полещу, и почию!* Могу ли сказать себе, — или когда наконец возмогу сказать: *се удалихся бегая, и водворихся в пустыни!* Когда облегчуся от бремени чужих, чтобы обратить все попечение к облегчению собственного, *да не како, иным проповедуя, сам неключим буду* (1 Кор. IX. 27)? О, дающий, иному криле, яко голубине, дабы лететь и безвозвратно почить в пустыне, а иному глас *кокоши*, чтобы созывать Твоих *птенов* под Твои криле: собирай сам, и храни всех нас под крилами Твоея благодати, и, стогнами ли селений, тропинками ли пустыни, приведи наконец всех в тот вечно безопасный град, из которого не нужно будет убегать ни в какую пустыню. Аминь.

CCXLV.

164. Слово

по освящении храма св. Иоанна Богослова,

что в Бронной.

(Говорено октября 14, напечатано в собраниях 1844 и 1848 гг.)

<1842 год>

Или о Церкви Божией не радите? 1
Кор. XI. 22.

Это упрек, подумают, вероятно, братия храма сего, услышав сие Апостольское слово; это выражение негодования. Того ли теперь ожидать надлежало? То ли заслужили употребившие и тщание, и труд, и щедрость для возобновления и украшения храма сего, и усердно собравшиеся на торжественные молитвы освящения его?

Не опасайтесь, братия, чтобы Апостольская истина была когда либо жестока для любящих истину, чтобы отяготила творящих правду. Ея упрек нерадющему обращается в похвалу тщательному. Ея негодование на недостойного заключает в себе утешение достойному.

Если святой Апостол обличает нерадящих о Церкви Божией: то потому, что признает должным, и одобряет благочестивое попечение о Церкви Божией. И так исполнившим священный долг такового попечения не наше немощное, но твердое и верное слово Апостольское свидетельствует, что они действовали по правилу и образу первенствующих Христиан Церкви Апостольской, и что следственно есть для дела их Апостольское одобрение и для них Апостольское благословение.

Впрочем сего довольно для утешения, которое, как мед, умеренно и бережливо употреблять должно. За сим обратимся к слову Апостольскому для того, чтоб извлечь из онаго предосторожности против нерадения о Церкви Божией, без сомнения, никогда не излишняя. *Или о Церкви Божией не радите.*

Нерадение о Церкви Божией, или иначе, невнимательность и неуважение к ней, обличаемое Апостолом в Христианах Коринфских, к которым он писал приведенные нами слова, состояло в том, что богатые из них, принося в Церковь хлеб и вино для трапезы Господней, употребляли оные в Церкви на трапезе любви, без порядка, с излишеством, с пренебрежением бедных. Чтобы дать им почувствовать неприличность такого поведения, он обращает их внимание на высокое достоинство Церкви Божией, противопоставляя ее простым домам. *Еда, говорит, домов не имате, во еже ясти и пити? Или о Церкви Божией не радите?* Обличительный вопрос: *еда домов не имате?* очевидно предполагает, решительно принятое мнение, что храмина, в которой поставляется трапеза Господня, для общения Тела и Крови Господней, по сему не есть уже обыкновенный дом, но место священное, требующее особенного внимания и благоговения; и таким образом открывается, что и в Апостольския времена, так же как ныне, для совершения таинств были особенные святые храмы, или, как иначе называем, Церкви Божии, хотя впрочем тогдашняя власть и сила врагов христианства не позволяла устроить оных с таким благолепием, и с такими явственными знаками священного их назначения, как ныне. Дальнейшим сему подтверждением служит другой обличительный вопрос Апостола: *или о Церкви Божией не радите?* Ибо здесь наименование *Церкви Божией* прямо противопоставляется названию простых *домов*; и чувство негодования, которым Святой Павел вооружает свое слово против небрежущих о Церкви Божией, есть не иное что, как отразительно действующая сила глубокого уважения и благоговения к Церкви Божией, которым исполнена душа его. При сем не льзя оставить без замечания и того, что Апостол не употребляет доказательств, дабы внушить Коринфянам уважение к Церкви

Божией, но говорит о сей обязанности, как уже всем известной, и всеми признанной: *или о Церкви Божией не радите?* Как бы так говорил он им: «вам известно, что Церковь Божия, дом молитвы, святилище таинств, жилище Божие, храм, хотя рукотворенный, но такой, в котором созидаются нерукотворенные, живые храмы Божии, в котором, то есть, верующие просвещаются словом Божиим, и освящаются таинствами веры, так разнятся от простых домов, как небо от земли, как Божественное от человеческого; вам сие известно, и вам не нужно доказывать, что в Церкви Божией поступать должно благоговейно, как пред лицом Самого Бога: посему я удивляюсь, и не понимаю, как позволяете вы себе поступать в Церкви Божией, как будто в простом доме. Не ужели вы дошли до того, что потеряли должное внимание и уважение к Церкви Божией? *Или о Церкви Божией не радите?*»

При таком разумении Апостольского изречения, не трудно усмотреть каждому, что благоговейное почитание Церкви Божией, как собрания верующих, в коих обитает Дух Божий, как святилища таинств веры, есть верное предание Апостольское и общепринятый обычай первенствующих Христиан. Если некоторые Коринфяне в поступках своих показали нечто противное сему обычаю: то Апостол не далее, как в их же уме и сердце, в их собственном убеждении и внутреннем чувстве показал нам свидетельство действительности и важности сего постановления церковного.

Не думаю, братия, чтоб и мне нужно было далеко простирались мыслями для изыскания причин к убеждению вашему, что храм Божий требует от Христианина глубокого внимания и благоговейного почтения.

Если вы обыкновенно признаете, что дом господина требует почтения и уважения преимущественно пред домом раба, гостеприимная храмина дома преимущественно пред его преддверием, дом царский преимущественно пред домом подданного: то не можете не признать, и не трудно вам восчувствовать, что дом Царя царствующих и Господа господствующих, требует уважения благоговейного, благоговения трепетного.

Если училище детей строго требует молчания и внимания присутствующих: то какого безмолвия и внимания требует дом молитвы и учения Божественного?

Когда здесь, как некогда в храме Иерусалимском, на сем возвышении, как на горе Иудейской, как на корме корабля Петрова, Тойжде Господь Иисус, тоже слово жизни и спасения, изрекает и нам в Евангелии Своем; когда и здесь, как некогда в горнице Сионской, Тойжде Дух Господень дышет в слове Божиим и Божественных песнопениях: о, как самое безмолвное молчание, самое глубокое внимание, все еще мало пред страшным и вожденным величием слышаемого и действующаго! О, если бы человек весь соделался слухом, весь вниманием, чтобы весь был проникнут светом слова Божия, чтобы весь объят был животворящею силою Духа Божия! Когда на сей священной трапезе, как на трапезе тайной вечери Господней, зрится Тело Господне за нас ломимое, и Кровь Господня за нас изливаемая, и возобновляется то самое, что на Голгофе всю тварь привело в трепет, и землю потрясло и камни сокрушило, и на животворное око мира навело смертный мрак: тогда не наипаче ли свойственно нам, чтобы сердце наше сокрушалось умилением, чтобы устремленное в созерцание таинства, оно исчезало в общении страданий Христовых, чтобы сквозь все существо наше проходил трепет благоговения? Или человек может быть нечувствительнее безчувственной природы? Или не только возможно сие, но и действительно бывает с нашим, жестче камней окаменелым, сердцем?

Чем более возвышенно достоинство храма Божия, и того, что в нем совершается; чем более глубокого благоговения он от нас требует: тем более тяжким преступлением

почитать должно неблагоговение во храме, и тем более важною — всякую предосторожность против преступлений сего рода.

По видимому, мы можем похвалиться пред Коринфскими Христианами тем, что не дерзаем, как они, в церкви Божией ясти и пити, подобно как в простых домах. Безпорядок, пораженный Апостольским обличением, кажется, исчез. Но будем осторожны; осмотримся, не вкрались ли на место его другие, не меньшие, даже, может быть, большие беспорядки.

Не случается ли у нас в Церквах Божиих, что пришедшие на Богослужение, забыв о Боге, Которому предстоят, обращаются друг к другу, приветствуют, вступают в разговоры о мирских делах? Думают, что дело еще в порядке, когда говорят тихо; забываются иногда до того, что греховный шум празднословия сражается с святыми звуками церковного чтения и пения. Теперь Апостол говорит и нам: *еда домов не имате?* Не ужели у вас нет домов, для ваших свиданий, приветствий, разговоров и споров?

Не являются ль иногда в Церкви Божией люди, которых невнимательный вид, блуждающие взоры, небрежное употребление молитвенных знамений обнаруживают рассеянность мыслей и холодность сердца, которые без заботы поздно входят, преждевременно уходят, теснятся любопытствуя видеть, а не *стоят добре*, как повелевает чин церковный, не стоять *со страхом*, не избирают себе в образец мытаря, чтобы вдруг погрузиться и в смирение, и в безмолвие, и в молитву? Не новые ли это Коринфяне? И сим не говорит ли Апостол: *или о Церкви Божией не радите?* Не ужели вы думаете, что вместо благоговения, позволительно в Церкви любопытство, рассеянность, непостоянство, небрежность? — Менее иногда приметно человеческому оку, но тем не менее, или еще более, тяжко и бедственно достоинство храма Божия оскорбляется тем, что в него входят некоторые в нечистоте греховных страстей и дел незаконных, без сердечного раскаяния, без искренняго желания исправления. *Или о Церкви Божией не радите?* Как не подумают таковые, что внимлющий в церкви гласу молитвы Господь слышит и вопль грехов, который покаянием только может быть утишен, чтобы не заглушал молитвы? Как не страшатся они, когда живущий в Церкви Всевидящий видит их входящих в священный Чертог Сына Его, не облеченных в одеяние брачное, не облеченных верою в заслуги Христовы и житием в добродетели Христианския? Видит, — и кто знает, на долго ли еще отлагает приговор правосудия о извержении неключимых рабов во тьму кромешную.

Благодать Божия да сотворит, чтобы грозная притча сия не ознаменовалась печальною истиною ни на ком из нас, братия; благодати же Божией да не соделается препятствием наше произвольное нерадение — о удалении от зла и порока.

Да невознерадим, братия, о Церкви Божией, но да тщимся непрестанно украшать оную совершеннейшим и нетленным украшением, — духовным вниманием, благоговением, усердными молитвами, нелицемерным покаянием, верою и благим житием, да и сами будем *Церкви Бога жива, и Дух Божий живет в нас* ныне и во веки. Аминь.

CCXLVI.

165. Слово

в день собора св. Архистратига Михаила.

(Напечатано в собраниях 1844 и 1848 гг.)

<1842 год>

*Не вси ли суть служебнии дуси, в
служение посылаеми за хотящих
наследовати спасение? Евр. I. 14.*

В честь Собора безплотных небесных духов, собрался здесь ныне плотоносный, однако также духовный, Собор Церковный. Чудное, вере только возможное, сближение земного с небесным, видимого с невидимым. Ангели на небеси, а мы на земли: однако мы празднуем для них, как-бы имея их с собою. Они невидимы для нас; без сомнения, и мы не всегда видимы для них, как не везде сущих и не всевидящих: однако мы празднуем для них так, как-бы они были пред нашими очами, как-бы мы были пред их очами. Ибо странно и бесполезно было бы составлять для них праздник, обращать к ним слова хваления и молитвы, в том случае, если они сего не видят, не слышат и не знают. Итак настоящий праздник есть свидетель нам в том, что святая Церковь признает близкое общение наше, Христиане, с Ангелами. В каком же отношении находятся они к нам? В каком отношении мы к ним должны находиться?

Главное и общее изображение отношения Ангелов к человекам находим в сих словах Апостола Павла: *не вси ли суть служебнии дуси, в служение посылаеми за хотящих наследовати спасение?* Апостол преподает в сих словах три достопримечательных сведения: первое, что Ангелы суть *духи служебные*, хотя по роду служения и называются иногда *властями* и *господствиями*, а по благодати *сынами Божиими*, и следственно достоинства их отнюдь не должно смешивать с верховным достоинством Иисуса Христа, Сына Божия по естеству, единосущного и сопредельного Богу Отцу, истинного Бога и Господа Вседержителя; второе, что хотя Ангелы живут на небесах, однако *посылаются* Богом *в служение* и на землю: третье, что служение Ангелов особенным образом направляет Он в пользу тех из человеков, которых провидит, по вере и доброму, или покаянием исправляемому житию, способными *наследовать спасение* и вечное блаженство.

Если же хотим и несколько подробнее узнать, каким образом Ангелы совершают свое служение в пользу хотящих наследовать спасение: скажет нам Святой Иоанн Дамаскин, научась от Святых Дионисия Ареопагита и Григория Богослова, что Ангелы *хранят части земли, народам и местам предстательствуют, яко же на сие от Создателя учинены суть, сущая наша управляют, и помогают нам, обаче всячески по Божественному хотению и повелению, яко вышше нас сущи, и Богу присно предстояще* (Богосл. кн. 2. гл. 3).

В откровении Св. Иоанна видим Ангела, *имеющего область на огни* (XIV. 18), Ангела *водного* (XVI. 5), *четыре Ангелы стоящия на четырех углех земли, держащия четыре ветры земския* (VII. 1). Итак есть Ангелы, которым вверяется хранение и благоуправление некоторых частей и сил стихийного мира. И можно понять, как сие благопотребно. Ибо если долготерпением Божиим попускается и диаволу действовать на стихии, как попущено ему возбудить в воздухе огонь, чтобы сжечь овец и пастырей Иова, и воздвигнуть бурю, чтобы обрушить храмину, и побить детей его: то кольми паче прилично и благопотребно, чтобы благие Ангелы имели власть над стихиями, дабы направлять их действие к сохранению и благу человеков, а неистовыя усилия губителя отражать и уничтожать.

В видениях Пророка Даниила усматриваем небесного посланника, который извещает его о своем небесном (без сомнения молитвенном) подвиге за судьбу народа Еврейского, и

присовокупляет: *и се Михаил, един от старейшин первых, прииде помощи мне*, и далее: *и несть ни единого помогающего со мною о сих, но точию Михаил князь ваш* (X. 13. 21). Итак есть Ангелы хранители и небесные помощники народов и Царств.

Наконец, – что всего ближе должно быть к каждому из нас, – есть Ангелы хранители каждого человека, принадлежащего к царству благодати Божией. Сие можем уразуметь из слов Самого Иисуса Христа: *блюдите, да не презрите единого от малых сих: глаголю бо вам, яко Ангели их на небесех выну видят лице Отца Моего небесного* (Матф. XVIII. 10). Сила сего изречения состоит в том, что Господь, убеждая не пренебрегать детей, указывает на пример Ангелов, которые, хотя *выну видят лице Отца небесного* в славе небесной, однако не почитают для себя низким пещись о малых чадах человеческих, и называться *их* Ангелами. Если же таким образом для малых детей, которых духовныя силы и способности еще не довольно раскрыты к самостоятельности, и которые потому менее, нежели возрастные, подвержены искушениям, не излишним признано сие устроение, чтобы они имели своих Ангелов: то тем паче надлежит заключить, что не исключены из сего устроения и возрастные, более искушаемые, следственно имеющие более нужды в духовной помощи, и, при высшем раскрытии сил духовных, более способные к духовным общениям. Православная Церковь так сильно убеждена в потребности сего Ангельского служения для каждого из желающих наследовати спасение, что каждый день несколько раз просит нам от Бога *Ангела мирна, верна наставника, хранителя души и телес наших*.

Вникая в сию молитву Церкви, не только познаем, в каком отношении Ангелы находятся к нам (то есть, что они сокровенно, или открыто, наставляют нас, охраняют нашу душу, и наше тело), но частию научаемся и тому, в каком отношении мы к ним должны находиться.

Услышав от Апостола, что Ангелы суть *служебные духи, посылаемые в служение за желающих наследовати спасение*, ты, может быть, слишком обезпечил бы себя, и воздремал бы в надежде на сих готовых охранителей. Потому Церковь часто посылает служителя молитвы возбуждать тебя, чтобы ты просил от Бога спасительного тебе посланника: *Ангела-хранителя у Господа воспросим!*

Но какая нужда просить себе Ангела, скажешь, может быть, когда хранить человеков есть назначение всех Ангелов по непреложным судьбам Божиим? Какая нужда просить себе Ангела хранителя, когда он дается и младенцам, которые просить его себе даже и не умеют? – Вопросы несколько дерзновенные: поелику одного повеления Церкви должно быть довольно для того, чтобы мы приносили молитву сего рода с уверенностью в ея потребности и пользе. Но я не уклоняюсь от дерзновения в вопросе, чтобы найти назидание в ответе.

Итак отвечаю. Ангел есть слуга Божий, а не твой: итак смеешь ли ты желать, чтобы он приходил к тебе как раб, небрегомый в своем служении, а не как посланник, честно сдвигаемый и приемлемый? А как пойдешь на встречу приходящему с небес, если не восходя умом и сердцем к небу, посредством молитвы? *Аз приидох в словесех твоих*, говорит небесный посланник Даниилу Пророку (X. 12), – без сомнения, в словесех молитвы: молитвою своею Даниил проложил стезю, или поставил лестницу, по которой низшел к нему небесный посланник. Но если ты не пролагаешь такого пути Ангелу, если верный слуга Божий видит тебя обращающего к Господу своему хребет, а не лице: то берегись; правда и святость его потребует, чтобы он сильнее возревновал за славу Господа своего, нежели за тебя; и не удивительно, если он вознегодует, удалится от тебя, и отымет от тебя свое крыло, готовое покрывать тебя. Если сего не хочешь: то будь прилежен и

внимателен, и к молитве вообще, и в особенности к той, которою Церковь возбуждает тебя испрашивать от Бога помощь Ангела Хранителя.

Младенцам Ангел хранитель дается и не просящим, по их немощи. Думаешь ли, что подобным образом надобно посылать его и к тебе, не просящему по лености? Душа младенца, крещением очищенная, произвольными грехами не оскверненная, своею невинностию, простотою, незлобием представляет некоторую содружность естеству Ангельскому, и потому не только не поставляет преград приближению Ангела хранителя, но, может быть, и привлекает его. Мы, возрастные, сохранили ль душу нашу в сем Ангело-содружном состоянии? Не отражаем ли мы от себя чистоту Ангельскую нашею греховностию? Ибо как пчелы удаляются оттуда, где распространяется смрад: так Ангелы удаляются оттуда, где распространяется грех. Удивительно ли же, что нас так часто приглашают, как новой милости Божией просить себе Ангела хранителя, хотя мы получили его еще при купели крещения?

Из сказанного теперь не трудно догадаться, что еще, кроме молитвы, нужно с нашей стороны в отношении к святым Ангелам: – именно, старание достигать содружности с ними посредством очищения себя от греха и стремления к святости жизни.

Кое общение свету ко тме (2 Кор. VI. 14)? вопрошает Апостол, изрекая чрез сие закон духовных общений. Итак, кое общение Ангелу света с человеками тьмы греховной? Кое общение чистому духу с погрязающими добровольно в нечистотах плоти? Кое общение Ангелу доброму и святому с человеками, в которых добродетель подавляется страстями, которые святость почитают качеством, не для них назначенным?

Уготовляй себя к общению с Ангелами молитвою, и по крайней мере искренним желанием очищения и освящения сердца и жизни: и будь уверен, что Господь *Ангелом Своим заповест о тебе сохрани ти во всех путех твоих* (Псал. XC. 11), то есть, во всяких обстоятельствах жизни временной, а наипаче в пути спасения вечного. Аминь.

ССXLVII.

166. Слово

по освящении Богородице-Рождественского

храма, что в Столечниках.

(Говорено ноября 29-го; напечатано отдельно и в собраниях 1844 и 1848 гг.)

<1842 год>

*И воста Иаков от сна своего, и рече: яко
есть
Господь на месте сем, аз же не ведех. И
убояся,
и рече: яко страшно место сие, несть сие,
но дом
Божий, и сия врата небесная.
Быт. XXVIII. 16. 17.*

В сих словах Праотца Иакова, и в приключении, которое заставило его сказать оныя, представляется один из самых древних примеров того, каким образом благодатное ощущение присутствия Божия, испытанное благочестивым человеком на некотором известном месте, порождало мысль о святости того места и о Доме Божиим, или о храме Божиим. Да послужат нам оныя руководством к размышлению, полезному и благовременному по совершившемся ныне освящении храма сего.

Иаков был в пути, один со странническим жезлом своим; — и там, где оставило его заходящее солнце, и застигла ночь, он лег спать, вместо постели, на земле, вместо возглавия, на камне, вместо покрова, под высоким шатром неба. Не было там не только ничего похожего на дом Божий, но и никакого признака или принадлежности человеческого жилища.

Пробудился Иаков. Место все то же; ничто не переменялось; ничего не прибавилось: но уже он находит там новое и великое; находит — присутствие Божие. *Есть Господь на месте сем.* С удивлением, или с некоторою скорбью, признается он, что до сих пор не знал сего. *Аз же не ведех.* Высокая нечаянность поражает его. *И убоясь, и рече: яко страшно место сие.* Нет, восклицает он; это совсем не то, что вчера; *несть сие, но дом Божий, и сия врата небесная.*

И на сем месте, где мы стоим теперь, кто был вчера и смотрел только телесными глазами, тот видел только камень, дерево, металлы, краски, произведения земной природы, дела рук человеческих. Но теперь, кто пробужденным духом возстал, чтобы созерцать оком духовным, тот может и должен примечать, *яко есть Господь на месте сем;* должен знать и признавать, что сие есть *дом Божий, и сия врата небесная.*

Что ж за перемена там в очах Иакова? Что за перемена здесь в очах духовного человека?

На месте, где провел ночь Иаков, открылось ему присутствие Божие, в сновидении. Увидел он лестницу, которая утверждена была на земле, и возвышалась до небес; Ангелы Божии восходили по ней и нисходили, подобно как земные служители по лестнице ходят в высокий дом господина своего; на верхнем конце ея стоял Сам Господь, и благословил Иакова и потомство его. Когда Иаков проснулся: чудесная лестница еще стояла в его памяти и воображении над головою его. Когда он вновь возводил мысленный взор до верхней степени сея лестницы: ему представлялась там дверь невидимаго небеснаго дома, из которой исшел и явился Царь небесный благословить раба Своего на земли. Таким образом Иаков спал, и проснулся у крыльца Дома Божия. После сего, и ясно, и очень естественно его восклицание: *несть сие, но Дом Божий.*

А здесь? — Не видели ль, не слышали ль вы, как и здесь, хотя и несовершенствами плоти обложенные, однако же *помилованные* служители Божии быти, то восходя — в молитве, то нисходя — в видимом земном служении, уготовляли место сие Царю небесному, и возвещали Ему готовность: *готов престол Твой?* Как и здесь, ожидали Его присутствия, и призывали оно: *воскресни Господи в покой Твой?* Как и здесь, не однократно повелевали вратам *взяти князи своя*, то есть, открыться более и более в высоту, *да внидет* Всевышний *Царь славы, Господь силы*, с Своею невидимою славою, с сонмом небесных сил Своих? И что же наконец? Примечаете ли и вы здесь, что действительно пришел Царь славы, вошел Господь в покой Свой, сидит Бог на престоле святем Своем? Видите ли духом и здесь духовную лестницу, которая соединяет землю с небом, создание с Создателем, человека с Богом, которой нижняя степень лежит на земле, дабы на ней могли стоять земные человеки; — которой посредствующия степени могут держать вас в духе над землею выше и выше, возводить ближе и ближе к небесам, и взаимно низводить небесныя силы в

помощь вам; – на горнем месте которой стоит Сам Господь, и *речет мир на люди Своя, и на обращающия сердца к Нему!* Узнали ль вы здесь так верно, как верно знают то, что видят, – уведали ль вы присутствие Божие?

Иаков, когда узнал присутствие Божие на известном месте, тотчас ознаменовал сие ведение видимым твердым памятником, освятил его возлиянием елея, присвоил тому месту навсегда имя Дома Божия, и неоднократно потом приходил туда совершать служение Богу, по установлениям своего времени. *И воста Иаков заутра и взя камень, его же положи тамо в возглавие себе, и постави его в столп, и возлия елей верху его. И прозва Иаков имя месту тому Дом Божий.* И после путешествия в Месопотамию, возвратясь оттуда, *постави Иаков столп на месте, иде же глагола с ним Бог, столп каменный, и пожре на нем жертву.* Таким образом видимый освященный памятник, и нареченное на нем имя дома Божия, свидетельствовали, что Иаков обрел здесь невидимое, но действительное присутствие Божие. Должно ли по сему примеру заключить, что и наполняемый теперь нами Дом Божий то же самое свидетельствует о тех, которые некогда воздвигли оный и освятили, и о тех, которые взяв почти только камень древний, облекли его новым благолепием, и новым помазанием, и освящением в чин дома Божия возстановить споспешествовали? – *Да будет, Господи!*

Но – *яже глаголю, всем глаголю:* уведали ль вы действительно, *яко есть Господь на месте сем?* Или, как Иаков, получив ведение, с негодованием на себя признавался в своем прежнем неведении, так нам должно еще признаваться в нашем неведении настоящем: *аз же не ведех?*

В самом деле, должно признаться, что познание присутствия Божия на некотором определенном месте затрудняется не только неведением чувственного человека, который не умеет сквозь чувственное проникать в духовное, чрез земное восходить к небесному, но и другим познанием человека мыслящего, – познанием вездиприсутствия Божия. Как познать присутствие Божие на некотором месте, где Божество также невидимо, как и везде? Как познать присутствие Божие на месте определенном, когда никакое место не может заключить в себе Его присутствия, и никакое место исключить из себя онаго не может? Само слово Божие иногда представляет присутствие Божие столь удаленным, что никому не можно достигнуть онаго. *Царь царствующих и Господь господствующих, Един имеяй безсмертие, и во свете живый неприступен, Его же никто же видел есть от человек, ниже видети может* (1 Тим. VI. 15. 16). А иногда тоже слово Божие представляет присутствие Божие столь повсюду близким, что не можно быть вне онаго. *Камо пойду от Духа Твоего? И от лица Твоего камо бежу? Аще възиду на небо, Ты тамо еси; аще сниду во ад, тамо еси. Аще возму криле мои рано, и вселюся в последних моря: и тамо рука Твоя наставит мя, и удержит мя десница Твоя* (Псал. CXXXVIII. 7–10). Присовокупим еще некоторыя указания присутствия Божия в слове Божиим. Иногда указывает оно присутствие Божие на небесах небес, и как-бы совсем устраниает от земли. *Небо небесе Господеви: землю же даде сыновом человеческим* (Псал. CXXXIII. 24). Но иногда Сам Бог низводит присутствие Свое на землю, и полагает оное навсегда во храме Своем. *Будут очи Мои ту, и сердце Мое во вся дни* (3 Цар. IX. 3). Наконец и еще меньшую и теснейшую обитель присутствию Божию, паче, может быть, вероятия многих, созидает слово Божие во внутренности человека. *Вы бо есте Церкви Бога жива, яко же рече Бог: яко вселюся в них* (2 Кор. VI. 16).

И так, Бог – в неприступном свете, Бог – во всем мире; Бог – на небесах; Бог – во храме; Бог – в человеке: – как же столь разные образы познания согласить в одном, самом с собою сообразном, ведении единого присутствия Единого Бога?

Не трудно на сие ответствовать вообще, что как Бог во внутренних Своих свойствах, силах и действиях есть непостижим и безконечен; таков же Он есть и во внешних Своих откровениях и явлениях: и потому нимало не странно, а весьма естественно, что откровения единого присутствия Его непостижимо различны, и явления Его безконечно разнообразны, потому и не могут быть обняты одним каким-либо частным образом познания, но во всех возможных образах познания одно необъятное Боговедение таинственно проявляют, и проявляя, оставляют таинственным.

Но дабы неведущий не имел причины жаловаться, что ему неизвестное объясняют тем, что совсем неведомо: испытаем, если можно, приблизить необъятное Боговедение к ограниченному познанию человеческому.

Слово Божие, явление Божества в мире, именно, Сына Божия, Которому особенно принадлежит *исповедывать* (Иоан. I. 18), то есть, открывать, являть невидимое Божество, – изображает подобием благотворно возсияющего солнца: *возсияет вам*, глаголет Бог у Пророка, *боящимся имене Моего, солнце правды, и исцеление в крилах его* (Мал. IV. 2). Подобно сему и в молитвах совершившагося ныне тайнодействия Бог прославляется, как *солнце истинного дня*. Воспользуемся сим естественным подобием для некоторого созерцания истины сверхъестественной.

Вы говорите: солнце на небе. Сие очевидно всякому. Но рассматривайте далее: что есть присутствие солнца? Присутствие вещи есть ея непосредственное отношение к другим, ея действие на другие вещи. Посему есть присутствие солнца повсюду, где оно действует своею силою света, теплоты, движения. И подлинно, когда ты, стоя на земли, видишь на небе светлый круг солнечный: тогда ты не можешь сказать, что солнце отсутствует; тогда и на земли есть для тебя присутствие солнца. Но и тогда, когда облака закрывают от тебя образ солнца, происходящий от него дневный свет не есть ли также действительное, хотя не столь явственное, присутствие солнца, которым и отличается день от ночи? И еще, когда таже солнечная сила, которая действует на всю подсолнечную вообще, особенным образом действует и оказывает свое действие в некоторой особенной вещи, например, во внутренности плода производит нежность, способность к питанию, вкус, зрелость: не есть ли и сие присутствие солнца в силе и действии?

Дерзнем теперь, поколику возможно, возвести сие подобие к тому, что выше всякого подобия.

Как есть первоначальное и существенное присутствие солнца на небе, в светоносном круге онаго: так есть первоначальное и существенное присутствие Божества на небесах небес, в неприступном свете, в Его средоточной и всеобъемлющей вечности, для которой средоточие – везде, а окружия нет.

Как солнце, не оставляя места своего на небе, деятельно присутствует во всей подсолнечной, поколику всюду светит, греет, движет: так Бог, живя в неприступном свете на небесах небес, тем не менее истинно и действительно присутствует во всем мире, и невидимом и видимом, поелику *носит всяческая глаголом силы Своея* (Евр. I. 3).

Как для находящихся на земли есть особенное присутствие солнца, когда они, сквозь чистый воздух, видят светоносный круг его, и примечают, как оно восходит, идет и заходит: так для очищенных от мглы плотския душ есть особенное присутствие Божие, которое является им в чудных образах Божественного света, пред очами духа их открывающихся, преходящих и паки сокрывающихся. Так Исаия *видел Господа, сидяща на престоле высоте и превознесенне* (Иса. VI. 1); так Иезекииль видел, над четырьмя

животными, и над огненными, одушевленными колесами, *на подобии престола подобие яко вид человек* (Иезек. I. 26); так Иаков видел Господа на высоте лестницы в двери небес, и многие Святые многообразно.

Впрочем, как и те, от которых образ солнца закрывается туманом или облаком, по обыкновенному дневному свету, и по другим действиям солнца, познают его присутствие: так и те души, от которых или нижняя мгла собственной плоти заграждает, или высшее облако неисповедимых судеб Божиих закрывает чрезвычайный свет чудесных откровений и явлений Божественных, могут однако же иметь довольно ясное познание и живое ощущение присутствия Божия, по некоторому, не столь определенному, не столь поразительному, но для ока неослепленного, действительному и ничем непомяченному свету Божества, непрестанно светящему в происхождении, возрастании, совершении, сохранении, управлении, возобновлении тварей, особенно в дивном для внимательных наблюдателей провидении о человеке.

Далее, как есть некоторое внутреннее присутствие солнца в земном плоде, в который оно входит своею силою, и сообщает ему нежность, питательность, вкус, зрелость: подобным сему образом, – испытавший знает, а не испытавший для поощрения себя к опыту, может предварительно догадываться, что есть внутреннее присутствие Божие в человеке, которого, по его свободному желанию, по его вере и любви, по молитве и преданности, Бог посещает Своею благодатною силою в сердце, внутренне умягчает, питает, услаждает, и действием духовного света и теплоты, – истины и любви, постепенно приводит к духовной зрелости, или совершенству.

Можно бы продолжать разносторонние применения взятого нами уподобления: но лучше не простирается далеко на сем пути. Не все можно и должно изъяснять: многому должно только верить, потому что и можно только верить. Видимые создания Божии, по слову Самого Создателя, представляют только *задняя* Его: лица же Его показать не могут. Свет сотворенных вещей есть не более, как тень Света несотворенного; а тень конечно не может быть так ясна, как свет. Имеют и твари свои таинства, которых действия не может не признать естествознание, встречаясь с оным в опыте, но которых истолковать оно не умеет. Можно ли же быть не довольну, если непостижимый Бог предлагает нам таинства, для которых пытливый разум тщетно изощряет свою проницательность? Не сего ли надлежало и ожидать от Непостижимаго Бога? – Если я укажу вам на зрелый гроздь, и скажу, что в нем есть благословение солнца: вы должны мне поверить, потому что даже и по знамениям наружности можете приметить его зрелость, и можете в ней удостовериться вкушением, и при том знаете, что без солнца виноград не созреет: но тщетно стали бы вы требовать от меня изъяснения, или усиливались бы изъяснить сами себе, как солнце входит в ягоду, и малые частицы земли, воды, воздуха, претворяет в кровь гроздову. Не испытайте же таин Солнца духов, не требуйте отчета в действиях благодати Отца светов. Когда Евангелие и Церковь вводят вас в освященный храм, как в Дом Божий, приближают вас к его престолу, яко к престолу благодати, указывают вам на воду крещения или кропления, и скажут, что есть над нею осенение Духа Божия; указывают на миро помазания, и образуют им печать дара Духа Святаго; указывают на тайнодействованные виды хлеба и вина, и возглашают: сие есть истинное Тело Господне, сия есть истинная Кровь Господня: веруйте не испытая, приобщайтесь веруемому с любовию и преданностию; и вы обрящете в видимом невидимое, в чувственном духовное, в знамениях и видах истину и силу, в естественном свышестественное, приблизитесь к Божественному даже до *причастия*, как говорит Апостол, *Божественного естества* (2 Петр. I. 4); *вкусите и увидите*, только не оком тела, *яко благ Господь*, получите участие в *блаженстве невидевших и веровавших*.

Таковыми различными, но между собою согласными, и единое спасительное и блаженное ведение составляющими образами познания, если не всеми, то некоторыми, уведали ль мы, братия, присутствие Божие, не словесно и мысленно только, но действительно и опытно?

Кто истинно познал присутствие Божие во всем мире: тот над всем, происходящим в мире видит всемогущую, благую и праведную руку Божию: и потому на все, особенно важнейшия происшествия мира взирает с благоговейным вниманием; всякое благополучие в мире приемлет, как дар Божий, с благодарением; всякое бедствие в мире, как действие суда Божия, с покорностью, с терпением и упованием. Но если мы вообще к делам Божиим невнимательны, к благодеяниям Божиим неблагодарны, судам Божиим непокоривы; то не познали мы вседетельнаго присутствия Божия; *несть Бога пред очима нашими*.

Кто действительно познал присутствие Божие в человеке, и внутренно принял силу несозданнаго Солнца; в том непрестанно возрастает и созревает *плод духовный, любви, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание* (Гал. V. 22). Напротив того, если мы еще любим и делаем грубые дела плоти, темныя дела диавола, дела невоздержания, корыстолюбия, гордости, жестокости, ненависти: то не познали еще мы благодатнаго присутствия Божия; не вкусили еще силы грядущаго века; чуждо еще для нас реченное от Господа: *царствие Божие внутри вас есть* (Лук. XVII. 21).

Кто живо познал и ощутил невидимое присутствие Божие в видимом храме и его священных знамениях и таинствах: тот со Псалмопевцем *веселится о рекиих ему: в дом Господень пойдем* (Псал. CXXI. I); тот, согласно с чувствованием другаго церковнаго Песнопевца, *стоя в храме славы Божией, на небеси стояти мнит*. Но если мы неохотно идем во храм, или даже удаляемся от него: то должно заключить одно из двух, или что мы совсем не знаем, *яко есть Господь на месте сем*, или что мы рабы неверные, бегающие от дома Господа своего. Если мы стоим во храме неблагоговейно и без внимания; то видно не разумеем мы, *яко страшно место сие*: а оно, если страшно и для благоговейных, как подобное сему страшно было для Иакова; то колико должно быть страшнее для виновных в безстрашии! Если мы стоим здесь с помыслами не о Божественном, а о человеческом, и занимаемся друг другом, как будто в доме человеческом: то не явно ли, что мы забываем достоинство *Дома Божия*, и оскорбляем владычество Живущаго в нем?

Взыщите Господа, и утвердитесь; взыщите лица Его выну (Пс. CIV. 4), дабы Он исполнил вас радостию с лицем Своим.

Ищите присутствия Божия в мире – здравым и безстрастным разсуждением о делах Божиих; в сердце – верою, молитвою, чистотою, смирением; во храме – благоговением к святыне и таинствам, и глубоким вниманием Слову Божию.

Господи сил, с нами буди! Буди Господи, на месте сем; и мы неведущие да познаем Твое присутствие святое и освящающее. Аминь.

CCXLVIII.

167. Речь

к преосвященному Иосифу, Епископу Дмитровскому,

**по рукоположении его, в кафедральной
церкви Святителя Алексия.**

(Говорена декабря 27; напечатана отдельно и в собраниях 1844 и 1848 гг.)

<1842 год>

Священным призванием и совершившимся ныне освящением приобщенный к собору сосвященноначальствующих и наставляющих в Церкви, по Ея же уставу, ты стоишь на краткое время здесь еще, как священноначальствуемый и церковнонаставляемый. Без сомнения, и ты не желал бы утратить сии минуты, и я призван споспешествовать, чтобы оне для тебя не были утрачены.

И без меня разумеешь, что совершилось ныне над тобою: но, по Апостольскому слову и примеру, и знаемое напомнить, *мне убо неленостно*, тебе же *твердо* (Фил. III. 1).

Исповедал ты ныне *доброе исповедание, пред многими свидетелями*. Исповедал святыя догматы Веры, священныя правила Церкви, обязанности новаго твоего служения, Бога Помощника служению верному, Бога Отмстителя служению неверному. Сим ты утешил и облагоднадежил о себе Церковь, оправдал твое избрание, поставил себе две крепкия опоры: надежду на Бога Помощника в подкрепление подвигов служения вернаго и ревностнаго, страх Бога Отмстителя противу колеблемости служения небрежнаго, или невернаго.

Среди высокой Трисвятой песни прияли мы тебя во Святителище, и, так сказать, во среду торжественнаго славословия Пресвятыя Троицы погрузили тайнодействие освящения твоего. Сим назнаменовано как то, что от славы Пресвятыя Троицы таинственно возсиявает свет благодати Святительския, так и то, что преимущественное назначение низпослания сея благодати есть служение таинству и славе Пресвятыя Троицы.

Преклонил ты среди нас колена пред Престолом невидимо присутствующаго Великаго Архиерея, прошедшаго небеса, пред Которым преклоняется всякое колено небесных, земных и преисподних. Поминай сие, когда будешь стоять на возвышенном месте, и представлять высокий образ Его для Церкви: – поминай, что можешь быть возвышен в Церкви Христовой потолику, поколику еси коленопреклонный раб Христов.

Словеса Святаго Евангелия приосенили твою главу. Да владычествует в тебе над всякою мыслию Слово Христово, над всяким мудрованием человеческим – Божия премудрость. Сила Слова Христова преподана тебе, как *духовное оружие сильное Богом, на разорение твердем, да помышления низлагаешь, и всяко возношение взимающееся на разум Божий, и да пленяешь всяк разум в послушание Христово* (2 Кор. X. 4. 5).

Что скажу о тайнодействии молитв и рукоположения сопастырей? Чин ли только это Церковный? Человеческое ли только служение? – Словом человеческим создать Строителя таин Божиих? Руками человеческими соделать дело Божие? Кто возмечтал бы сие? Кто на сие отверз бы несмысленно уста? Кто простер бы дерзновенно руку? Благословен Бог, дивный во Святых! *Дух Святый постави Епископы* вначале: Он поставляет их и до скончания века. Он дышал на Апостолов силою Своею в подобии дыхания бурнаго: и еще дышет в движении таинственных словес на тайнодействующаго и тайнодействуемаго. Он почил на Апостолах в огненных языках, и на учениках Апостольских – в рукоположении Апостольском: Он почивает и ныне на избираемых Им и освящаемых в таинственном рукоположении от освященных прежде приемством того же

Духовнаго рукоположения. Так веруешь ты купно с нами: и потому, когда и ты вознесешь тайнодейственный глагол, когда и ты прострешь тайнодействующую руку; всею силою веры и божественнаго желанія предавай себя в смиренное орудіе Духу Божию: и будешь низводить благодать, и будешь размножать живыя порождения Духа Божія и сосуды благодати.

Облачен ты в Святительскія одежды и знаменія. Да, это все знаменія того, как должен ты со дня на день благолепнее и совершеннее облачаться в свойства и добродетели Верховнаго Святителя исповѣданія нашего, Иисуса Христа, в Его премудрость, в Его ревность по славе Божіей, в Его чистоту, в Его смиреніе, в Его человеколюбіе, как подобает тебе и образ Божественной любви Его, и крест Его терпенія существеннее носить в сердце, нежели на сердце.

После прочих, прими и знаменіе твоего более внешняго деланія, – пастырскій жезл. Да напоминает он тебе и жезл Ааронов, прозябшій с цветом и плодом, и жезл Моисеев, пресекшій море. И твоего начальствованія жезл да цветет и благоухает словом истины и благочестія, да израждает плоды делъ благих, и да пресекает препоны, дабы открывать людям Божиимъ путь спасенія.

Внимай себѣ и стаду: и Господь да пасетъ тебя и пасомыхъ на месте злачне, на водѣ покойне да питаетъ нас!

Наипаче молим, Боголюбезный Брат, творити молитвы о Благочестивѣйшемъ Самодержцѣ нашемъ Николаѣ Павловичѣ, благотворномъ Защитникѣ Святыя Церкви и Покровителѣ служащихъ Ей, и о всемъ Августейшемъ Домѣ Его, о мирѣ и благосостояніи Святыхъ Божиихъ Церквей и благоденствіи Православной Россіи, наконецъ и о техъ, которые, по волѣ Божіей, послужили твоему избранію и освященію.

CCXLIX.

168. Беседа

о благодарности к Богу.

(Напечатана в Хр. Чт. 1842 г. и в собраниях 1844 и 1848 гг.)

<1842 год>

*Молим, не вотице благодать Божию
пріяти вам (2 Кор. VI. 1).*

Апостол Павел, указавъ Коринфскимъ ученикамъ своимъ на величайшее изъ благодеяній Божиихъ человеческому роду – на избавленіе отъ области грѣха чрезъ нисхожденіе въ оную Единороднаго Сына Божія, дабы злоторную и смертоносную силу грѣха разрушить всепроницающею и всепобеждающею животворною и благотворною силою Божіею: *неведѣшаго бо грѣха по насъ грѣхъ*, то есть, жертву за грѣхъ, *сотвори* Богъ Отецъ, *да мы будемъ правда Божія о Немъ*; – указавъ, говорю, на сие величайшее изъ благодеяній Божиихъ, святой Апостолъ тотчасъ присовокупляетъ увещаніе, которому, по любви къ увещаваемымъ и по сильному желанію, чтобы оное было принято, даетъ видъ просьбы: *молимъ, не вотице благодать Божию пріяти вамъ.*

Указанной Апостолом благодати Божией не все ли мы участники, братия – Христиане? Посему долг имеем и мы повторить вам слово Апостольское: *молим, не вотице благодать Божию прияти вам*. Просим вас, чтобы благодеяния, которые получили и получаете вы от Бога, получаемы были не напрасно. Окажите себя верными Его благодати, достойными Его благодеяний. Изъяснимся о сем несколько подробнее.

Человек живет непрерывными благодеяниями Божиими: он весь составлен из даров и благодеяний Божиих; он погружен в благодеяниях Божиих, как в бездне.

Бытие и жизнь человека, в своем начале, есть свободное даяние Творца, – дар, которого никто не мог у Него вынудить, никто не имел права истребовать; следственно и продолжение бытия и жизни есть непрерывное продолжение того же даяния Божия. Жизнь временная есть ежеминутное благодеяние Божие. Безсмертие человека есть безсмертное, безконечное благодеяние Божие.

Разберем состав наш. Душа, основание жизни, есть дыхание Бога Творца. Тело, жилище и орудие души – дело рук Божиих. Ум, без которого не существовали бы для тебя ни истина, ни мудрость, сердце, без которого не было бы для тебя ни блага, ни блаженства, чувства, без которых вселенная, тебя окружающая, была бы для тебя закрыта и недоступна, – все сие не так же ли Божие дело, Божии дары тебе – ничтожеству? Точно, ты весь составлен из даров и благодеяний Божиих.

Осмотримся во вселенной. Кто положил под нами землю, которая нас держит над бездною, дает нам жилище, одежду, пищу? Кто пролил на земле воду, которая нас поит и омывает? Кто засветил в небесах светила, которые дают нам возможность видеть вселенную с ее чудесами, которые из мертвой земли вызывают для нас жизнь, красоту, благоухание, сладость, пищу, лекарство, и которые нашу собственную земную жизнь питают тонкою, но не менее земной существенною пищею? Чей это воздух, которым мы дышем? Кто учредил нам день, который возбуждает нас к деятельности, и ночь, которая благоприятствует нашему покою? Кто дал злаку благодетельный для нас закон, – сверх немногочисленных семян, нужного для продолжения рода, производить преизбыточествующее множество, на хлеб нам? Кто заповедал древу, сверх нужного ему семенного зерна, приносить плод, нам, а не ему надобный? Кто велел гордому коню смиряться под нашею тяжестью, и смиренной овце, даже малому червю – пряхсть из своего тела нашу одежду? Кто, на случай скупости солнца, приготовил нам сокровища света и огня в кремне и стали, в дереве и масле? Не все ли сие и прочее неисчислимое – Божие устройство, Божия собственность, и, когда предоставлено в пользу нашу, Божие нам благодеяние? Точно, мы погружены в благодеяниях Божиих, как в бездне.

Может быть, невнимательный к благодеяниям Божиим скажет: я пользуюсь тем, что в моей и в окружающей меня природе, посредством собственных моих усилий, либо при содействии других людей, обработал, изыскал, произвел, приобрел. Таковому отвечаем с Апостолом: *ни насаждаяй есть что, ни напаяй, но возвращаяй Бог* (1 Кор. III. 7). Сие обличение ничтожности человеческих действий, в сравнении с благотворным содействием Божиим, столькоже справедливо буквально, в отношении к обработыванию видимой природы, сколько иносказательно – в отношении к образованию духовного естества в человеке. Ты провел грубую борозду, или вырыл яму, бросил зерно или посадил корень и, может быть, еще брызнул водою, если это в небольшом саду. Какая ограниченная, мертвая, ничтожная работа! Но что делает между тем небесный Земледелец? В зерне или корне Он уже приготовил неприметно, и тем более удивительно, все будущее растение и весь плод, которого ты алчешь; в земле, в которую ты бросаешь семя, как в могилу, Он также приготовил для него матернюю утробу; далее Он повелевает солнцу своему, сквозь

темные и холодные глыбы, пробиваться светом и теплотою, и извлекать из погребенного семени росток, из ростка стебель, из стебля цвет и плод; для споспешествования сему Он опять посылает поочередно теплоту и холод, влажность и сухость, дожди и росы, ветры и тишину; и конечно не насаждающий и напоющий человек, но возвращающий Бог, из одних и тех же – земли, воды, воздуха, света, производит в пшеничном колосе хлеб, а в виноградной ягоде – вино. Мы замечаем наши ничтожные дела потому самому, что они ограничены и малы, потому что начинаем их и оканчиваем, усиливаемся для них и устаем от них; и напротив не замечаем иногда благодеяний Божиих по тому самому, что они велики, потому что готовы без усилий, повсеместны, всегданы. Надобно иногда временное и местное отъятие благотворной руки Божией, чтобы люди справедливее оценили благодеяние Божие, которым долго без внимания пользовались. Голод изъясняет Божие благодеяние хлеба, тлетворное поветрие – благодеяние воздуха, засуха – благодеяние дождя, безветрие – благодеяние солнца, которое не дорого потому, что всеблагий Бог каждый день сияет им на злые и благие.

При рассмотрении человеческих обществ, мысль о благодеющей руке Божией застенется не редко мыслю о свободной воле человеческой. Но Бог, благодетельный Творец мира и человека, может ли не быть также благодетельным Творцем общества человеческого? Ибо независимое от Него и неуправляемое Им общество человеческое препятствовало бы Ему исполнять благодетельные намерения о мире и человеке, ограничивало бы Бога, что противоречит коренному понятию о Божестве.

Никто, признающий Бога Творца и Промыслителя, не станет спорить, что общество пчел или муравьев есть устройство Божие в природе, потому что никакие избранные члены улья не составляли для него постановления общественного, и никакой философ муравейника не вымышлял басни общественного договора. Чтож? Общество человек менее ли достойно быть устройством премудраго Бога и всегданным предметом Его благодетельного управления? Существует над людьми человеческое правление, – и сие нимало не противоречит тому, что каждый из них имеет, по естеству, свободную волю; равным образом существование сей свободы нимало не противоречит существованию верховного правления Божия и над родом человеческим, и над семейством, и над государством. Сие правление Божие не бездейственно от того, что невидимо, и средствами достигать своих целей оно, без сомнения, богаче всякого правления человеческого. Как же скоро верим, что мы и в общественном, также как в естественном состоянии находимся под всеблагим и премудрым управлением Божиим: то все доброе и благотворное в общежитии – добрые родители, благоразумные воспитатели, просвещенные наставники, правдивые судии, попечительные начальники, а наипаче мудрый и благодетельный Государь и его благословенные успехи в благих для государства намерениях, победа над врагом, уничтожение крамол, достижение, сохранение, утверждение мира, возвышение или ограждение общественного внутреннего благоустройства, – все сие умножает никогда нескончаемый счет даров и благодеяний Царя царствующих, Господа господствующих, Отца, *из Негоже всяко отечество на небесах и на земли именуется. Милости Твоя, Господи, во век воспою* (Еф. III. 15. Псал. LXXXVIII. 2), вызывает Псалмопевец, и воспевает завет Божий Давиду, как Царю и родоначальнику, благотворный для царства и народа, и молит о возобновлении сих *древних милостей* Господних. Если кто думает при сем, что это было у Иудеев; то я говорю с Апостолом: *или Иудеев Бог токмо, а не и языков? ей, и языков* (Рим. III. 29). Не ужели Бог есть Бог царственно благодетельный только для Иудеев? право, и для Христиан; право, и для Россиян.

Сколь впрочем ни многи и велики благодеяния Божии человеку в жизни естественной и гражданской, но преимущественно велики, важны, неисчислимы, неописанны благодеяния Божии, относящиеся к жизни человека духовной и вечной. Первые два рода

благодетель можно почтить только предуготовительными и споспешествовательными для последнего. Там даруется ничтожеству бытие и бытию благоустройство; здесь подается грешнику непорочность, осужденному – прощение, духовно-умершему – жизнь, погибшему – спасение и блаженство. Там сотворенное уготавливается и употребляется в пользу сотворенного; здесь Творец Сам приходит на помощь твари, служит ей, предает ей Самого Себя; Сын Божий не пощаждается, но за нас всех предается; плоть и кровь Богочеловека предлагается, как пища и питье, как врачевство, как источник жизни: сердце Божие отвергается; любви Божия изливается в сердца наши; Дух Святой подается; обители многи на небесах земнородным отвергаются, и в сердце человека обитель Божия сотворяется. Кто понимает, что душа человеческая может истинно жить только Богом, подобно как тело живет душою, но что Бог не может жить в душе нечистой; кто имеет довольно самопознания, чтобы примечать, как несчастно и как почти неизбежно обман змия и прельщение Евы повторяются в нас гордостью разума и похотию плоти; как всякое несправедливое дело, даже всякое нечистое желание и лукавый помысел изгоняют душу из рая мирной совести; как, наконец, недостаточны одне собственные усилия, чтобы возникнуть из ада совести раздраженной: тот может несколько понимать, как велико благодеяние благодатного искупления, очищения и прощения, как дивно также благодеяние сохранения человека в состоянии благодатном. Что же касается до высших даров благодати: просвещения, освящения, соединения с Богом, о сем и познавший прочия благодеяния Божии так мало может сказать, как видевший только мелкую милостыню, подаваемую нищим на крыльце, не может сказать о том, какие щедрые, драгоценные, сладкие дары во внутренности чертогов раздает Царь своим приближенным, домовладыка – друзьям своим, исполненный любви отец – своим присным чадам.

Останавливаюсь в изложении благодеяний Божиих не потому, чтобы уже довольно сказал, но потому, что никогда не лъзя сказать довольно. Останавливаюсь и слушаю, что мне ответствует ваша совесть, что говорит ваше сердце?

Есть ли какое особенное отношение человека к Богу Благодетелю? Требуется ли какое соответствие благодеяниям Его. Или совсем никакого нет и не нужно? Не думаю, чтобы кто решился сказать сие последнее. И если бы нашелся таковой: то я усомнился бы, сердце ли у него в груди, а не твердый ли и холодный камень, либо какая-нибудь губа, жадно пьющая чужую влагу, без жажды, без вкуса и без насыщения; и разум ли у него в голове, или нечто худшее скотского инстинкта, потому что *позна вол стяжавшаго его, и осел ясли господина своего* (Иса. I. 3); безсловесныя познают человека по благодеяниям, и оказывают им соответствие.

Но если должно быть соответствие благодеяниям Божиим со стороны человека: то в чем оно состоять может? Заслуга, просьба, благодарность: вот три возможные соответствия благодеяниям. Заслуга возможна между людьми, из которых один имеет нужду в услугах другого, а другой может усердно представить первому свои услуги: но самодовольный Бог ни в чем не имеет нужды, и человек не имеет ничего представить Богу, что не было бы от Бога же полученным благодеянием; следственно здесь нет места заслуге. Просить от Бога благодеяний можно, и хорошо, если человек сие делает с доверенностию и со смирением. Но большая часть благодеяний Божиих бывает прежде нашего прошения, лучше нашего прошения и выше нашего понятия: не лъзя просить того, что уже сделано, не лъзя просить того, чего нет и в мысли. Посему остается самым употребительным способом соответствия благодеяниям Божиим – благодарность, истинная, как истинны благодеяния Божии, деятельная, как деятельно благодетельствует нам Бог.

И посему молим, не вотще благодать Божию прияти вам. Окажите себя верными благодати Божией в сердце, достойными благодати Его на самом деле. Сотворил ли с тобою Господь знамение во благо избавлением от беды или опасности: память бывшее, положишь на Господа в будущем, употребляй во благо настоящее. Простирает ли тебе Бог благодетельную руку в земных благах: прости благодарную твою руку на помощь нуждающемуся ближнему. Является ли над нами благодетельный промысл Божий в добром Государе, в правлении, споспешествующем тихому и безмолвному житию: вознесем нашу благодарность к Царю царствующих в радостных славословиях и в усердной молитве за помазанника Его, и явим плоды благодарности в ревностном исполнении всякой верноподданнической обязанности.

Обретаешь ли ты в сердце твоём дар благодати Божией, – прощение грехов, мир совести, радость спасения: благодари Бога твердою и непрестанно возобновляемою решимостию, убегать от грехов, глубоким внутренним вниманием к сохранению мира совести, скромным, но не ленивым споспешествованием спасению ближних.

Почтил ли кого небесный Подвигположник отличием креста, подвигами искушения, скорби, страданий: да помышляет и сей, что и наказание от всеблагаго Отца есть благодетельствие, и даже избранный дар *на пользу, да причастимся святыни Его* (Евр. XII. 10), и потому да учится нетолько не роптать, не малодушествовать, не сетовать, но и благословлять имя Господне с Иовом, или благодарственно взывать с Псалмопевцем: *благо мне, яко смирил мя еси, да научуся оправданием Твоим* (Псал. CXVIII. 71).

О всем благодарите: *сия бо есть воля Божия о Христе Иисусе в вас* (1 Сол. V. 18). Аминь.

1843 год.

ССЛ.

169. Слово

в день Благовещения Пресвятыя Богородицы.

(Говорено марта 25 в Чудове мон.; напечатано в собраниях 1844 и 1848 гг.)

<1842 год>

Рече Мариамъ: се раба Господня, буди мне по глаголу твоему (Лук. I. 38). Вот слова земныя, но которыя, подобно небесным, чище искушеннаго сребра, возжеленнее злата, ценнее драгоценных камней. Вот сокровище, котораго пять тысяч лет небеса искали на земле, и которое открыть послан был один из ближайших предстоятелей небеснаго Престола!

Подлинно, Архангел Гавриил не только принес Деве Марии слово Божественнаго благовещения, но и взыскал услышать от Нея слово соответствия. Когда он произнес только слово приветствия: *радуйся благодатная: Господь с тобою, благословенна ты в женах*: благовещение о Спасителе мира почти уже совершилось; потому что сим ознаменована и указана Матерь Господня. Но как Дева смутилась и, размышляя, молчала: то Архангел продолжил и усилил слово благовещения: *родиши Сына; – Сей будет велий, и Сын Вышняго наречется; – Царствию Его не будет конца*. Теперь благовещение со стороны Архангела решительно совершилось: но еще он не почитает дела своего

посольства конченным, потому что не то, которого ждет, слышит слово: *како будет сие, идеже мужа не знаю*. – Наконец он разрешает вопрос: *Дух Святый найдет на тя*, – и получает взыскуемый ответ: *се раба Господня: буди мне по глаголу твоему*. И вот искомое сокровище открыто. Радостным благовещением от неба приобретено благовещение от земли небу, взаимно возжеленное. Небесное посольство совершенно достигло своей цели. *И отъиде от нея Ангел*.

Чтож это значит? – что значит, что воплощение Сына Божия предваряется небесным благовещением, и что сие благовещение не только изрекается вседержавною волею Господа, но и взыскует соизволения рабы Его? Разве Вседержитель не властен действовать, не предваряя и не ожидая соизволения? Для чего так нужны небу сии земныя слова: *се раба Господня: буди мне по глаголу твоему*? – Нужно сие было и для достоинства Матери Господней, и для самага дела воплощения Бога Слова.

Никто не станет сомневаться в том, что, для избрания быть Материю Господнею, требовалось в избираемой высочайшее, возможное на земли, достоинство. Но в чем состоять может достоинство существа разумного и свободного, если не в чистых и возвышенных воззрениях ума и движениях свободной воли? – Надлежало дать им место, чтобы основалось, утвердилось и, к утешению и назиданию нашему, явилось в Деве Марии достоинство Матери Господней. Ея смущение от високаго Архангелова приветствия было движение души глубоко смиренной. Удержание сего смущения в молчаливом размышлении знаменовало мудрость, твердость и спокойное величие духа. В вопросе: *како будет сие, идеже мужа не знаю*? – проявлялась неизменная любовь к чистоте девства. Наконец в решительном изречении: *се раба Господня, буди мне по глаголу твоему*, – изрекло себя послушание веры.

Если, как учит Апостол, *верою вселяется в сердца Христос* (Ефес. III. 17), уже приближившийся к человечеству и приобщившийся онаго воплощением: то koliko превосходнейшая и крепчайшая вера потребна была Деве Марии, дабы первоначально воплощением вселился в Нее Сын Божий, так еще не близкий к человечеству, и по недоступной ни для какой твари высоте Своего Божества, и по причине средостения, которое грех поставил между Божеством и человечеством! И обрелась в Ней такая вера, и соделала для Нея возможным чистое и совершенное послушание, – призыванию непостижимому послушание без сомнения, призыванию безмерно-высокому послушание без превозношения. И сие послушание преклонило душу Ея под осенение Духа Святаго, соединило волю Ея с волею Божиею, отверзло сердце Ея для входа силы Вышняго; и Вечный Свет пришел и засветил в Ней жизнь, новую не только для земли, но и для неба, небесную в земной, вечную во временной, Божескую в человеческой, всеоживляющую в умирающей. *И слово плоть бысть, и вселися в ны*.

Дивна дела Твоя, Господи! Дивны Твоя тайны, Богородице! Кто слышит Твой тихий глагол в Твоей затворенной молитвенной храмине? Кто провидит, какая огромная дела ведет за собою Твое малое слово? Мир ощущает ли сию минуту, в которую делается перелом всецелой судьбы его, в которую изменяются отношения между землею и небом? Знает ли мечтающий о всемирном владычестве Рим, что в одной из дальних областей его, некая дочь царей, называющая себя *рабою Господнею*, изрекла приговор, который готовит миру новаго, лучшаго, высочайшаго Владыку, а Риму разрушение гордаго и своенравнаго владычества? Гадают ли славныя прорицалища языческих народов, что из уст безвестной Девы излетело прорицание, которое заставит их умолкнуть, низринет кумиры и кумирницы, прекратит кровавыя жертвы, уничтожит кровожадных жрецов? Домышляются ли мудрецы мира, что на глас Евреянки сходит с неба неведомая дотоле Премудрость, Которая обуит премудрость премудрых, и разум разумных отвергнет, но

младенцам откроет тайны, для мудрецов непостижимыя? – Что я говорю? – Иерусалим и колена Израилевы, которые от дальних предков знают и хранят обетование Божие о великом Избавителе и Умиротворителе, и *безпрестани день и ночь служаще надеются дойти* (Деян. XXVI. 7) до исполнения, – дослужились ли они до познания, что, пройдя обширную область обетования, в сей день или в сию ночь, внезапно приблизились они к пределу исполнения, и что предел сей поставлен в Назарете? Книжники, которые столько раз читали в книге Исаии: *се дева во чреве зачнет, и родит Сына, и наречеши имя Ему Еммануил*, и едва ли не столько же раз недоумевали о сем, – думают ли они, что провиденная Пророком Дева, и уразумела уже сие пророчество, и готовится исполнить оное? Знает ли хотя праведный Иосиф, уже не совсем чуждый тайнам Приснодевы, как обручивший Ее себе с тем, чтобы Ей пребыть девою, – знает ли, что в след за сим Она обручается Духу Святому, чтобы соделаться Материю Господа? В целом мире никому, кроме единых, не ведомо благовещение Архангелово, когда оно совершается: а оно долженствует огласить весь мир, когда совершится. И услышав рано простыя, по-видимому, слова благовещения Мариина: *се раба Господня: буди мне по глаголу твоему*, – кто исчерпал бы весь их разум, ощутил бы всю их силу? А их разум сливается с бездною разума Божия, и объемлет время и вечность; их сила сопрягается с силою Вышняго, и преобразит землю, и наполнит небо. – Смиритесь, пытливые исследователи! Чудитесь и радуйтесь, смиренные созерцатели! Брось, кичливый разум, ломкия оружия своевольного мудрования, и возлюби свободный плен веры!

Ты же, благомысленно ищущая своего спасения душа, вразуми себя словом и примером Преблагословенных Девы, как высоко возводит, как многое совершает, как совершенно благоугождает Богу скромная и неблистательная, по видимому, добродетель, – послушание веры.

Послушание, по имени своему, есть *последование* тому, что *слышим*, как наставление, или как повеление. Но в высшем, существенном, духовном значении, под именем послушания разумеется последование воли человеческой, как сотворенной и зависимой, воле Божией, как творческой и вседержавной.

Из сего понятия тотчас открывается обязанность, польза и важность послушания.

Твари ли возставать против Творца? Рабу ли земному воздвигать мятеж против Небеснаго Владыки? Не совсем омраченный разум, не совсем ожесточенное сердце, общими силами, отражают сию нелепую несообразность. Разум и сердце согласно изрекают обязанность послушания воли человеческой воле Божией.

Воля Божия не погрешительна. Следственно послушание воле Божией должно предохранить или избавить человека от погрешностей и заблуждений.

Воля Божия всеблага. Следственно послушание воле Божией должно вести человека ко всякому благу.

Тварь без Творца есть ничто. Силою только Творца она есть нечто. Что же будет значить воля человека, если она не прилепится к воле Божией послушанием, если отторгнется от нея непослушанием?

Некогда первый человек блаженствовал: почему? – Потому что последовал всеблагой воле Божией. Он пал с высоты своего блаженства: каким образом? – Его воля отпала от воли Божией, и впала в чувственные пожелания. Преслушание, грех, смерть: это звенья одной цепи; взявшийся за первое звено влечет сам к себе последнее, – и, о если бы всегда

не более, как только сам к себе! Напротив, *ослушанием единого человека грешни быша мнози* (Рим. V. 19). *Единым человеком грех в мир вниде, и грехом смерть, и тако смерть во вся человеки вниде* (ст. 12).

Надобно ли врачевать от всеобщей смертоносной болезни бедное человечество? – Можно догадаться, что весьма нужный врачебный прием должно составлять то качество, утрата которого была началом болезни, то есть послушание. С сим точно врачевством и пришел на землю Небесный Врач. Смотрите, как Он, будучи Сам безболезнен, в Самом Себе prepares врачевство для больного рода человеческого, и как врачует его, – именно послушанием. *Смирил Себе, послушав быв даже до смерти, смерти же крестныя* (Фил. II. 8). *Послушанием Единого праведни будут мнози* (Рим. V. 19). *Аще и Сын бжше, обаче навиче от сих, яже пострада, послушанию, и совершився бысть всем послушающим Его виновен спасения вечнаго* (Евр. V. 8. 9).

Есть послушание любви, послушание страха, послушание веры. В начале человек жил, как сладкою пищею, послушанием любви к Богу всеблагому и всесовершенному. Но после того, как сию блаженную жизнь отравил он вкушением запрещенного, ему нужно, как врачевство, иногда не без горечи, употреблять послушание страха пред Богом, праведным Судиею, и потом послушание веры в Бога и Христа, Помилователя, Исцелителя и Спасителя, дабы наконец, по мере исцеления, вновь питаться сладкою и бессмертною пищею, – послушанием любви. Так от послушания зависит духовная жизнь человека и Христианина; почему слово Апостольское и нарицает Христиан *чадами послушания* (1 Петр. I. 14).

Если бы мысль питаться и жить послушанием показалась кому только представлением воображения, изысканным и преувеличенным, а не представлением ума, почерпнутым из существа дела: таковой пусть вспомнит изречение непогрешительного Учителя, в слове Которого не лзя предполагать изысканности или преувеличения. *Аз есмь лоза, вы же рождие; и изже будет во Мне и Аз в нем, той сотворит плод мног: яко без Мене не можете творити ничесоже* (Иоан. XV. 5). Как это сделать, чтобы человек был во Христе, и Христос в человеке, чтобы человек соединился со Христом, подобно как с виноградною лозою ветвь ея? – Не иначе можно, как послушанием веры, свободною преданностию сердца и безмолвно покорной воли человека вседействующей воле Христовой. Таким образом послушание веры действительно вводит в человека силу и жизнь Христову, почему и деятельность такого человека нередко бывает далеко возвышеннее и могущественнее обыкновенной, свойственной человеку, деятельности.

Неразумевающий, или ищущий отговорки может сказать: как можно даже *жить*, то есть, непрестанно заниматься послушанием воле Божией? Не ужели не оставить места своей воле, которая от природы есть, и которой уничтожить не можно? И можно ли в каждую минуту знать волю Божию? Счастливы избранные, к которым для сего Бог посылал Своих вестников; но и для избранных такие случаи были редки. – Кто говорит таким образом, тот доказывает не то, что дело совершенного послушания не удобно, а то, что не упражняющийся в деле, не знает, как оно делается.

Если искренно желаешь знать волю Божию: есть и для тебя Ангел, который близок и готов. Это твоя совесть. Внимай совести твоей; не заглушай тонкаго гласа ея шумом страстей твоих: и будет открываться тебе воля Божия; и будешь на пути послушания.

Есть и более удостоверительное, и более полное возвещение воли Божией, которое можешь читать в священных книгах, слышать в церкви, видеть в примерах Святых.

Внимай сему; и воля Божия более уяснится тебе; и послушание сделается более удобным и верным.

Все в мире происходит под управлением Провидения Божия, и следственно все по воле Божией, поколику не по воле человеческой. Итак во всем, что тебя постигает, можешь познавать волю Божию. Приходит благополучие, и благовествует тебе волю Божию, чтобы ты благодарил Бога. Приходит бедствие, и возвещает тебе волю Божию, чтобы ты терпел. И послушание может являться не только в том, чтобы действовать по воле Божией, но и в том, если не действуешь против воли Божией, и наипаче, если безропотно страдаешь по воле Божией. Умей вестнику высшего жребия сказать смиренно: *буди мне по глаголу твоему*. Но учись также и при виде креста сказать великодушно: *не якоже аз хощу, но якоже Ты*, Отче небесный!

Впрочем, хотя истина и добродетель доступны всем: однако никак не излишни, а часто необходимы особые учителя, по роду знания, особые руководители, по роду подвигов. Так и для успеха в духовном послушании, поколику можешь, поколику внутренно чувствуешь особенную нужду, избери себе особенного наставника, сведущаго и опытнаго в сей науке, благословеннаго на сие служение, котораго слово сильно жизнь, светло молитвою, охранено от заблуждения смирением. Покори ему свою волю ради Бога: и воля Бога небеснаго сойдет к тебе на землю, и твое простое земное послушание будет достигать до неба, по реченному к истинным и законным наставникам от Дающаго пастырей и учителей: *слушай вас, Мене слушает*.

Правда, послушание Богу посредством человека издревле вынесло свои училища из жизни обыкновенной, отделило их от общежития мирскаго, создало себе особия обители, в которых и приносило, и приносит свои плоды для неба и для земли. Но наука, которую преподавать удобнейшим признано в тишине загородной, должна ли потому считаться совсем ненужною и бесполезною для города?

Сыны века сего желают все больше и больше простора собственной воле. К чему сие ведет? – Не к тому ли, что некогда предсказывал Пророк: *будут людие, аки жрец, и раб, аки господин, и раба, аки госпожа: будет купуяй, яко продаяй, и взаим емляй, аки заимодавец* (Иса. XXIV. 2)? Но что будет во время сего неограниченного простора собственной воли? – Пророк скажет: *се Господь разсылет вселенную, и опустошит ю*. То есть, Он попустит своеволию наказать самому себя теми беспорядками, которые оно производит.

И после всех временных наказаний, знаете ли, что даст пищу адскому огню? Ничто более, как собственная воля с ея порождениями, то есть, грехами. Отложите собственную волю; и ад не найдет в вас для себя пищи. Восприимите волю Божию, и примете в себя небо, доколе оно вас в себя примет. Где воля Божия, там небо.

Но легко ли разстаться с свободою, которая человеку естественна? – Кто требует от тебя, чтобы ты разстался с свободою? Бог даровал тебе свободу, чтобы ты свободно сделал выбор между злом и добром, между тварию и Творцем, между собою и Богом. Если изберешь себя, тварь, зло: пойдешь в плен самолюбия, тварей, зла. Если изберешь, и непрестанно будешь избирать добро, Бога, и Его волю: не утратишь, а утвердишь и расширишь свою свободу. *Идеже бо Дух Господень, ту свобода* (2 Кор. III. 17).

Но легко ли иногда преломить собственную волю? – Иногда трудно, иногда легко, смотря потому, как ты сам себе делаешь сие трудным, или легким. Когда ты хочешь исполнить волю возлюбленнаго отца или матери: не легко ли тебе забывать свою волю, не приятно

ли даже приносить ее в жертву. Кто препятствует тебе посредством веры и любви сделаться сыном Божиим, и сделать себе сладостным послушание воле Отца небесного?

Отче наш, иже еси на небесех! Да будет воля твоя во всех нас! Аминь.

ССЛІ.

170. Слово

в день Святыя Пасхи.

(Говорено 11 апреля в Успенском Соборе;

напечатано отдельно и в собраниях 1844 и 1848 гг.)

<1842 год>

Христос воскрес!

Христова Церковь торжественнейшим образом огласила ныне слух наш высочайшим из благовестий: *В начале бе Слово, и Слово бе к Богу, и Бог бе Слово*, и так далее. И как мы знаем ее обычай – Евангельским чтением ознаменовывать таинство дня, и подават нам предмет благоговейнаго размышления и духовнаго поучения: то что теперь должен я делать?

Стараться ли мне восторгнуть ваши души от земли, вознести превыше солнца и звезд, вести на небеса небес, мимо низших и высших чинов Ангельских, до крайних высот сотвореннаго, туда, где нет времени, потому что там открыта не преходящая и не делящаяся вечность, где пространство исчезает в безпредельности, откуда обратным взором удостовериться можно, как не преувеличено, как даже слабо выражение Премудраго, что *якоже стражик в превесах, тако весь мир* пред Богом, *и яко капля росы утренняя, сходящая на землю* (Прем. XI. 23)? Требовать ли, чтобы вы *стали на страже* созерцания со святым Евангелистом Иоанном, выше, нежели стоял на своей страже Пророк Аввакум: поелику Пророк созерцал Сына Божия в явлении Его воплощения, а Евангелист созерцает Его в таинстве Его Предвечнаго рождения? Беседовать ли к вам о *начале*, в возвышеннейшем значении сего слова, о *начале всякаго начала*, как изъяснился Царь Пророк (1 Пар. XXIX. 12), о начале, которое далеко предшествует началу времени и всего, что во времени, – о начале, от котораго все начинается в самой вечности, но которое никаким дальнейшим началом, равно как и концем, не ограничивается? Искать ли мне слов, дабы, сколь можно ближе к вашему разумению, и изрещи вам *Слово*, которое не только человеческий, но и Ангельский ум постигнуть, и язык изъяснить, не достаточен, – *Слово*, которое изрек единственно, и вечно изрекает, или раждает Един вечный Отец Слова, и которое Само изрекло все прочия существа, не именовательно к слышанию и познанию, но существенно к бытию и благобытию? Пересказывать ли, как-нибудь простее, выпреннее сказание верховнаго Богослова, что *в начале бе Слово*, то есть, Оно не началось, так чтобы вы могли представлять Его некогда не бывшим, но в довременном и вечном начале всегда *было*, равно как всегда есть и всегда будет, поелику есть присносущно: что *Слово бе у Бога*, то есть, *Единородный Сын, сый в лоне Отчи*, рождением Своим не отделился и не отлучился от Бога Отца, но есть единосущен Отцу и Святому Духу; что *Бог бе Слово*, то есть, имя Бога в том же истинном смысле, в каком принадлежит Богу Отцу, равномерно принадлежит и Сыну Божию, подобно как и Духу Святому, впрочем, так, что в трех Божеских Ипостасях един токмо есть Бог по существу;

что сим ипостасным Словом Божиим сотворено все без изъятия, земное и небесное, видимое и невидимое; что в Нем заключается *жизнь*, или источник жизни всего живущаго, и наипаче живущаго духовною и бессмертною жизнью; что сия источная жизнь всегда была и есть *светом* для человеков, который сиял для них в раю, не совсем скрылся от них на земли, не угашен язычеством. Хотя им не усмотрен и не принят, знаменовал себя тенью в законе Моисеевом, зарею – в Пророках, доколе наконец, как солнце и день, явилось воплощенное Слово, с полным светом истины, с животворящею и чудодействующею силою, и в Его жизни, проповеди, деяниях, даже в вольном страдании и смерти, наипаче же в воскресении – *видехом славу Его, славу, яко Единороднаго от Отца, исполнь благодати и истины?*

Видите, что я едва только покушаюсь богословствовать под руководством Святаго Иоанна Богослова: и, может быть, в немногом, что я сказал, уже много дерзновения для немощи моего слова и, не прогневайтесь, может быть, и для немощи вашего слуха. И между богодухновенными Евангелистами не одному ли сыну грома дано так торжественно возглаголет благовещием пренебесной славы Бога Слова?

Впрочем, как слыша звуки грома, хотя мы не разумеем их так ясно и отдельно, как некогда тот же сын громов разумел таинственные гласы седми громов, однако чувствуем, что они нам возвещают величие Божие: так, слыша высокие глаголы Святаго Иоанна о Боге Слове, хотя мы не достигаем совершеннаго их разумения, и по недостатку чистоты ума, и по недостижимой высоте самаго предмета, тем не менее можем чувствовать, что ими нам возвещается, Божественное само в себе, спасительное для нас, величие Господа нашего Иисуса Христа. И сего довольно.

Можно удивляться и недоумевать, как это случилось, что Богомудрая Наставница наша, Святая Церковь, на сей день веселия назначила нам из Евангелия столь трудный урок. В день воскресения не ближе ли было бы беседовать из Евангелия собственно о воскресении, в день радости всеми способами возбуждать и питать радость? – Радость не была ли первым порождением воскресения, хотя в то же время действовал и страх от внезапнаго явления чудес? – Пришедши *видети гроб*, но получивши весть о воскресении Господа, *со страхом и радостию великою текосте возвестити учеником Его* (Матф. XXVIII. 8). Не повелел ли Сам Воскресший радоваться в день воскресения? – *Се, Иисус сретет я, глаголю: радуйтеся* (9)! Что было с Апостолами, когда они увидели Воскресшаго и удостоверились в Нем Его крестными ранами? – *Возрадовашася убо ученицы, видевше Господа* (Иоа. XX. 20). Да и Церковь не признает ли ныне, более нежели когда-либо, владычество радости, наполняя почти все Богослужение торжественным песнопением, преимущественно пред чтением и учением?

Говорю сие не с тем, чтобы входить с Материю-Церковию в состязание о ея уставе, но чтобы дать вам способ лучше уразуметь ея устав, и тем лучше исполнить его.

Какая же была мысль Матери-Церкви, по которой она среди радости призывает чад своих к трудному размышлению о высокой истине, или к высокому созерцанию таинства истины? – Без сомнения, не уместным сие признала бы она, если бы предполагала в нас радость, ниспадающую в чувственность, смешанную с суетою, рассеянную, шумную: а если признала сие уместным, то, без сомнения, в том предположении, что праздничная радость наша должна быть духовная, чистая, мирная, возвышенная; ибо такая радость не только не препятствует основательному и глубокому размышлению, но и делает человека более обыкновеннаго способным к высокому созерцанию. Евангельская история представляет убедительные сего примеры. Когда будущая мать Предтечева и будущая Матерь Господня, узрев друг друга, возрадовались чистою радостью, и радость праведной

Елисаветы сообщилась и младенцу во чреве ея: какое было последствие сих трех радостей? – То, что обе матери пришли в божественный восторг, и обе пророчествовали. Когда Фома, долее других Апостолов неверием лишенный радости воскресения, вдруг обильно почерпнул ее из ран Воскресшаго: как действовала в нем сия радость? Она разрешилась Богословием. *Отвеща Фома, и рече Ему: Господь мой и Бог мой* (Иоа. XX. 28)! И это весьма естественно: ибо ничто так прямо не ведет к мысли, к вере и к удостоверению о Божестве Иисуса Христа, как Его воскресение.

Итак, мы несколько дознали теперь, какова должна быть настоящая радость наша, дабы она соответствовала и достоинству своего предмета, и намерению Матери-Церкви. *О чада светообразная Церковная!* Умейте пользоваться светом, который так обильно изливает на вас Воскресший Господь! Если не так легко уметь хорошо богословствовать: кажется, не трудно, по крайней мере, уметь хорошо радоваться. Внимайте себе, и тщательно наблюдайте, чтобы праздничная радость ваша была духовная, чистая, мирная, возвышающая души ваши.

Когда, от мудрых, может быть, дев наведавшись о минуте, благоугодной Небесному Жениху, в полунощи, со светильниками, вы окружили Его чертог, наполнили Его храм; похищенные у сна часы и начатки дня посвятили и посвящаете славословию, Евангелию, Таинству, слову истины: сим являете вы знамения радости духовной и чистой. Когда подаете друг другу целование мира, не устрняя никого, к вам приближающегося: вот признак радости мирной. Когда всякия уста, всякое ухо исполнены именами Христа и воскресения: охотно признаю сие выражением радости, возвышающей души ваши туда, где царствует Воскресший. До сих пор, кажется, все хорошо. Святое утро озарено светом радости святой.

Но сей ночи и сего утра будет ли достоин день, и вечер, и седмица, которую Церковь определила для радости Воскресения? Радость духовную не поглотит ли вскоре веселие чувственное? То, что для души вашей собрали вы во храме, вне храма не развеет ли суета без остатка? После зрелища священнаго, небеснаго, Божественнаго, не понадобятся ли вам низкия зрелища мирския, на которых игрушка-вещь, и, что еще хуже, игрушка-человек, будут играть вниманием вашего ума, и движениями вашего сердца, на которых разнообразно олицетворенны, – страсть, безумие, порок, оспаривать будут друг у друга ваше время, ваши похвалы, ваши деньги, – может быть, те деньги, в которых отказано бедному? Не сие ли Пророк называет посрамлением радости? *Посрамиша*, говорит, *радость сынове человеци* (Иоил. I. 12).

Советую и молю, благоговейно чтимую в начале радость не посрамлять в последствии. Прилично ли обращать в игру и забаву такую радость, которая нам приобретена жертвою и страданием? *Пасха наша за ны пожрен бысть Христос. Темже*, заключает Апостол, *да празднуем не в квасе ветсе, ни в квасе злобы и лукавства, но в безквасиих чистоты и истины* (1 Кор. V. 7. 8). *Яко во дни, благообразно да ходим: не козлогласовании и пиянствы, не любодеении и студодеении, не рвением и завистию, но облечытеся Господем нашим Иисус Христом* (Рим, XIII. 13. 14). Довольно у Него света и нетленной радости для всех и каждого, чтобы никто не имел нужды, мимо Его, преследовать призрачный блеск, и бессмертной душе искать пищи в тлении. Ищите же радости всегда в истинном Ея источнике. *Радуитесь всегда о Господе, и паки реку: радуитесь* (Фил. IV. 4). Аминь.

CCLII.

171. Слово

в день св. мученика, Благоверного Димитрия Царевича.

(Напечатано в собраниях 1844 и 1848 гг.)

<1843 год>

*Молю убо вас, братие, щедротами
Божиими,
представьте телеса ваша жертву живу,
святу, благоугодну Богови, словесное
служение
ваше. Римл. XII. 1.*

Указанием на щедроты Божии Святый Апостол возбуждает в Христианах усердие приносить Богу нескудные и достойные Его дары благодарности. Долг праведный, и очевидно для всех и каждого обязательный: потому что и все мы вообще, и каждый в особенности, пользуемся щедротами Божиими.

Имея пред очами Царственного Мученика, жертву некогда оплаканную, но и ныне еще живую, Царству и людям благотворную, помыслим, братия, о должной и от нас Богу жертве, руководствуясь Апостольским увещанием: *молю вас, братие, щедротами Божиими, представите телеса ваша жертву живу, святу, благоугодну Богови, словесное служение ваше.*

Говоря о жертве, первоначально братьям церкви Римской, – людям, недавно вступившим в Христианство из Иудейства и язычества, Святый Павел, со свойственно Богомудрому наставнику мудростию, применяется к понятиям о Богослужении, какия имели они до Христианства, дабы легким образом их возвести от образного, несовершенного, или даже суетного, к истинному и совершенному, от наружного ко внутреннему, от чувственного к духовному. Прежде, – как бы так говорит он им, – вы приносили в жертву емные плоды и плоть безсловесных животных: теперь вы знаете, что Бог *не примет от дому твоего тельцов, ниже от стад твоих козлов* (Псал. XLIX. 9); *ни от рук человеческих угождения приемлет, как-бы требуя что, Сам дая всем живот, и дыхание, и вся* (Деян. XVII. 25): принесите же Ему лучшую жертву – ваше тело, или лучше сказать, самих себя: *представьте телеса ваша жертву*. Прежде для жертвы вашей вы убивали живущее и разрушали бездушное; ныне научитесь служить Богу не разрушением твари Его, но сохранением ея, или даже возрождением в лучшую жизнь: *представьте телеса ваша жертву живу*. Прежде вы наблюдали, чтобы ваша жертва была из рода чистых животных, и не имела на себе никакого телесного порока; отныне наблюдайте, чтобы тело ваше, как жертва Всесвятому, не было повреждаемо или оскверняемо душевными пороками и страстями нечистыми: *представьте телеса ваша жертву святу*. Как прежняя жертвоприношения ваши вы учреждали, в самом язычестве не по своему одному произволу, а в Иудействе точно по установлению Божественному: так и жертвоприношение тела вашего совершайте по воле Божией, дабы во всем благоугождать Единому Богу: *представьте телеса ваша жертву благоугодну Богови*. Как посредством жертвоприношения безсловесных животных и вещей безчувственных совершалось чувственное, наружное Богослужение, у Иудеев несовершенное и только предуготовительное, а у язычников совсем суетное и бесплодное: так напротив посредством непрестанного жертвоприношения разумного существа вашего, вы, Христиан, совершайте духовное Богослужение, приличествующее Богу Духу, внутреннее, достойное Испытующаго сердца и утробы, деятельно словесное, открытое Богом Словом,

прямо к Нему ведущее, и с Ним соединяющее: *представьте тела ваша жертву Богу, словесное служение ваше.*

Братия Церкви Христовы, в ней рожденные, воспитанные и наставленные! Не напрасно ли мы расточаем слова, думая объяснять вам изречение, которое Апостол к нововступившим в Церковь написал, как само по себе ясное и вразумительное? Или напротив, – пусть каждый по сему примечает за собою, – довольно ли углублен разум его в тайне Христовой; – или само по себе ясное учение Апостольское, и после некоторого усилия объяснить оное, для некоторых из нас еще кажется темною загадкою? – Что подлинно значит принести тело свое в жертву? Не значит ли сие претерпеть мученичество: так как в сем точно разуме тот же Апостол в другом послании написал о себе: *аз уже жрен бываю* (2 Тим. IV. 6)? Но мученичество видимое не есть общий жребий всех Христиан, во всякое время: а заповедь о жертве дает Апостол всем Христианам, не изъемя никого, и не ограничивая времени. Мученичеством умерщвляется тело: а заповедь Апостольская требует его в жертву живую. На мученичество должно быть предану от других, как и Апостол говорит о себе, что он *жрен бывает*, а не сам себя приносит *в жертву*: напротив того в заповеди своей он требует, чтобы вы сами себя приносили в жертву: *представьте тела ваша жертву*. – Что значит притом, что он повелевает принести в жертву *тела* наши, когда *Дух есть Бог, и иже кланяется Ему, духом достоин кланяться* (Иоан. IV. 24)? Сей последний вопрос несомнительно, думаю, разрешится для каждого, если вспомним, как тот же Апостол в другом месте подобным образом говорит: *или не весте, яко тела ваша храм живущаго в вас Святаго Духа суть* (I Кор. VI. 19)? А еще в другом месте о сем самом предмете объясняется так: *не весте ли, яко храм Божий есте, и Дух Божий живет в вас* (I Кор. III. 16)? Из сличения сих изречений ясно усматривается, что когда Святой Павел храмом ли Духа Святаго, жертвою ли, называет *тела* наши, тогда он понимает не одно тело, но всего человека в целом его составе; и следственно предметом Христианского жертвоприношения полагает и душу и тело вместе. – Как же должны мы соделать жертвою и душу и тело наше?

Жертва существует прежде, нежели становится жертвою: жертвою делает ее назначение. Агнец на пажити не есть жертва: тот же агнец, когда приведен ко олтарю, становится жертвою. Посему и человек доколе ходит в мире, поникши к земле, собирая и поглощая пажить земных благ и чувственных удовольствий: доколе он, и тело его, не есть жертва Богу; в сем случае он или бывает жертвою тварей, работая, вместо Бога, богатству, боготворя чрево, или напротив поставляет себя идолом, и требует себе в жертву всего, что земля производит. Таким образом, Христиане, одним именем не превозноситея, и не обольщайтесь наружностью. – Кто не живет истинно по-Христиански: тот находится в состоянии нравственного идолослужения. Но когда дух Христов, дух покаяния и благодати, берет человека с пажити мира, обращает и влечет к Богу, а человек, веруя, повинуетсЯ сему влечению; вменяет за уметы, и оставляет позади себя все, что привлекало его в мире; всецело посвящает Богу и душу, и тело, и дела, и желания, и помышления; решается, с безропотностью агнца, ведомаго на заклание, и действовать и страдать, и жить и умереть для Иисуса Христа: с сего времени он, пользуясь духовною силою священнодействий и таинств видимаго, изобразительнаго храма, невидимо входит, и сам таинственно зиждется, в храм духовен, и вступает в чин живой жертвы Божией. Хотя разные жертвы скинии Моисеевой или храма Соломонова, в своих образах, в тени, в гадании, представляли первоначально единую, существенную, всеспасительную крестную жертву Господа нашего Иисуса Христа: впрочем, по причастию и подражанию сей всеобщей жертве, и над каждою живою жертвою Христианскою в некотором степени, и с применением к особенному ея состоянию, может и должно совершаться то, что некогда представлялось жертвами прообразовательными. Ты закалаешь твою жертву, когда духом умерщвляешь плоть со страстями и похотями; омываешь ее, когда оплакиваешь прежние

грехи твои; возжигаешь ее, когда огонь любви Божией объемлет и наполняет сердце твое так, что силою онаго темныя стихии ветхой плотской жизни разрешаются и очищаются, и сквозь них проникает новая, светоносная, горе идущая жизнь духа. Ты приносишь фимиам, — одну из самых внутренних жертв, проникающую во Святая Святых, и усовершенствующую многия другия жертвы, — когда приносишь молитву: так еще во дни теней и гаданий разрешал сие священное гадание тот, который воспевал: *да исправится молитва моя, яко кадило пред Тобою, Господи!* Приносишь в жертву главу, когда пленяешь разум твой в послушание веры, и умом твоим предаешься Богомыслию. Приносишь рамо, когда благодарственно приписываешь Богу силу, тебе дарованную. Приносишь тук, когда посвящаешь Богу твою радость и веселие. Приносишь агнца, когда ходишь в незлобии. Приносишь птенца голубинаго, когда хранишь чистоту. Приносишь работного тельца или юницу, когда ревностно подвизаешься для Бога, или благодушно трудишься в пользу ближняго.

Но будь внимателен, чтобы жертва твоя была истинно *живая, святая, благоугодная Богу*. Если *вера твоя остается без дел*, и потому *мертва есть*; если велеречиво мудствуешь о возрождении, о созерцании, о таинственности, но не радишь о исполнении заповедей Божиих, не поступаешь по установлениям матери-Церкви, как свойственно сыну послушания: то жертва духа твоего не есть живая; ты думаешь поклоняться Богу духом, но не покланяешься Ему истинною. Если дела твои не одушевляются верою, и потому кровь Христова не *очищает совести твоей от мертвых* или умерщвляющих беззаконных дел (Евр. IX. 14); если и в тонких, чистых, и наиболее свойственных духовному Богопоклонению образах, коими облекается оно в Христианстве, ты не почерпаешь для себя духа и силы; приносишь фимиам, но не приносишь молитвы; возжигаешь свещу, но не горишь духом, слышишь премудрость Божественную в церковном чтении и пении, но не воспеваешь в сердце твоём Господеви; покланяешься телом, но не сокрушаешься духом: то жертва тела твоего не есть живая. Ты *имеешь* один *образ благочестия*, за что отвержены Иудеи, а не *силу* (2 Тим. III. 5) онаго, которою спасаются Христиане. Кто приносит во святыи храм Божий сердце, отягченное объядением и пьянством, плотью с неукротенными похотями, уста лживыя и язык уязвляющий: тот вместо агнца или голубя, животное нечистое или змию хочет принести в жертву. Кто храмлет на оба колена, преклоняется то к Богу, то к миру, в одной добродетели стоит, а в другой колеблется или безпечно падает: тот приносит в жертву хромое. Кто не старается успевать в познании Сына Божия и Его спасительнаго учения, и думает угодить Богу, как случится: тот приносит в жертву слепое. Кто мнит ся служить Богу, но тайно ищет в том своей выгоды, или славы человеческой: тот святотатственно служит себе и людям, а не Богу жертву приносит. Все таковыя жертвы как не могут назваться святыми, так не могут и быть благоугодны Богу.

Христиане! Еще с той минуты, как мы крещены во имя Отца и Сына и Святаго Духа, сим самым действием обречены мы в жертву Богу Триипостасному. Сочтемся с собою, сколько раз потом сия непокорная жертва отторгалась от своего жертвенника и убегала из храма; сколько раз вновь уловляема была благодатию Божиею, возвращаема покаянием, и опять рвалась и убегала! Может быть, столько раз, что мы не найдем тому и счета. Долго ли же так будет? Когда наконец решительно, невозвратно и совершенно *представим мы телеса наши жертву живу, святу, благоугодну Богови, словесное служение наше?* Молил бы я вас о сем страхом суда Божия; молил бы чаянием собственнаго вашего блаженства; но, повинувся Апостолу, наипаче *молю вас, братие, щедротами Божиими*. Молю щедротами Бога, от не сущих сотворшаго нас, и образом Своим почтившаго, покорившаго нам тварь, и даже предавшаго ее в повиновение суеи нашей, дабы мы не имели никакого предлога отказать Ему в чем либо. Молю щедротами Бога, *так о возлюбившаго мир, яко и Сына Своего Единороднаго дал есть* в жертву, *да всяк веруяи в Онъ*, взаимно представив

себя в жертву Ему, *не погибнет, но иметь живот вечный* (Иоан. III. 16). Молю щедротами *помазавшаго нас Бога, Иже и запечатле нас Себе, и даде обручение Духа в сердца наша* (2 Кор. I. 21. 22). Молю щедротами Господа нашего Иисуса Христа, давшего нам плоть Свою и кровь Свою, высочайшую, животворящую жертву спасения. Бог вседозволенный предаст все, и Самого Себя, в жертву для человека: человек ли ничтожный не представит всего себя единожды на-всегда в жертву Богу?

Господь же да *помянет всякую духовную жертву* вашу, братия Христиане, и внутреннее *всесожжение* ваше *тучно* пред Ним да *будет* (Псал. XIX. 4). Аминь.

СССIII.

172. Слово

в день рождения Благочестивейшаго

Государя Императора Николая Павловича.

(Говорено июня 25; напечатано в собраниях 1844 и 1848 гг.)

<1843 год>

*Споспешествующе же и молим,
не вотще благодать Божию прияти
вам. 2 Кор. VI. 1.*

Если воспоминаемое рождение главы семейства обычай делает праздником семейственным, и даже простирающимся далее пределов семейства: то кольми паче прилично и справедливо, чтобы воспоминаемое рождение Царя Благочестивейшаго, составляло праздник, празднуемый Царством, освящаемый Церковью. Такой праздник имеем мы ныне, Благоверные Сыны России.

Но что в сем случае значит: *праздновать*? Быть *праздным* от дел и работ? – Это праздник для вещества, по своей природе косного и ленивого, а не для духа, по существу своему деятельного. Предаться безотчетно увеселениям? – Называют и это праздником: но это праздник чувств и воображения; а чувства и воображение, занятое чувственными образами, составляют только низшую область человеческого существа. Какое же достоинство имел бы праздник, в котором бы не участвовало высшее и лучшее в человеке? Чтобы праздновать достойно человека, надобно праздновать разумно. Чтобы праздновать достойно Христианина, должно праздновать духовно.

Разсмотри блага, которыми пользуешься под скипетром Богохранимаго Царя: безопасность, мир, благоуправление, просвещение, покровительство и споспешествование всему доброму и полезному, человеколюбивое призрение беспомощных, готовую помощь в бедствиях внезапных; помысли, как рождением Царя *Сотворивый грядущая* рано посеял семя наших благ, как благопромыслительно сохранил и возрастил оное, и ко времени приготовил действительный плод; благоговеющим умом, благодарным сердцем, вознеси благодеяния к верховному их Подателю, и как соображение настоящего с прошедшим дано тебе для приготовления будущего, то *радуясь Богу Помощнику нашему, прими псалом* (Псал. LXXX. 2. 3), не только радостный, но и молитвенный: *укрепи Боже сие, еже соделал еси в нас. Дни на дни Царевы приложиши, и лета Его до дне рода и рода*

(Псал. LXVII. 29. LX. 7). И во грядущее время *помяни нас Господи во благоволении людей Твоих, посети нас спасением Твоим* (Псал. CV. 4).

Так заботясь дать нашему празднику чин, достойный благодеяний Божиих, не только настоящих и прошедших, но и будущих, услышал я в нынешнем церковном чтении глас Апостола, который в нашу радость всевает новую заботу. *Молим*, говорит, *не вотще благодать Божию прияти вам*. Благодать Божия, в слове Апостольском означает высшую степень даров и благодеяний Божиих. Итак если благодать Божия может оказаться вотще принятою: то конечно тоже может случиться и со всяким благодеянием Божиим. Есть о чем позаботиться, хотя бы о сем и не молил Апостол. Но молит он, и тем налагает и на нас обязанность молить вас о внимании к его наставлению. *Молим не вотще благодать Божию прияти вам*.

Если принять в разсуждение существенное свойство благодати Божией: то едва вероятным представляется, чтобы она в ком либо могла оказаться вотще принятою, даже по принятии бесплодною. Она есть благая сила, действие, дар Бога всемогущаго, вечнаго, вездесущаго: какая же другая сила довольна будет противоборствовать ей? Какое время может исключить ее? Какое существо может быть ей недоступно? Если в состоянии природы Бог так объемлет и пронизает человека Своим действием, что, по выражению Апостола, *Сам дает всем живот и дыхание и вся*, и что *мы в Нем живем, движемся, и есмы* (Деян. XVII. 25. 28): что сказать о состоянии благодати? Тот самый служитель благодати, который внушил нам опасение, чтобы она не оказалась вотще принятою, говорит, что преимущественно в Христианстве открыта и дарована благодать Божия всем человекам, в достаточной ко спасению мере: *явися благодать Божия спасительная всем человеком*; что умножившийся до явления благодати грех не поставил преграды ея действию, а только послужил к торжественнейшему открытию ея победоносной силы: *идеже бо умножися грех, преизбыточествова благодать* (Рим. V. 20); что благодать уже совершила спасение наше, и во Христе уже имеем мы в самом действии не только то, чему веруем, но и то, чего надеемся: *Бог богат сый в милости, за премногую любовь Свою, ею же возлюбил нас, и сущих нас мертвых прегрешеньми сооживи Христом; благодатию есте спасени, и с Ним воскреси и спосади на небесных во Христе Иисусе* (Еф. II. 7). Сие сказал я не с тем, чтобы воспрекословить Апостолу, или поставить его как будто в противоречие самого с собою, но для того, чтобы кто не почел самую благодать недостаточествующею или изнемогающею, если она иногда окажется вотще принятою; чтобы кто не дерзнул сетовать на Бога там, где надлежит обличать и исправлять человека; чтобы никто не колебался в уповании на благодать Божию. Нет, *возлюблении*, говорю словами другого Апостола, *препоясавше чресла помышления вашего, трезвящися, совершенно уповайте на приносимую вам благодать откровением Иисус Христовым* (1 Петр. I. 13).

Но как же подлинно может случиться, чтобы благодать Божия, столь обильная, столь могущественная, столь действенная, быв при том уже принята человеком, оказалась вотще принятою, бесплодною? – Поелику благодатное Божие царство есть тайна, для естественнаго разума неудобопостижимая, и потому сама премудрость Божия, беседуя о нем употребляла в пособие притчи и подобия, взятые из царства природы: то мы воспользуемся некоторыми из оных, дабы устранить недоумение, и приблизить к разумению истинное учение.

Притча говорит: *подобно есть царствие небесное сокровищу сокровенну на селе, еже обрет человек, скры, и от радости его идет, и вся, елика имать, продает, и купует село то* (Матф. XIII. 44). Примечайте: сокровище готово, достаточно для обогащения, владеющий полем имеет и сокровище, в нем скрытое, но, без старания обрести оное, –

тщетно имеет, другой знает о сокровище, но также без попечения, без пожертвования, без решимости продать все, чтобы купить поле, и воспользоваться сокровищем, – тщетно знает.

Благодать есть сокровище готовое, довольное для обогащения каждого и всех, но сокрытое, – где? на каком поле? – Мало ли где! На пример, на поле уединения и благоговейного безмолвия, на поле целомудрия и воздержания; только продай все, чтобы возобладать таким полем, и найдешь сокровище. Но наипаче близкое, и для всех доступное поле, в котором сокровенно положено сокровище благодати, есть Церковь. Какое сокровище сокрыто в ее священных собраниях! В них сокрыто присутствие Самого Христа Господа, по собственному Его уверению, что *идеже еста два или трие собрани во имя Его, ту есть и Он посреде их* (Матф. XVIII. 20); а в Нем *вся сокровища премудрости и разума сокровенна* (Кол. II. 3), равно и сокровища всех прочих даров духовных и Божественных. Какое сокровище в молитвах, славословиях Церкви! В них дышет благодать Пророков, Апостолов, Святых; в них наипаче, *Сам Дух Святый ходатайствует о нас воздыханиями неизглаголанными* (Рим. VIII. 26), как скажет Апостол. Какое сокровище в ее чтениях Евангельских! *Есть бо*, говорит Афанасий Великий (в послании к Маркеллину), *в словесех писаний Божественных Господь, Егоже стерпети не могуще* (духи тьмы), *вопяху: молю тя, да не прежде времени мучиши нас*. Таже сила, которая, исходя в слове Христовом, прогоняла бесов, исцеляла недуги, воскрешала мертвых, просвещала светом Божественным, пребывает и ныне в Его слове, в Его Евангелии. Какое сокровище в Таинствах, и наипаче в таинстве Тела и Крови Господней! В нем сокрыта вечная жизнь, с ее неисповедимыми благами, по реченному от Господа: *ядый Мою плоть, и пий Мою кровь, имать живот вечный*. Надобно только уметь воспользоваться толикими сокровищами, надобно усвоить их себе, а для сего надобно *продать* или отдать за безценок, пренебречь, отвергнуть, *вся, елико имаши*, именно, твое самоугодие, твои страсти, твои порочные навыки, твои плотския желания, твою леность, твою невнимательность, твою рассеянность. Но если кто священных собраний удаляется; молитвам и славословиям Церкви не внимает; если тогда, как здесь сила Божия движется в слове Евангелия, иных леность едва еще допускает двинуться из дома ко храму; если тогда, как совершается глубокое таинство, иной из предстоящих рассеянными помыслами, поверхностными взорами, бродит по внешности святилища, или, вместо спасительного собеседования с Богом, празднословит с человеком: то златоносное поле для таковых еще чужое; они еще не обрели сокровенного в нем сокровища, или обретенного не умеют взять; и даже хотя, по видимому, его имеют, но имеют вотще, или только мнятся имети.

Могу и должен указать вам, братия Христиане, как и себе, еще, кажется, более близкое поле сокровища. Это самое сердце Христианина; это наш внутренний человек. Если крещение Христианина есть *рождение водою и духом*, как и действительно есть, по слову Христову; а рождение не иное что есть, как начатие новой жизни; и следственно Христианин в крещении получает новую жизнь, и конечно ту, о которой сказал Апостол: *живу не ктому аз, но живет во мне Христос*: то помыслите, какое сокровище в нас положено святым крещением, какую благодать мы в нем прияли! Мы прияли в нем начаток жизни Христовой в нас, или, как выражается святой Павел, *начаток духа*. Что-ж? Обрели ль мы, братия, сие сокровище? Воспользовались ли им? Ощущаем ли в себе сию новую жизнь, которая, как жизнь Христова, должна быть несравненно сильнее ветхой жизни Адамовой? Возрастаем ли в сей новой жизни? *Достигаем ли в меру возраста исполнения Христова*? Блажен, кому при сем самоиспытании *не зазрит сердце*, и кто имеет о сем не льстящее, но успокоивающее *свидетельство в себе*! Сокровище благодати, на поле сердца обретенное молитвою и верою, приобретенное самоотвержением, умноженное любовию, искушенное огнем креста, да соблюдает он бдительно в неослабевающем подвиге и смирении!

Для подобных же мне, для которых самая благодать не безопасна, потому что в ней находят повод к небрежной беспечности, привожу на память другую притчу. *Человек некий отходя призва своя рабы, и предаде им имение свое: и овому убо даде пять талант, овому же два, овому же един, комуждо противу силы его* (Матф. XXV. 14. 15). Продолжение известно: получившие более, полученное умножили деланием и оборотом, и приобрели новое благоволение господина своего; а получивший один талант, закопал его в землю, и за лукавство и леность лишился последнего и подвергся тяжкому осуждению. *Человек* в сей притче означает Бога Творца и Промыслителя, Который *рабам своим*, то есть, всем человекам дает различные дары, естественные и благодатные, внутренние и внешние; в особенности же Богочеловека Христа, Который, *отходя* от земли на небо, *восшед на высоту, даде даяния человеком* (Еф. IV. 8), как то, дары Святаго Духа, Евангелие, Таинства, и вообще *вся Божественныя силы, яже к животу и благочестию* (2 Петр. I. 3). Сии различные таланты даются нам, по притче, *комуждо противу силы его*, а по изъяснению Апостола, *по мере дарования Христова*, то есть, вполне удовлетворительно для потребностей нашей жизни, которая предведение Божие определяет, и щедрота Божия наполняет. Смотрите же. Правда, что все зависит от дарованных талантов, без которых рабы, как были, так и остались бы ни с чем. Но не одно получение талантов, а делание и приращение вводит в радость Господа. И удивительно, что те, которые более имеют, более стараются приобретать; а получивший менее совсем не старается. Не указывает ли сие на нас, которые часто говорим, что мы не Апостолы, не Святые, не Праведные, не имеем их благодати, и тем думаем извинить у себя недостаток подвигов и добродетелей? Не то же ли это, как если бы мы сказали: пусть получившие пять, или два таланта, трудятся, чтоб приобрести другие пять или два; мы получили один, и потому нам позволительно меньше заботиться; довольно, если возвратим полученный; можно и в землю зарыть его. — Видите, как принятый уже талант или дар Божий благодатный, или же и естественный, может оказаться вотще принятым, и не только вотще, но и к осуждению принявшего: ибо Раздаватель прозорлив, и, после крайняго милосердия, совершенно правосуден; не попустит, чтобы дар Его был расточен безвозмездно, и чтобы под личиною немощи укрылись лукавство и леность, но наконец отымет пренебреженный дар, и неключимому рабу оставит только *тьму кромешную*.

Если сии размышления возбуждают нас к попечению о том, чтобы *не вотще благодать Божию прияти* нам: то могут оне указать также и на способы удовлетворить сему попечению. Поколикую благодать Божия невидима и сокровенна, должно прилежно искать ее благоговением веры к Богослужению, к Слову Божию, к Таинствам; и усвоить, чрез пожертвование всякой собственности поврежденной природы, самоугодия и плотоугодия. Поелику же дары благодати Божией, и вообще дары Провидения Божия, имеем в руках наших, должно *делать в них*, употреблять таланты в оборот, совершать при помощи благодати благия дела, и приобретать добродетели. Приявший *начаток духа* во Христе, да питает его духовною деятельностью, и да возвращает его до меры совершенства. Получивший дар крепости да умножает подвиги, полезные и спасительные. Кому *духом дадеся слово премудрости и разума*: да делает в сем таланте, и приобретением его да будет распространение спасительной истины между человеками. Если кому дарован крест и скорби (поелику и сие может быть *даром* (Фил. I. 29) благодати): да делает в сем таланте, и лихвою его да будет терпение непобедимое и упование не посрамляющее. Подобное должно происходить и с талантами, обращающимися в области природы и в домостроительстве временнаго жития и общежития человеческого. Кому вверены обильные таланты начальства: да делает в них, и приобретением его да будет безопасность и спокойствие подвластных, защищение обиженных, избавление бедствующих, обезсиление зла. Кому достался скромный талант подчиненности, хотя бы то было даже на низших степенях общественной жизни: и сей, не унывая, да делает в нем, неуклонно и добросовестно исполняя обязанности своего звания; и в мале верный с

великими призовется в радость Господа своего. Кто большим числом считает у себя таланты богатства и изобилия: да делает в них, и да приобретает обильнейшую лихву в молитвах нищих, в благословениях сирых и вдовиц. И общим для всех нас талантом Провидения Божия, – под сению Престола Богохранимаго Царя, *тихим и безмолвным житием*, да пользуемся, братия, так, чтобы преуспевать *во всяком благочестии и чистоте*, да и во грядущее время, по дару того же Провидения, и мы о Царе своем и о нас Царь наш, можем радоваться совершенною радостью, доколе наконец и в вечную радость Господа нашего внити сподобимся. Аминь.

ССLIV.

173. Слово

в день обретения мощей Преподобнаго Сергия.

(Говорено 5-го июня в Троицкой Лавре;

напечатано отдельно и в собраниях 1844 и 1848 гг.)

<1843 год>

*Аминь, аминь глаголю вам, яко елика аще
чесо просите от Отца во имя Мое, даст
вам. Доселе не просите ниче соже во имя
Мое: просите, и примете, да радость
ваша исполнена будет. Иоан. XVI. 23. 24.*

Молитва есть одна из высших потребностей души человеческой, одна из существенных принадлежностей Богопочтения. Душа, погруженная в чувственность, рассеянная в мире, омраченная грехом, не чувствует, что, по своему началу, она есть дыхание из уст Божиих: но сила сего чувства, без ея ведома, возникает из ея глубины, и движет сердце к Богу, хотя бы то было к неведомому, или только погрешительно знаемому. Потому во всяком Богослужении, от духовнаго до чувственнаго, от просвещеннаго до невежественнаго, сущность и душу обыкновенно составляет призывание Божества, и следственно молитва. Хотя в учреждениях ветхозаветных важнейшую торжественность Богослужения составляли жертвы: но жертва была всегда или посредницею, или представительницею молитвы, и восходящий дым сожигаемой жертвы представлялся колесницею, на которой молитва хотела достигнуть до неба.

Но дело молитвы, для всех времен всегдашнее, для всех человеков общее, научились ли наконец человеки делать, всегда в совершенстве, всегда с полным успехом? – Кто не знает, что нет!

С утешением вижу себя среди собора приносящих молитвы истинному, в Троице Единому Богу, по Богопреданному церковному чину, при предстательстве совершеннаго молитвенника, Преподобнаго Отца нашего Сергия. *Просил он, и приял* вожденное для души своей, и *радость исполненную* небесную: и еще *просит, и приемлет* полезное для притекающих с верою к его предстательству. Как-бы лестницу здесь утвердил он и для неокриленных молитв наших, которыя полагаем здесь при святых мощах его, и которыя он своими молитвами подымлет, подкрепляет, очищает и возводит в пренебесный мысленный жертвенник Господень. И конечно нет здесь недостатка в опытных свидетелях

исполненных молитв. Но при всем том не лъзя не признаться, что и здесь не все *просят*, и *приемлют*, и потому не всех *радость исполнена*.

Что же в сем случае делается с обещанием, которое так уверительно изрек Господь и Спаситель наш: *аминь, аминь глаголю вам, яко елика аще чесо просите от Отца во имя Мое, даст вам; – просите, и примете, да радость ваша исполнена будет?* Не ужели сие обещание остается без исполнения? Или оно не к нам относится?

Не должно, братия, сомневаться в том, что и к нам относится обетование Господа о благоуспешности молитвы. Он дал оное в числе Своих последних завещаний, когда оставлял мир, и, путем креста и смерти, отходил к Отцу Своему; и Он Сам изъяснился, что блага, тогда им завещанныя первоначально Апостолам, должны принадлежать не им одним, но и всем в Него *верующим словесе их ради*. Все Христиане суть наследники оных. Но должно заметить, что с обещанием Господа о благоуспешности молитвы соединено учение о способе молитвы, и поощрение к упражнению в ней. Кто верно следует учению, и возбуждается поощрением к молитве: в том верно исполнится и обетование о молитве.

Важное для благоуспешности молитвы учение заключается в том, чтобы она приносима была во имя Господа Иисуса. *Елика аще чесо просите от Отца во имя Мое, даст вам*.

Уже Апостолы не один год были учениками Господа Иисуса, уже были от Него научены молитве Господней, и нам от них известной, когда Он открыл им, чего еще им не доставало, чтобы молитва их была решительно успешна: *доселе не просисте ничесоже во имя Мое*. Так с ними случилось, может быть, потому, что до сих пор они видели в Нем более учителя и благодетеля человечества, нежели Ходатая Бога и человеков: ибо в сем последнем качестве открылся Он наипаче Своими страданиями, смертью и воскресением. Но как бы то ни было, если Апостолы не вдруг научились приносить молитву во имя Господа Иисуса: поспешим ли мы похвалиться, что довольно успели в сем учении? В незнаменательном, по видимому, молчании, которым столь обыкновенно встречает Небо наши стужающия ему прошения, не скрывается ли чаще, нежели мы думаем, кроткое обличение Серцеведца Иисуса: *доселе не просисте ничесоже во имя Мое?*

Что такое – *просить во имя Господа Иисуса?* – Просто сие для простых, искренних и смиренных сердец, и, без исследовательного изъяснения, или понятно для них, или ощутительно. *Миро изливанное имя Твое* (Песн. I. 2), Господи Иисусе! Когда изливается миро: его благоухание распространяется, и непритупленное или неподавленное обоняние, без искусства и усилия, получает ощущение улаждающее и ободряющее. Когда имя Господа Иисуса изливается в молитве: от него распространяется благоухание Святаго Духа; и не отягченное земными пристрастиями сердце, не заглушенное страстями чувство внутреннее, легко и просто приемлет ощущение благодати, улаждающее и возвышающее. Так верующая душа, во имени Господа Иисуса, и чрез то во благодати Духа Святаго, приближается к Отцу Небесному, и со дерзновением вопиет Ему: *Авва Отче*; и с детскою простотою скажет Ему свои прошения; и Он благоприемлет ея прошения, сопутствуемая ходатайством Его Единороднаго Сына и Единосущнаго Духа.

Так может, и должно быть со всеми, по силе имени Господа Иисуса, которая для всех одна и та же: но не так бывает со многими, по их собственным расположениям, поколику сердце их одебелело, поколику душа их возмущена, и внутреннее чувство заглушено страстями, поколику их собственное мудрование не повержено пред благодатию Божиею. Для таких людей сила Иисусова имени есть, как благоухание мира пред поврежденным чувством, в заключенном сосуде. Потребно искусство, потребно усилие, чтобы очистить

чувство, чтобы открыть сосуд Божественного мира, – искусство благоговейного размышления; – усилие внимания в молитве.

Помысли, бедная душа, что без общения с Богом блаженна быть ты не можешь; но и доступ иметь к Богу сама собою также не можешь. Рай, в котором некогда ходил Бог, и беседовал с человеком, грехом утрачен, и правосудием Божиим от тебя затворен. Можно было и в раю сделаться грешником, и за то быть изгнану из него: но войти в него грешником не можно. Пламенное оружие Херувима заграждает от тебя вход его; проклятие гремит против тебя; закон осуждает тебя. С другой стороны ты не имеешь силы сама собою исторгнуться из области тьмы: потому что наследственным и произвольным поплзновением продана под грех; а как область греха принадлежит к владычеству имущаго державу смерти, то ты ли, порабощенная, преодолеешь своих поработителей? Ты ли, проданная, искупишь себя от рабства? *Что даст человек измену за душу свою* (Матф. XVI. 26)?

Но после сего, помысли, бедная прежде, и уже почти блаженная душа, что сделал для тебя Единородный Сын Божий Иисус Христос. Он сошел с небес, чтобы к тебе приблизить Божество, к которому без сего ты не могла бы приблизиться. Дивно и непостижимо приобщился Он твоего сотворенного естества, твоей плоти и крови, кроме греха, дабы Своим крайним снисхождением положить основание твоему восхождению, да возможешь благодатно и спасительно быть причастницею Его Божественного естества, Его животворящей плоти и крови. Будучи безгрешен, Он взял на Себя твои грехи, со грехами всего мира, чтобы тяжесть их не подавила тебя и всего мира. Понес на Себе заслуженную тобою клятву, осуждение, смерть, мучение, и тем заслужил и приготовил тебе благословение, оправдание, жизнь, блаженство. Чрез смерть и чрез самый ад прошел Он для тебя, чтобы отвсюду тебе открыть новый и живой путь, и Своим воскресением и вознесением отверз тебе не только райския, но и небесныя двери, ниспослав также и свет, и силу свыше, для твоего восхождения по стопам Его. Как сокращение Своих для тебя дел, как залог Своих даров, как ключ к сокровищам благодати, дал Он твоей вере, любви и надежде Свое Божественное имя и сказал: *елика аще чесо просите от Отца во имя Мое, даст вам.*

Сими и подобными помышлениями вразумляй себя, Христианская душа, какая для тебя блага заключает в себе имя Господа Иисуса, и отверзай чувство твоего сердца, чтобы оно могло усладиться Божественным благоуханием сего *мира излияннаго*. Уразумей, что истинно молиться Отцу Небесному во имя Господа Иисуса, значит, не устами только произносить звуки сего имени, но наипаче к Самому именуемому возводить внимание ума, обымать Его верою, и любовью принимать Его в свое сердце. Молиться Богу Отцу во имя Иисуса Христа, значит верою и желанием облекаться во Христа, то есть, в Его послушание Отцу Своему, в Его страдания, для нас очистительныя, в Его животворящую смерть, в Его оправдание и освящение, в Его Божественную за нас заслугу, в Его силу, свойства и пример, сими святыми и освящающими облачениями покрывать и преобразовывать наше недостойнство, и таким образом с упованием приступать к Вечному Отцу, не могущему ни в чем отказать добродетелям и заслугам Своего Единороднаго Сына, в Котором почивает Его вечное благословение. Таким собственно молитвенникам принадлежит, и, по мере их веры и верности, верно в них исполняется непреложное обетование Господа Иисуса: *аминь, аминь глаголю вам, яко елика аще чесо просите от Отца во имя Мое, даст вам.*

Обещание успеха в молитве, столь великолепное, от Обещателя, столь могущественного, столь верного, Который не только ручается за исполнение обещания, но и деятельно ходатайствует об исполнении онаго, – такое обещание не есть ли вместе и поощрение к

молитве, столь сильное, что не нужно никакое дальнейшее о сем напоминание, или настояние? Так бы кажется, надлежало быть: но, видно, не то провидит Обещатель; и, не довольствуясь обещанием, как-бы опасаясь, чтобы оно не осталось без внимания и употребления, еще поощряет к молитве прямым повелением и настоятельным увещанием: *просите, и примите, да радость ваша исполнена будет.*

Подлинно, есть в природе человеческой странная двоякость и противоречие направлений: с одной стороны, чувство нужды в Божественном и желание общения с Богом, с другой, какая-то тайная неохота заниматься Божественным, и склонность убегать от собеседования с Богом. И не трудно понять, от чего это так. Первое из сих направлений принадлежит природе первозданной, а последнее природе, поврежденной грехом. Это есть продолжение доныне того движения, которое оказалось в Прародителях по первом нарушении заповеди Божией. *Услышаста глас Господа Бога ходяща в раи по полудни, и скрыстася Адам же и жена его от лица Господа Бога.*

О чада, уже не столько Адамовы, сколько Божии во Христе! Мы слышим глас Господа, уже не обличением греха смущающий, хотя впрочем и сие не столько тяжко, сколько благотельно, не проклятием гремящий, хотя впрочем и страх у Него есть средство спасения, но кротко и любезно призывающий нас, идти и брать у Отца Небесного блага, которых мы грехом утратили. Не ужели не последуем гласу Господню?

Если бы царь земный повелел провозгласить, что кто придет, и произнесет пред ним имя возлюбленного сына его, тот получит из его сокровищ богатый дар: думаете ли, что нужно было бы уговаривать рабов его, дабы они сим воспользовались? Как побежали бы все! Как старались бы упредить друг друга, пока неистощились царския сокровища! Но вот Царь Небесный, чрез Единородного Сына Своего, провозгласил, что всяк просящий во имя сего Сына, властен получить из Его неистощимых и нетленных сокровищ все, чего желает, все, чем бессмертная душа может обогатиться и сделаться блаженною на веки. Что ж? Все ли бегут к Нему? Все ли возносят имя Сына Его, и вместе с сим свои прошения и молитвы? Нет! Вот Он подтверждает Свое обетование, повелевает, убеждает: *просите, и примите.* Что теперь? Все ли одумались? Все ли восчувствовали свою небрежность, безразсудность, неблагодарность? Все еще нет! — *Тебе, Господи, правда, нам же стыдение лица* (Дан. IX. 8).

Почудимся братия, Божиим щедротам и долготерпению. Устыдимся нашей лености и невнимания. Воздвигнем себя к духовному деланию, возбуждая ум от невнимания, собирая от разсеяния, очищая от помыслов лукавых и суетных, и сердце от страстей и порочных желаний. *В молитве терпите, бодрствуя в ней со благодарением. И все, еже аще что творите словом или делом, вся во имя Господа Иисуса Христа, благодаряще Бога и Отца тем* (Кол. IV. 2. III. 17). Перестанем препятствовать, но потщимся содействовать исполнению в нас Господня повеления и обещания: *просите и примите, да радость ваша исполнена будет.* Аминь.

CCLV.

174. Слово

в день торжества о рождении Великого

Князя Николая Александровича.

(Говорено в Успенском соборе, сентября 11;

<1843 год>

Известен вам тот обычай Святыя Церкви, что при наступлении праздника, еще в начинательном вечернем Богослужении, раскрывает она Священное Писание, и в нем показывает зеркало и образ того, что составляет предмет праздника. Например, празднуя память Праведника, она провозглашает из священной книги: *память праведнаго с похвалами* (Притч. X. 7). Таким образом духовная законность праздника утверждается словом Божиим; сущность или таинство праздника изъясняется, и радость праздника получает новый свет.

В настоящий праздник не могли мы сего исполнить до настоящей минуты: потому что сие торжество, хотя предварительно призываемое нашими желаниями, объемлемое надеждами, тем не менее, по свойству предмета, внезапно нас посетило. Исполним же теперь хотя отчасти церковный обычай: покажем вам зеркало и образ настоящего торжества в священных книгах.

Бысть слово Господне к Нафану: иди и рцы рабу Моему Давиду: – возставлю семя твое по тебе, иже будет от чрева твоего, и уготоваю царство его, и управлю престол его до века. – По всем словесем сим, и по всему видению сему, тако глагола Нафан к Давиду. И вниде царь Давид, и седе пред Господем, и рече: возлюбил мя еси даже до сих. И мала сия пред Тобою суть, Господи мой Господи, и глагола еси о доме раба Твоего вдалеко. – И что приложит Давид еще глаголати к Тебе? И ныне Ты веси раба Твоего, Господи мой Господи. И раба Твоего ради сотворил еси, и по сердцу Твоему сотворил еси все величество сие сказати рабу Твоему, величия ради Твоего, Господи мой Господи. Нестъ бо ин, якоже Ты, и несть Бога разве Тебе во всех, яже слышахом ушима нашими. И кто якоже людие Твои Израиль, язык ин на земли? Яко настави их Бог еже избавити себе людей, еже положити Тебе имя, еже сотворити величие и просвещение (2 Цар. VII. 3. 4. 12. 13. 17–23).

Приметим в сем священном сказании, во-первых, что унаследование потомства Давидова на престоле Царства Израильскаго было делом особеннаго непосредственнаго Провидения Божия; во-вторых, что Давид узнал и принял сие устройство Божие со смиренным благоговением; в-третьих, что радость о даровании ему царственнаго потомства прежде всего принес он во храм Божий в жертву Богу, в благодарственной молитве; в-четвертых, что Божие благодеяние потомственнаго унаследования на престоле Давид относил не только к себе и к роду своему, но и ко всему народу Израильскому.

Какое это светлое зеркало настоящего царственнаго торжества! Какой прекрасный образ прекраснаго события в царском Всероссийском Доме!

Если мудрый, крепкий духом и благочестивый царь есть крепкое основание народнаго благоденствия в роде, в котором Он царствует; если достойный наследник престола обеспечивает сие благоденствие для следущаго рода: то благословенное рождение Наследника Наследнику Престола простирает радостныя надежды Царя и Царства до третияго и четвертаго рода. И кто же дал сей вожделенный дар Царю нашему, Россияне? Кто, как не Тот, Которому *отверзишу руку всяческая исполняются благости*, и особенно, Которым *царие царствуют*? Хотя никакой Нафан не явился сказать Царю нашему: узриши Сына Сына Твоего: тем не менее сие есть Божие дело, Божий дар. Какая мать, могла когда-либо сказать: буду иметь плод? Какой отец мог сказать: буду иметь сына? – По сему-то Слово Божие признает детей не столько достоянием родителей, сколько

собственностью Божиею: *се достояние Господне сынове, мзда плода чревнаго* (Псал. СХХVI. 3). Итак, хотя не слышимо, но тем не менее действительно, Господь рек благоверному Цесаревичу: *будет Тебе сын*. Господь рек благочестивейшему Царю: *узриши сына Сына Твоего*. И видит Он; и радуется с Ним Россия.

Обшею с Царством радостью радуется и Церковь; потому что надежды благочестиваго Дома Царева суть надежды и Церкви. И в особенности радуется она о том, что Царская радость, подобно как радость Давидова, прежде всего идет во храм, является пред Богом, приносит молитвенную жертву. И поелику Благочестивейший Государь высокими обязанностями Своими увлечен на сие время от Своей столицы к одному из пределов обширнаго Царства: то единодушная с Ним как во всем, так и в благочестии, Царица непосредственным Своим словом призвала к благодарной молитве верноподданных, и по особенному благоволению, особенно в сем призвании воспомянула вас, *Церкви*, и чада *первопрестольной столицы!*

Не имею нужды более возбуждать радость. Она полна и совершенна, без сомнения, во всех нас. Одно напомнить я должен: будем внимательны, да будем достойны радости, которою нас ущедряет Божие Провидение. Делами и жизнью веры в Бога и верности Царю тщательно да охраняем с нашей стороны благоденствие, которое благодать Божия упрочивает для нас благословениями Своими над Царским Домом. Аминь.

CCLVI.

175. Речь

**при благодарственном к Господу Богу молебном пении,
в Высочайшем присутствии Его Императорскаго Величества,
к собранным из безсрочнаго отпуска воинам.**

(Говорена 2 октября; напечатана отдельно и в собраниях 1844 и 1848 гг.)

<1843 год>

Пред лицом Бога мира, видя собор сынов брани, что помыслит, что скажет Церковь, служительница Бога мира?

Не будет ли тем сильнее вопиять к Богу о мире, чем явственнее напоминает о брани, сие множество испытанных в искусстве брани, и среди мира и отдыха к брани готовых?

Когда наконец, по пророчеству, *раскуют мечи своя на орала, и копия на серпы, и не возмет язык на язык меча, и не навькнут к тому ратоватися* (Ис. II. 4)?

И кому не приятен, кому не желателен мир, не исключая и сынов брани?

Однако – Господь, нарицаемый *Богом мира*, не нарицает ли Себя также *Господом воинств*?

Не Бог ли *научает руки верных Своих на ополчение, персты на брань* (Псал. СХLIII. 1)?

Авраам, образец кроткой веры, не воевал ли за своих родных и за союзных Царей?

Не войной ли, по повелению Божию, народ Божий приобрел землю обетованную?

Не Ангел ли Божий сделал гумно Гедеона военноучебным поприщем, и сильным небесным словом образовал его для победы над Мадянами?

Дух Божий, Который носился над Давидом от дня помазания его, не управлял ли рукою его, не только тогда, когда он извлекал из десятиструнной псалтири пророчесственные звуки, но и тогда, когда он победоносно стрелял в Голиафа, хотя не из лука стрелою, а камнем из пращи?

Равноапостольный Царь Константин, для чего первее всего употребил крест Христов, только что им познанный? – Для брани и победы.

Итак – Бог любит добродушный мир: и Бог же благословляет праведную брань. Ибо с тех пор, как есть на земли немирные люди, мира не лзя иметь без помощи военной. Честный и благонадежный мир большею частию надобно завоевать. И для сохранения приобретенного мира надобно, чтобы самый победитель не позволял заржаветь своему оружию.

И так, Православные воины, словом Давидовым говорит вам Святая Церковь, приглашая в тоже время и вас говорить с нею: *благословен Господь Бог наш, научаяй руки ваши на ополчение, персты ваши на брань!*

Любит мир Самодержец России: но по сему самому крепко стережет его стражею сильного верного, искусного воинства.

Любит Он мир Царства, и мир Своих воинов: и потому-то ускорил Он вам переход от военных подвигов к мирным занятиям, хотя впрочем еще находит нужным сохранить в вас искусство брани: потому что в мире надобно сеять, на случай нужды, семена побед.

Мирные сыны брани! Уразумейте, возчувствуйте, оправдайте Царское о вас попечение.

Некогда в Иерусалиме одни и те же люди, в одно и то же время, должны были строить городские стены, и ежеминутно быть в готовности отразить врагов: *единою рукою своею творяху дело, а другою держяху мечь* (Неем. IV. 17). И сей сугубо тяжкий подвиг перенесла и совершила любовь к отечественному граду. Вы можете обеими руками, безопасно, безпрепятственно, делать предоставленное вам дело поселянина или гражданина: делайте мирное дело ваше спокойно, трудолюбиво, честно, для довольства и блага вашей собственной жизни: но не забывайте и вашего меча, который может еще понадобиться Отечеству. Дух порядка, совершенного повиновения, точности в исполнении долга, который составляет одно из отличительных достоинств военного звания, сохраняйте и в гражданском положении вашем, и легким способом доброго примера простирайте его на других.

Не забывайте, что добрый воин, лев против врагов, должен быть агнцем между своими. Живите кротко и любовно: а гнев и грозу берегите для врагов Отечества.

Наипаче не забывайте, что добрый воин Царя Благочестивейшего должен быть равномерно *добр воин Иисус Христов*. Надобно ли в подтверждение сего вновь напоминать вам о древних победоносцах и уверять вас Апостольским словом, что они *верою победиша царствия* (Евр. XI. 33)? – Вы это ближе и проще знаете из деяний наших предков, наших Царей, наших избранных вождей.

Тот воин истинно не победим, которому венец мученичества за Веру, Царя и Отечество, так же любезен, как и венец победы.

Тот лучший слуга Царев, и надежнейший защитник Отечества, кто в верном Богу сердце, в чистой совести носит верную надежду Отечества небесного.

Воины Христиане! Се Царь предводит вас не к подвигам бранным, но к Самому Источнику побед и мира, представляя вас, и Сам предстоя с вами Господу сил, в молитве и благодарении. Какая для вас награда! Какое утешение для Церкви! Какая душа не возвысится, в след за сим высоким призванием? – Горе сердца! Да исправится молитва, яко кадило! Да пройдет небеса! Да примут ее Архистратиги небесных Сил, и принесут к престолу Царя царствующих! *Господи, спаси Царя! Господи сил с нами буди! Господи, на людех Твоих благословение Твое.* Аминь.

CCLVII.

176. Слово

в день тезоименитства Благочестивейшаго Государя

Императора Николая Павловича, в Мариинской церкви,

пред обетом сердобольных вдов.

(Говорено декабря 6; напечатано в собраниях 1844 и 1848 гг.)

<1843 год>

*Тако да просветится свет ваш пред
человеки.* Матф. V. 16.

Свет, достойный внимательного зренья, исходит из сих слов Евангелия. В них является Законоположитель и Распорядитель света. Он отдает свет как-бы в собственность некоторым людям: *свет ваш.* Он указывает способ не только пользоваться светом, но и светить другим: *такو да просветится свет ваш пред человеки.* Он предлагает сие дело света, не как дар, который можно получить, но как обязанность, которую должно исполнять, и которую следственно можно исполнить, потому что Премудрость не повелевает невозможного: *да просветится свет ваш пред человеки.*

Что ж это за свет? Кто сии счастливые, на которых возлагается прекрасная обязанность распространять свет? Не счастливо ли было бы, если бы и мы нашли в числе их?

Господи Иисусе! Ты еси верховный Свет мира, по Твоему собственному слову: *Аз есмь свет миру* (Иоан. VIII. 12). Посли нам внутренно свет Твой и истину Твою, чтобы мы могли найти, возбудить, удержать и употребить по воле Твоей свет, которому Ты повелеваешь просвещаться пред человеками.

Чтобы узнать, кто сии люди, которых Евангелие призывает светить прочим человекам, надлежит обратить внимание на обстоятельства, в которых Господь изрек заповедь света: *да просветится свет ваш пред человеки.* Евангелист Матфей описывает сии обстоятельства так: *узрев же народы, възиде на гору, и седишу Ему, приступиша к Нему*

ученицы Его: и отверз уста Своя, учаще их (V. 1. 2). Итак поучение Христово было к ученикам Христовым; и конечно высокая заповедь, светить человекам, относилась преимущественно к высшему разряду сих учеников, то есть, к двенадцати Апостолам, так как без сомнения, к ним относится следующая часть поучения Христова: *вы есте свет мира: не может град укрытись, верху горы стоя* (14). Апостолы стояли на горе учения, которую теперь видим, и просветились светом закона духовного потом на горе Фаворе, – и постигли свет молитвенного созерцания, потом на Сионе, – и озарились светом воскресения, на Елеоне, – и возводили очи к свету обожения человечества во Христе, наконец паки на Сионе, – и наполнились светом Духа Святаго. Так возвысаясь в духе, они уже не могли *укрыться* в естественной простоте своей и необразованности. Молнии света, не убивающая, но животворящая, проливались из них не только на землю Иудейскую, но и на языческий мир, лежащий в сугубой тьме неведения и пороков, и преобразовали его в мир света, в мир истины и добродетели, в мир Христианский.

Так это дело Апостольское, а не наше? – помыслит, может быть слышащий. Следственно дело света – не наше дело? –

Удержим помысл, без нужды торопливый. Возвратимся к зрелищу Христа, учащего на горе.

Узрев же народы, взыде на гору, и седишу Ему, приступиша к Нему ученицы Его, и отверз уста Своя, учаще их. Учениками язык Апостольский часто называет не одних Апостолов, но и всех, с верою слушающих и приемлющих учение Христово. Что и в сем обширном смысле можно и должно принять наименование учеников, употребленное в приведенном теперь сказании Евангелиста, в том удостоверяет замеченное им обстоятельство: *узрев народы*. Если бы поучение Господа относилось только к двенадцати Апостолам: для чего бы Евангелисту сказывать, что оно началось, когда Господь *узрел народы*? Странно вообразить человеколюбиваго Иисуса, узревшаго народы, оставившаго их без внимания, и *отверзшаго уста Своя* только для двенадцати человек. Не так поступал Он обыкновенно. Что нужно было говорить собственно для Апостолов: то говорил Он им особо без народа: *особь учеником Своим сказаши вся* (Марк. IV. 34). А когда видел пред Собою народ, не пренебрегал его, и не лишал спасительного слова: *виде Иисус народ мног и милосердова о них, – и начат их учить много* (Марк. VI. 34). Итак нет сомнения, что и тогда, как Господь, *узрев народы*, поучал на горе, проповедь Его не к одним Апостолам относилась, но касалась и каждого из народа, кто имел уши слышать, и сердце веровать.

Теперь найдено, что, если мы и не Апостолы, а принадлежим только к *народу* верующих: тем не менее и для нас есть доля в нагорной проповеди Христовой; и нам нечто сказано в сих словах: *да просветится свет ваш пред человеки*; дело света духовного нам не чужое.

Слышащие сие, не пожелают ли услышать и то, как можем мы участвовать в распространении света, и не только услышать, но слышимое и творить по возможности? – О, если бы сие слово встретилось с сим желанием, которого оно и домогается! – К разрешению же предложенного теперь вопроса мы тотчас притти можем, не чрез трудное изыскание, но чрез простое продолжение слов поучения Христова.

Тако да просветится свет ваш пред человеки. – Каким образом? – Господь продолжает: *яко да видят ваша добрая дела.*

Вот очень простая тайна света! *Добрая дела* – вот свет, который всякой издавать может! Добрый пример – вот способ, которым каждый может распространять свет между другими! И вот явственная черта Божественности учения Христова, что она, восходя

превыше высокого созерцания, в то же время низходит до самого простого разума, и всякому доступного исполнения!

Чтобы распространять между людьми свет, или иначе сказать, истину и добро, для сего, кажется, мы не знаем более открытых способов, как три следующие: слово, власть, пример. Слово действует убеждением, власть – праведно употребляемым могуществом, пример располагает к подражанию. Не всем дается дар и право действовать словом разума и премудрости; ко власти, особенно высшей и обширнейшей, немногие призываются Провидением; но все могут действовать добрым примером, между тем как и особенной силе слова или власти он сообщает от себя новую силу. По сему судите, как важен добрый пример.

Если слуга слова скажет вам: будьте благочестивы, человеколюбивы, воздержны; но если его наставления не написаны в книге собственной его жизни: то весь плод поучительного слова может заключиться в ответном слове: *врачу, исцелися сам* (Лук. IV. 23). Не говорю, чтобы так и должно было: но так всего скорее случиться может. – Впрочем Господь повелевает принимать справедливые и полезные слова и от тех, которых дела словам не соответствуют: *вся убо, елика аще рекут вам блюсти, соблюдайте и творите; по делом же их не творите, глаголют бо, и не творят* (Матф. XXIII. 3). Но кто творит то, чему поучает: у того дело его и малому слову сообщает великую силу. Свет слова без силы дел, есть блеск без жизни, скоро преходящий: свет добрых дел продолжает нередко светить и тогда, когда слово угасло, и за смертью делателя простирает долгую и широкую зарю. Так – *просвещался ли бы пред нами свет* Святителя Николая, посредством Его слова, которое скрылось в сердцах Его современников, и не перешло в книги, чтобы дойти до нас? – Но благодатная и чудесная дела Его сострадательной, неистощимой, безпредельной любви к человечеству, какую светлую, долгую, широкую зарю простирали и простирают по векам и странам вселенная!

Повеления власти во многообразии своем очевидно не всегда могут быть соизмеримы примером повелевающего, который один не может употребить себя во все дела и должности, распределенные по разным степеням и разрядам подчиненности. Но где власть и подчиненность могут идти одним путем, как, например, в истине веры, в добре нравственном, в делах человеколюбия и милосердия: там предшествующий пример власти, как сильно, и вместе как приятно увлекает за собою подчиненность! Как вода с высших мест сходит на низшие, не всегда удерживаясь даже преградами: так нравственный дух высших состояний в обществе чрез подражание переходит в низшие, не смотря на некоторые преграды, поставляемые различием званий. Благочестие и человеколюбие владеющих и начальствующих, как солнце, без усилия сильно распространяет свет свой в круг подвластных. Счастливы подвластные и подчиненные, которым для того, чтобы одушевляться любовью к истине и добру, к правде и милосердию, ревностью к своим обязанностям, неутомимостью в подвигах, – надобно только взирать на поставленную над ними власть, и изучать ее действия!

Не сомневаюсь, что теперь моему слову вторят мысли предстоящих: счастливы мы, которым здесь – не притча только, но и живые дела Царского человеколюбия светят и говорят: *иди, и ты твори такожде* (Лук. X. 37). Потому-то, благодарение Богу, и часты у нас дела и учреждения человеколюбия.

Но что еще скажем более близкое к тем, которых состояние подобно не *граду, стоящему верху горы*, но, может быть, только хижине под горою? Не ужели может и их *свет просвещаться пред человеки*? – Почему не так? И малый светильник в хижине увидит блуждающий странник, и пойдет на его свет, и найдет в хижине спасение от холодной

ночи или зверя, и успокоится в безопасности, и обрадуется странноприимству. И скромное доброе дело человека невидного в мире, если одушевлено добрым и святым намерением, есть дело света, которое и действует в сем качестве на видящих, привлекая к добру; и даже, под управлением Провидения, простирает иногда свое действие на неизмеримую даль. Посмотрите на указанную Сердцеведцем вдовицу, которая по избытку благочестиваго усердия, последняя две лепты положила в сокровище храма. Какое маленькое доброе дело? Но пред сколькими уже миллионами человеков просветилось оно, и еще будет просвещаться в Евангелии, уча одних делать добро и при малых способах, а других, и в малых делах, и в малых людях, высоко ценить доброе чувство и святую мысль.

И вот поощрительный пример и для вас, благолюбивыя вдовицы, избранныя и избираемыя в человеколюбивое служение болящим. Не блистательное дело, посидеть у одра болящаго, верно подать ему врачевство, послужить его покою, сказать ему слово утешения: но если сие одушевлено будет чувством Христианской любви, святою заботою и молитвою о мире души болящаго: то будет ваше скромное дело делом света для ближняго, и вашу совесть озарять будет светом внутреннего утешения.

И никто из нас, братия, да не уклоняется от заповеди всеобщаго Светодавца и Световодителя. Каждый да творит добро по возможности, и да светит делами света, если не на ряду с великими светилами, то хотя между малыми звездами. Хорошо быть хотя малою искрою в том Божием небе, где и малая искра светлее и прочнее здешняго солнца. *Тако да просветится свет ваш. Аминь.*

CCLVIII.

177. Слово

по освящении храма Пресвятыя Богородицы,

Взыскательницы Погибших, устроеннаго

при замке пересыльных арестантов.

(Говорено декабря 23; напечатано отдельно и в собраниях 1844 и 1848 гг.).

<1843 год>

*Всади их во внутреннюю темницу, и ноги
их заби в кладе. В полунощи же Павел и
Сила
молящися пояху Бога: послушаху же их
юзницы. Деян. XVI. 24. 25.*

Вот и мы *молящися поем Бога*, если не в самой темнице, то близ самой темницы, и ради темницы, и *слушают нас юзницы*.

Помышляя о том, что здесь ныне совершилось, хочу радоваться, радостию человеколюбия: но несколько и страшусь, страхом Божиим.

Если бы кому пришло на мысль, во дворе темничном построить царский дом: кто не сказал бы, что это несообразно с достоинством дома царского? Как же дерзнули мы во дворе темничном устроить дом более, нежели царский, – дом Божий?

Чистота и святость принадлежат дому Божию преимущественно пред всяким другим местом, хотя впрочем не лишенным своей чистоты. Напротив того темница, и особенно темница осужденных, не есть ли такое место, куда общество человеческое повергает от себя нравственную нечистоту? Итак сохранится ли чистота, не оскорбится ли святость дома Божия, когда мы поставляем его в соприкосновенности с темницею осужденных?

Правила Святых удаляют от святых Христовых Таин, и едва допускают переступить чрез праг святого храма, людей, обремененных тяжкими грехами, доколе не очистят их совести покаяние, слезы и время, иногда довольно продолжительное. И не удивительна сия строгость, когда и человеческий закон тех же людей, за те же грехи, которые он, обнаружив, называет преступлениями, удаляет от домов и селений непорочных граждан, даже навсегда. Как же теперь святой храм, со святыми Тайнами, сам пришел к сим людям, которым строгость священных правил не дает права приступать к святым Тайнам, и едва позволяет входить во храм?

Милостив буди к немощным служителям Твоея святыни, Единый Святой, Единый Господь, Иисус Христос, если мы не довольно строго удаляем от святыни Твоея то, что ея недостойно; если, научась от Апостола Твоего, *помянуть юзники, аки с ними связаны* (Евр. XIII. 3), мы хотим разделить с ними, что только знаем утешительнейшего для себя, – именно, благодать святого храма, и спасительное общение, или по крайней мере, благотворную близость животворящих таин. Не в темницу ли, не к осужденным ли, не к изгнанникам ли, не к узникам ли пришел и Сам Ты на землю, чтобы основать Твой живой храм, Твою святую Церковь! Ибо, что такое вся земля, после рая, как не пространная темница? Что человек вообще, как не осужденный преступник райского закона, изгнанник рая, пленник греха, узник брэнной плоти, отягощающей душу? И не гнушалась чистота Твоя; не чуждалась святыня Твоя. Ты пришел; и в сей темнице, для сего преступника, изгнанника, пленника, узника, поставил Твой Голгофский крестный жертвенник; Твоим страданием и смертью совершил на нем Твою вселенскую Божественную литургию; принес Твою вечную жертву, которая одна и та же, и здесь, и ныне, совершается. И кто были ближайшие к сему Твоему жертвеннику? – Разбойник одесную; разбойник ошуюю. Если сия близость шуяго возбуждает негодование: то какое утешение подает близость деснаго, который и крестныя жертвы Твоея верою приобщился, и Тебя прославил, и сам спасся, и самым безнадежным грешникам подал пример и надежду спасения! И ныне, Господи Иисусе Христе Боже наш! Святой и освящающий, Архиерей, и Жертва, Спаситель грешных, Взыскатель погибших, Датель благодати и славы! Да не удалится и от здешняго жертвенника святыня Твоя; да почивает на нем благодать Твоя. И если между приближающимися к нему, пред зрящим на сердца оком Твоим, явятся и разбойники, или такие, которые не лучше разбойников: взыскай и обретаи между ими подобных благоразумному распятому с Тобою разбойнику. Пронзай души их взором Твоего всеведения и правосудия, да уязвятся сердца их спасительною скорбию покаяния. И когда от сокрушеннаго сердца возопиют к Тебе: *помяни их во царствии Твоем* памятию милосердия; даруй им благу ю надежду; и скоро начни отверзать им тайную дверь *рая* – в умиротворенной совести.

А вы, которых закон и правосудие сделали чуждыми для нас, но которых еще братьями называть побуждает нас любовь Христианская! Поймите любовь сию, в ея опытах, которые перед вами.

За чем пришли к вам, узникам, сии люди свободные, обилующие, люди почетных званий? Как вы с удовольствием изторглись бы из вашей темницы: так они с удовольствием отторглись от своих дел и занятий, и поспешили к вам, в темницу. Не имеют ли они в вас какой нужды? – Без сомнения, никакой. Какая же сила привлекла их сюда? – Сила любви Христианской. Видно, могущественна сия сила; видно, приятно следовать ей влечению. По любви Христианской, они находят приращение своего благополучия в том, чтобы сострадать вашему несчастью, чтобы трудиться для ваших нужд, чтобы по возможности, облегчать ваши тяготы, наипаче же, чтобы указать вам единственное верное средство для вашего примирения с вашим жребием, – в вашем внутреннем примирении с самими собою и с Человеколюбцем Богом.

Для чего так торжественно явился среди вас и Церковный Собор, и так близко к вам водворил святыню храма Христианского? Почему правосудие Церковное не так для вас решительно и неумолимо, как гражданское, хотя Церковь требует не только непорочности во внешних отношениях, но и во внутренней святости, и потому, могла бы строже судить виновных? Почему тогда, как гражданское общество изгоняет вас, Церковь как-бы гонится за вами. Одно изъяснение сих неожиданностей – любовь Христианская. Даже и грозною строгостию церковных правил не иной кто вооружил служителей веры, как любовь, по реченному Апостолом: *страхом спасайте от огня восхищающе*: любовь же повелела и умягчать строгость правил: *милуйте разсуждающе* (Иуд. I. 22. 23). Любовь во Христе избрала и провозгласила сей неожиданный образ действия: *не приидох призвати праведники, но грешники на покаяние* (Матф. IX. 13). *Прииде сын человеческий взыскати и спасти погибшаго* (Матф. XVIII. 11). Та же любовь и ныне, от девяносто девяти овец заблуждших, идет искать одной заблуждшей.

Братия, и в сем уничиженном состоянии вашем, нам ради Христа возлюбленные! Не будьте к сей любви невнимательны и холодны. Если есть в вас некоторое расположение к благодарности, как оно есть в общей природе нашей: не ужели вы попустите себе оказаться не добрыми для тех, которые так деятельно добры для вас? Не ужели не захотите доставить некоторое утешение тем, которые заботятся о вашем утешении? Заботьтесь же сколько-нибудь и вы, чтобы доставить им утешение, которого они ищут, – в вашем нравственном и духовном улучшении.

Когда примечаете близ себя, что Христианство раскрывает в людях способность находить благополучие в том, чтоб итти в темницу, заботливо заниматься осужденными; догадайтесь из сего, что есть в Христианстве сила, и в самих осужденных, и в самих заключенных в темнице, или странствующих в изгнание или заточение, открыть способность к благополучию, которого и темница не помрачит, которое и на пути в изгнание, назад не останется. Источник сей победоносно благотворной силы есть благодать Божия; хранилища благодати суть Слово Божие, Церковь и ея Таинства; средства привлекать и приобретать оную суть сердечная молитва, поучение Слова Божия, благоговейное участие в церковном Богослужении и, в установленном порядке, общение таинств, с верою и любовью.

Не удивился бы я, если бы вы стали жаловаться, как трудно вам возвышать дух ваш, из-под тяжести бедствия. Не оспариваю сей трудности: но утверждаю, что есть верная возможность преодолеть ее; и чтобы доказать сие несомненными опытами, указываю вам на темницу, или, если угодно, и на несколько темниц и изгнаний, или заточений, которых несравненно тяжелее вашей темницы и вашего изгнания, но которых не препятствовали возвышаться духу, когда он того желает.

Апостолы Павел и Сила, в городе Филиппах, за проповедь Евангелия, и за изгнание духа пытливого, возмутившимся народом битые, израненные, отданы в темницу под крепкую стражу. Темничный страж, не довольствуясь заключением их во внутреннюю темницу, *ноги их заби в кладе*. Что же они делают, – изнуренные биением, страждущие от ран, не могущие дать удобного положения телу, от стесняющей ноги обоих колоды, – что делают они тогда, как и не изнуренные уступают немощи тела? – *Полунощи Павел и Сила молящиеся пояху Бога*. Может быть, вы думаете, что Апостольский только дух мог быть так возвышен и не преодолеваем ни бедствием, ни немощию. Не совсем так. По гласу молитвы Апостольской, и прочие заключенные в той же темнице, не только не Апостолы, но, по всей вероятности, даже не Христиане (потому что это было в языческом городе), возвысились духом и над бедствием, и над немощию плоти, не предались сну в полунощи: *послушаху их юзницы*. И видно, сильно их объял восторг молитвы Апостольской: потому что и чудо над ними совершилось: *всем юзы ослабеша*.

Кто не слышал о юном, невинном Иосифе, отторгнутом от отца, проданном братьями в плен и в рабство, увлеченном в дальнюю страну, к иноплеменникам, оклеветанном, вверженном в темницу? – Знаете конечно и то, что столько бедствий не могли унижить духа юноши, ни поколебать его добродетели, но и в рабстве она была свободна, и в темнице просияла. Не видите ли, что и в темнице, и в заточении можно находиться, без упадка духа, не без надежды, и даже с достоинством и славою?

Осмотрите еще одну темницу и узы, которые должны показать вам, что темница и узы не только не погубляют невинного, но еще могут споспешествовать спасению виновного, если он благоразумно ими воспользуется. Манассию, виновного в отступлении от Бога, и в других тяжких преступлениях, *яша во узах, и связаша его оковы ножными, и отведоша его в Вавилон. И егда озлоблен бысть, взыска лице Господа Бога Своего, и смирися зело пред лицем Бога Отца своих, и помолися к Нему, и послуша его* (2 Парал. XXXIII. 11–13).

И так, если вы не можете, как Иосиф, сделать свою темницу, изгнание, заточение, почтенными и славными посредством невинности и непоколебимой добродетели: по крайней мере, как Манассия, старайтесь сделать ваши бедствия и трудности спасительными для вас, посредством покаяния, исправления жизни и безропотной покорности закону, власти и судьбе Божией.

Что скажу наконец соединенным подвижникам Христианского человеколюбия, посетителям темниц, попечителям их обитателей и пресельников? Что в особенности соработникам дела благочестия, которое ныне запечатлела благодать? – Не многое потребно слово там, где уже довольно дела благонамеренно совершилось или совершается. *Не обидлив Бог забыти дела вашего и труда любви, юже покажете во имя Его* (Евр. VI. 10). Любовь Божия да не престаёт одушевлять и улаживать ваш труд. Имя Господа Иисуса да исполняет силою слова и действия вашего человеколюбия. В благоуспешном утешении бедствующих, в обращении заблуждающих, в радостном о сем свидетельстве совести вашей, да является вам и в темнице Тот, Который отъял от нея поношение, и украсил ее, Своим уверением, что Он в ней был: *в темнице бех*. Аминь.

В отд. изд. за сим словом помещена следующая *молитва заключенного в темнице*:

Господи Боже, Создателю и Спасителю мой, благословенно да будет имя Твое святое!

Благодарение и слава Тебе, Господи, о всех благих, яже приях от Тебе в житии сем.

Ныне же скорбь и болезнь обретох и имя Твое призываю.

Поношения нападоша на мя. Положиша мя в рове преисподнем, в темных и сени смертной. Скорблю о сем, и по сей скорби разумеваю, яко согреших пред Тобою, и по грехам моим приидоша на мя беды. Ибо праведники Твои не унывающе и в темницах пояху Тебе, и во страданиях радовахуся.

И аще беззакония назриши Господи, Господи, кто постоит? Яко несть человека, иже не согрешит.

Но Ты, Господи, грехи всего мира носиши и покаянием очищаеши. Верую, яко и мене грешного не отвержеши от лица Твоего. За весь мир Единородный Сын Твой излия Свою Божественную кровь. Верую, яко и мене от грехов моих омыти может и хочет.

Сего ради с Давидом глаголю: исповем на мя беззаконие мое, Ты же, яко благ, остави нечестие сердца моего.

Страхуюся суда и осуждения человеческого, но наипаче да будете мне в страх Твой неумытный суд и вечное осуждение.

Аще неправда возстанет на мя: дерзаю словом Давидовым молиться Тебе: услыши, Господи, правду мою и вонми суду моему, и правдою Твоею избави мя.

Аще же неправду сотворих, милосердием Твоим неправду мою уврачуй.

Не попусти уклониться сердцу моему во словеса лукавствия, к сокрытию истины и к ложному оправданию.

Помози мне и уразумети и возненавидети неправду мою, возлюбити же правду и во истине обрести облегчение душе моей.

Облегчи бремя бедствия моего. А еже понести мне суждено, да понесу с терпением ради очищения грехов моих и ради умилоствления Твоего правосудия.

Аще и стыд покрывает мене пред некими человеки, да потерплю со смирением, да умилоствлю Тебе, Господи, да не постыжден буду пред лицом всего мира на страшном суде Твоем.

Прихожду к Тебе скорбный и печальный, не лиши мене духовного утешения.

Прихожду к Тебе омраченный, яви мне свет упования спасения.

Припадаю к Тебе изнемогший, возстави и утверди мене благодатию Твоею.

Паче же всего даруй мне желание и помози мне, Господи, творити во всем Твою волю, да в мире совести прославлю имя Твое святое Отца и Сына и Св. Духа. Аминь.

ССLIX.

178. Беседа

по крестном ходе.

(Напечатана в Твор. Св. Отц. 1844 г. и в собраниях 1844 и 1848 гг.)

<1843 год>

*Приидите возрадуемся Господеви,
воскликнем Богу Спасителю нашему:
предварим лице Его во исповедании, и во
псалмех воскликнем Ему. Пс. XCIV. 1. 2.*

Праздновать праздник дело столь обыкновенное, и столь, по видимому, простое, что не легко придет комунибудь мысль подозревать себя в неумении праздновать. Вид пришедших на сей праздник, если не обманываюсь, более показывает удовольствие, что празднуют, нежели заботу, так ли празднуют.

Но не случалось ли вам когданибудь читать, или слышать в церковном чтении, что говорил Бог чрез Пророка Исаию некоторым празднующим о некоторых праздниках? – *Праздников ваших ненавидит душа моя* (Иса. I. 14)! Незаботливо ли это для празднующих? Что может быть несчастнее праздников, которые Бог ненавидит? И что это за несчастные праздники? Не Вааловы ли? Не Молоховы ли? Не другие ли идольские и языческие? – Совсем нет! Бог негодует на праздники Иудейские, истинному Богу посвященные, и даже Самим Богом установленные. *Новомесячий ваших, и суббот, и дне великаго не потерплю; поста, и праздности, и новомесячий ваших, и праздников ваших ненавидит душа Моя*. И пусть бы так уничтожаемы и отвергаемы были праздники Иудейские тогда, как сень законная прешла, и явилась благодатная истина; тогда как загадочныя жертвы овнов и тельцов разгаданы крестною жертвою Христовою, и бесполезно стало повторять загадку разгаданную; тогда как ветхий Завет уступил место новому, храм Иерусалимский Церкви Христианской, служение Богу обрядовое поклонение духом и истиною. Но нет! Бог чрез Исаию возгремел против праздников Иудейских, когда Закон Моисеев господствовал, ветхий Завет был в своей силе, храм Иерусалимский стоял, и праздники Иудейские столько же важны были для истинной церкви Иудейской, как нынешние наши праздники для истинной церкви Христианской. Так посему может случиться, что и на наши праздники падет подобный приговор: *не потерплю*; – *ненавидит душа Моя?* – Да. В сем-то и состоит забота.

Итак видите, что стоит труда подумать, как праздновать праздник, и так ли, как должно, мы празднуем.

Вслушайтесь же внимательно, как Пророк Давид, во псалме, и созывает на праздник, и вместе поучает праздновать. *Приидите возрадуемся Господеви, воскликнем Богу Спасителю нашему: предварим лице Его во исповедании, и во псалмех воскликнем Ему*.

Первое наставление: *приидите*.

На сие вы можете сказать, что если это есть заповедь праздника, то вы правы пред нею; потому что пришли на сей праздник, и притом шествием торжественным и благоговейным. Не оспариваю сего утешения вашего.

Но иные, может быть, скажут, разве непременно надобно куданибудь *итти*, чтобы *возрадоваться Господеви*? Разве нельзя праздновать и дома сидящему? Не стану спорить и против сих вопросов. Однако Пророк Давид не пустое же сказал слово: *приидите*. Чтоже он думал? Чего требовал?

Дабы *возрадоваться Господеви*, дабы праздновать праздник Божий, надобно, чтобы человек был в некотором сближении с Богом. Бог всегда близок к человеку, по Своему вездесущию: но человек не всегда близок к Богу, по своей ограниченности, невниманию, рассеянности, по занятию земными предметами, по склонностям и действиям Богопротивным. Итак надобно выйти умом из земных помыслов и воспоминаний, сердцем из забот и пристрастий, телом из работ и дел, чтобы без преград и препятствий приблизиться к Богу, предстать Ему, и праздновать в Его присутствии.

Некоторые, вышед из жития греховного, из работы дел неправедных, из пристрастий, вырвавшись даже из невинных, по видимому, естественных привязанностей к родству, к семейству, к дружбе, к вещам и занятиям необходимым для временной жизни, идут и приходят к Богу ежедневно, ежечасно, непрестанно, поучением в слове Божиим, псалмопением, внутреннею и во время внешних занятий молитвою, возвышенным Богомыслием и созерцанием, так что по истине вся жизнь их составляет один *путь Господень* (Деян. XVIII. 26). Таких я не призываю более никуда; они в своем уединении, в какойнибудь хижине или пещере, празднуют с Богом и Ангелами праздники, более совершенные, нежели мы в наших торжественных собраниях. Я молил бы только их, посещать, хотя иногда, наши священные собрания, не столько по надобности в том для них, сколько в благодеяние нам, чтобы их присутствием разширилось наше общение со Святыми, чтобы их крепкая, небопроходная молитва пролагала удобную стезю немощной молитве нашей. Знаю, по примерам и преданиям, что они и делают сие, по внушению водящего их Духа Божия; и мысль, что такие люди скрываются во многочисленных церковных собраниях, и тайно, неведомо нам, но сильно и благопоспешно помогают молитвам нашим, – сия мысль есть одна из тех, кои делают более возжеланными сии собрания, сами по себе важные.

А вам, люди обыкновенные, которых душа в дни работные глубоко погрязает в делах и работах, а в неработные легко предается дремоте праздности, или рассеивается в суетных увеселениях, которых внимание, по нуждам, по привычкам, по пристрастиям, так много занято земными предметами, что они стоят около вас, как преграда между вами и Богом, – вам настоятельно говорю я с Давидом о днях Господних: *приидите возрадуемся Господеву*; выйдите, как можно, хотя на сие особенное время, из обыкновенного вашего положения, неблагоприятного для души; оставьте позади себя ваши дела, ваши заботы, все, что вас привязывает, или рассеивает, или смущает, или огорчает, или раздражает; приидите, в каждый из таких дней, в одно из тех освященных мест, где все вам напоминает, все дает чувствовать, что вы предстоите Богу: где слово Божие глаголет; где Дух Божий дышет; где Голгофская жертва Христова возобновляется; где благодать отверзает объятия молящимся; где Ангелы сослужат тайнодействующим человекам, и человеки тайно изображают Херувимов.

Дабы впрочем не затруднить еще один разряд людей, – тех, которые, по немощи, по нужде, по долгу повиновения, во времена священные принуждены оставаться в домах, при делах мирских, – скажем и для них: по крайней мере, когда услышат они возвышенный голос колокола, возвещающий высокую минуту безкровной Жертвы, пусть пошлют в Церковь благоговейную мысль, благочестивое желание; пусть освятят себя знаменiem Креста, как-бы вместе с предстоящими алтарю: Ангел храма встретит их и вдали, причислит к действительно предстоящим, и вознесет на олтарь Господень память их.

Второе наставление Пророка: *возрадуемся Господеву*.

Праздник без духовной *радости*, без сердечного в нем участия, без внутреннего чувства, есть тело без души.

Но должно испытывать и поверять чувство, и различать виды радости. Ленивый работник бросил работу, и рад, что настал праздник: он радуется своей лени, а не Господу. Легкомысленная женщина облеклась праздничным убранством, и с удовольствием начинает праздничный день: она радуется своей суете, а не Господу. Ядца и пийца видит, или воображает праздничное пиршество, и весел заранее: он радуется своему чреву, а не Господу.

Нет! Если и тогда, как от вчерашней работы еще болят у тебя члены, ты охотно идешь во храм, и не боишься утомления; если твои чувства, мысли, сердце так заняты Богослужением, что ты не развлекаешься посторонним, и забываешь внешнее: то я верю, что ты *радуешься Господеви*.

Если же и по выходе из храма ты остаешься внутренне довольным так, что не привлекаешься удовольствиями чувственными; вносишь мир твоей души в мир твоего дома, и распространить твое утешение желаешь разве только в духовном общении, либо в благотворении к ближнему: то я еще больше верю, что ты *возрадовался Господеви*. Ибо когда радость Господня, утешение внутреннее, духовное, посещает и наполняет сердце: тогда человек находит себя духовно услажденным и насыщенным так, что алкание внешних услаждений утихает и престаёт; тогда опыт лучшего и высшего показывает ему, как ничтожен их вкус, как низко погружение в них, как отвратительно их излишество; тогда если радость духовная возбуждает и движет его, то движет, по свойству своему, к делам духовным и Богоугодным.

Дай нам такую радость, скажут, может быть, некоторые; научи нас так радоваться. — Желал бы я сего, братия, для вас, и для себя: только сомневаюсь, можно ли научить радости, как науке; можно ли раздавать оную, как раздают пищу за столом. Но за то можно иметь радость, и без прошения у других, и без научения другими. Посмотрите на младенца, когда он видит свою мать, и бросается в её объятия: не видите ли, что он весь радость? А его никто не учил радости; и он не просил её у матери. Будьте и вы, *яко дети*, как и учил быть Христос Господь (Матф. XVIII. 3), — так просто, так совершенно предавайтесь Богу, так всецело повергайтесь в объятия благодати Его: радость Господня, от одного взора матери — Благодати, сама собою родится в сердце простом и чистом. Если же сердце ваше не обретает радости духовной: то не бесполезно вспомнить закон и предел, который Бог положил радости. *Несъ радоватися нечестивым, глаголет Господь* (Иса. XLVIII. 22). Предел, за который не переступает радость Господня, есть тот, за которым начинается область нечестия или беззакония. Итак, если сердце твое не обретает радости духовной: то *внемли себе*, как говорит Моисей, примечай за собою, испытывай себя, *да не будет слово тайно в сердце твоём беззакония* (Втор. XV. 9), не кроется ли в нем противный благочестию и добродетели помысл, страсть, намерение, дело нечистое, несправедливое, злое, чем сердце осквернено, загромождено, заграждено, и сделано не доступным чистой и святой радости. В таком случае путь к радости о Бозе, есть *печаль яже по Бозе*, которая *покаяние нераскаянно во спасение соделовает* (2 Кор. VII. 10), и таким образом *сеющими слезами радостью пожинают*: чего ради и Псалмопевец радости в самую средину радостного псалма своего всевает слезы, как семя чистой радости: *восплачемся, говорит, пред Господом, сотворшим нас* (Псал. CXXV. 5). Впрочем, испытывай себя, сказал я, не в слове ли беззакония кроется причина отсутствия радости: а может случиться и то, что она медлит явиться, ожидая мановения Благодати, испытующей твою преданность и упражняющей твое терпение, или просто требуя возбуждения свойственным Ей образом.

Сюда относится третье празднственное наставление Пророка, которое заключается в следующих воззваниях: *воскликнем Богу Спасителю нашему; предварим лице Его во исповедании, и во псалмех воскликнем Ему*.

Он указывает здесь на средство возбудить священную радость, и, когда она возбудится, так как она по существу своему жива и деятельна, дать ей приличное упражнение.

Когда вы приходите пред Бога, чтобы возрадоваться Господеви, чтобы праздновать праздник Его: не стойте пред Ним, как истуканы, с холодным равнодушием, без

упражнения вашего внимания, без возвышения вашего сердца; вспомните, что предстоите Богу, вашему Творцу, вашему ежеминутному Хранителю и Промыслителю, вашему вечному Спасителю; взирайте к Нему вашим умом; взывайте к Нему вашим сердцем; Церковь вам предшествует в сем своими молитвами и песнопениями; дайте свободно входить Ея гласам и воскликновениям в ваше сердце; пусть оне там отдаются и производят духовный отголосок. *Воскликнем Богу Спасителю нашему.*

Может быть, призываемый воскликновениями Бог не вдруг даст ощутить душе Свою благодатную к ней близость: сие да не воспящает нас. Иногда Он предваряет наши призывания и ожидания Своим утешительным посещением: но если иногда и не так; то мы *предварим лице Его во исповедании*, – во исповедании нашей немощи, а Его силы, нашего недостойнства, а Его благодати, нашей скудости, а Его великодаровитости, Его безчисленных благодеяний, и нашего, по крайней мере, искренняго желания быть Ему благодарными.

Господь наш не одобряет мнения тех, которые, взывая к Богу, *мнят, яко во многоглаголании своем услышани будут*; и заповедует *молящимся не лишше глаголати* (Матф. VI. 7. 8). Однако не должна же, и не может молитва быть слишком кратка, потому что к сильному и действенному слову молитвы нужно иногда не малое молитвенное приготовление, и потому, что надобно наконец дойти до исполнения также собственно Евангельской заповеди: *непрестанно молитесь* (2 Сол. V. 17). Посему мы должны, с Церковию, не только возсылать к Богу краткия, горящия воззвания и воскликновения, но и возносить к Нему псалмы, – протяженные, усугубляемые, постоянное стремление к Богу выражающия, молитвы и славословия. *И во псалмех воскликнем Ему.*

Но надобно, может быть, и мне в учении о празднике и молитве *нелишше глаголати*, дабы не прейти меру неутомленного внимания вашего. Сказанное доселе уже дает вам некоторый способ приметить недостатки, какие могут быть в вашем праздновании, дабы позаботиться о восполнении недостающего и о исправлении неправильного.

Признаюсь, меня не все радует, что вижу я в наши праздники.

Что значит столь приметный иногда в праздничных церковных собраниях недостаток безмолвия и благоговейнаго внимания? Если бы помнили все, что пришли пред Бога, и предстоят лицу Его: то никто не осмелился бы, и не захотел бы здесь обращаться от Бога к человеку, и входить в празднословие или распри; народ никогда не был бы около святилища в беспорядочном и шумном движении, подобно волнам, которая движет не дух разумный, а ветер непостоянный.

Что значит так близко иногда к Скинии Господней являющееся на праздник новое поселение оных недобрых скиний, приготовленных для служения лакомству или пьянству, для суетных зрелищ, для игр, свойственных детям, но которые не дети учреждают, и которыми не дети занимаются? Не то ли сие значит, что многие приходят искать веселия плотскаго и греховнаго там, где надлежало им обретать и вкушать радость духовную и святую? А такие праздники не суть ли те самые, которые Бог ненавидит? *Праздников ваших, глаголет, ненавидит душа Моя; бысте Ми в сытость, ктому не стерплю грехов ваших.* То есть: Бог ненавидит, не самые праздники, но грехи, которыми оскверняются праздники, а за тем уже и празднование, грехами оскверняемое, и потому недостойное Божества.

Ни идолослужители бывайте, говорит Апостол, *яко же нецыи от них*, то есть, принадлежавших к Церкви Ветхозаветной, *яко же есть писано: седоша людие ясти и*

пити, и восташи играти (1 Кор. X. 7). Видите ли, что праздновать лакомым ястием, неумеренным питием, суетными играми, значит праздновать по-идолослужительски? Хорошо ли же вам начинать день празднованием Христианским, а оканчивать идолослужительским?

Христиане! Христиански да празднуем праздники наши в радости духовной, в молитвах и псалмопениях Господу, в мирном покое или в делах благих и благотворных, да будут празднования наши Богу благоугодны, и для нас благословенны и спасительны. Аминь.

1844 год.

CCLX.

179. Слово

**на память Святителя Алексия, в
субботу первыя недели Великаго поста.**

(Говорено февраля 12; напечатано в

Твор. Св. Отц. 1844 года и в собраниях 1844 и 1848 гг.)

<1844 год>

*И рече к ним: желанием возжелех сию
пасху ясти с вами.* Лук. XXII. 15.

Одною из принадлежностей праздника обычай полагает праздничную трапезу. Празднику духовному духовная и трапеза, без сомнения, преимущественно приличествует. Но и телесной праздничной трапезы не отвергает праздник, даже духовный: потому что мы не безтелесны; потому что нас учат *прославлять Бога*, не только *в душах*, но и *в телесех* наших, и, *еще ямы, еще пием*, и сие *в славу Божию творити* (1 Кор. VI. 20. X. 31). Была некогда, и ныне есть, торжественная трапеза, телесная, только не просто телесная, которой желал вкусить, и не стыдился изъяснить сие желание даже Неимеющий нужды ни в какой трапезе, потому что Сам *дает пищу всякой плоти* (Псал. CXXXV. 25). *Желанием, говорит, возжелех сию пасху ясти с вами.*

Ныне мы празднуем блаженную память Святителя и Чудотворца Алексия. Какою же трапезою почтим сей праздник? Попечению о трапезе телесной не противоречит ли постное время? Трапезе духовной не воспрепятствует ли наша духовная скудость? – Затруднение прекращает сей же самый чин церковных времен, который ныне преимущественно вам открывает торжественную, не только духовную, но и Божественную трапезу, и конечно нет другого дня в году, в который бы столь многие, присные Богу, наслаждались Божественною трапезою, как в нынешний.

По увещанию Евангельскому не станем *пецися и молвити о мнозе* (Лук. X. 41): но, как добродушно угощенные весело беседуют, обращаясь наипаче к угостителю; так и мы со всеми приобщившимися ныне трапезы Господней, и радостною мыслию, и благодарным сердцем, и прославляющим словом, да обращаемся к Великому Угостителю, Который воистинну *сотвори вечерю велию, и зва мнози* (Лук. XIV. 16). И те, которые не

последовали еще сему зову, да слышат наше радостное исповедание, и да поревнуют нашему благополучию: да придут, и *вкусят, и видят, яко благ Господь* (Псал. XXXIII. 9).

Если бы человек, высший тебя званием, тобою и всеми чтимый по достоинству и добродетели, к которому войти в близость и знакомство ты и сам себя не удостоил бы, сверх чаяния, взыскал тебя, принял дружелюбно, и пригласил к своему столу: как охотно ты поспешил бы на сей зов, с какою радостью возвратился бы, с каким удовольствием говорил бы в кругу искренних твоих о угодителе и угощении. Что сказать, если бы так поступил Царь, и притом не с каким нибудь избранным служителем своего царствия, но с рабом, и еще с виновным, и достойным осуждения смертного? Но как еще малы сии примеры для уподобления тому, что происходит между Христом и Христианином! Царь небесный, Сын Божий и Бог, не только посылает Своих рабов и служителей, но и Сам сходит на землю, для тебя и для меня, – ибо как для всех человеков без изъятия, то конечно и для тебя и для меня, и все равно, как еслибы именно и единственно для тебя и для меня, – для нас, рабов низшей и малой области безмерного царствия Его, и притом для рабов греха, для потомков преступника Адама, которые в беззакониях зачинаемся, во грехах раждаемся, живем естественно не лучше своего рождения, потому что жизнь наша еще в прародителях, не хотевших довольствоваться благословенною райскою пищею, отравлена хищным вкушением запрещенного плода, – для нас приходит Небесный Угоститель, и не только питающую и услаждающую, но и врачующую и животворящую трапезу Сам учреждает, Сам призывает к ней, и Сам преподает нам то, что уготовал нам в пищу и питье. *Приимите*, глаголет, *ядите. Пийте от нея вси*. Глаголет, и ныне, и для нас, то, что некогда изрек Апостолам: потому что слово Его бессмертно и всегда действенно. – Здесь можно спросить, что достойнее удивления, счастье ли тех, которые вняли сему гласу Его, или невнимание тех, которые сами себя лишают сего счастья?

И что предлагает нам на Своей трапезе Небесный Угоститель! – Все, что нашли бы вы на самой великолепной трапезе царя земного, избранные произведения земной природы, многодельным искусством устроенные в пищу и питье, которые однако изящны только до употребления, а после употребления идут в тление, наравне с черствым хлебом нищего, – все сие было бы недостойно *Царя веков нетленного* (1 Тим. I. 17), Который и трапезою Своею нетление распространять желает. Что ж? Не соберет ли Он всего, что, еще прежде тления греховного, Сам, как Творец, положил в природе вещей, способнейшего к питанию и услаждению? Не извлечет ли из глубины ея всех сокровищ благотворной и лечебной силы, которых так малые виды, веками, с трудом, наугад, отыскивают врачи земные? – И сие было бы недостаточно, и для щедрости Учредителя таинственной трапезы, и для потребности причастников ея: потому что Божественная только пища может истинно питать, и только Божественное врачевство врачевать болящую душу человека, которая по началу своему есть дыхание жизни от уст Божиих. Но как Божественное, по существу своему, не может не быть сокровенным для человека: то надлежало еще изобрести средство соделать Божественную пищу и врачевство удобообретаемыми и удобоприемлемыми для человека в простоте веры. И таким образом Сын Божий предлагает нам в таинственную пищу и питье, и во всецелое врачевство, под видами хлеба и вина, Свое Божественное тело и Свою Божественную кровь. *Ядите*, глаголет, *сие есть тело Мое. Пийте от нея вси, сия есть кровь Моя*.

Может быть, вам представится нечто подобное сей трапезе в том, когда мать питает младенца молоком своим, которое только на время сего питания отделяется из ея тела и крови. Но как мало и сие подобие пред великим таинством! Мать преподает младенцу только избыток своего тела, приготовленный для сего природою, – преподает без труда, и даже к облегчению своему от избытка, который мог бы обременить ее. Наш Божественный Питатель преподает нам самое тело Свое, – всецелое тело Свое, –

преподает со сладостию любви, без сравнения превышающей материнскую, но притом преподает нам тело Свое, горьким и смертным страданием уготованное нам в пищу. *Сие есть*, глаголет, *тело Мое, еже за вы ломимое. Сия есть кровь Моя, яже за вы и за многия изливаемая*. Как пшеница страждет в жерновах, и под рукою хлебоделателя, и в разженной печи, да будет хлеб, укрепляющий сердце человека; как кровь гроздова страждет в утеснении точила, да будет вино, веселящее сердце человека: так благоволил воплощенный Сын Божий предать тело Свое на разнообразные страдания Елеонския, Иерусалимския и Голгофския, допустил многострадально источить кровь Свою в предкрестных и крестных мучениях, дабы в них уготовать нам пищу и питие жизни и врачевания, безсмертия и блаженства.

Таинство тела и крови Христовы так дивно и непостижимо, что Богомудрые отцы наши, как бы опасаясь за простоту и твердость наша веры, желают, как-бы некими подпорами, подкрепить ее своими Богомудрыми рассуждениями. *Понеже*, рассуждает Св. Иоанн Дамаскин, *Адам сей*, то есть, второй Адам, Иисус Христос, *духовен есть; подобаше и рождению быти духовному, и пищи таковой же: обаче, поелику сугуби и сложни есмы, то подобает и рождению быти сугубому, и пищи сложной. Сего ради рождение убо нам водою и духом, си есть святым крещением, дадеся; пища же есть самый хлеб животный, Господь наш Иисус Христос, с небесе сшедый*. И далее: *како дудет Мне сие*, глаголет *Святая Дева, понеже мужа не знаю? И отвеща Ей Гавриил Архангел: Дух Святый найдет на Тя, и сила Вышняго осенит Тя. И ты такожде вопрошаеши ныне: како хлеб бывает тело Христово, и вино и вода кровь Христова? И аз же тебе глаголю: Дух Святый снисходит, и сия творит, паче слова и разума*. Подобно и Святый Иоанн Златоуст увещавает: *да повинуемся во всем Богу, и ничтоже вопреки да глаголем, аще и сопротивно быти видится нашим помыслом и зрением глаголемое; но да будет и помысла и зрения нашего истиннейшее Его слово. Тако и в таинствах да творим, не на подлежащая токмо взирающе, но глаголы Его содержаще: слово бо Его непогрешительно, чувство же наше удобь прельцаемо есть; слово Его никогда же изменяется, чувство же наше чaste соблазняется. Егда убо слово рече: сие есть тело Мое; и да повинуемся, и да веруем, и мысленными то да зрим очима. Ничто же бо чувственно предаде нам Христос, но чувственными убо вещми, вся же мысленная*.

Поелику назначение настоящей жизни нашей таково, что мы должны, как изъяснился Апостол, *верою ходить, а не видением* (2 Кор. V. 7): то и благодатные дары, подаваемые нам в приобщении трапезы Господней, благодатное питание, врачевание, укрепление, просвещение, отражение зла, нетление, также наиболее верою постигаются и упованием объемлются, превыше видения и ощущения, хотя впрочем, по мере веры, по мере потребности, по мере внимания, достоинства, чистоты, и в ощущении опытном и в явственном действии познаются многими многообразно. По многообразной силе Божественной пищи и пития, по многообразной премудрости и благодати Божественного Питателя, ощутительный плод вкушения трапезы Господней является верующим – то неизреченною радостью в сердце, то сладкою тишиною в душе, то светлостью в уме, то глубоким миром в совести, то утишением обуревавших искушений, то прекращением страданий душевных и телесных, а иногда и совершенным исцелением, то живейшим ощущением любви к Господу, или умножением ревности и силы к духовным подвигам и добродетелям. Но каковы бы ни были наши собственные в сей тайне опыты; скажу паки со Святым Златоустом: *да будет и помысла и зрения нашего истиннейшее слово Господа нашего*. После того, как Он рек: *ядый Мою плоть, и пий Мою кровь, во Мне пребывает, и аз в нем; ядый Мою плоть, и пий Мою кровь, имат живот вечный* (Иоан. VI. 56. 54); – как дерзнем мы, хотя и недостойные причастники Его плоти и крови, – как дерзнем отрицать то, что Он в нас, и мы в Нем, и что мы в Нем имеем живот вечный, если только сами не удалимся от Него, если только сами не повергнем себя паки в смерть греховную?

Одно из приятнейших удостоверений, как о необходимости для нас, так и о спасительной благотворности трапезы Господней, имеем мы в том, как сильно желал ея Сам Господь наш. Ибо, что значат слова Его к Апостолам: *желанием возжелех сию пасху ясти с вами?* Ветхозаветной ли пасхи так сильно желает Он? Но она до сих пор была обыкновенна, как совершаемая ежегодно, а отныне должна совершенно прекратиться, когда прообразование должно уступить место пришедшей истине. Итак, нет сомнения, что Он пламенно желает пасхи новозаветной, – той пасхи, в которой Сам Себя приносит в жертву, Сам Себя предлагает в пищу. *Желанием*, говорит, *возжелех сию пасху ясти с вами, прежде даже не прииму мук*, – после прообразовательной истинную, не только осязаемую, но и созерцаемую, не только вещественную, но и духовную, и Божественную, не только закланную, но и живую, и животворящую, начинаемую прежде мук, дабы она была всегдашнею свидетельницею предуведения и свободного приятия мук, но уже заключающую в себе спасительное действие креста для всех времен, как свойственно действовать вечному началу. *Желанием* любви и милосердия *возжелех сию пасху ясти с вами*: потому что в ней запечатлевается вся Моя к вам любовь, и вся ваша истинная жизнь и блаженство.

Братия, сопричастники трапезы Господней! Если Господь, по Своей неизреченной любви, так пламенно желал ея не ради Себя, но ради нас: как пламенно должны желать ея мы, по любви и благодарности к Нему, и для нашего собственного блага и блаженства! Да согреваем нашу хладность пламенем любви Христовой. *Да не разделимся*, возбуждает Святый Златоуст, *толикия сподоблени бывше любви и чести. Не зрите ли отрочат, с коликим усердием емлются сосиу, с коликим устремлением водружают тамо уста? С толиким и мы да приступаем к трапезе сей, и к сосиу чаши духовныя, паче же и со множайшим желанием да привлечем, яко ссущие младенцы, Духа благодать*. Аминь.

CCLXI.

180. Слово

на вечерне дня Святыя Пасхи.

(Говорено марта 26; напечатано в

Твор. Св. От. 1844 года и в собраниях 1844 и 1848 гг.)

<1844 год>

*Возрадовашася убо ученицы, видевше
Господа. Иоан. XX. 20.*

Видеть Господа, без сомнения, есть радость, ни с чем не сравнимая. Ангелы на небесах не знают высшего блаженства, как видеть Господа.

Радость видеть Господа воскресшаго в учениках Господних имела еще особенную силу потому, что они пред тем с высоты радости внезапно низринуты были в бездну печали, а теперь из бездны печали также внезапно вознесены на степень радости, высший прежнего. Чем более радовались они прежде, когда в Божественных словах и чудесных деяниях Господа Иисуса начинали *видеть славу Его, славу яко Единороднаго от Отца* (Иоан. I. 14), когда *и вси людие радовахуся о всех славных, бывающих от Него* (Лук. XIII. 17): тем более должны были печалиться, когда Он был предан в руки врагов, осужден, поруган, умучен, умер, только от неожиданного сострадания получил честное

погребение, и даже во гробе преследован врагами. Но чем глубже и мрачнее сия печаль: тем торжественнее вновь возсиявшая над нею радость, когда в тайное, по причине страха, собрание учеников сквозь затворенные двери, *прииде Иисус*, победоносный над смертью, и следственно, над всем, что враждебно Ему и Его последователям, приавший всякую власть на небеси и на земли, подающий Духа Святого, действительно начинающий царство Небесное на земли, которого близость возвещал дотоле.

И мы ныне продолжаем сию радость первых учеников Христовых: потому что и мы ученики Христовы, хотя, может быть, последние, и, может быть, еще более последние по достоинству, нежели по времени.

Не лъзя ли же и нам увидеть Господа воскресшаго, чтобы возрадоваться о Нем полною радостью? Или, если не лъзя: то можем ли мы радоваться о Нем полною радостью?

На сей последний вопрос имеем утешительный ответ из уст Самого Воскресшаго. Когда Фома, не смотря на достаточные свидетельства о совершившемся воскресении, никак не хотел обойтись без видения Господа воскресшаго: тогда Господь, хотя снисшел к дерзновенному требованию, однако не одобрил сего требования. Он позволил Фоме и видеть Себя, и осязать язвы крестныя: но в тоже время похвалил тех, которые не требуют видения: *блажени не видевшии и веровавшие* (Иоан. XX. 29). Вот прекрасный жребий, который ничто не препятствует нам взять! Мы можем веровать в Господа воскресшаго не видя Его, и быть блаженными, а следственно и полную радость иметь. В блаженстве заключается полная радость. Апостол Петр в своем послании говорит именно о радости не видящих и верующих, и при том не только как о возможной, но как действительно принадлежащей Христианам: *Его же, то есть, Христа, не видевшие любите, и на Него же ныне не зряще, верующе же, радуется радостью неизглаголанною и прославленною* (1 Петр. I. 8).

Какой, Братия, краткий путь к благополучию! Какой легкий способ сделаться блаженным! Не видя Христа, веруй в Него, люби Его, и радуйся, и будь блажен!

Но как не лъзя не признать, что достижение видения веруемаго должно возвысить радость верующих; то не вдруг отказаться можно и от другого вопроса: не лъзя ли и нам, в день воскресения, достигнуть видения Воскресшаго, подобно как сего достигли Апостолы, хотя не довольно скоро, – *сущу позде в день той*? Не дерзнем требовать сего упорно, как Фома, ни угрожать неверием за отказ в видении; потому что сия угроза не угрожала бы никому, кроме самого угрожающего. Но нет ли когонибудь, к кому бы, как некогда благочестивые Еллина к Филиппу, могли мы обратиться с смиренною мольбою: *господи, хотим Иисуса видети* (Иоан. XII. 21)? К кому лучше, если не к Матери-Церкви? И слышите ли? Она уже отвечает на желание наше, и не только нам обещает видение Воскресшаго, как возможное, но и возвещает, как уже действительное. Она поет: *воскресение Христово видевшие, поклонимся Святому Господу Иисусу*. Если мы видели воскресение; то видели и Воскресшаго: потому что воскресение видимо только в Самом Воскресшем. Если положим, что Мать-Церковь имеет в виду преимущественно достойных и совершенных чад своих, и в их-то лице говорит так уверительно: *мы видели воскресение*, то нам, несовершенным и недостойным, остается по крайней мере надежда, что и мы того же можем сподобиться, если поревнуем и потрудимся сделаться достойными и совершенными.

Дабы слово Церкви о видении воскресения не казалось противоречащим приведенному нами Апостольскому слову о веровании без видения, изъяснимся.

Иное дело, при достаточных основаниях к верованию, требовать видения как-бы в задаток, чтобы потом веровать. Это не сообразно с самым существом и с достоинством веры, подобно как и между людьми, худо верят, когда требуют задатка. Это дерзость. Это почти неверие, хотя, может быть, не совсем чуждое желания веровать. Сие не одобрено в Фоме. Иное дело веровать без видения, и в следствие послушания веры, как дар, как награду, как подкрепление, как живительное врачевство, получить видение. Так Первомученик Стефан веровал, исповедал веру пред гонителями, предал себя смертной опасности за веру, и тогда *виде славу Божию, и Иисуса стояща одесную Бога* (Деян. VII. 55). Есть же и такие видения, которых не искало желание, не призывала вера, но посредством которых Божие предведение и милосердие ищет будущего сына веры. Так Господь явился в отверстых небесах, чтобы светом видения ослепить Савла-гонителя, и переродить его в Павла-Апостола.

Иное дело видеть оком телесным, иное духовным. О чувственном видении Христа говорит Апостол: *не зряще, верующе же, радуется*. О духовном, конечно, видении говорит Церковь: *воскресение Христово видевше, поклонимся Святому Господу Иисусу*.

Есть, по выражению Апостола, *дух откровения*, который дается не одним Пророкам и Апостолам. Есть *просвещенныя очеса сердца*, которыми внутренний человек, в состоянии своего здоровья и совершенства, смотрит в невидимое Царство благодати, подобно как внешний человек, телесными очами, в видимое царство природы. Апостол Павел, в послании к Ефесеям, простирая речь вообще к *верным о Христе Иисусе*, скажет, что приносит о них следующую молитву: *да Бог Господа нашего Иисуса Христа, Отец славы, даст вам духа премудрости и откровения, в познание Его, просвещенна очеса сердца вашего* (Ефес. I. 17. 18). Из сего видно, во первых, что дара созерцания духовного может сподобиться каждый истинно верующий, во-вторых, что одно из средств к достижению сего дара, есть молитва.

Когда воплощенный Сын Божий оставлял земную жизнь, и Апостолам надлежало лишиться сладкаго видения Его: тогда, в предварительном попечении о вознаграждении сего лишения, Он предложил и обещал им замен естественнаго видения в созерцании благодатном; и по сему случаю изрек общий для всех закон и чин созерцания: *имеяй заповеди Моя, и соблюдаяй их, той есть любяй Мя: а любяй Мя, возлюблен будет Отцем Моим: и Аз возлюблю Его, и явлюся Ему Сам* (Иоан. XIV. 21). Опыты любящих Господа показывают, что Он является им, смотря по их потребности и способности, иногда образно и лицемерно, в Своем обоженном Человечестве, а иногда не изобразительно, однако тем не менее существенно и действительно, подавая им Свой мир, превосходящий всяк ум, Свою радость, неизглаголанную и прославленную, Свой внутренний благодатный свет, зарю дня невечерняго, отсвет славы вечной.

Теперь видите ли путь к видению Христа воскресшаго? – Имейте заповеди Его, соблюдайте их, любите Его живою и деятельною любовью: и Отец Его возлюбит вас, и Он возлюбит вас и *явится вам Сам*. Это так верно, как верно слово Христово.

Не сим ли путем, то есть, не путем ли живой любви достигли видения воскресшаго Христа все те, которых в Евангелии видим достигшими сего в самый день воскресения?

Что влекло Мироносиц с ароматами ко Христу, когда у них еще не доставало веры в воскресение; потому что миро и ароматы для мертвого, а не для воскресшаго тела? Что иное, как не любовь ко Христу, которая не умерла в них с Его смертию? Она влекла их ко гробу Его, и в тоже время привлекала к себе любовь Его, и Он *явился им Сам*.

Что собрало Апостолов и заключило в одну храмину, в день воскресения, которому вера и в них уже позже сего пробудилась? Страх ли Иудейский? – Правда, что страх заставил их запереть двери храмины: но если бы главный действователь был страх от врагов, то он не допустил бы их составить собрание, в котором они удобнее могли быть примечены врагами, нежели порознь; он разсыпал бы их врознь, по разным тропинкам к личной безопасности. Нет! Любовь к Распятому, пробудившаяся ранее веры, собрала во едино расточенных овец пораженного Пастыря, и боязливый воздыхания сей любви услышала Его любовь, и Он *явился им Сам*.

Не та же ли любовь к Распятому являлась и в печальных взорах путешественников в Еммаус, и в их неудержимом собеседовании о приключениях, о которых и вспоминать было тяжело, и говорить не безопасно? Любовь, мимо познания, обрела Возлюбленного близ себя и ощутила близость Его в пламенеющих сердцах, прежде нежели *оне отверзостеся очи, и познася има в преломлении хлеба* (Лук. XXIV. 31. 35).

Братия! Приимите сии Евангельския указания. Ищите Господа воскресшаго живою верою и деятельною любовию. По подобию собрания Апостольскаго, с любовию ищите Его в собрании Церковном. По подобию путешественников Еммауских, с любовию ищите Его в собеседовании о Нем, в доме, или на пути, с благочестивым другом, или хотя только с своею душею. По подобию Мироносиц, с любовию ищите Его в делах сострадания и благотворения. И да возлюбит и Он вас, да просветит очеса сердца вашего, и во святом созерцании, в чистой радости, в блаженстве мирной совести да явится вам Сам. Аминь.

CCLXII.

181. Слово

в неделю шестую по Пятидесятнице.

(Напечатано в Твор. Св. От. и в собр. 1848 г.)

<1844 год>

Видевшие же народы, чудилися, и прославиша Бога, давшего власть таковую человеком. Матф. IX. 8.

Евангелие, в повествовании о исцелении расслабленного, предлагает нашему вниманию и размышлению Божественныя действия Христа Спасителя, и различные о них суждения людей, которые были свидетелями оных. Разсматривание Божественных действий должно подать нетленную пищу духу, а рассмотрение различных суждений о сих действиях может составить предохранительное врачевство против суждений дерзновенных и ложных, и потому вредных.

Первое в разсматриваемом теперь повествовании Божественное действие Христа Спасителя есть явление Божественной власти Его в прощении грехов. *Рече расслабленному: дерзай, чадо, отпущаются ти греси твои*. Не словом только явил Он власть сию, но и доказал ее словом и делом. В основание доказательства положил Он следующий вопрос: *что есть удобнее, реши: отпущаются ти греси, или реши: востани и ходи?* Ответ на сие не был произнесен: он остался в совести слышавших вопрос. Не могли они не признать, что власть и сила человеческая недостаточна для того, чтобы сказать расслабленному: *востани и ходи*, и тем произвести исцеление; должны были признать, что

для сего потребна власть и сила Божественная, равно как и для того, чтобы сказать грешнику: *отпускаются ти греси*, и тем действительно очистить душу. Власть Божественная в обоих случаях одна, с тою разностию, что не так очевидна в действии прощения грехов, которое простирается на душу, как в исцелении тела, которое подлежит чувствам. И так Христос Спаситель исцелил словом расслабленного, и тем явил и доказал Свою Божественную власть прощать грехи.

Можно спросить: что было радостнее для расслабленного, услышать: *отпускаются ти греси*, или услышать: *востани и ходи*? – Я думаю, что слово прощения было для него столько радостнее, сколько душа и ея здоровье важнее тела и его здоровья. И сию–то высшую радость предлагаю, братия, и вам. Ибо Господь для того так торжественно явил над расслабленным Свою Божественную власть прощать грехи, что бы ею не один он воспользовался, но и все мы.

Кто бы ты ни был, слушающий сие, безгрешен ли ты? Полагаю, что ты сего не скажешь о себе. И если бы кто сказал сие о себе: общее удивление не замедлило бы опровергнуть нелепость. А если ты не безгрешен, то конечно грешен; если грешен, то виновен; если виновен, то достоин наказания, во всяком случае не малаго и не краткаго, потому что безмерно высоко и вечно величество Божие, которое оскорблено грехом. Что же тебе делать? Перестать грешить? – Если и можешь, и решишься, однако тем себя не избавишь. И перед человеческим судом тать или убийца, который перестал похищать и убивать, не перестает быть достойным наказания. Что же тебе делать? Делать добро? – Хорошо. Только добро, которое ты делаешь сегодня, ты и обязан сегодня делать, и следственно сим не заглаждаешь зла, сделанного вчера, хотя, может быть, частию исправляешь оное. Усугубить усилия делать добро? Прекрасно. Только и сим не заплатишь вполне за зло, сделанное прежде: потому что каждый день ты обязан делать добро полною мерою данных тебе сил, и следственно не можешь сделать ничего излишняго против даннаго тебе урока, что мог бы обратить себе в заслугу сверх обязанности, и в искупление своих прежних грехов. Притом люди, более нас опытные в борьбе против греха и в подвиге для добродетели, сказывают, что человек, от прародителей поврежденный грехом, и усиливший повреждение грехами произвольными, не имеет довольно собственных сил, что бы освободиться от греха, и в совершенстве делать добро. Аз, признается Апостол Павел, *плотян есмь, продан под грех*. – *Еже хотети прилежит ми, а еже содеяти доброе не обретаю* (Римл. VII. 14. 18). И как тот же Апостол сказует, что *оброцы греха смерть* (Рим. VI. 23); что *открывается гнев Божий с небесе на всякое нечестие и неправду* (Рим. I. 18): то не печально ли, не страшно ли, даже не отчаянно ли положение грешника само в себе? Подлинно, и печально, и страшно, и отчаянно было бы оно, если бы не явился Бог – Слово, с словом прощения: *отпускаются ти греси*. Сие сказано грешнику, и притом расслабленному, и он исцелен: дабы уразумел грешник, что Христос не только дарует прощение прежних грехов, но с тем вместе и силу, чтобы противоборствовать греху и делать добро впредь. Какое утешение! Какая радость! Да утешатся уязвленные печалию греха! Да воздвигнут главы свои пораженные страхом суда Божия! Да восприимут отчаянные надежду! Да радуются верующие! Да прилепятся неотторгаемо сердца наши ко Христу Спасителю благодарною любовию!

Другое Божественное действие Христа Спасителя в рассматриваемом нами Евангельском повествовании есть проявление всеведения. Когда некоторые, не познавшие Божества Его, услышали Его слова: *отпускаются ти греси*; тогда они подумали, что Он приписывает Себе власть, Ему не принадлежащую, и, что еще хуже, сию невежественную мысль усилили в себе до укоризны: *сей хулит*. Открыто сие сказать, вероятно, не осмелились они пред множеством народа, который благоговел к учению и чудесам Иисуса. Но Господь не попустил, чтобы их несправедливость и дерзость укрылась за оградю хитрости. *Вскую вы*

мыслите лукавая в сердцах своих? сказал Он, и самым сим обличением опроверг их несправедливое мнение, и сообщил им познание, которого им не доставало, именно, что Он есть Сердцеведец Бог.

Подумайте, каково было сие проявление всеведения для тех, над которыми оно себя ознаменовало. Им казалось не безопасным обнаружить пред народом свои неблагоприятные помыслы. Как же они должны быть смущены и поражены, когда то, что хотели скрыть, внезапно сделалось явным; когда обнаружились не только их помыслы, но и то унижительное для них обстоятельство, что они были неискренни и малодушны; когда, наконец, чудесными словами и действиями Господа Иисуса доказано, что их помыслы были не только неосновательны, но и преступны!

Братия! Христос и Евангелие имеют ныне дело не с книжниками и народом Иудейским, но с нами. Помыслим о действии всеведения для нас самих. Не входят ли иногда и в наши сердца такие помыслы, которых обнаружение унизило бы нас пред очами благомыслящих, – помыслы неправедного или пристрастного суждения, ненависти, зависти, гордости, незаконного вожделения, и не обезпечиваем ли мы себя тем, что это не обнаружено? Как обманываем мы в сем случае сами себя! Если мы допустили в сердце лукавый помысл, и не отвергли его, или еще питаем его: то мы уже унижены сами в себе, пред внутренним в совести зеркалом человеческого и христианского достоинства. Но сего не довольно: есть свидетель сокровенного, несравненно более важный и грозный. При самых тайных помыслах наших присутствует всеведение Божие. Очами, тьмами тем светлейшими солнца, проникает оно нас, и говорит тогда: *вскую вы мыслите лукавая в сердцах своих?* Если мы не слышим обличения сего: тем не менее оно истинно, и тем хуже для нас, оглушенных шумом лукавого помысла. Придет время, когда обличающее всеведение явится всем и пред всеми, когда, то есть, придет Господь, *иже во свете приведет тайная тмы, и объявит советы сердечныя* (1 Кор. IV. 5). Тогда поздно будет укрываться от стыда вечного, и тщетно *тогда* постыжденные и уstraшенные *начнут глаголати горам: падите на ны, и холмом: покрыйте ны* (Лук. XXIII. 30). Начнем же лучше ныне решительнее изгонять из сердец наших помыслы, которые, наконец, постыдили бы нас пред лицом неба и земли. *Господи, не закосни*, взором Твоего всеведения не только обличать в нас, но и удалять от нас помыслы, Твоего зренья недостойные!

Третье в рассматриваемом нами повествовании Божественное действие Христа Спасителя есть чудо исцеления. В разсуждении сего достойно примечания, что слово Господне исцеляющее явилось и воздействовало не прежде, как вслед за словом Господним прощающим грехи. Видно, есть связь между болезнию души и болезнию тела, видно, исцелению тела воспрепятствовал бы грех в душе, если бы человек не был очищен от него. Надлежало отнять болезнь души, чтобы она перестала заражать и тело. Надлежало удалить нечистую тьму души, чтобы всечистый свет Божественный приблизился и исцелил тело.

Не приходит ли вам иногда на мысль жалеть, что в наше время благодатныя исцеления и подобныя особенныя благодеяния Божии не так часты, или не так явственны, как видим в Евангелии? – Теперь имеем мы случай указать, куда надлежит обратить сие сожаление. Оно должно быть обращено на нас самих, на недостаток в нас веры и очищения от грехов. *Греси ваши разлучают между вами и между Богом* (Иса. LIX. 2), сказует Пророк. Всемилосердый Бог хочет приблизиться к вам и благодворить вам: но грехи ваши, как мгла, облежат вас и не приемлют благодворного света Божия. Подвизайся ревностно в очищении души твоей от греха; достигай того, чтобы во глубине души твоей возглагодало

животворящее слово: *отпущаются ти греси*: тогда не преминут являться тебе и другие особенные благодеяния Божии, часто, явственно, чудно.

Мне остается еще обратить внимание на различные суждения людей о действиях Христа Спасителя, теперь нами рассмотренных.

Вот одно суждение: *видевшие народы, чудившаяся, и прославиши Бога, давшего власть таковую человеку*. Вот другое суждение: *сей хулит*. И чье же это суждение? – *Книжников*, людей, которых, по нынешнему, надлежало бы назвать образованными, просвещенными, учеными! Какая нечаянность! Простой народ, хотя еще не познает Бога в лице Иисуса, однако в Его чудесных действиях признает силу Божию, и прославляет Бога: а люди образованные, при виде тех же самых действий, обвиняют Иисуса в богохулении. От чего это? От того, что народ, хотя не просвещенный, искренно следовал внушению здравого смысла и доброй совести; а просвещенных ослепила гордость. Они не старались из существа дел Божиих почерпнуть истинное познание, но хотели своему мнимому знанию подчинить дела Божии; они мечтали, будто Бог не должен и не может действовать иначе, как по законам, какие заблагоразсудит Ему предписать мудрость иудейских книжников.

Думаете ли, братия, что сей несчастный пример должен просто пройти мимо нас, и нам не нужно из него взять никакого урока? – Я не так думаю.

Кто не любит света? Кто позавидует мраку? – Но что говорит истина? – *Бже свет истинный, иже просвещает*. Следственно есть и ложный свет, который блещет поверхностно, а не просвещает внутренно. И так не может ли случиться и между нами, как случилось некогда в Иудеи, что прельщенные светом, блещущим поверхностно, не узнают и не примут света, просвещающего внутренно? Не могут ли встретиться и ныне люди, которые не называются, правда, и, вероятно, не пожелали бы назваться книжниками, но которые, над какою-нибудь темною книгою, в тумане воображения, увидев призрак истины, вследствие того почитают себя способными произносить суд над таинствами Веры, над мудростию Церкви, над делами Провидения Божия в роде человеческого? – Что подобная опасения не излишни, и внушаемая ими осторожность благопотребна, в том уверяет меня Апостольское слово. Не к иудейским книжникам, но к Христианским уже мудрствователям, следственно и ко мне и к вам, простирает Апостол увещание: *глаголю благодатию, давшегося мне, всякому существу в вас не мудрствовати паче, еже подобает мудрствовати, но мудрствовати в целомудрии*, то есть, с благоразумною осторожностью, не выходя из пределов смиренномудрия, *коемуждо якоже Бог разделил есть меру веры* (Рим. XII. 3).

Христе, Свете истинный! Просвещай нас Твоим светом, вразумляй Твоим словом, руководи Твоею премудростию Дух смиренномудрия даруй нам, *да низлагает Он в нас всякое возношение, взимающееся на разум Божий* (2 Кор. X. 4. 5). Да познаем, как недостаточна и ненадежна мудрость мира, которая заботится украсить ум, но не улучшает сердца, которая богата мыслями и словами, но скудна делами, которая легко все судит и осуждает, но никого спасти не может. Тебе да исповедуем, Тебе да последуем, Твоим спасительным делам да чудимся, Тебе да прославляем, Христе, Божия сила и Божия Премудрость! Аминь.

ССLXIII.

182. Слово

**на память преподобнаго Сергия,
Радонежскаго чудотворца.**

(Говорено сентября 25-го в Троицкой Лавре;

напечатано в Твор. Св. Отц. 1844 г. и в собраниях 1848 г.)

<1844 год>

*Ты убо злопостражди, яко добр
воин Иисус Христов. 2 Тим. II. 3.*

Часто слышим здесь песнопение, в котором Церковь, восхваляя Преподобнаго Сергия, как *подвижника добродетелей*, с сим вместе именует его *истинным воином Христа Бога*, и в изъяснение сего присовокупляет, что он *на страсти подвизался*, — страстям и вожделениям противоборствовал, и побеждал их силою ума, помощию Божиею, оружиями, духовной брани свойственными.

С каким расположением должны мы слушать похвалу *истинному воину Христа Бога*? Так ли, как не редко похвалы воинам и победителям слушают люди, не бывшие и не думающие быть ни победителями, ни воинами? Или как нововступившие и вступающие в воинство внимают славе много подвизавшихся воинов и победителей, чтобы перенимать их искусство, чтобы возбуждать свою ревность к бранным подвигам?

Святая Церковь, провозглашая подвиги и добродетели Святых, обыкновенно не о том заботится, чтобы к их небесной славе присовокупить не нужную для них, ничтожную земную славу, а о том, чтоб нас обучать подвигам и поощрять к добродетелям. Чему же научает нас, и чего требует от нас показуемый образ истиннаго воина Христова?

Хвалебное представление Святаго мужа в образе воина Христова заимствовано, без сомнения, от святаго Апостола Павла, который в послании к Тимофею пишет: *ты убо злопостражди, яко добр воин Иисус-Христов*.

Тимофей, которому дано сие наставление, или заповедь, чтобы злопострадать, как надлежит доброму воину Иисус-Христову, был один из учеников святаго Павла, заслуживший особенное у него доверие, и получивший от него в управление Церковь Ефесскую. Из сего можем заключить, что наставление сие достойно приятия и для людей преимущественнаго достоинства. Но не должно думать, что сие относилось исключительно к одному лицу, к которому писано, или только к званию, в котором сие лицо находилось. Нет, сие более или менее относится и к каждому Христианину. В сем удостовериться можно другим изречением того же Апостола к тому же Тимофею, в другом послании. *Да воинствуеши*, пишет он, *доброе воинство, имея веру и благую совесть* (1 Тим. I. 18. 19). Не каждый ли Христианин должен иметь веру и благую совесть? Но как сие относит Апостол к доброму воинствованию: то ясно, что и к доброму воинствованию обязывается каждый Христианин, а следственно и к злостраданию, какого требует святой Павел от добраго воина Иисус-Христова.

Для большаго в сем удостоверения приведем еще учение того-же Апостола, котораго он уже не чрез пример одного лица, но прямо ко всем Христианам простирает. *Приимите*, говорит, *вся оружия Божия, да возможете противитися в день лют, и вся содеавше стати. Станите убо препоясани чресла ваша истиною, и оболкшися в броня правды, и*

обувшие нозе во уготовление благовествования мира: над всеми же восприимше щит веры, в немже возможете вся стрелы лукаваго разжженные угасити: и шлем спасения восприимите, и меч духовный, иже есть глагол Божий (Ефес. VI. 13–17). Видите, что всех нас записал Апостол в воинскую службу Христову, и всем раздает оружие по роду сей службы.

Посмотрим несколько ближе на сии оружия, которые Апостол называет *Божими*, потому что не человеческим искусством и силою они устроятся, но благодатию Божиею нам даруются.

Воин *препоясует*ся, чтобы связать одежду, скрепить тело, и тем крепче и свободнее действовать. Вашим препоясанием должна быть *истина*. Познавайте истину, держитесь истины, свяжите истиною ваши мысли, склонности, желания. В сем препоясании вы можете духовно действовать крепко и свободно, не разслабевая – ленью, не претыкаясь – соблазном, не колеблясь – лжеучениями, и не падая – в грех и в порок.

Воин облачается в *броню*, чтобы оружие врага не могло ранить его, хотя бы и приразилось к нему. Вашею броней да будет *правда*, честность, добродетель. Правая совесть сохранит вас внутренне невредимыми, хотя бы внешне и приразилась к вам клевета или несправедливость.

Воин, *обуываясь*, становится готовым невреждою ногою идти против врага. Вам, вместо обуевания, да будет *готовность* идти не для того, чтобы нападать и поражать, ибо не в сем состоит ваше воинствование, но чтобы *благовествовать мир* – мир Христов, побеждающий всякую вражду и брань.

Воин берет *щит*, чтобы не допускать до своего тела стрел врага. И в вас невидимый враг направляет стрелы, острые и уязвляющие, разжженные и палящие, – то более невидимые стрелы богоборных мудрований и сомнений, воспламеняющихся страстей и вожделений, то более видимые стрелы наветов, поношений и самых гонений от врагов истины и добродетели, но если сердце ваше покрыто *щитом веры*: то и острые стрелы не пронзят его, и палящие, не повредив, угаснут.

Воин *шлемом* охраняет голову от ран, особенно в сей части тела опасных. Охраняйте и вы ваш ум *шлемом спасения*, или, как полнее изъяснился Апостол в другом послании, *шлемом упования спасения* (1 Сол. V. 8). Какая бы ни встретилась с вами трудности или опасности: упование на Бога не должно допустить до души вашей духа уныния, за которым могло бы последовать и смертоносное отчаяние.

Воин, поражая врага *мечем*, приводит в бездействие и его силу, и силу оружия его. Так, и еще более победоносно действует *меч духовный*, который есть *слово Божие*. Сим оружием сам Началовождь наш Господь Иисус выдержал образцовое для нас сражение, и одержал благотворную для нас победу над начальником зла. *Писано есть*, говорил Он, *не о хлебе едином жив будет человек. – Писано есть: не искушиши Господа Бога твоего. – Писано есть: Господу Богу твоему поклониши, и Тому единому послужиши* (Матф. IV. 4. 7. 10). И троекратно мечем духовным пронзенный враг в изнеможении оставил место сражения. Вооружайся и ты, Христианин, мечем духовным, глаголом Божиим; держи его в твоей памяти и в твоём сердце; обучи себя обращать его острие против всякого глагола беззакония: и никакое зло не будет для тебя непобедимо, ни какая сила врага страшна, ни какая хитрость его не проникаема, и все оружия его сокрушатся и упразднятся.

Но возвратимся к заповеди наставника Христовых воинов, которая подала нам случай обозреть их оружие.

Злопостражди, говорит, *яко добр воин Иисус-Христов*. Что значит: злопостражди? Значит ли: заставляй сам себя страдать, как то делают некоторые в избытке ревности бичеванием, или другим неестественным изнурением и даже искажением тела? – Но известно, что Апостол не одобрял *непощадения тела* (Кол. II. 23). Значит ли: сделайся мучеником? – Но сего нельзя решительно предписывать, как не состоящего во власти воина Христова.

Мысль, заключенную Апостолом в слове: *злопостражди* должна изъяснить его уподобительная мысль *о воине*. Чем отличается звание воинов и приобретает преимущественное пред другими званиями право на уважение и почести? – Особенными трудами, лишениями, подвигами, соединенными с готовностью пожертвовать жизнью за исполнение своего долга. Подобное сему в воине Христовом Апостол называет *злостраданием*.

Среди покоя других, воин бодрствует на страже. Он жертвует своим покоем, чтобы охранить безопасность, чтобы замышляемому врагом нападению не уступить нечаянности, которая во много крат увеличила бы опасность. Надобно и тебе, Христов воин, с трудом бодрствовать на страже твоей веры и благая совести, на страже твоего и других спасения. Предавшись дремоте беспечности и мечтам чувственности, падали даже избранные подвижники веры и добродетели, внезапно уязвленные стрелами лукавого. Надобно тебе постоянно иметь в мыслях и в действии повеления твоего Началовождя: *бдите и молитесь, да не внидете в напасть* (Матф. XXVI. 41).

Воин, то в трудных походах, то в продолжительных сражениях, должен переносить холод, не погоду, зной, голод, жажду, утомление, боль, и все сие побеждать силою духа, без чего не совершить бы ему подвига, и не победить бы врага. Подобно сему и Христианин должен уметь переносить трудности, лишения, скорби, чтобы совершить духовные подвиги, чтобы приобретать победы над страстями. Глад и жажду чувственных желаний он должен не столько удовлетворять, сколько преодолевать и умерщвлять. Он должен отвергать удовольствия, которые развлекают и ослабляют дух, и еще решительнее те, которые оскорбляют нравственное чувство и совесть. Он должен охотно переносить скорби, начиная от скорби покаяния, чтобы превозмогать искушения, чтобы приобретать добродетели.

Только совершенная готовность пожертвовать жизнью за Царя своего делает воина безстрашным и непоколебимым в бранном подвиге, способным к победе, достойным венца, только совершенная готовность пожертвовать всем, когда нужно, и самую жизнь за Царя-Христа, за сохранение веры в него, за соблюдение заповедей его, делает Христианина *добрым воином Иисус-Христовым*, способным неколебимо стоять против врагов видимых и невидимых, победить все сопротивное, достигнуть венца нетленного. Сие значат слова Христовы: *иже погубит душу свою Мене ради, обрящет ю* (Матф. X. 39).

Если бы кто стал жаловаться, что правила Христианского самопожертвования строги и тяжки; то продолжая следовать уподобительному разсуждению Апостола, я сказал бы ему: как же не тяготятся руководствоваться подобными правилами самопожертвования воины Царя земного? Прекрасно и приятно всем пожертвовать Царю и отечеству: но менее ли достойны жертвований наших небесный Царь и небесное отечество? Напротив того, и самопожертвование ради царя земного ни чем лучше не облегчается и не поддерживается, как самопожертвованием ради Царя небесного, имеющим непреложное

обетование жизни вечной и венца безсмертнаго. *Иже погубит душу свою Мене ради, обрящет ю.*

Если правила самопожертвования для веры и добродетели тяжки: изобретите мне другия – легкия, дайте мне нетрудную добродетель, и я вам отдам на суд ея достоинство. Если воин не переносил трудностей брани, если не стоял в сражении глаз против глаза со смертию: станете ли вы хвалить его твердость и мужество? Если Христианин не стоял против искушений с готовностію все претерпеть, чтобы только не изменить своему званию: как припишете вы ему сильную и высокую Христианскую добродетель? Кто не переносил скорбей и бед, у того как найдете вы терпение?

И так уразумеем, что трудности, лишения, самопожертвование составляют преимущество и некоторую потребность добродетели, частью для того, чтобы она могла иметь достоинство, возвышенность, право на чести и награду, частью даже для того, чтобы могла существовать. Так, без сомнения, мыслил Апостол и о вере, когда особенным *явлением спасения* в некоторых Христианах признавал то, что им *даровася, еже о Христе, не токмо еже в Него веровати, но и еже по Нем страдати* (Фил. I. 29).

Братия! Дар совершенно пострадать и умереть за Христа и Его веру есть дар высокий для высоких душ. Поревнуем, чтобы хотя низшия степени сего дара не были нам чужды! Когда нам предлежит подвиг веры, дело правды, но для сего надобно употребить трудныя усилия, или понести лишения, или подвергнуться опасности пререканий от людей холодных к вере, преследования от враждебных правде: непоколеблемся избрать трудную возвышенность духа, предпочтительно пред нетрудной низостию. Возбудим себя увещанием Апостольским: *ты убо злопостражди, яко добр воин Иисус-Христов. С пожертвованием собственного покоя, выгоды, удовольствия, безопасности, совершим подвиг веры, правды, добродетели, – и он верно соблюдет нам венец правды, его же воздаст Господь, праведный Судия, всем возлюбльшим Его! Аминь.*

CCLXIV.

183. Слово

на обновление древняго храма

Успения Пресвятыя Богородицы.

(Говорено сентября 28;

напечатано в собраниях 1844 и 1848 гг.)

<1844 год>

*Ты воскрес ущедриши Сиона: яко время
ущедрити его, яко прииде время. Яко
благоволиши раби Твои камене его: и
персть его ущедрят.* Псал. CI. 14. 15.

Что это за камни Сиона, о которых благоволят рабы Господни? – Что за персть, которая им любезна? – Это камни и персть разрушеннаго Иерусалима, и особенно разрушеннаго древняго святаго храма Иерусалимскаго. Пророк смотрит на сии развалины во времена пленения Вавилонскаго; смотрит в то же время на душевныя расположения народа

Иудейского: и на сем воззрении основывает надежду новаго благоволения Божия к Иерусалиму и храму.

Ты воскрес ущедриши Сиона. То есть: Бог умиласердится над Иерусалимом, и возстановит Свой храм.

Пророк дерзает даже определить, что сие должно совершиться вскоре. *Яко время ущедрити его, яко прииде время.*

Но почему он знает, что сие будет, и должно быть вскоре? – *Яко благоволиша раби Твои камене его, и персть его ущедрят.* То есть: поелику Иудеи, своими душевными расположениями, являют теперь себя достойными наименования рабов Божиих; поелику они даже пред развалинами храма Божия благоговеют к его древней святыне; с любовью, с умилением взирают на самые камни и персть, как на остатки святилища, в котором обитала благодать Божия: то должно уповать, что Бог вскоре умиласердится над Иерусалимом, возстановит храм Свой, и вновь будет обитать в нем Своею благодатию.

Надежда сия самым делом исполнилась при Первосвященнике Иисусе и Князе Зоравеле.

Но уместно ли говорю я о судьбе столь великаго храма, когда думаю о судьбе столь малаго храма, как сей, в котором теперь мы находимся? – Думаю, что не совсем неуместно. Тот и другой суть храмы Единого истиннаго Бога: потому естественно предполагать некое в судьбе их единство, хотя и при разности многих обстоятельств. Притом и малый храм Христианских таинств и Христианской истины не слишком мал пред великим храмом сеней и гаданий.

Двести двадцать семь лет стоял сей деревянный храм, быв создан Лаврою Преподобнаго Отца нашего Сергия, в начальствование Преподобнаго Отца нашего Дионисия; и тогда еще представлен в покровительство Пресвятыя Владычицы наша Богородицы, в память славнаго Ея Успения, дабы, по сей памяти, Она со благоволением призидала на него, как-бы на Свою Гефсиманию. Время, с своим законом исления, осторожно прикасалось к тленному веществу, на котором положено было благословение Святых. Но как человек иногда сам не довольно бережет то, что бережет для него природа и Провидение: то наконец храм сей обречен был опустению, а в след за тем и конечному разрушению огнем. В сие время воспомынули мы древних почитателей древняго Иерусалимскаго храма: и как они *благоволиша камене его*; так и нам самое древо сего нашего храма, и некоторые в нем останки древних священных изображений, показались драгоценными, достойными благоговейнаго сохранения. Но как уже не можно было сохранить сей храм на прежнем его месте: то здесь, древнее купно и новое, мы *обрели место Господеви, селение Богу Иаковлю* (Псал. СXXXI. 5).

Боже Отец наших! *Ты воскрес ущедриши Сиона.* Ты *воскресиши* во храме сем древнее благословение, и *ущедриши* его новою благодатию. Да будет, Господи!

Но что далее будет с сим обновленным храмом, и с новыми окрест его смиренными жилищами? – Ты веши, Господи! Будет то, чему повелит быть Твое вседетельное Слово, которое нарицает не сущая, яко сущая, возсозидает разрушенное, возставляет падшее, возвышает смиренное, воскрешает умершее, спасает погибшее. Будет то, что испросят молитвы Святых и Преподобных Отец наших, Сергия, Никона, Михея, Иоасафа, Серапиона, Максима, Дионисия, и прочих сподвижников их и сообитателей в земной, и в

небесных обителях. Будет то, чему не воспрепятствуют быть наши грехи, наши немощи, наше недостойнство.

Некто из Отцев спросил некоего великаго из Отцев: какое есть доброе дело, которое бы мне сделать, так чтобы оно было делом моей жизни? Авва отвечал: не все дела равны для всякаго. Книги говорят, что Авраам был страннолюбив, и Бог был с ним. Илия любил безмолвие, и Бог был с ним. Давид был смирен, и Бог был с ним. Итак в чем душа видит для себя хотение Божие: то и делай. Наипаче же храни сердце свое.

Кто хочет подражать Авраамову страннолюбию, Давидову смирению: тот, как самые сии примеры показывают, может упражняться в сих добродетелях повсюду: на пути, в доме, в деревне, в городе, на престоле. Так ли легко найдет себе открытое и нестесненное поприще тот, кто избрет делом жизни своей Илиину любовь к безмолвию? Где теперь Илиин Кармил, или Хорив? Где Иоаннова пустыня? Где дикия места Палестинския и Египетския, которая чудным образом угождающая благодати природа сделала неспособными для обыкновенных селений человеческих, чтобы сберечь для жительства земных Ангелов? Сонмы сих Ангелов переселились в сродное небо; земныя жилища их, едва не без остатка, пришли в запустение; и на поприще духовнаго безмолвия вновь рыщет одинокий зверь, или скитается полудикий человек. Переселилась любовь к безмолвию и в наши страны, и избрала для себя пещеры, леса, места, удаленныя не только от жилищ, но и от путей человеческих, чего близкий пример имеем в Преподобном Сергии: но как, по непреложному слову Христову, *не может град укрытись верху горы стоя* (Матф. V. 14); то высоко возрастающая и созревшая любовь к безмолвию, обыкновенно не оставалась сокрытою; привлекала учеников, почитателей, посетителей; и от самага множества любителей или почитателей безмолвия, кроме других причин, почти по необходимости, стало тесно безмолвию. Между тем и пустыни наших стран, по самой природе, менее южных удобныя для безустройственного пустынно-жительства, с течением времени сделались для него менее прежняго просторными и свободными, по действию распространившагося народонаселения.

Чего же по сему ожидать? Путь Илии, путь Иоанна Крестителя, путь Антония Великаго, должен ли увидеть себя оставленным, и возрыдать, подобно как некогда, по сказанию Иеремии, *путие Сиони рыдали, яко несть ходящих по них в праздник* (Плачь Иерем. I. 4)? Мир, вероятно, не почел бы сей потери тяжкою: но не так думать поучает опыт веков. Никто в городах и селениях Израилевых не нашел столько силы, – один Илия в пустыне нашел столько силы, – чтобы одному, одною силою духа, победоносно сражаться с господствовавшим в его время идолопоклонством. Пустыня, а не вселенная, должна была уготовать Иоанна, чтобы он сделался способным уготовать путь Господень для спасения вселенной. Глубокая пустыня и совершенное безмолвие воспитали Антония, до возраста великаго, чтобы он мог потом духовно родить, так сказать, племя и поколение земных Ангелов, пустынножительствовавших, общежительствовавших, священноначальствовавших в Церкви. Сказанное теперь о Святом Антонии можем сказать в другой раз, если на место его имени поставим имя Святаго Сергия.

Итак, если для любви к совершенному безмолвию и в обителях часто бывает тесно, и в диких пустынях не совсем свободно, а доставить ей благоприятное для нея убежище должно быть полезно и ныне, как полезно было прежде: то где мы поселим ее ныне, в сем веке молвы многия? Не будет ли, может быть, ей приятно поселиться в малой, простой, уединенной, от молвы по возможности огражденной обители, под тению обители великой, подобно как некогда безмолвствующий Варсанофий Великий обитал в совершенном уединении, под тенью обители аввы Серида?

Прииди благословенная любовь к безмолвию Илиина, Иоаннова, Антониева, Сергиева! Скрывайся от молвы: но не скрывайся от ищущих путей твоих и следов твоих, – твоих правил и твоих примеров. Являйся иногда и неищущим, способным принять тебя. Ты устранишь человека от видения других, и тем удобнее даешь ему увидеть самого себя; а *сподобивыйся увидети себе*, по слову одного из твоих таинников, *лучший есть сподоблягося увидети Ангелов* (Исаак. Сир. сл. 41). Ты пресекаешь беседы с человеками, и тем искреннее вводишь в беседу со Христом. Ты затворяешь дверь внешния храмины, и отверзаешь внутреннюю храмину сердца. Ты подаешь, и обучаешь употреблять оружие против страстей. Ты собираешь рассеянные помыслы. Ты погружаешь ум во глубину писаний, и почерпаешь свет. Ты совершенствуешь покаяние. Ты обретаешь источник слез. Ты возводишь к чистой молитве. Ты учишь *молчанию*, которое *есть таинство будущего века* (Исаак. Сир. сл. 42).

Не для всех равно призываю любовь к безмолвию. Жизнь безмолвия не для многих. Но посещение безмолвия для всякого должно быть вожделенно. Кто не упраздняет себя, хотя однажды в день, хотя на непродолжительное время, от всякого внешнего земного занятия, попечения, пристрастия; и не вводит своей души в благоговейное безмолвие пред Богом: тот еще не познал пути мира для души своей. Ибо тако глаголет Господь: *упразднитесь, и разумеите, яко Аз есмь Бог* (Псал. XLV. 11). Аминь.

CCLXV.

184. Слово

по освящении храма Святителя Николая в доме

Московской духовной Семинарии.

(Говорено Ноября 1-го;

напечатано в Твор. Св. От. и в собр. 1848 г.)

<1844 год>

*Самуил спаше в Церкви Господни, идеже
кивот Божий. И воззва Господь: Самуиле,
Самуиле. И рече: се аз. 1 Цар. III. 3. 4.*

Благоволением и отеческою попечительностью Благочестивейшаго Самодержца уготованный, обновляем ныне мы дом учения и жительства для детей Церкви, уготовляемых на служение Церкви, и не только дом, но и храм Божий, в ближайшей сопридельности, под одним кровом с домом учения и жительства.

Благословен Бог, дающий *еже хотети и еже деяти о благоволении* (Филип. II. 13), давший державной и священной власти благочестивое попечение о потребном для священного служения, вместе с человеколюбивым попечением о вспоможении служителям Олтаря в воспитании детей, да, облегченные от близкой сердцу заботы, с *радостию бдят о душах* (Евр. XIII. 17) паствы духовная, да *творят молитвы за Царя* (1 Тим. II. 1. 2), при всегдашнем непреложном долге верности и любви, с новыми свободными движениями сердца благодарного!

Дети! спросите родителей, или отцев их: с такою ли, как ныне, многообразною заботливостию были они призреваемы, когда, полувеком ранее, проходили поприще, вами теперь проходимое? Из неблагоустроенных жилищ не редко целыми поприщами измеряли мы неблагоустроенный путь до дома учения; и случалось, что только *в поучении нашем разгорался огонь* (Псал. XXXVIII. 4), когда в согревающем или освещающем огне нуждалась учебная храмина. Воспоминаю сие не для того, чтобы возбуждать упреки прошедшему, которое имеет свои добрыя и достопочтенныя воспоминания, но чтобы отдать справедливость настоящему. Вам предоставляется жилище, устроенное покойно, благолепно, величественно; и нам открывается совсем новая надобность напоминать вам, чтобы вы были в нем, как обласканные, но скромные гости, и чтобы не слишком привыкали утешаться оным. Надлежит вам помышлять и приучать себя помышлять с любовью, что, после сего, можно сказать, вельможескаго дома, множайшим из вас должно будет вновь обитать в смиренных жилищах, посещать убогия хижины; и к сему должно вам перейти не с чувством тяготящей нужды, но с чувством священнаго и вожделеннаго долга.

Но теперь мы во храме: и о храме наипаче прилично теперь помыслить.

Когда думаю, что здесь водворяются дети, которыя некогда, прошед состояние детства, быв образованы учением, испытаны в познаниях, нравах и жизни, должны будут со страхом вступить в служение храму; и когда вижу, что храм уже сам приблизился к ним, вступил в их жилище, водворился посреди их: дивлюсь снисхождению благодати, утешаюсь близостию святилища для уготовляемых к особенному освящению; но утешение переходит в заботу. Как воспользуемся мы сим снисхождением благодати, сею близостию святыни? Не столько ли же страшна ея близость, сколько утешительна?

Возжелал некогда муж по сердцу Божию, Давид, приблизить к себе священный Кивот Завета Божия, не в самый дом свой, а только в свой град: но когда церковнослужитель Оза, дерзновенным, хотя и благонамеренным, прикосновением к святыне, извлек от нея себе, вместо благословения, смерть; *убояся Господа Давид в день той, глаголя: како внидет ко мне кивот Господень* (2 Цар. VI. 9). И только по времени, после новых особенных знамений благодатнаго снисхождения, возобновил и исполнил свое благочестивое предприятие. Храм истины и таин христианских заключает в себе или не меньшую, или даже большую святыню, нежели прообразовательный Кивот Завета Ветхаго. И так есть причина и обитателям сего дома убояться Господа в день сей, и рещи: како вниде к нам храм Господень? Как будем мы жить в такой близости к святыне Бога, который наипаче *в приближающихся* к Нему *освящается*, и как свет, просвещающий достойных, но и как огонь, попадающий недостойных.

Чада! Не позволяйте себе забыться и потерять внимание к близкому храму Божию. Помните о нем со страхом: впрочем так, чтобы страх сей не отражал вас от дома Божия, а отражал от вас все недостойное дома Божия. Помышляйте, что Ангел храма видит вас и слышит, и берегитесь того, от чего с негодованием отвратился бы его небесный взор, чем оскорбился бы его чистый слух. Сердце обращенное к Богу, воля покорная заповедям Его, ум направленный к истине, жизнь тихая, обращение кроткое и миролюбивое, слово разсудительное и чистое, послушание начальству совершенное, любовь к делу своего звания, труд неленостный, покой умеренный, веселие невинное, — вот что может соседствовать с домом Божиим, без оскорбления его достоинства; и при сем, под его сению и при его свете, конечно, лучше, нежели где-либо, может юность расти духовно, процветать и приносить плод во спасение.

Сколько близость храма Божия страшна, по неприкосновенной святости Живущаго в нем: столько-же должна быть и возделенна, по щедроподательной благодати Живущаго в нем.

Чтобы страх святыни растворить и усладить надеждою благодати, указую вам на отрока, который жил не только близь храма, но во храме, и даже спал во храме, и не только не осужден за дерзость, но и обрел высокое благодатное дерзновение пред Богом. *Самуил спаше в Церкви Господни, идеже кивот Божий. И воззва Господь: Самуиле, Самуиле. И рече: се аз.*

Чтобы воспользоваться сим примером, надобно его верно выразуметь. Не крайняя ли это, по видимому, небрежность, что был допущен, и позволил себе отрок Самуил, *спать в Церкви Господни, идеже кивот Божий*? И для служения туда входить Закон предписывал только Первосвященнику и Священникам: а Самуил не принадлежал и к низшему чину Левитов, которые, притом, не в отроческом, а уже совершенном возрасте вступали в служение храма. Если положить, что это была небрежность, принадлежавшая к числу беспорядков, которые допустил во храме слабый Первосвященник Илий, и которые привлекли внезапную гибель ему и детям его: то как могло случиться, что Самуил не подвергся с ними прещению Божию, а напротив, посещен особенным благоволением Божиим? Выход из темноты сих недоумений на свет истины можно найти в следующих словах дееписания: *прежде неже угасе светильник Божий, и Самуил спаше в Церкви Господни*. К чему здесь упоминается о горящем светильнике Божиим? Думаю, к объяснению того, по какому случаю *Самуил спаше в Церкви Господни*. Видно, по особенной любви к святыне, рано в нем усмотренной, сверх обычая был он или послан, или допущен охранять светильник Божий, всю ночь горевший во храме: служение, для которого могло бы недоставать на целую ночь бдительности одного человека, кольми паче бдительности отрока. Но видно, любовь ко святыне храма и к молитве была в отроке Самуиле сильнее сна; и он, при светильнике Божиим, бодрствовал, служил, благоговел, молился, один во всю ночь, не много уступая немощи природы и подкрепляя себя кратким только сном, совместным с неослабным охранением светлости светильника Божия. Теперь понятно, каким образом сон отрока Самуила во храме не только не был осудителен, но и сделался путем для откровения Божия. Это не была небрежность, оскорбляющая храм, но любовь к его святыне, свято почивающая.

Вспомним при сем, что Самуил, в последствии времени Пророк, составил род духовного училища или образовательного общества *сынов пророческих*. Вероятно, что сему учреждению обязано своим образованием не малое число пророков следующего затем времени: так как с сего времени являются они у народа Божия в большем числе, нежели прежде. Но где училище, в котором образовался сам образователь пророков – Самуил? Не можем указать инаго, как только храм Божий. В храме с младенчества пребывал он, и не внешним учением образовался, но, посредством благоговения и веры, напился Духом Живущаго в нем так, что еще в юности явился уже и сам храмом *Духа Святаго, Господа, глаголавшаго пророки*.

Чада храма, чада учения! Приимите наставление от Пророка Самуила. И вы водворяетесь, частию для учения, частию и для жительства почти в преддверии храма. Любите и вы храм и его служение, питайтесь Духом Живущаго в нем, посредством благоговения и веры. Если тебе падет жребий, хотя только чтением, или пением, или возжением светильника, или уготовлением кадила, служить храму: исполняй сие с благоговейным вниманием, с усердием, с радостью; вспомни, что одно из сих простых служений образовало некогда светильника Церкви, что служение светильнику Божию засветило в Самуиле пророческий свет.

Имеете наставников, учение, книги. Это – сокровище для юности. Но земное учение требует помощи небеснаго Наставника, подобно как семя и прозябение требует солнца, чтобы возрасти и принести плод. *Господь дает премудрость, и от лица Его познание и разум* (Притч. II. 6). К Нему возводите взор ума, к Нему простирайте воздыхания сердца, когда приступаете к учению, или когда встречаете трудности в учении. К Нему возносите благодарное сердце, когда разумеете учение и обретаете успех. Наипаче же храните чистоту и непорочность сердца, дабы не затмеваясь входил в душу свет Божий. *Яко в злохудожну душу не внидет премудрость, ниже обитает в телеси повиннем греху* (Премудр. I. 4). *Блажени чистии сердцем: яко тии не только премудрость Божию, но и самого Бога узрят* (Матф. V. 8). Аминь.

CCLXVI.

185. Слово

по освящении храма Благовещения Пресвятыя Богородицы

в Кафедральном Чудове монастыре.

(Говорено декабря 3 дня;

напечатано в Твор. Св. От. и в собрании 1848 г.)

<1844 год>

*И Аз же тебе глаголю: яко ты еси
Петр, и на сем камени созижду
Церковь Мою, и врата ада не
одолеют ей.* Матф. XVI. 18.

Каждый раз, когда освящается храм, и о нем приносится молитва, да *сотворит* Бог *до века непоколебимым*, провозглашаются слова Христовы, обещающая непоколебимость Церкви Христовой.

Что помышляли богомудрые Отцы наши, когда предписали нам соединять таким образом, с молитвою о непоколебимости храма, обетование о непоколебимости Церкви? – Без сомнения, они думали, что сие обетование может подкрепить сию молитву. Храм освящается и бывает богохраним не ради себя, но ради собирающейся в нем Церкви, то есть, большего или меньшаго собора Православных Христиан, с их Священноначалием; почему храм и называется также Церковию. Следственно, чтобы с надеждою молиться о непоколебимости храма, для сего нужно иметь основание в надежде видеть непоколебимую Церковь, и сего-то основания, сего утверждения надежды ищем в обетовании, которое дал Господь Церкви Своей, что *и врата ада не одолеют ей*.

Но когда имеем непреложное обетование Господне о непоколебимости Церкви; то нужна ли уже молитва о сем? Однако мы молимся о сем, и кроме настоящего случая, как например, когда поем *утверждение на Тя надеющихся, утверди, Господи, Церковь*. И что не излишня сия молитва, в том печальную уверенность доставляет нам действительно случившееся падение некоторых даже великих Церквей. Где, например, Церковь Африканская, в которой некогда так светло сиял Священномученик Киприан, и которая сообщила Вселенской Церкви не мало достопамятных Соборных Правил? – Она разрушена так, что и останков ея не видно. Если же самый опыт свидетельствует, что и

великая Церковь не безопасна от падения и разрушения: то куда относится обетование: *врата адова не одолеют ей*? И на чем утверждаться может безопасность чад Церкви? – Сии вопросы не могут быть посторонними ни для кого из нас: потому что мы в Церкви, как в Ноевом ковчеге; если ковчег сокрушится и погрузится в бездну, что может удержать нас над бездною?

Не охотно вхожу в разсуждение о предмете спорном. Знаю совет святого Павла: *не словопретися ни на куюже потребу, на разорение слышащих* (2 Тим. II. 14). Но знаю и то, что сей мирный увещатель иногда сам принужден был входить в спор, *не на разорение*, но для назидания *слышащих*, когда видел, что молчание было бы хуже спора. Случилось, что и Первоверховному Апостолу Петру, впрочем, конечно, без нарушения единства веры и любви, воспрекословил Первоверховный Апостол Павел. *В лице*, говорит, *ему противустах, яко зазорен бе* (Гал. II. 11). Желательно употреблять слово Господне, преимущественно как светильник для путей познания и для путей жизни, как пищу для души: но не напрасно представляется оно и под образом *меча духовнаго* (Еф. VI. 17); необходимо иногда употреблять его на разсечение хитросплетений, которые угрожают опутывать души сетями не Апостольскими.

На вопрос: каким образом Церковь Христова непоколебима и неразрушима, когда некоторые Церкви очевидно поколебались и разрушились? – Православная Восточная Кафолическая Церковь отвечает: Церковь Христова непоколебима, во-первых, в самом Иисусе Христе, на Котором, как на вечном основании, на веки утверждена, и с Которым, как тело с главою, соединена союзом бессмертной жизни; во-вторых, она непоколебима в своем вселенском единстве, не так, чтобы никакая часть, большая или меньшая, не могла отпасть от сего единства, но так, что, не смотря на отпадение иногда некоторых частей, всегда остается единая, Святая, Соборная и Апостольская Церковь, сохраняющая чистое исповедание веры и учение жизни, неповрежденное Священное Писание и священное предание, и непрерывное преемство Священноначалия и таинств.

Сие разрешение вопроса так прямо и близко выводится из Священного Писания, что для удостоверения довольно почти только повторить слова Христовы, и прочитать некоторые свидетельства Священных писателей.

Созижду, глаголет Господь, Церковь Мою, и врата адова не одолеют ей.

Апостол Павел Церкви Коринфской об основании Церкви пишет: *основания инаго никтоже может положить, паче лежащаго, еже есть Иисус Христос* (1 Кор. III. 11). Заметьте, что Апостол не только признает Иисуса Христа первоначальным и незыблемым основанием Церкви, но и отрицает возможность другого подобного основания; и как он пишет, между прочим против тех, которые говорили: *аз же Кифин*, то в общем изречении его заключается и сия частная мысль, что *Кифа*, то есть Апостол Петр, не может быть признаваем первоначальным и незыблемым основанием Церкви, хотя впрочем он и может и должен быть признаваем вторичным, на Христе утвержденным, и во Христе только не поколебимым основанием, но в сем положении уже не один, а со всеми Апостолами и Пророками, по другому изречению Святого Павла: *наздани на основании Апостол и Пророк, суущу краеугольну самому Иисусу Христу* (Еф. II. 20).

К Христианам Ефесским тот же Апостол о Церкви и о Христе пишет: *и Той дал есть овы убо Апостолы, овы же, Пророки, овы же блавестники, овы же пастыри, и учителя, к совершению святых, в дело служения, в созидание тела Христова, – да возрастим в Него всяческая, иже есть глава Христос, из Негоже все тело составляемо и счиневаемо приличне, всяцем осязанием подаяния, по действию в мере единыя коеяждо части,*

возвращение тела творит в создание самого себе любовью (Ефес. IV. 11. 12. 15. 16). Изображение Церкви сколько живое, столько же глубокое и знаменательное! Если Церковь должна быть телом Христовым: то сим должна быть, без сомнения, едина Вселенская Церковь: потому что никто никогда не приписывал Христу многих тел. Если Вселенская Церковь есть тело Христа, Сына Божия: то сие тело, без сомнения, есть всегда чистое, всегда здоровое, никогда не разрушимое; потому что противное сему было бы недостойно Сына Божия. Если из Него *все тело* Церкви Вселенския, *составляемо и счиневаемо прилично всяцем осязанием подаяния, возвращение творит*: то, без сомнения, от Него исполняется оно не иным чем, как только жизнью, силою, светом, чистотою, нетлением. Если *в созидание сего тела Христова даны Апостолы, Пророки, благовестники, пастыри, учителя*: то пастыри и учителя, или иначе, Священноначалие Церковное, должны сохраняться в Церкви непрерывно, так как непрерывно должно продолжаться созидание тела Христова. Как телу, растущему и продолжающему жить, некоторые вещества принадлежат только временно, и по времени, даже во множестве, отделяются от него, не препятствуя тем его возрастанию и совершенству: так возрастанию и совершенству тела Церкви не препятствуют, хотя бы и многочисленны были, люди, которые *во время веруют, и во время напасти*, или другого рода искушений, *отпадают* (Лук. VIII. 13), которые *от нас изыдоша, но не беша от нас* (1 Иоан. II. 19).

Сие учение о непоколебимости Церкви имеет то преимущество очевидной истины, что его большею частию не отвергают и разномыслящие с нами; а усиливаются только прибавить к оному то, чего мы не говорим, и чего не говорили Евангелисты и Апостолы.

Говорят на Западе: Церковь непоколебима, во-первых, во Христе, во-вторых, определительно и почти единственно, в Апостоле Петре, в-третьих, в его преемнике, которого еще называют видимою главою ея; и к сему присовокупляют, что единственно на сих опорах может безопасно быть утверждено спасение Христиан.

Что думать о двух последних прибавочных частях учения? Нужны ли оне? Согласны ли с учением Апостолов и Апостольской Церкви, которое мы пред сим изложили?

Божественный Петре! первоначальный чистый исповедник единого *Имени, о Немже подобает спастися нам!* Благослови нас единое спасительное имя *Христа, Сына Бога живаго*, единыя Главы единого тела Церкви, превозносить, согласно с тобою, над всяким именем человеческим.

Если, по строгому суждению Апостола Павла, *основания инаго никтоже может положить паче лежащаго, еже есть Иисус Христос*: то каким образом думают приложить еще другое и третье основание?

Если, по дальнейшему изъяснению того же Апостола, мы *назданы на основании Апостол и Пророк, сушу краеугольну самому Иисусу Христу*: то для чего хотят извергнуть из сего основания одиннадцать Апостолов, и вместо их положить не принадлежащего к лику Апостольскому?

Если, по Апостольскому же слову, *к совершению святых, в созидание тела Христова, даны*, между прочим, *Апостолы*, многие – для множества призываемых к вере, все купно и непосредственно приявшие благодать от Христа и от Духа Святаго: то какая разность в том, что из их преемников одному преподал освящение Петр Первоверховный, другому Иаков или Иоанн, на равне с Петром *мнимии столпи быти* (Гал. II. 9), иному *не разнствующий* (6) от сих Павел, по древнему признанию Церкви, купно с Петром Первоверховный, иному Андрей Первозванный, и так далее? Чтобы поставить Тимофея

Епископом в Ефесе, Павел не требовал Петра, подобно как и Петр Павла, чтобы поставить Марка Епископом в Александрии. Тимофей и его преемники так же твердо *названы были на основании Апостола Павла*, как Марк и его преемники – *на основании Апостола Петра*. Когда же Петр сделался единственной опорой непоколебимости Церковной? Когда, кто, и где, в таком же смысле, сделался преемником Петровым? Священное Писание не показывает нам сего. Напротив того, Писание и предание показывают, что, после мученической кончины Святого Петра, долго еще пребывали, и своим Апостольским достоинством первоначальствовали в Церкви – великий таинник Христов Иоанн Богослов, и Симон сродник Господень, Епископ Иерусалимский. И сколь верно то, что они не имели нужд в Римском Епископском престоле, столь же несомнительно и то, что Римский Епископский престол вместе с прочими преклонял свое достоинство пред их Апостольским первоначалием. И далее в течении времени предание церковное представляет нам не одного и единственного преемника Петрова, но трех, в трех разных местах. Доказательство на сие можем взять из сокровищ древности у тех самых, которые сему ныне прекословят. Святой Григорий Двоеслов, занимавший в священноначалии место, которое ныне хотят представить единственным престолом Апостола Петра, в послании к Евлогию, Патриарху Александрийскому (Париж. изд. 1675 г. Том. 2, кн. VI. Посл. 37), пишет: *хотя многие суть Апостолы, однако в отношении к начальствованию единый престол Первоверховного Апостола возымел силу в общем уважении, – единый в трех местах. Ибо он возвысил престол, на котором и почитать и настоящую жизнь окончить благоволил, – то есть престол Римский. Он украсил престол, на который послал ученика Евангелиста, – то-есть престол Александрийский. Он укрепил престол, на котором семь лет восседал, хотя после и отшел от него, – то есть престол Антиохийский. Единаго, продолжает Святой Григорий, и единый есть престол, на котором, по власти Божественной, три Епископа ныне председательствуют*. Услышав о наименовании вселенского Патриарха (впрочем для почести только употребленном на Востоке), тот же Св. Папа устрасился обширности знаменования сего имени, и возревновал за честь всех Патриархов, а не одного западного. Он писал к Патриархам – Евлогию Александрийскому и Анастасию Антиохийскому (кн. IV. Посл. 36), так: *если попускают сие говорить не возбранно: то сим честь всех Патриархов отрицают*. Вот учение Восточной Церкви о патриарших престолах, в устах Патриарха Западной Церкви! Потому что в его время Восток и Запад были едино, как повелел им Вечный Восток свыше.

Если Слово Божие знает единую токмо Главу Церкви – Христа: то по какому праву человеческое мудрование хочет, сверх сей Божественной Главы, дать сему бессмертному телу еще другую главу – смертную?

Если Вселенская Церковь, по слову Господню, должна быть такова, что *и врата адова не одолеют ей*: сообразно ли с сим давать ей такую главу, при которой врата адовы могли бы обезглавить Церковь?

К чему послужило Монофелитской ереси, вопрошает ученый Богослов и Епископ новаго Запада (Боссюэт. слов. о единст. Церк.), *то, что она по нечаянности похитила Папу?* На сие древний и новый Восток отвечает: да, немного приобрела Монофелитская ересь, похитив Папу Гонория: потому что Папа не есть глава Церкви; потому что, при впадении его в ересь, Православная Церковь сохранила, на защиту истины, не зависящих от его власти, других Патриархов и Соборы. Но если бы ересь похитила действительно главу Вселенской Церкви; если бы ересь приобрела себе вселенскую главу и ея власть: что было бы тогда с достоинством и непоколебимостью Церкви?

Благословен Пребожественный Основатель Церкви, который не вверил ей безопасности одному человеку, смертному и, кто бы ни был, не безгрешному. Не сказал Он Петру, следственно не сказал и никакому его преемнику: *врата ада не одолеют тебя*. Но сказал о Своей Церкви: *врата ада не одолеют ей*, хотя бы многократно одолели того или другого человека, хотя бы одолели долженствовавшего быть опорой для многих, только не для всей Церкви.

Кто приемлет в особенное замечание то, что Слово Господне об основании Церкви обращено к Апостолу Петру, и к одному ему: тот пусть вникнет в обстоятельства, в каких сие произошло. Петр один, предваряя прочих Апостолов, исповедал Христа новым исповеданием Христианским: *Ты еси Христос, Сын Бога Живаго*: и потому один, преимущественно пред другими Апостолами, услышал новое слово Христа о Церкви: *и Аз же тебе глаголю*; и, на первоначальном всеобщем камне основания – Христе положен первым из последующих, меньших камней основания, то есть Апостолов, и притом не столько сам он, сколько его вера и его исповедание. Так слово Христово толкует Св. Златоуст: *на сем камени созижду Церковь мою, сие есть, на вере исповедания* (на Матф. Бесед. 54).

Те, которые ревнуют о Св. Петре более, нежели он того от них желает, пусть послушают сего первоверховного Апостола более, нежели своего или постороннего мудрования. Св. Петр не на Петре, но на Христе основать и утвердить вас желает. *К нему же*, говорит, *приходяще, Камени живу, от человек убо уничижену, от Бога же избрану, честну, и сами, яко камение живо, зиждитесь в храм духовен* (1 Петр. II. 4. 5). Св. Петр знает одно только имя, без которого нельзя спастись, – имя Христа, а не три имени – Христа, Петра и преемника Петрова. *Несть бо*, говорит, *иного имени под небесем, даннаго в человецех, о немже подобает спастися нам* (Деян. IV. 12).

Христос, *Камень живой*, – вот, братие, первоначальное, глубочайшее, единое, всеобщее, вечно непоколебимое, все на Себе носящее, Основание, на котором должны мы утверждать наши сердца, нашу веру, нашу жизнь, нашу надежду спасения, назидаясь последовательно на основании Апостолов, Пророков, Пастырей и Учителей Православной Вселенской Церкви! В сем Основании наша непоколебимость; в сем наша безопасность. Если же не тщимся на сем Основании утверждать нашу веру и нашу жизнь: то никакие мнимые столпы, никакие опоры человеческого мудрования и силы не могут поддержать нашей храмины, зиждемой на песке мнений, предубеждений, страстей, угрожаемой неизбежно разрушением велиим.

Если дивимся тому, какая великая благодать и сила дана Петру в слове Господнем: *ты еси Петр, и на сем камени созижду Церковь Мою*, то помыслим о том, как сия благодать приобретена. Она приобретена не от плоти и крови заимствованным, но от Отца Небесного, внутренно *явленным*, от полной души происшедшим, искренним, несомненным, безбоязненным, исповеданием веры: *Ты еси Христос, Сын Бога Живаго*. Дело созидания Церкви Вселенския превыше наших усилий и забот, хотя впрочем не должно быть чуждо для наших молитв: но есть часть сего дела, ближе касающаяся до каждого из нас, и требующая полной заботливости нашей; это – дело созидания той Церкви, о которой написал Апостол: *вы есте церкви Бога жива* – дело духовного созидания нашей душевной храмины, устроение спасения души нашей. Велик благодатию Петр для Церкви великой: для сей малой церкви надобно, чтобы каждый из нас был хотя малым, – но и не слишком малым, – подражателем Петру и преемником его благодати. Надобно, чтобы и ты был *учеником* Христовым, то есть, употреблял все возможные для тебя средства приобретать верное познание Бога и Христа. Надобно, чтобы и ты молитвою испрашивал от Отца Небесного *явления* сего познания в живом ощущении

сердца. Надобно, чтоб и твоя душа исполнялась верою во *Христа, Сына Бога живаго*. Надобно, чтоб и ты искренно, несомненно, безбоязненно исповедывал *Христа, Сына Бога живаго*, когда нужно, словом, а всегда жизнью, как твоего Учителя и Спасителя; чтоб и ты старался во всем поступать по Его учению и по Его заповедям. И если когда, по немощи, или неосторожности, будешь погружаться в искушения, как Петр в волны, надобно, чтоб и ты, как он, немедленно к Христу же простирал руки с покаянием, молитвою и надеждою. Только при таковых расположениях и делах веры и тебе принадлежать будет участие в данном Петру обетовании: *созижду в тебе Церковь Мою, и врата ада не одолеют ей!* Аминь.

CCLXVII.

186. Слово

в день тезоименитства Государя Императора

Николая Павловича.

(Говорено в Мариинской церкви Императорского Вдовьяго Дома,

декабря 6; напечатано в собрании 1848 г. и в Твор. Св. Отец.)

<1844 год>

*Блажени милостивии: яко тии помиловани
будут. Матф. V. 7.*

Мысль о милосердии естественно представляется душе там, где она осуществлена в деле, и является даже взору.

Царское милосердие воздвигло и наполнило сей пространный дом, и поддерживает его в благоустройстве. Царское милосердие, вместе с благочестием, создало сей храм, и постоянно дает ему средства сохранять свой чин и благолепие, подобающее святыне. Царское милосердие взыскало сих вдовиц, призрело, успокоило; и, не довольствуясь непрерывными делами милосердия над ними, производит, так сказать, второе поколение дел милосердия чрез них, образуя избираемых из среды их, и употребляя для человеколюбиваго и благочестиваго попечения о болящих.

При сих видах какое сердце не умягчится? Кто не благословит, во первых, венценоснаго милосердия, и потом всякаго милосердия? Кто не пожелает милосердым всякаго блага?

Будем же довольны! Милосердым обещается не только благо, но и блаженство. Истина непреложная обещает сие. *Блажени милостивии*, глаголет Господь.

Найдя таким образом утешение в изречении, которое произнесено для наставления, не оставим онаго без употребления и в отношении к наставлению.

Как приятно Небесный Учитель преподает начатки Своего учения! Не стесняет свободы ученика строгим повелением. Не устрашает угрозами. Не ведет темными стезями умствования. Указует то, чего все ищут, – блаженство; потом указывает путь к блаженству – в добродетели милосердия: и предоставляет тебе самому решить, что тебе делать.

Неужели ты не пожелаешь блаженства? А если желаешь блаженства: то неужели откажешься вступить на путь блаженства, посредством добродетели милосердия?

Если бы остановило тебя недоумение, каким образом сей путь может привести тебя к сей цели, какое может быть отношение между милосердием твоим к другому, и между блаженством твоим собственным: разрешение сего недоумения уже приготовил Небесный Учитель, дополнив Свое изречение: *Блажени милостивии, яко тии помиловани будут.*

От кого помилование Господь обещает милостивым? От человеков ли? – Случается, что сделавший дело милосердия для другого сам встречает нужду в милосердии другого: и верное в правде и милости Провидение Божие награждает милосердие человеческое другим человеческим же милосердием. Но сего не довольно, чтобы сделать милостиваго блаженным. Сие последнее может сделать только Божие милосердие: и точно, милосердие Божие для сего нужно.

Если человека разсматривать, как тварь: что значит он вне Божия сотворения и хранения? – Ничто. Как его ничтожество не имеет никакого права на бытие: так и его бытие не имеет никакого права на блаженство. Только по благости Божией человек существует: только по милосердию Божию он может быть блажен.

Если же сверх сего принять в разсуждение, что нынешний человек есть сын Адама, согрешившаго, повиннаго, осужденнаго; что все мы рождаемся во грехах, и что, по слову праведнаго Иова, *никто же чист от скверны греха, аще и един день житие его на земли* (Иов. XIV. 4. 5): то нельзя не заключить, что не только мы не имеем права на блаженство, но что вечное Правосудие имеет на нас право к наказанию; и следственно, чтобы открыть нам путь к блаженству, для сего нужно не просто милосердие, которое милует и ущедряет ничтожных и неимущих, но именно *помилование*, которое щадит виновных.

Человек, никогда не безгрешный, и, если ты не ожесточен и не безчувствен, всегда больше или меньше уязвляемый печалию греха! Утешься. Тебе предлагается помилование. Грешник, никогда неблаженный! Возрадуйся. Тебе предлагается блаженство. Возмись за руководительную нить, которая должна привести тебя к помилованию и к блаженству. Сия руководительная нить есть милосердие. *Блажени милостивии, яко тии помиловани будут.*

Позволишь ли себе еще недоумевать, каким образом к твоему помилованию, или освобождению от греха, может послужить твое милосердие к другому? – Познай себя несколько глубже. Свойство греха есть уклонять душу от Бога, как истиннаго всеобщаго средоточия и полноты, образовать для нея ложное средоточие в ея самости, заключать ее во тме чувственности, в грубости вещества, и все влещи к ней посредством самолюбия, самочестия, своекорыстия, самоугодия и самоуслаждения. В сем положении душа не приемлет света милующей благодати, подобно как света солнечнаго не приемлет заключенная отвсюду храма. Если отворишь дверь или окно, хотя бы то было не ради солнца, а по другой причине: ты откроешь тем не менее вход солнечному свету. Так, если движением противоположным самолюбию, самочестию, своекорыстию, самоугодию, самоуслаждению, снисхождением к уничиженному, состраданием к бедствующему, желанием утешить его и помочь ему, отверзеши свою душу: то хотя ты отверзаешь ее человеку, тем не менее она отверзается не приметно и для Бога, источника любви и милосердия. Свет милующей благодати входит, и помилование начинается.

Впрочем, кто может достаточно изъяснить действие милующей благодати Божией, которая, как все Божие, непостижима? И нужно ли сего требовать? Когда милосердый

Заимодавец обещает тебе простить тьму талантов долга, с условием, чтобы ты простил своему должнику сто пенязей, или дал несколько пенязей не одолжившему тебя: надобно ли останавливаться и разыскивать, для чего нужно сие условие? Не благоразумнее ли поспешить оказать малую милость, чтобы воспользоваться милостию великою? Когда врач дает тебе целебное предписание: надобно ли тебе входить в тонкое исследование способа, каким действовать будет врачевство? Сие исследование, по всему вероятию, не удовлетворило бы тебя, и остановило бы врачевание. Исполни с доверием предписание знающего: и получишь здоровье, и силу врачевства опытно узнаешь. Господь и Судия неба и земли обещает тебе Свою великую милость с условием твоей малой милости ближнему: не испытай таин Его милосердия; поспешай, и верно твори дела возможной тебе малой милости, и уповай на Его милость великую. Врач небесный дает тебе не трудное врачебное предписание, не кровь избыточествующую или неправильно движимую из тела твоего источить хочет, но избыток твоего внешнего достоинства, тлеющий без движения, или в суетном употреблении погибающий, хочет привести в полезное движение, обратить чрез тебя в пользу других членов единого человечества, и тем уврачевать твою душу, чтобы она не болела грехом, чтобы она не была жестка, темна, мертва без любви, потому что *не любяй брата пребывает в смерти* (1 Иоан. III. 14). Здесь ли не удомевать? Здесь ли останавливаться? Здесь ли откладывать? Поспешай, пока есть время милости или милования, пока не настало время неумытного суда; буди милостив; твори дела человеколюбия, какия можешь: и помилован будешь, и блажен будешь. *Блаженни милостивии, яко тии помиловани будут.* Аминь.

CCLXVIII.

187. Слово

в неделю вторуюнадесять по Пятдесятнице.

(Напечатано в собраниях 1844 и 1848 гг.)

<1844 год>

*И се един некий приступль, рече Ему:
учителю благий, что благо сотворю:
да имам живот вечный.* Матф. XIX. 16.

Иметь живот вечный, наследовать безсмертную и блаженную жизнь на небесах, конечно лучше, нежели получить, какое бы то ни было, сокровище или преимущество на земли. По сему никто не должен быть равнодушен к вопросу: каким бы образом вернее и удобнее достигнуть вечного живота; особенно, когда видим, что к сей цели многие идут разными путями, а кто лучше достигает ея, не легко усмотреть, потому что сие открывается совершенно, только за пределами видимаго.

И так не напрасно приходит на помощь сей заботе Евангелие. В нем слышали мы ныне и этот занимательный вопрос: *что благо сотворю: да имам живот вечный?* и ответ на него, сколько достойный внимания, по предмету, столько же достойный доверия, по лицу Ответствователя, Который не с удовольствием принял наименование *Учителя благаго*, произнесенное в смысле обыкновенной ласки, но Которому подобает сие наименование в высоком смысле Его собственного изречения: *никто же благ, токмо един Бог.*

Какой же это ответ? – *Аще ли хочещи внити в живот, соблюди заповеди.*

Опасаясь, что сей краткий и простой ответ не успокоит многих испытателей, как он не успокоил *единого некоего*, вопрошателя Евангельского.

Соблюдай заповеди! – Только? – скажут, вероятно, некоторые. Для вопроса, столь не объятно великаго, и для любомудрых труднаго, какое малое, и даже для детей не новое, разрешение! Может быть, в след за Евангельским вопрошателем, предложат и сие возражение: *вся сия сохраних от юности моя*, но притом чувствую, что *еще не dokonчал*, не довольно приготовил себя к вечной жизни.

Такия помышления располагают к особенному размышлению о важности, значении и употреблении правила: *еще хочещи внити в живот, соблюдай заповеди*.

Если царь издал закон: не должны ли все подданные исполнять оный в точности? Поелику в неисполнении царскаго закона заключается противление царской власти, оскорбление царскому величеству, вред обществу, для блага котораго закон постановлен, и самому нарушителю закона, полезнаго для всех и каждаго. Притом власть, которая нашла нужным постановить закон, находится к необходимости поддерживать его в исполнении, а следственно и наказывать нарушителей онаго. Что сказать о *заповедях* Божиих, о сих законах Царя царствующих? Колико еще выше и сильнее здесь долг, и благоговения к Законодателю, и повиновения закону! Колико еще больший предстоит страх вреда от нарушения закона, и праведнаго за то наказания!

Добрый подданный, которому сказал бы кто нибудь: исполняй царские законы, позволил ли бы себе дать на сие такой отзыв, что это совет не очень важный? Кольми паче ты, сын царствия Божия, или желающий быть таковым, когда слышишь наставление: *соблюдай заповеди* Божии, дерзнешь ли помыслить, что это наставление не высокой важности?

Если *Учитель благий*, или точнее, самоблагий, Который есть самая премудрость Божия, дает тебе наставление: *соблюдай заповеди*: что может быть вернее сего наставления? Если Он сие наставление соединяет с условием: *еще хочещи внити в живот*; и следовательно в соблюдении заповедей указывает тебе путь к вечной, блаженной жизни: что может быть важнее сего наставления?

Если сие наставление кажется тебе малым: вспомни, что сказал Господь о малых заповедях: *иже еще разорит едину заповедей сих малых, и научит тако человеки, мний наречется в царствии небеснем* (Матф. V. 19). А что значит: *мний во царствии небеснем*? изъяснит нам сие святой Златоуст. *Егда, говорит, слышиши меньшаго во царствии небеснем, ничто же ино разумей, разве геенну и муку: царство бо Он не наслаждение вестъ нарицати токмо, но и время воскресения, и пришествие оно страшное. – Во оно время мний будет, сие- есть, отверженный, последний. Последний же всячески в геенну впадет тогда* (Бесед. 16 на Матф.). Если таким образом нарушение малой заповеди низводит до геенны: то, напротив, соблюдение малой заповеди и малаго наставления предохраняет от геенны. И малаго ли внимания достойно то, что предохраняет от безмерных и безконечных зол?

Просты заповеди, которыя Господь предложил, как средство для достижения вечной жизни: *не убиещи, не прелюбы сотвориши, не украдещи, не лжесвидетельствуеши, чти отца и мать, и возлюбиши искренняго твоего, яко сам себе*. Подлинно, и детям, по устройению Отца светов, не неизвестно сие учение. Чтож? Менее ли потому оно важно? Не тем ли паче и премудро, и сильно? Сколько мудрецы мира мучили и мучат себя и других, изследованиями о блаженной жизни! Кого научили они жить? Кого сделали блаженным? Их учение конечно не для детского разума и деятельности: потому что их собственное

разумение никогда не выходит окончательно из борьбы с недоразумениями; их собственная деятельность не помнит их учения. Вот ничтожность важности человеческой! Напротив того, вот величие простоты Божией: Бог изрек не многия, простые заповеди, и в них преподавал учение жизни, которое и для мудрых глубоко-знаменательно, и для детей доступно, и неведущих просвещает, и просвещенных руководствует, и души человеческия очищает, и общества человеческия охраняет, и временную жизнь благоустраивает, и для вечной образует.

Менее ли величественно солнце от того, что светит и долинам, как горам, и хижинам, как чертогам, и насекомым, как планетам? Так, менее ли *заповедь Господня светла* от того, что *просвещает очи* душевные и детей, как отцев, *умудряет и младенцев* (Псал. XVIII. 8. 9), как старцев?

Но какое действительно значение в отношении к жизни вечной имеет правило: *соблюдай заповеди*? Евангельский юноша не обинуясь говорил о них: *вся сия сохраних от юности моя*. Но между тем конечно не далеко прошел он по пути к жизни вечной, когда еще и не знал его; ибо только незнающему свойственно спрашивать, как он спрашивал: *что благо сотворю, да имам живот вечный*? Где же плод хранения заповедей? –

В разсуждении сего необходимо заметить, во-первых, что этот человек напрасно хвалился; он не испытал глубины своего сердца, и сказал неправду, когда сказал: *вся сия сохраних от юности моя*. Уличить его не трудно. Если бы он подлинно сохранил заповедь: *возлюбиши искренняго твоего, яко сам себе*: то ближнему своему желал бы довольства и обилия столько же, сколько самому себе, и тогда не трудно было бы ему разделить свои стяжания с нищими. Но он не мог принудить себя к тому, и от Учителя вечной жизни, а с тем вместе и от пути вечной жизни, *отъиде скорбя: бе бо имея стяжания многа*. Итак, если он не далеко прошел по пути к вечной жизни: то потому, что не далеко прошел по пути заповедей. Не заповеди были для него бесплодны; но он не довольно трудился, чтобы возделать и собрать плод.

Во-вторых, истинный разум Господня изречения: *аще хоцещи внити в живот, соблюди заповеди*, надлежит определить строгою точностию его выражений. Не сказал Он: исполни заповеди; поелику ведал, что для сего не достало бы сил человеческой природы, которая от прародителей повреждена грехом, и которой *прилежит помышление прилежно на злая от юности* (Быт. VIII. 21). Но сказал: *соблюдай заповеди*, то есть, не теряй их из вида, не оставляй без внимания, имей всегда пред очами, сообразуй с ними свои действия, сколько разумеешь, и сколько можешь. Не сказал также: соблюдай заповеди, и внидешь в живот; ибо ведал, что человек не достигнет жизни вечной одним соблюдением заповедей, которых не может исполнить в совершенстве. Но сказал: *аще хоцещи внити в живот, соблюди заповеди*; то есть, желающему достигнуть вечной жизни нужно начать и продолжать сие дело соблюдением заповедей, хотя впрочем не одно сие нужно, и не сим одним совершится сие дело.

В чем же должен состоять плод соблюдения заповедей? – В том, что поколику соблюдаешь их, и, по возможности, действительно исполняешь; потолику очищаешь себя от всякия скверны плоти и духа, и уготовляешь себя к принятию Божией благодати: а поколику на пути заповедей изнемогаешь, претыкаешься, падаешь в мертвенное состояние греха, потолику испытываешь свою немощь, смиряешь свой помысл, ощущаешь потребность искупления от грехов, и вышней помощи к благоделанию, побуждаешься прибегнуть от закона к благодати: глубоко и внутренно познаешь достоинство и силу заслуг и благодеяний Иисуса Христа, Его страдания и смерти, для нас умилостивительной и очистительной от грехов, Его воскресения, для нас

жизнеподательного, прилепляешься к Нему верою, надеждою, любовию, благодарностию, желанием последовать Его учению и примеру. К сему точно хочет вести посредством заповедей Господь наш, когда после начального наставления: *соблюди заповеди*, предлагает другое совершительное: *гряди в след Мене*. Ибо и сие последнее, так же как первое, относится не к одному Евангельскому юноше, но ко всякому, кто *хочет внити в живот*. Частно же к нему относился только совет, долженствовавший очистить его сердце от усмотренной в нем Сердцеведцем страсти к богатству: *продаждь имение твое, и даждь нищим*.

Из сего явствует, что правило: *соблюди заповеди*, имеет значение средства не единственного и окончательно достаточного, впрочем существенно нужного и действительного для приобретения вечного спасения.

После сего не без особенной заботы должно спросить: употребляем ли мы сие средство соответственно потребности его и достоинству? Знаю, что истинно подвижающимся в делании по заповедям, смирение не позволит похвалиться: *вся сия сохраних от юности моя*. Но не много ли и таких, которым возбранит сие обличающая совесть? Не видим ли нередко, что заповеди Божии нарушаются безпечнее и дерзновеннее, нежели человеческие законы? Говоря сие, не виновность против законов облегчаю, но тяжесть виновности против заповедей Божиих взвешиваю. Помышляют ли нерадящие, что значит их нерадение? Если верный во словесех, и неизменный в обетованиях Своих Господь желание и надежду вечного живота связал с соблюдением заповедей: то не хотеть соблюдать заповеди не значит ли не хотеть внити в живот?

Если ты не думаешь обманывать себя бесплодным желанием и неосновательною надеждою, а искренно *хочещи внити в живот*: то также искренно и деятельно *соблюди заповеди*. О всяком деле, предприимлемом, не спрашивай прежде, будет ли оно приятно, выгодно, безопасно, похвально пред людьми, но прежде и паче всего испытывай, будет ли оно угодно Богу, не будет ли противно Его заповедям. По всяком деле, сделанном, не хвали себя в похотех души твоея, но испытывай вновь, не нарушена ли в нем какая заповедь Божия, и успех восписуй содействующей и покрывающей благодати, а в претыканиях и падениях с покаянием и верою взывай к благодати милующей и возставляющей и с новою бдительностию поставляй твою совесть на стражу хранения заповедей, да возможешь наконец со дерзновением веры реши Господу: *се возжелах заповеди Твоя; в правде Твоей живи мя* (Псал. CXVIII. 40); и будет тебе по вере твоей, и по верности твоей. Аминь.

ССLXIX.

188. Слово

в день Успения Пресвятыя Богородицы.

(Напечатано в собраниях 1844 и 1848 гг.)

<1844 год>

Помяни, яко смерть не замедлит.
Сир. XIV. 12.

Это не праздничное слово в праздник, подумают, вероятно, некоторые, услышав сказанное теперь. Для чего уменьшать светлость праздника мрачною мыслию о смерти, к нам поспешающей?

Мне, братия, не так думается. Может быть, и в светлое время мрачных видов, и в праздники печальных мыслей достойны мы по делам нашим, согласно с древним прещением Божиим: *зайдет солнце в полудне, и померкнет на земли в день свет, и превращу праздники ваша в жалость, и вся песни ваша в плачь* (Амос. VIII. 9. 10).

Как бы то ни было, Богопросвещенный мудрец, которого книгу Апостольская Церковь предала и сохранила нам, для нашего наставления, подает нам сей совет: *помяни, яко смерть не замедлит*. Не благоразумно было бы, совет мудреца отвергнуть, даже без рассмотрения. И если вы не думали бы заняться мыслию о смерти ныне, потому что она вам представляется мрачною, то есть, страшною или печальною: то я думаю напротив, что по сей-то именно причине всего лучше заняться оною ныне, когда смерть является нам не страшною или печальною, но радостною и торжественною, не разрушительницею жизни, но руководительницею к вечному животу, когда она дышит на вас не тяжким воздухом тления, но благоуханием нетления, когда непосредственно за темною дверью гроба отверзает светлую дверь неба, когда, как вы слышите в церковной песни, *живот предобручает смерть*, когда она, чтобы не тревожить вас даже звуком своего имени, преобразилась и переименовалась в *успение*, то есть, успокоение, мирному сну подобное, и в *преставление*, то есть как-бы легкое перестановление от места на место, от места в мире видимом в состояние мира невидимаго. И что значит, что смерть сделалась предметом праздника? – Торжественно возвещаем в Церкви смерть Господню, как спасительную и живоносную для всех нас: торжественно воспоминаем и смерть Матери Господа, как в высоком степени для нас поучительную и утешительную. Показав нам гроб Христов, с отваленным камнем, с одними погребальными пеленами, в оном оставшимися, и возвестив, что *Христос воста от мертвых, начаток умершим бысть* (1 Кор. XV. 20), – Святая Церковь, как-бы заботилась, чтобы наша вера и надежда не утомились долгим ожиданием последующаго за сим начатком воскресения умерших: и потому она приводит нас к другому гробу, также в третий день после погребения отверстому, и уже праздному от тела, в нем погребеннаго, и как-бы указуя, говорит нам: вот и действительный, скорый, очевидный в лице Матери Господней опыт воскресения, которого Христос был начаток; благодатию Сына Своего и Бога, Она так совершенно созрела на земли для неба, что и тела Ея не могла удержать земля до времени общего воскресения: зрите праздный гроб Ея, и радуйтесь упованием жизни за гробом.

Теперь мысль о смерти, омрачаемая страхом и печалию от нашего несовершенства и немощи, освещена радостью надежды от силы и благодати Божией. Итак можно размышлять о смерти не смущенно: а размышлять о ней нужно.

Дабы доказать, что всякому человеку нужно не позднее помышление о смерти, для сего довольно взять в разсуждение обыкновенное правило благоразумия. Оно требует, чтобы мы старались по возможности предусматривать будущие случаи, особенно важные или трудные для нас, и заблаговременно соображать и употреблять средства и способы, как бы встретить оные с пользою для себя, или по крайней мере с безопасностью. Земледелец прежде посева думает о жатве, и приспособляет посев к получению жатвы, сколь можно более обильной. Летом помышляет он о зиме, и заботится, как бы обилием лета наполнить скудость зимы. Не больше ли нужно всякому помыслить и позаботиться о том, как бы не пропустить лета жизни, и приготовить потребное на бесплодную и суровую зиму смерти, как бы в сей смертной жизни произвести добрый и благонадежный посев, дабы в решительное время воскресения и суда, *пожать*, как изъясняется Святый Иоанн

Дамаскин, *класы присно-живопитания*, или, если угодно, дабы самим нам прозябнуть, возрасти, процвести и созреть доброю пшеницею, которую жатели Ангелы соберут в житницы небесныя.

Но мы часто позволяем себе небрежность в соблюдении правил благоразумия, думая, что некоторая на время небрежность еще не беда. Посему надобно настоятельнее доказать вам, как необходима для нас мысль о смерти, и как опасно пренебречь и потерять ее. Так она необходима, что не только земная, смертная, но и райская, бессмертная жизнь не могла стоять без мысли о смерти. Бог сотворил человека в совершенстве, достойном Всесовершенного Творца; ввел его в рай сладости; дал ему плод древа жизни, для нетления; от опасного древа познания добра и зла предохранил его заповедию, не вкушать от плода онаго. Но сего было не довольно. Райская жизнь не была бы безопасна. Для ее охранения нужно было поставить грозного стража – помысл смерти. *В онъже аще день снесете от него, смертию умрете* (Быт II. 17), сказал Господь: и райская жизнь была безопасна, доколе стоял подле ее помысл смерти. Но как скоро успел исконный человекоубийца лукавством своим удалить от человеков мысль о смерти: *«не смертию умрете»* (Быт. III. 4): тотчас и убил грехом жизнь райскую. Подивимся, братия, чудесам премудрости Божией, и оплачем наше безумие. Дух злобы и зависти, погрузив себя в смерть чрез отступление от Бога, умышляет смерть человеку: Бог провидит; и помысл смерти, в намерении врага губительный, в познании человека обращает в орудие предохранительное и спасительное. А человек ищет миновать приставленный к нему от Бога помысл смерти, чтобы достать минутное чувственное удовольствие: успевает избавиться от неприятной мысли о смерти, и впадает в действительную смерть. *Сия книга бытия человека!* Что было с Адамом, тому естественно быть и с нами: потому что мы естественные наследники Адама, если благодать и вера не сделают нас наследниками Богу и сонаследниками Христу. Человек, наследственно склонный ко греху, будет ли тверже против искушения, нежели человек, еще безгрешный, искушаемый ко греху, если отвергнет помощь, которая и для сего была необходима? – Конечно, нет! Итак если ты подкрепишь и оградишь себя благоразумным и благочестивым помышлением о смерти, как бдительною стражею: то, без сомнения, оно поможет тебе охранить себя, хотя не совсем от смерти, которая преступлением Адамовым уже вошла в мир и во всех человеков, впрочем от всего, что соделывает смерть страшною, бедственною, в полном смысле смертию. Но если, пренебрегая и отражая от себя мысль о смерти, мимо ее будешь устремляться только за удовольствиями чувственными, за приобретениями земными, за мечтами твоего воображения: то наконец, вместо страха от одной мысли о смерти, котораго ты убегал, внезапно и неизбежно встретишься с ужасами действительной смерти, не телесной только, которая есть более призрак смерти, нежели самая смерть, но и смерти второй, духовной, вечной, *идеже червь их не умирает и огонь не угасает* (Марк. IX. 44).

Из сего размышления может возникнуть вопрос: будет ли мысль о смерти, которую некогда Сам Бог поставил оградой противу вторжения в мир греха и смерти, – будет ли она довольно сильна и полезна, когда грех и смерть уже вошли в мир, и в нем царствуют? – На сие решительный ответ дает нам тот же благочестивый мудрец, котораго словами призвал я вас к настоящему размышлению о смерти. *Во всех словесех твоих, говорит он, поминай последняя твоя, и во веки не согрешиши* (Сир. VII. 39). Много сказано: впрочем, если бы кто вздумал возразить, что слишком много: таковой скорее обнаружил бы неопытность своего мудрования, нежели опровергнул бы учение мудреца.

Если подлинно во всех словесех твоих будешь ты поминать последняя твоя, то есть, при всем, что думаешь, говоришь, делаешь, будешь воспоминать и принимать в разсуждение смерть, и последующия за нею, воскресение, суд, вечное осуждение, вечное блаженство;

если таким образом всякую твою мысль, желание, намерение, начинание, поступок, дело, предварительно будешь разсматривать и испытывать при свете вечности: то вера и благодать не дадут ли своим средствам более силы и действия к предохранению и спасению, нежели сколько силы и действия иметь могут прелести греха к соблазнению и погублению? Не исчезнет ли обаяние греховного, чувственного удовольствия, если ему противопоставятся последняя его, – безобразие разрушения, смрад гниения, червь могильный, тлящий и истлевающий, и наконец червь адский, никогда не усыпающий? Превозношение гордаго не падет ли, руки любостяжательного, жадно простирающиеся, чтобы захватывать, на право и на лево, правильным приобретением и неправильным хищением, не опустятся ли, если укажут ему на немногие локти земли, которыми вскоре ограничатся его владения, с тем, чтобы здесь можно было попить его? Какой огонь страсти или нечистаго желания не угаснет пред силою неугасающего огня геенскаго?

И если силен смертный помысл, вооруженный страхом, противу зла: то еще в высшем степени силен он, озаренный надеждою, в пользу добра, в подкрепление подвигов, собственно Христианских. Спасительная смерть Богочеловека дает новое значение смерти человеков, верующих в Него: ибо теперь смерть проникнута жизнью. Сквозь язвы Распятого Христа струится свет бессмертия, и в смертную жизнь, и в самую область смерти; и сыны света возбуждаются, и с легкостью идут на трудные дела света, к которым призывает их Евангелие. Вы должны распять плоть, и жить духом, заповедует оно. – Повинуемся, ответственны они; потому что *сеяй в плоть от плоти пожнет истление, а сеяй в дух от духа пожнет живот вечный* (Гал. VI. 8). Да умрете миру, и да живете Богу. – Да будет; потому что *мир преходит и похоть его, а творяй волю Божию пребывает во веки*. Да распнетесь со Христом. – И сие вожделенно: *аще бо с Ним умрохом, с Ним и оживем; аще с Ним страждем, с Ним и прославимся* (2 Тим. II. 11). Умейте быть блаженными в изгнании за правду, в поношении, в страдании за Христа. – И сие возможно: потому что *недостойны страсти нынешняго времени к хотящей славе явитися в нас* (Рим. VIII. 18).

Мне кажется, братия, настоящими размышлениями дал я вам некоторый способ усмотреть надобность и духовную, далеко простирающуюся, пользу, а следственно и обязанность, *помянуть последняя*. Итак время бы мне умолкнуть. Но поелику мы так часто теряем или отлагаем сие полезное памятование, чтобы беззаботнее наслаждаться благами настоящей временной жизни: то надобно еще показать вам, как вредно действует забвение *последних* даже на видимыя блага настоящей временной жизни.

Иерусалим пал. Иеремия сидит над развалинами его, и в плаче размышляет о причинах его падения. Какую же, думаете, Пророк открыл причину бедствия Иерусалима? – Может быть и не одну; но, как важную, заметил он ту, что Иерусалим не помнил последних своих. *Не помяне последних своих, и низведется пречудно* (Пл. Иер. I. 9). Так, когда обыкновенным течением земных тленных вещей не вразумляются человеки помянуть последняя; когда не внемлют вразумляющему о сем кроткому слову спасения, и грех умножается: тогда не хотящий вечной смерти грешника Бог, тяжко слышащим человекам возвещает последняя их, гласами громов, – событиями грозными, потрясающими, разрушительными.

Братия, общники смертности и бессмертия, да не отлагаем благомысленно помянати последняя, яко да не согрешаем, и спасемся, временно и вечно. Аминь.

CCLXX.

о новом рождении свыше.

(Напечатана в собраниях 1844 и 1848 гг.)

<1844 год>

*Не дивися, яко рех ти: подобает вам
родиться свыше. Иоан. III 7.*

Не удивительно, если рождение некоторых людей, которых жизнь особенно угодна Богу, и благотворна для прочих человеков, и предусматривается с обещанием радости, и воспоминается праздником. Так о рождении Великого Предтечи Господня предрек Ангел: *мнози о рождестве его возрадуются* (Лук. I. 14). Но когда видим, что и день рождения каждого человека обычай делает праздником личным или домашним: тогда раждаются помыслы недоумения, и даже удивления.

Рождение, за которым следует убегающая жизнь и неизбежная смерть, достойно ли быть предметом праздника? Человек, говорит Иов, *рожден от жены малолетен, и исполнь гнева* (Иов. XIV. 1): это ли праздновать? *В беззакониих зачат есмь*, говорит Давид, *и во гресех роди мя мати моя* (Псал. L. 7): что тут праздновать? – Блажен, кто может праздновать то рождение, которым восполняются недостатки, исправляются несовершенства, прекращаются бедствия сего первого рождения, – рождение новое, рождение духовное, рождение свыше.

Подобает вам родиться свыше: сказал Господь Никодиму в ночной, уединенной с ним беседе. Не сказал: надобно тебе родиться вновь, хотя говорил с одним только человеком; но сказал: *подобает вам*: дабы видно было, что речь идет не о потребности сего или другого человека в особенности, но что изрекается закон всем вам, которые желаете быть истинными учениками небеснаго Учителя Иисуса Христа. *Подобает вам родиться свыше.*

Учение Господне о возрождении человека странным показалось Никодиму, хотя ему нельзя приписывать ни неблагонамеренности, поелику он признал Божественное посланничество Иисуса по Его чудесам, – ни грубой необразованности, потому, что был Князь и Фарисей. Сперва возстал в нем чувственный разум, рассуждающий о предметах по понятиям телеснаго только мира, и спросил: *како может человек родиться, стар сый? еда может второе внити во утробу матере своя и родиться?* А когда сие грубо-стихийное мудрование опровержено понятием о высшем рождении водою и духом: тогда еще вступил в состязание разум философский, и требовал объяснения и доказательства: *како могут сия быти?* Не бывает ли подобного сему и ныне? Что такое возрождение? Что за мысль – человека в течении его бытия, производить вновь, тогда как он, без сомнения, должен оставаться одним и тем же лицом? К чему сие изысканное мудрствование, сия непонятная таинственность? Не довольно ли быть просто добрыми Христианами? Такие слова против глубокаго Христианскаго учения не вырываются ли у некоторых, как камни, бросаемые наудачу, без сознания, что ими поразить желают? Знайте же, что дело идет не о произвольно-возносящемся мудрствовании, поелику с Апостолом, и я желаю *всякому существу в вас не мудрствовати паче, еже подобает мудрствовати* (Рим. XII. 3); не о пристрастии к темной таинственности, которую впрочем, не знаю, кто захотел бы предпочесть ясности возможной; не об уклонении от простоты, о которой со Апостолом, и я забочусь, *да не како истлеют разумы ваша от простоты, яже о Христе* (2 Кор. XI. 3): но дело идет о том, чтоб или приобрести, или утратить царствие Божие. Возрождение требуется не для того, чтобы сделаться мудрецом или таинственником, но для того, чтобы

приобрести Царствие Божие. Если ты удаляешь от себя мысль о возрождении: то удаляешь от себя возможность видеть царствие Божие. *Аще кто не родится свыше, не может видети Царствия Божия*, глаголет Господь. Итак повторяю: блажен, кто может праздновать свое рождение свыше.

На сие вы можете сказать: почему же нам и не поздравить себя с блаженством возрождения, когда мы рождены водою и духом во святом крещении? – Вот мысль, достойная внимательного исследования, в учении о возрождении.

Различим крещение водою и крещение духом, как различает их Сам Иисус Христос в Своем изречении к Апостолам: *Иоанн убо крестил есть водою, вы же имате креститися Духом Святым* (Деян. I. 5), и спросим: крещение, которого мы сподобились, есть ли только крещение водою? – Нет без сомнения. Если бы оно было только крещение водою: то почти не разнилось бы от простых очистительных омовений, употреблявшихся во времена ветхаго Завета; оно было бы обряд, и не заслуживало бы наименования Таинства, которое отличительно дает оному Церковь; владычественное имя Отца и Сына и Святаго Духа представлялось бы в Крещении странно бездейственным; утверждать, что мы крестились во имя Святаго Духа, но не крестились духом, было бы непримиримое само в себе противоречие. *Елицы во Христа крестистесь, сказует Апостол, во Христа облекостесь* (Гал. III. 27): без сомнения, сего не может сделать вода, но разве дух. Если же крещение наше есть более, нежели крещение только водою: то нельзя не признать, что оно есть крещение водою и духом, или, по слову Господню, рождение водою и духом, и по выражению Апостола, *баня пакибытия* (Тим. III. 5); одним словом, возрождение. Итак подлинно во святом крещении мы сподобились возрождения, *порождени*, как изъясняет Апостол, *не от семени истленна, но неистленна, словом живаго Бога, и пребывающа во веки* (1 Петр. I. 23), – силою имени Отца и Сына и Святаго Духа.

Что ж? Итак подлинно есть Царствие Божие внутри нас? – Должно быть так. Итак мы блаженны? – Пусть и сие скажет о себе, кто может; а я не смею, потому что вижу слишком много такого, что сему противоречит; вижу более явлений и дел человека невозрожденнаго, ветхаго, нежели возрожденнаго, новаго, более бедности Адамовой, нежели блаженства Христова.

Посмотрите, какими чертами описывает истинно возрожденных Священное Писание.

Всяк рожденный от Бога, греха не творит, яко семя Его в нем пребывает; и не может согрешати, яко от Бога рожден есть (1 Иоан. III. 9). То есть: благодать Божия, как семя, как начало новой жизни в человеке, одушевляя его верою и любовью к Богу, непрестанно производит в нем добрыя помышления, намерения и дела; и потому совсем не сродно ему делать грех и находить в нем удовольствие. Всякой ли из нас крещенных отважится сказать о себе, что он таков?

Всякий рожденный от Бога побеждает мир (1 Иоан. V. 4). Всякой ли из нас чувствует себя таким победителем? Не многих ли из нас побеждает корысть, или слава, или суета мира, и влекут в плен его прелести?

Вы, пишется к возрожденным, помазание имате от Святаго и весте вся (1 Иоан. II. 20). *И не требуете, да кто учит вы, яко то само помазание учит вы о всем* (27). Укажите мне здесь хотя одного из сих ведущих вся, чтобы мне научиться от него разрешению трудностей излагаемаго теперь учения.

Мы стали теперь между противоположностями. С одной стороны есть причины думать, что мы причастны духовного возрождения чрез святое крещение; с другой есть признаки, по которым не лзя не признаться, что в нас большею частию не достаёт свойств и действий человека возрожденного. Как же изъяснить и согласить сии несообразности?

Здесь приличествует слово притчи Господней: *подобно есть царствие небесное сокровищу сокровену на селе* (Матф. XIII. 44). Село, или поле, изображает человека. Глубина, в которой скрыто сокровище, означает сердце или внутренность человека, более или менее открытую верою. Сюда в таинстве крещения Дух Божий, *дышущий идеже хочет*, дхнул невидимо, и внес в Своем дыхании сокровище, нетленное семя возрождения, новую жизнь от Бога. Итак сокровище положено, и точно есть на поле нашем: но каждый ли из нас сделал с своей стороны то, чего далее требует притча? *Обрел* ли оное глубоким самопознанием и вхождением внутрь себя? *Скрыл* ли от невидимых татей, смирением? *Продад ли вся, елика иматъ*, отвергся ли мира и плоти, отдал ли без остатка страсти и пожелания, чтобы взять внутреннее сокровище и употребить к своему блаженству? Если мы ничего такого не сделали; если совсем не позаботились проникнуть, что скрыто на нашем поле; если мы только на поверхности его пасемся чувственным удовольствием, как безсловесное лаком; если скрытое сокровище глубже и глубже зарываем уметами и дрызгом помыслов и дел суетных, нечистых, беззаконных: то сокровище лежит, но мы им не пользуемся; нетленное в нас семя не прозябает, не цветет, не плодоносит; духовная жизнь наша или в зародыше, или в обмороке; надобно желать, чтобы о нашем возрождении вновь попекся кто-нибудь, как Святой Павел о возрождении, крещенных еще прежде, Галатов, когда он писал к ним: *чадца моя, имижже паки болезную, дондеже вообразится Христос в вас* (Гал. IV. 19). То есть: как раждающая мать, нахожусь я в подвиге и страдании, дабы споспешествовать вашему духовному рождению, и притом уже не в первый раз: сперва сие было нужно, когда надлежало посредством веры и крещения положить в сердцах ваших начаток духа; но когда вы, *начение духом, ныне плотию скончаваете* (Гал. III. 3), то потребен новый болезненный подвиг, дабы погребенное под преобладающею плотию духовное сокровище открыть, дабы задержанный росток духа возрастить до приношения плодов духовных, дабы впечатленный в душу крещением образ Христов прояснить и проявить во всех ея способностях, силах, расположениях и делах Христоподобных и Богоугодных. *Паки болезную, дондеже вообразится в вас Христос*.

Кто соглашается с сими размышлениями в том, сколь важно и необходимо для истинного Христианства возрождение; а между тем в своей жизни, делах и совести не обретает успокоивающего свидетельства, что он действительно пользуется плодами возрождения; тому надлежит не без заботы подумать, в каком же он состоянии находится, и к чему сие ведет. Суд Христов произнесен и, верно, не переменится. Как судил Он в безмолвную ночь в присутствии одного Никодима: так же будет судить и в славный последний день в присутствии всех Ангелов и всех человеков: не рожденный свыше, не может видети Царствия Божия!

Иные думают: можно ли определить все шаги к Царствию небесному? Может быть, спасемся как-нибудь и мы. — Это походит на то, как если бы кто, приметив трудность и неизвестную надежду земледелия, сказал: может быть, родится хлеб и без возделывания и без посева. *Сеяй в дух*, говорит Апостол, *от духа пожнет живот вечный* (Гал. VI. 8). Если не сеем: то верно и жать нечего будет.

Иной напротив, скажет: хорошо же; я непременно буду сеять в дух, и сделаюсь возрожденным. — Нет, возлюбленный! И это не есть надежный путь. Ни безпечное: *может быть*, ни самонадеянное: *непременно*, негодятся в делах духа. Кто как будто на

заказ думает сделаться возроденным: тот всего скорее сделается мечтателем. Не может младенец родиться, когда и как захочет: родить его должна мать, по порядку природы. Равным образом не может человек возродиться, когда и как захочет: возродить его должен Дух Божий, по порядку благодати.

Между крайностями беспечной недеятельности и самонадеянной предприимчивости лежит скромный, но деятельный путь духа, который указывает Апостол следующими словами: *со страхом и трепетом свое спасение содевайте* (Фил. II. 12). *Содевайте спасение*, а не думайте, что оно соделается само собою, но содевайте *со страхом и трепетом*, не полагаясь на то, что делаете сами, и остерегаясь непрестанно, чтобы не противиться действованию в вас Божию. *Бог бо есть действующий в вас, и еже хотети, и еже деяти о благоволении* (13).

Хотите ли знать в особенности о возрождении, что наиболее зависит от нас, и что наиболее нужно с нашей стороны? Посмотрите, по указанию Апостола, на образ возрождения, представленный в рождении естественном. Не одна раждающая болезнует родами, но и раждаемое болезнует и плачет. Вот живая притча для учения о возрождении. Болезнуй о ветхой, плотской жизни, от которой ты еще не разрешился; плачь о грехах своих, не только потому, что ад угрожает тебе за них, но еще более потому, что ты Богу, тебя сотворившему, и тебя любящему, не был верен, что пред Христом, за тебя пострадавшим, явился неблагодарен, что Святаго Духа опечалил; плачь слезами сердечными, слезами печальной любви; найди себе пищу в сих слезах, по написанному: *быша слезы мне хлеб день и ночь* (Пс. XLI. 4). *Печаль бо, яже по Бозе, покаяние не раскаянно во спасение соделовает* (2 Кор. VII. 10) – покаяние не словесное только, но деятельное, не кратковременное, но решительное и постоянное, то, которое в крещенных Церковь знаменательно называет вторым крещением, и следственно существенною принадлежностью возрождения, то, о котором радость бывает на небесах.

Познайте, ищущие быть чадами Божиими, духовный вкус чистой, Божественной печали, и познаете возрождение, и вкусите новую жизнь, на радость себе и Небу, на радость полную, неотъемлемую во веки. Аминь.

CCLXXI.

190. Беседа

о молитве с должным приготовлением.

(Напечатана в собраниях 1844 и 1848 гг.)

<1844 год>

Прежде даже не помолишиися, уготови себе, и не буди, яко человек, искушая Господа. Сир. XVIII. 23.

Как приятен вид нивы, покрытой колосьями, которые зыблет тихий ветер, и полнота плода клонит долу: так приятен вид Церкви, наполненной молящимися, в которых веяние Духа Божия производит кроткия движения сердец, и которых, плодотворное в них, благочестие преклоняет пред Богом и Его Таинствами. Не из воображения беру я сей образ, но из Евангелия. Оно, изъясняя себя и свое действие, уподобляет учение семени, проповедующаго – сеятелю, слушающих – земле возделываемой, а уверовавших – земле

возделанной и засеянной, которая *плодит прежде траву, потом клас, также исполняет пшеницу в класе* (Мар. IV. 28).

Но должно признаться, что таже притча, которая, как чистое зеркало, усугубляет приятность того, что вижу пред собою в церкви, не позволяет мне безпечно предаться приятности сего видения. *Земля плодит прежде траву, потом клас, также исполняет пшеницу в класе.* Итак есть не только трава без колоса, потому что молода; – есть души еще младенчествующия в Христианстве, и потому не приносящая плода духовнаго; но есть и клас без зерна; – есть души, которыя имеют наружный образ благочестия, без внутренней силы онаго. Колос без зерна походит на колос полный; образ благочестия походит на истинное благочестие: как это обманчиво! Чем долее колос не наполняется зерном, тем он ближе к состоянию конечной пустоколосицы, в которой ничего не найдется для житницы; – чем далее человек остается при одном поверхностном образе благочестия, не исполняясь возражающею силою онаго, тем он ближе к конечному закоснению в сем состоянии духовнаго безплодия, в котором ничего не найдется годнаго для царствия небеснаго: как это опасно! А при том вот что наиболее внушает заботу: колос не виноват, если небо и земля не наполнили его зерном: но чтобы человек исполнен был плодов благих, для сего Небо всегда готово с своими благодатными влияниями; он сам виновен, если нерадит привлекать оныя верою, молитвою, всецелым преданием себя влияниям Неба.

«Что ж делать? Я молюсь, и призываю влияние Неба. Не в моей то власти, чтобы молитва моя исполнилась». – Не сие ли думают некоторые, и, может быть, многие? В ответ на сие предлагаю наставление Мудраго о том, что состоит в нашей власти, дабы молитва наша была Богоприятна. *Прежде даже не помолишиися, уготови себе, и не буди, яко человек, искушая Господа.*

Нечего дивиться, если не успешно делается такое дело, к которому приступают, как случится, на удачу. Если хочешь победоносно сражаться: приготовься приличным вооружением себя, и обучением искусно владеть оружием. Если хочешь переплыть реку: приготовься снятием с себя одежды, которая связала бы тебя, отягчила и погрузила в глубину. Подобно сему, если хочешь молиться с пользою и успехом: *прежде даже не помолишиися, уготови себе.*

Но в чем состоять может приготовление к молитве?

Скажем ли: должно знать Бога, не токмо, как сотворившаго нас в начале, но и как пекущагося о нас ежедневно, ежечасно?

Скажем ли: должно веровать, что Божие о нас промышление совершается, не только посредством законов, данных от Бога природе всех существ, но и независимо от законов природы, всевластною и вседействующею волею Божиею, что воля Божия, по человеколюбию, преклоняется к нашей воле, чтобы ее исполнить; что Бог не только позволяет, но и хочет, чтобы мы возносили к Нему наши непорочныя желания в молитве?

Скажем ли: должно уповать, что не смотря на ничтожность нашу по самой природе, не смотря на недостойнство наше, по причине греха, Бог, по безпредельному милосердию Своему, не отвергнет и нашей молитвы, как уверяет нас непреложное слово Господне: *аще вы лукави суще умеете даяния блага даяти чадом вашим, кольми паче Отец ваш небесный даст блага, – даст Духа Святаго, – просящим у Него* (Матф. VII. 11. Лук. XI. 13)?

Скажем ли: должно, по изречению и примеру Давида, *предзреть Господа пред собою* (Пс. XV. 8), с твердою уверенностью представлять себе, что Бог, невидимо, но действительно присутствует при нашей молитве, нас видит, слышит, испытует наше сердце, чтобы дать нам по сердцу нашему?

Все сие должно быть уже известно каждому молящемуся. Это такая приговорительная к молитве располжения, без которых не только молитва не может быть успешна, но и едва ли может быть молитва.

Есть еще некоторые приготовления к молитве, которых потребность может быть не примечена, или забыта, без которых молитва может начаться и продолжаться, но не может иметь истинного и полного успеха.

Одно из таких приготовлений к молитве есть прощение врагам и примирение со всеми ближними нашими, то есть, со всеми человеками. Ибо что говорите вы в той молитве, которая ни для кого не может быть чуждою, и в которой ничего не можно переменить, потому что образ молитвы, преданный Самим Господом, без сомнения, есть и сам в себе совершен, и каждому молящемуся приличен? – Вы говорите: *остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим*; то есть: прости нам грехи наши, как и мы прощаем всякому оскорбившему нас. Если вы говорите сие без особенного внимания, без предварительного испытания своего сердца: то легко может случиться, что во время молитвы вашей, в нем таиться будет вражда, или огорчение на ближнего, и следственно слова уст: как мы прощаем, так прости нам, от состояния сердца, по необходимости, получают превратный смысл: как мы не прощаем, так и нам не прости. Чтобы предохранить себя от сей погрешности, которая, очевидно, испровергает действие молитвы, нужно тщательно испытывать миролюбивое расположение нашего сердца; одно мысленное испытание онаго не надежно; тогда только можем быть уверены, что мы с своей стороны совершенно примирились с ближним нашим, если самым делом исполнили все для нас возможное, чтобы и с его стороны примирение совершилось. Сия предосторожность, сие приготовление к молитве так нужно, что даже начатую без онаго молитву Господь повелевает прекратить, и обратиться к приготовлению. *Аще, говорит, принесеши дар твой ко Олтарю, и ту помянеши, яко брат твой имать нечто на тя: остави ту дар твой пред Олтарем, и шед прежде смирися с братом твоим* (Матф. V. 23. 24).

Приметим, как строга заповедь примирения. *Помянеши, яко брат твой имать нечто на тя*: сие случается иногда так, что ты не находишь в себе никакой вины против сего брата. Но Господь и сего случая не исключает из обязанности искать примирения прежде молитвы: *шед прежде смирися с братом твоим*. Какая нужда в сей строгости? – спросит иной. Почему не могу я совершить своей молитвы, не заботясь о том, как расположен ко мне брат? – На сии вопросы я могу ответствовать просто: не знаю. Заповедь Господня ни мало не потеряет от того своей силы. Если бы твой заимодавец прощение такого долга, за который ты мог бы умереть в темнице, предлагал тебе под условием, чтобы ты простил маловажный долг твоему должнику: безумно было бы не принять сего легкого и выгодного условия потому только, что ты не догадываешься, почему оно предложено. Подобно сему, когда Бог прощение грехов, за которые подлежал бы ты вечной смерти, обещает тебе, под условием, чтобы ты простил ближнему какое-нибудь оскорбление, примирился с ним после какого-нибудь недоразумения: безумно было бы лишать себя великого прощения Божия, потому только, что ты не догадываешься, для чего так настоятельно требуется твое малое прощение ближнему, или примирение с ним.

Какая нужда, говоришь ты, в сей строгости, с которою требуется от тебя подвиг примирения? – Нужда так не малая, как никогда не бывают малы намерения Божии.

Строгость сия есть милость, и притом большая, нежели ты воображаешь. Ты хочешь быть благополучен, и о том хочешь молиться. Бог хочет более; Он хочет, чтобы благополучны были все Его создания, поколику оне сие принять могут; посему хочет Он, чтобы по возможности благополучен был и ты, но также и брат твой, который *имать нечто на тя*, и который от того безпокоен, или, что тоже, не благополучен. Если ты с любовью и смирением будешь искать примирения с сим несчастным братом: то ты его сердце, в которое вонзилась вражда или досада, освободишь от сей занозы; оно сделается и спокойнее, и чище прежнего; таким образом ты будешь служителем Провидения Божия в деле благополучия твоего брата. Видишь ли, какая важная и прекрасная нужда требует от тебя подвига примирения, и какая в строгости сего требования заключается милость?

Почему, говоришь ты, не могу я совершить моей молитвы, не заботясь о том, как расположен ко мне брат? – Потому, что если ты не заботишься о брате, который *имат нечто на тя*, то ты не заботишься о спокойствии его духа, и о чистоте его сердца, и следственно о его благополучии; если не заботишься о его благополучии, то ты его не любишь; *не любяй брата*, по свидетельству возлюбленного ученика истинной любви, *пребывает в смерти* (1 Иоан. III. 14); мертвый ничего делать не может; следственно ты, будучи мертв духовно, яко не любяй, не можешь и духовного дела молитвы совершить, как должно. Также не любовь, которая не отверзает сердца твоего к ближнему, держит оное заключенным и для Бога. Шед смирися с братом; положи в сердце твое искру чистой любви; сия искра поможет, да исправится молитва твоя, яко кадило пред Богом.

Другое, важное для успеха в молитве, приготовление к оной есть восприятие искреннего желания и твердого намерения оставить всякий грех, которому мы подвержены, и жить по воле Божией. *Обратися ко Господу*, поучает Премудрый, *и остави грехи; помолися пред лицем, и умали претыкания; восходи к Вышнему, и отвратися от неправды, и зело возненавиди мерзость* (Сир. XVII. 21 – 23). И Апостол *основание* духовного здания Божия в человеке означает сею верною отличительною и охранительною *печатью*: да *отступит от неправды всяк именуяй имя Господне* (2 Тим. II. 19). Как-бы так сказал он: если ты именуешь имя Господне во исповедании, в призывании, в молитве, и отступаешь от неправды; то в тебе есть твердое основание, и верное знамение нового, спасаемого человека, котораго Бог возсозидает благодатию Своею из ветхаго, погибающего: а если ты не отступаешь решительною волею от неправды, то хотя ты и призываешь имя Господне; основание твое не твердо, знамение твое сомнительно, и молитве твоей столько не достает силы, сколько не достает чистоты. *Уклоняяй ухо свое не послушати закона*, говорит Соломон в притче, *сам и молитву свою омерзил* (Притч. XXVIII. 9). Посему не удивительно, если Господь не преклоняется к такой молитве соизволением на просимое, и даже отвращается от нея. *Что мя зовете, Господи, Господи, и не творите, яже глаголю* (Лук. VI. 46)? – Пророк Исаия, слышав конечно жалобы Иудеев на безуспешность их молитв, вот как вразумляет их о причине сей безуспешности: *еда не может рука Господня спасти? или отягчил есть слух Свой, еже не услышати? Но греси ваши разлучают между вами и между Богом; и грех ради ваших отврати лице Свое от вас, еже не помиловати. Руце бо ваши осквернены кровию, и персты ваши во гресех, устне же ваши возглаголаша беззаконие, и язык ваш неправде поучается* (LIX. 1–3).

Какая же мне надежда, скажет грешник, если самая молитва, которою желаю испросить прощение греха, не приемлется Богом? – Ответствую ему: надежда твоя есть сия самая молитва, но соединенная с покаянием неизменным, с решительным оставлением греха. – Но как мне освободиться от греха без помощи благодати Божией, которую желаю приобрести молитвою? – То правда, что не лзя освободиться от греха, без благодати Божией: но и благодати Божией не свойственно, освободить тебя от греха без воли твоей; потому что благодать не хочет сделать принуждения твоей воле; не хочет отнять у тебя

прекрасный дар свободы, который ты так худо употребил, продав себя в рабство греху, за скоропреходящее и обманчивое удовольствие. Сделай же свое, малое; и тогда молись, и благодать сотворит с тобою свое великое. Оставь грех, решительным желанием не делать его более: и тогда молись, и благодать самым делом освободит тебя от его владычества. Оставь грех вольный; и тогда молись, и благодать избавит и предохранит тебя от греха невольного, и соделанный невольный грех в вину тебе не поставит. Оставь грех сердцем, – не люби, а возненавидь оный; оставь грех умом, – старайся и не думать о его прелестях; и тогда молись; и благодать поможет тебе стяжать чистое сердце, чистый ум, чистую душу и тело, чистую жизнь.

Кто, не уготовав себя предварительно таковыми расположениями, приступает к молитве, кто просит от Бога милостей и благодеяний, не подумав о том, как бы завтра не оскорблять Его грехами, в которых виновен пред Ним сего дня: тот по истине, как изъяснялся Премудрый, есть *яко человек, искушай Господа*. Ибо если бы вместе с словами молитвы обратить в слова и то, что кроется в сердце молящегося без желания своего исправления: то чтобы это было? «Господи, прости мне грехи, которыми я оскорбил Тебя, но я не намерен прекратить подобных оскорблений; исполни мое желание, но я не обещаюсь исполнять Твою волю». Если бы с подобными речами обратился кто к земному властелину или судии: не всякий ли здравомыслящий принял бы сие не за просьбу, а за безразсудное покушение вывести из терпения и раздражить? Кольми паче предстоящий Богу с словами уст молитвенными, и с расположениями сердца мятежными, есть дерзновенный *искушай Господа*, до чего простираться может Его долготерпение. Оно простирается уже очень долго, если такой молитвенник не поражается правосудием Божиим. А отсюда конечно еще не очень близко до благодатного приятия и исполнения молитвы.

Христианин! *не буди яко человек искушай Господа*. Не принеси злобы пред лице Всеблагаго, нечистоты пред лице Всечистаго. *Прежде даже не помолишися, уготови себе*. Наполни елеем светильник, чтобы он горел ясно и долго. Наполни миром сердце, чтобы молитва твоя была светла и постоянна. Ускори позаботиться, чтобы удалить от духовного кадила смрад жития нечистаго и неисправимаго. Будь верен и тщателен в сих начальных приготовлениях к молитве и Дух Божий, который есть Дух молитвы, ходатайства за тебя воздыханиями неизглаголанными, наставит тебя в дальнейшем совершении сего духовнаго делания, да принесешь плод Богови, собираемый в живот вечный. Аминь.

CCLXXII.

191. Беседа

о страхе Божиим.

(Напечатана в собраниях 1844 и 1848 гг.)

<1844 год>

*Темже царство непоколебимо приемлюще,
да
имамы благодать, ею же служим
благоугодно
Богу, с благоговением и страхом.
Евр. XII. 28.*

Сии увещательныя слова написал Святый Апостол Павел к Христианам из Евреев; а глаголавший в Нем Дух Святый преподавал в них наставление Христианам всех народов и времен, следственно и нам.

Как увещание простирает Апостол не ко властям, а ко всем Христианам без различия: то из сего должно заключить, что *принятием непоколебимаго царства* означает он участие не во власти царской, а в преимуществах и благах непоколебимаго царства.

Благодать, о которой говорит здесь Апостол, не как даруемой от Бога человеку, а как воздаваемой человеком Богу, очевидно есть благодарность.

По сим замечаниям разум Апостольскаго наставления есть следующий. Если благодать Божия дарует нам участие в преимуществах и благах непоколебимаго царства: то мы должны иметь в сердце благодарность к Богу, и, по чувству благодарности, должны Ему служить благоугодным Ему образом, с благоговением и страхом.

Следуя сему Апостольскому побуждению к благодарности пред Богом, долженствующей обратиться в служение Богу, не оставим, братия, без особеннаго внимания, какого качества от нашего благодарнаго служения Богу требует Апостольское слово. *Да служим*, говорит Апостол, *благоугодно Богу с благоговением и страхом*.

Надобно несколько более углубиться в основание, на котором утвердил Апостол сию заповедь. Сперва сказал он Христианам: *приступисте к Сионстей горе, и ко граду Бога живаго, Иерусалиму небесному и тмам Ангелов, торжеству и Церкви первородных, на небесех написанных*: потом на сей мысли основал заключение: *темже царство непоколебимо приемлюще, да имамы благодать, ею же служим Богу*. Из сего видно, что неопределенным наименованием царства *непоколебимаго* Апостол указывает собственно на царство небесное и вечно блаженное. И если сие царство имеем мы в виду; и даже приемлем оное, и тем побуждаемся к благодарности и благодарному служению пред Богом: то, кажется, всего ближе было бы требовать, чтобы мы служили Богу с надеждою, с радостию, с веселием. Но не так разсуждает Апостол. Он говорит: *да служим благоугодно Богу с благоговением и страхом*.

Еще более удивиться можно сему разсуждению Апостола, если вспомним, что он в другом случае страх полагает принадлежностію рабскаго состояния человеков, живших под законом ветхаго Завета, как-бы чуждаго Христиан, сущих под благодатию новаго Завета. *Не приясте*, говорит, *духа работы паки в боязнь, но приясте духа сыноположения* (Рим. VIII. 15). И еще: *Не даде нам Бог духа страха, но силы и любве и целомудрия* (2 Тим. I. 7). Подобно и другой Апостол говорит о страхе, как о несовершенстве, от которого можно наконец освободиться: *совершенство любви вон изгоняет страх; яко страх муку имать; бояйся не совершиися в любви* (1 Иоан. IV. 18).

Как же согласить сии различныя воззрения на один предмет? И не должно ли опасаться, что стремящиеся к совершенству любви оставят позади себя страх, и следственно нарушат заповедь о служении Богу со страхом, или, напротив, держащиеся страха задержат себя в восхождении к совершенству любви?

Сии вопросы показывают, что не к юным только детям обращать можно сие приглашение венценоснаго наставника: *приидите чада, послушайте Мене, страху Господню научу вас* (Псал. XXXIII. 12).

Не думаю, чтобы нужно было учить, что есть вообще страх Божий. То, что довольно ясно по простому ощущению опытному, не редко становится темнее от искусственных определений. Если вы знаете, что такое страх раба пред царем, обвиненного и повинного пред нелицеприятным судиею: то увеличив меру даже до безмерия, вы можете понять, что такое должен быть страх человека пред Богом.

В отвращение недоразумений, необходимо нужно различить особенные виды, в которых сей страх является, и степени, по которым он восходит или нисходит, в различных людях, или же в различных внутренних состояниях одного и того же человека. Чтобы различение не было произвольным, заимствуем оное из самага Апостольскаго слова. *Не приясте духа работы паки в боязнь*: итак есть вид страха, который можно назвать *рабским*, а сему противоположить можно страх *сыновний*. Страх рабский, при служении Богу, есть внутреннее расположение души, которая боится Бога, карающего грех, и потому отвращается и убегает греха, и всего Богу неугоднаго. Страх сыновний есть внутреннее расположение души, благоговейно любящей Бога, как всеблагаго отца, и по любви боящейся оскорбить Его. Высшая степень сыновняго страха есть страх *чистый*, совершенно проникнутый любовию, и освобожденный от рабской боязни. Напротив того, нисшая степень рабскаго страха есть страх раба *лукаваго и лениваго*, – такое внутреннее состояние человека, в котором он боится не столько Бога, сколько мучения за грех, и потому хотя отчасти служит Богу по наружности, но внутренно не ненавидит греха, не подвизается против него для добродетели, и готов предаться ему, как скоро может представить его не так тяжким, чтобы за него угрожала вечная казнь.

После сих различений не трудно уже определить и взаимно согласить истинный смысл разнообразных священных изречений относительно страха Божия в человеке. Если Апостол говорит нам Христианам, что *не даде нам Бог духа страха*: то, без сомнения, он понимает здесь страх рабский, или, по собственному его выражению, *дух работы в боязнь*, а не страх сыновний, который не чужд дарованному нам *духу сыноположения*, потому что есть одно из движений сего самага духа. Подобным образом, если другой Апостол скажет, что *совершенно любви вон изгоняет страх*: то и сей говорит о страхе рабском; страха же сыновняго и чистаго не имеет нужды изгонять любовь, которая сама в нем действует. Чистое не подлежит отвержению, почему и говорит писание о *страхе Господнем чистом*, что он *пребывает в век века* (Псал. XVIII. 10).

Остановиться на степени страха одних наказаний, без сомнения, было бы низко для Христианина: он должен подвизаться, чтобы очищать свой страх, и от рабскаго восходить к сыновнему. Но и напротив, если бы кто сказал: хочу водиться духом сыноположения и не забочусь о страхе; или: предаюсь любви совершенной, и отлагаю страх: таковой, в дерзновенном возношении помысла, был бы недалек от падения. Бог даровал тебе духа сыноположения; но не сказал тебе: не имей более страха. И возлюбленный ученик Христов, провозвестник любви совершенной, не уполномочивает тебя изгонять из сердца твоего страх, а только открывает тебе тайну совершенства, что совершенная любовь, когда приходит, сама изгоняет страх без твоего усилия, без твоего участия, и, может быть, даже без твоего ведома, и то, может быть не на-всегда; потому что, между тем как любовь изгоняет страх, да насладится человек торжеством благодати, смирение обратно призывает страх, да не забудет облагодатствованный своего недостойнства. И если ты удалишь от себя страх: то кто же приведет тебя к любви? Потому что, как скажет Премудрый, *страх Господень на стезях любления поставляет* (Сирах. I. 13).

Кто принес на землю, и даровал человекам сыноположение Божественное? Не единородный ли Сын Божий, Который для сего и воплотился, и кровию Своею написал нам отпущение из рабства греха, отягченного страхом смерти, в свободу чад Божиих? Что

ж? Освободил ли Он нас и от обязанности страха пред Богом? Напротив, Он проповедал ее сильнее и настоятельнее, нежели кто-либо из учеников Его. *Не убойтесь, глаголет, от убивающих тело, и потом немогущих лишить что сотворити. Скажу же вам, кого убойтесь: имущаго власть по убиении, во веки в дебрь огненную. Ей, глаголю вам, Того убойтесь* (Лук. XII. 4. 5).

И так уже не станем удивляться, что Святой Павел, который и совершенную любовь знал, и сыноположение проповедывал, тем не менее заповедывал служить Богу, *со страхом*. Позаботимся же еще больше о исполнении сей заповеди, нежели о ее исследовании. Исполнение паче исследования должно показать ее достоинство, силу и благотворность.

Если страх Божий предводит вас на служение Богу во храм: он не укоснит принести вас сюда, как на крилах; поставит вас здесь точно пред лицом Божиим; отверзет ум ваш для глубокого внимания Слову Божию, сердце для принятия благодати Тайнодействия; он не позволит мыслям и взорам блуждать по земле, когда они должны быть устремлены к небу, откуда испрашивается и приходит помощь, не допустит вас утратить блаженную беседу с Богом ради празднословия с человеком; он соделает ваше в Богослужении участие и Богу благоугодным, и душе вашей сладостным и питательным.

Если страх Божий от храма сопровождает вас в жизнь домашнюю и общественную: он будет для вас верным стражем от опасных встреч, твердою стеною против враждебных стрел, скромным ходатаем высоких благ.

Опасаясь ли обаяния греха? – *Страх Господень отряет грехи* (Сирах. I. 21).

Ищешь ли премудрости? – *Начало премудрости страх Господень* (Притч. I. 7); и не только начало, но и *исполнение премудрости, еже бояться Господа* (Сирах. I. 16).

Угрожаешься ли бедою или смертию? – *Боящийся Господа ничего убоится, и не устрашится; Той бо надежда ему* (Сирах. XXXIV. 14). *Страх Господень источник жизни, творит же уклоняться от сети смертныя* (Притч. XIV. 27).

Кто есть человек бояйся Господа? – ищет Пророк, как ищут человека, которому спешат объявить щастливую весть; – *кто есть человек бояйся Господа? Законом положит ему на пути, его же изволи. Душа его во благих водворится, и семя его наследит землю. Тайна Господня боящимся Его, и завет Его явит им* (Псал. XXIV. 12–14).

Только при страхе Божиим благозаконен подвиг, верна надежда, безопасна радость. Посему сказано: *работайте Господеву со страхом, и радуйтесь Ему с трепетом* (Псал. II. 11).

Если вы даже святые: то и святым вам сказуется: *бойтесь Господа вси святии Его* (Псал. XXXIII. 10). Если же не дерзаете сего достоинства приписать себе: то тем паче *со страхом и трепетом свое спасение содевайте* (Фил. II. 12), *творяще святыню в страхе Божиим* (2 Кор. VII. 1). Аминь.

ССLXXIII.

192. Слово

в день Успения Пресвятыя Богородицы.

<1811 год>

(Напечатано в собраниях 1844 и 1848 гг.)

*Бысть же ходящим им, и Сам вниде в весь
некую: жена же некая именем Марфа
прият Его в дом свой. Лук. X. 38.*

Блаженна ты, не славная и совсем неизвестная по имени весь: ибо Христос, Господь славы, посещает тебя. Благословен ты, не богатый, вероятно, дом: ибо Христос, богатый милостию входит под кров твой. Закхей погибал от страсти любостязания: но как скоро посетил дом его Христос, в тот же самый день *спасение сему бысть* (Лук. XIX. 9). Будет спасение и дому Марфы, принявшей Спасителя, будет, без сомнения.

Блаженно и всякое место или дом, которые удостоиваются посещения Божественного. Наипаче же блажен человек, достойно приемлющий Божественное посещение. Ибо если посещает место невместимый Бог: то для того, чтобы посетить человека, и в его душе устроить Себе обитель.

И что значит, что Евангельское повествование о посещении Христовом, так часто провозглашает пред нами Церковь? Не хочет ли она возбудить в нас жажду Божественных посещений? Не хочет ли вразумить нас, как можно привлекать, и как достойно принимать оныя?

О Высокая Дверь посещений Божественных, живой град живаго Бога, первенствующая обитель Христа! *Мария*, блаженная паче той, которая *избрала благую часть*, ибо Ты избрала, или лучше, Тебя избрало, всецелое и всесовершенное благо, Тебя прежде всех, но и ради всех, во тме сидящих, *посетил есть Восток свыше*, и не только посетил, но и обитал в Тебе, и под сению Твоею, Верховный Посетитель душ! Дверию гроба отходя от нас, чтобы взаимно посетить Его, и обитать с Ним в Его славе, оставь нам за Собою отверстыми двери милосердия. Воспомни Ему о смиренной веси на распутии мира, которая однако же принадлежит к Его царству, о утлой хижине в юдоли тления, которую однако же Он Сам, и для Себя Самого, построил. Да не вотще жаждет душа благодатнаго посещения Его, да не вотще приидет посещающая благодать в душе, не умеющей сретить и принять.

Мне слышится, что душа говорит: о если бы только посетил меня Бог Своим благодатным посещением! Как бы уже не принять Его мне с благоговением, с усердием, так, как благоугодно Посещающему?

Вопреки сему, гораздо справедливее можно сказать: о, если бы только ты был способен, расположен, готов принять достойно благодатное посещение! Возможно ли, чтобы не посетил тебя вскоре Бог, Который, по созерцанию Иова, *внимает умом к человеку, посещение творит ему по всяко утро, и во всякое мгновение испытует его* (Иов. VII. 17. 18).

Но что препятствует человеку с успехом искать Бога, и достойно принимать Его благодатныя посещения? – Евангельское повествование о Марфе, принявшей Господа в дом свой, к вразумлению нашему показывает, что наиболее препятствует в том попечение житейское, или привязанность к земному.

Марфа уже не искала только, или желала посещения Христова, но и получила оное. *Прият Его в дом свой*. Она приняла Его с благоговением: ибо и Господом нарекла Его, и от Него просила повеления сестре своей, будучи властна сама распоряжаться в своем доме. *Господи, не брежеси ли, яко сестра моя едину мя остави?* – *Рцы убо ей*, – Марфа приняла Господа с усердием: ибо тщательно готовилась угостить Его, как поступил и Авраам во время бывшего ему посещения Господня. *Марфа же молвяше о мнозе службе*. Не располагает ли сие думать, что приняла она Христа достойно и благоугодно Ему? – Не спешите мнением решительным. Подождите суда Христова. Что же глаголет Господь? – Не одобряет приема, который делала Ему Марфа, и дарует преимущественное благословение Марии, на которую Марфа жаловалась. Что сему причиною? В чем укорить можно Марфу? Она укорена в житейском попечении. *Марфо, Марфо, печешися, и молвиши о мнозе*.

Если таким образом уже принятому благодатному посещению повредило житейское попечение, и более или менее похитило плод онаго: не больше ли еще может оно препятствовать и вредить тем, которые только еще начинают искать Бога и благодати Его?

При внимательном рассмотрении Евангельского повествования можно различить некоторые особенные действия, которыми житейское попечение препятствует человеку благоугождать Богу, и приобретать благодать Его, или сохранять приобретенную. Оно развлекает и смущает. Отуманивает око ума в усмотрении света истины. Обезсиливает волю в избрании лучшего.

Житейское попечение развлекает и смущает. – Посмотрите на Марфу. Христос в ее доме, – Тот, для Котораго множество народа бегало по селениям и по пустыням, чтобы увидеть Его, чтобы услышать слово Его. – Тот, Котораго *мнози пророцы и царие восхотеша видети и не видеша* (Лук. X. 24), – Котораго *день*, знакомый уже с Божественными посещениями *Авраам рад был видети*, и когда увидел только издалека, *возрадовался* (Иоан. VIII. 56), искомый, вожделенный, для Марфы близок, видим, слышим. Что же Марфа? Радует ли о Нем? Наслаждается ли Его лицезрением и слышанием глаголов Его? – Сомнительно. У нея иное занятие, иныя мысли и чувствования. Она думает и заботится о муке и елее, о хлебе и рыбах. Божественного Учителя истины, Подателя благодати, почти нет для нея: *Марфа же молвяше о мнозе службе*. Негодование на сестру, неразделяющую сей заботы, обращает наконец ее к Господу: но и у Него ищет она помощи для того только, чтобы увеличить заботу и развлечение, и вовлечь в тоже других. *Ставши же рече: Господи, не брежеси ли, яко сестра моя едину мя остави служити? Рцы убо ей; да ми поможет*.

Помысли, Христианин, что Христос Господь, или действительно посещает дом души твоей, или стоит у дверей, и ожидает, чтобы ты *приял Его в дом свой*. Если это кажется не довольно вероятным: не нашим словом уверяем тебя. Слыши, как Он сам возвещает о себе всем нам: *се стою при дверех, и толку: аще кто услышит глас Мой, и отверзет двери, вниду к нему, и вечеряю с ним, и той со Мною* (Апок. III. 20). Скажем ли на сие: не видим Тебя, Господи, стояща; не слышим Твоего толцания? – Неуместный спор! Господь не обманывает нас; *оправдится Он во словесех Своих* (Псал. L. 6). Как же случается, что Он стоит при дверех, а мы не видим; толчет, а мы не слышим? – Так, как случилось подобное сему с Марфою. Житейское попечение влечет нас от предмета к предмету, от занятия к занятию, от заботы к заботе: и как заботы наши большею частию не так бывают успешны, как мы желали бы; то неудача смущает нас, недостаток помощи огорчает, препятствие от других раздражает; желания и страсти шумят как ветры, как волны; мы мятемся все; волнуем сами себя, к собственному вреду и опасности; обуреваемая внешне и внутренно

душа не примечает кроткого присутствия, не слышит тихого гласа вожденной и спасительной благодати.

Житейское попечение отуманивает ум пред светом истины и благодати. – Такое затмение ума Господь обличает в Марфе, когда скажет ей, что *едино есть на потребу*. Как прежде сего вразумления не уразумела она, сама собою, сей истины, если не глубоко, по крайней мере в простом и открытом значении слов? Положим, что не вдруг могла она возвыситься к постижению того, каким образом единое на потребу есть Бог, и Его слово, и Его царствие, по реченному: *не о хлебе едином жив будет человек, но о всяком глаголе, исходящем из уст Божиих* (Матф. IV. 4); и еще: *ищите прежде царствия Божия, и сия вся приложатся вам* (Матф. VI. 33). Но прияв Христа в дом свой, и следственно имея о Нем некоторое познание предварительно, как не поняла она по крайней мере того, что для Рекшаго: *Мое брашно есть, да сотворю волю Пославшаго Мя* (Иоан. IV. 34), для Постившагося сорок дней и ночей, для Питающего многия тысячи народа немногими хлебами, не суть на потребу многие роды пищи и пития? Как не догадаться бы ей, что Пришедший в мир, *да свидетельствует истину* (Иоан. XVIII. 37), Нарицающий Себя хлебом животным, Призывающий к Себе жаждущих, не тем благоугождается, чтобы Ему в изобилии предлагали брашно гиблущее, но разве тем, чтобы от Него принимали брашно не гиблущее, воду живую, слово истины и спасения? – Нет! Не поняла сего пекущаяся о мнозе; – не поняла потому самому, что пеклась о мнозе; потому что привычка житейским заниматься, о житейском заботиться, как свинец, отягчала крило ума, и не допускала возвыситься к разумению духовному.

Не так ли некоторые и между нами, Христиане, хотя и бывают под одним кровом со Христом, как то действительно бывает во храме Его, хотя почти видят Его в таинстве, хотя слышат Его в Евангелии, не умеют однако толикими благами пользоваться и наслаждаться? Евангелие для нас не довольно понятно; таинство весьма закрыто; молитва утомительна. Не знаем, как находят в Евангелии Божественный свет, в таинстве Божественную силу, в молитве Божественную радость, блаженство, небо. И почему не дается нам духовный разум и чистое созерцание? – Потому что житейское попечение связует наш ум, обременяет его тяжкими земными пристрастиями, покрывает его мглою помыслов чувственных, суетных, нечистых; из орла, которому надлежало бы в чистом воздухе зреть на Солнце истины духовной и Божественной, превращает его в крота, роющегося в земле, в прахе и тлении дел мирских, плотских, чуждых для духа.

Житейское попечение обезсиливает волю в избрании лучшего. – *Мария благу часть избра*, глаголет Господь. Избрала же она то, чтобы *сидиши при ногу Иисусову, слышати слово Его*. Как не избрала и другая сестра сей благой части? Разве не желала она приближаться ко Иисусу? Но сие желание оказалось в ней еще прежде, нежели в Марии, когда *Марфа прият Его в дом свой*. Почему же одно семя желания не одинаково произрасло и принесло плод? – Потому, что в сердце Марии оно расло свободно: а в сердце Марфы заглушали оное плевеи житейского попечения. *Молвяше о мнозе службе*. Волею духа стремилась она ко Господу, и привлекала Его к себе: но склонностию к житейскому отвлекалась от духовного Ему благоугождения к телесному служению, и не достигала близости к Нему благодатной.

И во всякое время, и повсюду можно примечать, как различно действует в душах желание благодати и спасения, соответственно тому, бывает ли оно в них свободное, полное и единичное, или в действии своем разделяется, воспящается, ослабляется каким-либо желанием земной природы и склонностию житейскою. Видим людей, которые в продолжении многих лет все только начинают дело спасения своего, а не возводят онаго к совершенству; долго ищут Бога, и не находят; видят некоторую зарю благодати над

собою, и не могут дожидаться, *дондеже день ея озарит* сердце. От чего сие? – От того, что начинают дело спасения, но, по пристрастию к земному и житейскому, не совсем оставляют дела погибели; ищут Бога, но не хотят потерять тварей, ждут утешения благодати, но не хотят разстаться с утешениями растленной природы. Видим напротив и таких, которые позже других приступают служить Богу, и более других в том успевают. Блудный сын упреждает старшего брата в благодати Отчей. Магдалина из глубины греховной, и почти адской (поелику часть ада в ней обитала), восходит на степень равноапостольной. Савл гонитель внезапно преображается в Павла Апостола. *Мытари и любодейцы варяют в царствии Божии* (Матф. XXI. 31) мнящихся быть природными сынами сего царствия. Каким образом совершаются такие чудеса? – Сильным, решительным, все земные желания побеждающим и умерщвляющим желанием благодати и спасения.

Посему слово Божие сильно возстает против смешения житейских попечений и пристрастий с желаниями и стремлениями духовными. *Никтоже может*, говорит оно, *двема господинома работати* (Матф. VI. 24). Итак, если ты раб житейского попечения: то как можешь быть в то же время рабом Божиим? – *Идеже есть сокровище ваше, ту будет и сердце ваше* (Матф. VI. 21). Итак, если *твое сокровище* – то, чего ты желаешь, что любишь, о чем страстно печешься, находится на земли: то как может быть, чтобы *сердце* твое обрелось на небеси у Бога? – *Никтоже, воин бывая, обязуется куплями житейскими; да воеводе угоден будет* (2 Тим. II. 4). Итак, если ты сознаешь внутренно, что твое душевное расположение крепко еще привязано к житейскому: то как можешь льстить себе мыслию, что ты угоден Вождю Христу, победителю мира?

Внимательный к спасительным путям Божия провидения не без страха усмотрит, как иногда Сам Бог, приготовляя человека к особенному Своему посещению, или дарованию благодатному, рукою крепкою и мышцею высокою расторгает узы, привязывающие его к земному и житейскому. Каких дивных посещений сподобил Бог Авраама! Но и каких для того потребовал от него лишений! *Изыди*, сказано ему, *от земли твоя, и от рода твоего, и от дому отца твоего* (Быт. XII. 1). Почему бы, кажется, не прийти на Иакова и Божию посещению и благословению, когда благословлял его Исаак в своем доме? – Но взят он из объятий благочестивых родителей; с опасностью, без помощи, без спутника, приведен в незнаемое место; преклонил утомленную голову на пустынный камень, и – здесь нашел для себя и дом Божий, и посещение Божие, и могущественное благословение Божие. Какой путь довел Иосифа до благодати тайноведца, и до славы спасителя? – Путь Египетский, странничество, рабство, темница. Когда и где наиболее открылся Бог народу Израильскому? – Тогда, как он был отторжен от Египта, и еще привязан к земле обетованной, – там, где земля не привлекала его ничем земным, и во всем отсылала его к Небу.

Чего мы ждем, когда медлим отрешаться от пристрастий житейских? Того ли, чтобы Бог привлек нас к Себе *рукою крепкою*, особенным сильным влечением, как Авраама? – Но не дерзновенно ли, не мечтательно ли было бы такое ожидание? Или того, чтобы Бог низвел на нас *высокую мышцу*, и невольными лишениями, бедами, скорбями, поражениями, сокрушил блестящие оковы, в которых содержат нас мир и плоть? – Но ждать ли сего надобно, или по возможности предупреждать сие? – Разумным ли и свободным существам, подобно тем, *имже несть разума*, дожидаться, пока *броддами и уздою челюсти их востягнеша не приближающихся к Тебе?*

Перестанем, братия, медлить и отлагать; поспешим облегчать себя от бремени, которого тягость не довольно, может быть, знаем, потому что без него ходить еще не испытали, – от бремени житейских пристрастий. В обыкновенных делах и упражнении жизни отложим

попечение излишнее, многозаботливое, суетное, происходящее от неумеренных желаний, от неосновательного суждения о вещах, от недостатка веры в Бога и упования на Его Провидение. Поколику же призываемся особенно к делам Божиим, к молитве, к поучению в слове Божиим, к духовным подвигам для обретения благодати Божией, – *всякое ныне житейское отложим попечение*, да примем в душе и в сердце посещение Господне, и в нем познаем и обрящем и *единое на потребу*, и *благую часть*, которая не отъимется от нас во времени и в вечности. Аминь.

1845 год.

CCLXXIV.

193. Слово

в день Святителя Алексия.

(Говорено Февраля 12-го в Чудове Монастыре;

напечатано в Твор. Св. Отец 1845 г. и в собрании 1848-го года.)

<1845 год>

*Не мнози учителя бывайте, братие моя,
ведяще, яко большее осуждение примем:
много бо согрешаем вси. Иак. III. 1. 2.*

К единому от богопросвещенных Учителей Церкви Российския, уже несколько веков безмолвствующему и покоящемуся, собралось ныне здесь множество учеников. Или он, и безмолвствуя, еще учит, и покоясь, еще действует? По истине, и теперь учит он, вере и жизни, сильнее слова, примером веры, Богом оправданной, и жизни, Богом прославленной. И теперь действует он для нас, пред Богом, своими о нас молитвами, а пред нами благодатным дарованием, по которому в самом теле его, как в чистом сосуде духа, вместо обыкновенных человеческих немощей, имеем мы открытыя *святые мощи*, – возвышенные силы, которыя, подобно вещественному благоуханию, простирают сокровенное действие на чувство веры, возвышают наши собственные силы, и производят благотворныя перемены.

Итак, не напрасно, братия и соученики, собрались мы почтить Учителя. Но если праведно чтить избраннаго Евангельскаго учителя: то праведно и то, чтобы чтить вообще достоинство Евангельскаго учителя. Чтить учителя, и не чтить учительства, была бы несообразность. Таким образом, чрез самое настоящее собрание наше, мы для себя изрекаем обязанность чтить достоинство Евангельскаго учителя.

Один из способов сего почтения указывает нам Святый Апостол Иаков, когда говорит: *не мнози учителя бывайте*.

Если ты уважаешь власть: то не дерзнешь произвольно принять ее на себя, или вмешиваться в дела ея; напротив того со всякою готовностію исполнять будешь обязанности подчиненнаго. Подобно сему, если ты чтить достоинство учителя, установленное в Церкви Христовой: то не должен ты произвольно вступать на место учительское, или прибегать к учителям, которых никто не поставил, и к пророкам,

которых Бог не посылал; но должен в кротости и послушании проходить звание ученика Евангельского, под руководством поставленных от Бога и Церкви учителей. Страшись быть учителем и сам для себя, а тем более, без высшего призвания, учить других, или переучивать учителей, от Бога и Церкви поставленных. *Не мнози учителя бывайте.* Наставление, может быть, более нужное для многих, нежели как с первого взгляда кажется.

Страсть быть и слыть учителями была господствующая в Иудейских книжниках и фарисеях. Они, как обличает Господь наш, *любят зватися от человек: учителю, учителю* (Матф. XXIII. 7). Против сей страсти *Иисус глагола к народом и учеником Своим*, то есть ко всем Своим последователям: *вы же не нарицайтесь учителя: един бо есть ваш Учитель Христос: вси же вы братия есте* (ст. 8). Заповедь строгая, сколь высоко возносящая звание учителя в лице Христа, столь же неудобосообщимым делающая оное для христиан.

Однако видим, что и в Христианской Церкви некоторые называются учителями. Ап. Павел и сам себя называет учителем языков, и вообще сказует, что *положи Бог в Церкви первое Апостолов, второе пророков, третье учителей* (1 Кор. XII. 28). Как же согласить сие с заповедию Господнею? Не трудно, если точнее придержимся силы слов Апостольских и Христовых.

Богодухновенный Апостол, без сомнения, не погрешает, когда свидетельствует, что *Бог положил в Церкви учителей*. Он свидетельствует о истине, когда говорит: *поставлен бых аз проповедник и Апостол, истину глаголю о Христе, не лгу, учитель языков в вере и истине* (1 Тим. II. 7). Но и Господь не служение учительское отвергает; ибо не говорит: да не будет учителей. Это даже не возможно; потому что, когда есть ученики, то по необходимости должны быть и учителя; и как все Христиане суть ученики, и в начале не иначе назывались, как *учениками*, то по необходимости должны быть и учителя христианские, и особенно после того, как *Единый Учитель* вознесся на небо.

Не нарицайтесь, глаголет, *учители: един бо есть ваш Учитель, Христос*. Для себя ли ревнует Он о имени учителей? Конечно, нет. Ибо Он превыше всякого имени. Но наше мудрование смиряет, превозношение низлагает, дерзость обуздывает, своеволие отсекает, осуждает и запрещает самопоставленное и самоназванное учительство. *Не нарицайтесь учителя: не восхищайте сего звания сами себе; не вызывайтесь учить, когда вы не призываетесь к сему. А если и будете к сему призваны; если Бог поставит, если священный закон наречет вас учителями: и тогда не возносите званием, которое только по дару и по причастию вам принадлежит, поелику первоначально и существенно един есть ваш Учитель, Христос*. Почитайте себя не более, как *братиями* тех, которые называют вас учителями; будьте слуги, а не властители учения и учеников: *болий в вас да будет вам слуга* (Матф. XXIII. 11).

Видно, что, не смотря на сие благовременное предостережение, фарисейская страсть к учительству, чрез принятых в Христианство из Иудейства, вскоре прокралась и в Христианскую Церковь, когда Апостол Иаков возобновляет против нея увещание к христианам своего времени: *не мнози учителя бывайте, братие моя*.

Увещание сие не того требует, чтобы не было большого числа учителей. Ибо и во всяком обществе, и наипаче в Церкви, которая есть училище *премудрости Божией в тайне сокровенной*, множество людей просвещенных и способных преподавать другим спасительныя наставления, не может составить обременительного излишества. Нет сомнения, что Апостол, увидя множество таковых, не запретил бы им учить, подобно как

Моисей не запретил Елдаду и Модаду пророчествовать; и даже сказал бы вместе с ним: *кто даст всем людям Господним быти пророки, или учителя, – егда даст Господь Духа Своего на них* (Числ. XI. 29)? Но должно взять в разсуждение то, что истинно духовные люди и достойные учителя почти не могут являться в виде избыточествующаго множества: ибо как первый степень их достоинства есть познание своего недостойства, и высший степень их мудрости есть смирение, то, доколе можно, скрываются они в числе учеников, и никогда по своей воле не умножают собою числа учителей. Так Моисей и Иеремия, даже тогда, как сам Бог посылает их проповедовать, еще уклоняются от сего. *Избери могуща иного, егоже послещи*, говорит Моисей (Исх. IV. 13). *Не вем глаголати*, говорит Иеремия (Иер. I. 6). В Апостолах видим готовность быть ловцами человеков, и проповедывать царствие небесное: но ни в одном из них не видим того, чтобы он сам себя представил к званию Апостола, не говоря, поставил себя в оное. Таким образом, если не искать учительства духовнаго, и даже уклониться от него, есть черта не раз ознаменовавшая самых достойных онаго: то усиленно искать и домогаться онаго, конечно, есть признак весьма неблагоприятный. Следственно, увидев многих, торопливо занимающих, или произвольно себе поставляющих седища учительства духовнаго, мы могли бы не без основания сказать всем им: остерегитесь; ваше смешанное множество, ваше своевольное искание достоинства учительскаго показывает, что вы идете не по пути Пророков, не по следам Апостолов, не по стопам истинных учителей церковных. Сие обличение заключил Апостол в своем увещании: *не мнози учителя бывайте*.

Люди, которые предприимлют учить, не быв призваны к тому, думают оправдаться тем, что хотя дерзновенно их предприятие, но дело их спасительно. Апостол разрушает сию мечту самонадеяния, вводя их в познание самих себя, и представляя им последствия их самоуправной деятельности. *Ведяще*, говорит, *яко большее осуждение приимем: много бо согрешаем вси*.

Примечайте здесь кротость и смирение истиннаго учителя. Тогда, как он творит дело учителя, он поставляет себя рядом с учениками. Тогда, как имеет нужду обличить грехи других, и произнести на них осуждение, сии чужие грехи, чужое осуждение он приемлет на себя самага: *осуждение приимем; – согрешаем вси*. Но между тем, как он смягчает обличение, оно тем большую силу получает для разумевающих. Если Апостол, по делу учительства, поставляет себя под страхом осуждения, в ряду с людьми много согрешающими: то как должно быть страшно дело сие для всякаго другаго!

Что сотворю, о Единый Учителю? Если учу, и согрешаю: страшусь, что большее осуждение прииму. И напротив, *горе мне есть, аще не благовествую*: ибо *строение ми есть предано* (1 Кор. IX. 16. 17). О Судие, праведно строгий к учителям, более нежели к ученикам! Егда хочещи осудити недостойство: пощади повиновение Твоему устройению, закону и преданию!

А те, которых владычественная судьба Божия не послала учить, которых власть церковная не поставила наставниками, как дерзают учить и представлять себя наставниками? Чем могут извинить сию дерзость пред верховным Учителем и Судиею? Как не подумают, что *много согрешаем вси*? Могут ли они надеяться, что не повредят делу учительства своими грехами, от которых не очищены в сем деле избирающею благодатию, не ограждены послушанием закону избрания? Действуя по своемуудрию и своеволию, могут ли они быть в мире с мудрствующими о Господе и правыми волею Божиею? А потому, не станут ли разделять, вместо того, чтобы приводить в соединение веры, распространять соблазны, вместо назидания, возмущать мир Церкви? И какому за сие осуждению подвергнут себя, какому других совращаемых, или соблазняемых, и опять какому себя за них!

Сколь не напрасны сии опасения, Церковь дознала многими печальными опытами. Для краткости приведу один пример, который много скажет внимательному. В послании Святого Апостола и Евангелиста Иоанна читаем следующее: *писах Церкви; но первенстволюбец их Диотреф не приемлет нас. Сего ради аще прииду, воспомяну его дела, яже творит, словесы лукавыми укоряя нас; и не доволен бывая о сих, ни сам приемлет братию, и хотящим возбраняет, и от Церкви изгонит* (3 Иоан. I. 9. 10). Слышите ли? Диотреф не приемлет Иоанна! Диотреф, о котором неизвестно, была ли в нем какая искра здравого понятия о вере и Церкви, и которого имя дошло до нас только по милости человека, им пренебреженного, – Диотреф не приемлет Иоанна, избранного между Апостолами, Богослова по превосходству, тайновидца и главу пророков Нового Завета, не уважает его послания, порицает его, не приемлет приемлемых Апостолов, запрещает другим принимать их, и из Церкви изгоняет их! Кто бы сему поверил, если бы не сам Апостол повествовал о сем? Видите, какая богопротивная дела, какие разрушительные беспорядки производит в Церкви желание быть первым по собственному счету, и похищаемая независимость от поставленных учителей, мнящаяся быть довольною для себя и других! Судите по сему, как нужно и как важно предостережение Апостольское: *не мнози учителя бывайте*.

Но здесь нет ни какого Диотрефа, думают, вероятно, некоторые из слушающих, и мы не ищем быть учителями других. К кому же относится обличение и предостережение? – Ко многим, братия, и к вам самим, которые так думаете.

Ученику свойственно принимать для себя всякое слово учения, как земля принимает всякую каплю дождя и всякое зерно семени. Если вы не стараетесь прилагать учения к себе, а простираетесь в пытливое изыскание, кстати ли оно преподается, и к кому мимо вас относится: то вы слушаете учение не просто, как ученики, а более как учителя или судии. В сем случае не излишне для вас предостережение: *не мнози учителя бывайте*. Не учите учащего, как ему лучше учить; не судите других судом слышимаго учения; слушайте учение с ученическою простотою и смирением, для вашего внутреннего назидания.

Вы не домогаетесь сделаться самопоставленными учителями на какомнибудь учительском месте: осмотритесь, однако же, не сделались ли уже вы такими в ваших мнениях и в ваших правилах, или, что не лучше, не избрали ль таких учителей в руководство жизни вашей. Чьи вы ученики после того, как не принадлежите к училищам детским или юношеским? Преданные ли ученики Отцев наших? Или сие кажется уже не благовременным, потому что новый век провозглашает себя мудрейшим прежнего? Прилежные ли вы ученики слова Божия? Или сие училище представляется довольно посторонним для занятых много человеческою мудростию, либо человеческою суетою? Послушные ли вы ученики Церкви? Или находите нужным сокращать ея уроки, потому что с ними не согласуется учение, которое преподает дух мира? Но как дух мира и дух века чужды единства, которое свойственно только духу Божию, и дают столько учений и учителей, сколько голов, более или менее, мыслящих: то даже не неизбежно, чтобы, по духу мира и века, каждый был учителем сам себе, и в то же время имел несчетное множество учителей, противоречащих друг другу. Что может быть сего несчастнее? Помыслите же, как верно обличение, и как нужно увещание Апостольское: *не мнози учителя бывайте, братие моя, много бо согрешаем вси*. Изберите себе лучше не многих надежных и между собою согласных учителей: спасительное слово Христово, святые правила Церкви, опытную мудрость благочестивых и богопросвещенных Отцев наших!

Здесь нет Диотрефа: но, к прискорбию Церкви и священноначалия, вы можете не далеко отсюда встретить более, нежели одного Диотрефа, и притом имеющего последователей,

не смотря на то, что он давно обличен словом Апостольским. *От нас изыдоша, но не беша от нас*, обличает Апостол Иоанн отступивших от единства верования и от послушания Церкви. Не видим ли и ныне людей сего рода? От нас получили они начало веры и таинств, — *от нас изыдоша*, но уже не хотят быть нашими. Без призвания, без благословения, как кому вздумалось, поставляют себя учителями, и, чтобы прикрыть неблагообразие самочиния, отвергают Церковь, от которой получили все, что имеют, или мнятся иметь. *Первенстволюбец Диотреф не приемлет нас.* — *Дух явственно глаголет*, и предрекает чрез Апостола Павла, *о внемлющих духовом лестчим и учением бесовским, в лицемерии лжесловесник, сожженных своею совестью*, между прочими ложными учениями и заповедями, *возбрающих жениться* (1 Тим. IV. 1–3). И, не смотря на сие предварительное обличение, *духи лестчие* являются, *лжесловесники* не стыдятся проповедывать, будто в нынешнее время совсем уже нет благословенного брака, будто теперь уже не Бог печется о продолжении рода человеческого; возстают против брака сильнее, нежели против того, что осуждается законом брака, а иные против истинных законов и брака и девства вооружаются не только лжеучением, но и железом. Сколь ни ясны здесь черты *духов лестчих и учений бесовских*: однако находятся *внемлющие* им. Многие самопоставленные учителя умножают толки лжеучений; а неразсудительные последователи умножают лжеучителей. Встречаясь с теми и другими, припоминайте, братия, для себя и для них, предостережение Апостольское, столь бедственно ими пренебреженное: *не мнози учителя бывайте, ведяще, яко большее осуждение примем.*

Помните, что *положи Бог в Церкви первое Апостолов, второе пророков, третье учителей. И никтоже сам себе приемлет честь, но званный от Бога, якоже и Аарон* (Евр. V. 4), по богопреданному чину. Только званные Богом учителя верно приводят к Богу. Аминь.

CCLXXV.

194. Слово

в неделю четвертую великаго поста

и в день Благовещения Пресвятыя Богородицы.

(Говорено марта 25-го;

напечатано в Твор. Св. Отц. 1845 г. и в собрании 1848 года.)

<1845 год>

И рече им: сей род ничимже может изыти, токмо молитвою и постом. Марк. IX. 29.

По установлению Церковному, освященному примерами, правилами, древностию, мы находимся теперь на поприще поста. Дабы проходить оное благодушно и благонадежно, не нужно ли нам возбудить и направить себя размышлением, для чего введены мы на сие поприще, и какое значение, достоинство, сила и цель подвига, нам предложеннаго?

К размышлению о сем именно ныне располагает нас одно из Евангельских чтений настоящего дня.

И нынешний праздник не будет оскорблен постным словом: поелику и он оказывает уважение посту, разрешая оный только частию, а частию сохраняя. И если духовные цветы, которыми украшается нынешний праздник, суть добродетели пресвятыя и преблагословенныя Приснодевы: то и добродетель поста принадлежит к украшениям нынешняго праздника. Ибо что значит, что во время пребывания пресвятыя Девы при храме Иерусалимском, как сказует благочестивое предание, Ангел приносил Ей пищу? – *Служебнии дуси, в служение посылаемии за хотящих наследовати спасение* (Евр. 1. 14), не посылаются с светлаго неба на сию темную землю без нужды. Не постящийся, без сомнения, сам попечется для себя о пище, не только необходимой, но и обильной и приятной, и потому не требует Ангельскаго попечения. Но кто, пренебрегая и отвергая требования плоти, приближается к жительству безплотных, к тому и безплотные взаимно приближаются, и, дабы подвиг поста не преступил за пределы, полагаемые немощию телесной природы, когда нужно, приходят напомнить подвижнику, что время помочь телу, и предлагают готовую сверх-естественную пищу, вместо не готовой естественной. Таким образом питание пресвятыя Девы Ангелом свидетельствует о Ея упражнении в посте. Предание, известное нам чрез блаженнаго Иеронима и Святителя Димитрия, определяет даже с подробностью, как располагала Она свой день, и когда прекращался ежедневный Ея пост. *От утра даже до третияго часа дне стояше на молитве; от третияго же даже до девятаго в рукоделии или чтении книг упражняшеся. От девятаго же часа паки начинаше свою молитву, от неяже не преставаше, дондеже являшеся ей Ангел, от егоже рук пищу взимати обыче* (Чет. Мин. Ноемвр. 21).

Итак возвратимся к вопросу: для чего пост? К разрешению сего могут вести обратные вопросы: Для чего постилась пресвятая Дева Мария каждый день до вечера? Для чего постился Моисей на Синае три раза по сороку дней? Для чего постился Илия сорок дней на пути к Хориву? Для чего вся жизнь Иоанна Крестителя была не что иное, как непрерывный великий пост? Для чего постился даже Адам в раю? Для чего и сам Господь наш Иисус Христос постился четыредесять дней в пустыне? Для чего правило Апостольское (69) *к отлучению* от общения церковнаго присуждает того, кто *не постится во святую четыредесятницу пред пасхою, или в среду, или в пяток, кроме препятствия от немощи телесныя*? – Если и не отвечать на сии обратные вопросы: в них уже содержится сильный ответ против вопроса первоначальнаго. Указанные теперь образцы и законодателей подвига только наименовать – значит уже представить достаточное ручательство, что сей подвиг имеет не маловажное значение, не малое достоинство и силу, и употребляется, как бы нечто необходимое, на пути к весьма высоким целям.

Но не откажемся от некотораго рассмотрения предложенных вопросов, каждого порознь.

Для чего ежедневно постилась пресвятая Дева Мария? – Не лзя сказать, чтобы это было для приготовления к высокому званию Матери Господней, по Ея намерению, поелику, при Ея вступлении в подвиг поста, сия тайна еще не была Ей открыта; но без сомнения можно сказать, что это было действительное приготовление к званию Матери Господней, по устроению Божию. Сама ли собою вошла Дева Мария в подвиг поста, пренебрегая телесное, потому что стремилась к духовному, или введена была в оный сокровенным или открытым внушением Ангела, Ея хранителя: но конечно не случайно, а по особенному усмотрению и предуготовлению для служения великой тайне воплощения Сына Божия избрана Дева постящаяся.

Сей пример безпримерен и безподражателен. Однако мы можем из него вывести для себя верное заключение, что если совершенный пост пресвятыя Девы Марии был благопотребен и полезен на пути к Ея безпримерно высокому избранию, то наш, хотя

несовершенный, пост может быть благопотребен и полезен на пути к обыкновенному для всех истинных христиан благодатному избранию.

Для чего постился Моисей на Синае? – Священные книги скажут, что он постился сорок дней, в первый раз, для принятия от Бога Закона, во второй раз, для умиловления Бога, прогневанного идолопоклонством Еврейского народа и угрожавшего наказать оный совершенным истреблением, в третий раз, для высокого благодатного боговидения и для вторичного получения от Бога скрижалей Закона и Завета, вместо разбитых.

И сей пример далек от подражания. Однако и он может нам дать поучительные выводы. Если великий сорокатыдневный пост Моисея был ему споспешником в принятии закона Божия для целого народа Еврейского, и можно сказать, для всего последующего рода человеческого; то наш, хотя не по достоинству называемый великим, хотя малый пост, может нам быть споспешником в углубленном и живом познании закона Божия, по крайней мере каждому для себя; так как, напротив, насыщенное чрево, по признанию даже внешних учителей, не благоприятствует учению и мирскому, кольми паче духовному и божественному. Если соединенный с молитвою пост одного Моисея был успешным ходатаем для испрошения от Бога прощения целому народу в тягчайшем грехе: то не может ли твой благоговейный пост быть полезным ходатаем для испрошения прощения грехов, по крайней мере одному тебе? Если протяженный пост Моисея был путем к чудесному боговидению, какое только достижимо для живущаго в теле: то наш посильный пост, облегчая сердце от отягощения чувственного, утончая от одевания плотского, не может ли приготовить нас хотя к начаткам благодатных ощущений?

Для чего постился Илия сорок дней на пути к Хориву? – Сей пост мог бы показаться ненамеренным делом случайной необходимости: потому что Пророк путешествовал по местам пустынным. Но Ангел дает нам разуместь, что это было дело не случая, а распоряжения, и притом небесного распоряжения. Пророк, видно, и сам не много заботился о пище; и, после того, как *иде в пустыню дне путь* (3 Цар. XIX. 4 и сл.), не ужинав, *ляже, и успе под садом. И се Ангел Господень коснися ему, и рече ему: востани, яждь и пий*. Пророк вкусил ячменного опреснока и воды, приготовленных ему Ангелом, так не много, как свойственно любителю поста; и почувствовал нужду дополнить прерванный сон: *Возвратився успе*. И что же? *Обратися Ангел Господень вторицею, и коснися ему, и рече ему: востани, яждь и пий, яко мног от тебе путь*. Что была за надобность будить Пророка, уснувшего тотчас по принятии пищи, и вновь заставлять его принимать пищу? Если Ангел заботился о его пропитании; то мог бы после, благовременнее, на пути явиться ему с своим ячменным опресноком и корчагом воды, если нужно, и не однажды. Видите, что Ангел не пир дает Пророку, а распоряжает пост. Подкрепи, говорит, себя пищею сильнее, потому что тебе долго надлежит остаться без пищи, тебе предлежит сорокатыдневный путь, и с тем вместе сорокатыдневный пост. Куда же привел Илию сорокатыдневный путь и сорокатыдневный пост? – К чудесному боговидению, подобно как и Моисея.

Таким образом пост в лице Илии представляется не только добровольным подвигом Пророка, но и непосредственным последованием небесному руководству. Братия! на небесах знают, что делают, и для чего повелевают. Видно, есть особенная надобность в посте для особенного приближения к Богу. Можно и нам несколько понять сию надобность. Если, как говорит Премудрый, *тело тленное отягощает душу* (Пр. Сол. IX. 15), то судите, когда она способнее возвышаться к небесному и сообщаться с Божественным, тогда ли, когда *тленное отягощающее* обильно получает приращение тяжести и тления, или тогда, когда оно, по возможности, облегчается и утончается, посредством благоразумно размеренных лишений?

Для чего строго постную жизнь вел Иоанн Креститель? – Не погрешим, если скажем, что это была его свободная склонность: ибо никто не принуждал его к посту. Но надобно также вспомнить, что сия склонность его была предвидена, предопределена и предсказана еще до его рождения, и притом в связи с его величием. *Будет, говорил Ангел Захарии, велий пред Господом, и вина и сикера не имать пити* (Лук. I. 15). Ангел удаляет от Иоанна вино и сикеру, как бы предполагая, что оне унизили бы наибольшего в рожденных женами, и призывает пост, чтоб сей поддержал его величие. И для чего это? – Без сомнения для того, чтобы он достойным образом приготовлен был к высокому служению – быть предтечею Христа, крестителем воплощенного Сына Божия.

Думаете ли, братия, что сей чрезвычайный пример не представляет ничего к подражанию для нашей обыкновенной жизни? – Да. Чтобы простерть бrenную руку, коснуться главы крещающегося во Иордане Сына Божия, тогда как Дух Святый видимо сходит, и осеняет Его, – как очищен долженствовал быть Иоанн, дабы не опален был неприступным огнем Божества! И может ли с кем другим встретиться что либо, сколько нибудь подобное? Не может? – Осмотримся однако. Не приближаешься ли ты непосредственно ко Христу, или не приближается ли Он к тебе, не прикасается ли к тебе, не входит ли в тебя, не исполняет ли тебя, в причащении тела и крови Его? Подумай же, было ли бы то излишне, или тяжко, если бы тебя, как Иоанна, постом и молитвою целой жизни готовили к сему Божественному общению? Итак, не говорю, не справедливо ли, – не весьма ли снисходительно Матерь-Церковь требует от тебя приготовления к сему великому Таинству постом не строгим, в течение не многих дней?

Дохожу до важнейших вопросов: для чего постился Адам в раю? Для чего постился Христос сорок дней в пустыне? Соединяю сии вопросы: потому что между ними есть глубокая связь.

Если бы вам сомнительным показалось, подлинно ли Адам в раю постился: то довольно напомнить вам, что вы почитаете постом, и притом не малым, когда вам велят употреблять в пищу только произрастения земли, а мяс и рыб не касаться. Сие самое было постоянным законом райской жизни. Приметьте здесь, что много ли, мало ли, только ближе к райской жизни пост, нежели мясоед.

Но кроме сего, была в раю особая заповедь поста: *от древа, еже разумети доброе и лукавое, не снете от него* (Быт. II. 17). Не станем пытливо исследовать глубину сей заповеди: то несомненно по слову Божию, что постоянство в ее соблюдении должно было решительно утвердить Адама на пути жизни райской, духовной, небесной; напротив того, прельщение запрещенною ядью, нарушение заповеди дало в нем сильный перевес чувственному над духовным, низвергло его из райской жизни в земную, и низринуло бы во ад со всем потомством, невосвратно, если бы сего низвержения не остановил и не обратил к возвышению Сын Божий, став семенем жены и в Своем лице вновь поставив человечество в невыдержанное Адамом испытание, сделавшееся более трудным на земле, нежели было в раю. Таким образом несоблюдение первым Адамом легкого поста в раю надлежало второму Адаму исправить выдержанием на земли строгого поста, и с тем вместе отразить и низложить нашего превозмогшаго искушителя. И вот почему *Иисус ведящийся Духом в пустыню, дний сорок искушаем от диавола, и не яст ничесоже во дни тья* (Лук. IV. 1. 2).

Христиане! *Христос*, как на Голгофе, так и в пустыне искушения, *пострада по нас: нам оставль образ, да последуем стопам Его* (1 Петр. II. 21). После сего можно ли недоумевать, для чего пост? – Он для того, что *Христос нам оставил образ поста, да последуем стопам Его*. Если пост Христов был звеном в цепи Его Богочеловеческих

деяний, для спасения всего рода человеческого: то надлежит и у нас посту быть звеном в цепи христианских деяний, к нашему собственному спасению.

После сего не удивительно и то, что Апостольская Церковь приняла пост в число своих постоянных учреждений, и что Апостольския правила употребление поста тесно связуют с церковною христианскою жизнью, и тех, которые не хотят соединиться с Церковию в подвиге поста, кроме случаев препятствующей немощи, признают недостойными общения церковного.

Не достанет ли повествующу времени, если бы я стал еще указывать на подвиги поста в житиях Преподобных и Святых, которые, не довольствуясь обыкновенным снисходительным правилом поста, разнообразно усиливали сей подвиг до ближайшего уподобления посту Илиину или Иоаннову. Их опытная мудрость, их чудесная жизнь, их прославленная святость свидетельствуют, что их подвиг был как правилен в начинании, так и благотворен для последствий.

Важность подвига постного в некоторых особенных случаях открывает нам происшествие, предложенное благоговейному вниманию нашему ныне в Евангелии. Апостолы, после того, как Господь *даде им силу и власть на вся бесы, и недуги целити* (Лук. IX. 1), после того, как они *проходяху сквозе веси, благовествующе и исцеляюще всюду* (6), встретили одержимаго мучительным духом немым, и не могли освободить страждущаго, доколе Господь Иисус не употребил Сам Своей Божественной силы и власти. После чудес, уже обыкновенных для них, внезапная недействительность данной им силы побудила их спросить Господа, почему не могли они изгнать духа немаго. На сие Господь отвечал: *сей род ничимже может изыти, токмо молитвою и постом*. Как важно здесь значение, как велика сила поста, соединенного с молитвою! Не видно, чтобы Господь, дая власть Апостолам изгонять нечистых духов и исцелять недуги, требовал от них поста. Он не возлагал на них строгаго поста при Себе, а отлагал оный до времени Своего страдания. *Еда можете сыны брачныя, дондеже Жених с ними есть, сотворити поститися? Приидут же дние, егда отъят будет от них Жених, и тогда постятся в тья дни* (Лук. V. 34). И видно, Апостолы чудодействовали, не употребляя усиленного подвига поста и протяженной молитвы; а просто именем Христовым и данною им властью повелевали, и повеленное исполнялось. Но видно также, в страждущем от духа немаго необыкновенно велика была сила зла; и потому для победы над нею потребен был высший степень силы благодатной и благотворной. Какия же кроме веры, уже действовавшей в Апостолах, могут быть средства и пособия для достижения высшего степени благодатной и благотворной силы? Господь предлагает молитву и пост. *Сей род ничимже может изыти, токмо молитвою и постом*.

Видите ли благопотребность и пользу поста, соединенного с молитвою? Апостолам он нужен: нам ли не нужен? Чудотворцам он помогает: можем ли мы пренебрегать его помощью? Победе над мучительным и преобладающим духом зла он способствует: не ближе ли способствовать будет к укрощению плоти, воюющей против духа?

Дабы подвизающиеся в посте не погрешали в сем подвиге, и немощные в сем подвиге, без чрезмерных усилий, приобретали плод онаго, для сего предлагаю вам довольно напитать ваш ум постною, но сладкою и питательною церковною песнию: *постимся постом приятным, благоугодным Господеви. Истинный пост есть не одно уменьшение пищи и питья, но злых отчуждение, воздержание языка, ярости отложение, отлучение похотей, оглаголения, лжи и клятвопреступления: сих оскудение пост истинный есть и благоприятный*. Аминь.

CCLXXVI.

195. Слово

в день Пасхи.

(Напечатано в Твор. Св. От. 1845 г. и в собрании 1848 г.)

<1845 год>

Христос воскрес!

Уже провели мы несколько торжественных и знаменательных часов величайшего из праздников. Приходит на мысль спросить: довольно ли поняты нами самые первые минуты сего торжества? Возвратимся от сего светлого дня к прошедшей, сперва темной, а потом не менее дня светлой ночи, и размыслим о том, что происходило.

В полночь поспешила собрать нас Церковь для начатия торжества. Почему так? – Потому, что желательно было, сколько можно, сблизить начинательное время празднования с временем празднуемого, то есть, воскресения Христова. Время сие не совершенно нам открыто. Когда Мироносицы, при восхождении солнца, пришли ко гробу Господню: он уже был открыт, и Ангелы возвещали воскресение Христово, уже совершившееся. Гораздо ранее потряслась около гроба Господня земля, Ангел отвалил от гроба камень, и светом своего явления привел в ужас и тем удалил стражей, чтобы открыть Мироносицам и Апостолам свободный доступ ко гробу. Еще ранее совершилось воскресение, поелику оно совершилось еще при запечатанном гробе, как свидетельствует хранительница Христовых Таин святая Церковь; но только не прежде полуночи, поелику оно, по предречению Господню, должно было быть тридневное, и потому войти хотя в первые послеполуночные часы дня после субботного. В сих-то часах сокрытую, безпримерно высокую и чудесную минуту воскресения желали мы уловить началом нашего торжества, чтобы праздник, по возможности, составлял едино с празднуемым событием, так как и празднующие призываются быть едино с Творцем праздника.

Непосредственно пред вступлением в торжество Христова воскресения мы воспели песнь тридневного погребения Христова. Для чего сие? – Во-первых, и здесь порядок воспоминаний следовал порядку воспоминаемых событий: поелику воскресение Христово явилось из состояния тридневного погребения Христова. Во-вторых, пред самую радость возбужденная благочестивая печаль должна была приготовить к более правильному и ясному сознанию и живому ощущению следующей за нею Божественной радости.

К торжеству приступили мы песнию, в которой исповедали, что воскресение Христово Ангелы поют на Небесах; потом и себе просили благодати славить оное чистым сердцем; и сия песнь вначале возглашена в затворенном олтаре, когда церковь еще молчала. Что значит сей чин? – И здесь видно последование событию. Ангелы узнали и прославили воскресение Христово прежде человеков: ибо человеки узнали оное вначале от Ангелов. Небо не отверзлось видимо для земли, когда Христос отверз оное невидимо, силою креста Своего, и, вместе с воскресением Своим, ввел в оное Патриархов, Пророков и Святых ветхозаветных, при славословии Ангелов. Верую, а не видением знаем мы сей торжественный крестный ход Церкви Небесной: и, чтобы наше знание о нем было не слишком темно, и образовательное подражание оному в Церкви земной не слишком

мертво, для сего имеем нужду просить от Христа Бога благодати и чистаго сердца; потому что *чистые сердцем Бога узрят* (Матф. V. 8).

Испросив от Самого воскресшаго Христа помощь, чтобы достойно славить Его, мы начали славить Его весьма необыкновенным чином. Оставив олтарь и храм, мы остановились в ночи, на западе, пред затворенными воротами храма; и там возгласили первое славословие Пресвятой Троице и Христу воскресшему. Кадило и крест отверзли нам врата храма; и тогда из тьмы внешней вошли мы в его внутренний свет, и неудержимо предались восторгам праздника. Здесь видны такие необычайности, что их надлежало бы признать несообразностями, если бы не предположить в них сокровенного и глубокого знаменования. Какое ж это знаменование? – То самое, которое мы отчасти уже указали. В видимых действиях Церкви земной по возможности начертан образ невидимаго торжества Церкви небесной.

Это есть древний и высокий закон церковнаго Богослужения, чтобы в нем представлялись образы небеснаго. Так святой Апостол Павел о ветхозаветных священниках пишет, что они *образу и стени служат небесных* (Евр. VIII. 5). Христианская Церковь ближе к небесному, нежели ветхозаветная. Ветхозаветная представляла большею частию образы нисхождения небеснаго на землю, – воплощения Сына Божия: Христианская, после сошествия Его на землю, наипаче должна представлять то, как он, по выражению Пророка, *восшел на высоту, пленил плен* (Пс. LXVII. 19), или, яснее сказать, пленников и рабов ада уловил и извел в свободу и блаженство, *приял даяния в человецех*, то есть, Своею крестною заслугою приобрел человекам право на благодатные дары Духа Святаго.

Воскресение и восхождение Христово началось не от гроба только, но и от ада: ибо, по крестной смерти Своей, Он был, как исповедует Церковь, *во гробе плотски, во аде же с душою, яко Бог. Даже до ада нисшел Он, и тамо сущую тму разрушил*. До сего, хотя Патриархи, Пророки и Праведники ветхаго Завета не были погружены в глубокой тме, в которой погрязают неверующие и нечестивые: однако и не выходили из сени смертной, и не наслаждались полным светом. Они имели семя света, то есть, веру во Христа грядущаго: но только Его действительное к ним пришествие и прикосновение Божественнаго света Его могло засветить их светильники светом истинной небесной жизни. Их души, как мудрые девы, были близ дверей небеснаго чертога: но только ключ Давидов мог отпереть сии двери; только жених небесный, Который из сих дверей вышел, мог войти в них обратно, и ввести за Собою сынов брачных. Итак Спаситель мира, после того, как в видимом мире распялся и умер, в мире невидимом даже до ада нисшел², и души верных озарил, и от сени смертной извел их, и двери рая и неба им отверз; и, паки в видимом мире, *свет воскресения показал*.

Не примечаете ли теперь, каким образом сие невидимое Церковь соединила с сим видимым и одно в другом изобразила? Как бы вместе с обитателями невидимаго мира, на западе, во мраке ночи, как бы в сени смертной, стояли мы пред затворенными воротами храма, как бы пред затворенными воротами рая. Через сие Церковь хотела сказать нам: так было до воскресения Христова, и так было бы вечно без воскресения Христова. Потом славословие Пресвятыя Троицы и Христа воскресшаго, крест и кадило нам отворили врата храма, как бы врата рая и неба. Через сии знамения Церковь сказала нам: так благодать Пресвятыя Троицы и имя и сила Христа воскресшаго, вера и молитва отверзают врата рая и неба. Горящие свечи в руках наших не только знаменовали свет воскресения, но в то же время напоминали нам о мудрых девах, и возбуждали к готовности, со светом веры, с елеем мира, любви и милосердия, сретить второе, славное пришествие небеснаго Жениха в полунощи времен и найти для себя отверстыми Его царския двери.

Вот некоторые черты нынешнего церковного тайноводства! Будем внимательны, братия, да будем и верны таинственному руководству Матери-Церкви.

Торжествуя Христу, для нас воскресшему, да взираем в то же время умиленным сердцем на Христа, за нас распятого, страдавшего, умершего и погребенного, чтобы радость не забылась и не сделалась несмысленною. Только тот имеет полную и неотъемлемую радость воскресения Христова, кто со Христом и сам воскрес внутренно, и имеет надежду воскреснуть торжественно: а сию надежду имеет только тот, кто примет участие в кресте, страданиях и смерти Христовой, как учит Апостол: *аще сообразни быхом подобию смерти Его, то и воскресения будем* (Римл. VI. 5). *С Ним страждем, да и с Ним прославимся* (Римл. VIII. 17). Праздничная радость, которая забывает крест и смерть Христову, призывающая нас к распинанию плоти со страстями и похотями, находится в опасности – начатое духом скончать плотию, и празднующих воскресение Христа превратить в распинающих Его вторично.

В след за Ангелами вступили мы в торжество Христова воскресения: с Патриархами, Пророками и Праведниками образно в нем соединились; как в рай и в небо, введены в церковь для празднования. Подумайте же, каково посему должно быть празднование наше! Оно должно быть близко к Ангельскому; должно быть достойно общения с небесною Церковию Патриархов, Пророков и прочих Святых; должно быть достойно рая и неба. Не думайте, что сие требование слишком велико и неисполнимо для нашей немощи. Кто празднует чистым сердцем, тот празднует с Ангелами. Кто празднует с любовью к Богу и воскресшему Христу, и в духе братолюбия к ближним, тот празднует в общении с небесною Церковию; поелику Небо есть не иное что, как царство любви Божественной; и если, как уверяет тайновидец, *пребываяй в любви в Бозе пребывает* (1 Иоан. IV. 16), то пребывает он, конечно, не ниже рая и неба. Но если не очень трудно возвыситься, чтобы праздновать в общении с Ангелами и Церковию небесною: то, к прискорбию, очень не трудно и отпасть, и удалиться от их общения. Кто радость духовную погружает и погребает в веселии плотском, тот уже не с бесплотными Ангелами празднует. Кто занимается земным так, что забывает небесное, тот не близок уже к Церкви небесной. Кто не старается охранить свое празднование от дел греховных, тот не в общении со Святыми празднует. Кто не хранит и не питает своего внутреннего света, и небрежением попускает ему гаснуть, тому не много надежды увидеть отверстыя царския двери небеснаго чертога, хотя и видит на земли отверстыя царския двери святилища.

Христе Спасе, славимый на небеси Ангелами и блаженными духами святых человеков! *И нас на земли сподоби чистым сердцем Тебе славить!* Аминь.

CCLXXVII.

196. Слово

в день обретения мощей Преподобнаго Сергия.

(Говорено июля 5-го;

напечатано в собрании 1848 г. и в Твор. Св. От. 1845 г.)

<1811 год>

Возлюбленнии, молю яко пришельцев и

*странников,
огребатися от плотских похотей, яже
воюют на
душу. 1. Петр. II. 11.*

Из предстоящих здесь не многие ли находятся на месте сем, как пришельцы из других, более или менее отдаленных, мест, пришедшие к единому здешнему вековому обитателю, который сделался благодетелем для множества пришельцев и странников, потому что сам умел быть пришельцем и странником? Но и те, которые находятся здесь, как нынешние обитатели сего места, откажутся ли от наименования пришельцев, если вспомнят, что Давид в своем доме, в своем царственном граде, на своем престоле, признавал себя пришельцем у Бога, равно как и всех отцев своих? *Пресельник аз есмь у Тебе и пришлец, якоже вси отцы мои* (Псал. XXXVIII. 13).

Итак, братия пришельцы и странники! примем от страннлюбиваго Апостола Петра то, что подает он пришельцам и странникам. Как напутствие, как руководство и охранение от заблуждений, как оружие против опасностей странствования, подает он нам свое богодухновенное наставление. *Возлюбленнии, пишет он, молю, яко пришельцев и странников, огребатися от плотских похотей, яже воюют на душу.*

Что значат в наставлении Апостольском *плотския похоти*, можно понять из самых сих слов, только не вполне. Похоть есть желание: но не всякое желание есть похоть. Похоть есть как бы хотение после хотения, желание простертое далее пределов естественного желания, страстное, не управляемое законом, порядком, и умеренностью. Похоть плотская собственно есть беспорядочное желание плотских, чувственных удовольствий, в противоположность воздержанию, трезвости, целомудрию.

Как святой Петр остерегает нас от похотей, *яже воюют на душу*: то, чтобы нам лучше узнать сих опасных врагов, призовем на помощь и других священных писателей. Апостол Павел пишет, что *спасительная благодать Божия* научает нас, *да, отвергшиися нечестия и мирских похотей, целомудренно и праведно и благочестно поживем* (Тит. II. 12). Здесь встречаем наименование *мирских похотей*, в которых, впрочем, заключаются и плотския, потому что им противопоставляется *целомудренное* житие. Апостол Иаков пишет: *похоть зачещи рождает грех* (Иак. I. 15). Из сего надлежит заключить, что похоти так же многообразны, как многообразны грехи. Апостол Иоанн пишет: *все, еже в мире, похоть плотская, и похоть очес, и гордость житейская, несть от Отца, но от мира сего есть* (1 Иоан. II. 16). Святой Иоанн, для удобнейшаго обозрения воюющих на нас похотей, указывает три главныя их отряда. Это суть, во-первых, *похоть плотская*, о которой мы уже дали понятие; во-вторых, *похоть очес*, неудерживаемое желание насытых глаз, которое предметами видимаго мира хочет не пользоваться благоразумно, а жадно наслаждаться, или завладеть, – любостяжание, любовь к суетным украшениям, страсть к зрелищам; в-третьих, *гордость житейская*, желание превозносить себя над другими, а других видеть ниже себя, склонность величаться и тщеславиться некоторыми преимуществами видимаго и временнаго мира, частию достойными некотораго уважения, как то: родом, званием, знанием, делами необыкновенными; частию суетными и ничтожными, как то: богатством, пышностью и роскошью. Все сии виды похотей могут быть названы *плотскими*, как названы у Апостола Петра; потому что их источник и цель есть плоть, а не дух, – и *мирскими*, как у Апостола Павла: потому что берут себе пищу из видимаго и временнаго мира.

Из сказаннаго доселе можно усмотреть, как многозначительно краткое увещание Апостола: *огребатися от плотских похотей*. Он учит удаляться от невоздержания, от

нетрезвости, от плотугодия, от любостяжания, от любви к суетным украшениям, от страсти к зрелищам, от гордости, от тщеславия, от желания унижать перед собою других, которое легко перейти может и в желание зла ближним. И притом учит удаляться не только от дел, в которых проявляются сии страсти и пороки, но и от беспорядочных и страстных желаний, не произведенных в дело, от похотей, еще не родивших греха действительного. Дело порочное оскверняет всего человека, от души до тела, которое более или менее служит порочному делу: но чистый от внешнего порочного дела еще не весь чист, если в душе его гнездится похоть плотская или мирская. Если вы, христиане, по слову Апостольскому, *храм Божий есте* (1 Кор. III. 16), и *храм Божий свят есть, иже есте вы* (17); если, посему, тело ваше надлежит признавать частию храма Божия более внешнею, а душу, сердце, ум, внутренним святилищем, в котором надлежит обитать Христу и дышать Духу Святому: то довольно ли вы охраняете святость сего храма Божия, если очищаете только более внешнюю часть онаго, а в святилище внутреннем безпечно допускаете внутреннюю нечистоту? Страстный помысл, утвердившийся в уме, есть идол, поставленный во святилище Божиим; похотное желание, господствующее в сердце, есть мерзость запустения на месте святе. Люди обыкновенные не видят сей внутренней нечистоты: но ее видит сердцеведец Бог, и Ангелы Его, и души Святых, которых внутренния очеса открыты. Если стыдимся, когда, подобные нам, люди видят обнаруженную нечистоту наших дел: да стыдимся тысящекратно более, когда всечистый Бог и Его Святые видят в нас сокровенную нечистоту страстных помыслов и похотных желаний. То, что во внешнем деле греховном представляется отвратительным даже для людей, которые и сами не без порока, уже заключается во внутренней похоти, как трава в семени, как порождение в зародыше: потому что *похоть зачещи рождает грех: грех же содеян рождает смерть*. Итак поспешайте извергать из души не разродившуюся еще нечистоту, чтобы она, раскрывшись, не посмрадила всего вашего существа. Пospешайте полоть едва возникающие из земли сердца плевелы, чтобы они, возросши, не подавили пшеницы. Пospешайте сокрушать яйца змиинья, пока не родился ядовитый и смертоносный змий. Пospешайте изринуть из внутреннего святилища идол страстного помысла и похотного желания, пока он не потребовал убийственных жертв. *Молю огребатися от плотских похотей*.

Братия! Не будем холодны к увещаниям любви и кротости! Святый Петр мог бы учить со властью, как Апостол, или говорить равнодушно, как безпристрастный; но он лучше восхотел облечь свое слово любовью и смирением: *возлюбленнии, молю вы*. Почему так? – И потому, что любовь и смирение суть неразлучныя и высшия свойства совершенных христиан, следственно и Апостолов Христовых; и потому еще, что знал он потребность своего увещания для нашего спасения, желал, чтобы увещание было принято, и также знал естественное действие слова любви и кротости, которое, как елей, во все проникает, от котораго, как от луча солнца, сам собою тает лед и холодных сердец, иначе не легко разбиваемый силою. Он предвзает об опасности; потому что любит. Он жертвует собственным достоинством, униженно умоляя, когда имел право повелевать: дабы сердцем открыть путь к нашему сердцу, и внушить нам спасительныя расположения. Можно ли не внимать такому наставнику и такому наставлению? *Возлюбленнии, молю огребатися от плотских похотей*.

Дабы наставление сие удобнее могло быть исполняемо, прозорливый наставник мимоходом указывает и на некоторыя пособия к исполнению онаго.

Первое пособие есть помышление о том, что мы пришельцы и странники. *Молю, говорит, яко пришельцев и странников*.

Наименование пришельцев Апостол употребил в простом, обыкновенном значении, когда писал в начале своего послания: *избранным пришельцем разсеяния Понта, Галатии, Каппадокии, Азии и Вифинии*. Но сие значение не может иметь места, когда говорится об удалении от похотей, которое, без сомнения, равно поставляется в обязанность живущим в отечественной земле, как и странствующим в земле иноплеменной. Итак наименование *пришельцев и странников*, в увещании Апостола, должно иметь высшее, духовное значение. Отечество, из которого все мы странствуем, есть рай. Отечество, которого все ищем, или должны искать, есть опять рай и небо. В отношении к сему отечеству, на земли, во временной жизни, все мы *пришельцы и странники*. В основательных о сем размышлениях можно находить немалую силу для отражения похотей, приражающихся к нашему сердцу. Если, например, приближается похоть плотская, и призывает к чувственному наслаждению; ты можешь отвечать ей: удались от меня; я пришлец и странник; на пути не пиршествуют и не роскошествуют; благовидная или неблагоприятная гостинница, суровая или не суровая пища, мягкий или жесткий одр, не много разнствуют для странника; благодушно перенесши лишения моего странничества, безмерно буду вознагражден утешениями в моем отечестве. Если похоть очес представит воображению тленные богатства, и скажет: для чего ты мало имеешь? для чего не стараешься иметь более? отвечай и ей: я пришлец и странник; для странника часто удобнее нести с собою мало, нежели много; сохранив себя в странничестве, в отечестве найдут себе сокровища, которых *ни червь, ни тля тлит, и татие не подкопывают, ни крадут* (Матф. VI. 20). Если гордость житейская станет докучать тебе: зачем ты не довольно возвышен, не довольно почтен; и ей скажи: не смущай меня напрасно; я здесь пришлец и странник, а имею такое высокое отечество, пред которым и возвышенное и униженное на земли едва приметно, и равно ничтожно; горами ли, дебрями ли ведет меня невидимая рука Провидения, все равно, только бы привела меня в оное горнее отечество.

Другое пособие к отражению похотей есть проницательное и осторожное усмотрение того, что оне *воюют на душу*. Похоть обыкновенно приближается к душе не в виде воюющего врага, но в виде друга, или угодливого прислужника. Она представляет какое либо удовольствие, или мнимое благо. И ныне, как в первоначальном искушении первых человеков, похоть плоти и похоть очес о непозволенном и запрещенном внушают искушаемому, *яко добро древо в снедь, и яко угодно очима видети* (Быт. III. 6); и ныне гордость обнадеживает: *будите, яко бози* (5). Но это все только приманка, которою злый ловец старается прельстить и уловить бедную душу. Это воинская хитрость врага, который, притворясь мирным, располагает человека оставаться безпечным и безоружным, чтобы без сопротивления, или только по слабом сопротивлении, взять его в плен, повергнуть в рабство порочной склонности, заключить в оковы греховного навыка, и наконец, чрез смерть временную препроводить в область вечной смерти. Сие приводит себе на ум, искушаемый похотию, и когда страстный и похотный помысл предлагает тебе удовольствие, разумеи, что это приманка, под которою скрыта уда, уловляющая и увлекающая в неволю и в смерть; когда он, по видимому, ласкает, помышляй, что в самом деле он *воюет на душу*; и немедленно вооружись мужеством, и всею силою доброй воли отвергни похоть злую; а поколику чувствуешь недостаточество собственной силы, спешно прибегни верою и молитвою к *Искушенному по всяческим по подобию, разве греха, и Могущему искушаемым помощи* (Евр. IV. 15. II. 18) силою Божественною; повергнись пред крестом Победителя воюющих на души наши грехов; приметайся к Его всецелбным язвам. Как воззрение на медного змия, вознесенного Моисеем в пустыне, имевшего силу прообразованного им креста Христова, вскоре исцеляло уязвленных ядовитыми змиями: так воззрение покаяния, веры и молитвы на распятого Иисуса вскоре исцеляет душу, уязвленную ядовитыми впечатлениями похотного и греховного помысла.

Крестом победивший всякое зло и самого начальника зла, Господь и Спаситель наш Иисус Христос, благодатию Своею да дарует каждому из нас побеждать все воюющее на душу, при вспомоществующих молитвах совершившагося подвижника, преподобного Отца нашего Сергия, *вельми подвизавшагося на страсти в жизни временной*, и своим примером к подобным подвигам нас призывающего, и данною ему благодатию готового споспешествовать неленостно подвизающимся. Аминь.

CCLXXVIII.

197. Слово

по освящении храма Господа нашего Иисуса Христа,

в честь и память Гефсиманского моления Его.

(Говорено июля 8, напечатано отдельно,

в Твор. Св. От. 1845 г. и в собрании 1848 года.)

<1845 год>

*Тогда прииде с ними Иисус в весь,
нарицаемую
Гефсимания, и глагола учеником: сядите ту,
дондеже шед помолюся тамо.
Матф. XXVI. 36.*

Созидающие храмы во славу Господа нашего Иисуса Христа, для их наименования и торжественного в них воспоминания, обыкновеннее избирают славные и радостные события Его земной жизни. И хорошо, чтобы в самом наименовании храма являлась слава Божественного Спасителя, и озаряла входящих в него надеждою и радостью спасения.

Пусть входящие во храм, посвященный воспоминанию Рождества Христова, радостно воспоминают, *яко Отроча родися нам, Сын, и дадеся нам* (Иса. IX. 6), что Он есть *Еммануил, еже есть сказано: с нами Бог* (Иса. VII. 14. Матф. 1. 23), *Начальник* нашего мира, *Отец будущего века* (Ис. IX. 6), приемлющим Его верою дающий область чадам Божиим быти (Иоан. I. 12).

Пусть входящие во храм, посвященный славе Богоявления, благоговейно воспоминают, что *Троицы явление во Иордане бысть*; и при сем, к утверждению надежды, да помышляют, какая Божественная сила, яже к животу и благочестию, нам дарована в Крещении, которое освящено не только примером воплощенного Единородного Сына Божия, но и наитием Бога Отца и Святого Духа, присутствием и действием всея Пребожественныя Единосущныя Троицы.

Пусть входящие во храм светоносного Преображения Господня радуются о сей предначинательной славе естества человеческого в Лице Богочеловека, и надеждою одушевляются к подвигу, для достижения того, чтобы Он *преобразил тело смирения нашего, во еже быти ему сообразну телу славы Его* (Филип. III. 21).

Пусть входящие во храм Воскресения Христова торжествующим оком взирают на победу над смертию и адом, уже для нас готовую (ибо только для нас потребно было *умерщвлению*

быть плотию, ожить же духом (1 Петр. III. 18) Безсмертному и Присноживущему); и в уповании на сию победу *да не стужают душами своими ослабляеми*, хотя бы должны были *стать до крове противу греха подвизающиеся* (Евр. XII. 3. 4).

Пусть входящие во храм Вознесения Господня следуют взором веры за Прошедшим небеса, и видят путь неба открытым и для нас (ибо для сего самого торжественно *взыде на небо Сын человеческий сый на небеси*, (Иоан. III. 13); и да воскриляются умом и сердцем *вышних искать, идеже есть Христос одесную Бога сидя, горняя мудрствовать, а не земная* (Колос. III. 1. 2).

Но не должно быть ни для кого странным и то, что храм, ныне освященный, посвящается благоговеяному воспоминанию Гефсиманского моления Иисус Христов, принесенного со скорбию и тугою, и с подвигом, простертым до кровавого пота. Ибо как радостныя и торжественныя события земной жизни Спасителя нашего имеют действительное отношение к нашему спасению, так равно и скорбныя и страдательныя, сопряженныя с состоянием совершенного истощания или уничтожения, которое Он благоизволил на Себя принять. Благопотребно и совершенно необходимо для нашего спасения со Апостолом мудрствовать о Христе Иисусе, что Он, *во образе Божии сый, не восхищением непщева быти равен Богу* (Филип. II. 6): ибо, без естества Божественного и силы Творческой, каким образом могло бы совершиться спасение человечества, грехом погибшаго, низверженнаго ниже ничтожества? Но так же благопотребно и совершенно необходимо мудрствовать о едином и том же Христе Иисусе и то, что Он *Себе умалил, зрак раба приим, и образом обретеся, якоже человек, смирил Себе, послушлив быв даже до смерти, смерти же крестныя* (Филип. II. 7. 8): ибо каким образом низверженное, немощное и недостойное человечество возникло бы и достигло к общению с Божественною спасающею силою, если бы Сын Божий не низшел во глубину нашей немощи и недостойнства Своим воплощением, не очистил нашей смертоносной заразы греха, не загладил нашей смертной виновности, Своим неистленным страданием в соестественном нам, но безгрешном теле, и Своею смертию и воскресением не отверз нам заключенных врат благодати и жизни Божественной? Апостол, поставляя целию стремления для себя, без всякаго сомнения также и для нас, *сущую от Бога правду в вере*, относит к сему совершенству Христианскому два образа познания Иисус Христа, – один более торжественный: *еже разумети Его и силу воскресения Его*; другой более страдательный: *еже разумети сообщение страстей Его, сообразуясь смерти Его* (Филип. III. 9. 10). Сему последнему разумению Иисуса Христа споспешествовать, да дарует благодать освященному ныне храму Он Сам, благословляяй и освящаяй всяческая, Христос Бог наш!

Не можем обещать себе полного постижения тайны Гефсиманского события, которой неприкосновенность нашему испытанию Господь Сам ознаменовал тем, что из самых Апостолов только не многих к ней приблизил, и только что приблизил. Но поелику в Гефсимании, так же как и на Голгофе, *Христос пострада по нас, нам оставль образ, да последуем стопам Его* (1 Петр. II. 21): то в какия особенныя помышления и расположения должен вводить нас образ Гефсиманского многострадальнаго моления Иисус Христов?

Во-первых, он дает нам руководительныя мысли о молитве уединенной. Когда Господь глаголет ученикам Своим: *яко аще два от вас совещаеца на земли о всякой вещи, еяже аще просита, будет има от Отца Моего, Иже на небесех: идеже бо еста два или трие собрани во имя Мое, ту есмь посреде их* (Матф. XVIII. 19. 20): тогда Он показывает потребность и пользу молитвы общественной, в которой соединение многих подкрепляет каждого. Но когда Он Сам, среди Своего великаго служения спасению человеческому, прерывая Свою проповедь и Свои чудодействия, *бе отходя в пустыню и моляся* (Лук. V. 16); и когда, наконец, приближаясь к пределу Своего земнаго поприща, дабы

принести Богу Отцу молитву, сколь важную и таинственную по предмету, столь же трудную по обстоятельствам, удалился сперва с тремя избранными учениками от собора прочих, а потом и от трех избранных, в совершенное уединение, рекши: *сидите ту, дондеже шед помолюся тамо*: тогда показал нам потребность и важность молитвы уединенной, во всевозможном отлучении от всего сотворенного, погружающей душу в единое присутствие Божие.

Братие! С надеждою да входим в молитву общественную; поелику она благословлена словом обетования Христова: с любовью да входим в уединенную молитву; поелику она освящена примером Христовым.

Во-вторых, Гефсиманское моление Христово должно вводить нас в умилительныя помышления о глубоко-смирненном образе моления Христова. *Поклонь колена молящияся* (Лук. XXII. 41). *Паде на лице Своем моляся* (Матф. XXVI. 39). *Паде на земли, и молящияся* (Марк. XIV. 35). Когда подумаешь, что это Единородный Сын Божий, от вечности со Отцем и Святым Духом царствующий на пренебесном престоле, и теперь сего престола не оставивший, – что Он, облекшись в нашу нищету, немощь, низость, повергается в молитве на землю, чтобы молитвою исходатайствовать нам спасение, а смирением обличить, загладить и уврачевать нашу гордость: тогда пораженная мысль ищет, есть ли в мире довольно униженное место или положение, в которое бы человек мог себя уничижительно повергнуть, дабы ему не слишком стыдно было пред сим Божественным уничижением?

При таком размышлении, как должны быть для нас легки и сладостны наши молитвенныя коленопреклонения и земнопоклонения, которые так тяжкими кажутся иногда для нашей немощи и, может быть, для нашей лености!

В-третьих, Гефсимания, исполненная духом моления Христова, орошенная кровавым потом Его Богочеловеческого молитвенного подвига в навечерие дня Его распятия, представляет благоприятнейшее и благонадежнейшее мысленное место молитвы, для сокрушенного грешника, для возмущаемого скорбию, тугою, унынием, страхом, для боримаго всяким искушением. Ибо там сила всех возможных искушений побеждена силою молитвы Христовой: и сия победоносная сила не прешла, но пребывает и будет; потому что *Иисус Христос вчера и днесь, Тойже и во веки* (Евр. XIII. 8). От чего Он, вступя на Гефсиманское поприще, *начат скорбети и тужити* (Матф. XXVI. 37), *ужасатися и тужити* (Марк. XIV. 33)? От предусмотрения ли приближающихся оскорблений и телесных страданий в Иерусалиме и на Голгофе? Но Он самыя сии оскорбления и страдания, не в воображении, а в самом их действии, в продолжение многих часов сей же ночи и следующего дня, пред Синагогою и пред Пилатом, от Иудеев и от язычников, в Иерусалиме и на Голгофе, переносил, не изъявляя никакого страха, с победоносною твердостью, с высоким спокойствием, то с величием молчания, то с словом любви и молитвы о других, а не скорби о Себе. И если в одну новую таинственную минуту допустил услышаться воплю: *Боже Мой, Боже Мой, вскую Мя еси оставил?* (Матф. XXVII. 46): то немедленно покрыл оный торжественным гласом: *совершишася* (Иоан. XIX. 30). От чего же еще прежде видимых страданий – скорбь, туга, ужас, прискорбие души даже до смерти? Какую горечь, какую тягость заключала в себе сия таинственная чаша, о которой Он и молился, *да мимоидет*, являя тем истинное восприятое человечество, не чуждое немощи, хотя чуждое греха, и которую в то же время принимал по предвечной воле Отца Своего, глаголя: *не якоже Аз хошу, но якоже Ты* (Матф. XXVI. 39)? Увы! это горечь наших грехов, это тягость нашей виновности пред Богом, и заслуженных нами казней, которые все принял на Себя *Агнец Божий, взявляя грехи мира* (Иоан. I. 29); и таким образом Он скорбел, тужил, ужасался, прискорбен был душею даже до смерти, не потому, чтобы истощалось Его терпение, но потому, что

Своими внутренними страданиями очищал Он наши внутренние нечистоты, заглаждал нашу виновность, удовлетворял раздраженному на нас Правосудию Божию, и с тем вместе молился о нашем помиловании, прощении и спасении, – и был услышан. Так изъясняет Апостол Павел Гефсиманское моление Иисуса Христа, когда пишет к Евреям, что Он, *во днех плоти Своея, моления и молитвы к Могущему спасти Его от смерти, с воплем крепким и со слезами принес, и услышан быв от благоговейства* (Евр. V. 7). Как услышан, когда не избавлен от смерти крестный? Услышан тем образом, что Ему предоставлено Своею крестною смертью и воскресением избавить нас от владычества греха и смерти вечныя. И так не правда ли, что в Гефсимании сила всех возможных искушений побеждена молитвою Христовою?

И потому, кто бы ты ни был немощствующий и бедствующий вместе со мною брат мой, если ты уязвляешься печалию греха; если стесняешься тугою души, не удобно возвышаемой верою, не удобно расширяемой любовью, не благоподвижной на добродетель; если поражаешься страхом суда Божия; если искушаешься прискорбием души, простирающимся, по видимому, даже до смерти: не предавайся унынию безнадежному; не дай скорби, туге и страху совсем одолеть тебя; собери останки твоих изнемогающих сил, беги мысленно на победоносное Гефсиманское поприще Иисусово, – и там, где Сын благоволения и любви Отчей *паде на лице Своем моляся*; где пот Его молитвенного труда, яко капли крове, каплет на землю; где Ангел укрепляет Его в превышающем силу человечества подвиге, а дванадцать легионов других Ангелов ожидают повеления для Него, и от Него; откуда диавол бежит, поражаемый многообразною Божественною силою послушания Богу Отцу, человеколюбия, смирения, молитвы, самопожертвования, – там, недалеко от Агнца Божия, вземлющего грехи мира, повергнись с твоими грехами, скорбию, тугою, страхом от разверстых челюстей смерти и ада; и помяни, что горечь твоей чаши уже наибольшею частию испита в великой чаше Христовых страданий; что под бремя, на тебе тяготеющее, уже подложил Свою облегчающую руку крепкий Гефсиманский Подвижник; что твой Спаситель, совершивший для тебя всецелое дело твоего спасения, ожидает от тебя только *сообщения страстей Его*, какое возможно для твоей, хотя немощной, веры, любви и благодарности. Предайся же сему благодатному общению и не преставай предаваться всем сердцем. Если хотя с малою верою, упованием и любовью к сему приступишь: от самого сего упражнения получишь приращение веры, упования и любви, а с ними и победу над искушениями; потому что *вера есть победа побеждающая мир* (1 Иоан. V. 4); потому что *упование не посрамляет* (Римл. V. 5); потому что *ни высота*, по видимому, для нас недоступная, *ни глубина*, по видимому, нас поглощающая, *ни ина тварь кая возможет нас разлучити от любви Божия, яже о Христе Иисусе Господе нашем* (Римл. VIII. 39).

Благодарным ко Христу Господу сердцем да памятуем, братия, что *Той язвен бысть за грехи наша, и мучен бысть за беззакония наша, что наказание мира нашего на Нем было* (Исаии LIII. 5). И посему да блюдемся всемерно, чтобы не нарушать нашего в Нем мира, и не наносить Ему новых язв, делами, уязвляющими нашу совесть, но внимательным хранением заповедей и верною к благодати, да утверждаем себя в мире и общении со Отцем и Сыном и Святым Духом! Аминь.

CCLXXIX.

198. Слово

в день Преображения Господня.

(Говорено в Спасо-Вифанском монастыре августа 6-го;

<1845 год>

Приидите любящие учение истины: любовь ваша ныне награждается и удовлетворяется совершеннейшим учением высочайшей Истины. Приидите и маловнимательные к учению, или недовольные несовершенством и недостойнством преподающих оное; возбудите ваше внимание: ныне можете слышать Учителя, Котораго достоинство безпримерно, и, конечно, так же превосходно должно быть и учение. От Фавора слышна проповедь не учителя церковнаго, не Апостола, не Пророка, даже не Ангела, но самого Бога Отца. *Се глас из облака, глаголя: сей есть Сын Мой возлюбленный, о Немже благоволих: Того послушайте* (Матф. XVII. 5).

Учители церковные различают два вида спасительнаго учения: догматы и заповеди. Догмат есть Богом открытая истина, которой мы должны веровать для нашего спасения. Заповедь есть Богом данное повеление или правило, которое мы должны исполнять для нашего спасения.

Сей самый состав учения представляет и небесная Фаворская проповедь. *Сей есть Сын Мой возлюбленный, о Немже благоволих*: вот догмат! *Того послушайте*: вот заповедь!

О догмате была проповедь Божественная еще прежде, на Иордане. И там был глас с небесе глаголя: *Сей есть Сын Мой возлюбленный, о Немже благоволих* (Матф. III. 17). То была проповедь к первому проповеднику Новаго Завета, Иоанну Крестителю; и едва ли не один он в то время достаточно ее выразумел. Начинал он и сам проповедывать слышанное с неба, когда говорил о Иисусе: *Грядый свыше над всеми есть* (Иоан. III. 31), и еще: *Отец любит Сына, и вся даде в руке Его* (35): но проповедь Иоанна вскоре прекратилась, с его свободою и жизнью. Посему благопотребно то было для утверждения веры и благотворно для нашего неведения и маловерия, что догмат о Единородном Сыне Божиим вновь проповедан с неба на Фаворе трем первейшим из Апостолов, как трем, по закону, достаточным свидетелям, уготовляемым во вселенские проповедники веры. Ибо, хотя им в то же время и было заповедано *никомуже поведати видения* Фаворскаго, *дондеже Сын человеческий из мертвых воскреснет* (Матф. XVII. 9): но, по миновании предела сего запрещения, они имели сие видение одною из непоколебимых опор своего свидетельствования о Божестве, силе и Славе Иисуса Христа, как о сем пишет Апостол Петр в своем предсмертном послании: *сказахом вам силу и пришествие Господа нашего Иисуса Христа, самовидцы бывшие величества онаго. Прием бо от Бога Отца честь и славу, гласу пришедшу к Нему такову от велепных славы: сей есть Сын Мой возлюбленный, о Немже Аз благоизволих! И сей глас мы слышахом с небесе сшедши, с Ним суще на горе святей* (2 Петр. I. 16–18).

С благоговением и радостью да помышляем, братия, о святости и твердости веры во Иисуса Христа, Сына Божия, и с непрестающею благодарностию к открывшему ее и утвердившему Богу. *Тако бо возлюби Бог мир, яко и Сына Своего Единороднаго дал есть, да всяк веруяй в Онъ не погибнет, но имать живот вечный* (Иоан. III. 16). И дабы приготовить мир к принятию Его, предварительно *многочастне и многообразне древле Бог глагола отцем во пророцех* (Евр. I. 1), предвозвещая Его явление, и образы будущего явления Его представлял в праотцах и в законе, имевшем *сень грядущих благ* (Евр. X. 1). Когда же Он действительно явился в мире, но явился в естестве человеческом: тогда к открытию того, что скрывалось под сим покровом, употреблены были чудеса, являющая Божественную силу. Но как и чудеса, являя присутствие Божественной силы, не проявляют решительно Божескаго существа в лице чудотворца, потому что могут быть и

человеками совершаемы, по воле и силе Божией: то что еще надлежало делать, чтобы явить истинного Сына Божия в лице Иисуса? Провозгласить ли Ему Самого Себя? Не обинулся Он сделать сие, когда, например, сказал: *Аз и Отец едино есма* (Иоан. X. 30); и Его слово твердо было само собою, как слово самой Истины, и подтверждаемо было Его чудесами. Но поелику Он признал также, что для человеческого удостоверения недостаточно собственное о Себе свидетельство: *аще Аз свидетельствую о Мне, свидетельство Мое несть истинно* (Иоан. V. 31): то видите ли, какою преизбыточествующею мерою восполняется сей недостаток? Бог Отец, Который, по изъяснению Апостола, *во свете живет неприступнем, Егоже никтоже видел есть от человек, ниже видети может* (1 Тим. VI. 16), подвигся от Своей неведомой высоты, преклонил небеса, облек Свой неприступный свет в доступный созерцанию светлый облак, сократил Свое безконечное ведение и откровение безконечного в подобие человеческого гласа, и Сам проповедал единосущное с Собою Божество рабий зрак носящего Иисуса, нарекше Его Своим *Сыном возлюбленным*, ибо сын *возлюбленный* в священном языке означает сына *единородного*; а Сын Единородный не иной быть может, как *Единосущный* Отцу Своему.

Обратимся от догмата к заповеди.

В Богоявлении на Иордане провозглашен только догмат о Единосущном со Отцем Сыне Божиим: в видении на Фаворе к сему догмату присовокуплена заповедь: *Того послушайте!* То есть: вы должны как слушать учение воплощенного Сына Божия, так и вступить в деятельное к Нему послушание, и постоянно пребывать в сем послушании.

На Иордане провозглашать заповедь послушания для Иоанна было уже не нужно, а для других еще рано. Для Иоанна уже не нужно: поелику он уже исполнял сию заповедь, когда из послушания крестил Иисуса, препобеждая собственное убеждение, по которому желал сам от Него креститься, а не крестить Его. Для других еще рано: потому что на Иордане Христос явился еще только Своим лицом, к которому нужно было возбудить внимание и веру, а не открыл еще Своего учения, которое требовало повиновения.

На Фаворе заповедь послушания провозглашена, частию, может быть, соответственно с особенною потребностью свидетелей Фаворского видения. Ибо пред сим и первоверховный в вере Петр, хотя первый из Апостолов исповедал Иисуса *Христом Сыном Бога живаго* (Матф. XVI. 16), не оказал однако готовности препобеждать собственные убеждения покорностию слову Христову. Когда *начат Иисус сказовати учеником Своим, яко подобает Ему ити в Иерусалим, и много пострадати от старец и архиерей и книжник, и убиену быти, и в третий день востати*: тогда *Петр начат пререцати Ему, глаголя: милосерд Ты, Господи: не имать быти Тебе сие* (21. 22). Хотя же сие открытое прекословие таинству веры немедленно пресечено было строгим упреком Господа: однако, может быть, внутреннее расположение Петра требовало дальнейшего врачевания. Вероятно, сие врачевание продолжали Моисей и Илия, когда, беседуя с Иисусом на Фаворе, *глаголаста исход Его, Егоже хотяше скончати в Иерусалиме* (Лук. IX. 31), то есть, беседовали с Ним о предстоящих Ему страданиях и крестной смерти. Для них это была беседа созерцания и молитвы, а для Петра продолжение того учения о кресте, которому он дерзнул-было противоборствовать. Вероятно, сие врачевание довершал и Сам Пренебесный Врач силою Своего слова. *Того послушайте*; то есть, покаяйтесь учению воплощенного Сына Божия, хотя бы оно и казалось прекословным для вашего естественного мудрования, хотя бы оно вас оглашало страданием и крестом, среди вашего стремления к блаженству и славе.

Но как бы то ни было с Апостолом Петром и с двумя его соучастниками в Фаворском видении: то верно, что как догмат, так равно и заповедь, проповеданные на Фаворе, проповеданы не для них одних, но и для всех нас. Не для трех человек гласит с небес на землю Божественная Истина, но для спасения всего рода человеческого. *Глас Господень в крепости, глас Господень в великолепии* (Псал. XXVIII. 4). Он не ограничивается местом, не пресекается временем. С какою властью и силою возгремел он на Фаворе для трех учеников Христовых: с тою же самою властью и силою исходит он и ныне из Евангелия для всех учеников Христовых. И тогда, как властью всепокаряюще повелевает, силою вседействующею дает способность исполнять повеленное. Помыслим же, братия, что сею самою властью и силою сам Бог Отец вводит и нас в послушание возлюбленному Сыну Своему Иисусу Христу. Дерзнет ли кто не покориться сей Божественной власти? Кто не возжелает от сея спасительныя силы принять дар послушания? *Того послушайте!* Как не послушать всегда и во всем? Неужели ктонибудь не послушает?

Глаголет воплощенный Сын Божий: *веруйте в Бога, и в Мя веруйте* (Иоан. XIV. 1). *Послушайте* Его; и соделайте сию веру начальною движущею силою вашей жизни!

Начат Иисус, и еще не престаёт, *проповедати и глаголати: покайтесь, приблизися бо царство небесное* (Матф. IV. 17). *Послушайте* Его; и поспешайте путем покаяния достигать царства небеснаго близкаго, доколе правосудие, также близкое, не затворило дверей милосердия!

С горы, не так высокой, как Фавор, но тем удобнее всем доступной, учит Господь Иисус народы, и для разнообразнаго множества учеников указывает различные стези к блаженству, впрочем соединяющиеся в единый общий путь спасения: *блажени*, говорит, *нищии духом; блажени плачуущи; блажени кротцыи; блажени алчущи и жаждущи правды; блажени милостивии, чистии сердцем, миротворцы*; наконец *блажени изгнани правды ради и Мене ради* (Матф. V. 3–11), то есть, верные до страдания и смерти. *Послушайте* Божественнаго Наставника; и, если с первого взгляда трудным кажется пройти столь многия степени восхождения к блаженству, вступите хотя в некоторые из указанных стезей, более близкия, или соответственныя вашему настоящему положению, только непременно вступите и неленостно продолжайте идти. Поколику чувствуете себя в состоянии греха: держитесь стези плача, может быть, жесткой и неудобопроходной в начале, но в продолжении, без сомнения, приятной, и простирайтесь далее по стезе непрестаннаго алкания правды, не человеческой, но Божией, даруемой Иисусом Христом, *Иже бысть нам премудрость от Бога, правда же, и освящение, и избавление* (1 Кор. I. 30). Мнящие себя быть в чем-нибудь не малыми, поспешайте на стезю нищеты духовной и познания своего ничтожества. Искушаемые своею или других склонностию ко гневу и несогласию, с особенным усилием устремляйтесь на стези кротости и миролюбия. Подвизайтесь для чистоты сердца, не менее чистоты внешних дел: ибо на сердце зрит всечистое око Божие. Не чуждайтесь и крестнаго пути, слыша Господа глаголющаго: *аще кто хочет по Мне идти, да отвержется себе и возмет крест свой, и по Мне грядет* (Матф. XVI. 24). Не прекословьте слову креста вашего, как Петр напрасно прекословил слову креста Христова. Не находим ли мы высокаго удовольствия, если можем перенести трудный подвиг для человека, котораго чтим и любим? Из сего, по восхождению от малаго к великому, самое верное заключение есть то, что, если охотно понесем крест для Христа, найдем блаженство в самом подвиге, прежде блаженства за подвиг. Не отречемся же взять крест свой, да распнемся плоти, умерщвляя похоти ея; да распнемся миру, не прельщаясь его блеском и славою; да распнемся нашему самолюбию, подвизаясь всегда действовать, говорить, мыслить и жить для Христа, да живет в нас Христос!

Христиане! Всяким и всегдашним послушанием *послушайте* Христа Господа, Который *быть* и будет *послушающим Его* виновен спасения вечного (Евр. V. 9). Слава Ему со Отцем и Святым Духом во веки! Аминь.

CCLXXX.

199. Слово

в день Успения Пресвятыя Богородицы.

(Говорено в Успенском соборе августа 15 дня;

напечатано в Твор. Св. От. 1845 г. и в собрании 1848 г.)

<1845 год>

*Иисус же, видев Матерь и ученика стояща,
егоже любяще, глагола Матери Своей:
Жено, се сын Твой. Потом глагола ученику:
се мати твоя. И от того часа поят Ю
ученик
во свояси. Иоан. XIX. 26. 27.*

Теперь уже не ученик распятого Иисуса осиротевшую Матерь Его *поят во свояси*, в малый дом. Сам Господь Иисус, царствующий на небесах, Преподобную Матерь Свою *поят во свояси*, во многия обители в дому Отца Своего, в блаженное созерцание и причастие славы, юже имел Он у Отца, прежде мир не бысть.

Теперь не одного ученика Своего дает Он Ей в сына, чтобы Она упокоена была его сыновним служением: но всех учеников Своих, всех православно верующих христиан дает Он Ей в сыны и дщери, чтобы они пользовались Ея материнским попечением.

Отходя в Церковь небесную, Она чудесно собирает к Себе верховных представителей Церкви, рассеянных по земле: и тем дает знамение, что союз Ея с верующими на земли не только не прерывается Ея отхождением, но еще отселе становится крепче, обширнее и деятельнее, и что живущая в Ней благодать, столь долго сокрываемая смирением, должна открыться из Ея гроба, и наполнить Вселенскую Церковь Ея славою, по Ея раннему, некогда невероятному, но совершенно верному предсказанию: *ублажат Мя вси роди.*

Такова судьба Пресвятыя Приснодевы, в Ея успении для жизни земной, временной, в Ея пробуждении к жизни небесной, вечной.

Каким путем достигнуто до такой высоты блаженства и славы? – Сей вопрос предложить и разсматривать может не одна праздная любознательность, но и любовь к учению спасительному. Ибо, хотя судьба Пресвятыя Богородицы, в своем особенном виде и степени, безпримерна, но вообще, как судьба души совершившейся и блаженной, она есть следствие тех сил, расположений, действий и подвигов, которыми пролагается и совершается общий для всех людей путь спасения.

Не легко было бы обозреть весь путь жизни Пресвятыя Девы, большею частию закрытый и Ея безмолвием и молчанием Евангельской Истории. Впрочем некоторые следы онаго мы не однократно указывали вниманию и подражанию верующих, при подобных

настоящему торжествах. На сей раз остановимся на одном возвышенном месте сего пути, открытом в Евангелии, чтобы обозреть хотя некоторую часть сего пути, открывающуюся с сего возвышения.

Высота, на которую возвожу вашу мысль, есть гора Голгофа. Там, в часы, спасительные для всего рода человеческого, но вместе страшные для всего сотворенного, – тогда, как совершаемое всеобщее спасение не было сознаваемо даже избранными из человеков, а всеобщий страх чувствовали даже камни, тогда, как, по выражению Пророка, был *Живот* человека *висящ пред очами* человека, но человек видел только страдание и смерть, при зрелище, от которого и чуждые оному, и враги, отходили растерзанные состраданием, – *бьюще в перси своя возвращахуся*, – там, при кресте распятого Иисуса, стояла Его Преподобная Мать.

Какой чудный свет на Ея внутреннюю жизнь проливают сии мрачные Голгофские часы!

Вспомним, что время страдания Христова было время опасности для всех, к Нему близких. Сие видно из собственных Его слов, которыми Он, предавая Себя в руки врагов, устранял подобную опасность от учеников Своих: *аще убо Мене ищете, оставите сих и идти*. Но как Он мог истребовать пощады Своим ученикам от тех, которые не щадили Его Самого? – Всепокаряющею силою Своего Божественного слова, которую, на сей конец, непосредственно пред сим, чудесно явил, низложив спину и скопище на землю, единым словом: *Аз есмь*. Евангелист, повествуя о сем происшествии, присовокупляет, что Господь ранее предсказал оное, и оно исполнилось согласно с предсказанием. *Да сбудется слово, еже рече; яко ихже дал еси Мне, не погубих от них никогоже*. Это значит, что близкие к Господу, во время страдания Его, не только находились в опасности, но и погибли бы, если бы Он сего не отвратил особенным провидением. От сей опасности, от сей близкой гибели, *ученицы вси, оставльше Его, бежаша*, – *вси*, не исключая Петра, который потом отважился-было вступить за Иисусом во двор Архиереев, но не выдержал испытания, – не исключая Иоанна, которому, впрочем, вскоре любовь возвратила мужество, и повела его за возлюбленным Учителем до креста. Но Мать Господню не видим ни в страхе, ни в бегстве, а видим *стоящую при кресте Иисусове*. Итак не видите ли, что Она стоит в духе, выше всеобщего страха, выше Своей личной опасности, выше Апостольского мужества?

Кто сказал бы, что Пресвятой Деве свойственно было паче всех устремляться в близость к Своему страждущему Сыну, по естественной материнской любви, тот показал бы себя слабым истолкователем Ея Голгофского стояния. Если взять в разсуждение одну естественную материнскую любовь: то чего надлежало бы ожидать для Ея сердца, чувства, жизни, от страданий Сына Ея, при виде которых и чуждые били себя в перси, и земля трепетала, и камни, вздыхая, разрывались, и солнце было в обмороке? – Нет, естественная любовь не столько изъясняет, сколько делает непонятным то, каким образом Пресвятая Дева могла *стоять* при кресте, не поражаясь страхом, не предаваясь нетерпеливой скорби, не повергаясь в безжизненное изнеможение. Чем же может быть изъяснено сие высокое мужество и крепость духа? – Не иным чем, как Ея глубокою преданностию судьбам Божиим, Ея верою в Божественную силу Своего Сына, известную Ей более всех, из явных и тайных чудес всей земной жизни Его, Ея познанием Христовых таин, которая всех ранее Она постигла, и всех совершеннее соблюдала в сердце Своем. Вера, упование паче упования, любовь, не естественная только, но верою возвышенная в духовную и божественную, питали в Ней внутренний животворный *свет*, которого *не объят* тма и смерть, и ужасы Голгофские, и с которым неколеблющеюся стопою достигла Она в открытый свет и радость Христа воскресшаго.

Прииди, христианская душа, всмотрись прилежно в следы Царицы Небесной: ибо следы Ея суть указание пути к Богу и для тебя, по реченному: *приведутся Царю девы в след Ея*.

Не убегай от мысли о страдании Христовом, ни по невниманию, ни по своемудрию, ни по малодушию: ибо нет инаго пути ко спасению, как чрез Голгофу и крест.

Приближайся к распятому Господу верою, упованием, любовью; и твердо пред Ним поставляй себя благоговейным размышлением и молитвою. В сем найдешь свет для твоего пути, и силу для твоего шествия.

Если опасность, бедствие, скорбь, непосредственно, или в лице присных, тебя постигающая, колеблют твое мужество, истощают твое терпение! помяни Матерь Господа, стоявшую при кресте Его, и разсматриванием Ея безмерной и безвинной скорби, и непобедимаго мужества и терпения, возбуди себя к мужеству и терпению, в твоих, по сравнению, конечно, малых и, вероятно, не безвинных скорбях, прося в то же время от Нея пособия из талантов благодатной духовной крепости, у Нея преизобильно умноженных верным и благословенным деланием.

Посмотрим еще, как с высоты Голгофы открывается некоторая низшая, но тем не менее достопримечательная часть пути, которым текла Преподобная Мария к вечной славе.

Евангелие повествует, что Спаситель наш, видев при кресте Своем Свою Матерь и возлюбленного ученика Своего Иоанна, *глагола Матери Своей: Жено, се сын Твой. Потом же глагола ученику: се мати твоя*. В сих изречениях видим любовь Божественного Сына к земной Матери, которую Он хочет не просто утешить в лишении Сына, но как бы возратить Ей Себя в другом лице, и, чтобы почтить Ея девство, и вместе наградить девство возлюбленного ученика, избирает Девственника Иоанна в нареченного сына Приснодевы. Но мы не догадались бы, что в особенности заключается в оных изречениях Господних, если бы возлюбленный ученик, без сомнения, лучше всех понимающий сердце и мысль своего Учителя, не изъяснил оных, исполнением. Каким исполнением? – *От того часа поят Ю ученик во свояси*. Из сего открывается, что усыновление Иоанна Пресвятой Деве призывало его, между прочим, к тому, чтобы обезпечить Ея жилищем и потребностями жизни временной, и что, следственно, собственного в сем обезпечения Она не имела. Должно думать, что Ея любовь и вера к Божественному Сыну побуждала Ее быть всегда, сколь можно, близко к Нему в Его непрерывном странствовании по градам, весям и пустыням: и потому как Он *чужд* был *братии* Своей, так и Она; как Он *не имел, где главы поклонити*, так и Она.

Так Пресвятая Дева, шествуя во внутренней жизни путем веры и совершенной преданности в волю Божию, в жизни внешней шла путем отрешения от земных привязанностей, от земных благ и удовольствий, путем простоты, нестяжательности, добровольных лишений, приносимых в жертву вере и Богу.

Взирай, христианин, на сии благословенные следы, и будь внимателен, чтобы путь твоей жизни был, по крайней мере, не слишком удален от оных.

Поют Ю ученик во свояси. Видишь ли? Матерь Царя Небеснаго не в чертогах, не в великолепии, не среди множества служащих и ждущих мановения; Она пешешествует по стогне, в сопровождении одного рыбака, чтобы обитать в малом, и то чужом, доме, без славы, без блеска, в тишине, в простоте, чтобы пользоваться только таким успокоением и

служением, какое может быть Ей принесено благоговейным усердием бедного и одинокого рыбака.

Взирай на сие, и учись не высоко ценить богатство, не алкать удовольствий, не гоняться за славою, не прельщаться блеском, любить простоту и тихую посредственность, не презирать нищеты, когда встречаешь ее у других, не страшиться ее, если она тебя посетить хочет, не стыдиться ее, если она уже поселилась с тобою.

Не отнимаем у тебя земных благ, если Провидение дает их тебе; пользуйся ими с благодарностию к Богу, с благотворительностию к ближним, со смирением: но внимай себе и своему сердцу, чтобы оно не прилеплялось к ним, а всячески отрешалось от них.

Если ты находишься на пути к небу, как и должно быть: то не обременяй себя много добровольно землею, чтобы не пасть в расслаблении на неокончанном пути.

Прекрасный, но и страшный, и, без сомнения, вполне истинный закон судьбы нашей открыл нам Спаситель наш, когда сказал: *идеже есть сокровище ваше, ту и сердце ваше будет*. Сокровищем назвал Он то, чем пленяется наша мысль, к чему с преодолеваемою силою стремится господствующая в нас склонность. Посему мы сами определяем нашу судьбу; мы носим ее в себе, в господствующей в нас склонности. Если наше сокровище, предмет господствующаго в нас желания, находится и остается на земли, в земных благах, стяжаниях, удовольствиях, славе: то здесь долу останется и наше сердце; а где наше сердце, там наша жизнь, там наш жребий; и потому он не найдется на небе. Изберем же и уготовим себе лучший жребий; расположим себя так, чтобы не на земли было наше сокровище. *Скрывайте себе сокровище на небеси*; туда непрестанно переносите ваши мысли, ваши желания, вашу любовь; и будет там ваше сердце, ваша жизнь, ваша радость, ваше блаженство, благодатию и щедротами Отца и Сына и Святаго Духа во веки. Аминь.

CCLXXXI.

200. Слово

по освящении устроеннаго при Московской

Глазной больнице храма Христа Спасителя,

отверзающаго очи слепому.

(Говорено октября 28;

напечатано отдельно и в собрании 1848 г.)

<1845 год>

Слава Господу Человеколюбцу! Слава Господу Светодавцу! Призрел Он оком Божественнаго человеколюбия на бедствующих братий наших, лишенных, или угрожаемых лишением света очей, и подвинул человеколюбие человеческое, устроить для оных сие прибежище, и доставить им надежные средства врачевания. Но сего не довольно было для человеколюбия Христианскаго. Еще позаботилось оно, чтобы здесь не повторился обоюдный *суд*, на который Господь указал во днех плоти Своя, *да невидящими видят* – телесно, и *видящими слепи будут* – духовно (Иоан. IX. 39), чтобы ищущие здесь облегчения в общении с светом солнечным не встречали затруднения в общении с светом

Христовым. И вот, среди врачевницы телесной явилась врачевница душевная, открытая сокровищница благодатного света. Слава Господу Светодавцу! Слава Господу Человеколюбцу! Благословенны да будут орудия Его человеколюбия. Да изливается обильно животворящий свет Его на них и чрез них. Да действует здесь всегда суд милости: *да невидящие видят*. Да сохранит нас светодавец от суда отвержения: *да видящие слепи будут*.

Чтобы предохранить себя от сего последнего, весьма печального суда, мы должны памятовать, братия, что источник света и духовное глазное врачевство имеем мы в Евангелии. Не упустим настоящего случая, чтобы воспользоваться сим врачевным пособием, которое никому и никогда неизлишне, потому, что и невидящим дает видеть, и видящим умножает свет.

Из Евангелия слышали мы ныне повествование о том, каким образом Спаситель наш даровал зрение слепому от рождения, употребив для того брение от плюновения и умовение в купели Силоамской.

Дивно сие чудо, а притом и способ чудодействия примечателен, и возбуждает размышление.

Хотя мы не можем испытать глубин премудрости Божией, однако и то справедливо, что имеем повеление *испытывать писания*; и, как говорит Святой Златоуст (на Иоан. Бесед. 57), *кто хочет от чтения какую либо пользу приобрести, тот ни малых глаголов опускати не должен*. Что же значат глаголы: *плюну на землю, и сотвори брение от плюновения, и помаза очи брением слепому*; и потом: *иди, умойся в купели Силоамсте* (Иоан. IX. 6. 7)? Для чего в других случаях Господь исцелял словом, иногда прикосновением; а теперь употребляет еще посторонния вещества, земную персть и воду? Для чего не одну персть, и не одну воду, но и ту, и другую?

Во-первых, вероятно, для того, чтобы возбудить, испытать и явить веру исцеляемого, потребную для исцеления, и назидательную для нас. Так поступал Он и в других случаях. Для чего, например, спросил расслабленного: *хочеши ли цел быти*? Не ведал ли, по всеведению, что хочет? И просто не понятно ли, что расслабленному хочется быть здоровым? Следственно спросил не для того, чтобы узнать, но чтобы упавший от беспомощности в безнадежность дух восподнять, чтобы веру возбудить, и тем положить начало исцелению. Подобно и слепому, положив брение на очи, дал ощутить Свое человеколюбие и снисхождение к нищему, возбудил в нем доверие и надежду; и потому, когда в след за сим послал его к купели Силоамской, слепой не усомнился от того, что брение не оказало никакого действия, не подумал, что и вода Силоамская не более обещает, но пошел безпрекословно, и таким образом сделал дело веры.

Во вторых, брение от плюновения и Силоам употреблены были Господом, вероятно для того, чтобы чудодействию, к затмению которого усилия Иудейского сонмища Он провидел, приобрести многих свидетелей. Сколько посторонних глаз обратил на себя слепец, когда шел к купели в странном виде, с помазанными брением глазами, сколько глаз при самой купели, во время сааго прозрения, и при возвращении с глазами, уже видящими! Все, видящие сие, знали, что вода Силоамская не дает зрения, а пыль с дороги еще менее: следственно все узнали в прозрении слепорожденного Божественное чудо.

В третьих, есть, вероятно, в вещественных знамениях чудодействия Христова и еще, – скажу опять словами Святаго Златоуста, – *великий и во глубине сокровенный разум*. Земная персть, которую взял Иисус, и сотворил зрение слепому, не говорила ли о Нем Иудеям:

узнайте в Нем того первоначального и верховного Чудотворца, Который, по сказанию древнейшей из ваших священных книг, взял земную персть, и сотворил человека? *Силоам еже говорится, послан*, то есть, которого наименование означает *посланника*, – Силоам, который передал слепому зрение, посланное от Иисуса, не говорил ли о нем Иудеям: узнайте в Нем *Посланника* Божия, Которого я предвещал вам издавна моим до сих пор не разгаданным, и теперь только разгаданным именем?

Сего довольно о сокровенном разуме глаголов и знамений Евангельских. Возьмем из того же повествования Евангельского более открытое изречение Господне, которое может ввести нас в размышления, более близкия к руководству и управлению нашей жизни.

Мне, сказал Господь пред исцелением слепорожденного, *подобает делати дела Пославшаго Мя, дондеже день есть: приидет нощь, егда никтоже может делати*. Сын Божий, всевластный и всесвободный, провозглашает Свою обязанность делать дела Отца Своего небесного ради спасения человеков, и Свою покорность сей обязанности; Он какбы побуждает Себя к деланию неотлагательному, пока есть время, *дондеже день есть*. Для чего это? – Без сомнения, для того, чтобы нам дать пример и наставление уважать наши обязанности, смиренно покаяться им, исполнять их ревностно и без отлагательства.

Чтобы глубже ощутить силу сего наставления, и применить оное к нашей жизни, обратим внимание, во первых, на то обстоятельство, что Господь подвизает Себя к деланию, по случаю, мимоходно встреченному. *Мимойдый*, говорит Евангелист, *виде человека слепа от рождества*. Слепой нищий сидел на дороге: Господь Иисус проходил мимо. Не видно, чтобы слепой призывал Его, или просил о исцелении. Не было, по видимому, причины останавливаться; не было нужды действовать. Но Господь Иисус останавливается, и говорит: *Мне подобает делати*. Почему так? Потому что благость побуждает; потому что человеколюбие требует; потому что есть случай сделать доброе дело; потому что доброго дела, которое можно сделать в нынешний день и в теперешний час, не должно отлагать до другого; потому что случай к добру может пройти, и с утраченным случаем утратилось бы добро, которому он благоприятствовал.

Надобно ли напоминать вам, Христиане, чтобы, по образу Христову, вы не проходили мимо нищего, или иным образом несчастного, не оказав ему помощи, если можете, и чтобы не дожидались вопля и слез, когда самый вид нещастия, без слов напоминает о помощи? Или и без меня, при случае, напомнит вам о сем ваше сердце?

Есть дело не так случайное, и более к каждому из нас близкое, требующее всей нашей заботливости. Одного ли Христа послал Бог Отец, одних ли Апостолов избрал Христос делати дела Пославшаго их? И тебя, кто бы ты ни был, не послал ли в мир сей Бог, Творец твой и Провидец путей твоих? И если послал, то не дал ли тебе и дела Пославший тебя? Христа послал Бог Отец, Апостолов призвал Христос, делать дело спасения всех душ человеческих, – по крайней мере, всех, которые согласятся принять спасение: Тебя Бог послал в мир сей, тебя Христос призвал в Церковь Свою, чтобы делать дело спасения, по крайней мере, одной твоей собственной души, – дело, которого ты не совершишь без Христа, но которого и Христос не совершит без тебя, без участия свободы, при сотворении тебе дарованной, и у тебя не отъемлемой. О сем деле вопрошали некогда Господа Иудеи: *что сотворим, да делаем дела Божия?* и получили ясный ответ: *се есть дело Божие, да веруете в Того, Его же посла Он* (Иоан. VI. 28. 29). Над слепцем Иерусалимским совершилось дело Божие тем, что он прозрел, но еще более тем, что уверовал во Христа: совершилось ли подобное сему и над твоею душою, сын Иерусалима нового? Не сидит ли еще твой внутренний человек, подобно слепцу, на распутии, – не сидит ли во тме неведения и в смертной сени греха, не видя света Божия, ни пути

спасения, едва зная имя Христа Спасителя, не испытывая над собою действия спасительной силы Его? Христос Спаситель с Своей стороны не проходит мимо никого из нас. В безпредельной премудрости Своей непрестанно шествует к безчисленным целям облагодетельствия и облаженствования различных Своих творений, в безпредельном милосердии Своем Он останавливается над каждым из нас; приближается с готовою каждому спасительною помощью: но как часто мы, в легкомыслии нашем, не познаем Его к нам близости, не приемлем помощи Его, или принятой не сохраняем! Не омыл ли уже Он нас в купели, лучшей, нежели Силоамская, – в купели святого крещения? И для несохранивших чистоты по крещении, не уготовал ли новой бани покаяния? В таинственных образах и священных знамениях не предлагает ли Он нам Свою спасительную силу, подобно как некогда светодательную силу слепому в бдении от Своего плюновения? Не сияет ли Он на нас Своим Божественным светом из Своего Евангелия? Как много сделал и делает Он для нас: а много ли мы для Него, и вместе для нашего истинного блага? Как много у нас дел нужды и произвола, дел временной выгоды и минутного удовольствия, дел суеты и страсти! Как охотно мы их изыскиваем, умножаем, изнуряем себя ими: а между тем, как мало, как несовершенно многие из нас пользуются удобными и готовыми средствами спасительного делания? Надобно нам, братия, уменьшать, сокращать, отсекавать заботы о делах плоти тлеющей и мира преходящего, и возбудить себя к деятельному попечению о бессмертной душе нашей. Надобно поставить себе в основание деятельности ту истину, что из всех дел на свете важнейшие суть те, которые совершаются между Богом и душою, – дело покаяния, дело веры, дело молитвы, дело нашего духовного просвещения и освящения. *Подобает делати дела Божия.*

Другое примечательное обстоятельство Господня изречения о спасительном делании есть то, что Он сим изречением пресек любознательный разговор, и поспешил к делу исцеления. При виде слепорожденного, ученики спросили Господа: *сей согрешил или родители его, да слеп родися?* Вопрос, по-видимому, достойный обстоятельного разрешения; поелику клонился к познанию путей Провидения. Но Господь немногими словами отверг догадки человеческия: *ни сей согрешил, ни родители его*; и еще с более усиленною краткостью указал путь Божий: *да явятся дела Божия на нем*. Ответ сей подавал случай к новому вопросу: для чего же он терпел слепоту прежде, нежели явились на нем дела Божии? Но Господь не допустил продолжаться состязанию, и тотчас присовокупил: *Мне подобает делати дела Пославишаго Мя*, и приступил к исцелению слепорожденного. Сей быстрый переход от любознательной беседы к спасительному делу, весьма знаменателен. Он говорил Апостолам: не должно коснеть в испытании сокровенного, когда надлежит делать полезное; не испытание судеб нужно несчастному, а помощь; слепорожденный сам оправдает судьбу свою, когда прозрит, и с тем вместе за кратковременное лишение света видимого получит блаженное просвещение вечным Божественным светом; Христос явился не удовлетворять любопытствующих, но спасти погибающих; да будет менее слов, но более дела: *Мне подобает делати*.

Не сказано ли сим нечто и для наших дел, как для дел пользы и милости, так и для главного дела спасения.

Иногда, при виде нищаго, испытующий помысл говорит нам: не сей ли согрешил? Не от своего ли греха он нищ? Не от праздности ли? Не от невоздержания ли? Не притворно ли является нищим? Кто легко предается таким помыслам: тот подвергает себя опасности осуждать невинных, и притом несчастных, пропускать случаи к благодетельствованию, и наконец потерять расположение к благодетельствованию. Как же охранить себя от сей опасности? – Должно помнить, что в отношении к бедствующим долг и польза не в том состоит, чтоб испытывать и судить, а в том, чтоб благотворить: *подобает делати*. Лучше добродушное

дело, нежели тонкое испытание. Лучше слепая лепта нищему от сердца, нежели пронизательная холодность сердца.

И в отношении к делу спасения нашего, люди, мнящиеся быть разборчивее других, не предлагают ли себе вопросов, которые более затрудняют, нежели приносят пользу? Как могло случиться, что согрешили Прародители? Как мы от них наследовали грех и наказание? Как смерть Иисуса Христа заглаживает все грехи, и уничтожает их последствия? Кто без нужды много вдается в подобные испытания: тот легко может в них запутаться, и быть остановлен на пути к делу. Поспешите же разрешить все вкратце. Что есть в мире грех, ты видишь. Что есть грех и в тебе, ты чувствуешь. А каким образом Христос исцеляет от греха и освобождает от вечного осуждения, иди, узнай самым делом. Покайся, веруй, начни деятельно вести жизнь Христианскую. *Подобает делати*. На твое усердное дело, без сомнения, придет чудное дело Божие, и в нем явится тебе и премудрость Божия, в тайне сокровенная.

Еще назидательное для нас обстоятельство изречения Господня о спасительном делании заключается в том, что Он подвигнул Себя к деланию, не смотря на предвидимые затруднения со стороны человеков. Известно, что Иудеи *гоняху Иисуса, и искаху Его убити* (Иоан. V. 16), за совершение исцелений в день субботный, по тогдашнему времени, праздничный, признавая сие нарушением святости праздника; хотя не трудно понять, что если день святится воспоминанием прошедших благодеяний Божиих; то кольми паче святится он настоящим чудесным благодеянием Божиим. Сие неблагоприятное последствие, без сомнения, было пред очами всеведения Иисусова, когда Он приступал к исцелению слепорожденного: и, кажется, почему бы не отложить дела до следующего дня, чтобы не дано было повода пререканию и клевете? Такое разсуждение благоразумным было бы почтено у сынов человеческих: но его не приняла премудрость Сына Божия. Она учит нас, что дел, возложенных на нас Богом, нельзя отлагать в угодность человекам; что должно исполнять оныя неукоснительно и неуклонно, пока есть благовременность. *Подобает делати, дондеже день есть*.

Господствующий ныне образ мыслей, конечно, не потребует большой строгости в соблюдении праздников. Он скорее возстанет против сей строгости. Ты хотел бы весь праздничный день посвятить молитве, помышлению о Боге, деланию добра, как и должно по назначению праздника: но тебе уступают для сего только немногие часы праздничного утра; и почти на весь день приглашают тебя к участию в обществах и занятиях совершенно мирских и суетных, если не совершенно греховных; и если откажешься, имеешь причину опасаться, что покажешься странным, и что на тебя негодовать будут. Что же ты сделаешь? На что решишься? Будь довольно благоразумен, возлюбленный; скажи себе: мне подобает и всегда, тем необходимее в день Господень, делать дела угодныя Господу. О если бы ты был и довольно тверд, чтобы обратить сии слова в самое дело!

Но чтобы не слишком продолжить слово, поспешим обратить внимание на то, что Господь и Сам поспешает своим спасительным деланием. *Мне подобает делати, дондеже день есть; придет ночь, егда никтоже может делати*. О Господи! Тебе ли поспешать, и беречь какой-нибудь день; – Тебе ли, сотворившему все дни, имеющему целую вечность для Твоих чудных дел? Что за день, в который Ты хочешь вместить дела Твои? Что за ночь, которая может угрожать Твоему дню? Господь изъясняет Свою притчу, когда говорит: *егда в мире есмь, Свет есмь миру*. Присутствие солнца определяет день естественный: видимое на земли присутствие Солнца правды, Бога являшагося во плоти, определяет благодатный день особенного Божественного делания. Ночь после сего дня есть время страдания и смерти Христовой. О ночь, в которую подлинно никто же может

делати! В продолжение земного дня Христова, не только Христос, но и Апостолы Его, под руководством сего Великого Делателя, делали многое. Они уверовали в Него, последовали за Ним, проповедывали, исцеляли: все сие пресекалось, когда наступила грозная ночь, до нового дня воскресения Христова. *Ночь, егда никтоже может делати.* Как сильно бурная ночь сия колебала веру, насажденную Господом Иисусом в сердцах учеников Его! Как не далеко уже было до того, чтобы сатана, который просил сеять их яко пшеницу, развеял их в конец, и чтобы дело спасения соделываемое посреде земли на кресте, в то же самое время разрушено было в душах избранных для распространения онаго! Чтобы не допустить сего, много надлежало предварительно сделать Спасителю нашему, глубоко положить основания веры в первых учениках своих, и сильно укрепить, то учением, то чудесами, то Своею всемошною молитвою. Имея все сие пред очами Своего всеведения, Он, как бы дорожа временем и поспешая, говорит: *Мне подобает делати дела Пославшаго Мя, дондеже день есть.*

Видишь ли, кратковременный сын времени, как Сам Вечный бережет время, которое ты расточаешь? Он не коснит делом твоего спасения: а ты медлишь делом твоего собственного спасения. Он поспешает: а ты откладываешь. Утром говоришь: начну дело с полудня; в полдень даешь себе тоже обещание для вечера; вечером еще отсрочиваешь, думая, что это еще не последний час. В юности говоришь: попокусь о душе в летах зрелости; в зрелых летах, развлеченный более прежнего делами житейскими, успокоиваешь себя надеждою в старости пожить для Бога и для души; в старости обезпечиваешь себя мыслию, что еще можно принести чистое покаяние во время последней болезни. Так проходит утро, и полдень, и вечер, и после сего, конечно, весьма вероятно, что не готового застанет тебя смертная *ночь, егда никто же может делати.* Не указывай мне на разбойника, который в последние минуты своего дня сделал более, нежели другие в целый день свой. Такой успех не довольно надежен, потому что редок, и, может быть, дается не просто, а в особенности людям, у которых в прошедшей мирской жизни были некоторые дела, сокровенно привлекавшая благодать. Но вот, что известно гораздо вернее: день земли всегда оканчивается вечером: а день жизни человеческой не редко прежде вечера, прежде полудня, пресекает ночь смертная. В таком случае, куда пойдут надежды откладывающего, если не в адскую ночь, в которой никто не может делать, чего не сделано в продолжение дня земной жизни, не возвратно прошедшаго? Притом не надобно терять из вида, что и благовременность делать некоторые дела, служащая к нашему спасению, встречает иногда свою ночь прежде, нежели оканчивается день жизни. Теперь, например, ты живешь в изобилии: благо тебе, если поспешаешь делать дела милосердия, *дондеже день есть.* Может быть, буквально, в следующую ночь тать или огонь, или другая нечаянность сделает то, что ты не в состоянии будешь *сотворити себе други от мамоны неправды, да, егда оскудееши* другими добродетелями, *пришмут тя в вечныя кровы* (Лук. XVI. 9).

Молитвами Святых Отец наших, да возбудит благодать Божия всех нас *делати дела* угодныя Богу, и полезныя душам нашим, *дондеже день есть*, и доводить оныя до такого совершенства, чтобы оне могли *ходить в след с нами* (Апок. XIV. 13), и сквозь смертную ночь проникнуть с нами до нового, лучшего, невечернего дня блаженного воскресения и жизни вечныя. Аминь.

ССLXXXII.

201. Слово

в день восшествия на всероссийский

**престол Благочестивейшаго
Государя Императора Николая Павловича.**

(Говорено в Чудове монастыре ноября 20-го;

напечатано в Твор Св. От. 1845 г. и в собрании 1848 г.)

<1845 год>

Всех почитайте: братство возлюбите, Бога бойтесь, царя чтите. (1 Петр. II.17)

Премудрость говорит в Притчах, что в глаголах уст ея *ничтоже стропотно, вся проста разумевающим, и права обретающим разум* (Притч. VIII. 8. 9). Не таковы ли точно глаголы премудрости из уст Апостола Петра, теперь прочитанные? Как проста в них премудрость, и как премудра простота!

Всех почитайте: вот общее учение об обязанности каждого ко всем. *Братство возлюбите*: вот особенное учение об обязанности христианина к христианину. *Бога бойтесь*: вот нравственное Богословие, довольно понятное и для не Богослова, и для Богослова довольно глубоко умудряющее только бы он был не простой любопытствующий слушатель, а прилежный исполнитель учения. *Царя чтите*: вот вся наука для членов государства, или, как называют одним словом, политика Апостольская и Христианская.

Заповедь: *царя чтите*, сделала нынешний день торжественным. Заповедь: *Бога бойтесь*, собрала нас торжествующих во храм. Знаем, что *несть власть, аще не от Бога* (Рим. XIII. I): что Им *царие царствуют* (Притч. VIII. 15). И потому пред Бога приносим благодарение за Царя, Богом дарованного и Богом хранимого; пред Бога приносим желания, да и в грядущее время, – *Господи, силою Твоею возвеселится Царь, и о спасении Твоем возрадуется зело* (Псал. XX. 2).

От заповедей святого Апостола, видимых в исполнении, следственно уже понятых и принятых, обратимся к той части его учения, о которой можно усомниться, всеми ли она понята и принята к исполнению.

Всех почитайте. Все ли мы почитаем всех? Например, почитаем ли работника? Почитаем ли узника, своею виною доведенного до темницы? Точно ли должно, и как можно почитать и сих? – Сии вопросы показывают, что требуется некоторый труд размышления, чтобы *обрести разум* Апостольского изречения, и чтобы оно явилось простым к разумению, и *правым* в исполнении.

Почитать человека, или воздавать ему честь, значит признавать в нем некоторое достоинство, и с сим достоинством сообразоваться в мыслях, словах и действиях, к нему относящихся. Поколику достоинство принадлежит не всем, а токмо некоторым людям, и бывает не одного рода, и разных степеней: потолику и честь должна принадлежать только некоторым, и в разных степенях. Сюда относится изречение Апостола Павла: *воздадите всем должная, – ему же честь, честь* (Рим. XIII. 7). Здесь видно, что есть род чести, которую воздавать должно не всякому, а только тому, кому она по справедливости приличествует. Честь, принадлежащая царю, не может, без святотатства, быть отнесена подданному. Степень чести, присвоенный начальнику, не принадлежит подчиненному.

Почтения, которого, по естественному праву и по закону Божию, требует отец от сына, не может требовать сын от отца.

Есть род чести, независящий от других родов и степеней, более общий и свободно достигаемый, однако не всеобщий. Это честь, принадлежащая нравственному достоинству человека, по слову Апостола Павла: *слава и честь и мир всякому делающему благое* (Рим. II. 10). По сему правилу почтены могут быть и те, которые стоят на низших степенях общества и обыкновенного мнения общественного. И Самарянин человеколюбивый достоин почтения, и притом преимущественно пред священником жестокосердым. И раб верный и усердный в делах господина своего достоин почтения, и притом более, нежели свободный, не на добро употребляющий свою свободу.

Не колебля ни одного из особенных родов и степеней чести, но и не ограничиваясь ими, Апостольское слово нам возвещает еще всеобщий закон почтения, которым все и каждый обязаны всем и каждому: *всех почитайте*. Как бы ни малою казалась мера достоинства в некоторых людях: имейте и для них в готовности соответственную меру почтения, ко всем должника: *всех почитайте*. Неужели посему, должно почитать и таких людей, которые сами поколебали свое право на почтение делами неблагодарными, низкими, порочными? – Гордость моя не хотела бы, но Апостольская заповедь велит и сих почитать, если не положительно, по крайней мере отрицательно, то есть, не презирать; потому что заповедь дана без исключения: *всех почитайте*. Но можно ли не презирать таких людей? – Если должно; то, конечно, и можно: потому что мудрость Евангельская не заповедует невозможного. Отделите от человека дела неблагодарные, низкие, порочные: отвращайтесь от них, презирайте их. Отделите человека от его дел, – и окажется возможным не презирать его.

Видя груду золотоносной земли, не знающий презрит ее, а знающий не презрит, ради крупиц золота, в ней заключенных. Подобно сему, смотря на человека, представляющего неприятный вид необразованности, грубости, беспорядка, порока, невнимательный презрит его, а внимательный пожалеет, но не презрит: потому что и в сей неблагообразной глыбе есть золото. Какое золото? – Существо человека, и особенно его душа.

Если с уважением смотрят и на малое дело великаго делателя, например, на какоенибудь дерево, посаженное знаменитым человеком, или на вещь, его руками сделанную: то можно ли презирать человека, – очень не малое дело великаго и премудраго Творца, которое Он и удостоил произвести, и удостоивает хранить? Человек перестал бы существовать, если бы Бог презрел и пренебрег его. Следственно, самое бытие человека служит признаком, что Бог не презирает его. Кто же дерзнет презирать то, чего не презирает Бог?

Если чтим и охраняем от пренебрежения изображение царя, хотя бы оно было и несовершенно, или какимнибудь случаем повреждено: как можем презирать образ Божий, Самим Богом начертанный в человеке, хотя и не сохраненный в первобытном совершенстве, а в некоторых и много поврежденный, впрочем не совсем изглаженный, и предназначенный к восстановлению?

Если тленную драгоценность не бросают с пренебрежением, а берегут со вниманием и уважением: то может ли быть предметом презрения нетленная драгоценность, – душа человеческая, не дешевле целаго мира оцененная непогрешительным Ценителем, Который сказал: *кая польза человеку, аще приобрящет мир весь, и отщетит душу свою* (Марк. VIII. 36)? – Что я говорю: не дешевле мира? – Она куплена ценою, безмерно вышею; она искуплена ценою крови и жизни воплощеннаго Сына Божия.

Скажет кто либо: я по справедливости презираю недостойного, грешника, порочного. Остерегись, достойный! Если ты презираешь грешника: то сим самым не осуждаешь ли, больше или меньше, на презрение и себя? ибо и ты не безгрешен. Притом помысли, что ты видишь только внешность, а не внутренность; знаешь только не много прошедшего, и минуту настоящего, а совсем не знаешь будущего. Доколе человек на земле; дотоле и добрый, обыкновенно, не без недостатков, ибо совершенная чистота есть достояние рая и неба; и злой не совсем без добра, ибо иначе земля отказалась бы носить его. И потому очень возможно, что между тем, как ты презираешь в человеке, что видишь, — в нем скрывается добро, которого не видишь, или по крайней мере семя добра, которое может раскрыться, возрасти, принести плод, и представить его решительно достойным почтения. Тогда ты принужден будешь раскаяваться в неосмотрительном презрении. Лучше же совсем не делать того, что может вести к скорби раскаяния. Нет сомнения, что многие современники глумились над неблагоприятною наружностью и странными поступками Симеона, Андрея, и наших Василия и Максима юродивых: но время открыло их сокровенную жизнь, и показало их достойными не только почтения, но и благоговения. Если бы мы стояли на стогне Иерусалима тогда, как Спаситель наш нес крест Свой, и за Ним, также на распятие, следовал разбойник: вероятно, мы не удержались бы от справедливого, по видимому, и даже благочестиваго негодования, за чем этот презренный так близко идет за Всесвятым. Но как это было бы напрасно! Прошел час или два; и мы видим, что разбойник сделался исповедником Христа, что Христос в тот же день препровождает его в рай. Разбойник сделался для нас образцом, и мы благоговейно повторяем его молитву. После сего, не опасно ли презирать и юрода и разбойника?

Сии размышления, надеюсь, достаточны для того, чтобы определить значение, и почувствовать силу Апостольской заповеди: *всех почитайте*. За сим естественно следует подумать об употреблении сего учения.

Нужно ли внушать почтение к тому, что само собою внушает почтение, — к священной власти Государя, к родителям, к начальствующим, к благодетелям?

Но, может быть, не излишне напомнить, чтобы не презирали того, что легко подвергается презрению.

Начальствующий да не пренебрегает и последнего подчиненного, но вниманием и снисхождением пусть сделает для него и последнее место не низким, и ему данное дело приятным: потому что чем охотнее делается дело, тем лучше и для дела, и для делающего, и для начальствующаго над делом.

Богатый да не превозносится над бедными, но да нисходит подкреплять своею помощию сии смиренные подпоры его собственного благополучия. Есть время, когда признательность бедных лучше для богатого, нежели богатство.

Наследственно или условно владеющий трудом, или произведением труда подвластных, да не будет невнимателен к сим смиренным земли. Человек не вещь, которую можно употреблять, и не быть ей ничем обязану. И государственный, и нравственный, и особенно христианский закон с правом власти соединяет обязанность к подвластным. Если они отдают вам половину своего рабочего времени: отдайте им часть вашего свободного времени. Если они доставляют вам избыток; вы доставляйте им необходимое: безбедную жизнь, защиту, средства потребнаго для них образования, руководство и охранение нравов и веры. Умейте приобретать от них не одну выгоду, но и благодарность, и любовь. Любовь может, не снимая, облегчить их бремена, и сделать то, что они будут благословлять свою зависимость паче расширенной свободы.

Призванный судить и исправлять погрешающих да не презирает судимаго, даже и виновнаго, дабы презрение не сделало суда небрежным и неразборчивым. Уважение к человечеству да охраняет исправителя и судию от гнева, правосудие – от жестокости, исправляемых – от ожесточения.

Так, и подобным сему образом поступая с меньшими братьями нашими, братия христиане, мы будем исполнителями Евангельскаго учения и право шествующими последователями Христа, Который, будучи Господь господствующих, пришел на землю *не да послужат Ему, но послужити*, умерти за грешников и вознести смиряющих себе. Слава Ему с Отцем и Святым Духом во веки! Аминь.

1846 год.

ССLXXXIII.

202. Слово

**на освящение храма Пресвятыя Богородицы,
в честь иконы Ея Иерусалимския, в городе Бронницах,
совершившееся февраля в 3 день 1846 года.**

(Напечатано в Твор. Св. От. 1846 г. и в собрании 1848 г.)

<1846 год>

*Токмо на месте, идеже изберет Господь
Бог
ваш, во едином от племен ваших, нареци
имя
Его тамо, и призвати, и взыщете и внидете
тамо. Второз. XII. 5.*

Многokrатно, братия, посещал я град ваш: и каждый раз чувствовал себя неудовлетворенным; потому что в краткой только молитве участвовал с вами, в вашем древнем храме, будучи скоро увлекаем другими требованиями моего служения. Посему ваше желание встретилось с моим собственным желанием, чтобы нам иметь более обильное с вами общение в соборной молитве, при благодатном тайнодействии освящения храма, вами созданнаго.

Что ж, если и теперь желаемое исполниться не может, и я должен сказать с Апостолом: *восхотех приити к вам, и возбранен бых* (Рим. I. 13)? Не будем смущены или огорчены неисполнением наших смиренных желаний, если и апостольския желания, по судьбам Божиим, не всегда исполняются! Скажем с псалмопевцем: *не Богу ли повинется душа моя* (Псал. LXI. 2)? Дело освящения есть дело Божие. Благодать одинаково совершает оное тем или другим орудием, по установленному ею чину. Я же хочу сделать, что могу: побеседовать с вами, если нельзя самолично, то хотя чрез другия уста.

С утешением признаю в новосозданном и освященном храме вашем дело вашего благочестиваго усердия, довольно великое для вашего не великаго града, так что, может

быть, не будет несправедливо свидетельствовать о вас, как свидетельствовал святой Апостол Павел о Христианах Македонских, что вы, как они, явились *по силе, и паче силы доброхотни* (2 Кор. VIII. 3).

С утешением веры помышляю, что жертвы, принесенные вами в созидании дома Божия, благоугодны Богу, чего знамение имеете в том самом, что вашему начинанию даровал Он совершение, и ваше Ему посвящение принял, даровав оному Свое освящение.

С упованием приемлю для вас благословение от уст пророка: *Боже сил, обратися убо, и призри с небесе, и виждь, и посети виноград сей, и совершии и, егоже насади десница Твоя* (Псал. LXXIX. 15. 16)! Воистину, Господи Боже сил, сей народ верующих есть Твой духовный виноград; Ты насадил его Твоею вседетельною десницею: обратися убо к нему ныне и во грядущее время Твоею благодатию, якоже он обращается к Тебе верою и молитвою; призри на него Твоим провидением; виждь, Всевидящий, его истинные потребности, очевидные и сокровенные; и посети его щедротами Твоими, утверди его православием; огради от татей, прелазящих или подкапывающих Твою священную ограду, – от ересей и соблазнов; возрасти в познании Твоея истины: оплодотвори обилием дел благих, по заповедям Твоим святым; соверши всякую добродетелию в совершенное спасение!

Обращаясь паки к утешительному предмету настоящего торжества, чтобы настоящее утешение сделать более твердым и полным, благовременным нахожу предложить вам некоторые мысли о том, какое благо приобрели мы, когда приобрели освященный храм Божий.

Молиться можно, и должно, на всяком месте, как учит святой Апостол. *Хощу, говорит, да молитвы творят мужие на всяком месте, воздеюще преподобныя руки без гнева и размышления* (1 Тим. II. 8), то есть, не имея во время молитвы гнева на ближних, и не смущая себя колеблющимися мыслями о действительности молитвы. И сам Господь Спаситель повелевает молиться всякому в своей храмине, какая у кого есть, только в уединенной и безмолвной. *Егда молишися, вниди в клеть твою, и затворив двери твоя, помолися Отцу твоему, Иже в тайне* (Матф. VI. 6).

Будьте верны повелению Господню; молитесь в уединении. Держитесь апостольского учения: молитесь на всяком месте. Особенно когда утром пробуждаешься от сна: помысли, что Бог дает тебе день, которого ты сам себе не мог бы дать, и отдели первый час, или хотя первую четверть часа даруемого тебе дня, и принеси ее в жертву Богу, в благодарной и в благопросительной молитве. Чем усерднее ты сие сделаешь, тем более освятишь свой день, тем крепче оградишь себя от искушений, каждый день встречающихся. Подобно сему, когда отходишь ко сну: помысли, что Бог дает тебе покой от трудов, и отыми начаток от времени твоего покоя, и посвяти его Богу, чистою и смиренною молитвою. Ея благоухание приблизит к тебе Ангела, для охранения твоего покоя.

Упражнение в сих и подобных видах домашней и уединенной молитвы необходимо, и благотворно для души нашей: но это не все, что нам нужно, и чего Бог от нас требует.

В книге Деяний Апостольских написано: *вкупе же Петр и Иоанн восхождоста во святилище на молитву в час девятый* (III. 1). Что это значит? Апостолы слышали повеление Господне о молитве в уединенной храмине: почему же не довольствуются такою молитвою? Почему идут на молитву во святилище, то есть, во Иерусалимский храм, еще святой, хотя долженствовавший вскоре уступить святость храмам

Христианским? Почему это? – Потому что, кроме молитвы домашней и уединенной, нужна еще молитва общественная, церковная, во святилище, во храме, получившем особенное божественное освящение; и сей род молитвы также основан на повелении Божиим. Сие повеление в книге Моисеевой читается так: *только на месте, идеже избрет Господь Бог ваш, во едином от колен ваших, нареци имя Его тамо, и призвати, и взыщете, и внидете тамо*. То есть: Богу не угодно, чтобы общественное призывание имени Его, или, иначе сказать, церковное богослужение совершаемо было на какомнибудь простом, неосвященном месте, а должно сие делать только на том месте, которое Бог для сего избрет и освятит; и на сие Богом избранное и освященное место все должны приходить, и там призывать Бога. Сие повеление Божие исполнить предпринял царь Давид, а царь Соломон действительно исполнил, создав храм в Иерусалиме, на месте, которое Бог избрал, и указал чрез Ангела. Первосвященник со священниками освятит сей храм, внесши в него священный кивот, в котором хранились заповеди, перстом Божиим написанные; слава Божия осенила его; Бог дал ему высокое обетование Своего благодатного присутствия: *будут очи Мои ту, и сердце Мое во вся дни* (3 Цар. IX. 3); и после сего Бог неоднократно изъявлял чрез Пророков негодование Свое на тех, которые истинному Богу приносили жертвы, но не в Его святом храме, а на высоких местах, по произволу избранных и неосвященных.

Храм Иерусалимский, как ветхозаветный и преобразовательный, упразднен явлением прообразованной истины, то есть, Христа Спасителя, и устроением Нового Завета. От Христа Спасителя получили Апостолы, и предали своим преемникам, власть созидать храмы Христианские во всяком граде и селении. Но божественное правило, чтобы храм всегда был местом избранным и освященным по богопреданному чину, сохранено и в Христианской Церкви. Посему правила Вселенских Соборов не позволяют иначе поставлять храм, как по благословию епископа, наследовавшего сию власть от Апостолов (IV Всел. Соб. пр. 4), и предписывают освящать оный со священным миропомазанием, и с положением мощей святых (VII Всел. Соб. пр. 7). По силе сего богопреданного освящения, Христианскому храму вполне принадлежит древнее обетование особенного благодатного присутствия Божия: *будут очи Мои ту, и сердце Мое во вся дни*. Ему также преимущественно принадлежит обетование Христово: *идеже еста два или трие собрани во имя Мое, ту есмь посреде их* (Матф. XVIII. 20).

Если Христианский храм сравним с ветхозаветным: то легко усмотрим, что и начинательное освящение и постоянная потом святыня свойственны христианскому, не только в равной с ветхозаветным, но и в высшей степени. Великою святынею храма ветхозаветного были заповеди, написанные перстом Божиим; не так же ли божественную, и более обильную, святыню имеем мы на престоле нашего храма в Евангелии, в котором заключается непосредственное слово Бога-Слова, написанное чрез Евангелистов Духом Святым? Там на трапезе хлеба предложения, образ хлеба животного, сходящего с небесе; здесь на трапезе самый хлеб животный, по слову Господа: *хлеб, егоже Аз дам, плоть Моя есть, юже Аз дам за живот мира* (Иоан. VI. 51). Там жертвы кровавые, безсловесные, несовершенные предвестия единой всемирной Жертвы, всеспасительного страдания, смерти и воскресения Христова; здесь Жертва безкровная, словесное служение, всегдашнее возобновление живых Жертв Христа Спасителя, в таинстве тела и крови Его. Там были Ангелы хранители храма; почему, когда храму Иерусалимскому надлежало быть упразднено и разрушено, в нем слышан был глас невидимых Сил: *прейдем отсюда*: здесь также сослужат нам Ангелы, и охраняют святыню, здесь обитающую. Так Авва Леонтий, в Лавре преподобного Феодосия, пришедши в воскресный день в церковь для приобщения Святых Таин, видел Ангела стоящего на правой стороне престола, и как старец, убоявшись, обратился, чтобы бежать в свою келлию, то пришел к нему глас от

Ангела: с тех пор, как освящен сей престол, мне поручено пребывать при нем (Алфавит. Патерик. зн. Л. гл. 4).

Сказанного доселе, надеюсь довольно, для показания вам, братия, как того, что, кроме молитвы домашней и уединенной, непреложное слово Божие и самое наше спасение требуют от нас еще молитвы церковной, во храме по богопреданному чину освященном таинствуемой; так и того, какая блага заключает в себе, и предлагает нам, святой христианский православный храм. В нем обретаем мы особенное благодатное присутствие Божие, божественный свет и спасительную силу Евангелия, приискреннее соединение со Христом в таинстве тела и крови Его, небесную помощь ангельскую, осенение Духа Святого, святыню пребывающую, и с благоговением и верою входящих освящающую.

Прославим Господа, щедрого Подателя толиких благ! *Возлюбим благолепие дому Господня, и место селения славы Его* (Псал. XXV. 8)! Да притекаем в дом Божий охотно и с любовью, как дети в дом отца своего! С простотою и смирением сердца, с безмолвием ума, с отложением всякого житейского попечения, да предаемся здесь действию Духа Божия, одушевляющего божественную службу! Да не нерадим очищать и освящать себя таинствами! Да блюдемся, чтобы в сие место благоухания святыни не приносить смрада нечистаго жития!

Нельзя при сем не вспомнить с сожалением о тех, которые или долго уклоняются от святого храма, по нерадению, или совсем удаляются от онаго, потому что, в следствие погрешительных мнений, хотят молиться не в святом храме, но на месте, котораго Бог не избрал, и котораго никто не освятил. Каких благ лишают они сами себя! И какому ответу подвергают себя пред Богом!

Удаляющиеся от святыни Церкви говорят, что сие делают они по старой вере. Удивительно, как люди могут извращать истину, если того пристрастно захотят. Где нашли они старую веру без священноначалия и без освященных храмов? Эта вера очень новая; двух сот лет не прошло еще, как она возникла. Истинно старая вера от начала христианства имела и имеет непрерывное священноначалие и освященные храмы.

Знаю старый пример удаления от святого храма и от поставленного Богом священноначалия, с мыслию о старой вере: но он, конечно, не будет угоден тем, которые у нас провозглашают себя последователями старой веры. Самарянам не захотелось ходить в Иерусалимский храм, и повиноваться тамошнему священноначалию; они построили для себя нечто, имеющее вид храма, но не святыню его, на горе Гаризин; некоторые священники отбежали к ним из Иерусалимскаго храма, и открылось новое неблагословенное богослужение. Чтобы приобрести сему незаконному действию сколько-нибудь доверия от народа, нововводители говорили, что они делают сие по старой вере, и только старья книги принимают, именно, пять книг Моисеевых; а прочия книги пророческия они отвергали, как уже не старья. Не имея у себя древней церковной святыни, они хвалились, что имеют старый колодезь, из котораго пил патриарх Иаков. Благовидныя указания на древность и упоминание глубоко уважаемаго имени патриарха Иакова, увлекли немалое число неразумительных; и разсудительнейшая из Самарян жена, упоминаемая в Евангелии, хотя чувствовала слабость сего учения, однако сомневалась, не лучше ли, подлинно, молиться в горе самарийской, нежели во храме Иерусалимском. Но, чтобы никто не увлекался подобными прельщениями, Христос Спаситель сказал жене самарийской: *вы кланяетесь, Егоже не весте: мы кланяемся, Егоже ведем; яко спасение от Иудей есть* (Иоан. IV. 22). То есть, вы в горе самарийской молитесь, не зная кому; мы, молящиеся во храме Иерусалимском, молимся Богу, Котораго знаем, и от Котораго имеем обетование спасения.

Никого не желаю оскорблять сравнением с Самарянами: но вам, послушныя чада новаго Иерусалима, вам, молитвенники освященного Богом храма, полагаю пред очи пример Самарян, для вашей осторожности, дабы *вы блюлися от творящих распри и раздоры*, которые, как говорит Апостол, *благими словесы прельщают сердца незлобивых* (Рим. XVI. 17. 18). *Словеса* говорят, по видимому, *благия*: но в самом деле *прельщают*, и отводят от истины. Старая вера, старые книги, патриарх, – прекрасныя слова; но сими словами, обманчиво употребленными, *прельщены* были Самаряне, и удалились от истинной церкви и отъ пути спасения. Блюдитесь и охраняйте друг друга, чтобы подобными, неправо употребляемыми, словами не прельстилось чье либо сердце. Держитесь древних, или, лучше сказать, вечных православных догматов веры, которые и в старых и в новых книгах равно проповедуются: и с тем вместе держитесь установленного Богом священноначалия и освященного Богом храма. Храните себя в постоянном, искреннем общении с благодатию и святынею, обитающею во святой Церкви, в которой, по божественному слову, пребывает и пребудет Богу *слава о Христе Иисусе, во вся роды века веков, аминь* (Ефес. III. 21)!

CCLXXXIV.

203. Слово

в день Святителя Алексия,

на третий день недели воспоминания страшного суда.

(Говорено в кафедральной церкви Чудова монастыря февраля 12;

напечатано в Твор. Св. От. 1846 г. и в собр. 1848 г.)

<1846 год>

*И соберутся пред Ним вси языцы, и
разлучит
их друг от друга, якоже пастырь разлучает
овцы от козлищ, и поставит овцы одесную
Себе, а козлища ошуюю. Матф. XXV. 32. 33.*

Ныне собралось многочисленное словесное стадо к пастырю, который не разлучает оное видимо на десных и шуиих. Приемлет он приходящих от десныя страны, – от добродетели, со смирением; не отвергает и приходящих и от шуией, – от порока, с покаянием. Никому не говорит с прещением: *отъидите*. Впрочем знаю, что для достойных десныя страны есть у него приветствия, ими довольно внятно слышимыя. Иному подает он просто мир в сердце, иному особенное утешение в особенной скорби, одному исцеление от немощи, другому подкрепление в борьбе с искушением, иным иное, каждому по его потребности, вере и молитве. Приближайтесь, пользуйтесь, пока пастырь собирает, питает, охраняет, исцеляет, пока есть время и от заблуждения возвращаться, и от страны шуией переходить на десную. Не всегда так будет.

Настанет, действительно, день, котораго предвещательный образ недавно нам показан Церковию в Евангелии, когда сей пастырь, безмолвно среди нас покоящийся, и в покое благодетельствующий, оставит нас, и пойдет искать назначеннаго ему места на десной стране Великаго Пастыря, Который называет Себя *Единым Пастырем*, потому что все прочие пастыри суть только Его пастырския орудия, и Который *тогда сядет на престоле*

славы Своея, поелику Он есть не только Пастырь, но и Царь царствующих и Судия живых и мертвых. Тогда и каждый из нас должен будет предстать сему Великому Пастырю, Царю и Судии: но уже не в нашей власти будет избрать себе место, для нас приятное. Соберутся пред Ним вси языцы, и разлучит их друг от друга, якоже пастырь разлучает овцы от козлищ, и поставит овцы одесную, а козлища ошуюю.

О ближний мой! Где мы тогда будем? Что, если не будем призваны на десную страну Царя, и потом в царство, уготованное от сложения мира? Что, если очутимся на шуией стране, между козлищами? Как это постыдно! И только ли постыдно? Нет, и ужасно, и гибельно. Ибо находящимся на шуией стране Судия скажет: *идите от Мене, проклятии, во огонь вечный, уготованный диаволу и аггелом его. – И идут сии в муку вечную.*

Пока есть еще время, пока еще не поставлен престол суда, еще не явился Судия, еще мы не предстали судилищу, еще не изречено слово суда, еще не разверз челюсти ад, подумаем, куда мы идем: ибо идем уже мы либо на десную, либо на шуюю страну страшного суда. Не произвольно или случайно скажет Судия, одному: стань одесную, другому: стань ошуюю; но сообразно с тем, кто на которую сторону сам себя направил. Не тогда овцы сделаются овцами, когда поставлены будут одесную, и козлища козлищами, когда поставлены будут ошуюю: но те и другия займут место по качеству, в котором ранее образовались, и которое принесли с собою.

Итак, если ты благоразумен: и если желаешь, чтобы на последнем суде досталось тебе место на десной стране Судии: то подвизайся на пути жизни образовать в себе такие качества, которые бы привели тебя на сию страну.

Какия это качества?

Во-первых, качество десных предстоятелей суда Христова выражается в Евангелии уподобительным наименованием овец: *поставит овцы одесную*. Итак желающий получить место на десной стране всемирного Судии должен приобрести свойство и нрав овчий. В чем же состоит сие свойство и нрав, можем узнать от самого Пастыря-Судии, Который глаголет: *овцы Моя гласа Моего слушают, и Аз знаю их, и по Мне грядут* (Иоан. X. 27). Слушать гласа Пастыря значит поучаться в догматах и заповедях Евангельских. Идти за Пастырем значит самым делом и жизнью последовать учению Христа Спасителя, и подражать Его примеру. Но не слишком ли много для овец подражать пастырю, делать то же, что пастырь? – Чтобы устранить сие недоумение, Христос Спаситель является не только Пастырем, но и Агнцем, как видит и указывает Его Иоанн Креститель: *се Агнец Божий, вземляй грехи мира*. Отговорка уничтожена: безпрекословно могут и должны овцы подражать соестественным действиям Агнца, могут и должны человеки подражать добродетелям, совершаемым в соестественном им человечестве Христовом. Каким наипаче добродетелям? Сие опять можем узнать от Него Самого. *Научитесь от Мене, глаголет, яко кроток есмь и смирен сердцем!*

Повторяю: подумаем, куда мы идем. Если ты имеешь искреннее усердие поучаться в истинах святыя веры и в заповедях Евангельских; если стараешься исполнять сие учение самым делом и жизнью; если кротость и смирение суть постоянныя твои качества: то ты последователь Агнца Божия, ты овца Пастыря-Христа; ты верно идешь к Нему на десную страну. Но если кто слушать гласа Христова в Евангелии нерадит: о исполнении заповедей Евангельских не заботится; образовать себя в качествах агнчаго послушания, кротости и смирения не подвизается; напротив того, прихотливо скачет от суеты к суете; мудрованием плотским и мирским возносит себя до мечтательной высоты, какая изображена в словах пророка: *козел козий возвеличился до зела* (Дан. VIII. 8); издает от себя

смерд нечистых дел: можно ли о таком сомневаться, куда он идет, и куда, наконец, придет, если не переменит пути своего? – Уже указано: *козлица ошуюю*.

Во-вторых, отличительное качество десных предстоятелей суда Христова изображается в Евангелии наименованием благословенных сынов Отца небесного. *Приидите*, глаголет Судия, *благословеннии Отца Моего*. Самое имя сынов здесь умолчано, нельзя однако сомневаться, что оно подразумевается; ибо сему соответствует то, что в след за сим Сын Божий нарицает человек *меньшими братьями* Своими. При сем надобно вспомнить, что с тех пор, как проклята земля в делах человека согрешившаго, мы раждаемся в мир, и живем по природе, не в качестве сынов Божиих, потому что раждаемся и живем во грехах, а всяк творяй грех есть не сын Божий, но раб греха, – и не в качестве благословенных Отца небесного, потому что *проклят всяк, иже не пребудет во всех писанных в книзе законней, яко творити я* (Гал. III. 10). Как же может человек избавиться от проклятия? Чрез Христа, по реченному: *Христос ны искупил есть от клятвы законныя, быв по нас клятва* (Гал. III. 13), в Своем крестном страдании. Как можно сделаться сыном Божиим? – Чрез Христа, по реченному: *елицы прияша Его, даде им область чадам Божиим быти*. Как сделаться благословенным Отца небесного? – Чрез Христа, по реченному: *благословен Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа, благословивый нас всяцем благословением духовным в небесных о Христе* (Еф. I. 3). И хотя благословение сие уже готово для нас со стороны Божией: однако с нашей стороны оно не очень легко приобретается. – Авраам получил благословение Божие чрез Мелхиседека не прежде, как победив врагов, и высочайшее непосредственное благословение от самого Бога – не прежде, как отдав Ему в жертву едиnorodного сына своего. Иаков получил благословение и новое имя только тогда, когда *труды своими укрепе к Богу, и укрепе со Ангелом, плакашеся и моляшеся* (Ос. XII. 3. 4). Надобно уметь побеждать страсти и похоти, надобно крепко подвизаться в вере, в молитве, в самопожертвовании, чтобы достигнуть преимущества быть благословенным Отца небесного.

Теперь рассмотримся вновь, на каком мы пути. Если на пути преодоления и умерщвления страстей и похотей, на пути трудов и слез благочестивых, на пути веры, молитвы, самоотвержения и самопожертвования из любви к Богу и Христу: – слава Богу! есть надежда, что не мимо нас пройдет призывный глас: *приидите, благословеннии Отца Моего!* Но если кто не побеждает страстей и похотей, а ими побеждается, пленяется и увлекается; если кто любит не труд молитвенный и слезы умиления, но смех разсеяния и бесполезную тревогу игр и забав; если кто на чувственное удовольствие, как Исав на варение сочевно бросается с такою жадностию, что для него пренебрегает безценное преимущество духовного во Христе первородства, теряет желание благословения Отца небесного: то куда приведут такая расположения душевные и такое направление жизни? – *Не восхоте благословения, и удалится от него* (Псал. CVIII. 17). В ад можно прийти или упасть, хотя того не хочешь, и не думаешь о том: на небо нельзя взойти, когда того не хочешь, и не думаешь о том.

В-третьих, качество десных, то есть, оправдываемых и к блаженству назначаемых предстоятелей суда Христова, в Евангелии означает наименованием *праведников*. Ибо те, которых Судия призывает под наименованием благословенных Отца Своего, в последствии называются праведниками: *отвещают Ему праведницы: – идут праведницы в живот вечный*, и никто более. Понятие праведника включает в себе всякую добродетель, исключает всякую неправду, всякий порок и всякий грех; и следственно представляет такое совершенство нравственное, что я не знаю, дерзнет ли кто, кроме какого нибудь самообольщенного фарисея, признать себя в достоинстве праведника. Кто же посему может надеяться быть оправданным на суде Христовом, на котором только праведники оправданы будут? – Может надеяться тот, кто, с Апостолом, *вменяет вся*

уметы быти, да Христа приобрящет, и обрящется в Нем не имый своя правды, яже от закона, но яже верою Иисус Христовою, сущую от Бога правду в вере (Фил. III. 8. 9). *Аще исповедаем грехи наша, говорит другой Апостол, верен есть и праведен, да оставит нам грехи наша, и очистит нас от всякия неправды* (1 Иоан. I. 9). Деятельное очищение себя покаянием, сердечное стремление веры ко благодати Христовой, ревностное, при помощи благодати, упражнение во всякой добродетели, – таков путь правды, в продолжение которого смиренный христианин всегда обретает себя не имущим своя правды, и на конце которого благодать являет его совершенным праведником.

Может быть, не удобно и даже не безопасно было бы требовать от вас, братия, полной уверенности, что вы находитесь на сем пути: но нельзя не требовать от вас заботливого над собою наблюдения, не вне ли сего единого спасительного пути лежат обыкновенные стези нашей жизни. Кто не покался искренно и глубоко, тот не сделал первого шага на пути правды. Кто не ищет своя правды во Христе, тот нигде не найдет ея. Кто не упражняется в правде, то есть, в добродетели, для него доступной, тот, конечно, не идет по пути, по которому шествующие возводятся в достоинство праведников.

Но дабы кто не был утрашен и обезнадежен необъятным, по видимому, требованием упражнения во всякой добродетели, укажем в особенности на добродетель, которая представляет как бы сокращенный путь, и простое, но верное и безопасное шествие к праведности и к вечному на суде Христовом оправданию. Какая добродетель с особенною светлостью является на суде Христовом, и являет своих подвижников праведниками, благословенными чадами Отца небесного, достойными царствия уготованного от сложения мира? – Милосердие к ближним, ради Христа. *Вззлкахся бо, глаголет Христос Судия сущим одесную, и дасте Ми ясти, возжадахся, и напоисте Мя, странен бех, и введосте Мене, наг, и одеясте Мя, болен, и посетисте Мене, в темнице бех, и приидосте ко Мне. Понеже сотвористе единому сих братий Моих меньших, Мне сотвористе.* Какой это краткий путь, и как далеко достигает! Какой тихий, пеший ход, и как высоко возводит быстрее колесницы! Какое мелкое сеяние и какую многоплодную готовит жатву! Смыслию о Христе, которая здесь необходима по тому, что на суде ценится действие не просто для человека, но для человека, яко меньших братий Христовых, – ты подаешь укрух хлеба, и тебе даруется право на царство; одеваешь нагаго тленную одежду, и благодать отдаривает тебе нетленную ризою правды; идешь встретить странника, навестить больного или узника, и теми же самыми шагами идешь на десную страну грядущаго во славе Христа Судии, в собор благословенных Отца небесного.

При сем естественно рождается вопрос: неужели найдутся люди, которых не привлечет сей легкий и приятный путь, которые облекутся идти по нем? – Разсудок готов на сие ответствовать, что это невероятно, а несчастный опыт говорит, что это почти обыкновенно у не малаго числа людей. О бедные странники земли! Куда же идем мы, если неидем путем милосердия христианского к милосердию Христову? Ведь пред нами только два пути: путь приближения ко Христу, и путь удаления от Него; один к благословию, другой к проклятию; один в живот вечный, другой в муку вечную. Кто не старается верно держаться на первом пути, тот неизбежно сбивается на последний.

Впрочем, братия, если кто из нас и далеко уклонился от спасительного пути Христова: да страшится оставаться; но да не отчаявается возвратиться. Еще двери милосердия не затворены. Еще путь спасения открыт. Еще слышан глас Великого Пастыря не разлучающий, а собирающий: *и ины овцы имам, яже не суть от двора сего; и тыя Ми подобает привести* (Иоан. X. 16). Поспешим на сей обнадеживающий глас, и ближние и дальние, отозваться всеми желаниями сердца: приведи нас к Себе, Божественный Пастырь и Посетитель душ; сотвори нас овцами пажити Твоея; собери в ограду Твоего закона;

покрый охранительным кровом Твоея благодати; да и в грозный день разлучения овец от козлищ сподобимся стати одесную Тебе, и примем вечное благословение и наследие вечнаго царствия Твоего! Аминь.

CCLXXXV.

204. Слово

в день Благовещения Пресвятыя Богородицы.

(Говорено в Чудове монастыре,

напечатано в Твор. Св. От. и в собр. 1848 г.)

<1846 год>

*Рече же Мариамъ: се раба Господня: буди
мне по глаголу твоему. Лук. I. 38.*

Просты, по видимому, сии слова Пресвятыя Девы Марии: но как много в них заключается! как многое ими открывается! какая в них видна глубина смирения! какая высота веры! какая солнечная чистота внутренняго чувства! как необъятна их сила! как необозримо их действие!

Дело, которое должно совершиться по благовествующему глаголу Архангела, и по соответствующему глаголу Мариами, – дело спасительнаго для нас воплощения Сына Божия, – не теперь начинается. По малой мере человеческой, несколько тысяч лет ожидало сие дело согласия Девы, чтобы могло совершиться.

Я сказал: по малой мере человеческой; потому что по великой мере Божией дело сие идет от самой вечности. Апостол свидетельствует, что *Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа, благословивый нас всяцем благословением духовным в небесных о Христе, избра нас в Нем прежде сложения мира* (Ефес. I. 3. 4).

Но не нам восходить до сей пренебесной высоты созерцания. Довольно для нас взойти к началу тайны Христовы, открывшемуся в земном раю.

Когда лукавому искустителю удалось прельстить первых человеков, и разрушить их райское блаженство; когда смерть, прежде возвещенная предохранительно, а потом уполномоченная правосудием, наступала на человека, по следам греха: тогда милосердый в самом правосудии Бог, приостановив ее, благоволил в умирающем уже и погибающем человечестве посеять новое семя жизни и спасения. Чудным образом в слове осуждения, частию скрыл Он, частию открыл, тайну помилования, когда осуждаемому искустителю рек: *вражду положу между тобою, и между женою, и между семенем твоим, и между Семенем тоя; Той твою сотрет главу* (Быт. III. 15).

То есть: ты, дух злобы, мечтаешь, что, прельстив жену, как слабейшую часть человечества, и чрез нее увлекши в преступление и Адама, будешь иметь весь род человеческий твоим всегдашним рабом. Нет! От побежденных тобою человеков возстанет против тебя вражда, противоборство, брань; она продолжится в их потомстве; наконец Тот, Который до времени сокрывается под таинственным наименованием *Семени жены*, – *Той твою сотрет главу*, победит тебя решительно, уничтожит твою власть, которая есть

область греха и держава смерти, и следственно возвратит человечеству похищенную у него святость и жизнь, безопасную от смерти.

К уразумению таинственного наименования *семени жены* пролагает путь самая необычайность сего наименования. *Семя*, без сомнения, означает потомство, или определенное лице в потомстве. Но что значит *семя жены*? В обычае всего рода человеческого, и особенно в древних родословиях видим, что *семя*, или потомство, всегда относимо бывает к мужу, а не к жене, и родовое наименование детей или потомков заимствуется от отца или праотца, а не от матери, или праматери. На что же указывается необычайным наименованием *семени жены*? – Или ни на что, в порядке природы, или на таинство, которое выше природы, – на рождение, о котором природа спрашивает: *како будет сие, идеже мужа не знаю?* и о котором благодать отвечает: *Дух Святый найдет на тя, и сила Вышняго осенит тя*, – на чудесное рождение Сына от жены без мужа, на рождение Христа, Богочеловека, от Девы.

Что Адам уразумел тайну изречения Господня о Семени жены, сие можно примечать из того, что в след за сим он дал жене своей новое имя, которое было бы совсем неблаговременно и неуместно, если бы не относилось к сей самой тайне. *И нарече Адам имя жене своей: жизнь, яко та мати всех живущих* (Быт. III. 20). Жизнь, мати живущих, – имена сии были бы приличны праматери в состоянии непорочности, поелику тогда она точно раждала бы всех живущих, и никого не раждала бы умирающего: но тогда не дано ей сих имен, а наречена она просто женою. К чему же после грехопадения, когда она будет раждать умирающих, будучи притом сама причиною, что смерть будет общим наследием ея потомства, – к чему *нарече Адам имя жене своей: жизнь*? Разве в поругание? – Нет, конечно не в поругание, а вероятнее, в утешение себе и ей, смотря на нее сквозь Божие определение о *Семени жены*, сокрушающем главу змия. Отцем, думал он, буду и я; но не буду отцем истинной Жизни; Ея матерью предоставлено быть жене без мужа: итак да наречется ей имя: *Жизнь, яко та мати всех живущих*, не сама по себе, но потому, что некогда от Евы будет Дева, и от Девы родится Тот, Который есть *Истина и Живот*, и Который имеет силу всех умирающих перерождать в присноживущих.

Из сказанного, надеюсь, усмотрите, братия, что благовещение спасительного для нас воплощения Сына Божия начато не Архангелом в Назарете, но самим Богом в раю: ибо там провозглашено Божие определение о победоносном *Семени жены*, то есть, о рождении Христа Спасителя от Девы.

Но если Божие определение о воплощении Сына Божия было уже постановлено и даже провозглашено еще в первые дни мира; то почему оно не исполнялось в продолжение столь многих веков? Не дерзнем приписать себе способности дать на сие полный ответ. *Кто бо разуме ум Господень* (Рим. XI. 34)? Однако можем сказать не обинуясь, что не в Боге причина медленности. *До скорости течет слово Его* (Пс. CXLVII. 4). *Той рече, и быша: Той повеле, и создашася* (Пс. XXXII. 9). У Вечного всегда все готово. Для Всемогущего всегда все возможно. Тварь медлит по необходимости, потому что движется в определенных кругах времени, которых не может ускорить. В твари свободной не достает готовности для принятия действия Божия, когда в ея воле не достает соответствия воле Божией. Особенно трудно устроить сию готовность в твари падшей и разрушенной, которую нужно возставлять и пересозидать. Таким образом слово Божие о Спасителе мира, как молния, блеснуло над человечеством в первыя минуты греховного омрачения, и неоднократно просиявало в последующих откровениях: но мрак греховный продолжал тяготеть, и веки и тысячелетия должны были пройти, прежде нежели действительно *Слово плоть бысть* (Иоан. I. 14) и *Бог явися во плоти* (1 Тим. III. 16). В сие долгое время, благословение, которым Бог Отец благословил нас в небесных о Христе прежде сложения

мира, как молниеносный облак носилось над землею, между тем как тайное действие Провидения изыскивало в роде человеческого, и уготовляло благословенную в женах, которая бы могла своею чистотою божественную молнию привлечь, принять, вместить, удержать, не быв опалена огнем Божества, и таким образом чрез себя существенно усвоить всему человечеству благословение Христово.

Не думаете ли, что весьма просто принять благословение Божие, хотя бы то было весьма высокое? – Не совсем так. Посмотрите на опыт Сарры. Господь глаголет о ней Аврааму: *благословлю же ю, и дам тебе от нея чадо* (Быт. XVII. 16). Видите, что заочно и заблаговременно предваряет ее, чтобы она приготовилась к действительному принятию благословения. Но что же? И после сего предварения, когда обещанное благословение решительно дано в ее присутствии, она, кажется, не нашлась довольно умеющею принять оное. *Разсмеяся же Сарра в себе* (XVIII. 12). Как бы ни был невинен сей смех: он, кажется, не довольно у места пред словом Божиим, и пред лицом Божиим. И когда Господь обличил ее в сем: она впала в новое замешательство, и как будто думала утаиться от Всеведущаго. *Отречеса же Сарра, глаголющи: не разсмеяхся: убояся бо* (15).

Не станем однако уничивать Сарру, которая, в меру своего достоинства, приняла свою меру благословения, и соделалась предварительным образом *благословенная в женах*, как родившая единороднаго, как родившая в умерщвлении плоти, хотя впрочем не без мужа, как родившая образ Христов, Исаака, показавшаго Аврааму в своем жертвоприношении день жертвы крестныя.

Но принесем справедливую дань благоговейнаго и радостнаго удивления благословенной в женах, Пресвятой Деве Марии, которая к высочайшему из благословений Божиих, внезапно над нею явившемуся, обрелась в совершенстве уготованною, и тем споспешествовала совершенно столь долго предуготовляемаго, призываемаго и ожидаемаго спасительнаго для нас воплощения Сына Божия.

Если праведная Сарра предвстие о рождении от нея Исаака, необыкновенном, однако не сверхъестественном, приняла с замешательством; если, при подобном предвстии о рождении предтечи Господня, праведный Захария не верил, и требовал знамения: то koliko выше самых праведников является Пресвятая Дева Мария, когда благовещение о рождении от Нея Христа Спасителя сверхъестественном, непостижимом, божественном, приемлет без замешательства, без недоверия! Прежде благовещения, при начале небснаго явления, Она *смутилась* на несколько мгновений, и остановилась в размышлении, может быть, потому, что не тотчас узнала небснаго вестника, потому, что дала место духовному правилу, и нам предписанному, чтобы *искушать духи, аще от Бога суть* (1 Иоан. IV. 1); потому, что затруднена была необычайным приветствием. Впрочем смущение пред сильною похвалою не есть недостаток достоинства. Но, что весьма дивно, когда Она услышала несравненно более сильное слово благовещения: *Дух Святый найдет на тя; – зачнешь во чреве, и родиши Сына; – раждаемое свято, наречется Сын Божий; – царствию Его не будет конца*: тогда уже нет смущения. Велия тайна не возбуждает Ее к испытанию, и неиспытанность тайны не останавливает в принятии таинственнаго благовещения. Безпримерно высокое назначение не возьмет ее из глубины смирения: призванная быть Материю Господа видит себя, как и прежде, только рабою Господнею. С другой стороны, Ея глубоко смиренное о себе мнение не препятствует Ей веровать безпримерно высокому назначению. Не видно даже никакой борьбы между сими перекрестными направлениями, никакого колебания мыслей и чувствований. Как чистая и тихая вода тихо и чисто приемлет свет солнца, и отвечает ему отсветом: так душа Пресвятыя Девы тихо и чисто приемлет слово Божественнаго откровения, и отвечает ему словом послушания: *се раба Господня: буди мне по глаголу твоему*.

Довольно для внимательных. Не требуйте многого, испытующие и любопытствующие. *Вертоград заключен сестра моя невеста, вертоград заключен, источник запечатлен* (Песн. IV. 12), сказал Дух Святой о Своей невесте, первенствующей над девственными и чистыми душами, богоблагодатной Деве Марии. Довольно, если взором ума, как бы сквозь ограду, приникли мы в Ея таинственный вертоград, узрели некоторые цветы Ея добродетелей, ощутили благоухание благодати Ея. Надобно позаботиться о том, чтобы наши помышления не были подобны некоторым неблагоприятным насекомым, которые бесполезно кружатся около цветов, или оскорбляют их красоту своим прикосновением; но чтобы уподобились пчелам, которые приближаются к цветам с смиренною песнию, и не оскорбляющим прикосновением извлекают из них сладкую и здоровую пищу.

Благоговейно приникая в тайну воплощения Бога Слова, да поет всякая душа христианская с Церковию Христовою: *чистую славно почитим, людие, Богородицу, огонь Божества приимишую во чреве неопально*. Научимся от Нея подобающим образом встречать Божия посещения, принимать божественные тайны.

Если встречает тебя приветствие и похвала, особенно возвышенная и духовная: остерегись неразборчиво принимать и наслаждаться; ибо не всегда легко узнаешь, точно ли приносит оную вестник истины. Позволительно при сем смутиться: но поспеши удержать смущение, и в молчании призвать в помощь Бога, чтобы тебе не быть прельщену похвалою ложною, или чтобы и неложную похвалу не превратило в отраву самолюбие и превозношение.

Когда слышишь благовестие божественных догматов и благодатных таинств: берегись не только неверия Фомина, но и маловерия Захариина, и замешательства Саррина. Вспомни слово Архангела, *яко не изнеможет у Бога всяк глагол*; и недопусти, чтоб изнемогла твоя вера.

Если знамение Провидения, посылаемое иногда в одежде нечаянного случая, возвещает тебе жребий приятный, возвышенный, славный, не трудно тебе будет сказать: *буди мне по глаголу твоему*. Но не забудь потом, чтобы не взирать на себя мечтательно, как на господина многих вещей и многих людей, а чтобы взирать на себя всегда смиренно, как на раба единого всеобщаго Владыки: *се раб Господень*.

Поелику же может тебя постигнуть предвестие и не приятное, но угрожающее скорбию, лишением, уничтожением: уготовляй себя предусмотрительно, чтобы уметь и сие принять. Не пререки ропотно, и не возопий нетерпеливо. Какая в том добродетель, чтобы охотно принимать приятное? Но скорбное принять благодушно, по благоговению к воле Божией, – вот подвиг, вот добродетель, вот залог награды! Обучай не уста свои, но свое сердце, чтобы оно могло свободно выговаривать слова готовящегося ко кресту Спасителя: *Отче, – не моя воля, но Твоя да будет* (Лук. XXII. 42).

Зрите и разумеите, что радостное благовещение открывает начало спасения; а горький крест приближает к совершению онаго и к вечной славе воскресения, которой и да сподобит всех нас Господь наш Иисус Христос, благодатию Бога Отца и Святаго Духа. Аминь.

CCLXXXVI.

205. Слово

в день Святаго Мученика

Благоверного Царевича Димитрия.

(Говорено 15 мая в Архангельском Соборе;

напечатано в Твор. Св. От. 1846 г. и в собрании 1848 г.)

<1846 год>

Аще мир вас ненавидит: ведите, яко Мене прежде вас возненавиде. Иоан. XV. 18.

Мир делает иногда такие дела, которые не только для ненавидимых им ужасны, но и для любимых им ненавистны. Но есть ли у него средства успокоить или утешить людей, пораженных такими делами?

Отдайте на суд самого мира дело, которое одна из великих сил мира, страсть честолюбия, совершила над сыном царевым, не смягчась невинностью отрока и не усташась крови, от предков освященной для блага народа. Без сомнения, и мир скажет, что это ужасно и ненавистно. А что может он сделать, чтобы сие ужасное и ненавистное дело загладить или исправить?

Един Иисус Христос творит сие чудо, что зло, которое мир делает и которого уничтожить не может, не только уничтожается, но и превращается в добро для страждущих от мира; что на событие ужасное и ненавистное можно взирать спокойно и с любовью; что, вопреки естественным понятиям и чувствованиям, по которым и благополучная смерть бывает печальна, смерть злополучная становится предметом праздника: потому что это есть смерть мученика Христова; потому что *честна пред Господом смерть преподобных Его* (Псал. CXV. 6).

Так мир во зле самоосужден и безсилен! Так Иисус Христос во благе могуществен и победоносен!

Посему Господь наш, предваря Своих учеников и последователей о ненависти мира, не заботится ни мирить их с миром, как недостойным их союза, ни вооружать против него, как противоборца несильного, а только предостерегает их, чтобы нечаянно встреченная ненависть не привела их в страх и смятение. Он учит взирать на нее равнодушно, как на дело не новое. *Аще мир вас ненавидит, ведите, яко Мене прежде вас возненавиде.*

Научись же подлинно, христианин, не страшиться ненависти мира, если она возстанет против тебя за то, что ты последуешь Христу, что стараешься мыслить благочестиво и жить добродетельно.

Могут некоторые подумать, что наставление Господа, не страшиться ненависти мира, не к ним относится, и дано не для наших времен и обстоятельств. Оно было нужно для первых последователей Христовых, которые жили среди врагов и гонителей христианства. Мы живем христиане между христианами. Мир, который некогда ненавидел христиан, в течение времен переродился в мир христианский. Кому неизвестна *победа, победившая мир, вера наша* (1 Иоан. V. 4)?

Остерегитесь, мысленные победоносцы, торжествующие победу, может быть, не для вас еще, или не вполне для вас, приобретенную! Мир побежден, но не уничтожен. Он еще живет, и по прежнему ненавидит тех, которые Христовы суть, или деятельно стараются

быть таковыми. Мир, побежденный непреодолимой истиною веры, как бы невольно плененный в ее послушание, и потому допущенный в ее видимую область, не совсем отложил, а только скрыл при сем переходе свои древние свойства, неприметно внес в оную и распространил в ней свой собственный дух, и таким образом сей враг Христа и христианства очутился в пределах самого христианства. Прикрываясь именем христианского мира, он действует свободно, и старается образовать для себя мирское христианство, сынов веры превращать в сынов мира, сынов мира не допускать до возрождения в истинную жизнь веры, а на не покаяющихся сему вооружается разными оружиями неправды, соблазном, укорением, осмеянием, презрением, клеветою, жестокостию.

Если сказанное теперь желаете увидеть в несомненных опытах: посмотрите в летописи! Кто так часто среди самого христианства возбуждал вражды, раздоры, смятение, преследовал не редко лучших из христиан, силился угашать светильники веры? Кто наполнил христианство мучениками, пострадавшими от людей, которые также назывались христианами? Кто жизнь Афанасия Великого превратил большею частию в странничество изгнанника? Кто не оставлял спокойного дня в жизни Василию Великому и Григорию Богослову? Кто заточил Златоуста? Кто был причиною, что многие святые убегали от христианских городов и находили себя в большей безопасности в пустыне между зверями? Кто сию святую жертву заклал так преступно, и еще усиливался безславить кончину благоверного Царевича, доколе она не была прославлена Богом? Кто? Неужели христиане, которым вдохновенный от Христа дух есть дух любви, мира, кротости, незлобия, послушания, терпения, взаимного назидания во всякой добродетели? Конечно, это мир, некогда славно побежденный верою нашею, но потом, по разности времен, разными образами, то орудиями лжемудрия, то порывами страстей, действиями соблазна, прельщения и, наконец, грубой силы, возобновлявший и возобновляющий брань, не без печального для нас успеха, не потому, чтоб изнемогла непобедимая вера христианская, но по нашему произвольному расслаблению и малодушию.

Если Господь, верный в покровительстве Своей вере и *не оставляющий искушиться паче, еже мощи* (1 Кор. X. 13), в наше время, на нашу немощь не попускает столь сильных искушений, как прежде: мир однако имеет и ныне свои стрелы против тех, которые истинно Христовы суть, или деятельно желают быть таковыми. И хотя это суть, по выражению Псалмопевца, *стрелы младенцев*: но и оне могут наносить язвы (Псал. LXIII. 8) младенчески немоществующим в вере. Например, когда облеченные в ум Христов *глаголют премудрость Божию в тайне сокровенную* (1 Кор. II. 7), проповедуют учение о глубоком греховном повреждении человеческого естества, о самоотвержении, о возрождении, о внутреннем человеке, о жизни созерцательной, о действиях *Святаго Духа*, Которым, по изъяснению св. Иоанна Дамаскина, *всяка душа живится и чистотою возвышается*, и наконец *светлеется Тройческим единством священнотайне*: не возстает ли против сего глубокого учения поверхностная мудрость мира, как будто против мечтательства и опасного нововведения, хотя сие учение может назваться новым по тому только, что оно есть учение нового, а не ветхого человека, и опасным только для греховной плоти, поелику в нем заключается ее распятие? Или, если бы кто из людей, по своему положению в обществе, находящихся в глазах мира, совершенно предавшись влечению христианского духа, решился отвергнуть всякий внешний блеск, роскошь, зрелища, увеселения, развлечения, расточать имение только на нищих, прилепиться исключительно к храму Божию: не станет ли мир сего своего беглеца преследовать уязвляющими взорами? не направит ли на него стрел остроумия? Не найдутся ли люди, которые усомнятся в его здравомыслии по тому только, что он не применяется к миру и его нездравым понятиям и неправым правилам?

Итак надлежит признать, что Христом обличенная ненависть мира против последователей Христовых не только была прежде, но продолжается и донныне. И если хотим быть безпристрастны, надлежит признаться, думаю, многим из нас, что есть и ложный страх, производимый сею ненавистию, и малодушное угождение миру, именно для того, чтобы не подвергнуться сей ненависти. Для сего люди благоразумные позволяют себе дела легкомысленныя; люди, которые высоко ценят честность, попускают себе дела, которые честность очень не высоко ценит.

Самое обыкновенное благоразумие может разсудить, что игра есть упражнение детское, и потому людям зрелого возраста и ума едва изредка позволительное, для облегчения сил после долгаго напряжения во время важной деятельности. Как же изъяснить сие странное явление общежития, что общества людей зрелого возраста и ума, в уреченные часы каждого дня, игрою занимаются, едва ли не больше неопустительно, нежели делом звания и служения? Не иначе можно изъяснить сие, как тем, что разсудительные, хотя внутренно признают суетность сего упражнения, но боятся быть отлученными от общества, в котором суета сделалась законом, и потому раболепствуют суете, и убивают ею время, и более, нежели одно время.

Не трудно христианскому благоразумию по достоинству оценить искусство, награжденное некогда в лице Иродиады усеченною главою проповедника покаяния и целомудрия, уже по сему одному воспоминанию неприятное для размышляющего, и вообще не заслуживающее уважения, как игра, и притом не дружная *с тихим и безмолвным житием*, к какому располагает христианство. Почему же на поприще сего искусства, так часто, в таком множестве, как бы неминуемо, идут христиане и христианки? Не к осуждению, а к извинению многих, можем полагать, что это по опасению, чтобы мир не наказал презрением за презрение к законам мира.

Почтенный в обществе званием начальника или судии знает и чувствует, как хорошо иметь руки чистыя от неправды и мздоимства. Но он боится, чтобы мир не уничтожил его благородной бедности: и после сего нельзя ручаться, что он не отверзет своей руки для даров благодарности, а за сим трудно ручаться и за то, что не отверзет ея для мзды неправедной.

Вот случаи, которые показывают, как в самом обыкновенном течении жизни христианин искушается опасением ненависти мира, и как чрез сие может он сделаться или по некоторой неволе рабом мира, или охотно его другом. Но что далее? Страшась быть отвержен миром, он может дойти до того, что будет отвержен Богом. Ибо *никтоже может двема господинома работати* (Матф. VI. 24). *Иже восхощет друг быти миру, враг Божий бывает* (Иак. IV. 4).

Научись же подлинно, христианин, не страшиться ненависти мира, если она возстанет против тебя за то, что ты последуешь Христу, что стараешься мыслить благочестиво и жить добродетельно.

Что страшиться? – глаголет тебе Христос Господь. Твое состояние не есть необыкновенное; опасность твоя не есть нечаянная. Воззри на твоего Учителя и Господа, и познай, что Он прежде тебя перенес ненависть мира, и притом без сравнения жесточайшую, нежели какая тебя коснуться может. *Ведите, яко Мене прежде вас возненавиде.*

Но, Господи! какое в том утешение для ненавидимых миром, что и Ты был им возненавиден прежде нас? Не сугубая ли в том для нас скорбь, что и Ты, самая Любовь,

был ненавидим? Не сугубая ли для нас опасность в том, что и Ты, самая Жизнь, был убиен ненавидящими?

Не усомнимся, христиане, в утешении Господнем! Если *вся, елика преднаписана быша, в наше наставление преднаписашася, да терпением и утешением писаний упование имамы* (Рим. XV. 4): то возможно ли, чтобы слово Господа, особенно для утешения сказанное, не было для нас обильным источником утешения? Если сей источник глубок: углубим, как почерпало, внимание! Чем более углубим, тем обильнее почерпнем.

Ведите, глаголет, *яко Мене прежде вас возненавиде*. Ведать, что Христос был миром ненавидим, утешительно для нас, христиане, во-первых, по тому, что сие может послужить нам к освобождению от сомнения, на правом ли пути мы находимся. Ибо мир, ненавидящий нас за Христа, старается дать своей ненависти такой вид, будто он не за Христа против нас враждует, а осуждает нас, как не истинно Христовою стезею ходящих. Образ мыслей и жизни управляемый христианскими началами, и потому не такой чувственный и разсеянный, какой любят в мире, мир называет неразсудительною строгостию, упрямством, странностию, простоту и смирение – малостию и низостию духа, расположение к духовным упражнениям и жизни созерцательной – склонностию к мечтательству. Но когда слышим, что и Христу, при Его божественных деяниях и глаголах, не разумевшие таин Божества и спасения говорили: *жестокое слово сие* (Иоан. VI. 60), *хулы глаголет* (Лук. V. 21), *неистов есть* (Иоан. X. 20): тогда укоры мира против нас перестают быть страшными; потому что уподобляют путь наш пути Христову. Тогда терние, по которому ступаем, не столько нас уязвляет, сколько ободряет, как признак пути Христова. Тогда горькая чаша, которую подают нам, услаждается уверенностию, что мы *пьем чашу, юже пил* Господь наш; и следственно это не чаша гнева, но чаша спасения.

Во-вторых, ведать, что и Господь наш был ненавидим от мира, утешительно нам по тому, что чрез сие можем усматривать последствия ненависти, которую претерпеваем от мира, и конец наших бедствий. Если бы ненависть мира против Господа не кончилась победою и славою Господа: то не мог бы он указывать на оную к утешению ненавидимых миром учеников Своих. Но когда, видя себя на Его терновом пути, видим конец сего пути для Него: то и для нас конец того же пути видим. Итак пусть клеветают на истину; пусть ненавидят любовь; пусть убивают жизнь: истина оправдается, любовь победит, жизнь воскреснет.

В-третьих, и без дальнейших видов, ненавидимым от мира ведать, что и Господь был ненавидим от мира, утешительно по тому самому, что в сем является их сообразность Его возлюбленному и вожделенному образу. Неужели приятнее было бы христианину быть любиму ненавидящим Христа миром? Нет. Пусть мир нас ненавидит, презирует, отвергает: любезна сия ненависть; славно сие презрение; приятно сие отвержение, которое ко Христу приближает и Ему уподобляет.

Сподоби нас, Господи, приближаться к Тебе, если не делами совершенной добродетели, по крайней мере благодушным терпением противностей и скорбей, по вере и любви к Тебе, по образу Твоего терпения! Но сохрани нас от беды малодушия, чтобы из опасения противностей и скорбей, не раболепствовать страстям и суете мира, который Тебя ненавидит! Сотвори сие благодатию Твоею, милосердый к грешным, дивный во святых, препрославленный во веки! Аминь.

206. Слово

в день Успения Пресвятыя Богородицы.

(Говорено в Успенском Соборе, 15 августа;

напечатано в Твор. Св. От. 1846 г. и в собр. 1848 г.)

<1846 год>

В Изложении Православныя Веры святого Иоанна Дамаскина встречается следующее разсуждение о святых иконах: *понеже не вси знают писания, ниже вси в чтении упражняются: сея ради вины разсудиша святии Отцы, да сия* (яже в воплощении Сына Божия содеяшася), *аки преславная некая дела, на иконах изображаются, скорейшаго ради воспоминания* (Кн. IV. гл. 16). По сему разсуждению, взирать со вниманием на святых иконы значит то же, что читать священные книги. А из сего справедливо будет заключить, что из икон, так же как из книг, можно почерпнуть учение. И хотя святой Дамаскин относит сие к незнающим писаний: но и мы, сколько нибудь знающие писания, не превознесем себя над незнающими, и не почтем для себя излишним того, что для них полезно, *не высокая мудрствующе, но смиренными ведущеся*, как учит смиренная мудрость Апостольская (Рим. XII. 16).

Ревнующие поучаться тайнам Пресвятыя Девы Богородицы от Священных Писаний знают, как не много там о Ней говорится. И нельзя на сие жаловаться: потому что и о Самом воплощенном Сыне Божиим в священных книгах более умолчано, нежели сколько сказано, и это по самой необходимости, как заметил последний, дополнивший других, Евангелист: *яже аще бы по единому писана быша, ни самому, мню, всему миру вместити пишемых книг* (Иоан. XXI. 25).

Итак думаем быть правы, если, упражнявшись в других случаях по нашей силе, или лучше, по нашей немощи, в испытании писаний, о Пресвятой Деве свидетельствующих, ныне хотим, вместо книги, прочесть нечто в иконе Успения Пресвятыя Богородицы, которой древнейший образец, по особенному устроению Провидения, принесен был из Константинополя в Киев, и которую Святитель Петр, своею священою и святою десницею, изобразил нам здесь, без сомнения, не для чувственного только зренья, но и для духовнаго созерцания.

Первая, ближайшая к зрителю часть иконы проста. Видим пречистое тело Пресвятыя Девы, по отшествии пресвятыя души Ея, почивающее на одре. Собор Апостолов подъемлет, и несет оное к месту погребения. Святой Петр воздаст ему честь каждением фимиама, хотя оно само несравненно лучшим и животворным благоуханием исполняло внутренния чувства приближающихся к нему с верою. Если бы кистию и красками можно было изображать звуки: то мы услышали бы от иконы и Апостольскую погребальную песнь, в которой, как сказует святой Дионисий Ареопагит, *сошедшиися для зренья живоначальнаго и Богоприемнаго тела, Богобрат Иаков, и Петр, и все священноначальники воспевали безконечно сильную благодсть Богоначальственной немощи*, то есть, благодсть Сына Божия в воплощении восприявшаго на Себя немощь естества человеческого, кроме греха (о имен. Бож. гл. 3).

О чем напоминает нам сие изображение? Чему нас поучает? – Напоминает о грозном законе смерти. Поучает благовременно помыслить о том, как нам встретиться с сим законом.

Земля еси, и в землю отъидеши: сказал Небесный Судия в лице согрешившаго праотца роду человеческому (Быт. III. 19). И как неумолимо исполняется сей приговор! Пусть бы *царствовала смерть и над не согрешившими по подобию преступления Адамова* (Рим. V. 14), однако над согрешившими каким либо иным образом, и над не очистившимися от греха прародительского. Но преблагословенная Мария, еще прежде нежели соделалась Богоматерию, по изъяснению церковного Богослова (Иоан. стихир. на Благовещ.), *предочищена Духом*, чтобы Ей быть достойным сосудом воплощения Сына Божия. Со времени же воплощения, как тело Ея есть жилище Божие, так, без сомнения, и душа Ея есть жилище Божие, в столь же высоком значении, как она, по достоинству Матери Господней, превышает Херувимов и Серафимов. И не смотря на сие, покоряется и Она закону смерти, хотя впрочем только по видимости; отходит и Она в землю, хотя впрочем только на краткое время. Как могло быть сие допущено? – Могло быть допущено по Ея смирению, по которому Она не хотела бы пребыть совсем непричастною смерти, когда Пребожественный Сын Ея вкусил смерти; и действительно допущено по устроению Провидения, для нас, чада перстного Адама, неподвизающихся преобразиться в образ Адама Небесного, – для нас, чада согрешившаго, согрешающих и не очищающихся, чтобы мы, взирая на гроб Пречистой Матери Живота, и обращаясь к тому, что ниже Ея, со страхом помыслили, как верно суждение Апостола, что и *праведник едва спасется*, и чтобы глубоко почувствовали силу следующего за сим заключения: *еще праведник едва спасется, нечестивый же и грешный где явится* (1 Петр. IV. 18)?

Если и при благодатном обновлении жизни, при высокой святости и чистоте, стрела смерти еще находит более или менее уязвляемое место в естестве человеческом: то что будет с человеком, который, не подвизаясь о благодатном обновлении, безопасно живет в растленной природе? Что будет с душою, которая греховными склонностями и страстями сама в себя вводит стихии адския, и плодит в себе семена смерти духовной? Что будет с телом, которое, при своем, уже природном, расположении к тлению, не только не получает врачевания от высшей силы, обновленной благодатию жизни, но еще приемлет новыя злейшия семена тления и смерти от порочной души, от ея разрушительных страстей, от ея необузданных похотей, от разных видов невоздержания и злоупотребления чувственных способностей?

Внимательно и неленостно да подвизаемся, братия, чтобы заповедями Божиими и силою веры исправлять, очищать и возвышать нашу деятельность, и от видимой жизни естественной восходить к сокровенной жизни благодатной, да будет временная жизнь наша сродным началом жизни вечной, да не будет временная смерть наша преддверием смерти вечной, да будет гроб наш дверью в небо!

Обратимся паки к разсматриванию иконы. Вторая часть ея не так проста, как первая. Над смертным одром и над бездыханным телом Пресвятыя Девы икона представляет Самого Христа Спасителя, держащаго на руках душу Ея, в образе младенческом, знаменующем, без сомнения, начатие новой в небесах жизни. Писания не говорят, чтобы сие телесными очами видели все бывшие свидетелями успения и погребения Божией Матери. Посему надлежит полагать, что составитель иконы представил здесь видимым принадлежащее к миру невидимому, и просто видимое соединил с духовно-созерцаемым. Изобразив тело Пресвятыя Девы, оставленное душою Ея, он как бы предупреждал вопрос: что в сие время происходило с Ея душою? И в ответ на сие, изобразил видимо и Ея душу, носимую руками Ея Божественного Сына.

Здесь рождается новый немаловажный вопрос: какую силу имеет сие изображение? Не есть ли это простое представление воображения? – Нет. Так думать было бы не сообразно с достоинством древней святой иконы. Дерзость писать иконы по воображению

живописца есть порождение своеволия новейших времен. Древние изображали на иконах то, что находили в достойных веры писаниях или в предании. И художник нашей иконы, святой Петр, без сомнения, не был расположен писать на иконах мечты воображения. Заклучим не обинуясь, что его икона представляет нам не произвольный плод воображения, но созерцание, согласное с существом предмета.

Надобно ли, по церковному правилу осторожности, показать согласие сего предания с Священным писанием? – Для сего можно указать на слова Христовы: *бысть же умрети нищему, и несену быти Ангелы на лоно Авраамле* (Лук. XVI. 22). То, что слова сии принадлежат к притче, не должно быть поводом к сомнению о их значении: потому что и приточныя лица изображаются чертами действительной природы. Как смерть и погребение богатаго суть черты действительной природы: так несение Ангелами умершаго нищаго, в терпении стяжавшаго душу свою, есть черта действительнаго созерцания. Итак сличайте. Если Писание свидетельствует, что души святых человек, исходя от тела, приемлются Ангелами: то не совершенно ли согласно с сим, предание, между прочим посредством иконы, свидетельствует, что пресвятая душа Матери Господней, высшей Ангелов, исходя от тела, прията была Самим Ея Божественным Сыном? Ангел же, по другому преданию, послан был к Ней еще прежде на землю, дабы предварить Ее о приближавшемся преставлении; а потом собор Ангелов приветствовал Ее небесными песнопениями, которых отголосок слышали достойные во время Ея погребения.

Видите, какую многообразную премудрость заключили в иконном изображении Богомудрые Отцы наши. Они представили нам не только назидательное воспоминание прошедшаго видимаго, но и таинственное созерцание невидимаго в области грядущаго века.

Какое сладкое, хотя недосызаемо высокое созерцание! Как светло сияет в нем любовь Божественнаго Сына к Богоблагодатной Матери! Какая точность Небеснаго Судии в воздаянии по делам земной жизни! Поелику Приснодева носила на руках своих Сына Божия, во время Его земнаго младенчества: то, в воздаяние за сие, Сын Божий носит Ея душу на руках Своих, в начатке Ея небесной жизни.

Кто бы ты ни был, состранник земной жизни, слушающий меня, скоро и твоей и моей душе, – не знаю, которой скорее, – только верно скоро и твоей и моей душе отвернется невидимая область века грядущаго. Подумали ль мы, что там нас встретит? Кто там нас примет? Удостоят ли Ангелы, подобно как душу Евангельскаго нищаго, и нашу бедную душу нести в некую обитель света? Или ты о сем не заботишься, и думаешь, что можешь обойтись и без сей почести? Не обмани себя. Правда, что это есть почеть достойным: но не есть ли это также и пособие нуждающимся? Если на пути видимаго мира нужно нам охранение и руководство Ангелов: то не паче ли при вступлении в безвестный и безпредельный мир невидимый? Теперь телесный мир стоит пред нами, как преграда, закрывающая от нас светлое царство небесное, но также отделяющая от нас и мрачное царство адское; но и теперь, более или менее, проникают до нас влияния преисподней тмы, и тем более благопотребны нам вспомошествоующия влияния из царства света: что же будет, когда душа наша, отрешаясь от тела, переступит за преграду мира телеснаго, и вступит в непосредственное соприкосновение с миром духовным? Не угрожает ли ей открытое нападение темных сил, тогда как она не может сказать о себе, как мог сказать един Безгрешный: *грядет сего мира князь, и во Мне не имать ничесоже* (Иоан. XIV. 30)? Блажен, кто, смотря за гроб, имеет довольно присутствия духа, чтобы сказать с Давидом: *еще и пойду посреде сени смертныя, не убоюся зла; яко Ты со мною еси* (Псал. XXII. 4), – Ты, свет мира и победитель ада, – Ты, Который и сень смертную просвещаешь сиянием

креста Своего, – Ты, Который *за всех вкусил смерти*, чтобы смерть поглощена была жизнью, – Ты, Который заповедуешь Ангелам Твоим живущих в помощи Твоей сохранять во всех путях видимых и невидимых, во времени и за пределами времени! Но чтоб иметь такое присутствие духа, для сего надобно, чтобы точно был с нами Христос, в нашей вере, в нашей любви, в нашей деятельности по Его воле и заповедям.

У пророка Исаии, *сия глаголет Господь: блажен, иже имет племя в Сионе, и южики во Иерусалиме* (XXXI. 9). Если сие изречение имеет силу значения в отношении к Иерусалиму земному и народу иудейскому: то несравненно большую в отношении к духовному Израилю и небесному Иерусалиму. Иудей, если не может прийти в земном Иерусалиме в дом сродника, может найти там для себя гостинницу, и за деньги получить то, чего не может иметь по родственной приязни. Но в небесном Иерусалиме нет наемных жилищ, ни денег, ни купли, ни продажи. Или приди туда, как единоплеменник и сродник, или не будешь там принят. – Но разве можем мы сделаться сродниками небесным гражданам, которых большею частию даже и не знаем? – Можем сделаться сродниками не только гражданам небесным, но и самому Царю их. Читайте в Евангелии давно готовую грамоту Его для всех вас на сие высокое родство. *Мати Моя и братия Моя сии суть, слышащии слово Божие, и творящии е* (Лук. VIII. 21). Итак будьте, братия, прилежны к слушанию слова Божия, особенно глаголющего в Церкви, будьте деятельны и верны в исполнении Христовых заповедей; и вы войдете в родство небесное, будете *иметь племя в горнем Сионе, и южики в нерукотворенном Иерусалиме*, будете еще на земли, по слову Апостольскому, *сожителе святым и приснии Богу* (Ефес. II. 19), а наконец, они примут вас и в вечные кровы небесные, в причастие блаженства, и в созерцание славы Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

CCLXXXVIII.

207. Речь

на открытие больницы

при Московском Университете.

(Говорена сентября 28; напечатана в собр. 1848 г.)

<1846 год>

Быв собраны освятить общественною молитвою дело науки и человеколюбия, которое должно здесь не одновременно совершиться, но продолжаться и жить, не излишнее мы сделаем, если введем в молитву размышление, которое бы ее возбудило и направило.

Общая Матерь Церковь, удовлетворяя вдруг разнообразным потребностям чад своих, предлагает наиболее общие образцы молитвы, и дух благословения и благодати приближает к нам посредством священных знамений: но привлечь и принять сей дух должно наше верою жаждущее сердце; а сию жажду возбуждает ясное представление той особенной нужды, с которою прибегаем к молитве.

Представляется здесь уготованная Царским человеколюбием и щедротами обитель, правда, обитель не безпечальная, потому что ее населяет и населять будет страждущее человечество, и будет в ней распределяемо не по правам и преимуществам, а по болезням; однако же обитель и утешительная, потому что страждущие приемлются сюда для облегчения, болящие для врачевания.

И как счастливо с человеколюбием дружится здесь мудрость! Наука приходит облегчать многообразныя страдания: наблюдение над многообразными страданиями облегчает науку в ея трудных изысканиях. Врач помогает больному в получении здоровья, и больной помогает начинающему врачу в приобретении врачебной опытности.

Сии воззрения возбуждают нас к молитве радости и благодарения за Державнаго Человеколюбца и Покровителя знаний, и за деятельность служителей Его мудрости и человеколюбия, к молитве утешения и надежды за страждущее человечество.

Можно сорадоваться врачу, идущему к постеле больного. Если простое посещение больного, для изъявления участия, для утешительного слова, есть заслуга пред Христом Спасителем, и приобретает Его благословение: то кольми паче посещение больного для вожделенной и благотворной помощи, для подания здоровья. *Приидите, говорит, благословеннии; болен бо бех и посетисте Мене* (Матф. XXV. 34. 36). Счастливые люди, которые каждый день несколько раз можете заслужить сие благословение!

Но можно и страшиться, когда видим врача при постеле больного. Приятно сохранить жизнь ближняго, возвратить ему здравие: но страшно иметь в руках здравие и жизнь ближняго. Если бы врач видел больного насквозь: то, конечно, вернее направлял бы в цель врачебныя средства. Но он не редко стоит пред телом больного, как пред затворенным домом, и сквозь некоторыя скважины не столько видит, сколько угадывает, что происходит внутри. Телоразсечение отворяет двери в пустой дом: и потому не может показать многого, что происходит в нем в присутствии хозяина, то есть, души, одушевляющей тело. Душу же кто может преследовать по ея сокровенным входам и исходам в глубинах вещества грубаго, в высотах вещества тонкаго? Между тем, если от нея зависит жизнь: то возможно ли, чтоб, от различных ея состояний, не зависели степени жизни – здоровье и болезнь?

Но что я говорю? – Не подумайте, чтоб я хотел сколько нибудь унизить науку, или охладить ревность врача, или поколебать надежду больного. Нет. Я не забыл учения одной из душеврачебных книг. *«Почитай врача противу потреб честию его: ибо Господь созда его. Господь созда от земли врачевания и муж мудрый не возгнушается ими»* (Сир. XXXVIII. 1. 4). Я хочу только подать мысль, что врач не слишком должен полагаться на одну свою проницательность и знание, и что взор ума его не должен погрязать в веществе. Чтоб врачевать больного, врач должен прозревать внутрь его, прорекать сокровенное в нем: сие требует чистоты сердца и возвышения духа. Скажем не обинуясь: сие требует возвышения духа к горнему духу премудрости и разума. Как всякую истинную, так и врачебную – *Господь дает премудрость, и от лица Его познание и разум* (Притч. II. 6).

Сии размышления ведут к тому, чтоб при настоящем случае и врач, и больной, и доброжелательствующий врачу, и состраждущий больному соединились в особенной молитве к верховному Врачу душ и телес, да присещает Сам Он сию обитель врачевания, да даст ей, как некогда врачебной Силоамской купели, Своего благотворнаго Ангела, да изливает свет Свой в умы врачующих, да очищает сердца их любовью к страждущему человечеству, да благословляет их деятельность, и да простирает обильно и животносно на болящих врачебную силу, которую Он создал и заключил во врачебных веществах.

CCLXXXIX.

208. Речь

Благочестивейшему Государю Императору
Николаю Павловичу, пред вступлением Его Императорского
Величества с Государем Наследником Цесаревичем,
Великим Князем Александром Николаевичем, в Успенский собор.

(Говорена 30 сентября; напечатана в Моск. Вedom. и в собраниях 1848 г.)

<1846 год>

Благочестивейший Государь!

Есть жажда, которую мы всегда неумоимо чувствуем, и счастливы, что так чувствуем. Это жажда сердец и взоров сретить Твой Царский взор. Для нас око Царя – око солнца. Не просто зрит, но и светит, и оживляет, и возвращает, и возвышает.

И так, гряди и ныне, светлостью Твоего взора одушевляй и возвышай то, что зиждется и благоустраивается силою Твоего державного духа; и да найдет взор Твой повсюду то, что угодно Твоему сердцу, для чего подвигается Твоя мудрость.

Око же всевидящее охранительно да бодрствует над Тобою и Твоим Домом и Царством.

ССХС.

209. Слово

в день восшествия на всероссийский престол

Государя Императора Николая Павловича.

(Говорено в кафедральной церкви Чудова монастыря 20 ноября,

напечатано в Твор. Св. От. 1847 г. и в собр. 1848 г.)

<1846 год>

*Писано есть: дом Мой дом молитвы
есть. Лук. XIX. 46.*

Кто из нас не знает, что место, где мы теперь находимся, есть дом молитвы и дом Божий? Однако не неблагоприятно, думаю, теперь привести на мысль, что знаменательное наименование *дома молитвы*, и высокое наименование *дома Божия*, не только дает сему месту Пророк, но также признает и сама воплощенная Истина, Господь наш Иисус Христос, глаголя: *писано есть: дом Мой дом молитвы есть.*

Чем вожеленнее для нас особенный предмет нынешней молитвы нашей, – призвание новых благословений Божиих на обновляемое царственное лето Благочестивейшего Самодержца нашего: тем полезнее и приятнее иметь в виду твердое удостоверение, что молитва наша не на темном и неизвестном пути, не издавеча простирает недосызающая

руки и не достигающие, может быть, до слуха гласы, но беседует с Богом в доме своем и Божиим, следственно близко, свободно, удобослышимо, благонадежно.

Приведем для себя в большую очевидность скорое и верное действие церковной, и в особенности царственной и всенародной в церкви молитвы, посредством древняго примера. Во время внезапнаго нашествия на царство иудейское трех враждебных народов, *ста Иосафат в собрании Иуды во Иерусалиме, в дому Господни*, и принес единодушную с народом молитву к Богу, признавая свою немощь, и призывая Его противу врагов помощь: *не вемы, что соделати имамы им: но токмо очи наши к Тебе*. Едва произнесена была молитва, как услышался благоприятный на нее ответ Божий, из уст Иозиила. *Бысть на нем Дух Господень посреди народа, и рече: слышите весь Иуда, и обитающии во Иерусалиме, и ты, царю Иосафате: сия рече Господь вам: не бойтесь, ниже ужасайтесь от лица народа сего многого, несть бо ваше ополчение, но Божие*. На другой день, когда Иосафат и его войско шли на встречу врагам, воспевая священные песни, – междоусобие произошло в стане разноплеменных врагов; они истребили друг друга; Иудеям осталось только собрать добычу (2 Парал. гл. 20).

Если так действовала молитва во храме сеней и гаданий: то менее ли надлежит ожидать от нея во храме явленной и воплощенной Истины? Если так дерзала и успевала она там, где владычествовал грозный Закон: то не паче ли здесь, где поставила престол свой милующая Благодать?

Воплощенный Сын Божий учил молитве словом и примером; побуждал к ней; пролагал и облегчал ей путь к Богу, Своим о нас ходатайством, которого не прекращает и ныне, и не прекратит до скончания века; и, одушевляя к подвигу чаемым плодом подвига, Он дал христианской соборной молитве уполномочивающее обетование: *аминь глаголю вам: яко аще два от вас совещаеа на земли о всякой вещи, еяже аще просита, будет има от Отца Моего, Иже на небесех* (Матф. XVIII. 19). *О всякой вещи, еяже аще просита:* – какое обширное, какое, можно сказать, неограниченное полномочие! *Будет от Отца, Иже на небесех:* – какое высокое и, очевидно, никакою иною властью непреодолимое полномочие! А что в обетовании говорится о наименьшем соборном числе: *аще два от вас совещаеа:* это для того, чтоб и малый, по нужде, собор церковный не почитал себя слишком недостаточным для участия в обетовании Господнем, и чтобы тем паче уповал на обетование собор великий.

Хотите ли видеть сие обетование в исполнении, сие полномочие в полном действии? Посмотрите в первоначальную Церковь Апостольскую.

После одной из первых, успешной проповеди, на Апостолов возстали все иерусалимския власти. Ввергают их в темницу; потом, взяв из нея, допрашивают в соборе князей, старцев и книжников, и грозно запрещают им учить о имени Иисуса. Буря сильна. Новонасажденное христианство было в опасности не только поколебаться, но и быть исторгнуто с корнем. Нужна была чрезвычайная опора, особенное подкрепление свыше. *И помолвившимся им, подвижеся место, идеже бяху собрани, и исполнишася вси Духа Свята, и глаголаху слово Божие со дерзновением* (Деян. IV. 31). *Место, идеже бяху собрани*, очевидно было домом молитвы и домом Божиим внутренно, хотя еще не время было тогда возвеличить оное внешне, и осенить крестом, как у нас ныне.

В другое время, *Петра стрежаху в темнице: молитва же бе прилежна бываемая от Церкви к Богу о нем* (Деян. XII. 5). Что же сделала сия церковная молитва? То, что Ангел разрешил Петра от оков, и сквозь запертыя двери, мимо стражей, вывел из темницы на свободу.

Нужно ли говорить более, чтобы возбудить покоящуюся уверенность, что наименования дома молитвы и дома Божия не суть только почетные наименования, поверхностно наложенные на предмет, но выражают нечто существенное в предмете, хотя не всегда и не всем открывающееся? Кажется, все мы знаем, что в доме молитвы, в соборе церковном, есть особенная благодатная близость Бога вездесущаго; что в доме Божиим есть таинственное вселение Бога невместимаго: что в сем доме богатаго благостию Домовладыки, больше нежели где либо, совокуплены сокровища даров, пособий, благодеяний, милостей, утешений, света, силы, жизни, спасения, и чадам и присным сего дома предоставлен ключ от сих сокровищ молитва веры. Кажется, все мы знаем достоинство и важность дома Божия, как о сем свидетельствует самое наше собрание, и общий образ благоговения, господствующий в сем собрании.

Но я сказал не совсем решительно: кажется, все мы знаем; – и, к прискорбию, имею на то причины. Когда от должного молитвенного возвышения к Богу, или по немощи и развлечению, падаю мыслию на себя и на окружающее, или, по лежащему на мне долгу охранять чин церковный, обращаю испытательное внимание на служащих и предстоящих во храме; когда примечаю, что мы, служащие святилищу, не служим иногда образцом для прочих в благоговении к святилищу; когда слышу чтеца, торопливо пробегающего псалом, или певца, играющего звуками, без признаков духовнаго внимания к тому, что читают или поют; когда вижу некоторых предстоящих Царю небесному с меньшим благоговением, нежели предстояли бы царю земному, пришедших беседовать с Богом, беседующих вместо того между собою, и в сем положении вижу не таких людей, которых можно было бы извинить пророческим словом: *негли убози суть и буии* (Иер. V. 4); когда искушаемый неблаговременным словом сопредстоящаго, видимо, заботится не о том, чтобы не прогневать Бога неблагоговением в церкви, и не о том, чтобы удержать ближняго от неблагоговения, а о том, чтобы молчанием не оскорбить приглашающаго к празднословию: при таких видах желал бы не верить видимому, и недоумеваю, что это значит? Знаем ли мы, куда и для чего пришли? Знаем ли, что это дом Божий? Или не хотим пользоваться его сокровищами? Неужели поклонники храма Иерусалимскаго должны в чемнибудь уступить преимущество поклонникам какой-нибудь горы самарийской, которые не имея у себя подобной святыни, и даже, *кланяясь, егоже не ведут*, тем не менее строго соблюдают порядок и безмолвие при молитве? Поймите глаголемое притчею, что горько было бы сказать без притчи.

Чтобы не преувеличивать обвинения, справедливость требует сказать, что несовершенный иногда вид благочиния и благоговения в храмах наших является не как выражение неблагочестия, а только как следствие не строгаго внимания и не довольной бдительности некоторых над собою. Впрочем, если бы кто спросил: стоит ли труда преследовать такая погрешности, как – поздний вход в дом молитвы, или ненужное слово, сказанное во время богослужения? – то я отвечал бы, что надобно по возможности устранять и погрешности, чтобы за ними не пришли и не поселились грехи и беззакония.

Обратимся к Евангелию и посмотрим, какие преступления преследовал Господь наш, когда, *вшед в Церковь, начат изгонити продающих в ней и купующих, глаголя им: писано есть: дом Мой дом молитвы есть, вы же сотвористе его пещеру разбойников?* Какие люди пришли в храм Иерусалимский, и как превратили его в пещеру разбойников? Язычники ли это? Идолским ли служением осквернили они храм? Совсем нет. Это православные Иудеи, для удобства, продавали и покупали то, что нужно в храме для богослужения, волов, овец, голубей для приношения в жертву, и разменивали деньги, чтобы тот, кому жаль положить в сокровище храма большую монету, близко мог найти для сего малую, – и это делалось не во святилище, а во дворе храма. Мы, взглянув на сие, может быть, усомнились бы, надобно ли преследовать неблагообразие, котораго не совсем

легко избежать, и которое имеет свою пользу? Но Господь преследует сие неблагообразие не только словом, но и бичем от вервий, и называет оное превращением храма в пещеру разбойников. После сего надобно признаться, что нельзя почитать очень невинным, когда не во дворе храма, но в самом храме христианском, пред лицом самой святыни, рассеянность и человекоугодие разменивают между собою приветствия, и на праздные вопросы покупают бесполезные ответы.

Не угрожаю никому бичем Господним. Мой подвиг не в том, чтобы кого либо изгнать из храма, но в том, чтобы сохранить всех вас храму, как его украшение. Если же и сие малое слово покажется кому-нибудь похожим на малый бич: пусть оно угрожает более нам, которые, по справедливости, подлежим большей строгости: а вы спокойно уклонитесь от того, что заслуживает удары слова. Вспомним слово Соломона: *лучше обличения откровенна тайныя любви* (Притч. XXVII. 5). Возлюбим обличения. Если мы их не заслужили, тем спокойнее можем слушать их, а они помогут нам, чтобы не заслужить их впредь; если же, по несчастю, заслужили, они помогут нам исправиться. Благодарение Богу, что сохраняется в нас влечение к дому Божию! будем бодрственно внимательны к тому, чтобы наше пребывание в доме Божиим сделать более достойным онаго, более совершенным, и тем более плодоносным и спасительным.

С утешением воспоминаю пример, которым в благоговении к дому Божию предшествует нам Благочестивейший Государь Император. Как любит он созидать дома Божии! Вы сами по временам бываете свидетелями, как благоговейно предстоит Он Господу во храме! Как неуклонно зрит к олтарю! Как внимательно следует молитвам о том, что Ему любезно, и сопровождает их крестным знамением! Как смиренно преклоняется пред святынею!

Соединимся мысленно с Ним в настоящей молитве нашей; да слиются все наши сердца в единое молитвенное кадило; любовь к Царю и вера к Богу да соединятся, чтобы воспламенить духовный фимиам молитвы; и да взйдет она от дома Божия земнаго в небесный; и да снидет новое благословение на царство Благочестивейшаго Самодержца нашего; да будет оно всегда благочестивою мудростию и правдою благоуправляемо внутри, ограждено безопасностью отвне, обильно средствами благоденствия, да под сению престола Его *тихое и безмолвное житие поживем во всяком благочестии и чистоте!* Аминь.

ССХСІ.

210. Слово

в день Тезоименитства Государя

Императора Николая Павловича.

(Говорено в Мариинской церкви Вдовьяго Дома декабря 6;

напечатано в Твор. Св. От. 1847 г. и в собрании 1848 года.)

<1846 год>

*Шедше же научитесь, что есть: милости
хошу, а не жертвы?* Матф. IX. 13.

Благоговейно творя церковную память Святителя Николая, котораго необыкновенно великая в Церкви слава просияла особенно из дел милосердия, и с тем вместе совершая отечественный праздник Тезоименитаго ему Царя нашего, и это в одной из многих обителей Царскаго милосердия, сколь неизбежно встречаемся с мыслию о милосердии, столь же охотно берем оное в предмет слова.

Но чтобы слово о милосердии надежнее шло путем истины, приемлем ему в путеводителя слово самой воплощенной Истины: *шедшие научитесь, что есть: милости хочу, а не жертвы?*

Милость, кажется, не есть нечто непонятное. Когда мы, прося чегонибудь такого, на что не имеем права, но что удовлетворило бы нашей нужде, облегчило бы наше бедствие, избавило бы нас от затруднения, говорим обыкновенно: сделай милость, сделайте милость; то сим, кажется, свидетельствуем, что всякий знает, как сделать милость, и не нужно учиться сему. Однако Господь делает сие именно предметом учения: *шедшие научитесь.*

Если же надобно учиться делать милость: то, конечно, всего лучше учиться у того же Божественнаго Учителя, Который вразумляет нас о надобности сего учения. Определительно излагает Он учение о милосердии, когда оказавшим в оном совершенные успехи дает торжественное одобрение и присуждает в награду царствие небесное. *Взвалкался, говорит, и дасте Ми ясти; возжадахся, и напоисте Мя; странен бех, и введосте Мене; наг, и одеясте Мя; болен, и посетисте Мене; в темнице бех, и приидосте ко Мне* (Матф. XXV. 35).

Опять кажется, что это все простые дела, не требующия науки, а разве, может быть, совета и побуждения к исполнению. И если в сем только состоит учение милосердия: то, вместо заботы об истолковании онаго, мне предлежит более приятная обязанность свидетельствовать о изрядных в сем учении успехах, которые оказывает сей Богоспасаемый град. Как благословенно изобилует он не только повременными делами человеколюбия, но и постоянными учреждениями деятельнаго милосердия Царскаго, милосердия вельможескаго, милосердия градскаго, милосердия особенных, добровольно для сего соединившихся, обществ, наконец ежедневным сеянием домашней и личной милостыни! Видим здания Царския, созданныя не для Царя и присных, но для чужих, дальних, смиренных, которых ищет и усваивает себе высокое милосердие. Видим палаты, воздвигнутыя вельможами, в которых по воле основателей, на счет их богатства, не вельможи роскошествуют, но алчущие питаются, жаждущие напояются, наготующие одеваются, странные вводятся, больные врачуются, сырые, престарелые, беспомощные находят призрение, успокоение, удовлетворение потребностям. Видим дома, частью так же обширные, частью смиренные, но за то многочисленные, в которых гражданское милосердие посильно следует за милосердием вельможеским, подобно как вельможеское за Царским. Видим идущих из великолепнаго дома посетить убожество в какомнибудь темном углу неблагообразнаго или нездраваго жилища, чтоб узнать и доставить потребное, или пригласить в обитель призрения. Видим приходящих в темницу так охотно, как в гости, пекущихся о заключенных, как о своих домашних. Видим, особенно во дни освященные, множество рук, простираемых в темницу, чтобы подать заключенным угощение, хотя впрочем известно, что они не алчут под кровом попечительнаго правительства. Без сомнения, есть еще подвиги милосердия, которых не видим, но тем не менее, даже, может быть, тем более светлые, что их не видим, поколику их скрывает смирение. Прекрасно! Слава Богу! Если непреложен тайный закон Провидения, некогда открытый Ангелом, что *милостыня от смерти избавляет* (Тов. XII. 9); то, вероятно, ей не мало ты обязан своим спасением, Богоспасаемый град; может быть, особенно на сей-то

черте твоего характера (впрочем не разлучной с твоим правоверием и любовью к Царям) , покоилось провидящее око небеснаго милосердия, когда небесное правосудие *посещало жезлом беззакония и ранами неправды*, и таким образом *милость* Господня не *разорена от тебе* (Псал. LXXXVIII. 33. 34); смертоносныя раны, не раз на твоём долгом веку, нанесенныя тебе то яростию врагов, то другими бедствиями, не могли причинить тебе смерти, и ты, не изнемогая, достигаешь семисотлетней старости. Продолжи твою милость земную, да продолжится к тебе милость небесная. Продолжи исполнять завещание, которое, как ты ни стар, еще за-долго до рождения твоего написано: *буди любомилостив и праведен, да тебе благо будет* (Тов. XIV. 9).

Но нам должно возвратиться к слову, от котораго мы начали слово. Мы все еще не разрешили, все еще остается нам разрешить, что это за учение, к которому отсылает нас Господь, когда говорит: *шедшие научитесь, что есть: милости хочу?*

Дела милости, о которых мы доселе говорили, суть как бы воплощение и тело милости. Они совершаются большею частию телесным, вещественным, видимым образом, и направляются против бедствий, которым человек подвергается по телу и по внешнему состоянию. Но как выше видимаго тела душа невидимая, духовная, оживляющая тело: так выше видимых дел милости самая милость, невидимая, духовная, которая должна оживлять и видимыя дела милости. Сия существенная милость живет в духе и в сердце человека, почему и называется милосердием; и целию имеет миловать преимущественно бессмертную душу ближняго, которая безмерно важнее тленного тела. Вот что не все понимают, или не все имеют во внимании! Вот чего не понимали, или не хотели понимать фарисеи, которых впереди нас посылал Господь учиться милости у пророка Осии, написавшаго в своей книге сии слова: *милости хочу, а не жертвы* (VI. 6)!

Фарисеи, видя Господа Иисуса возлежащаго в доме мытаря Матфея и допустившаго быть с Собою за одним столом и других мытарей и грешников, дабы Своим снисхождением и Своим божественным словом привлекать их к покаянию и спасению, не хотели видеть в сем высокое дело милосердия, не думали, по подобию Ангелов, радоваться о грешнике кающемся, о душе, к которой приближается спасение, но видели в сем только мнимую несообразность с преданиями старцев. Имея довольно дерзости, чтобы судить Того, Котораго и при несовершенном познании должны были признавать не менее, как чудотворцем, но не имея прямодушия высказать свои мысли Ему Самому, они обратились с своими пересудами к Его ученикам: *почто с мытари и грешники Учитель ваш яст и пьет?* Как будто не учитель учеников, а ученики учителя должны учить, как ему поступать! На сие-то Господь отвечал фарисеям: пойдите к Пророку, и научитесь от него, что значит милость, и особенно духовная, узнайте, что Бог хочет и требует ея не только преимущественно пред соблюдением произвольных человеческих преданий, но и преимущественно пред обрядовыми действиями, в законе Божиим предписанными: *шедшие научитесь, что есть милости хочу, а не жертвы?*

В наше время можно не опасаться фарисейской строгости, не позволяющей сесть за обед вместе с грешниками. Но из наставления, которое Господь дал фарисеям, нет ли чему научиться и нам, христиане? Поистине, надобно нам брать себе в руководство учение и пример Христов, чтобы творить милость не телесную только, но и духовную, часто не менее телесной нужную, и всегда паче телесной благотворную.

Если судить здраво и взвешивать предметы и дела на весах правды: не странно ли, что более иногда оказывается внимания к лишениям, бедствиям и опасностям тела, которое можно избавить от страдания и спасти только на краткое время, нежели к лишениям,

бедствиям и опасностям души, которую свойственное к ней милосердие могло бы избавить от вечного страдания и спасти на веки?

Видят человека, утопающего в воде: знакомые и не знакомые спешат на помощь, вопиют о помощи. Видят человека, утопающего во грехе и беззаконии, в злокорыстии, в невоздержании, в сладострастии: стоят и смотрят, лучшие с сожалением, нелучшие с улыбкою, а иные, может быть, даже помышляют, нельзя ли воспользоваться тем, что утопающий оставляет на берегу.

Когда горит дом: толпы народа бегут сражаться с огнем за бревна и доски часто неизвестного хозяина. Но когда душа горит огнем злой страсти, похоти, ярости, злобы, отчаяния: так же ли легко находятся люди, которые поспешили бы живою водою слова правды и любви угасить смертоносный огонь, прежде нежели он обнял все силы души, и распространился до слияния с огнем гееннским?

Скажут, что сделать милость духовную, просветить истинною неведущаго, уврачевать зараженного страстию, освободить грешника от уз греховной привычки, возбудить веру и надежду в маловерном и отчаянном, не всякий так способен, как сделать дело милости телесной. Частию, это правда: но частию, это есть выражение не полной ревности к благоделанию, и отговорка, подобная той, которую премудрый нашел в устах лениваго: *лев на пути* (Притч. XXVI. 13). Не всякой богат; однако почти всякой может подать нищему, если не талант, то лепту: подобно сему не всякой так образован и опытен духовно, чтобы подавать ближним сильную духовную помощь; но почти всякой, и немощный, может сколько нибудь помочь немощнейшему, и не высоко образованный менее образованному; и даже не образованный образованному; потому что не все так в духовном, как бывает в телесном. Кто был Моисей? Пророк, законодатель, Боговидец. А кто был Иофор? Священник неизвестнаго богослужения, не принадлежащий к избранному Богом народу, едва утвердившийся в истинном богопознании чрез Моисея. *Ныне, говорит, уведех, яко велик Господь паче всех богов* (Исх. XVIII. 11). Думаете ли; что этот Иофор способен подать помощь этому Моисею? Но Иофор увидел Моисея обремененным распрями народа, почувствовал к нему сострадание, и не поколебался предложить ему помощь, и действительно помог, присоветовав учредить разделение и постепенность судов. Сей пример для того, думаю, показан в слове Божиим, чтобы, с одной стороны, мнящиеся быть премудры и духовны не унижали пред собою простых и несовершенных, а с другой, и чувствующие себя далекими от совершенства духовнаго, мысля о своем несовершенстве не охлаждали себя в усердии подавать ближним духовную помощь, по силе и разумению.

Скажут еще, что телесную милость делать удобно потому, что ея просят не только нуждающиеся, но часто и не нуждающиеся, а духовную трудно, потому что имеющие в ней нужду не только большею частию не просят ея, но часто и предлагаемую отвергают и даже оскорбляют подающих. Должно признаться, что это затруднение велико. Но вспомним, что, когда Апостолы хотели подать миру великую духовную милостыню — христианскую веру и нравственность, он не только не просил ея, но и предлагаемую не хотел принять, и озлобился на предлагающих. Однако их вера, любовь, терпение, молитва сделали, наконец, то, что мир принял великую милостыню, и спасен. Что Апостолам дано было сделать для миллионов душ, для веков, для вселенной: того, хотя часть некую, хотя для одной бедствующей души сделать, верно, поможет благодать Божия всякому верному и братолюбивому чаду Апостольской Церкви.

Братие, аще кто в вас заблудит от пути истины, и обратит кто его: да вестъ, яко обративый грешника от заблуждения пути его спасет душу от смерти и покрывает

множество грехов, и ближняго, и своих (Иак. V. 19. 20). В сих словах Апостол Иаков предлагает вам и подвиг, и надежду в нем успеха, и награду. Аминь.

ССХСП.

211. Слово

пред приведением к присяге дворянства

Московской губернии, пред его выборами.

(Говорено декабря 9; напечатано в Твор. Св. От. 1847 г. и в собр. 1861 г.)

<1846 год>

*Человецы бо большим кленутся, и всякому
их прекословию кончина во извещение
клятва
есть. Евр. VI. 16.*

Кто приступает к важному делу, тому полезно предварительно размыслить о нем, хотя бы оно и не казалось незнакомым; потому что невнимание может произвести так же неблагоприятные последствия, как и незнание.

Вы, благородные мужи, приступаете к важному делу, — к произнесению пред Богом клятвы в том, что употребите благоразсуждение и безпристрастие в избрании достойных в различные должности начальствования и суда. Итак войдите, или допустите ввести вас, в некоторое размышление о том, к чему приступаете.

Клятва, или присяга, есть именем Божиим утвержденное удостоверение о чистой истине объявляемого о верном исполнении обещаемого.

Апостол сказал о клятве несколько неопределенно: *человецы большим кленутся*, то есть, кланутся тем, что выше и важнее человека. Вероятно, при сем имел он в виду обычай своего времени клясться не только именем Божиим, но также небом и землею, храмом и олтарем. Но все сии виды клятвы, по изъяснению самого Христа Спасителя, имеют одно истинное значение, по которому прямо или не прямо относятся к Богу, и в Нем и Его имени имеют свою силу и важность. *Иже кленется церковию, кленется ею, и Живущим в ней: и кленыйся небесем, кленется престолом Божиим, и Сядущим на нем (Матф. XXIII. 21. 22).*

Но как дерзаем мы в наших уверениях и обещаниях употреблять святое и страшное имя Божие? Позволительно ли сие дерзновение? В каких случаях оно позволительно? Разрешение всех сих вопросов можно найти в одном Апостольском изречении: *всякому прекословию кончина во извещение клятва есть*, то есть, клятва есть окончательное, крайнее средство удостоверения во всяком случае, когда нужно прекратить прекословие, или устранить сомнение.

Посему, если прекословие или сомнение, встречающееся в сношениях между людьми, не так важно, чтобы требовало усиленных мер для устранения онаго; или, если для сего есть простые и ближайшия средства, находящиеся в свойствах и обстоятельствах дел и

отношений; если можно довольствоваться и не полным удостоверением, без большого вреда, особенно общественного: в таких случаях и обыкновенное благоразумие не присоветует прибегать к крайнему средству удостоверений, и благочестивое чувство не должно позволить клятвы именем Божиим. Хочешь, например, чтобы верили твоему слову в разговоре, твоему обещанию в общежитии; во множестве случаев сего рода, большею частию маловажных, прибегать к клятве было бы сколько дерзновенно, столько же и излишно. Для той степени удостоверения, какая здесь нужна, есть простые ближайшия средства. Говори всегда правду с точностию и без уклончивости: и твоему простому слову будут верить, как клятве. Не давай обещаний, в удобоисполнимости которых не уверен, а данные обещания исполняй неизменно: и твоему простому обещанию будут верить, как клятве. К таким-то случаям относятся – и древняя заповедь: *не приемли имени Господа Бога твоего всуе* (Исх. XX. 7), и заповедь Христова: *не клятися всяко* (Матф. V. 34), и увещание Апостола: *не кленитесь ни небом, ни землею, ни иною кою клятвою: буди же вам еже ей, ей, и еже ни, ни: да не в лицемерие впадете* (Иак. V. 12).

Но есть другого рода случаи, в которых для устранения сомнения и для достижения удостоверения обыкновенныя средства недостаточны; а недостижение удостоверения сопровождалось бы крайним вредом не только частным, но и общественным. Отсюда происходит необходимость, а от необходимости обязанность, с крайним усилием достигать *кончины во извещение*, прибегать к крайнему средству удостоверения, какое только возможно.

Государь и государство требуют от подданных верности вообще, и в особенных служениях, должностях и поручениях. В сей верности необходимо нужно твердое удостоверение: потому что без сего не был бы обеспечен общественный порядок, и даже не было бы общественной безопасности. Чем же обеспечить верность? Законами? – Но чтобы законы имели полную силу и действие, для сего нужна строгая верность в их употреблении. Следственно предложенный вопрос здесь не разрешается, а только получает особенный вид: чем обеспечить верность в употреблении законов? Итак чем же? Не честностию ли, предварительно познаваемою? Для сего удобнее находить время и способы в необширном кругу частных сношений, нежели в необъятном пространстве государственных отношений. Власть употребляет ближайшия и важнейшия свои орудия, без сомнения, с предварительным испытанием и дознанием, поколику достигает и проникает человеческий ограниченный взор: но можно ли испытанием и дознанием решительно определить честность каждого из тысяч и тем людей, прежде употребления их, как орудий государства? Опять возвращается вопрос: чем обеспечить верность? Не честным ли словом? Честное слово можно принять обеспечением только из уст человека дознанной честности: а где предварительное полное дознание честности неудобоисполнимо, там не обеспечивает слово, которое само себя провозглашает честным. Кто не знает, что, так называемое, честное слово дают и те, которые не обеспечили его исполнения для самих себя, и даже не думают о его исполнении? Чем же обеспечить верность? Не страхом ли наказаний? Как неприятно было бы, если б и было возможно, основать общее спокойствие на одном общем страхе! Но это и не возможно; потому что могут быть нарушения верности, которых человеческая пронизательность не может открыть, и правосудие человеческое не может преследовать. Страх наказания нужен и полезен для обуздания склонных к преступлению: но не достаточен для образования качества верноподданных. Таким образом неудовлетворительность более близких и обыкновенных средств к обеспечению верности приводит к крайнему средству, к запечатлению обещаемой верности великим и страшным именем Божиим, дабы каждый так уважал верность, как благоговеет пред Богом; дабы тот, кто вздумал бы дерзновенно коснуться своего обещания, неизбежно встретился с именем Божиим, которое не есть

только произносимый звук, но призываемая сила Божия, проникающая души, испытующая сердца, благословляющая верных и карающая неверных.

Что сия *кончина во извещение*, сие крайнее средство удостоверения между человеками не есть просто человеческое учреждение, что клятва не есть только изобретение народоправительственного искусства, что сию опору земного царства приемлет, утверждает и освящает само небесное царствие, сие не трудно усмотреть из того, что клянется и сам Бог. *Мною самем кляхся, глаголет Господь* (Быт. XXII. 16) Аврааму. И Апостол изъясняет сие слово Господне точно, как образец Божией клятвы. *Аврааму обетовая Бог, понеже ни едином имяше большим клятися, клятся Собою* (Евр. VI. 13). Нет сомнения, что по снисхождению Бог дает здесь Своему обетованию образ человеческого удостоверения: но также нет сомнения и в том, что Бог приемлет в Свои руки только те из земных орудий, которые чисты и достойны неба.

Клятва именем Божиим в верном прохождении общественного служения, или в верном исполнении общественного дела, нужна как для удостоверения власти и общества, так и для утверждения самого обязывающегося верностью. Верность не требует ли часто не только самоотвержения, но и самопожертвования? Не встречается ли с искушениями, иногда с грубыми, которые однако не всегда столь же легко отразить, как легко приметить, иногда с тонкими, в которых можно запутаться почти неприметно? Самонадеянный положится в сем на себя: но едва ли сделает исключение из пророческого суждения, что *всяк человек ложь* (Псал. CXV. 2), то есть, вне помощи Божией. А имеющий более самопознания не успокоился бы от сомнения сам о себе, если бы не прибегнул к Богу, и не утвердил в Нем своей надежды. *Господи, верный в словесех Своих, и преподобный во всех делах Своих* (Псал. CXLIV. 13)! Благослови верность моего слова и преподобие моего дела. Являй мне истину и правду; даруй мне готовность к самопожертвованию за них, твердость, чтобы устоять против приражений сильной неправды, прозорливость, чтобы не запутаться в сетях хитрости или пристрастия. – Так свойственно говорить сердцу человека, искренно желающего сохранить верность в служении или деле общественном: так и предписанный законом от дней предков наших образец присяги повелевает говорить: *Господь Бог душевно и телесно мне да поможет!*

Да удалится от нас помысл неверности клятве! Но чтобы он вернее был удален, поражайте его, как стрелою, грозным словом Божиим: *не очистит Господь приемлющего имя Его всуе* (Исх. XX. 7). Если *не очистит Господь приемлющего имя Его* всуе, напрасно, легкомысленно, без нужды: то чего должен ожидать тот, кто, давая клятву пред Богом, употребил бы имя Божие неблагонамеренно, святотатственно, чтобы его святостию покрыть нечистоту своей неверности? *Погубиши вся глаголющая лжу* (Псал. V. 7): но не прежде ли прочих погубиши, Господи, глаголющая лжу пред именем Твоим и пред лицом Твоим, лжущих, как Анания и Сапфира, не человеком, но Тебе Богу? Когда Апостол Петр обличил Ананию сими точно словами: *не человеком солгал еси, но Богу; слышав Анания словеса сия, пад издше*; а потом и Сапфира, после подобного обличения, *паде абие пред ногами его, и издше* (Деян. V. 4. 5. 10). Сей пример, и многие примеры вне священной истории, показывают, что ложь пред именем Божиим и пред лицом Божиим, ложь клятвопреступная, как бы в нетерпение приводит небесное Правосудие, и привлекает грозные и внезапные удары судьбы.

К сим размышлениям о важности клятвы, надеюсь, и без моего содействия присоедините размышление о важности дела, для которого даете клятву. От тех, которых изберете, будет зависеть не малая доля общественного порядка, спокойствие многих, спокойствие собственно зависящих от вас и врученных вашему попечению, а иногда, может быть, даже

спокойствие некоторых из вас, и поддержание достоинства вашего возвышенного сословия.

Избирайте так, чтобы не упрекать потом себя, чтобы не прогневать Бога. Найдите достоинство, если оно скрывается; умеете привлечь, если оно уклоняется. Напротив того, поставьте преграду домогательству недостойности. Не поставьте себя ниже недостойных, допуская их перехитрить ваше действование. Оправдайте щедрую к вам доверенность к самодержавной Власти. Чистота намерения и действования да привлечет благословение Божие на избирателей, и на избрание, и на избираемых, и на последствия избрания. Аминь.

1847 год.

ССХСШ.

212. Молитва

пред окончанием молебнаго пения, в новый 1847 г.,

и в воспоминание седмисотлетия царствующаго града Москвы.

(Напечатана в Твор. Св. От. 1847 г. и в собрании 1848 г.)

<1847 год>

Господи Боже Вседержителю, Словом Твоим утвердивый небеса и Духом уст Твоих всю силу их, положивый светила на тверди небесней в знамения, и во времена, и во дни, и в лета, и бытие видимых созданий Твоих в круги времен заключивый, благословивый начатки времен, и числа исполнения их освятивый! Ты, Господи, усты Пророка Твоего Моисея, первым в месяцах лета нарекл еси месяц, в онъже агнцем избавительныя пасхи спасительное таинство Агнца закланнаго прежде сложения мира, Господа нашего Иисуса Христа, предобразил еси людем Твоим Израилю. Ты, в древнем законе Твоем, в предел седмицы дней и седмицы седмиц, праздники Твоя, в память благодеяний Твоих, поставил еси; и исполнение седмицы лет и седмицы седмилетий, во обновление памяти судебных Твоих, летом оставления венчал еси, со благословением безтруднаго изобилия. Се ныне Твой новый Израиль, от древняго образа к новоявленной истине прешед, первый в месяцах, и новое лето начинает от явления во яслех, вифлеемских Агнца, взявшаго грехи мира, Господа нашего Иисуса Христа, и от начатия Его всеспасительныя крестныя жертвы, в страдательном пролиянии крове Обрезания. Царствующий же град сей не месяца токмо и лета начало пред собою ныне зрит, и не седмицы дней токмо и лет исчисляет, но, семь протекших над ним веков помянув, судьбам Твоим чудится, и в помышлении о судьбах осьмаго своего века, пред лицом Твоим, Царю веков, благоговееет. Исповедуем милости Твоя древняя, и о настоящих благодарим, и о будущих молим. Славим Твое благодатное избрание, и богатый о нас Промысл, яко малую некогда весь во град велий возрастил еси; и, прежде сбытия, еже славну быти граду сему во всех градах российских, и взыти рукам его на плечи враг его, и прославится Тебе в нем, угодником Твоим святителем Петром предвозвестил еси; таже и приносимый престол Православия zde утвердил еси, и корень Единодержавия всероссийскаго zde насадил еси, и престол Царства возвысил еси, и угасшему светильнику царскаго рода отселе с вящешю светлостию возсияти даровал еси, и святым Твоим zde пожити и во благоухании святыни почити благоволил еси, ихже молитвами овогда убо, аки адамантовою стеною, от

напастей ограждал еси град сей, овогда же и бедствующий вскоре избавлял еси, и во дни наши, мневшийся погибнути, от пепела и разрушения еси возставил, и новым благолепием украсил, и обилием исполнил. Отче щедрот и Господи милости! Призри благосердием на сие благодарственное исповедание наше, и не отстави милости Твоея от нас. Благослови венец новаго лета благостию Твоею: и венец седми веков, иже на версе царствующаго сего града, и во осмем да не увядает. Обнови и умножи благословения Твои на превознесенном Тобою рабе Твоем Благочестивейшем Самодержавнейшем Великом Государе Нашем Императоре Николае Павловиче, и на державном Его роде. Долгоденствие и благоденствие, и в делах царствия и во всех добродетелях преуспевание Им даруй. Сохрани Церковь Твою святую непоколеблему на основании Твоего Божественнаго слова, на камени Апостольския веры, и никоеже дерзновенное своеумудрие человеческое да не прикоснется кивоту Божию. Реки, Господи, мир на люди Твоя, и на обращающия сердца к Тебе. Да будет близ боящихся Тебе спасение Твое, вселити славу в землю нашу. Милость и истина в ней да сретаются, и правда и мир да лобызаются. Не предаждь нас, призрети в суеты и неистовления ложная, но да призрим на вся заповеди Твоя, и не постыдимся. Даруй нам благодать и благую ревность, да Твоего вечнаго царствия и правды его, прежде и паче всего, ищем, яко да и благая временному житию потребная вся приложатся нам, предстательствующими и покровительствующими молитвами Преблагословенныя Приснодевы Богородицы и Святителей Петра, Алексия, Ионы и Филиппа, с нимиже во общении веры Тебе Единому Триипостасному Богу, Безначальному Отцу и Собезначальному Сыну и Соприсносущному Святому Духу, приносим подобающее благодарение, и поклонение, и славу, во веки веков.

ССХСІV.

213. Слово

на память Святителя и Чудотворца Алексия

в среду второй недели великаго поста.

(Говорено в кафедральной церкви Чудова монастыря, февраля 12;

напечатано в Твор. Св. От. 1847 г. и в собр. 1848 г.)

<1847 год>

*Блажени плачуущи ныне: яко
возсмеется. Лук. VI. 21.*

Образ поста, и при осторожности против фарисейскаго лицемернаго помрачения лиц, естественно несколько суровый и печальный, довольно просветляется у нас ныне радостью праздничною, и это по уставу святых Церкви. Но ныне же, и по тому же уставу, оглашены мы словом Евангельским, располагающим к плачу: *Блажени плачуущи ныне.*

Что же должно нам делать? Радоваться, или плакать? Подумала ли Мать, чего желает она от своих чад? – Без сомнения, подумала, и знает, чего желает. Будьте внимательны: и без большого труда усмотрите, как духовная радость свободно входит в область печали, и опять, когда нужно, уступает место справедливой печали.

Память праведника, святителя и чудотворца Алексия, мы совершаем. Но священная притча учит, что *память праведных* должна быть *с похвалами* (Притч. X. 7). А другая

притча скажет, что *похваляемым праведным, возвеселятся людие* (XXIX. 2). Из сего, людие православнии, видите, как можно нам ныне радоваться. Для сего довольно привести на память житие Святителя Алексия, подвиги его, добродетели, благодеяния. Доброе само в себе заключает похвалу, и само собою радуется.

Посмотрите мысленно на отрока Елевферия, которому суждено было в последствии времени сделаться Святителем Алексием. Из детских забав он избирает для себя умную, чистую, и, может быть, не бесполезную. Ставит сеть, и хочет ловить птиц. Но Тот, без воли Котораго и врабий не падает на землю, не посылает ловитвы: потому что хочет не утешить Елевферия детским утешением, а отсечь у него склонность к забавам, и готовить его к важным занятиям. Ловца земного самого хочет уловить Ловец небесный. Утомленный ожиданием ловитвы, отрок дремлет: и, в минуту сего безмолвия внешних чувств, Ангел отверзает у него внутренний слух, и говорит его душе: *Алексие! что всуе трудишиися! Будеши человеки ловящ.* Потрясенная душа пробуждает тело. Елевферий не знает, чей это глас, чье это имя, что значит предсказание о ловитве человеков: но тем не менее, небесное семя глубоко всеялось в его душу, и начало прозябать. Он оставил птицеловство и все другия забавы; сделался молчалив, и казался печальным, потому что не был разсеян, и не занимался внешним; воспоминание таинственного гласа влекло его к внутреннему и невидимому. Чрез три года он решительно предался сему влечению, отрекся от мира, и, при вступлении в монашество в Богоявленском монастыре, получил имя Алексия, предначерченное в сновидении.

Это ранняя заря духовной жизни святого Алексия: но не довольно ли уже она светла и приятна? Пятнадцатилетний отрок отрекается от утех юности, сын боярина – от блеска знатности, крестник Князя, чаемаго владетеля Москвы, от видов на большую еще знатность; решается жить только для Бога и для души; заключает себя в монастырскую жизнь, – надеюсь, не станете спорить, если скажу: – более строгую за пять сот лет пред сим, нежели в наше время. Посмотрите, старцы, на отрока: и не только порадитесь о нем, но и поучитесь от него. Хорошо было бы, если бы на него умели, как должно, посмотреть и некоторые дети бояр, по крайней мере для того, чтобы не почитать себя очень любомудрыми и очень возвышенно мыслящими, когда они, поспешно вышед из училища, не столько стремятся к подвигам и пользам Отечества, сколько преследуют призраки почестей, или кружатся в вихре суеты и роскоши.

Посмотрим далее на Алексия, монашествующаго. Надобно ли говорить о его подвигах, собственно монашеских? Понятно само собою, что пренебрегший так много приятного в мире, возложив руку на рало, уже не озирался вспять; не искал, как иные ныне, под наименованием подвижничества, только покойной и обеспеченной жизни; от протяженных богослужений и молитв не усекал по частице для своей лени; не смотрел одним оком в церковь, а другим за ограду Обители; не ценил собственности после обетов нестяжания; не вмешивал своей воли в дела послушания. Укажу на особенный подвиг, который один достаточен, чтобы показать Алексия светильником необыкновенно светлым не только для своего века, но и для многих веков. В веке, не представлявшем ни довольно пособий, ни довольно поощрения к усиленному учению он имел ревность, и нашел способы, достаточно научиться греческому языку: и для чего? – для того, чтобы приобрести более ясное и точное разумение священных книг Новаго Завета, на их первоначальном Апостольском языке. И не довольствуясь сим приобретением для себя, он возжелал еще разделить оное с единоверными и единоплеменными. Сличил славенский перевод новозаветных книг с греческим подлинником, и, очистив от несовершенств и погрешностей, внесенных в него неискусными переписчиками, собственною рукою написал оный в книгу, которая хранится и до ныне в сей, от него созданной Обители, как одно из безценных от него наследий.

Кому любезна Божественная истина и чистая слава Церкви, тот всегда с утешением взирать будет на сей богословский подвиг святого Алексия. Как чисто сияет в оном Православие, которое всегда обращалось и обращается к священному Писанию, яко к вечному и для всех открытому источнику Божественной истины! В каком благоприятном свете представляет он достоинство российского духовенства в четвертом надесять христианском веке, который нигде не блистал просвещением! Какое подтвердительное свидетельство дает он действованию российского священноначалия в последовавшие веки, в исправлении поврежденных славенских рукописей священных и церковных книг по греческим подлинникам! Как ясно обличает неправое мудрование тех любителей мнимой старины, у которых любовь к старине превратилась в благоговение к старинным ошибкам, и которые исправление описки старинного писца почитают преступлением, и даже повреждением веры!

Наконец, воззрим на Алексия, как на Святителя, и святого. Добродетельное житие и мудрость его побудили Всероссийскаго Митрополита Феогноста взять его в митрополитский дом, и вверить ему церковные суды. Двенадцать лет был он удержан в сем служении, не без особеннаго устройства Провидения, чтобы в болезнующих членах ближе узнал состояние и потребности всего тела Церкви, которое потом должен был хранить и врачевать. После сего приготовления, тем же Митрополитом Феогностом поставлен святой Алексей Епископом граду Владимиру, а чрез четыре года, им же, со всем освященным Собором, и с Советом Великаго Князя Симеона, избирается на престол Всероссийской Митрополии. Избрание несколько необычайное, при жизни митрополита сего престола, и им самим: но это было как бы по предведению, чтобы предупредить и не допустить не избранных искателей сего престола, каковыми действительно вскоре явились Феодорит и Роман. С сего времени святой Алексей решительно является Богоизбранным, Богохранимым и Богоправимым Ангелом Церкви Всероссийския.

Он путешествует в Константинополь, и получает патриаршее благословение и утверждение. Встретив потом в России соперника, вновь путешествует в Константинополь, чтобы отдать себя и его на суд Патриарха, и вновь получает утверждение на кафедре всероссийской: а два не избранные искателя ея исчезают. В последнем из сих путешествий он подвергается опасности на море: но, дав с молитвою обет, по избавлении, создать обитель монашествующих, невредим достигает берега и отечества; и монастырь Андроников стоит донныне памятником услышанной молитвы и оправданнаго обета.

Вскоре оказалось, что всеблагий Бог, спасая святого Алексия от опасности, сберегал спасительное орудие для охранения Церкви и Державы Российской, и для славы Своего имени даже за пределами Церкви. Царь Орды, которой сила в те времена тяготела над Россиею, чрез посла требовал, чтобы Алексей пришел в Орду, и исцелил царицу, ослепшую и беснуемую. Джанибек требовал того, что не во власти человеческой: но, не понимая сего, в случае неисполнения требования, без сомнения, готов был прийти в ярость, опасную и для Святителя, и для Церкви, и для России. Беды являют великих и святых: так было и в сем случае. Алексей явил великий дух, – потому что не уклонился от опаснаго путешествия; крепкую веру, – потому что не отказался от молитвы о чудесном исцелении; глубокое смирение, – потому что, не полагаясь на себя, молился при гробе святителя Петра. Бог подкрепил его веру знаменiem: свеча у гроба Святителя Петра зажглась сама собою. Святитель Алексей идет в Орду, исцеляет царицу, и стяжывает удивление, почести, дары и безопасность Церкви и России.

Совершившееся чудодействие поставило его так высоко во мнении всех, что, когда другой жесточайший царь Орды угрожал России опустошительным нашествием, Великий Князь

Иоанн не нашел для нея лучшей защиты, как Святителя Алексия: и сей, с новым самопожертвованием для блага общего, идет в Орду, и хотя встречает затруднения, и много претерпевает, однако вновь возвращается со славою, принося Церкви безданность и мир Отечеству.

Помянух судьбы Твоя от века, Господи, и утешихся (Псал. CXVIII. 52), свазал зритель судеб Божиих в народе Божиим. Не сие ли должен чувствовать внимательный зритель Господних от века судеб над Россиею и Церковию Российскою? Как крепко у нас Церковь и Отечество друг друга обнимали и поддерживали! Как благотельно было твердое единство священноначалия при недовершившемся еще единстве государственном! Как чудно, против тяготевшей над нами силы чуждаго невернаго народа, поставлена была духовная сила Церкви, чтобы несколько уменьшить и сдержать сию разрушительную тяжесть, доколе возрастут и созреют для ея отражения победоносныя государственныя силы! Поминай, православный сын России, с благодарением сии древния судьбы, и с упованием храни для грядущих времен силы, столь благотворныя во временах протекших, силу веры и любви к Отечеству, силу единокупия и готовой на всякое пожертвование любви к самодержавной власти.

Не могу следовать за святым Алексием по всему двадцатичетырехлетнему поприщу его святительствованія в Москвѣ. И вас утомить боюсь. Но встречаю нечто, чего не могу пройти без вниманія. Есть одно начинаніе святителя Алексія, котораго он не привел къ концу. Есть один спор, въ котором он не одержал победы. Смотрю, дивлюсь, и радуюсь, хотя не понимаю. У чудотворца начинаніе, котораго он не может совершить? У Богомудраго спор, въ котором он не одерживает победы? Необычайно; а точно так. Приближаясь къ пределу своего земнаго поприща, святой Алексій желалъ найти себѣ святаго преемника. Святые видятъ святыхъ: и такимъ образомъ святой Алексій виделъ святаго Сергія. Призвалъ его, и предложилъ ему свой престолъ. Но Сергій отрекся; и Алексій не настоялъ.

Что можетъ быть святѣе начинанія Святителя Алексія? Какъ же оно не совершилось? Какъ смиренный Сергій дерзнулъ воспрекословить Святителю, котораго глаголовъ слушалъ всегда, какъ Христовыхъ? Какъ Святитель не решился преобороть игумена силою церковнаго и монашескаго закона послушанія? Сколько бы мы ни умножали вопросовъ, ни святой Алексій, ни святой Сергій отвѣчать намъ на нихъ не будутъ. Для чего же намъ сие показано? – Для того, чтобы до земли смирился нашъ гордый умъ предъ судьбами Божиими, которыхъ и святые иногда не постигаютъ, и предъ самыми святыми, которыхъ мы грѣшныя часто ни видѣть, ни понять не умеемъ; и чтобы благоговѣющее сердце изъ глубины своей воззвало съ псалмопевцемъ: *дивен Бог во святых Своих* (Псал. LXVII. 36).

Поистинѣ, дивен Бог въ тебѣ, святителю Алексіе: дивенъ и въ томъ, что пророчески явилъ тебѣ въ преподобномъ Сергіи Свое избранное орудіе, не только для твоего времени, но и для последующихъ временъ; дивенъ и въ томъ, что, не давъ тебѣ преемника, тебѣ подобнаго, предоставилъ тебѣ, съ некоторыми сопредстольниками твоими, безпреемственную власть въ Церкви Своей. Ты безмолвствуешь: но паче слова проповѣдуешь благочестіе, и защищаешь Православіе. Покоишься видимо: но действуешь невидимо, данную тебѣ благодатною силою, очищая и укрепляя наши несовершенныя и немощныя молитвы, распространяя окрестъ себя духовное благоуханіе, успокоивающее, улаждающее, врачующее, питаешь такимъ образомъ стадо, и пасешь овецъ и пастырей. Твоему пастырству благодареніе, что и нынѣ сии овцы твои любезно тѣснятъ окрестъ тебя. Твоему благословенію благодареніе и за то, что и въ первые дни сего поста храмъ твой наполнялся молящимися, какъ въ торжественнѣйшіе праздники. Твой это даръ; а моя радость, и общая надежда спасенія, хотя есть о чемъ и печалиться, и чего страшиться.

Радуюсь о читателях поста, могу ли безпечально смотреть на тех, которые не только не довольно чтут его, но как бы ругаются над ним своими поступками? На что была эта неуместная общественная веселость не в праздник? А в праздник, зачем похищено время у благоговения, и расточено на суету? На что эта невоздержность, это преобладание увеселений в преддверии поста? Тысячи христианского народа бегут по следам языческого легкомыслия; и находятся люди, которые о делах легкомыслия, как о достопамятностях, повествуют с торжеством и похвалами. Для чего это многолюдство не напомним себе, что постом несколько сот тысяч Ниневитян спаслись от близкой гибели; а весь первый мир, ядущий и пьющий, роскошествующий и веселящийся, поглощен потоком? Для чего и в пост некоторые не довольствуются, или и совсем не пользуются, умилительным сладкопением церковным, но идут слушать зрелищного певца и сладострастные звуки, или смотреть зрелища, не говорящая, правда, безстыдных речей слуху, но и не говорящая ничего назидательного глазу? Некоторые скорбящие о сем, подобно мне, говорят: для чего много снисходит сему Начальство? Мне кажется, я имею на сие удовлетворительный ответ. Начальство, как детям, снисходительно позволяет вам открытая забавы, чтобы склонные к забавам, не имея открытых, не предались тайным, более беспорядочным и вредным. Но вы для чего всегда хотите оставаться детьми, в вашей склонности к забавам? Не ходите слушать страстного певца или смотреть обаятеля; дайте себе лучшие упражнения: неблаговременные и недостойные христианской мудрости зрелища закроются сами собою; обаятели разочаруются; пекущееся о благочестии и благонравии народа, Начальство будет довольно; и христианское общество явится в образе строгого благонравия, достойном времен Апостольских. Доколе же сего нет: не станем, по крайней мере, льстить себе; не станем хвалить легкомыслие, как мудрость; признаем наше несовершенство; осудим нашу суетность; возскорбим и восплачем над нашим неочищенным от греха веселием. Поспешим сеять слезы покаяния, чтобы пожать радость спасения. Остережемся, чтобы, гоняясь слишком много и долго за суетным веселием, не впасть, наконец, в поздние и бесполезные слезы безнадежности. *Последняя радости, мирской и чувственной, в плач приходят*, говорит опытный Соломон (Притч. XIV. 13). Напротив того, *блаженны плачущии* слезами умиления духовного, учит Господь Спаситель наш, Ему же слава со Отцем и Святым Духом во веки. Аминь.

ССХСV.

214. Слово

в день обретения мощей преподобного Сергия.

(Говорено в Сергиевой Лавре 5 июля;

напечатано в Твор. Св. От. 1847 г. и в собрании 1861 г.)

<1847 год>

*Иже Христовы суть, плоть распяша со
страстьми и похотьми. Гал. V. 24.*

Сие изречение Апостола Церковь имеет обычай провозглашать, когда творит память преподобных мужей, которых земная жизнь, как жизнь прославляемого ныне преподобного Отца нашего Сергия, особенно явственно была ознаменована действиями распинания плоти со страстьми и похотьми. Премудро и полезно сие соединение учения с примером. Если вам необычайными кажутся действия умерщвления плоти в жизни Святого: слово Апостольское показывает вам, что оне тем не менее правильны. Если в

слове Апостольском устрашает вас мысль об умерщвлении плоти: жизнь Святого может вас успокоить, представляя сию мысль счастливо приведенною в действие.

Не легко сказать себе решительно: распну плоть. Но не легко решиться сказать и противное сему: не стану распинать плоти. От той или другой решимости зависит важное в судьбе нашей обстоятельство: быть или не быть Христовым. *Иже Христовы суть, плоть распяша со страстьми и похотьми.* Итак, если желаем быть Христовыми: то должны распять плоть. А если не хотим распять плоть: то не можем обещать себе, что будем Христовы. Если же не будем Христовы: то кому мы достанемся? В царствии небесном, конечно, не будет никого, кроме тех, *иже Христовы суть*, и следственно никого, кроме тех, которые *плоть распяша, со страстьми и похотьми.*

После сего размышления ни для кого из нас не должно казаться посторонним некоторое дознание, что значит распять плоть со страстьми и похотьми, и почему сие нужно, и как сие может быть исполнено.

Плоть не то, что тело. Тело, с его естественными свойствами и действиями, создал Бог, и создал не для смерти. От нарушения заповеди Божией, от вкушения запрещенного плода, начинается быть известною плоть, которой жребий есть смерть. Апостол представляет плоть *противящуюся духу*, и объясняет ее сущность посредством ее действий и явлений. Он говорит: *явлена суть дела плотская, яже суть прелюбодеяние, блуд, нечистота, студодеяние, идолослужение, чародеяния, вражды, рвения, завиды, ярости, разжжения, распри, соблазны, ереси, зависти, убийства, пиянства, безчинны кличи, и подобныя сим* (Гал. V. 17. 19–21). Посему под наименованием плоти надлежит разуметь возбужденныя в человеке самолюбие и чувственность, оказывающия себя ложною жизнью в страстях и похотях, и в делах, страстями и похотями управляемых.

При сем понятии о плоти, мысль о распятии плоти не только начинает быть удобовразумительною, но и перестает быть страшною. Умертвить чувство злобы, убить расположение к убийству, очевидно, есть действие не разрушительное, а охранительное. Распять склонность к разврату, конечно, не есть мучение, но предохранение от состояния, духовно и вещественно мучительного, к которому скорее или медленнее ведет путь разврата. В сих действиях даже не представляется трудного подвига: потому что и поврежденная природа человеческая вообще сохраняет столько доброты, чтобы отвращаться убийства и разврата, кроме исключительных случаев нисхождения в глубину зол.

Следует обратить особенное внимание на то, что слово Апостольское, в числе дел плоти, отчуждающих от наследия царствия Божия, полагает не только тяжкия преступления и низкие пороки, но и довольно обыкновенные между людьми безпорядки, как-то *рвения, распри, безчинны кличи и подобная сим*; – что оно осуждает на распятие не только страсти и похоти плоти, явныя и грубыя, но и самую плоть, то-есть, более тонкое и сокровенное начало страстей и похотей, углубленный в сердце человеческом корень греха, с трудом иногда обнаруживаемый, и еще с большим трудом исторгаемый. Здесь требуется подвиг, иногда не легкий, не кратковременный, болезненный, точно распинательный.

Высоко уважаемый на Западе подвижник, блаженный Иероним, желая освободиться от страстей и похотей, оставил богатства, блеск и удовольствия Рима, удалился на Восток в пустыню, жил там в молитве и духовноученых занятиях, в посте и лишениях всякого рода: и при всем том признавался, что еще представлялись ему нечистые образы плотской и страстной жизни, и нарушали чистоту ума и мир совести. «Сколько раз, – пишет он, – с тех пор, как я живу в пустыне, мне воображалось, будто я нахожусь еще среди увеселений

Рима! – Мое тело, прежде общего разрушения человеческого состава, было уже мертво: а мои страсти все еще кипели. Не зная, где найти помощь, я повергался к стопам Иисуса, омывал их слезами, и старался извести сию мятежную плоть, оставаясь по целым неделям без пищи. Помню, что нередко проводил я день и ночь, вопия непрестанно и бия себя в грудь, доколе, наконец, Бог, запрещающий буре, подавал тишину душе моей» (Ер. 22. ad Eustoch.). Вот опыт, конечно, не единственный в роде человеческом, а в разных видах и степенях, вероятно, и не редкий, который показывает, что для полного благоустроения очищения и мира души, требуется не просто покорение плоти духу, на которое она добровольно не соглашается, но, по учению истинной жизни, умерщвление плоти, – умерщвление, по ее противоборству, и по ее ложной жизни, глубоко внедрившейся в природу человеческую, более или менее болезненное и распинательное.

Впрочем указанный теперь опыт и естественно за ним следующее заключение не ту имеют силу, чтобы призывать всякого в какую-нибудь древне-сирийскую или в древне-радонезжскую пустыню, и обрекать неизбежно на тяжкия лишения. Оно есть особенное призвание, которое не требует всех, но между всеми тайно ищет некоторых словом Христовым: *могий вместити да вместит* (Матф. XIX. 12).

Всем же надлежит знать и всегда памятовать, что плоть, страсти и похоти суть часто ласковые, но всегда ненадежные и опасные друзья, или враги под личиною друзей; что, чем более удовлетворяете вы сих мнимых друзей, тем более усиливаете сих действительных врагов; что, чем более живет в вас плоть, тем менее в вас начатка той высшей жизни, с которою вы должны перейти в небо; и напротив, если надобно, чтобы высшая, духовная, приготовительная для неба жизнь в вас возникала, возрастала, созревала, то для сего жизнь плоти должна уступать, умаляться, умирать. Ибо на всех изречен сей приговор Божественного слова: *аще по плоти живете, имате умерети; аще ли духом деяния плотская умерщвляет, живи будете* (Рим. VIII. 13).

Слова Апостола: *аще ли духом деяния плотская умерщвляет*, – дают причину полагать, что может быть не один способ умерщвления плоти, но что истинный способ есть умерщвлять ее – *духом*.

Странное дело, которое не излишне здесь заметить не к похвале язычества, но к постыждению плотоугодия между христианами! Мысль о потребности умерщвления плоти проникла даже в чувственное верование языческое. И жрецы Вааловы думали умерщвлять плоть, только не умели умерщвлять ее духом, но *кряхуся по обычаю своему ножами, и мнози бишася бичми, до пролития крове своея* (3 Цар. XVIII. 28).

Нам, христиане, повелевается умерщвлять плоть не карательными орудиями, не мучением или уродованием создания Божия, не повреждением орудия души, но *духом*, то есть, духовным законом, духовными разсуждениями, духовными правилами, духовным воззрением на образ жития и распятия Христова, и силою, почерпаемою из сих живых источников.

Плоть хочет веселиться, разсыпаться в смехе, даже, может быть, скакать и произносить или с удовольствием слушать *безчинны кличи, и подобная сим*: порази ее ударами не ножа или бича, но духовного слова: – *горе смеющимся*: – *блажени плачущи ныне* (Лук. VI. 25, 21), – и умерь веселие невинное, и убей веселие греховное.

Плоть раздражается на оскорбившаго, и порывается на взаимное оскорбление: свяжи ее не узами вервяными или железными, но узами духовного разсуждения, и страха Божия: – *гнев мужа правды Божия не соделоват* (Иак. I. 20); – *всяк ненавидяй брата своего*

человекоубийца есть (1 Иоан. III. 15); – *иже речет: уроде, повинен есть геенне огненной* (Матф. V. 22).

Плоть, не довольствуясь необходимым, жаждет приятного, ищет наслаждения, и готова поставить оное целию жизни: укажи ей иной предмет и цель, – крест, водруженный на Голгофе для того, чтобы лишениями и страданиями очистить землю от нечистых наслаждений; жажду приятного угаси жаждою голгофскою; в сладости земныя положи оцет и желчь, поднесенныя распятому Господу; и с помощью орудий Его страдания, не вещественно употребляемых, но духовно созерцаемых, распни любосластие, роскошь и негу простотою, умеренностию, воздержанием, постом, трудами.

Плоть, благовидно удерживаемая от дел, и плотскими людьми осуждаемых, не перестает иногда при сем тайно раждать и питать нечистые помыслы и желания. Не пренебрегай злых исчадий злой матери потому, что они малы и наружно неприметны. Поспешай обратить против них, и в разуме духовном самым делом исполнить пророческое заклинание: *дщи Вавилоня окаянная, блажен, иже имет и разбьет младенцы твоя о камень* (Пс. CXXXVI. 8, 9). Вавилон духовно значит мир греховный, грехом пленяющий и порабащающий. Дщерь Вавилона есть плоть, воспитанная суетою и прелестию мира. Младенцы ея суть нечистые помыслы и греховныя желания. Камень есть Христос. Блажен ты, если не медлишь, силою веры, молитвы и самоотвержения, повергать пред сим Камнем, и разбивать сих младенцев, как скоро найдешь их. Ибо, если умедлишь: то не льзя не опасаться, что они выростут, обратятся в исполинов, и удержат тебя, или вновь сделают пленником Вавилона.

Так, и подобным сему образом, да умерщвляем, братия, дела плотская духом, и да распинаем плоть со страстями и похотьми, да будем Христовы, да живет в нас Христос, и мы, наконец, будем жить в Нем и в Его вечной со Отцем и Святым Духом славе. Аминь.

CCXCVI.

215. Слово

по освящении храма Святителя и

Чудотворца Николая, в городе Бронницах.

(Говорено Июля 8; напечатано отдельно и в Собр. 1861 г.)

<1847 год>

*Братие святая, звания небеснаго
причастницы,
разумейте Посланника и Святителя
исповедания
нашего Иисуса Христа. Евр. III. 1.*

Вот приветствие и поучение Святаго Апостола Павла, в его послании ко Евреям, слышанное нами в нынешнем церковном чтении.

Но прежде, нежели займу внимание ваше сим Апостольским приветствием и поучением, – *возвеличите Господа со мною, и вознесем имя Его вкупе* (Псал. XXXIII. 4.)! Скажем со

Апостолом же Павлом: *благословен Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа, Отец щедрот и Бог всякия утехи* (2 Кор. I. 3)! Не Его ли щедротами храм сей создан и благоуукрашен? Не Его ли благодатию освящен? Не Его ли то утешение, что даровано нам ныне, в торжественных молитвах, *соутешитися в вас верою общию, вашею же и моею* (Рим. I. 12)?

Воспомявая и о щедротах братьев, споспешествовавших созданию и благоустроению сего храма, благодарю плодоносящих и добродетельных во святем и всечестнем храме сем, и благодарю за них Бога, и призываю им, во-первых, *всякое благословение духовное в небесных о Христе* (Ефес. I. 3), а за тем и земныя благословения на потребу жизни временной. Но вместе с сим приглашаю, как их, так и всех, и над собственною вашею Богоугодною щедротию признавать Божии щедроты. Что значат намерения человеческия, без благословения Божия? Что значат действия человеческия, без помощи и споспешествования Божия? *Аще не Господь созиждет дом, всуе трудишася зиждующии* (Псал. CXXVI. 1), говорит прозорливый наблюдатель путей Божиих. После щедрых царских и всенародных приношений на созидание храма, Царь Давид со смиренною радостью исповедуется пред Богом: *кто аз есмь, и кто людие мои, яко возмогохом сия Тебе благовольне обещати? Твоя бо суть вся, и от Твоих дахом Тебе* (1 Парал. XXIX. 14). И если, по слову Господа, *блаженнее есть паче даяти, нежели приемати* (Деян. XX. 35); если по сему дающий ближнему потребное имеет в сем некоторое блаженство: то помысли, колико большее блаженство дарует тебе Бог, когда провидением Своим устрояет тебе возможность, и благодатию Своею вдыхает тебе усердие, дать от твоего достояния нечто Ему Самому и святому храму Его! Не льсти себе мыслию о твоей силе, или превосходстве, или добродетели: но с Давидом радостно и смиренно исповедуйся пред Богом: *кто аз есмь? Твоя бо суть вся, и от Твоих дахом Тебе*.

Обращаюсь к Апостольскому приветствию и поучению.

Братие святая. Кого это зовет Святой Павел, так любезно и вместе так почтительно? Поверите ли, что вас? Или скажете, что Апостол Павел никогда вас не видал, с вами не беседовал и писем к вам не писал? Правда, Св. Павел к Евреям, уверовавшим во Христа, обращался первоначально, когда писал приведенныя нами слова. Но Бог поставил его Апостолом не для одних Евреев, а для всех народов, и для всех времен, и для всех Церквей Христовых, как и сам он говорит о себе: *Еллином же и Варваром, мудрым же и неразумным должен есмь* (Рим. I. 14); то есть, должен проповедывать спасительное учение всем народам, и всякаго рода и звания людям. Посему, когда он обращался с словом учения к христианам из Евреев, тогда действовавший в нем Дух Святой простирал чрез него слово учения и ко всем христианам всех народов, всех времен, всех Церквей, следственно и к вам. Итак нет сомнения, что в числе прочих и вас зовет Апостол любезным наименованием *братьев* и высоким наименованием *святых*.

Если скажем, что мы ни того, ни другого наименования недостойны: то скажем правду. Много милости было бы, если бы Св. Павел назвал нас детьми, как назвал христиан Галатийских, когда писал к ним: *чадца моя, ими же паки болезную, дондеже вообразится Христос в вас* (Галат. IV. 19). Смеем ли считаться братьями Апостолу? Дерзнем ли назваться святыми, когда, по слову другого Апостола, *аще речем, яко греха не имамы, себе прельщаем, и истины несть в нас* (1 Иоан. I. 8)? Можно думать, что Св. Павел предусмотрел сии недоумения; и, чтобы устранить их, к своему воззванию: *братия святая*, присовокупил другое истолковательное: *звания небеснаго причастницы*. Званием *небесным* называет он Божие призвание человеков во Христе к небесному вечному блаженству. *Причастниками* сего звания делаемся мы чрез веру во Христа и святое крещение. Поелику все верующие во Христа суть чада Божии, как скажет Св. Иоанн

Богослов: *елицы прияша его, даде им область чадом Божиим быти, верующим во имя Его* (Иоан. I. 12.): то понятно и достоверно, что все верующие, или иначе, все причастники небесного звания, все христиане, от первого до последнего, суть *братья*, не по плоти, не по благодати, не по земному, но по небесному родству, как чада Отца небесного, как дети Матери Церкви. Поелику все приявшие христианское крещение в церкви, прияли в оном очищение от грехов, и освящение, по реченному: *Христос возлюбил Церковь, и Себе предаде за ню, да освятит ю, очистив банею водною в глаголе* (Еф. V. 25. 26): то достойно приятия и то, что все мы, верующие, крестившиеся, звания небесного причастники, по силе веры, по дару благодати, по действию крещения, должны быть *братья святая*.

Некраток был я в рассмотрении Апостолова приветствия, не только для того, чтобы вы могли оное правильно уразуметь, и приложить к себе, но и для того, чтобы вы догадались, как в самом приветствии подается уже нам и наставление.

Великий Апостол, исполненный Духа Святого, еще ходя по земли достигавший до третьего неба, нисходит, приближается к нам, дружится и роднится с нами, ласкает и величает нас наименованиями братьев, святых, участников одного с ним звания небесного. Подобно и другие Апостолы называют нас, то *братьями* (Иак. II. 1), то *возлюбленными* (1 Иоан. IV. 1). Братиями готовы назвать нас и Пророки, и Мученики, все Святые, только бы мы не отвергли сего родства нашими делами. Мало сего. Апостол уверяет, что и Сам Единородный Сын Божий *не стыдится братию нарицати* (Евр. II. 11) нас. Что же мы? Не ужели будем нечувствительны к толикой благодати, к толикому снисхождению, к толикой почести, к толикой любви? Не ужели не потщимся твердо стать в чине, в который нас уже возводят? Если мы и недостойны сего: не ужели захотим и оставаться недостойными, когда нас уже удостоивают? Не ужели не поревнуем о святости, которую нам уже усвоят, потому что ея залог и начаток нам дарован в крещении? Не будем так неблагодарны, так не разсудительны, так не благонамеренны против самих себя. Братия святых! Не будем рабами греха. *Очистим себе от всякия скверны плоти и духа, творяще святыню в страхе Божи* (2 Кор. VII. 1). Причастники небесного звания! Будем внимательны к сему званию, и неленостно последуем оному, путем закона Божия, путем учения Евангельского и Апостольского, путем примера Святых.

На сей раз имеем от Апостола учение краткое, но много вразумляющее, и существенно нужное ко спасению. *Разумейте Посланника и Святителя исповедания нашего Иисуса Христа*.

Что значит *разуметь* Иисуса Христа? Значит ли просто знать, начинательно, или только по имени? – Но нужно ли было Апостолу говорить о сем, когда мы потому только и делаемся, и называемся христианами, что имеем некоторое, хотя начинательное, познание о Иисусе Христе? Значит ли разуметь Иисуса Христа вполне и совершенно, подобно как знаем некоторые предметы естественные, или науки человеческия? – Но это не возможно, потому что Иисус Христос не только в Божественном существе Своем, но и в таинстве Своего вочеловечения непостижим. Посему должно полагать, что между сими крайностями учением Апостольским указывается нам нечто среднее; что мы должны деятельно упражняться и успевать в разумении Господа нашего Иисуса Христа, не дерзая испытывать Его непостижимости, но и не довольствуясь знать Его только по имени, поверхностно, холодно. Итак разумейте Иисуса Христа, *Единородного Сына Божия*, Единосущного Богу Отцу и Святому Духу, истинного Бога, всемогущаго, всеблагаго, всепремудраго: и питайте вашу веру животворною уверенностию, что Он, яко всемогущий, совершенно может, яко всеблагий, совершенно желает, яко всемудрый, имеет в готовности совершенныя средства, устроить нам и благо временное, и блаженство вечное. Разумейте Иисуса Христа, *Сына человеческого*, восприявшего на Себя не только

естество наше, но и немощи наши, *искушенного по всяческим, по подобию нашему, разве греха* (Евр. IV. 15); и утверждайте надежду вашу Апостольским разсуждением, что Он, *в немже пострада, Сам искушен быв, может и нам искушаемым помощи* (Евр. II. 18). Разумейте Иисуса Христа *Богочеловека*, в едином лице нераздельно и неслиянно совокупившаго естества Божеское и человеческое: и утешайтесь помышлением, что здесь сходятся края бездны, разделившей человека грешника от Бога, и первоначальное общение человека с Богом возставляется в большем прежнего совершенстве; что, чрез обожненное человечество Христово, и всему прочему человечеству *подаются вся Божественныя силы, яже к животу и благочестию* (2 Петр. I. 3), и *вся привлекает к Себе Отец небесный* во спасение, жизнь и славу; и не только утешайтесь помышлением о сем, но и отвержайте сердца ваши к приятию благодати и сил Божественных, и противоборствуйте влечениям земным, чтобы деятельно последовать влечению Отца небесного. Разумейте Иисуса Христа, *Посланника исповедания нашего*, Который без сравнения выше всех посланников Божиих, не только земных, каковы были Моисей и Пророки, но и небесных, каковы суть Ангелы, *в служение посылаемые за хотящих наследовати спасение* (Евр. I. 14); Который провозгласил Божественное исповедание Божества, открыл тайны, от века сокровенныя, и Ангелам неведомыя, преподавал совершеннейшее учение жизни и спасения: а такое разумение Посланника исповедания нашего должно расположить нас к тому, чтобы неуклонно держаться возвещенного Им исповедания веры, чтобы жаждущим слухом и алчущим сердцем принимать Его учение, чтобы не только слушать слова Его, но и творить их. Разумейте Иисуса Христа *Святителя исповедания нашего*, великого Архиерея не по чину Ааронову, временного, но по чину Мельхиседекову, вечного, Который принес Самого Себя в жертву о гресех наших на жертвеннике креста, и сим *единым приношением совершил всех во веки освящаемых* (Евр. X. 14), но при том для каждого из них, причастие той же спасительной жертвы устрояет и уготовляет повсеместно и ежедневно на таинственном олтаре; Который, прошел небеса, и там *одесную Бога Отца*, непрестанно *ходатайствует о нас* (Римл. VIII. 34), и оттоле послал и посылает Церкви Своей Духа Святого, вся исполняющего силою творческою, особенно же исполняющего Церковь Христову силою благодатною. При таком разумении святительства Христова, должно быть понятно вам то чувство, которое в отношении к храму выражает церковная песнь: *в храме стояще славы Твоя, на небеси стояти мним*. Ибо церковь, как небо, исполнена Божественным. В ее молитвословиях *Дух Святой ходатайствует о нас воздыханиями неизлаголанными* (Римл. VIII. 26); в Евангелии глаголет к нам Христос; на олтаре Христос является в Своем теле и крови, с воспоминанием Его страданий, смерти и воскресения, и предлагает нам Божественную пищу; в таинстве крещения мы облакаемся во Христа; в таинстве миропомазания полагает печать Свою Дух Святой; в священноначалие и священство *поставляет*, и в нем действует, Дух Святой. Не останавливай твоих мыслей на видимом священнодействователе он, как и ты, человек, и, может быть, немощнейший, нежели ты: но Дух Святой, сошедший на Апостолов, особнным непрерывным преемством достиг до него, и чрез него действует; Святитель исповедания нашего Иисус Христос невидимо стоит над ним, и чрез него святительствует. Уважай и видимое в церкви, поелику оно проникнуто святым невидимым: пред невидимым же наипаче благоговей, как на небеси, как пред лицом Божиим.

О если бы все мы, братия, как должно, *разумели Посланника и Святителя исповедания нашего Иисуса Христа!* Тогда все мы с послушанием и единодушием исповедывали бы доброе исповедание Евангельское, Соборное, Отеческое, и не было бы тех, которые, оставив Евангелие, прилагаются в научения странна и различна, более учат и учатся учениям и заповедям человеческим, нежели учению Христову и заповедям Божиим, и преуспевают во вражде и злохулениях, а не в кротости и смирении Христовом, и не в любви ознаменовывающей истинного ученика Христова. Тогда все мы носили бы

спасительное имя Иисуса Христа не только в устах, но наипаче в уме и в сердце; и Его Божественную силу опытно дознавали бы в нашей душе, и в нашей жизни: и тогда пришло ли бы кому на мысль заводить состязания и распри о звуках и письменах сего имени? Потому что, как скажет Апостол, *не в словеси царство Божие, но в силе* (1 Кор. IV. 20). Тогда в священнослужителях и священнослужении все мы признавали бы видимое дело невидимаго Святителя исповедания нашего Иисуса Христа, и следственно дело всегда святое, — дело вечнаго Архиерея, и следственно дело ни кем и никогда не разрушимое: и тогда возможно ли, чтобы кто дерзнул вознести хулу на святительство и священство Вселенской Церкви, и чрез отчуждение от него сам себя осудил на лишение освящения? Потому что, как скажет Святой Златоуст (на Посл. к Тим.), *еще не действует сими, то-есть, иереями, Бог; то ниже баню крещения имаша, ниже тайнам причащаеиши, ни благословения наслаждаеиши, неси убо христианин.*

Чтобы охранить себя от сих бедственных лишений, *братия святая, звания небеснаго причастницы, разумеите Посланника и Святителя исповедания нашего Иисуса Христа;* тщитесь приобрести внутреннее сердечное о нем познание чрез поучение Евангельское и Апостольское, чрез частое, и, поколику можно, непрестанное призывание Божественнаго имени Его, чрез очищение себя исполнением заповедей Его, чрез общение с Ним в Его святителище и в таинствах.

Храните себя от мнимых ревнителей исповедания, которых никто не послал, никто не посвятил, у которых нет ни святителя, ни святых, кроме одних имен (ибо святые с нами в церкви пребывают и почивают), которые *не дверми входят, но прелезят инуде*, тогда как, по слову Господню, *только входяй дверми, пастырь есть овцам* (Иоан. X. 1. 2).

Впрочем, и не сущих от двора сего, с любовию да призываем в спасительную ограду Христову, и о них, вместе с собою, помолимся, да *достигнем вси в соединение веры и познания Сына Божия, в меру возраста исполнения Христова, да не бываем ктому младенцы, влающиеся и скитающиеся всяким ветром учения, истинствующие же в любви, да возрастим в Него всяческая, Иже есть глава Христос* (Еф. IV. 13–15), Ему же слава со Отцом и Святым Духом во веки. Аминь.

ССХСVII.

216. Слово

в день Успения Пресвятыя Богородицы.

(Говорено в Успенском Соборе 15 Авг.;

напечатано в Твор. Св. От. 1847 г. и в собр. 1861 г.)

<1847 год>

*Предста Царица одесную Тебе. – Вся слава
Дщере Царевы внутри.* Псал. XLIV. 10. 14.

Кого это изображает Пророк такими необыкновенными чертами, в одном из самых высоких и таинственных псалмов, названном *песнию о возлюбленном*? – Хотя бы мы, для узнания сего, не имели инаго средства, как искать во всем роде человеческого лица, сходнаго с сим изображением: без многоаго труда и без недоумения могли бы мы найти

черты пророческого изображения, несравненным светом сияющая в лице Пресвятыя Владычицы наша Богородицы и Приснодевы Марии. Она *дщерь Царева*: именно, дочь царя Давида и царствовавших по нем в Иерусалиме. Она имеет *всю славу*, какой только может достигнуть сотворенное существо: поелику есть Матерь Царя славы, Матерь Бога Сына, по сему безпримерному достоинству честнейшая Херувимов и славнейшая Серафимов. Но *вся слава Ея внутри*: поелику состоит не во внешнем блеске и великолепии, но во внутренних совершенствах и добродетелях, и поелику Пресвятая Дева, во все житие Свое на земли, смирением заключала Свою славу в Своем сердце, и удерживала от проявления.

Как же скоро в пророческом изображении *дщери царицы*, которой *вся слава внутри*, узнали мы Пресвятую Деву Марию: то Ее же должны узнать в той же пророческой песни, и в образе *Царицы, представшей* одесную Царя, Котораго *престол в век века*, Который, будучи *Бог*, от *Бога помазан елеем радости, паче причастник*, то есть, Богочеловека, Господа нашего Иисуса Христа.

Когда и где предстала Она пред Ним так торжественно? – Без сомнения, по совершении Своего земного поприща, на небесах, где Он имеет у Отца Своего *славу*, которую *имел прежде мир не бысть* (Иоан. XVII. 5).

Она *предстоит* пред Ним, как предстоят рабы пред Господом; потому что и Она есть раба по Своему сотворенному существу: но вместе предстоит, как *Царица*, потому что участвует в Его славе; потому что имеет Матернее пред Ним дерзновение.

И можно ли думать, что ея предстояние пред Царем славы праздно и бездейственно? Если еще на земли, во время сокрытия Его и Своей славы, Она предстояла Ему с ходатайством о помощи в наших нуждах, даже маловажных, как например, о вине для невинного веселия на браке, и *еще не пришедший час* Его благотворных чудодействий могла приблизить (Иоан. II. 1–9): то кольми паче ныне, на небеси, когда и Ея человеколюбие, и Ея пред Сыном и Богом дерзновение, освободилось от земных ограничений, предстоит Она пред Ним не в забвении о земнородных, но деятельно предстательствует о нас, о благодатной помощи в наших нуждах, бедах и скорбях, о мире всего мира, о спасении каждой души, искренно желающей спасения; и как *Царица* (поелику на небесах нет имен без значения, силы и действия), и Сама имеет власть заступать, охранять и ущедрять милостями в державный Ея покров прибегающих.

Видите, что в слове пророческом обрели мы то, что имеем в церковном предании, что часто не в буквах, но в лицах читаем на святых иконах, что ныне радостно чтим церковным торжеством, – обрели Пресвятую Деву Богородицу, по успении на земли восшедшую на небо, как Царицу, во славе представшую Царю славы и предстательствующую о нас благодатно и спасительно.

Возрадуйте девствующие: девство уже воцарилось на небесах, и царски оттоле вас покровительствует. Не унывайте раждающие: Матерь Господня, хотя не испытала болезней рождения в рождении безгрешном, тем не менее глубоко знает по опыту скорби материнской любви и заботы; и таким образом, подобно Своему Божественному Сыну, *Сама искушена быв* по благодати Его *может*, и по милосердию Своему *хочет*, и другим *искушаемым помощи*. Веселитесь все рожденные женами: ибо, если Сын Божий, по своему вочеловечению, *не стыдится братию нарицати нас* (Евр. II. 11): то, конечно, и Пречистая Матерь Его *не стыдится* чадами *нарицати* всех нас, и Материнским сердцем о всех нас милосердовать.

Но сего не довольно, что мы обнадеживаем и утешаем вас покровительством *Царицы, представшей одесную Царя славы на небесах*. Надобно и вас возводить, и вам восходить, хотя не на сию самую высоту, однако же в довольную близость к ней. Пророк назначает быть сему непременно. *Приведутся*, говорит, *Царю девы в след Ея*. Что за девы? – Без сомнения, не просто девы плоти; поелику *плоть и кровь царствия Божия наследити не могут* (1 Кор. XV. 50): но девы духа, в особенности, души, естественное девство очистившие и возвысившие благодатию, вообще же, души, сохранившие и возрадившие духовное девство, с которым родились от Духа в воде Крещения, или поврежденное исправившие совершенным покаянием и покаянною жизнью.

Души христианския! Неужели вы не поревнуете идти в чине мудрых дев, во след Приснодевы? Неужели кто из вас обречет себя добровольно на участь дев юродивых? Неужели не возжаждет сердце ваше приблизиться к небесному Жениху, Которого сам Отец небесный не однократно провозгласил *возлюбленным*, не по какой либо нужде высказать к Нему Свою любовь, но чтобы возбудить к Нему любовь нашу?

Или вас расслабляет маловерная мысль, можно ли достигнуть такой высоты? Но нет места сомнению о возможности того, что непогрешительное пророческое слово предвещает и обещает, как долженствующее сбыться: *приведутся Царю деви в след Ея!*

Или чувство недостойнства подавляет вас, и препятствует божественному желанию окрылиться? Отделите чувство недостойнства, которое справедливо, от подавляющей безнадежности, которая несправедлива. Для достойных ли приходил на землю Сын Божий? – *Не приидох*, говорит, *призвати праведники, но грешники на покаяние* (Мар. II. 17). *Прииде Сын человеческий взыскати и спасти погибшаго* (Матф. XVIII. 11). Если не только к недостойным и грешным, но и к погибшим пришел Спаситель: то и взаимно не только недостойные и грешные, но и погибшие имеют надежду приблизиться к своему Спасителю; только бы возжелали, подвиглись, потщились уготовить себя к сему приближению, не своею силою, но Его же благодатною помощию.

Души, желающие быть приведенными в след Царицы, представшей одесную Царя славы, должны уготовить себя к сему благоукрашением, подобным тому, каким Она благоукрашена: *вся слава дочери Царевы внутрь*. Что значит *слава внутрь*? – Вразумляет нас о сем святой Василий Великий: *иже благоукрашает самаго себе Отцу видящему в тайне, и молится, и вся деет, не да явится человеком, но да явится единому Богу: той имеет всю славу внутрь, так как и дочь Царева*.

И вот вам, христиане, нынешнее напутствие на путь царствия, в след небошественной Царицы; вот нынешний урок училища Христова: имейте достоинство и славу *внутри*, благочестие и добродетель в сердце, во глубине души, пред очами Всевидящего, а не только в наружности, в словах и внешних делах, пред очами человеческими. Урок всегда полезный и спасительный, но, кажется, особенно требующий внимательного изучения в сем веке, который так много живет в наружность, и, по естественному последствию развлечения, конечно, уже не довольно смотрит внутрь!

Как много у многих поглощает внимания, как много похищает времени, как много средств истощает усиленная страсть к блеску и приятностям в наружной жизни, в жилище, в одежде, в пище, в питии, в увеселениях! Сии многие думают, или и говорят: какая в том беда, что мы ищем своего удовольствия? Жалкое для деятельности разумного и нравственного существа оправдание, что от нея нет беды! Не заключается ли в сем оправдании обвинения, что в сей деятельности нет добра, нет пользы, нет достоинства? Но если для исправления вашей деятельности непременно надобно указать на розгу

грозящей беды: то посмотрите, как, по мере разлива роскоши, уменьшается довольство, и до чрезмерности увеличивается на дне общества отсед нечистой и тунеядной нищеты; как пристрастие к блеску, переходя от богатых к небогатым, производит неразборчивость в средствах удовлетворять оному, и повреждает нравственность частную и общественную, а с нею и порядок, и безопасность; как привычка утешаться благовидностями наружной жизни прокрадывается в жизнь духовную, и повреждает нравственное чувство; сделавшего доброе дело оставляет недовольным, доколе оно не напечатано и не провозглашено; оказавшему заслугу не дает успокоиться в сознании заслуги, но мучит его жаждою отличия внешнего.

Остережемся, чтобы не погрешать в определении сравнительной цены наружного и внутреннего, чтобы не променять золота на медь и серебра на олово, чтобы, останавливаясь на наружном, не погрязнуть в суете. Не внутреннее существует для внешнего, но внешнее для внутреннего, внешние видимыя блага для тела, тело для души, душа для Бога и царствия Божия: а *царствие Божие*, по слову Господню, *внутри вас есть* (Лук. XVII. 21), если вы не поработились наружному, и не потерялись в нем.

Занимайтесь и пользуйтесь наружным соответственно потребности, с умеренностью: но всегда поспешайте обращаться ко внутреннему.

Скажи украшенной храмине: ты не чертог небесного Жениха. Чертог Его – непорочное сердце. Он *вселяется верою в сердца* (Еф. III. 17).

Скажи изящным одеждам: ни одна из вас не годится *быть одеянием брачным* (Матф. XXII. 12), в котором входят на Царский брак, и без которого извергаются во тьму кромешную. Сего одеяния не выткут на стане, и не принесут из чужой земли: оно частью подается свыше, частью вырабатывается собственными подвигами каждого, по реченному: *облецытесь Господом нашим Иисус Христом* (Рим. XIII. 14); *облецытесь во утробы щедрот, благодать, смиренномудрие, кротость и долготерпение* (Кол. III. 12).

Скажи роскошному пиру: не сюда придет небесный Гость, хотя Он и обещал *внити и вечеряти* со всяким, кто Ему *отверзет двери* (Апок. III. 20). У него иная пища: *не о хлебе едином жив будет человек, но о всяком глаголе, исходящем из уст Божиих* (Матф. IV. 4). Ему надлежит отверзти двери сердца: отверзают же их молитва, любовь и соблюдение слова Его: *Аще кто любит Мя, слово Мое соблюдет, и Отец Мой возлюбит его, и к нему приидем, и обитель у него сотворим* (Иоан. XIV. 23).

Скажите помыслам тщеславия и корыстолюбия, когда они приближаются к вашим добрым делам: удалитесь *лисы губящая винограды* (Песн. II. 15); мы хотим сохранить Господу винограда ни кем не тронутый плод.

С помощью указанных теперь и подобных духовных размышлений и упражнений, *да даст вам, братия, Отец небесный, по богатству славы Своея, силою утвердиться Духом Его во внутреннем человеке* (Еф. III. 16), да, имея славу внутри, достойны явимся приведения во славу вечную. Аминь.

ССХСVIII.

217. Слово

в день торжественного венчания и помазания

на Царство Благочестивейшаго Государя Императора

Николая Павловича.

(Говорено в Успенском соборе 22 авг.;

напечатано в Твор. Св. От. 1847 г. и в собр. 1861 г.)

<1847 год>

*Очи мои на верныя земли, посаждати
я со мною. Пс. С. 6.*

Пророк и царь Давид хочет изобразить в псалме царя правосуднаго и милостиваго: *милость и суд воспою Тебе, Господи*. Не говорит прямо: воспою царя милостиваго и правосуднаго; потому что не позволяет смирение: поелику он воспеть желает свои собственные расположения и чувствования. Но говорит: воспою милость и суд, или правосудие, как свойства, отдельно от лица разсматриваемыя, которыя он желает иметь и сохранить; которых не смеет себе решительно приписать, о которых потому молит Господа, почему и обращается к Нему: *воспою Тебе, Господи*.

Всмотримся в некоторыя черты пророческаго изображения. *Прехождах в незлобии сердца моего посреде дому моего. – Творяция преступление возненавидех. – Оклеветающаго тай искренняго своего, сего изгонях. Очи мои на верныя земли, посаждати я со мною*. Какой прекрасный образ царя! В своем доме он обращается кротко и просто, как исполненный любви отец семейства. Вид преступления как бы невольно возбуждает в нем ненависть, по глубокому чувству правоты. Клевету и тайные наветы он гонит от себя, как заразу. Непрестанно простирает проницательные взоры на двор, на столицу, на царство, чтобы отыскивать верных, приближать их к себе, употреблять в дела, испытывая в меньших служениях приготовить к важнейшим, и по мере заслуг, ободрять и утешать их своим благоволением.

С утешением представляя вам, Россияне, написанный, древний, величественный образ царя, тогда как наши сердца наполняет живой образ Благочестивейшаго Самодержца нашего, с заботою от написаннаго Пророком простираюсь мыслию к тому, что им не дописано. *Очи Царя на верныя земли*: но довольно ли находит Он верных земли? Довольно ли они соответствуют Его желаниям и благу царства? Довольно ли плодами верности награждают Его за царские подвиги? Сию заботу о верности, как дар верности, приношу Царю в день Его славы.

Верные Россияне! Да не оскорбит вас забота о верности. Это не сомнение о верности, которое подлинно вас оскорбило бы, но желание совершенства в сей добродетели и чувство необходимой осторожности от преткновений, которыя могут встретиться на всяком пути, и не для одних хромых, или расслабленных.

Позаботимся и каждый для себя и друг для друга, чтобы верность наша Царю и закону была полная, соблюдаемая всегда и во всем, в великом и в малом, чтобы она была безкорыстная, чтобы она была готовая на самопожертвование.

От Испытующаго сердца и утробы имеем мы наблюдение над ходом нравственной деятельности, достойное глубокаго внимания и всегдашняго памятования: *верный в мале, и во мнозе верен есть; и неправедный в мале, и во мнозе неправеден есть* (Лук. XVI. 10).

Не примечают сего не дальновидные. Изменить царю и отечеству на войне, расхитить государственное сокровище, осудить невинного на тяжкое наказание – сии вопиющая неверности против царя, отечества и закона поражают всякого, и тяжесть преступления входит в число средств, предохраняющих от покушения на оное. Но не делать дел царской службы, и пользоваться воздаянием или наградою за службу, ввести виды личной корысти в распоряжение делами и средствами общественными, принять в суде ходатайство вместо доказательства, и оправдать неправого, – это, говорят, не большие неточности, извиняемые иногда обстоятельствами, и не препятствующие верности в делах важнейших. Не обольщайте себя. Эти не большие неточности не очень малы, особенно же потому, что беременны большими неверностями. Эта не опасная, по видимому, неправда в мале, ведет за собою пагубную неправду во мнозе. Скажут: неужели нельзя свободному существу, по малом преткании, остановиться и не допустить себя до большого зла? По умозрению о свободе, не скажу, что нельзя. Но нельзя же отказать во внимании свидетельству опыта, который говорит устами премудраго, что *уничижая малая по мале упадет* (Сир. XIX. 1), и еще более свидетельству самой Премудрости Божией, что *неправедный в мале, и во мнозе неправеден есть*. Ея слова могут быть не поняты, но не могут подлежать сомнению. *Вся права суть разумевающим, и проста обретающим разум* (Притч. VIII. 9). Постараемся же обрести разум слов Христовых. – Обыкновенно, внимательнее берегут одежду еще чистую, нежели уже получившую пятно, которая по тому легко обрекается на употребление, подвергающее умножению пятен. Так бывает и с одеждою души, и с совестью содеянного. Есть внутреннее побуждение беречь ее, когда она чиста; есть особенное удовольствие в сем хранении; есть особенная для сего сила, поелику к чистому близка благодать Божия укрепляющая и охраняющая: но как скоро пало на одежду вознерадевшей души хотя одно пятно неправды, душа уже не имеет такой, как прежде, бодрости, ни так же близкой благодатной помощи к охранению себя от второго и третьего нравственного пятна. При повторении действий неправды чувство нравственное притупляется; око душевное темнеет; глазомер различения между малою и большою неправдою становится меньше и меньше верным; приходит злая привычка. Теперь, кажется, понятно, каким образом нравственное направление, попускающее неправду в мале, имеет прямым, свойственным себе исходом неправду во мнозе. – Еще удобнее понять другую часть изречения Христова: *верный в мале и во мнозе верен есть*. Всякая сила, при постоянно повторяемых опытах, переходящих от меньшего к большему, развивается, возрастает и достигает возможного совершенства. Так и постоянно действующая верность в мале, естественно, наконец, оказывается верностью во мнозе, что наипаче видно бывает при обстоятельствах, благоприятствующих ее проявлению.

Верные земли! Не почтите сих размышлений для себя излишними. Не пренебрегайте и малой неверности: от нея не слишком далека большая. Дорожите верностию в мале: ею предуготовляется и обезпечивается верность во мнозе.

Каким образом верность повреждается корыстолюбием, надобно ли изъяснять или доказывать? Кто не знает, например, что если судия бывает неверен закону и справедливости, то самым обыкновенным изъяснением случаев сего рода бывает увлечение корыстными видами разного рода? Посему для тех, которые думают, что корыстолюбие не сожжет совести, так же как корысть не обожжет руки, я ограничусь указанием только на один много вразумляющий пример. Из множества учеников Христовых избрано было двенадцать Апостолов, без сомнения, подававших преимущественную надежду верности Божественному Наставнику. Погрешности в избрании быть не могло: потому что избирало всеведение. Но что случилось? Один из сих избранных верных *ковчежец имеяше, и вметаема ношаше* (Иоан. XII. 6). Он засмотрелся на серебро; возлюбил серебро; возжаждал умножить у себя серебро: и сребролюбие довело его до жесточайшей неверности, до измены сколько низкой, столько же пагубной, – за

сребренники предать Христа, и с тем вместе и свое апостольство, и свою жизнь временную и вечную.

Верные земли! Пример предателя Христова единствен: и да не найдется никогда ничего подобного в роде человеческом! Но прелесть корысти – прелесть обыкновенная. Если ею отравлена верность даже апостольская: то и всякая другая верность должна с опасением отвращаться от сей прелести, под которою может скрываться столь убийственный яд.

Важная принадлежность истинной верности есть готовность к самопожертвованию. Кто верен только в пределах собственной безопасности, тот верен вполне только самому себе. Верность, не расположенная к самопожертвованию, становится ничтожною в тех самых случаях, в которых наиболее нужна и была бы благотворна, и в которых с особенною светлостью могла бы открыться ее красота и величие. Защищение царя и отечества против воюющего врага, очевидно, не возможно без решительной готовности пожертвовать жизнью за царя и отечество. Но и в мирных отношениях внутри отечества верность не обезпечена, если не усилена до готовности к самопожертвованию. Надобно ли, например, в суде или в начальствовании, правого, но немощного защитить от неправого, но сильного соперника или преследователя? Кто может сие сделать? Без сомнения, только тот, кто решился лучше подвергнуться гонению, нежели предать гонимую невинность. Надобно ли пред лицом сильных земли высказать не согласную с их мыслями и желаниями, но спасительную для общества, истину? Кто может сие сделать? – Без сомнения, только тот, кому приятнее пострадать за истину и общее благо, нежели сохранить себя в покое с ущербом блага общественного.

Верные земли! Укрепляйте и возвышайте вашу верность общим с верными Неба правилом: *буди верен до смерти. Очи Царя на верныя земли*, чтобы озарять ваши подвиги, чтобы соделывать ваши жертвы, как жертву Исаака, не смертными для вас, благословенными для вас, и для отечества и для потомства. Если же чего для истинно верных не возможет сделать царь земный: то все совершит Царь небесный, Который рек: *буди верен до смерти, и дам ти венец живота* (Апок. II. 10). Аминь.

ССХСІХ.

218. Слово

читанное в московских церквах пред молебствием

об охранении от губительной болезни.

(Читано сент. 14-го; напечатано отдельно в Твор. Св. От. 1847 г. и в собр. 1861 г.)

<1847 год>

*И виде Бог дела их, яко обратишася от
путей
своих лукавых: и раскаяся Бог о зле, еже
глаголаше
сотворити им, и не сотвори.* Ион. III. 10.

Сии утешительныя слова написаны в книге Пророка Ионы, и относятся к жителям великаго града Ниневии. Пророк Иона послан был от Бога сказать им, что за грехи их весь

город их должен погибнуть. Ниневитяне устрашились суда Божия; признали свои грехи: обратились к Богу в покаянии, в посте, в молитве: и милосердый Бог принял их покаяние и молитву, и избавил их от гибели, к которой они уже были присуждены.

В сем происшествии открываются истины, которые мы должны сохранить в памяти и употребить в пользу нашей жизни.

Первая истина та, что великия общественныя бедствия не суть действия случая, или некоей совершенно непонятной судьбы, но суть действия Провидения Божия, управляемая правосудием и милосердием. *Востани, говорит Бог Ионе, и иди в Ниневию град великий и проповеждь в нем, яко взыде вопль злобы его ко мне.* Что значит: *воплъ злобы*? Значит умножение пороков, неправд и беззаконий, от которого вопиют утесняемые неправдами и *тварь повинувшаяся суете неволею*, уже не только воздыхает (Римл. VIII. 20. 22), но, по чрезмерности злоупотреблений, вопиет к Богу о правосудии. Бог видит и малый грех, и слово греховное слышит, и мысль греховная от Него не скрыта: однако до времени Он долго терпит, ожидая исправления грешника. Но когда к нему *восходит вопль злобы*: Он укрощает ее грозными судами своими, чтобы она не истребила добра. Так вообще бывает попускание общественных бедствий, хотя для особенных случаев есть особенныя судьбы Божии, как например, в общественных бедствиях, между грешниками, страдают и умирают иногда и праведники, без оскорбления их достоинства, потому что своим терпением они назидают других, и умножают свои венцы, и смертью приобретают вечную жизнь.

Другая, непосредственно за первую следующая, поучительная истина есть та, что бедствия общественныя должно встречать покаянием и молитвою, и чем благовременнее, тем лучше. Когда Иона предвещал Ниневитянам гибель: *вероваша мужие Ниневийстии Богови и заповедаша пост. И возвратися кийждо от пути своего лукаваго, и от неправды суция в руках их, глаголюще: кто вестъ, аще раскаяется и умолен будет Бог, и обратится от гнева ярости Своея, и не погибнем.* Не медлили они своим обращением к Богу; не сказали, что еще неизвестно, сбудется ли пророчество, еще нет признаков угрожающаго бедствия, нет никакого необыкновеннаго движения стихий, ни тучи, ни молнии, ни вихря, ни землетрясения, и ни один еще дом в городе не обрушился: но *вероваша мужие Ниневийстии*, не ожидая начала бед, по одному слову Пророка, признали свою виновность, поверили угрожающему суду Божию, и поспешили умиловать Бога покаянием, постом и молитвою. И благоразумно. Потому что теперь они могут приносить Богу покаяние свободно, а по наступлении беды, оно не было бы так свободным, и следственно не было бы так умиловательным: теперь они могут молиться умиленным, но не совсем стесненным сердцем; а ужасом наступающей уже гибели могло быть подавлено и молитвенное чувство. Такой образ действия Ниневитян оправдан совершенно последствиями.

Третья утешительная истина есть та, что покаяние и молитва суть действительныя средства против самых великих угрожающих или уже належащих бедствий. Уже Бог открыл Пророку, что *взыде вопль злобы* Ниневитян, что грехи их созрели к наказанию. Уже Пророк свидетельство Божие против преступнаго града: *взыде вопль злобы его ко Мне*, обращая в решительное определение, *Ниневия превратится*, объявил оное Ниневитянам всенародно. Казалось, что и непреложность суда Божия, и достоинство пророческаго слова, которое должно быть ненарушимо, требовали, что бы объявленное определение исполнилось без изменения. Но ничто невоспрепятствовало милосердию и благодати Божией, как скоро несколько им открыт был путь покаянием и молитвою. *И раскаяся Бог о зле, еже глаголаше сотворити им, и не сотвори.* То-есть, в раскаянии Ниневитян, которым останавливается зло греха, нашел Он средство остановить

наступавшее зло наказания. Как иногда премудрый и милосердый Царь, желая не столько карать преступника действием наказания, сколько исправить страхом наказания, повелевает составить и объявить ему строгое осуждающее определение, но прежде исполнения сего дарует ему прощение: подобным сему образом поступил Бог с Ниневитянами.

Предложенныя теперь истины всегда могут быть полезны к руководству нашей жизни. Да сохранит нас Бог от того, чтобы грехи наши умножились до Ниневийскаго вопля на небо. Но, как говорит Пророк, *грехопадения кто разумеет* (Пс. XVIII. 13)? Мы часто успокоиваем себя мыслию, что грехи наши не очень тяжки: а может быть только прельщаем себя. Может быть, не так видит их всечистое око Божие, и суд Божий тихими неприметными стопами к нам приближается.

Но в настоящее время есть не скрытое посещение Божие, на некоторые страны отечества нашего нашедшее, к которому мы не должны быть не внимательны. Губительная болезнь, в которой за семнадцать лет пред сим испытали мы частию суд, частию помилование Божие, вошла в пределы отечества нашего, исход из той же, как прежде, чужой страны. Нет Пророка, который бы предварил нас, дойдет ли она до нас, и который бы хотя не без страха, нас избавил от нея. Но есть уже милосердие Божие в том, что сама она издала нам о себе возвещает, и возбуждает нас к осторожности.

Что же должны мы делать? – Без сомнения, благоразумно и благонадежно будет употребить в предосторожность от бедствия, более или менее угрожающего, те испытанныя средства, которые для Ниневитян достаточны были для отвращения совершенной гибели.

И так есть ли угрожает нам скорбное посещение Божие: признаем в оном правосудие Божие, частию наказующее грехи, частию побуждающее к исправлению: и побудим себя к улучшению нашей жизни, в отношении к благочестию, благонравию, воздержанию, человеколюбию.

Да немедлим прибегать к Богу с молитвою, частию о избавлении братий наших, чад единыя Церкви и единого отечества, которых уже постигло скорбное посещение, частию о себе самих, да не приблизится к нам Ангел смерти, или да неотягчит руку свою; Ангелы же хранители наши да не преминут нас своим охранением, подкреплением и вразумлением, да повинуемся всегда Отцу Духов, и да творим волю Его, и да обретаем у Него милость и благодать.

Не леностны будем и в употреблении естественных средств и предосторожностей к сохранению здоровья, и к недопущению вредоносных влияний. Как можем требовать, чтобы хранил нас Бог, есть ли мы сами не бережем себя, и предаем действию разрушительных сил, малодушием и недостатком надежды на Бога, неумеренностию и невоздержанием и другими небрежностями? Внимательно храни себя малым возможным для тебя хранением: и Бог будет хранить тебя великим, всеблагим и всемогущим хранением. Аминь.

ССС.

219. Слово

по освящении храма Святаго Духа,

в Рождественском монастыре.

(Говорено Сент. 18; напечатано в Твор. Св. От. 1848 г. и в собр. 1861 г.)

<1847 год>

*Не весте ли, яко храм Божий есте, и Дух
Божий
живет в вас? Аще кто Божий храм
растлит,
растлит сего Бог. 1. Кор. III. 16. 17.*

Между тем, как боголюбивые подвизаются, чтобы создать, или лучше прежнего пересоздать, украсить, освятить храм Богу, Апостольское слово указывает нам инаго рода храм Божий, кажется, совсем готовый. И как близко! В лице каждого христианина, в собственном теле нашем. *Не весте ли, говорит, яко храм Божий есте, и Дух Божий живет в вас?* И еще: *или не весте, яко телеса ваша храм живущаго в вас Святаго Духа суть* (1 Кор. VI. 19)?

Апостол говорит о сем, как о деле весьма известном: *не весте ли? или не весте?* Неужели вы не знаете? Но сомнительно, все ли мы довольно знаем, каким образом христианин есть храм Божий? И если это так, и следственно мы очень богаты нерукотворенными живыми храмами Божиими: то можно спросить, для чего создаем и освящаем рукотворенные храмы Божии? Пусть же сии вопросы введут нас в размышление.

Сущность храма Божия составляет особенное благодатное присутствие Божие. Говорю: особенное благодатное присутствие Божие, различая сие от общего вездеприсутствия Божией силы творческой и промыслительной во всех сотворенных существах. Так определил сущность храма Своего Сам Бог, когда, благословляя храм Соломонов, глаголаше: *освятити храм сей, егоже создал еси, еже положити имя Мое тамо во веки, и будут очи Мои ту, и сердце Мое во вся дни* (3 Цар. IX. 3). *И вселюся посреде сынов Израилевых* (VI. 13).

Посему, если надобно и человеку быть храмом Божиим: то надобно, чтобы вселился в него, и пребывал в нем Бог. Так точно и определяет Апостол храм Божий в человеке, когда говорит: *вы есте церкви Бога жива, якоже рече Бог, яко вселюся в них и похожду* (2 Кор. VI. 16). Вы церкви живаго Бога, потому что Бог, по Своему древнему, чрез Моисея еще данному обещанию, Своею благодатною силою в вас вселился, и в вас пребывает.

Но каким образом благодатная сила Божия входит и вселяется в человека? – Она входит чрез слово Божие: *живо бо слово Божие, и действенно, и острейше всякаго меча обоюду остра, и проходящее даже до разделения души же и духа* (Евр. IV. 12).

При действии слова Божия, благодатная сила входит в человека посредством веры: потому что *вера от слуха, слух же глаголом Божиим* (Рим. X. 17); и таким образом *вселяется Христос верою в сердца* (Ефес. III. 17).

Благодатная сила входит в человека посредством святаго крещения: *елицы бо во Христа крестистесь, во Христа облекостесь* (Гал. III. 27). И как *во Христе живет всяко исполнение Божества телесне* (Кол. II. 9); то и в облекшихся во Христа не может не присутствовать некая сила от исполнения Божества, которою и совершается в них новое *от Бога рождение* (Иоан. I. 13).

Благодатная сила Духа Святого входит в человека чрез святое миропомазание: поелику сие таинство, при неодинаковом действии внешнем, имеет внутреннее действие, одинаковое с Апостольским возложением рук на новокрещенных, о котором в Деяниях Апостольских написано: *возложиши руце на ня, и приияши Духа Святого* (Деян. VIII. 17); и к сему таинству надлежит отнести Апостольское изречение, что *помазавый нас есть Бог, Иже и запечатле нас, и даде обручение Духа в сердца наша* (2 Кор. I. 21. 22).

Благодатная сила Христова входит в человека посредством причащения пресвятого Тела и Крови Христовы: в сем нас уверяет собственное слово Христово: *ядый мою плоть, и пияй Мою кровь, во Мне пребывает, и Аз в нем* (Иоан. VI. 56).

Благодатная сила открывает себе вход в человека чрез любовь к Богу, и Христу, и чрез соблюдение слова Его, то есть, Его учения и заповедей: в сем нас обнадеживает также собственное слово Христово: *аще кто любит Мя, слово мое соблюдет, и Отец Мой возлюбит его, и к нему приидем, и обитель у него сотворим* (Иоан. XIV. 23).

Благодатная сила приемлется человеком при содействии молитвы: ибо при молитве, совершаемой смиренным умом в глубине сердца, неразсеянной, прилежной, чистой, *Сам Дух ходатайствует о нас воздыхании неизглаголанными* (Рим. VIII. 26).

Видите, как обильно и разнообразно действует всеблагий Бог, изобретая средства, пролагая пути, отверзая входы, чтобы внити и вселиться в человека. Это потому, что самым сильным хотением хочет Он соделать человека Своим храмом. Это для того, чтобы человек имел самую полную удобность соделаться храмом Божиим.

Но когда Сам Бог Своею благодатною силою так благопромыслительно созидает и освящает Себе нерукотворенные живые храмы, и таких храмов должно быть столько, сколько есть христиан: для чего в тоже время и человек зиждет и освящает храм Богу? – Это для споспешествования достижению той же самой цели, для которой благопромыслительно действует Сам Бог, – для споспешествования созиданию и освящению живых Божиих церквей в человеческих душах и телесах.

Человек рождается в мир далеким от того, чтобы ему быть храмом Божиим. *Храм бо Божий свят есть* (1 Кор. III. 17): а всякий сын падшаго Адама, кто бы ни был, должен признаться в том, в чем не колебался признаться Пророк: *в беззакониих зачат есмь, и во гресех роди мя мати моя* (Псал. L. 7). Итак он не храм Божий, а нечистое жилище греха. Храм Божий надобно в нем созидать вновь, тем с большею трудностью, что надобно созидать на разрушении здания греха. Для сего человек должен быть пересоздан, так чтобы он был, по слову Писания, *новою тварию* (2 Кор. V. 17); или быть перерожден, так чтобы по справедливости мог назваться *новым человеком* (Еф. IV. 24). В сем возсоздании действует Дух Божий и Его благодатная сила, как говорит Апостол Павел: *созидается в жилище Божие Духом* (Еф. II. 22). В сем возрождении действует живое слово Божие, как говорит Апостол Петр: *порождени не от семени истленна, но неистленна, словом живаго Бога* (1 Петр. I. 23). Но если естественное рождение Сам Христос представляет образом духовного; и если для естественного рождения нужна матерняя утроба: то и для духовного рождения не нужна ли матерняя утроба, не в буквальном значении сего слова, как думалось Никодиму, но в высшем, соответственном предмету? – Сей вопрос и оправдывается, и разрешается одним разом, если скажем, что матерняя утроба и сокровищница жизни для новаго человека есть Христова Церковь и Ея, хотя рукотворенный, но духом благодати исполненный, тайнодейственный храм.

Бог даровал Церкви Своей Божественное сокровище, Свое слово, чтобы оно, проникая в человека своею живою благодатною силою, возрождало его, возсоздало, соделывало храмом Божиим: не нужна ли для хранения сего сокровища достойная сокровищница, отлученная, по возможности, от обыкновенных земных вещей, благоукрашенная, освященная? – Это и есть рукотворенный храм Божий. – Но как в слове Божиим имеют нужду все ищущие спасения: то сокровищница Его не должна ли быть всем им известна, всем открыта, всем доступна? – Таков и есть рукотворенный храм Божий.

Бог ввел Свою Божественную благодатную и спасительную силу в христианские таинства, чтобы чрез них вводить ее в христиан. В наименовании *таинств* видно указание частью на то, что в них тайно действует благодатная сила Божия, частью на то, что сии священные действия, по благоговению к заключенной в них Божией силе, должны быть тайною, недоступною для неприготовленных и недостойных. Оба сии указания сходятся в одной точке, – в мысли о необходимой потребности освященного тайнодейственного храма, в который бы и причастники таинств вступали с благоговением, и которого внутреннее святилище от неприготовленных и недостойных было бы закрыто, и для них не входно. И в особенности, если обоженное тело Господа нашего Иисуса Христа по достоинству вознесено в жилище пренебесное; и если сие же самое тело даровано нам в таинстве: то можно ли не потщиться, чтобы и земное жилище онаго было, как можно меньше, земным, как можно больше, небесным, по благолепию, по освящению, и по смиренному пред оным благоговению?

Из предложенных теперь размышлений созидающий храм может почерпнуть утешение – видеть свою жертву благоугодною Богу, и тем более благонадежною для обретения Его милости, что храм рукотворенный будет служить к созиданию и освящению многих храмов нерукотворенных: а все входящие во храм да почерпнут наставление, как им пользоваться храмом для созидания и освящения в храм Богу самих себя.

Быв оглашены и оглашаемы во храме словом Божиим, быв и бывая причастниками благодатных таинств, мы можем думать, что уже соделались и сами храмами Божиими. Не несправедливо. Но послушайте, что и к порожденным словом Бога живаго, и к причастникам таинств говорит Апостол: *и сами, яко камене живо, зиждитесь в храм духовен* (1 Петр. II. 5). Он не говорит утвердительно: вы уже создались в храм духовный, – но повелительно: *созидайтесь в храм духовный*. Что же это значит? – То, что и в посетителях храма, и в причастниках таинств, во многих храм духовный бывает несовершен и недостроен, потому что несовершенна вера; или по создании оскверняется и разрушается в них святой храм, потому что не святою проводят жизнь, но растленную грехами. А за сим следует грозный приговор Божественного слова: *аще кто Божий храм растлит, растлит сего Бог*. Кто нечистыми помыслами и лукавыми желаниями осквернит, и делами греха и беззакония разрушит духовный храм Божий в своей душе и в своем теле, и не потщится возстановить и обновить оный покаянием и исправленным житием, того долготерпеливый, но правосудный Бог, наконец, самого разрушит праведным судом Своим, то есть, попустит ему остаться вечною развалиною жизни, попираемою темными силами.

Охраняя себя от такой бедственной участи, по увещанию Апостольскому, *о возлюбленнии, очистим себе от всякия скверны плоти и духа, творяще святыню в страхе Божиим* (2 Кор. VII. 1). Верную в сем подвиге помощь приучим себя находить в верном употреблении благодатных средств святого храма и самой мысли о нем.

Когдаходишь в церковь; приведи себе на память обетование Господа собирающимся во имя Его: *ты есмь посреде их*; и благоговей, как пред лицом Его: и благодать присутствия Божия осенит тебя, как некогда чудесное облако во храме иерусалимском.

Когда пребываешь в церковной молитве: помысли, что в ней дышет Дух Святый, и удержи всякое собственное движение, и вдыхай в себя Его животворящее дыхание.

Когда здесь оглашает тебя слово Божие: отвержай не внешний только, но и внутренний слух твой; отвержай верою сердце; алчущим желанием принимай сей Хлеб небесный, и питай им не воображение только и память, но жизнь и деятельность.

Когда хочешь быть причастником таинства тела и крови Христовой, или по крайней мере присутствуешь при сем таинстве: отторгни себя от видимого, и прилепись мыслию и сердцем к веруемому, к кресту и гробу Господню, к телу Христову страждущему, умирающему, погребаемому, воскресающему, обоженному, прославленному: и прикосновение к Нему твоей веры будет существеннее, нежели кровоточивой к Его ризам; и *сила Христова изыдет* (Лук. VIII. 46) очистить и возвысить твои силы душевные и телесные.

Если когда нибудь нечистый помысл и лукавое желание приблизятся к храму души твоей: поспеши отразить их самую мыслию о храме. Не сказано ли в числе многих и мне: *храм Божий есте?* Не дерзну осквернить храм Божий тем, что противно его святости.

Если же паче чаяния лукавое желание или страсть усилится, и будет побуждать и тело твое к делу нечистоты, греха и беззакония: вооружись и ты еще сильнее мыслию о святом храме. Не сказано ли в числе многих и мне: *телеса ваша храм живущаго в вас Святаго Духа суть?* Как же дерзну я грехом и беззаконием разрушить в себе храм Святаго Духа? Да не будет мне оскорбить и удалить от себя Духа Святаго!

Душе Святый, от Отца исходяй, и в Сыне почиваяй, потом же нисходяй, и созидаая святилища, и совершая Святых, и во Святых почиваяй! Почивай в освященном Тобою храме не исходно Твоею благодатию и действуй зиждительно и животворно силою Твоею, да и мы недостойные сподобимся создаться в жилище Божие, во славу Отца и Сына и Святаго Духа! Аминь.

СССІ.

220. Слово

в день памяти преподобнаго Сергия.

(Говорено в Серг. Лавре 25 сент.; напечатано

в Твор. Св. От. 1849 г. и в собрании 1861 г.)

<1847 год>

*По звавшему вы Святому, и сами святы во всем житии будите. Зане писано есть:
святы
будите, яко Аз свят есмь. 1 Петр. I. 15. 16.*

В царствах человеческих народ с особенным почтением обращается к приближенным царя, частью, в следствие благоговения к царю, облекшему их своею доверенностию, властью, почетными званиями, частью, в надежде их благодетельного пред ним предстательства и покровительства, по данной им власти. Подобно сему и в царстве Божиим, которое есть Церковь Христова, народ верующих, как и вы ныне, с благоговением обращается к святым Божиим человекам, чтя живущую в них благодать Божию, и по вере надеясь от них молитвенного пред Богом предстательства и благодеяний, по данной им благодати.

Но в царстве человеческом, народ, воздавая честь вельможам, остается народом, и, по самому свойству государственного устройства, не может достигать преимуществ, пред которыми преклоняется, а в царстве Божиим не так. Здесь каждый из народа верующих, чтя Святых Божиих, может и сам достигать достоинства, которое чтит в других, и не только может, но и призывается, убеждается быть святым. *По звавшему вы Святому, и сами святы во всем житии будите. Зане писано есть: святы будите, яко Аз свят есмь.*

Братие, чтущие святость, как преимущество избранных! Помыслим о святости, как об обязанности всех и каждого.

Если бы гражданину или поселянину сказали: делай то и то, будь приближенным царя, который дает тебе право на сие преимущество, и призывает тебя к оному: с какою охотою, с каким жаром принял бы он за требуемые от него дела, хотя бы подвиг был не легкий и труд не краток. Но вот провозвестник воли Царя Небесного нам, и последней степени гражданства в сем царстве недостойным, говорит: *святы будите*; будьте святы нравственно, и потом будьте святы блаженно; живите благочестиво и добродетельно, и будьте приближенными Царя Небесного, Который позволяет вам не только приближаться к Нему, но и пребывать в Нем и Сам хочет не только приближаться к вам, но и жить в вас. Что же? Как приемлется сие призвание? Все ли, — по крайней мере, многие ли последуют оному с готовностию, с горячим усердием, с неослабною ревностию, с полною деятельностью? Не обыкновеннее ли то, что мы думаем и говорим: где нам быть святыми? Мы люди грешные; довольно, если как-нибудь спасаемся покаянием.

«Где нам быть святыми?» Но подумали-ль мы, чем же мы будем, и что будет с нами, если не станем подвизаться, чтобы сделаться святыми? Есть высшая степени святости, на которых сияют особенно избранные и благодатствованные души: но святость вообще не есть только частное между христианами отличие, которое похвально иметь некоторым, и без которого легко могут обойтись другие. По учению Апостольскому, каждый, кто призван Святым Богом к царствию Божию, иначе сказать, каждый христианин, в самом призвании сем и в мысли о призвавшем Боге, должен находить для себя закон, обязанность и побуждение, чтобы ему непременно быть, или сделаться святым. *По звавшему вы Святому, и сами святы во всем житии будите.* Сие правило тем сильнее обязательно для сынов Новаго Завета Божия, что и сынам Ветхаго, менее совершеннаго Завета, оно уже было дано самим Богом: *зане писано есть: святы будите, яко Аз свят есмь.* Если же вы живете без старания и без надежды быть святыми: то живете не *по звавшему вас Святому*; не соответствуете достоинству званных Богом и сынов завета Божия, — вы христиане по имени, а не в существе. К чему ведет такая жизнь, можно усмотреть из другаго Апостольскаго изречения: *мир имейте и святыню со всеми, ихже кроме никтоже узрит Господа* (Евр. XII. 14). Ясне: имейте мир со всеми, имейте святость: а без мира и без святости никто не увидит Господа, то-есть, не достигнет вечнаго блаженства.

Итак если мы небрежно и безпечно думаем, что нам не быть святыми: то сами на себя пишем приговор, не узреть Господа, быть чуждыми вечного блаженства.

«Мы люди грешные». – Кажется, это истина неоспоримая. Ибо, напротив того, *аще речем, яко греха не имамы, себе прельщаем и истины несть в нас*. Но случается, что злоупотребление истины бывает не лучше явного заблуждения. Если мы признаем себя грешниками, по глубокому самосознанию, и чрез то входим в чувство нашего недостойнства и окаянства, сокрушаем наше сердце, смиряем прирожденную гордость ветхаго человека, побуждаем себя к исканию благодатной помощи и к подвигу против греха: такое признание греховности не только не обезнадеживает нас в достижении святости, но и пролагает к ней путь. А если мы называем себя грешниками, с поверхностною мыслию, без сокрушения сердца, без отвращения от греха, с безпечною, с лукавым подразумеванием, что в том же должны признаться и все прочие, и что следственно нам и не стыдно признаваться, и не опасно после признания оставаться такими же, какими были до признания: такое признание греховности конечно не поведет к святости; и в сем случае даже говоря истину, яко грех имамы, *себе прельщаем, истины несть в нас*, то-есть, в нашем сердце и в нашей жизни, хотя и есть звук истины в устах наших. *Верно слово и всякаго приятия достойно, яко Христос Иисус прииде в мир грешники спасти* (1 Тим. I. 15). Но мы обманываемся, если думаем, что спасемся, оставаясь грешниками. Спасает Христос грешников тем, что дает им средство сделаться святыми.

«Какнибудь спасемся покаянием». – Да, покаяние принадлежит к числу средств спасения, которые преподает Христос грешникам, когда проповедует: *покайтесь и веруйте во Евангелие*. Но если мы думаем, как-нибудь покаяться, как-нибудь спастись: то слишком легко судим о деле высокой важности. Угодит ли раб господину, если будет делать его дело как-нибудь, а не как можно лучше! – Конечно не угодит. Кольми паче не угодит человек Богу, если только как-нибудь делать будет *дело Божие*, каково есть дело нашего спасения. Если и малое дело не делается хорошо и успешно, когда делается как-нибудь, невнимательно, небрежно: кольми паче великое дело спасения, – дело всех наших сил и способностей, главное дело всей жизни нашей. Мысль спастись покаянием есть мысль спасительная: но что должно подумать, когда видим в слове Божиим несчастный пример человека, который *покаяния места не обрете, аще и со слезами поискал его?* (Евр. XII. 17). Видно, и покаяние не позволяет найти себя как-нибудь, а требует, чтобы грешник искал его неленостно, разсудительно, с искренностию, с твердым намерением исправления, не допуская себя до закоснения во грехе. Притом совершенный учитель покаяния, Иоанн Креститель, скажет, что истинное покаяние требует чего-то еще в след за собою. *Сотворите*, говорит, *плод достойный покаяния* (Матф. III. 8). Покаяние очищает землю сердца от терния, возделывает, умягчает; вера всевает в нее семя небесное; возрастание сего новаго растения есть соблюдение заповедей и делание добра, цвет его – духовное внутреннее просвещение, а зрелый совершенный плод – святость. Надобно, чтобы пшеница достигла зрелости, дабы она внесена была в житницу. Надобно, чтобы человек достиг святости, дабы он введен был в царствие небесное.

К чему, братия, поведут нас предложенныя теперь размышления? К большей ли ревности и заботливости о деле спасения, для котораго требуется не только покаяние, как начатие онаго, но и святость, как совершение онаго? Или может быть, к большей безнадежности достигнуть спасения посредством святости, которую видим так высоко над собою? –

Христе Боже, упование наше! Не попусти нам изнемочь в нашей безнадежности: но укрепи нас Твоим упованием. Были некогда и Апостолы Твои в безнадежности: но Ты

разрешил ее всемогущим Твоим словом. Даруй и нам ощутить в вере силу того же самага слова: *невозможная у человек возможна суть у Бога* (Лук. XVIII. 27).

По истине, братия, если бы человеческими только естественными силами надлежало нам достигать святости: то несправедливо было бы отозваться, что это выше нашей возможности. Но когда для сего имеем Божию благодать предваряющую, просвещающую, укрепляющую, содействующую, охраняющую: никто не должен терять надежду достигнуть того, к чему *Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа избра нас в Нем прежде сложения мира*; а Он избрал нас *быти нам святым и непорочным пред Ним в любви* (Еф. I. 3. 4).

Посему и чувством долга, и надеждою от помощи Божией благаго успеха, да пробуждаем себя от нерадения и беспечности, да побуждаем себя к ревности в деле нашего спасения. По увещанию Апостола Павла, *очистим себе от скверны плоти и духа, творяще святыню в страхе Божиим* (2 Кор. VII. 1). По увещанию Апостола Петра, *совершенно уповайте на приносимую вам благодать откровением Иисус Христовым, яко чада послушания не преобразующеся первыми неведения вашего похотении, но по звавшему вы Святому, и сами святы во всем житии будите* (1 Петр. I. 13–16). Если в сих увещаниях встречаете довольно великия требования: творить святыню, быть святыми; то вместе с сим и довольно простые способы удовлетворить великим требованиям, именно, отвергнуть похоти, стараться очищать себя от скверны плоти и духа. По той мере, как деятельно и верно человек с своей стороны подвизается в очищении себя от нечистых дел, от нечистых желаний и страстей, от нечистых мыслей, на него, при посредстве церкви и ея таинств, сходит освящение Божие, котораго и да сотворит причастниками всех нас вседействующая благодать Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

СССII.

221. Слово

по освящении храма Рождества Пресвятыя Богородицы,

при Богадельне Общества ремесленников.

(Говорено октября 5; напечатано отдельно и в собр. 1861 г.)

<1847 год>

Во граде, довольно уже богатом учреждениями человеколюбия и благотворительности, вот еще дом милосердия, не ныне основанный, но недавно распространенный, и наконец увенчанный домом молитвы и святилищем таинств. Что прежде он был устроен в меньшем размере, сие, думаю, соответствовало ограниченности способов того сословия, которое устроило его. Что по времени он распространен, сие может служить признаком, что дух человеколюбия и благотворительности не так был ограничен, как способы действия, и что он, преодолевая затруднения, расширял свою деятельность. А что человеколюбие не удовлетворилось доставлением нуждающимся покойнаго жилища и других потребностей жизни телесной, но позаботилось и душам их приготовить близкое прибежище, с духовною пищею и духовными врачевствами, сим ознаменовал себя дух человеколюбия Христианскаго.

Что скажу начинателям и совершителям, покровителям и споспешествователям сего дела человеколюбия и благочестия? – Пусть приветствует их не просто человеческое слово,

которое может подлежать подозрению в ласкательстве, или сомнению в безошибочности, но достоверное слово Пророческое: *блажен разумевай на нища и убога, в день лют избавит его Господь: Господь да сохранит его, и живит его, и да ублажит его на земли* (Псал. XL. 2. 3).

Что скажу тем, для которых совершено сие дело человеколюбия и благочестия? – Пусть и им укажет, что им делать, власть имеющее Пророческое слово: *да узрят нищии, и возвеселятся: възыщит Бога, и жива будет душа ваша: яко услыша убогия Господь* (Псал. LXVIII. 33. 34).

Пророк ублажает благотворящего, но не всякого, а благотворящего разумно. *Блажен разумевай на нища*. Если бросаю нищему монету без внимания, или с мыслию освободиться от докучливой просьбы, или с тем, чтобы похвалиться милостынею: в сем нет доброго разумения. Такое благотворение не ведет к блаженству, и разве только может, скрывая в себе некую искру доброго желания, приготовить к лучшему образу благотворения. Благотворение с разумом бывает не одинаково. Некоторые имеют правилом большую или меньшую, по своей силе, милостыню подать всякому требующему, с тою мыслию, чтобы всякому оказать любовь, и ни кого не осудить, как недостойного: это добрый и смиренный разум благотворения. Некоторые благотворят, по усмотрению нужды, а к тунеядствующему или злоупотребляющему благотворение, не простирают руки, не потому, чтобы когонибудь осуждали и отвергали, но чтобы не давать в ближнем пищи греху: и это справедливый разум благотворения. Некоторые, примечая, что плод частного благотворения не редко бывает не верен, и обыкновенно не велик, предпочтительно входят в участие благотворения общественного: есть и в сем разум благотворения, достойный одобрения. Некоторые, не удовлетворяясь благотворением вещественным, употребляют оное преимущественно, как степень к благотворению духовному, к просвещению неведущих, к исправлению впадших в пороки, к утверждению бедствующих в вере и уповании на Бога: это преимущественно Христианский разум благотворения. Некоторые, охраняя себя от тщеславия и лицемерия, и желая дела человеколюбия соделать жертвою Богу, особенно подвизаются о том, чтобы их милостыня была тайная: это Самим Христом открытый разум благотворения. Таковы духовно-разумные образы благотворения. Кто так разумеает на нища и убога: тому словом Пророческим усвоится блаженство.

Пророк не говорит, что человек благотворительный будет некогда блажен, но говорит, что он уже блажен в то самое время, когда благотворит. *Блажен разумевай на нища и убога*. Что это за блаженство? – Блаженство соединенное с самым благотворением, то блаженство, о котором, по сказанию Апостола, Господь *Сам рече: блаженнее есть паче даяти, нежели приимати* (Деян. XX. 35). Когда томимому голодом дают пищу, или дрожащему от холода теплую одежду: не чувствует ли он себя на то время счастливым? Но Господь уверяет нас, что в то же время блаженнее тот, кто дает. Где можно найти сие блаженство? – В Боголюбивом и человеколюбивом сердце. В чем состоит сие блаженство? – В чувстве делаемого и сделанного добра, в свидетельстве совести о исполнении в нас воли Божией, в радости о ближнем, нами обрадованном. Человек сохраняя в себе, хотя не в совершенстве, образ всеблагаго Бога, по которому сотворен, радуется о всем добром и тогда, когда только слышит о нем: посему естественно блаженствовать ему, когда делает оное.

Сверх сего внутреннего блаженства, слово Божие усвоит человеку благотворительному еще благополучие, устрояемое особенным Провидением Божиим. *В день лют избавит его Господь. Господь сохранит его*. Мы не можем ясно видеть, какими средствами достигает

сего Провидение, потому что не можем следить за ним по всем путям его: но что достигает верно и чудно, то видим в опытах, особенно ясных в Священной Истории.

Авраам сражается за бедствующих, избавляет пленников безкорыстно, человеколюбиво приемлет странников: и Провидение хранит его всегда богатым и сильным, всегда избавляет от опасностей; и он удостоивается, без сомнения, блаженного, Божия посещения, по замечанию Апостола, именно за свое *страннолюбие* (Евр. XIII. 2).

Иов, по благотворительности, был *око слепым, нога хромым, отец немощным* (Иов. XXIX. 15. 16). И хотя на него самого, после богатства и славы, попущен был *лютый день* нищеты, лишения детей, болезни, оскорбления, уничижения: но Господь, избавив его, *благослови последняя Иовля, неже первая* (XLII. 12); *и даде Господь сугубая, елика бяху прежде Иову во усугубление* (10).

Товит *милостыни многи творит братии* своей (Тов. I. 3), *хлебы дает алчущим и одеяние нагим, погребает* бедственно умерших (17); и за сие от врагов своего народа подвергается разграблению имения и опасности жизни. Освободясь от опасности, дерзает на прежний подвиг: и, по нечаянному случаю, бывшему следствием сего подвига, лишается зрения, и впадает в нищету. Где же обещанное благотворящему словом Божиим *избавление в день лют?* – Оно несколько медлит, для того, чтобы явиться тем более чудным. Ангел Рафаил руководствует сына Товитова; доставляет ему щастливое супружество, богатство, средство для возвращения отцу зрения; и событиями больше, нежели словами, учит Товита, Едну, Товию, – и нас, что *благо молитва с постом и милостынею и правдою*; что *добро творити милостыню, нежели сокровиществовати злато* (XII. 8).

Но тогда, как мы разсуждаем о благополучии благотворящих, что думают те, которым не суждено благотворить другим, а пользоваться благотворением других? Не приходит ли им помысл печали, для чего не могут они иметь щастия благодетельствовать? – Слово Пророческое внушает им иное чувствование: *да узрят нищии, и возвеселятся*. Не приходит ли им помысл недоумения, что им делать в их стесненном и зависимом положении, чтобы иметь хотя некую долю некоего благополучия? – Слово Пророческое разрешает их недоумение, и наставляет их: *взыщите Бога, и жива будет душа ваша*.

Если не дано вам жребия благотворить, и находить радость в благотворении: находите утешение в том, что ваше беспомощное состояние не лишено благотворения, что призрело на вас Божие Провидение, и земные Ангелы Провидения, человеколюбивые люди. Если они о тех, которых облагодетельствовали, радуются, по чувству человеколюбия: вы радуйтесь о благодетелях, по чувству благодарности.

Есть род благотворения, – и притом возвышенный род благотворения, который совершать могут беспомощные так же, как и обилующие. Если не можете служить и помогать ближним вещественно; тем не менее можете служить и помогать им духовно, усердною молитвою за них, и особенно за тех, от которых пользуетесь сами благотворением. Бог внимлет молитве убогих, также как и обилующих: и, может быть, с особенным снисхождением внимлет молитве тех, которые, не имея на чем остановиться на земли, тем не удержимее прибегают к небу. *Услыша убогия Господь*. Притекая к Богу с молитвою о благотворителях, вы в то же время будете благотворить вашей собственной душе. *Взыщите Бога, и жива будет душа ваша*.

Соломон сказал; *богат и нищ сретостя друг друга: обоих же Господь сотвори* (Прит. XXII. 2). Прибавим, что Он обоих, как и *вся, премудростию сотворил* (Псал. CXIII. 24). С правдою попускает Он нужду и бедствие на человека, который

обыкновенно не безгрешен, и следственно не безвинен пред небесным правосудием: но из видимого зла какою великою и многообразною мерою извлекает существенное добро! Нуждающийся и бедствующий учится терпению, смиряется, очищается. Между тем его нуждою и бедствием возбуждается и питается в обилующем человеколюбие, сострадание, благотворительность, которая в свою чреду производят в облагодетельствованных любовь, благодарность и упование на Бога. Так и богатство и нищета дают случаи к подвигам и добродетелям: а подвиги и добродетели суть семена блаженства.

Рукою веры сейте добрая намерения и добрая дела, и вырастет блаженство от земли до неба. Аминь.

СССШ.

222. Слово

в день восшествия на Всероссийский престол

Благочестивейшаго Государя Императора

Николая Павловича.

(Говорено в кафедральной церкви Чудова монастыря, ноября 20;

напечатано в Твор. Св. От. 1848 г. и в собр. 1861 г.)

<1847 год>

*Воздадите убо Кесарева Кесареви, и Божия
Богovi. Матф. XXII. 21.*

Каждый раз, когда обращающийся круг лета возвращает нам день воцарения или царского венчания Благочестивейшаго Самодержца нашего, и когда долг и сердечное чувство верных подданных собирает нас на молитву, благодарственную за сей дар Провидения, и просительную о продолжении сего дара, Церковь дает нам услышать фарисейское словопрение и Христово учение обязанности к Царю, в соображении с обязанностию к Богу. Таким образом она предлагает и ныне сей предмет нашему размышлению: но если буду говорить о нем, не перетверженный ли урок повторять буду? Чтобы сия мысль не остановила моего слова, и не ослабила вашего внимания, сему да поможет пример Апостола, который написал: *таяжде писати вам, мне убо не леностно, вам же твердо* (Фил. III. 1).

Нам нужно собственно Христово учение: но как Евангелие приводит нас к нему путем фарисейского словопрения; то не минуем сего пути.

Это было не просто словопрение, а предприятие злоумышленное. Фарисеи, завидуя славе Господа Иисуса, и будучи раздражены обличениями от Него и неблагоприятными для них предсказаниями, решились погубить Его; и общим совещанием изобрели для сего средство. *Фарисее*, пишет святой Евангелист Матфей, *совет восприяша, яко да обольстят Его словом* (XXII. 15). А святой Лука дополняет: *да имут Его в словеси, во еже предати Его начальству и области игемонове* (XX. 20).

Сличим сие начало предприятия с окончанием, намерение с последствием, и усмотрим над безобразием дел человеческих величественный образ действующаго Провидения Божия, которое искусно задуманныя, но неблагонамеренныя предприятия обращает в стыд изобретателям, и даже из зла производит благо. Фарисеи думали, как сетью, хитрым и лицемерным словом, уловить Иисуса, и неизбежно влещи в погибель: но покушение кончилось тем, что Его словом обнаружена их слабость, и посрамлено их невежество. Исконный враг рода человеческого думал чрез них погубить Христа, и разрушить едва только полагаемое основание Церкви Христовой: но вместо того дал только Христу случай провозгласить учение, на веки утверждающее союз между Церковию и Государством, благоприятный для спокойствия Церкви, существенно важный для блага и прочности Государства.

Хитрость и неблагонамеренность Фарисеев прежде слов открывается в лицах посланников их ко Христу. *Посылают к Нему ученики своя со Иродианы.* А почему же не пошли к Нему сами? – Без сомнения, по тому расчету, что в случае успешнаго действия чрез учеников, насладятся успехом так же, как бы сами действовали; а в случае неудачи, пусть лучше на лице учеников падет стыд, а учителя останутся в стороне. Но для чего посылают не одних учеников своих, а присоединяют к ним Иродиан? – Здесь-то и является искусство злоумышления. Когда Иудея, прежде независимая, покорена была Римлянами: тогда неприятная, по причине новаго и чуждаго владычества, обязанность платить подать Римскому Кесарю сделала для многих занимательным вопрос: *достойно ли есть дати кинсон Кесареви, или ни?* Иродиане и Фарисеи были о сем противоположных мнений. Иродиане, заимствовавшие наименование от Ирода, который получил свою власть от Кесаря Римскаго, утверждали, что должно платить подать Кесарю, и противников сего мнения почитали мятежниками. Напротив того Фарисеи, согласно с Зилотами, мнимыми *ревнителями* закона Божия, полагали, что Иудеи, как народ Божий, должны, в отличие от языческих народов, платить одну только дань – Богу, в Его храм, по полусиклю с души, как предписано в законе Моисеевом, и что платить подать Римскому Кесарю, идолопоклоннику, значит оскорблять истиннаго Бога. Как же сии люди, противоборных между собою мнений, соединяются теперь, чтобы действовать за-одно? – Они отлагают на время свою вражду, чтобы общими силами сделать зло ненавистному тем и другим Учителю истины. Вот их расчет. Если Он скажет, что *достойно есть дати кинсон* Римскому Кесарю: то Фарисеи провозгласят, что Он изменил народу Божию и Богу, и таким образом опровергнут в лице Его достоинство посланника Божия и веру к Нему народа. Если же скажет: не *достойно есть дати кинсон* Кесарю: то Иродиане донесут на Него римскому правителю, как на мятежника, подвергнут Его суду смертному. Не правда ли, что сеть крепко связана, и ловко разставлена, *да имут Его в словеси?* –

Не лъзя при сем не обратить внимания на печальный в Иудеях образ народа и общества разделеннаго на толки и соумышления. Образую отдельныя соединения, они повреждают единство целаго, первое условие общественной жизни; уменьшают общую силу, отсекая ее на частныя, взаимно противоборныя силы; ослабляют общественное доверие; волнуют мысли народа, вместо того, чтобы устроить его благо правильною деятельностью, в спокойном послушании власти; колеблют здание общества, обращая в вопросы и споры то, что признано при учреждении обществ, положено в их основание и утверждено необходимостью; ведут в обществе внутреннюю войну, конечно, не к спокойствию его, и не к безопасности, а иногда еще бедственнее заключают между собою притворное перемирие, для сильнейшаго возстанія против истины и правды. Благо народу и государству, в котором единым, всеобщим, светлым, сильным, всепривлекающим, вседвижущим средоточием, как солнце во вселенной, стоит Царь, свободно ограничивающий свое неограниченное самодержавие волею Царя Небеснаго, мудростию, великодушием, любовию к народу, желанием общаго блага, вниманием к благому совету,

уважением к законам предшественников и к своим собственным, и в котором отношения подданных к верховной власти утверждаются не на вопросах, ежедневно возражающихся, и не на спорах, никогда некончаемых, но на хранимом свято предании праотеческом, на наследственной и благоприобретенной любви к Царю и Отечеству, и еще глубже, на благоговении к Царю царствующих и Господу господствующих. Господи! Ты даровал нам сие благо. Нам остается благодарить, хранить и молить: *утверди, Боже, сие, еже соделал еси в нас* (Пс. LXVII. 29).

Обратимся к фарисейской сети, чтобы видеть, какова будет ловитва. Как приманка для привлечения в сеть, положен вопрос: *достойно ли есть дати кинсон Кесареви?* Но Тот, Кого хотят уловить, видит не только приманку, но и скрытую за нею сеть, не только вопрос, но и сердца и намерения вопрошающих. Чтобы положить осязательное основание решению вопроса, Он требует *златицу кинсонную*, монету, которую надлежит употребить для уплаты подати, и, на взаимный вопрос: *чий образ сей и написание?* получив неизбежный ответ, что это – изображение и надписание Кесарева, и следственно право его на монету очевидно, произносит решение, которое расторгает сеть, и в тоже время уловляет самих ловителей: *воздадите убо Кесарева Кесареви, и Божия Богови*. На что теперь пожалуется ревность Фарисеев? Сказано: *воздадите Божия Богови*. – Что донесут Игемону Иродиане? Сказано: *воздадите Кесарева Кесареви*. Тем и другим должно быть стыдно, что предлагали, как будто необычайно трудный, такой вопрос, который разрешается одним взглядом на монету.

Но Фарисеям и Иродианам стыд, а всему миру спасительное поучение: *воздадите Кесарева Кесареви, и Божия Богови*. Рабы Царя Небесного и ревнители славы Его! Царь Небесный не изъе́млет вас от обязанностей к Царю земному, но Сам провозглашает их, и Сам повелевает исполнять их, потому что Им *царие царствуют, и несть власть, аще не от Бога*. *Воздадите Кесарева Кесареви*. Подданные Царя земного! Подчиняя Ему, Царь Небесный не исключает вас из Своего всеобъемлющего владычества, но и от вас, и от Него, требует покорности Своим законам: *воздадите Божия Богови*. И церковь *да воздаст Кесарева Кесареви*, вознося молитвы за Царя и Государство, внушая своим чадам верность к Царю, Отечеству и законам, и укрепляя сию верность клятвою во имя Божие. И Государство *да воздаст Божия Богови*, вместе с своим Самодержцем, благоговевя пред Вседержителем, соглашая свои законы с Его заповедями, споспешествуя Церкви охранением, подобно как и она государству споспешествует учением и молитвою, *да тихое и безмолвное житие поживем во всяком благочестии и чистоте*.

Особенного примечания достойно, что, хотя вопрос Фарисеями предложен был только об обязанности к Кесарю, и хотя сей вопрос указанием на кинсон и заповедию: *воздадите Кесарева Кесареви*, разрешался достаточно и непобедимо: Господь однако сим не удовлетворился, но простер Свой ответ за предел вопроса, и непосредственно присовокупил другую заповедь: *и Божия Богови*, означая сим союз обеих заповедей и неполноту первой без последней. Подобно сему, и в других случаях, слово Божие обязанность к Царю непосредственно соединяет с обязанностью к Богу. Так говорит ветхозаветный мудрец: *бойся Бога, сыне, и царя* (Притч. XXIV. 21). Так и Апостол Петр: *Бога бойтесь, царя чтите* (1 Петр. II. 17).

Братия, чада царствия земного, и, по вере и упованию, чада царствия небесного! Без сомнения, не погрешит тот, кто и в земных делах следовать будет мановению небесному. Для чего слово Божие представляет нам мысль о Царе в непосредственной близости с мыслью о Боге? – Без сомнения, для того, чтобы сии мысли были дружны и неразлучны в нашем сердце, и в нашей деятельности, и чтобы мысль небесная была опорой земной. Благоговение и любовь к Царю нашему природны нам: но мысль о Царе царствующих

всего вернее дает сим чувствованиям полную силу, совершенную чистоту, незыблемую твердость и прямоту действия. При свете мысли о Боге, мы исполняем обязанности подданных и подвластных, скажу словами Апостола, *в простоте сердца, не перед очима точию работающе, яко человекоугодницы, но якоже раби Христовы творяще волю Божию от души, с благоразумием служаще якоже Господу, а не яко человеком* (Еф. VI. 5–7). Аминь.

СССIV.

223. Беседа

о трудолюбии.

(Напечатана в Твор. Св. От. 1847 г. и в собрании 1861 г.)

<1847 год>

*Во всем представляюще себе якоже
Божия слуги, в терпении мнозе, в скорбех,
в бедах, в теснотах, в ранах, в темницах,
в нестроениях, в трудех. 2 Кор. VI. 4. 5.*

Святой Павел, как насадитель Церкви Коринфской, пишет к Коринфянам, и, как всеобщий Апостол, взывает ко всем христианам: *молим не вотще благодать Божию прияти вам.* То есть, он убеждает христиан вести жизнь так, чтобы благодать Божия, принятая ими от Христа, чрез Его таинства, не оставалась в них бесплодною, но чтобы они деятельно пользовались ея помощью, и добрыми делами упрочивали свое спасение. Не уподобляясь учителям, возлагающим на плеча других бремена тяжкия и неудобноносимыя, которых сами перстом не хотят коснуться, Апостол напротив того представляет себя понесшим и носящим бремена тяжкия и неудобноносимыя, чтобы ученики не отреклись понести чтонибудь меньшее, для них возможное. *Во всем представляюще себе якоже Божия слуги, в терпении мнозе, в скорбех, в бедах, в теснотах, в ранах, в темницах, в нестроениях, в трудех,* – и в разнообразии других подвигов и добродетелей, которых исчисление прерываю для краткости. Из сего множества бремен, подлинно более или менее тяжких для растленной природы, но не неудобноносимых при помощи благодати, беру теперь одно, и притом одно из более неизбежных и более удобноносимых, и желаю видеть оное на моих и ваших раменах. Это труды. Молю с Апостолом: *да представляете себе, якоже Божия слуги – в трудех.*

Или учение о трудах не стоит труда, и недостойно кафедры? Не скажут ли некоторые, что, кому нужно трудиться, тот без наставления пойдет на труд, по неволе, или по влечению страсти; а кто может обойтись без труда, того неужели надобно мучить трудом напрасно? Если кто признается, что имеет сии мысли в голове, или, осмотрясь внимательно, найдет их в расположении своей жизни: таковой пусть имеет и наше признание, что сии самые мысли представляют нам учение о трудах требующим труда и достойным внимания.

Труд по неволе много ли лучше, нежели труд вола, несущаго ярмо и влекущаго плуг? И не сугубо ли тяжек, во-первых, собственною тягостию труда, во-вторых, тягостным чувством неволи? И потому не хорошо ли было бы, если бы мы могли и низший труд человека возвысить над трудом безсловеснаго, и, не ослабляя труда необходимаго, уменьшить его

тягость, заменив подавляющее чувство неволи удобоносимым бременем нравственной необходимости, разумно сознаваемой?

Труд по страсти, например, из корыстолюбия, благороден ли, и не соединен ли с мучением, потому что всякая преобладающая страсть есть внутренний мучитель? И потому не лучше ли будет, если облагородим труд, изгнав, или по крайней мере препобедив низкую склонность к корысти высшим побуждением к действию?

Труд из честолюбия, может быть, не согласятся некоторые назвать неблагородным. Не входя о сем в спор, я спросил бы только высоких и сильных: совершенно ли они довольны трудящимися в их службе, если сие делается только для того, чтобы возвыситься и достигнуть почести? Не лучше ли желали бы они, чтобы сие делалось из побуждений более чистых, – из глубокого уважения, из преданности, усердия и любви?

Что сказать о презрении труда, об отвращении от него и о праздной жизни? Если жизнь есть деятельность: то, по обратному заключению, безделье и праздность не есть жизнь, по крайней мере не есть жизнь разумного и нравственного существа. Долгий сон утром, медленное пробуждение, потом завтрак, прогулка, празднословие с посетителями или посещаемыми, может быть, не лучшее празднословия чтение, потом обед, отдых, зрелище, игра, ужин, и опять долгий сон, – это ли жизнь существа разумного и нравственного?

Итак труд по неволе, труд по страсти, отвращение от труда и праздность, – все сие требует или исправления или улучшения здравым учением о труде; и такого учения нигде лучше не лзя почерпнуть, как в источнике любомудрия христианского.

Есть ли труд на небесах? – Сего утверждать не можем, хотя знаем из Откровения Иоаннова, что тамошняя Силы *покою не имут день и ночь* (Апок. IV. 8), совершая непрестанное славословие Вседержителю. Но там не так, как здесь на земли. Здесь труд, покой, удовольствие, разделены, разграничены, расчленены: а там не нуждающаяся в покое деятельность сотворенных Сил, и покой их в Боге, и блаженство, составляют одно. Впрочем для благих *духов*, на землю *в служение посылаемых за хотящих наследовати спасение*, думаю, есть труд, – и не легкий труд, из чистой и светлой области небесной, как в погреб или в рудокопную пещеру, нисходить для нас в сумрачную и душную область земную, бодрствовать над нашим недостойнством, простирать к нам тонкие духовные внушения, не редко заглушаемые нашею грубою чувственностью, терпеть наши недостатки и неверности, отступать иногда по необходимости от наших нечистот, но не слишком далеко, чтобы вновь высматривать благоприятные минуты для благодетельного к нам приближения, наконец безутешно иногда скорбеть о нашей нераскаянности. Помысли о сем нелегкомысленно, сын персти! Если небожители не почитают для себя низким и неприятным нисходить из своего блаженства на несчастную землю, на труд для тебя спасительный: дерзнешь ли ты отринуть какой либо благопотребный труд, как низкий и неприятный? Берегись только низких побуждений, которые одне делают истинно низким труд.

Если спросим, был ли труд в раю: отвечает нам книга Бытия: *взя Господь Бог человека, егоже созда, и введе его в рай сладости, делати его и хранити* (Быт. II. 15). Рай не имел нужды в усиленном возделывании, подобно нашим полям и садам: потому что не было еще проклятия, возвращающего терния и волчцы. Для чего ж и райскому человеку назначено *делати*? К разрешению сего святой Златоуст приводит изречение премудраго: *мнозей бо злобе научила праздность* (Сир. XXXIII. 28). Посему, заключает он, Бог *восхотел, чтобы человек имел некую малую и мерную заботу о хранении и делании. Если бы он совсем был освобожден от всякого труда: то, пользуясь великим покоем, легко*

уклонился бы к лености. А делая дело, впрочем не сопровождаемое болью и изнурением, он лучше мог целомудрствовать. Из сего разсуждения златословеснаго учителя надлежит нам научиться, что, хотя бы кто из нас жил почти в райском довольстве и благосостоянии, хотя бы не представлялось ничего, понуждающаго к труду, однако и в сем случае не должно пренебрегать трудом, и уклоняться от него, а должно употреблять его, как охранителя внутреннего и внешнего благосостояния, чтобы не пришла и *мнозей злобе не научила праздность.*

Но наше состояние уже не райское: и в сем состоянии труд имеет новое значение, и новым образом необходим. За гордость и преслушание изгнанному из рая человеку Бог Судия сказал; *в поте лица твоего снеси хлеб твой* (Быт. III. 19). То есть, как изъясняет святой Златоуст: *поелику ты не воспользовался толикою свободою; потому проклену землю, чтобы она уже не без оранія и сеянія, как прежде, приносила тебе свои произведения, но со многим трудом, тягостию и изнурением; обложу тебя всегдашними печальми и смущениями, заставлю тебя все делать с пролитием пота, чтобы сии утеснения были тебе непрерывным поучением смиряться и сознавать свою природу.* Если таким образом труд есть всеродное человекам наказание Божие, и вместе Божие им поучение к смирению и познанию своей немощи, которое должно вести к умилоствлению Судии Бога: то убегать от труда, как от наказания Божия, возможно ли, без опасности большаго наказания? Убегать от труда, как поучения Божия, не безразсудно ли? Не должно ли опасаться, что новый суд Божий скажет: поелику ты знал, что за небдительное делание и за тунеядство в раю человек низведен от труда безболезненнаго на труд на земли болезненный, однако же благотворный; но ты не хочешь воспользоваться сим исправительным средством: то остается низвести тебя еще на низшую степень, – на труд преисподний, мучительный и бесплодный?

Впрочем христианство, которым все облегчается, улучшается, услаждается и усовершенствуется, предписывает нам труд, уже не столько в качестве наказания Божия, сколько в виде служения Богу. *Во всем, говорит Апостол, представляюще себе якоже Божия слуги,* и между прочим, *в трудах.* Каким образом? Если труд для тебя необходим: смотри на него не как на слепую необходимость, но как на устроение премудрости Божией в жизни человеческой; и потому неси оный не с чувством неволи, но с чувством послушания воле Божией. И если, по устроению общественному, труд налагается на вас от другаго человека: несите оный не только ради человека, но вместе и ради Бога, *не пред очима точию работающе, яко человекоугодницы, но якоже раби Христовы, творяще волю Божию от души* (Еф. VI. 6). Если и тяжкими и долгими обременяют вас трудами: принесите в трудах ваших Богу жертву безропотности и терпения. Если же и ничто не понуждает вас к труду: тем еще удобнее можете вы представить себя слугами Божиими в труде, который предпримете для блага ближняго. Потому что служение благу ближняго есть действительное служение Христу, по собственному Его слову: *понеже сотвористе единому сих братьий Моих меньших, Мне сотвористе* (Матф. XXV. 40).

Скажу ли еще одно решительное слово Апостольское о труде, – скажу ли особенно свободным, и благородным, и обилующим, или удержусь, чтобы не отослали меня с оным к рабам и работникам? Но слово Апостольское говорит ко всем, и с ним ни пред кем отступить назад не смею. Что же говорит оно? – *Сие завещах вам, яко аще кто не хочет делати, ниже да яст* (2 Сол. III. 10). Подумаем мы, простирающие не утружденную руку на нескудную трапезу, были ль бы мы, по сему завещанию, или правилу, достойны разделить хлеб и воду с сим скинотворцем, который данное другим правило и сам исполнял, даже строже других, не только деланием Апостольским, но и просто работою, как и сказывает: *весте, яко требованию моему и сущим со мною послужисте руце мои сии* (Деян. XX, 34). *Труждаемся, делаяще своими руками* (1 Кор. IV. 12). *Не туне хлеб*

ядохом у кого, но в труде и подвиге, день и ночь делающе своими руками, да не отягчим никого же от вас (2 Сол. III. 8)? Но кто не достоин ясти с Павлом, тот, конечно, не будет достоин ясти с Христом, на трапезе Его, во царствии Его.

Да не будем же ленивы, бездейственны и праздны; возлюбим труд; да делаем полезное, если не по своей нужде, то по человеколюбию к другим; да, по благом делании, по завещанию Апостольскому, не только земную пищу вкушаем со услаждением совести, но, наконец, и безсмертныя насладимся трапезы, по завещанию Христа Господа, рекшаго: *завещаваю вам, якоже завеща Мне Отец Мой, царство, да ясте и пиете на трапезе Моей во царствии Моем* (Лук. XXII. 29. 30)! Аминь.

1848 год.

СССV.

224. Слово

пред благодарственным молебствием за

прекращение губительной болезни.

(Говорено в Чудове монастыре февраля 8-го;

напечатано в Твор. Св. Отц. 1848 г. и в собрании 1861 г.)

<1848 год>

*Обрете его Иисус в Церкви, и рече ему:
се здрав еси, ктому не согрешай, да не
горше ти что будет. Иоан. V. 14.*

Обретаемся и мы ныне в церкви, и обретаемся для того, чтобы с благодарением исповедать пред Богом, яко здрави есмы, — некоторые от бывшей болезни, а все от опасения болезни, довольно некротковременнаго, не для всех легкаго, для некоторых же и очень не легкаго, когда обязанность звания, или человеколюбие, призывали их к подвигу врачевания болящих, или попечения о болящих.

Обретет ли и нас в Церкви Господь Иисус? Изречет ли и нам Спаситель слово спасения? — Без сомнения, обретает Он нас не только всепроницающим взором Своего всеведения, но и всеоживляющим взором Своего милосердия. И слово, изреченное некогда в обстоятельствах, несколько подобных нашим, изрекает Он и теперь нам посредством Евангелия: *се здрав еси, ктому не согрешай, да не горше ти что будет.*

Это сказано было некоему человеку, во Иерусалиме, в притворе близ Овчей купели, в расслаблении тридцать восемь лет тщетно ждавшем излечения водою, которую однажды в год, для одного больного, делало врачбною прикосновение Ангельской силы, доколе наконец явился Владыка времен, стихий и Ангелов, и не требуя ни времени, ни воды, ни Ангела, исцелил расслабленного словом: *востани, возми одр твой и ходи.* Исцелитель не все кончил: потому что, убегая славы, поспешил скрыться в народе. Чрез несколько дней, вероятно, в праздник, исцеленный пришел в храм, вероятно, как и мы ныне, чтобы благодарить Бога за свое здравие. Тогда Исцелитель вновь нашел его, и, как прежде в

слове подал ему врачевство целительное, так теперь в слове подает врачевство предохранительное: *се здоров еси, ктому не согрешай, да не горше ти что будет.*

Если бы мы слышали, что искусный врач излеченному им больному говорит, например: не употребляй впредь такой или такой пищи, – что бы мы подумали? Конечно мы бы подумали: видно излеченный прежде употреблял сию пищу; она, видно, была и причиною болезни; видно, врач предвидит, что и опять она причинит болезнь, если излеченный не перестанет употреблять оную. Подобно сему, что должны мы подумать, слыша слово Господне к исцеленному: *се здоров еси, ктому не согрешай, да не горше ти что будет?* – Видно, исцеленный прежде согрешал; видно, согрешения были причиною его болезни; видно, провидит Божественный Врач, что возобновляемые грехи возобновят зло, в том или другом виде, но еще в большей силе.

Здесь можно спросить, участь ли одного человека представляется в Евангельском повествовании о разслабленном, или с тем вместе открывается общий закон суда над грехом, частью впечатленный в природе, частью приводимый в действие Провидением, хотя не всегда очевидно, не всегда скоро, не всегда одинаково, по видам, степеням и обстоятельствам греха, легкого, тяжкого, вопиющего, невольного, вольного, по неведению, по увлечению, по пристрастию, борющегося, преодолевающего, преобладающего, ненавидимого, любимого, окаеваемого, нераскаянного, исправимого судом временным, оставляемого суду вечному? Кто может измерить глубину, исследовать пути Божиих судеб? Кто решится каждого больного признать осужденным, и всякую болезнь вывескою виновности? Страдал и праведный Иов болезнию, и притом весьма тяжкою. Но нельзя же признать и того, будто на одного Иерусалимского грешника исключительно направлена была строгость суда, за грехи юности, заключившая его на тридцать восемь лет в узы болезни, и, за возможные грехи старости, уготовившая ему еще более тяжкий жребий. След подобного суда виден и в судьбе другого разслабленного, которого исцеляя Господь сказал: *отпускаются тебе греси твои* (Марк. II. 5). Очевидно, что, подобно глубоко мудрствующему врачу, Он исцеляет от болезни, действуя на причину болезни. Что видим в сих примерах, то не выражается ли, как закон, в слове Апостольском: *грех в мир вниде, и грехом смерть; – оброцы греха смерть?* Ибо что есть болезнь, как не отрасль древа смерти, или уменьшенный, неполный прием зелия смерти? Следственно, вместе с смертию и болезнь пришла в мир по дороге, проложенной грехом; а потому очень естественно, если она и ныне приходит тою же дорогою.

Итак, убеждаясь признать существование общего закона, связующего болезнь и смерть с грехом, не отвергая впрочем в приложении онаго постепенностей, видоизменений и изъятий, не без основания мы можем тем же языком, как Евангелие исцеленному разслабленному, говорить оздравевшему от смертоносной болезни городу: ты был не обыкновенным образом болен; видно, ты более обыкновенного согрешал: теперь ты здоров, берегись же, чтобы не умножать грехов, чтобы не было хуже.

С утешением вспомнить можем некоторые обнаружения расположений, с какими православныя чада Церкви Московския приняли скорбное посещение Божие. Не только, по мановению Матери Церкви, приняли они участие в общих умилоостивительных молитвах, но, возчувствовав собственную потребность умилоостивлять Бога, и подкреплять себя пособиями веры, свободным напряжением благочестиваго усердия подвигли благоговейно издревле чтимую святыню для принятия, при ея посредстве, благодатной охранительной и целебной силы, и взыскали умножения особенных умилоостивительных молений. Более ста таковых молебствий с крестными хождениями совершилось в окрестностях разных храмов и на открытых местах, среди благоговействующаго множества, не опасавшагося и суровости ноябрьскаго и декабрьскаго воздуха в

болезненное время. К духовной радости священноначалия, оно не имело нужды возбуждать кого либо к сим особнным подвигам благочестия: довольно было только соглашаться на изъявляемые благочестивыя желанія. И почему не думать, что в сих многократных, многочисленных соборах молящихся обрелись, хотя в невеликом числе, хотя, может быть, в числе десяти только, по слову Божию, достаточном для сохранения целого града, единому Богу ведомыя, праведныя души, которых молитва достигла до пренебеснаго жертвенника, и приобрела нам то, что рука Божия не вельми отяготела над нами? – Слава о сем Божию милосердію, не побеждаемому грехами нашими!

Но скроем ли, что приходят на мысль и неутешительныя воспоминанія? При виде болезни, которая особенно, как бич, поражает невоздержание, уменьшилось ли между нами невоздержание? В печальное время, когда одни из ближних наших страдали болезнью, другіе сострадали болящим, одни умирали, другіе оплакивали умирающих, когда следственно сострадательная любовь к ближним и смирение под крепкую руку Божию должныствовали бы сделать постылыми и прекратить увеселения и забавы, уменьшались ли оне по крайней мере? – При сем невольно задумаешься, и еще пожелаешь сказать возлюбленному Богоспасаемому граду: *се здрав еси, ктому не согрешай, да не горше ти что будет.* Аминь.

СССѢ.

225. Слово

в день Благовещенія Пресвятыя Богородицы.

(Говорено в Чудове Монастыре Марта 25;

напечатано в Твор. Св. От. 1848 г. и в собраніи 1861 г.)

<1848 год>

Призре на смирение рабы Своея. Лук. I. 48.

В какой тишинѣ какое великое событіе совершилось в день, который торжественным воспоминаніем возвращаем нынѣ из глубины прошедшаго!

Один из ближайших к престолу Вседержителя, Архангел Гавриил, *повеленное тайно прием в разуме*, как пересказывает никем неслышанное Церковь, знающая небесный язык и чин, пролетаетъ сквозь все девять чинов Ангельских, от вышняго до нижняго неба, и стремится к землѣ. Небожители смотрятъ, и не постигаютъ, что происходитъ. *Желают Ангели приинкнути* (1 Петр. I. 12). Куда онъ? Не на Синай ли, к законодателю Моисею, с новым откровеніемъ? Но Синай уже не блистаетъ и не гремитъ; и Моисей уже не там. Он совершил и увенчал свое дело, когда сказал и написал: *Пророка от братіи твоея, якоже мене, возставитъ тебе Господь Бог твой, Того послушайте* (Втор. XVIII. 15). Не в Иерусалим ли, не в храм ли тамошній, с чудесным облакомъ к кивоту Божественныхъ скрижалей с небесным огнемъ на жертву? Но и кивота сего там уже нѣтъ: дело идетъ о томъ, чтобы устроить одушевленный кивотъ Ипостасному Слову Божию. Куда же Архангелъ? В неславный Назаретъ, в малую храмину, к бедной Девѣ, не многимъ только известной темъ, что Она необыкновенно любитъ Бога и девство. Она одна слышитъ, что говоритъ Архангелъ; одна сие знаетъ после его бесѣды: и верный хранитель Ея, праведный Иосифъ, не знаетъ, что совершилось.

А что совершилось? Предвечное определение Божие о спасении падшаго рода человеческого приведено в действие. *Смотрение тайны, сокровенная от веков в Бозе* (Еф. III. 9); непостижимая и Ангелам, открыто дочери человеческой, конечно, не к постижению, но и не к верованию только, а к самому исполнению чрез Нее: и Ея вера возмогла вместить невместимое и для Ангельских умов. *Семя жены*, которое должно *сокрушить главу* адскаго змия, смертельно уязвившаго в раю человек, или, иначе сказать, ввести в человечество Божественную жизнь, чтобы ею истребить в нем яд смерти, Семя Авраама, о котором должны благословиться все народы земли, прозябает в утробе Девы. Пророк, на котораго указывал Моисей и все прочие Пророки, в котором одном Закон и Завет ветхий достигнуть должен своей *кончины, оправдания всякому верующему*, приблизился, и сокрыт за завесою нерукотвореннаго храма. *Дух Святыи найде* на преблагословенную Марию, *сила Вышняго* осенила Ею; Сын Божий, собезначальный Отцу по Божеству, не оставляя престола Его, зачался на земли, по человечеству, яко младенец. *Слово плоть бысть, и вселися в ны*; и становится отныне, – если позволительно сказать сие, не в духе превозношения, но в удивлении неизреченному снисхождению, – становится отныне ближе к нам, нежели к Ангелам; потому что естество Ангельское только приближается к Нему, а естество человеческое находится уже в единстве Ипостаси Его. *Не от Ангел бо воистину приемлет, но от семени Авраамова приемлет* (Евр. II. 16).

Почему столь великое и дивное дело Божие, как воплощение Слова, совершилось так сокровенно для неба и земли? – Сокровенно для неба, может быть, потому, что не для неба сия тайна была потребна и приуготована; сокровенно для земли, вероятно, потому, что Божественнаго света сей тайны не могли бы перенести немощныя земныя очи, если бы он вдруг озарил их, и надобно было готовить их к тому постепенно: вообще же сие соответствовало тому, что тайна сия существенно непостижима для сотворенных умов.

Впрочем, чтобы спасительное дело Божие не оставалось долго закрытым, ключ от кивота Божия, от сердца Богоматери, Духом Святым дан был праведной Елисавете: и она, как скоро увидела Пресвятую Деву после Архангелова благовещения, тотчас отперла и открыла сокровищницу тайны, когда воскликнула: *откуда мне сие, да приидет Мати Господа моего ко мне?* и таким образом провозгласила воплощение Сына Божия, как уже совершившееся.

Радостно с праведною Елисаветою можем сказать и мы, братия: откуда нам сие? какой это не заслуженный, и по недостойнству нашему неожиданный дар, что имеем сродную нам по естеству Матерь Господа, и что сам Господь дивно приблизился к нам, приискренне приобщившись нашего естества, наших немощей и наших болезней кроме греха, даже нашей смерти, чтобы, приняв оныя на Себя, в замен того подать нам жизнь и силу, чтобы нашей вере не далеко и не трудно было искать Господа и обретать Его благодать, при предстательстве Матери Его, Матери света, любви и милосердия?

Но если бы кто вздумал спросить, как это сделалось, что Безначальный начался, что Слово стало плотию, что совокупились разстоящая естества в едином лице Богочеловека: заградим слух, и ум, и сердце от духа пытливаго; почтим и ныне безмолвным благоговением Божественную тайну, в которую и *Ангелы* только *желают приинкнути*, – желают *приинкнути*, потому что любят премудрость Божию, но не дерзают испытывать, потому что благоговеют пред Божию непостижимостию. *Высших себе не ищи, и крепших себе не испытуй* (Сир. III. 21), учит премудрый. Не малая мудрость скрывается в том, кто спокойно пребывает в неведении сокровеннаго, по благочестию и смирению.

Если хочешь любомудрствовать: не строй себе, хотя, может быть, художественных, но тем не менее бесполезных, лестниц умозаключений к недоступному; не любопытствуй о том, как может бесконечно превознесенное Божество безпредельным милосердием приблизиться к человечеству, и соединиться с ним. Любомудрствуй лучше о том, что не так не доступно, и в чем более нуждается твоя мудрость, как может человек приблизиться к Богу, или не остаться удаленным, когда Бог благоволит приблизиться к Нему. Без предосуждения можешь спросить: как достигла Божия Матерь своего высокого избрания? Как уготовила Себя к столь чудному общению с Богом? Какими подвигами? Какими добродетелями? Она не скрывает сей тайны, потому что и тебе желает показать путь приближения к Богу, хотя не равного с Нею, однако по тем же следам и тебе в некотором степени возможного. Великое дело изъясняет Она малым словом: *призре на смирение рабы Своея*. Говоря сие, Пресвятая Дева, без сомнения, думала только возвеличить Божие снисхождение, и не приписать Себе ничего: но Дух Святой, одушевлявший Ея славословие, управил Ея слово так, что в нем явилось светлое лицо одной из добродетелей, наиболее приближающих к Богу. Молитва, пост, целомудрие, вера, любовь к Богу, словом, все добродетели окружали душу Пресвятыя Девы; но их покрывало, довершало, возвышало и пред очи Божии приводило смирение. *Призре на смирение рабы Своея*.

По преданию Святых, кажется, мы знаем и особенный определенный случай, в котором смирение Пресвятыя Девы привлекло Ей благодатное призрение и высокое избрание. Она любила как беседовать с Богом чрез молитву, так и внимать беседующему Богу чрез Священное Писание. Некогда в книге Пророка Исаии прочитала Она предречение о Христе и о Его Матери: *се дева во чреве зачнет, и родит Сына, и наречет имя Ему Еммануил* (Исаии. VII. 14); и вера озарила, и любовь воспламенила Ея душу. Но, по смирению, не удостоивая Себя молиться о непосредственном приближении к самому Еммануилу, Богочеловеку, Она ограничилась молитвою о том, чтобы Ей даровано было увидеть мать Его, и к ней приблизиться, и то не более, как в качестве рабыни. Так смирением сердца уготовляла Она в Себе путь кроткому и смиренному сердцем Иисусу; и над Нею, прежде нежели изречено, исполнилось Его слово: *смирят себе, вознесется*. Она молилась будущей Богоматери, виденной в зеркале пророчества, чтобы удостоиться быть ея рабынею; и чрез то, в действительном событии, сама соделалась Богоматерию. *Призре на смирение рабы Своея*.

Приимем, братия, от богоблагодатной Учительницы благодатное учение смирения, с самим Христом Ей общее. Ибо и Он рек: *научитесь от Меня, яко кроток есмь, и смирен сердцем*; и с сим вместе обещал и плод и награду смирения: *и обрящете покой душам вашим* (Матф. XI. 29).

Если бы кому неясным казалось, почему смирение, добродетель не блистательная, высоко ценится пред Богом, и Он преимущественно *смирением дает благодать* (1 Петр. V. 5): таковой пусть размыслит об отношении смирения к прочим добродетелям, и о его противоположности порокам.

Если нет ничего противнее Богу, как гордость, потому что в ней скрывается обоготворение себя: то, по противоположности, всего паче должно быть приятно Богу смирение, которое, вменяя себя за ничто, всякое благо, честь и славу восписует Богу. Гордость не приемлет благодати, потому что наполнена собою: смирение удобно приемлет благодать, потому что упразднено как от себя, так и от всякой твари. Если гордость Ангелов с неба низринула во ад; то, по противоположности, надлежит заключить, что смирение от самого ада, то есть, от самой глубины греха, может возвести на небо. Если высшая из добродетелей, *любовь*, по слову Апостола, *долготерпит, не*

завидит, не превозносится, не раздражается, николиже отпадает (1 Кор. XIII. 4–8): то это потому, что ее поддерживает и ей споспешествует смирение.

Смирение есть соль добродетелей. Как соль придает пищам вкус: так смирение сообщает добродетелям совершенство. Без соли пища удобно повреждается: без смирения добродетель удобно растлевается гордостью, тщеславием, нетерпеливостью, и погибает.

Есть смирение, которое человек стяжавает своим подвигом, познавая свою немощь, недостойнство, ничтожество, тайно укоряя себя за свои погрешности и недостатки, не позволяя себе судить ближних, укрощая себя трудом и послушанием, избирая во всем простое и неизысканное. И есть смирение, в которое вводит человека Бог судьбами Своими, попуская ему испытывать оскорбления, укорения, уничижение, лишения.

С надеждою подвизайтесь деятельно смирять сами себя, возбуждая себя словами Апостола Иакова: *смиритеся пред Господом, и вознесет вы* (Иак. III. 10). С доверием предавайте себя смиряющему Богу, внимая увещанию Апостола Петра: *смиритеся под крепкую руку Божию, да вы вознесет во время* (1 Петр. V. 6).

Господь да призрит благодатию на всякую душу смиряющуюся, и да дарует нам опытно познать, что *близ Господь сокрушенных сердцем, и смиренныя духом спасет* (Псал. XXXIII. 19). Аминь.

СССVII.

226. Слово

по освящении храма Святаго Предтечи

Господня Иоанна, в Кремле.

(Говорено мая 2-го; напечатано в Губ. Вед. 1848 г. и в собр. 1861 г.)

<1848 год>

Как много власти дал Вечный времени над делами человеческими, с тех пор, как первый человек не подорожил своим безсмертием!

Что бы ни предпринял человек, все должен он делать в покорности закону времени. Например, ты сажаешь в землю желудь, и хотел бы увидеть величественное дерево; но время говорит: нет, ты можешь увидеть деревцо и дерево, а величественное дерево я позволю видеть разве только твоим потомкам. И когда человек, с позволения времени, что нибудь действительно произвел: время простирает на его произведение новый, еще более тяжкий, закон, – закон ветшания и разрушения.

Человек усиливается посредством памятников создать себе на земли безсмертие, которого не умел готового сохранить в раю: время, как будто из жалости несколько медлит, но потом сие самодельное безсмертие погребает в развалинах.

Когда так ругается время над произведениями человеческой пред Богом дерзости и тщеславия, как например, над столпом, который созидали было говорившие: *сотворим себе имя* (Быт. XI. 4), не сетую и говорю: это по делам.

Но когда время не бережно касается и того, на чем положена печать святыни: тогда трудно быть равнодушно, невольно вздохнешь к Вечному.

Скиния свидения, походный храм Израильского народа, первый опыт и образец храмов истинного Бога, сооружена была Моисеем по непосредственному повелению Божию, *по образу показанному на горе*, или, как изъясняет Апостол, по образу *небесному*. Каждый кусок дерева, каждый золотник металла, каждая нить ткани, употреблены в ней были Веселеилом, по внушению *духа Божия премудрости, и смысления, и ведения* (Исх. XXXI. 3). Она освящена была чудесным осенением облака и ниспосланием огня небесного на жертвы, и ознаменована в последствии времени многими чудесами. Особенно же священный кивот ея прославлен остановлением течения Иордана и изсушением его в полноводие, для перехода чрез него народа Израильского в землю обетованную. Во времена Давида она считала более четырех сот лет от своего создания. Какая святая древность! Какая древняя святыня! Какой драгоценный памятник Божиих чудес и благодеяний! Что же однако случилось? Когда Царь по сердцу Божию переносил кивот завета к себе в Иерусалим: он создал для него новую скинию, а древнюю оставил в стороне, вероятно потому, что время приближало ее к разрушению, и не оставило удобства перенести ее. Соломон, в начале своего царствования, почтил еще древнюю скинию в Гаваоне тысячею всесожжений; но вскоре создал он новый храм, и с сего времени ее не видно более ни на земле Израилевой, ни в летописях.

Задумаешься, и спросишь: как смеет время разрушать то, что создано по особенному повелению Вечного, под непосредственным Его покровительством, и назначено существовать *законно вечно в роды*? (Исх. XXVII. 21). Как может дряхлый естественный закон тления властвовать там, где действовал сверхъестественный закон всемогущества, и положил печать Божиих чудес?

Но время не отвечает на сии возражения, и продолжает доказывать права свои тем, что, после скинии свидения, и более ея прочный храм Соломонов начинает разрушать прежде Вавилонян и Римлян, как открылось в царствование Иоаса; а наконец и на величайшую святыню ветхозаветную, на ковчег завета с Богописанными скрижалями, бросает мрачное покрывало, так что мы не знаем ясно, где он, и что с ним случилось.

Перестанем состязаться со временем, и обратимся к Вечному, чтобы просить от Него вразумления о судьбах Его во времени.

Иногда Бог действие закона времени и тления над тленным по природе веществом удерживает по особнным намерениям Своей премудрости, правды и благодати, как например, *не дает Преподобному Своему видети истления* (Пс. XV. 10), чтобы и телу, освященному сподвижничеством святой души, оказать свойственную ему честь; чтобы нетлением в царстве тления напомнить легко забываемую здесь истину, что *Бог созда человека в неистление* (Прем. II. 23); чтобы видимым нетлением во времени дать свидетельство невидимому бессмертию в вечности; чтобы дать удобность вере от живого сосуда благодати почерпать и по окончании временной жизни.

Обыкновеннее же Бог допускает закону времени действовать и на ознаменованное святынею: потому что видимая святыня имеет временное назначение, и если называется *вечною*, то в неопределенном значении многих *веков*, а не в строгом значении *вечности*.

На что было делать скинию Моисееву нетленною, или храм Соломонов неразрушимым, когда ветхий *Закон имел только тень грядущих благ*, и сия тень должна была исчезнуть при восхождении на совершенную высоту солнца истины Христовой? И еще прежде сего,

поелику Израильтяне *искусиша и преогорчиша Бога Вышняго, и свидений Его не сохраниша*, Он Сам *отринул скинию Силомскую* (Пс. LXXVII. 56. 60), и на храм Соломонов за то же самое изрек подобную угрозу: *и храм сей, его же освятих имени Моему, отвергу от лица Моего* (3. Цар. IX. 7); и действительно отвергнул, отъяв от него благодать Свою, и предал его язычникам на расхищение и разрушение.

Судьба Христианских священных памятников веры устроением Божиим также применена к потребностям и состояниям верующаго и освящаемого человечества. И Христианский храм Его высокая благодать не хочет изъять от обыкновенного закона времени; дабы вы не забывали, что и его назначение есть временное; дабы вы не почивали безпечною мыслию на непоколебимости древней видимой святыни, но подвизались воспринимать святыню внутрь себя, соделывать себя *церквами Бога жива*, и таким образом готовить себя к высшему еще Богослужению новаго небеснаго Иерусалима, в котором тайновидец *не видел храма: Господь бо Бог Вседержитель храм ему есть, и Агнец* (Апок. XXI. 22). Если же мы нерадим о нашем внутреннем освящении благочестием и добродетелию: то и к нам простирается древнее грозное слово Господне: *не надейтесь на себе в словесех лживых, понеже весьма не уполюют вас, глаголюще: храм Господень, храм Господень, храм Господень есть* (Иер. VII. 4).

Сии размышления о священной древности и обветшавующей святыне, благовременны, думаю, и не бесполезны в сем храме, древнем, обветшавшем, но по возможности сохраненном и возобновленном. Оне помогают нам взирать здесь на прошедшее без сетования, на настоящее с утешением, на будущее с назиданием себя.

Должно ли много сетовать на то, что храма святаго Предтечи Господня, созданнаго Великим Князем Василием Темным, после того как над ним тяготели уже три с половиною века, коснулось в годину искушения действие враждебной руки, устремленной на конечное истребление здешней священной древности? Посещены жезлом грехи наши: но и велики были знамения Божией милости, когда важнейшая древность и святыня дивно сохранены. Сохранен со мною своею святынею великий первенствующий храм Пресвятыя Девы Богородицы *Успенский*, с существованием котораго Святитель Петр связал предречение о благоденствии и славе Москвы. Сохранен с своею святынею храм Святаго *Архангела*, посмертное покоище древних властителей Москвы и России. Сохранен с своею святынею храм *Благовещения*, особенно чтимое святилище Царскаго Дома. Сохранены со своею святынею и древностию храмы обители Святителя *Алексия*. Сохранен храм *Преображения*, покрывающий место предшествовавшего ему храма, древнейшаго на горе Кремлевской. Сохранено и еще многое древнее, святое, драгоценное, что долго было бы теперь изчислять. Итак не очень тяжкая потеря, если камни Василья Темнаго не остаются на своем месте, когда храм, в них обитавший, с своею внутреннею святынею, и даже с осенявшим его древним крестом, переселился в другия древния стены.

Напротив того будем утешены и благодарны Благочестивейшему Государю Императору, Который из разседающихся камней выносит древнюю святыню храма, и сохраняет в другом вместилище; тогда как здешний Царский дом Его уже преизобилует храмами, более или менее древними, приившими от Него или обновление, или совсем новое, по долгом запустении, существование, что произошло именно с храмом Святаго Лазаря.

Наконец из настоящих размышлений и представившихся примеров извлечем для себя наставление – прилепляться любовию и благоговением не просто к вещественной древности храмов, но паче к духовной в них благодати и святыне; искать в них не старинных только имен и летописных чисел, но наипаче нашего обновления и освящения; не того бояться, чтобы время не разрушило наших священных памятников; но страшиться

и деятельно беречься того, чтобы их не разрушила наша греховность и недостойность, от чего, по вере, от дальних и близких предков нам преданной, державным примером охраняемой и поддерживаемой, да сохранит нас Бог Своею преизбыточествующею благодатию во веки. Аминь.

СССVIII.

227. Слово

в день рождения Благочестивейшаго Государя

Императора Николая Павловича.

(Говорено в Усп. Соборе июня 25; напечатано в Твор. Св. От. 1848 г.,

в Ведом. Моск. Город. Полиции и в собр. 1861 г.)

<1848 год>

*Клятся Господь Давиду истиною, и не
отвержется
ея: от плода чрева твоего посажду на
престоле
твоем. Пс. CXXXI. 11.*

Когда мы, вспоминая день воцарения Благочестивейшаго Самодержца нашего, сие воспоминание с благодарностию, с радостию, с молитвою приносим в церкви пред Бога: мы чрез сие ознаменовываем то, что царство земное связано с небесным, что Царь воцаряется и царствует не без действия и содействия Царя царствующих: мы отзываемся на глас Всевышняго: *Мною царие царствуют* (Притч. VIII. 15).

Подобным образом, когда воспоминание о священном венчании и помазании Царя пред Бога приносим: чрез сие мы предполагаем и признаем, что Богом Он венчан, помазан и освящен для дел царствования.

Когда же и самое рождение Царя, который родился не царем еще, а младенцем, хотя и от державного рода, торжественно воспоминаем пред Богом: чрез сие действие мы выражаем ту истину, что не только воцарение, венчание, помазание, но, и еще прежде, самое рождение Царя есть особенное устройство Провидения Божия; что в день, в который Присноживущий Царь благословил сего младенца на жизнь, благословил Его уже и на царство. Посему-то, при возвращении сего дня, и прибегаем мы к Богу с вопиющим сердцем: благослови Его и еще, благослови Его царствовать долго, и всегда с благословением наследственным и потомственным.

Глубокая мысль – в основание могущества и власти царской полагать могущество и власть Божию.

Возвышенная мысль – источника для мудрости и благости Царевой искать в свете и любви Божественной, и царское величество величием Божиим в одно время и возносить и преклонять к кротости и смирению.

Прекрасная мысль – еще над колыбелью созерцать зарю вышнего света, осиявающего в последствии времени Престол.

Если бы сии мысли были наше изобретение: можно было бы хвалиться счастливым изобретением.

Если бы это были мысли только догадочные: жаль было бы колебать их сомнением. Так они привлекательны; так успокоительны; так благотворны.

К счастью, это суть мысли основательные, словом Божиим утвержденные.

Посмотрите, на чем премудрый Соломон основывает свое царское величие и свои царские надежды: – на том, что *клянется Господь Давиду истинною, и не отвержется ея: от плода чрева твоего посажду на престоле твоем.*

Клятвы о истине свидетельствуемого и обещаемого и человеки, в мыслях и поступках основательные, не употребляют расточительно и без нужды; а берегут ее для дел особенной важности, и для утверждения истины, которая преимущественно требует ограждения от недоумений. Кольми паче Бог, Котораго слово и без клятвы самодостовечно, если достоверность его усиливает клятвою, то, конечно, сим указывает на особенную важность предмета, и на преимущественную потребность и благотворность удостоверения.

Подтвердим сие примерами. По таинственному повелению Божию, Авраам, хотя не окончательным делом рук, тем не менее совершенною решимостию воли приносит в жертву едиnorodного сына; и представляет образ крестной жертвы Единородного Сына Божия, предавшего Себя, и преданного Богом Отцем, за спасение мира. Надлежало наградить безпримерное повиновение, указать на таинство, дать Аврааму обетование о Христе: и Бог изрекает оное с клятвою. *Мною Самем кляхся, глаголет Господь, его же ради сотворил еси глагол сей, и не пощадел еси сына твоего возлюбленного Мене ради: воистину благословляя благословлю тя, – и благословятся о семени твоем вси языцы земнии* (Быт. XXII. 16–18). Подобным образом надлежало некогда изъяснить, что, по предвечному совету Божию, Христос есть не только жертва страждущая, но и вечный Священник, Божественною силою священнодействующий спасение наше: и Бог, у Пророка, сию великую и спасительную истину изрекает с подтверждающею ее клятвою: *клянется Господь и не раскается: Ты иерей во век по чину Мелхиседекову* (Пс. CIX. 4).

Согласно с сими примерами надлежит полагать, что когда и *Давиду клянется Господь истинною*, то есть, утвердил клятвою истину Своего слова с дополнением, что *не отвержется ея*, то есть, не одновременно исполнит Свое слово, но сохранит оное на продолжение времен: то сим указано на предмет важный, благопотребный, благотворный. А какой это предмет? – Царская власть наследственная. *От плода чрева твоего посажду на престоле твоем.*

В следствие сих соображений мы можем изречение Божественное разрешить на следующие изречения истины.

Первое: Бог *посаждает* царя на *престоле*; или, иначе сказать: царская власть есть Божественное учреждение.

Второе: Бог *посаждает на престоле* царевом *от плода чрева его*, то есть, наследственность царской власти есть также Божественное учреждение.

Третье: царская наследственная власть есть высокий дар Божий избранному Божию, как о сем свидетельствует обещание сего дара с клятвою, и другое Божественное изречение: *вознесох избранного от людей Моих* (Пс. LXXXVIII. 20).

Четвертое: царская наследственная власть есть и для народа благопотребный и благотворный дар Божий: поелику благодать Божия безпристрастна, и премудрость Божия всеобъемлюща; и потому, если Бог дает Царю дар, от которого зависеть должна судьба народа, то, без сомнения, дает, провидя и предустроя тем благо и всего народа.

Вот коренные положения царского и государственного права, конечно, не имеющие недостатка в твердости, поелику основаны на слове Божиим, утверждены властью Царя царствующих, и запечатлены печатью клятвы Его!

Не Россиянин, может быть, спросил бы меня теперь: почему на постановленное Богом для одного народа, и на обещанное одному Царю, я смотрю, как на общий закон для Царей и народов? И я не затруднился бы ответить: потому что закон, истекший от благодати и премудрости Божией, без сомнения, есть закон совершенный; а совершенного почему не предлагать для всех? Или ты думаешь изобрести закон, который был бы совершеннее, нежели закон, истекший от Божией благодати и премудрости?

От Россиянина могу ожидать инаго вопроса: к чему труд удостоверения о Божественном учреждении и благотворности наследственной царской власти? Сие учение уже написано на сердцах Россиян. – Знаю, возлюбленные, и радуюсь. Но если и не нужно удостоверять о том, что есть уже в сердце, тем не меньше естественно беседовать о том. Таков закон слова, который признала сама премудрость: *от избытка сердца уста глаголют* (Матф. XII. 34). Кроме сего, время теперь повторять себе и подтверждать самые известные истины: потому что дух времени не оставил ни одной истины, которую бы не покушался колебать, или словом, или на деле.

Когда темнеет на дворе: усиливают свет в доме. Береги, Россия, и возжигай сильнее твой домашний свет: потому что за пределами твоими, по слову пророческому, *тма покрывает землю, и мрак на языки* (Иса. LX. 2), *Шаташася языцы, и людие поучишася тщетным* (Пс. II. 1). Перестав утверждать государственные постановления на слове и власти Того, *Кем царие царствуют*, они уже не умели ни чтить, ни хранить царей. Престолы стали там не тверды; народы обьюродели. Не то, чтобы уже совсем не стало разумевающих: но дерзновенное безумие взяло верх, и попирает малодушную мудрость, не укрепившую себя премудростию Божиею. Из мысли о народе выработали идол: и не хотят понять даже той очевидности, что для столь огромного идола неостанет никаких жертв. Мечтают позвать мир, когда сеют мятеж. Не возлюбив свободно повиноваться законной и благотворной власти царя, принуждены раболепствовать пред дикою силою своевольных скопищ. Так твердая земля превращается там в волнующееся море народов, которое частию поглощает уже, частию грозит поглотить учреждения, законы, порядок, общественное доверие, довольство, безопасность.

Но благословен *Запрещающий морю* (Матф. VIII. 26)! Для нас еще слышен, в событиях, Его глас: *до сего дойдеши, и не преjdeши* (Иов. XXXVIII. 11). Крепкая благочестием и самодержавием Россия стоит твердо и спокойно, подобно каменной горе, у подножия которой *сокрушаются волны моря*. Она спокойна, потому что державная рука Помазанника Божия держит ее мир: и сугубо спокойна, потому что это мир не дремлющий, но бодрствующий с оружием против ненавидящих мира.

С нами Бог! да взывает каждый из нас заедино с Благочестивейшим Самодержцем нашим. С нами Бог благодатию православных веры. С нами Бог благодатным даром благословенного наследственного Самодержавия. Да пребываем же и мы с Богом, чистою верою и достойною веры жизнью, непоколебимою верностию к богодарованному Царю и соответственным единоначалию единомушием!

Начальствующие от Отца небесного и от царя земного да заимствуют отеческий дух любви и попечительности, для действия на подчиненных, обеим сторонам приятного.

Подчиненные да ревнуют быть, как пред Отцем отечества небесного, так и пред отцем отечества земного, *чадами послушания* (1 Петр. I. 14) искреннего и совершенного, помышляя, что как *противляйся власти, Божью повелению противляется* (Рим. XIII. 2), так равно и повинующийся власти, Божью повелению повинует, и следственно одним действием повиновения можно совершить, сугубую добродетель, и приобрести сугубую награду.

Блюстители правосудия да памяуют, *яко суд Божий есть* (Втор. I. 17), и да изрекают судимым не иной суд, как изрекаемый от Бога Им самим в Его слове, в законе и в их совести. Правосудие, в отношении к телу общества, есть род врачевания: если членам, потерпевшим лишение, не доставят они восполнения, поврежденным исправления, и не отсекут зараженных смертоносною язвою; то могут сделаться виновными в смертоносном заражении всего тела.

Служители просвещения да открывают очи неведущих к небесному, и содружному с небесным, свету, при котором можно право ходить, и делать полезное: и да не прельщаются, и да не прельщают каким нибудь ночным светением червя или гнилага вещества, котораго блеск может удивить на минуту; но не разгонит мрака, не осветит пути, не посветит делу.

Призываемые к оружию для безопасности отечества да идут с любовию и самоотвержением, по гласу Цареву и по гласу Христову: *больши сея любви никтоже имеет, да кто душу свою положит за други своя* (Иоан. XV. 13).

Каждый в деле своего звания, в земледелии, в ремесле, в художестве, в торговле, в царской и общественной службе, да обращается честно, предпочитая своей пользе пользу общую, ожидая успеха в устроении общего и частного блага, от Божия благословения правоте, *не ревнуя лукавующим, ниже завидя творящим беззаконие, зане яко трава скоро изсиут* (Псал. XXXVI. 1. 2). *Живый на небесех посмеется им, и Господь поругается им* (Псал. II. 4).

С нами Бог, верные Богу и Царю, Россияне! В Боге наша крепость. В Нем надежда. От Него мир, и, если нужно будет, от Него победа. Аминь.

СССІХ.

228. Слово

в день обретения мощей преподобнаго Сергия,

во время возобновившейся и

продолжающейся губительной болезни.

(Говорено Июля 5; напечатано в Тв. Св. От. 1848 г. и в Собр. 1861 г.)

<1848 год>

Научившие многи, возвратишася в Листру и Иконию и Антиохию, утверждающе души учеников, моляще пребыти в вере, и яко многими скорбми подобает нам внити в царствие Божие. Деян XIV. 21. 22.

Святой Евангелист Лука в книге Деяний Апостольских повествует, между прочим, о путешествии Павла и Варнавы, по особенному повелению Духа Святаго, для проповеди Евангелия. Они прошли несколько городов; проповедывали в них веру Христову; творили чудеса; многих действительно привели в веру Христову; основали Церкви; испытали, попеременно с славою, гонения, так что в одном и том же городе Листрах, сперва, по внезапном исцелении Павлом хромого от рождения, их обоих приняли язычники за богов, и хотели было почтить их жертвами, но потом Павла побили камнями; и не оставляющий Своих избранных Бог сохранил жизнь его только тем, что его почли уже мертвым, и потому бросили. Совершив порученное Духом Святым посольство, Павел и Варнава возвращаются, чрез те же города, которые проходили прежде, не минуя и убийственного города Листр: таково дерзновение Апостольское! Они не заботятся об охранении себя от опасности, уже испытанной: потому что все их попечение устремлено ко спасению других. Они не просто идут обратным путем; но продолжают Апостольское дело, *утверждающе души учеников, моляще пребыти в вере, и вразумляюще, яко многими скорбми подобает нам внити в царствие Божие.*

Когда видим, что люди, принявшие веру непосредственно из уст Апостолов, видевшие Апостольския чудотворения, в ней удостоверяющие, еще требовали Апостольскаго попечения, чтобы *утвердить души* их: что должны мы подумать, братия, о наших душах? Меньшая ли, – даже не большая ли потребна забота о их утверждении?

Тверды ли наши мысли о святом и праведном? Тверды ли наши добрая намерения? Постоянно ли духовное направление нашей деятельности? Не колеблют ли нашего ума сомнения, нашего сердца и воли – страсти и чувственные пожелания? Не упадем ли духом, иногда в уныние печали, иногда в уныние разленения?

Мнящегося стоять твердо разочаровывает Апостольское слово: *мняйся стояти да блюдется, да не падает* (1 Кор. X. 12).

Итак для собственной нашей потребности будем внимательны к тому, как богомудрые Павел и Варнава утверждали души учеников. Каким же образом? – Они увещевали их *пребывать в вере*. Это значит, что не довольно узнать веру Христову, принять ее посредством крещения, и оставаться погруженным в обыкновенную жизнь сего видимого мира; не довольно и того, чтобы прибегать к помощи веры только по временам, когда в наших недостатках или трудностях не находим земной естественной помощи: но надобно так себя располагать, и бдительно наблюдать за таким расположением духа, чтобы мы *пребывали в вере* постоянно и непрерывно, чтобы дух веры проникал и обнимал наши силы, способности, наклонности, желания, действия, чтобы он был главною движущею силою нашей жизни.

Открываешь ли око, пробуждаемое утром: открывай в то же время око веры в сердце, и взирай к Владычествующему днем и вечностию, и проси Его помощи провести начинающийся день так, чтобы он мог вести тебя к дню не вечернему, а не к ночи вечной.

Отходишь ли ко сну: помяни смерть, которой сон есть образ и преддверие, и молитвою веры передай себя Тому, Который *есть воскресение и живот* (Иоан. XI. 25); поколику же можешь победить сон, или поколику он не победит тебя, *помяни и в нощи имя Господа* (Пс. CXVIII. 55), и *полунощи встань исповедатися Ему о судьбах правды Его* (62).

Предприемлешь ли что: прежде всякого другого советника, советуйся с верою. Воззови словом Павловым: *Господи, что мя хоцещи творити* (Деян. IX. 6)? Угодно ли Тебе, Господи, предприемлемое мною? Если угодно, благослови; если не угодно, не допусти меня сделать не удобное Тебе. И потом слушай, что речет тебе Господь в Своем слове, в твоём разуме, в твоей совести, в советах людей мудрых и благочестивых, и во внешних указаниях и знамениях.

Приступаешь ли к делу: приветствуй свое дело, как приветствуешь дело ближняго: *Бог в помощь! Боже, в помощь мою вонми!* (Пс. LXIX. 2).

Идешь ли куда: *иди с Богом*, по напутственному слову, от благочестивых предков довольно у нас обычному, но едва ли столь же обычно делом исполняемому. *Ходи пред Богом*, с Авраамом (Быт. XVII. 1); *предзри Господа пред собою выну*, с Давидом (Пс. XV. 8); держи, как можно, в мыслях и в сердце, что Бог тебя видит, чтобы тебе и стыдно и страшно было покуситься на недостойное пред очами Божиими, чтобы тебя не смутила нечаянность, и не поколебала трудность, когда Господь *одесную тебе есть, да не подвижешься* (Пс. XV. 8).

Хочет ли твоя мысль, как птица, носиться, где случится, кружиться в разнообразии сует, или даже опускаться на нечистоту; ты, напротив, ее удерживай, связуй ей крылья усиленным вниманием к предметам духовным, возвращай твой странствующий ум в сердце, и давай ему благословенный труд призывания спасительного имени Господа Иисуса, в вере, любви и смирении; – труд, который, при верном продолжении, должен обратиться и в пищу, и в покой, и в радость, под осенением Святаго Духа, так как, по Апостолу, *никтоже может реши Господа Иисуса, точию Духом Святым* (1 Кор. XII. 3).

Таковы должны быть расположения и упражнения верующаго, чтобы он постепенно мог приблизиться к состоянию утвержденной души, в котором Святой Павел не обинуясь говорил о себе: *верою живу Сына Божия*; – *живу не ктому аз, но живет во мне Христос* (Гал. II. 20).

Обратимся к богомудрым Павлу и Варнаве, чтобы рассмотреть еще особенный способ, которым они утверждали души учеников. Какой это способ? – Вразумление или предвещание, яко *многими скорбми подобает нам внити в царствие Божие*. Способ неожиданный! Средство, по видимому, не обещающее привести к цели! Мысль о многих скорбях на пути к царствию Божию не более ли способна колебать, нежели утверждать души? Как же Апостолы употребляют ее тогда, как стараются утверждать души?

Павел и Варнава, в наставлении, которым старались утвердить души новопросвещенных верою, не могли не упомянуть о скорбях: потому что скорби уже были в виду. Новопросвещенные видели, как на Павла и Варнаву неверующие повсюду воздвигали гонение за проповедуемую веру: по всему вероятно, подобной участи ожидать надлежало и принявшим веру. Чего ученики опасались по догадке, то наставники предвидели по

Духу Божию: и таким образом против скорбей неизбежных спасительного средства оставалось искать только в том, чтобы правильно смотреть на них, и уметь их принять и перенести. Сему поучали Апостолы, когда говорили, *яко многими скорбми подобает нам внити в царствие Божие*.

То-есть: вы опасаетесь скорбей, и от того можете возмалодушествовать. Знайте же, что скорби неизбежны на пути в царствие Божие. Так *подобает*: таково устройство Провидения Божия. Итак, если, встречая скорби на пути к царствию Божию, вы колеблетесь, и отступаете вспять: то вы воспящаетесь от царствия Божия. Если же вожделенно вам царствие Божие: то скорби на пути к нему вы должны встречать без малодушия и колебания. Если вы охотно идете и не гладким путем, помышляя, что он ведет в отеческий дом: то проходите охотно поприще скорбей, ведущих в царствие Божие.

Так правильная мысль о скорбях на пути к царствию Божию должна служить не к ослаблению, но к утверждению душ.

Не знаю, удержались ли христиане антиохийские, иконийские и листрийские, а наша пытливость, думаю, не удержалась бы, чтобы не спросить богомудраго Павла: почему же Бог, хотящий всем человекам спастися, основавший веру Христову, и покровительствующий ей чудесными силами, – почему не облегчил для верующих пути спасения? Почему или определено, или попущено быть скорбям на пути в царствие Божие? – Есть на сие готовый отзыв, Павлов и вместе Исаин, Пророческий и Апостольский: *кто разуме ум Господень? или кто советник Ему бысть* (Рим. XI. 34. Иса. XL. 13)? Отзыв, достойный бесконечной премудрости Божией, и достаточный для смиренной мудрости человеческой!

Но против возношения помышлений, взимающихся на разум Божий, присовокупим к сему нечто, также под руководством Пророческого и Апостольского слова.

Скорбям суждено быть на пути спасения, во-первых, по правосудию.

Бог хотел вести человека на небо райским путем: но человек преступил волю Божию, и оступился. Возмечтал идти выше пути Божия: и столько низринут правосудием Божиим, сколько низринул сам себя. Терние, волчцы, труд, пот, печали, воздыхания, посеялись на его пути, а, на конце его явилась смерть временная и вечная. По закону рождения, мы все наследовали от первого прародителя грех и, его неразлучное последствие, наказание: и тем менее можем отказаться от сей последней части наследия, что сами умножаем первую грехами произвольными. Милосердие Божие открыло нам новый путь спасения во Христе, Который и правосудию Божию за нас удовлетворил Своею крестною смертию: но, при всем том, закон правосудия Божия не должен быть нарушен, и потому щадимаго грешника не лзя вести наравне с райским безгрешным человеком. Радуйся, что уже не к смерти, а к жизни ведет тебя милосердие: и прими безропотно легкие и не продолжительные уроки правосудия: труды, лишения, скорби, печали.

Во-вторых, скорби в руке Провидения бывают средством врачевания душ.

Грех есть болезнь, внедряющаяся в существо человека. Греховное впечатление и порочное услаждение оставляет, частью в душе, частью в теле, след, который становится глубже при повторении греховных действий, и который, возобновляясь воспоминанием, образует наклонность к греховному действию и некую жажду греха. Посему как иногда телесный врач внедрившуюся в тело и заражающую его язву болезненно выжигает или отделяет железом, и причиняет искусственную боль, чтоб излечить болезнь: подобно сему

Врач душ и телес употребляет орудие скорбей, чтобы исторгнуть корни и изгладить следы греха, и огнем страдания выжигает заразу наклонности к греховным услаждениям. На сие указывает изречение Апостола Петра: *пострадавый плотию преста от греха, во еже не ктому человеческим похотем, но воли Божией прочее во плоти жити время* (1 Петр. IV. 1. 2).

В-третьих, скорби употребляет Провидение Божие для верующих и спасаемых, как средство испытания и приготовления к высшей степени добродетели, совершенства и блаженства.

Испытание сие не нужно для Бога Сердцеведца: но нужно для самого человека, котораго *сердце глубоко* (Псал. LXIII. 7), и который сам не знает, что из него может быть открыто и выработано. Как приращение железа к твердому камню высекает искры, которых до того не было признака: так при ударах скорбей блистают из твердой души искры добродетели, которая без того не возбудилась бы.

Каким сильным болезненным ударом падало на родительское сердце Авраама каждое слово повеления Божия: *пойми сына твоего возлюбленного, егоже возлюбил еси, Исаака, и вознеси его во всесожжение!* (Быт. XXII. 2). Но когда необычайное испытание возбудило отца Исаакова к необычайному подвигу веры, любви к Богу и самоотвержения: в каком высоком свете явились и его добродетель, и ея воздаяние! Он получил высокое и обширное благословение; *увидел день Христов* (Иоан. VIII. 56), соделался прародителем Христовым и отцем верующих.

Какия тяжкия и многообразныя скорби переносил Апостол Павел! Но притом он имел дерзновение говорить: *хвалимся в скорбех* (Рим. V. 3); *радуясь во страданиях моих* (Кол. I. 24). Как это могло быть? Могло быть, и было потому, что он понимал, и не только понимал, но, по крайней мере начинательно, испытывал и чувствовал благословенные и блаженные плоды скорбей и страданий. *Якоже, говорит, избыточествуют страдания Христова в нас: тако Христом избыточествует и утешение наше* (2 Кор. I. 5).

Буди нам свидетелем утешительного учения и ты, Преподобне Отче Сергие. Не избрал ли ты добровольно скорбей и лишений строгаго и беспомощнаго пустынножительства? Не понес ли трудностей брани против коварства и дерзости врагов невидимых? Не испытал ли скорбей от малодушия людей, не понимавших твоего совершенства, и от зависти искушаемых любоначалием? И се, по мере обильнаго сеяния скорбных подвигов, обильная для тебя жатва благодати, которую и других многих, во многие роды, по вере, питать продолжаешь!

Но кто исчислит скорби святых на пути освящения, и даже в состоянии совершенства и святости?

И Ты, Пресвятая Мати Дево, высшая небес, чистейшая света солнечнаго, одною ли радостью Матери Господа жила на земли? И Твою душу чистейшую, осененную высочайшим благословением, исполненную благодатию, не прошло ли *оружие скорби* (Лук. II. 35) так же безпримерной, как безпримерно Твое достоинство и Твоя последующая слава?

Обращаясь к себе самим, не признаем ли, братия, что ныне особенно ко времени углубляться в Евангельское учение о скорбях? Видно, мы не довольно внимали оному, когда суждено свыше послать нам, и не однажды послать, чрезвычайных и строгих проповедников, – болезнь и смерть. Они проповедуют не словами, но, сильнее слов,

событиями. Что проповедуют? Думаю, нечто подобное проповеди Ангела откровения: *убойтесь Бога, и дадите Ему славу* (Апок. XIV. 7). Если в благоденствии вас не довольно привлекали к Богу благодарность и любовь: да приведет вас к Нему, по крайней мере, страх бедствия. Если вы не пользовались свободно тихими скорбями покаяния и умерщвления плоти, для очищения души: воспользуйтесь для сего по крайней мере невольно находящею, но в покаянии приемлемою скорбью бедствия, постигающего или угрожающего, или с бедствующими ближними состраданием разделяемого. Дайте славу правосудию Божию, и, со смирением и самоосуждением приемля временное наказание, спасайте себя от вечного.

Господи, да не яростию Твоею обличиши нас, ниже гневом Твоим накажешь нас (Пс. XXXVII. 2). *Наказуя накажи нас временно, смерти же безвременной и вечной не предаждь нас* (Пс. CXVI. 18). Ключем скорби *отверзи нам врата правды* и благодати, да *вшедшие в ня исповемыся* (19) Тебе, Взыскателю погибших, Спасителю грешных, Облаженствователю злостраждующих. Аминь.

СССХ.

229. Слово

в день Успения Пресвятыя Богородицы.

(Говорено в Успенск. соборе Авг. 15;

напечатано в Твор. Св. От. 1848 г. и в собрании 1861 г.)

<1848 год>

*Собор ученик и Божественных Апостол
собрался погребсти Богоприятное тело
единыя Богоматере.*

Сим песнословием святая Церковь имеет обычай оглашать нас еще в предначатии настоящего праздника. Церковь говорит как бы о том, что видит: и поелику говорит для всех нас; то, кажется, желает, чтобы и все мы, не просто вспомянули, но как бы видели успение и погребение Божией Матери.

Можем ли мы соответствовать сему намерению Церкви? – Не трудно понять, что это дело не телесных очей. Требуются два ока: око ума чистаго, и око сердца верующаго и любящаго. Признаем несовершенство наших очей. Но не можем ли мы хорошо смотреть очами Святых, которые умели созерцать, и желали помочь нашему созерцанию? Испытаем воззреть на преставление Божией Матери очами Святых: Дионисия Ареопагита, Ювеналия Иерусалимскаго, Андрея Критскаго и Иоанна Дамаскина.

Правда, Святой Андрей и сам встречает некоторое затруднение. В Слове на нынешний праздник, он предлагает недоумение любознательных: почему преставления Богоматери не описал никто из составивших книгу Божественных Евангелий? Впрочем он и разрешает сие недоумение, говоря: *это может быть потому, что Ея богоприятное успение произошло долгое время спустя по вознесении Господнем; ибо, как сказывают, Она, достигши глубокой старости, преставилась от здешней жизни; или же, тогдашняя времена не допускали такового изложения.*

Далее, в том же Слове, св. Андрей поступает так, как и мы теперь. Он смотрит на успение Божией Матери очами современника сему событию, святого Дионисия Ареопагита, приводя его слова из его книги о «Божественных именах». Св. Дионисий, обращая речь к св. Тимофею, и упомянув о св. Иерофее, говорит: *и мы, как тебе известно, и он, и многие из священников наших братьев, стеклись для зренья живоначального и богоприемного тела. Присутствовал и Богобрат Иаков, и первоверховный и старейший из Богословов Петр. Потом, после зренья, угодно было всем священноначальникам, поколику каждый способен был, воспевать безмерномогущественную благодать богоначальственной немощи, то есть, как изъясняет св. Максим, восхвалять вольное снисхождение Сына Божия, принявшего на Себя немощное тело человеческое, кроме греха.*

При сем зрелище, открытом для нас св. Дионисием, не могу не остановиться и не воззвать: вот по истине великий Успенский Собор, источник и образец нашего здешнего, и всех Успенских Соборов: и о, если бы наш Собор, подражающий Апостольскому собранием священноначальствующих и священнослужащих и обилием песнопений, – о, если бы не слишком далеко отставал от образца своего и усердием молитв, и духов благодати, и ревностью прославлять воплощенного Бога-Слово и пречистую Матерь Его, паче слова и песни делом и жизнью!

Но св. Дионисий открыл нам только часть дивного зрелища, как видно из его слов, близко за вышеприведенными следующими, обращенных также к св. Тимофею: *что там было таинственного, то прехожу молчанием, как не изрекаемое для многих, а тебе известное. Смиримся, если и мы принадлежим ко многим, для которых неудобноизрекаемо многое таинственное: но известное св. Тимофею, вероятно, сделалось известным от него и другим достойным, а от сих нечто из того и до нас могло достигнуть.*

Таинственное можно предполагать в том самом, как многие Апостолы собрались на погребение Пресвятыя Девы, когда они были разсеяны по разным странам для проповедания Евангелия. И сию тайну несколько нам открывает и объясняет св. Андрей, когда говорит: *не удивительно, если Дух, подъявивший некогда Илию, и небесного огненосного колесничника взявший, и их тогда внезапно собрал, принесши на облаках в духе. Ибо для Бога все удобно, как знаем из примеров Аввакума и Даниила. А св. Иоанн Дамаскин, также в Слове на нынешний праздник, решительнее изъясняется, что, ради чести преставления Божией Матери, Апостолов, по Божию повелению, облак, подобно некоей сети, влек в Иерусалим, и от краев земли, как бы неких орлов, во едино место устремил и совокупил.*

Св. Дамаскин и еще тайну в преставлении Божией Матери созерцает, и нам открывает: именно, *пришествие Самого Царя к Своей Родительнице, дабы Божественными руками приять Ея святую, чистую и непорочную душу.*

Наконец, св. Дамаскин, для изъяснения таин Успения Божией Матери, приемлет в помощь св. Ювеналия, Архиепископа Иерусалимского, извлекая из некоего исторического писания следующее повествование. В царствование Маркиана, Пулхерия создала в Константинополе, во Влахернах, и украсила храм в честь Пресвятыя Богородицы. Желая приобрести сему храму, приличествующую ему, святыню, и слышав, что близ Иерусалима, в Гефсимании, есть храм, на месте, где живоносное тело Приснодевы положено в раке, Император и Императрица изъяснили Архиепископу Иерусалимскому желание, чтобы сии мощи принесены были в новосозданный храм, в охранение царствующему граду. Ответствуя на сие, св. Ювеналий, утверждаясь на древнем, как он говорил, и истиннейшем предании, упомянув о чудесном собрании Апостолов, мгновенно восхищенных из разных стран к Пресвятой Деве, с Божественною славою предающей

душу Свою в руце Божии, о изнесении тела Ея с Ангельским и Апостольским пением и о положении онаго в Гефсимании, продолжал: *на том месте целых три дня продолжались Ангельския ликостояния и песнопения. По третьем же дне, по прекращении Ангельского песнопения, пришли Апостолы, потому что один из них, Фома, опоздал, пришел по третьем дне, и желал поклониться Богоприемному телу. Открыли раку, и всехвальнаго тела Ея обрести не могли. Нашли только Ея погребальныя пелены, лежащая, и от них исполнясь неизреченным благоуханием, закрыли раку. Пораженные таинственным чудом, одно то могли они подумать, что благоволивший Своею Ипостасию воплотиться и вочеловечиться от Нея, и родиться по плоти, и по рождестве сохранивший нетленным Ея девство, Бог Слово и Господь славы благоволил, и по прекращении Ея здешняго жития, непорочное и пречистое тело Ея почтить нетлением и предложением, прежде общаго вселенскаго воскресения.* За сим св. Ювеналий дополняет свой ответ царю свидетельством св. Дионисия, которое мы уже привели; а св. Дамаскин оканчивает повествование истории тем, что во Влахернскую Церковь перенесен из Гефсимании ковчег с одеждами Пресвятыя Богородицы.

Видите ли тайны и чудеса Успения Божией Матери? Видите ли торжество земное и вместе небесное? Видите ли легкий, кратковременный туман смерти, сквозь который ясно и величественно просиявает вечная жизнь? Видите ли гроб, превращенный в окно, открытое в невидимый мир, к пренебесному свету?

Но наблюдайте за собою, как вы на сие смотрите. Не с любопытством ли? – Ненадежный образ воззрения! Любопытство более способно похитить неблагословенный плод мнимаго и опаснаго знания, нежели произрастить жизненный плод истины. С удивлением ли? Это естественный образ воззрения на дивное, но неудовлетворительный. Бог чудес являет дивное не для того только, чтобы удивить, но чтобы удивлением возбудить внимание, возбужденному вниманию сделать ощутимым Свое невидимое мановение, и сим мановением наставить человека на истину и правду. С верою ли? Это собственно Христианский образ воззрения на святое и Божественное: впрочем и взор веры должен быть не только покоющийся в услаждении созерцаемым, но и простирающийся в предняя; потому что и вера есть не окончательная цель, а средство жизни Христианской. С желанием ли подражать святому и стремиться к небесному? – Вот что должно быть преимущественно плодом как всякаго духовнаго, так и настоящаго нашего созерцания.

Видим преславное успение, которое чудесно украшают своим присутствием Апостолы, Ангелы, Сам Господь; и знаем, что это есть последствие пречистой и пресвятой жизни, исполнение в высшей степени закона Божественной правды, по которому *честна пред Господом смерть преподобных Его* (Псал. СХV. 6). Возлюбим же то, что приводит к кончине, честной не пред человеками только, но наипаче пред Господом; – возлюбим чистоту и святость жизни; возненавидим грех; отринем нечистоту дел и помыслов; *очистим себе* решительным желанием сердца, и не престанем очищать себя ежедневным подвигом, *от всякия скверны плоти и духа, творяще святыню в страхе Божии* (2 Кор. VII. 1).

Видим по успении необычно скорое пробуждение; за смертью тотчас безсмертие, в самой полной его силе; видим душу Пресвятыя Девы на руках Господа, и следственно на высочайшей степени блаженства, потому что близость к Господу и высота блаженства есть одно и то же; видим и приснодевственное тело Ея, не покорившееся закону тления, не ожидавшее срочнаго для всех дня воскресения, но в самое время сеяния в землю возрастшее в небо и процветшее славою. Всмотримся в безсмертие, и для нас в некоторой степени не чуждое; вспомним, и перестанем забывать, что по намерению Творца, по дару Спасителя, и *наше житие на небесех есть* (Филипп. III. 20). И о чем же лучше нам

заботиться: о земных ли приобретениях и удовольствиях, которые от ищущих нередко убегают, достигающих не удовлетворяют, наслаждающихся обольщают, обладающих поработают, у живущих исчезают, за умирающими не следуют, – или о благах небесных, которые верно нас ожидают для вечного наслаждения? Ограничим наши земные желания; не позволим себе дорожить прахом и тлением; не попустим бессмертной душе пристрастием погребать себя в земле, в которой и тело наше не должно навсегда остаться; *скроем себе сокровище на небеси*, да, по слову Господню, *идеже есть сокровище наше, ту будет и сердце наше* (Матф. VI. 20. 21), чтобы таким образом сердце наше всецело привлекло нас на небеса; ибо где сердце человека, там и весь человек, и вся судьба его! Аминь.

СССХІ.

230. Слово

по освящении храма Святителя Николая,

в селе Парфеньеве.

(Говорено Августа 26-го; напечатано отдельно и в собр. 1861 г.)

<1848 год>

*Возвратистася во Иерусалим, взыскающе
Его. И бысть по триех днех, обретоста
Его в церкви. Лук. II. 45. 46.*

Благодатию Божиею совершив ныне освящение храма во имя Святителя и Чудотворца Николая, имеем причину ему принести начаток слова.

Се тебе, Святителю Отче Николае, благоговеющие пред твоею святостию, или паче, пред Божиею в тебе благодатию, создали храм, в память и честь твоих подвигов и добродетелей, в надежде твоих споспешествующих молитв и твоего благодатного покровительства. Приими с любовью приношение веры и любви, и представи оное Отцу светов, к Которому окончательно должен восходить всякий благочестивый дар, поелику от Него первоначально свыше сходит всякий дар совершенный. И как еще в земном житии твоем ты благодетельствовал с верою искавшим твоего сильного Богом покровительства: так благодетельствуй создавшим сей благолепный храм, очевидно, усердною рукою, дабы, сколько можно, сделать земное достойным небесного. Благодетельствуй тем паче, что твоя благодетельная сила теперь уже не в возрастании, а в полном совершенстве, и ничто уже не препятствует проявлению данной тебе благодати, которую прежде скрывало смирение. И как многократно многих обращал ты от неверия к вере, от греха к покаянию и к духовной жизни, иных от болезней исцелял, от бед избавлял, и различными благодеяниями ущедрял: так и входящим в сей храм не преставай споспешествовать твоею молитвою и благодатною силою, да обретут благое и полезное, неведущие познание истины, согрешившие покаяние, кающиеся прощение и в исправлении утверждение, подвижающиеся успех в подвиге, недугующие исцеление, бедствующие избавление, нуждающиеся помощь, печальные утешение, и все сие к совершенному душевному спасению.

Обращаясь к празднующим обновление храма, думаю, что время сие требует некоего слова о храме; и с сею мыслию беру в предмет размышления, одно из Евангельских повествований, примечательным, но, может быть, не для всех приметным образом относящееся к учению о храме.

Святой Евангелист Лука, вводя нас в некоторое познание о ранних годах земной жизни Господа нашего Иисуса Христа, проведенных большею частию в неизвестности, повествует, что Он, будучи двенадцати лет, с Пречистою Материю Своею и Ея обручником и хранителем Иосифом, ходил в Иерусалим на праздник Пасхи. О сем путешествии Евангелист упоминает потому, что во время онаго, двенадцатилетний Отрок Иисус во храме явил премудрость, приведшую в изумление учителей Иудейских. Но дабы не подумали, что сие путешествие было случайное и однократное, Евангелист скажет вообще, что *хождаста родителя Его на всяко лето во Иерусалим в праздник Пасхи.*

Примечаете ли в сем сказании свидетельство о важности храма Божия? Почему Мариамь и Иосиф не праздновали Пасхи дома, в Назарете? Почему нужно было им идти в Иерусалим? – Потому что там был храм Божий. Чтобы празднование было совершенно и Богоугодно, надлежало идти в храм Божий.

Кажется, Мариамь и Иосиф могли бы уволить себя от труда ходить в храм Иерусалимский, по весьма основательной причине. Дом их был свят не меньше храма, если не более. Храм свят был потому, что имел в себе прообразование Христа: но они имели у себя Самого Христа. Не знаю, до какой степени разумевал сие Иосиф; потому что Мариамь слагала таинственные глаголы Господни в сердце своем: но Она несомненно знала от самого благовещения Архангелова, что рожденный Ею от Духа Свята есть *Сын Божий*, Котораго *царствию не будет конца*. Смотрите же, как важен храм Божий. И те, которые Самого Господа храма имеют у себя в доме, идут однако поклониться Господу во храм. И даже Сам Господь храма Иисус Христос идет в храм Божий на ряду с поклонниками, дабы внушить нам благоговение ко храму Божию.

Посему не трудно разсудить, как ненадежно и небезопасно мудрование тех, которые уклоняются от освященного Богом храма, и думают довольствоваться молитвою домашнею, или каким-нибудь местом молитвы, произвольно устроенным и неосвященным.

Не бесполезно нам обратить внимание и на то, что церковь Иерусалимская, в которую ходили на поклонение Мариамь и Иосиф, была единственная, если говорить по-нашему, и соборная и приходская церковь, не только для всего Иерусалима, но и для всей земли Израилевой, и для всей вселенной. Чтобы притти в нее, Мариамь и Иосиф, и Отрок Иисус должны были путешествовать от Назарета несколько дней.

При сем воспоминании, как должно быть стыдно некоторым из нас, которые в немногих от себя поприщах, или ближе, видят церковь, слышат праздничный звук колокола, зовущий в нее, и остаются дома, или за делом, в сие время неблагословенным, или вовсе без дела.

Возвратимся к повествованию Святого Луки.

Совершив праздник во храме и во Иерусалиме, Мариамь и Иосиф вышли оттуда, чтобы возвратиться в свой дом. И что же случилось? *Оста Отрок Иисус во Иерусалиме, и не разуме Иосиф и Мати Его.*

Неожиданный случай! Как могли Иосиф и Мария сделаться так невнимательны, чтобы потерять свое безценное, Божественное сокровище, Отрока Иисуса? Отчасти понятно сие при мысли о многолюдстве: однако и при сем неожиданно. Какое же может быть более полное разумение сего случая? – То, как я думаю, что Провидение оный попустило, дабы потом Дух Божий чрез Евангелиста внес оный в священное Писание, в котором, *елика преднаписана быша, в наше наказание преднаписашася*. А какое для нас из сего наказание или поучение? – То, что кто начинает удаляться от Божия храма, и разсеяться в молве и суете народной: тот находится в опасности потерять Христа из своих мыслей и своего сердца. Берегитесь.

Христиане должны иметь Христа с собою и в себе, по силе Христианских таинств. О сем говорит Пророк: *Отроча родися нам, Сын, и дадеся нам* (Ис. IX. 6). О сем свидетельствует Апостол: *елицы во Христа крестистесь, во Христа облекостесь* (Гал. III. 27). Сие обещает и дарует Сам Христос Господь: *ядый Мою плоть, и пий Мой кровь, во Мне пребывает и Аз в нем* (Иоан. VI. 56). Сие внутреннее присутствие Христа Господа имеющие крепкую веру и чистую жизнь ощущают, как свет, как мир, как силу, как жизнь, восходящую над естественною жизнью человеческою; посему и говорит Апостол: *живу не ктому аз, но живет во мне Христос* (Гал. II. 20).

Совести каждого предоставляю испытание, пользуетесь ли вы благодатною близостию и спасительным присутствием Христа Господа, или не сокрылся ли Он от вашей невнимательности, чему особенно подвергаются удаляющиеся от Божественного храма, или по нерадению, или по уклонению от царского пути церковного, на распутия произвольных человеческих мудрований.

Есть люди, которые, признавая себя лишенными благодатного со Христом общения, идут искать его стропотными стезями сынов человеческих, в тайных обществах, или в известных обществах, которые мнят достигнуть собственной святости без святыни, дарованной от Бога, без церкви, без святительства, без священства. Если спросишь их: почему в эту сторону обращаете вы ваше духовное искание? нередко слышишь ответ: потому что там наши отцы, наши сродники, наши знаемые. Какой успех может иметь такое искание Христа? – Какбы нарочно на сей вопрос, Евангельское повествование, представляя образ искавших Иисуса с наилучшим побуждением, но не с желаемым успехом, говорит: *искаста Его в сродницех и в знаемых, и не обретише Его, возвратистася*. Кто, удаляясь от церкви, ищет Христа у сродников, раболепствуя пред их предразсудками, или у знакомых, прельщаясь хитрыми словами: тот не обретет Его, и раньше или позже придет в сожаление о бесплодном искании, может быть, слишком позднее.

Но кто бы ты ли была Христианская душа, испытываемая скорбным лишением благодатной близости Господа Иисуса, удалила ли ты Его от себя грехом, или удалилась от Него по распутию неправого мудрования, прими возбуждение предваряющей благодати к искреннему исканию Его, и надежнейший путь к обретению Его усмотри во святых следах Пречистой Матери Его и Иосифа. Они не столько по своему неусмотрению, сколько по устроению Провидения, для того только и потеряли Господа Иисуса, и болезненно искали, чтобы указать тебе верный путь к обретению Его. *Возвратистася во Иерусалим, взыскающе Его. И бысть по триех днех, обретоста Его в церкви*. Так и ты, куда бы ни случилось тебе уклониться от Него, возвращайся в духовный Иерусалим, ищи Христа Спасителя в церкви, в ея молитвах, в ея таинствах, в ея благовестиях и поучениях, и если не тотчас, то по времени, по мере усердного покаяния, без сомнения, обрящешь Его благодатную близость, и в ней твою радость, и спасение, и блаженство вечное. Аминь.

231. Слово

в день памяти преподобнаго Сергия.

(Говорено в Троицкой Лавре Сент. 25;

напечатано в Твор. Св. От. 1848 г. и в собр. 1861 г.)

<1848 год>

Вы же род избран, царское священство, язык свят, люди обновления, яко да добродетели возвестите из тмы вас Призвавшаго в чудный Свой свет (1 Петр. I. 9).

Кого это изображает Апостол Петр такими светлыми, возвышенными чертами? Не святых ли прославленных, каковых близкий нашему созерцанию образ представляет Преподобный и Богоносный Отец наш Сергий? По-истине он, и все они суть *род избран*, не только в человечестве, но и в самом христианстве. Они суть *священство*, потому что своими предстательствующими за нас молитвами освящают и приближают к Богу наши немощныя и несовершенныя молитвы; и притом *царское священство*, потому что силою молитвы и данной им благодати владевают над силами природы. Они явственно и вразумительно *возвещают добродетели Призвавшаго их в чудный Свой свет*, именно, Его премудрость и всеведение-употреблением дарования прозорливости, Его всемогущество-действием дарования чудес, Его благодать – изцелениями и другими благотворными действиями, на нас милостиво простираемыми.

Но, читая приведенныя нами слова Апостола Петра, в его Соборном послании, в соображении с составом его речи, мы должны расширить их значение. Он простирает речь к людям, которых уподобляет *новорожденным младенцам* (2), которые были некогда *не людьми*, а ныне сделались *людьми Божиими* (10), которых увещевает *огребатися от плотских похотей* (11): следственно говорит ко всем христианам, не исключая и начинающих подвиг христианский, и младенчествующих в вере.

Итак знаете ли, братия христиане, что вы такое, по слову и разумению Апостольскому? *Вы род избран, царское священство, язык свят, люди обновления*. Если не все вы таковы по плодам жизни: тем не менее все таковы по семени духовной жизни, в вас посеянному. Не все таковы по добродетелям: но все таковы по вере, вам преданной, и по благодати Таинств христианских, впечатленной в душах ваших.

И что же? Если такое достоинство нам уже приписывается: не должны ли мы, или поддержать оное, поколику действительно имеем, или подвизаться приобрести, поколику не чувствуем в себе онаго в силе и действии? Для сего точно и указывает нам Апостол на высоту нашего христианскаго достоинства, чтобы с сей высоты указать обязанность, к которой он нас призывает, и подвигнуть к исполнению сей обязанности. *Вы род избран, царское священство, язык свят, люди обновления*. Но для чего даны вам такая преимущества? – *Яко да добродетели возвестите из тмы, вас Призвавшаго в чудный Свой свет*.

Вся содела Господь Себе ради, скажет избранный вец дел Божиих, Соломон (Прит. XVI. 4). Не потому *Себе ради*, чтобы нужду имел в творении Творец, и без него вседовольный Сам в Себе: но потому *Себе ради*, что для творения не лзя назначить иной решительной цели, если надобно сделать оное совершенным и блаженным. Поелику в Боге источник жизни и блаженства для твари: то и должна она к Богу взирать и стремиться, для Бога жить и действовать, чтобы таким образом непрерывно почерпать от Него жизнь и блаженство.

Но что значит жить и действовать для Бога? Можно сделать что нибудь для человека, и это будет нечто значить для него. *Сыну человеческому правда твоя*, говорит глубокомысленный друг Иова (Иов. XXXV. 8). Но для Бога безконечного, что значит действие твари, всегда ничтожной пред Ним? *Что даси Ему? или что из руки твоея возмет* (7)? Что можешь для Него сделать? – Можешь простираться к Богу, не как дающий, но как приемлющий даруемое. Можешь верою отверзать Ему свое сердце, как поток отверзает свое недро изливающемуся в него источнику. Можешь соответствовать Дарующему верным хранением даруемого и употреблением по воле Его. Можешь возносить к Богу мысли исповедания Его совершенств и даров, и чувствования удивления, любви, благодарения, подобно как цветок возносит к небу благоухание, возбужденное влиянием неба. Наконец, поелику Неприступный в Своей неограниченности и высочайшей святости не всегда непосредственно подает Свои дары существам ограниченным, а часто, и обыкновенно, подает посредством одних другим: то можешь и должен ты уподобляться потоку, который приемлемою свыше от источника влагою орошает окружающее и низшее; можешь и должен явленное тебе и в тебе от Бога и о Боге, при благовременности, являть словом, а всегда впечатлевать в твои дела и жизнь, чрез что и познание совершенств Божиих и самое причастие даров Божиих, при общении твоим с другими, будет распространяться, и на низшия создания Божии тобою будет нисходить действительное благословение. И сие-то есть вообще *прославлять Бога*, и в особенном отношении к вам, христиане, *возвещать добродетели вас Призвавшего в чудный Свой свет*.

И что может быть свойственнее сего назначения? – Как естественно потоку во всем течении своем представлять то, что принял он от источника: так же свойственно человеку, во всем течении своей жизни, являть то, что приял он от всеблагаго и премудраго Бога, частию в сотворении, наипаче же в благодатном обновлении чрез Христа, и таким образом возвещать Божии совершенства и добродетели. Как свойственно привитому дереву приносить благородный плод, по силе, сообщенной ему привитием: так же свойственно христианину, которому верою и таинством привита Божественная сила Христова, приносить плод духовный, и тем прославлять Бога, по слову Самого Христа: *о сем прославися Отец Мой, да плод мног сотворите* (Иоан. XV. 8).

Что может быть и справедливее сего назначения? – Если все, что вы имеете, имеете от Бога; если особенно чрез Христа *призвал Он вас в чудный Свой свет*, от тьмы неведения во свет истины, от тьмы греха в свет благодати и правды, от тьмы оскверненной и смущенной совести в свет совести очищенной и мирной, от тьмы смертной во свет жизни: то в чем вы можете отказать Ему в воздаяние за толикие дары? Как же еще умеренно требование, чтобы вы, не отъемля их у себя, употреблением посвятили оные Даровавшему, и таким образом *возвещали добродетели вас Призвавшего в чудный Свой свет!*

Что может быть и счастливее сего назначения? – Имеющие чувство доброго и прекрасного не потребуют доказательства на то, что теперь скажу. Высшая степень счастья есть – благотворить, а вторая по сей степени – быть благодарным. Итак, если человек,

облагодетельствованный человеком, живее чувствует свое счастье, когда возвещает добродетели своего благодетеля: то *возвещать добродетели Призвавшего вас в чудный Свой свет*, и тем распространять сей свет, – не есть ли больше, нежели счастье? Не есть ли это самое блаженство?

Если же кто, не смотря на все сие, уклоняется от назначения прославлять Бога и возвещать Его добродетели: таковому должны мы указать, что он выходит из порядка всех созданий Божиих, потому что это есть их всеобщее назначение, хотя разнообразно исполняемое, по разнообразию и степеням тварей.

Что делают там, в невидимом небе, ближайшие предстоятели престола Вседержителя? – По сказанию тайновидца, *покоя не имут день и ночь, глаголюще: свят, свят, свят, Господь Бог Вседержитель* (Апок. IV. 8). Что значит: *покоя не имут*? Не то, чтобы они изнурялись непрерывными славословиями, как трудом без отдыха, но то, что, находя в словословиях радость и блаженство, не желают прекратить словословия, как не желают прекратить радость и блаженство. Если бы на сие кто сказал, что это выше нас: то сему, не кстати боящемуся высоты, я бы отвечивал, что и в невысокой нашей жизни на земле, мы должны готовиться к высокой жизни небесной: потому что земля есть разсадник и училище для неба; и потому надобно нам обучать себя хотя некоторым начаткам того, что делают на небе, чтобы оно после жизни земной, не отвергло нас, как неспособных.

Но если угодно, понизим взор. Что делают сии видимыя небеса? – Ты, может быть, не слышишь; но чуткий и верный слух Пророка слышит, что *небеса поведают славу Божию* (Псал. XVIII. 2).

Сойдем еще ниже, к тварям земным, и даже к низшим между земными. Не слышим ли в псалме, к чему призывает их Пророк? *Хвалите Господа от земли, – бездны, огонь, град, снег, горы, холмы, древа, зверие, скоти, птицы* (Псал. CXLVIII. 7–10). Если призывает: то, конечно, видит в них способность, и знает их назначение *хвалить Господа*.

Итак, когда видимыя *небеса*, которым Бог не даровал слова, тем не менее *поведают славу Божию*: какая превратная несообразность, если не поведает ея свойственным себе образом словесное творение Божие. Если все земныя, даже низшия твари хвалят Господа: то не ниже ли всех их сам себя поставляет человек, когда не возвещает добродетелей своего великодаровитаго Творца, Промыслителя?

Род избранный! Береги себя от нравственного унижения. Тщательно испытывай себя, христианин, возвещаешь ли ты своею жизнью добродетели Призвавшего тебя в чудный Свой свет. Если и добродетели, но только твои собственные, возвещаешь ты голосом явного или шепотом тайного тщеславия: ты уже не на высоте *языка святаго*. Что ж, если жизнь твоя обнаруживает мало добродетели, много суеты, не мало порока? Достойно ли это тебя? Не говорю: достойно ли твоего Бога?

Прежде, нежели скажешь слово, испытай, какое будет его действие, и еще строже, прежде нежели сделаешь дело, испытай, что будет оно говорить: ибо дела говорят сильнее слов.

Поставь мысль о Боге и о Христе душою твоей жизни, движущею силою твоих нравственных действий, и твоя жизнь и дела будут сами собою возвещать добродетели Призвавшего тебя, лучше богословских речей и разсуждений.

Тщися жить духовно, а не плотски: и твоя жизнь будет возвещать добродетели *Отца духов*.

Милосердуй, благотвори, даже и врагам: и ты будешь сим возвещать *совершенство Сияющего солнцем Своим на злыя и благия*.

Будь безропотно предан Богу в несчастии, в скорби: и ты будешь проповедником Божия Провидения.

Храни безгневие, кротость, смирение: и в самом безмолвии ты будешь провозвестником добродетелей кроткого и смиренного сердцем Иисуса. Ради Его спостражди страждущему, постражди за охранение блага общего, за избавление ближняго от неправды и беды: и будешь исповедником Положившаго душу Свою за спасение мира.

Так живя, и по таким побуждениям действуя, ты пребудешь достойным Призвавшего тебя в чудный Свой свет, сохранишь и умножишь свет тебе дарованный; и когда возрадуешься, ничто не возмутит твоей радости; когда помолишься, ничто не преградит молитве твоей пути на небо. Славя Бога на земли, упрочишь себе наследие славы на небесах. Ибо не прейдет слово Его: *прославляющая Мя прослаблю* (1 Цар. II. 30). Аминь.

СССХІІІ.

232. Слово

в день восшествия на Всероссийский Престол

Благочестивейшаго Государя Императора

Николая Павловича.

(Говорено в Чудове монастыре Ноября 26;

напечатано в Твор. Св. От. 1848 г. и в собр. 1861 г.)

<1848 год>

*Боже, песнь нову воспою Тебе; во псалтири
десятоструннем пою Тебе, дающему
спасение
царем. Псал. CXLIII. 9. 10.*

Приходило ли вам когда на мысль, что в древней Церкви Еврейской, подобно как у нас ныне, бывало своего рода молебное пение о здравии и спасении Царя? Точно бывало, как показывают Священные книги. Совершали оное не только просто молитвенники, но даже пророки. Пророк Давид обещает песнь Богу, *дающему спасение царям*, и, конечно, исполнит свое обещание: а это и будет молебное пение; потому что песнь Богу есть купно и молитва. *Боже, песнь нову воспою Тебе; во псалтири десятоструннем пою Тебе, дающему спасение царем*. Примечайте, что Давид говорит не о *царе*, то есть, не о себе только лично, а о *царях* вообще, то есть, о Божием покровительстве царскому достоинству.

Еще примечательнее подобная песнь Пророчицы Анны, в которой она, вознося благодарственную молитву к Богу, даровавшему ей сына Самуила, возвысилась до пророчественного восторга. *Помолися Анна, и рече*, излагая чудныя действия Провидения

Божия молитвенно, и вместе пророчески: *даст крепость царем нашим, и вознесет рог Христа Своего* (1. Цар. II. I. 10). Надобно при сем вспомнить, что уже после, при сыне Анны, Бог дал царей народу еврейскому. Итак царей еще не было у Евреев: а Пророчица уже призывала и предрекала Божие покровительство их царям.

Так дорого ценили царское достоинство, для блага избранного Богом народа, люди боговдохновенные! Так истинная Церковь, древле, и ныне, всегда одинаково верна истине, благотворной для общежития человеческого, и самой себе!

Но что значит, что Пророк предполагает о спасении Царей песнь *новую*, тогда как она должна быть уже не первая? – Должно думать, что новыя царственные обстоятельства, избавление от новых опасностей, препобеждение новых трудностей, вновь явленная Богом царю защита и помощь, возбуждали в уме Псалмопевца новыя мысли, в сердце новыя чувствования, в десятиструнной псалтири новые звуки, в обычной за царя молитве новую песнь.

И мы ныне, благодарственно вспоминая день, в который *Бог вознес избранного от людей Своих*, даровал нам благочестивейшаго Самодержца нашего, не новую, а всегдашнюю приносим за Него молитву: но при мысли о новых событиях, сердце исполняется новыми благодарными чувствованиями к Дающему спасение Царю.

Третье десятилетие вращая скипетр огромного царства твердою рукою, много имел Он царственных опытов, много совершил подвигов, много, хранимый и покровительствуемый Богом, преодолел трудностей: но еще новаго рода испытание царского духа и мудрости представил совершившийся ныне год. В царствах более или менее союзных с Россиею, и частию соседних, у народов многочисленных, образованных, в минуты дремания Правительств, из вертепов тайных скопищ, безнравственных и безбожных, внезапно исторгся вихрь мятежа и безначалия, который, колебля и разрушая порядок одного царства по другому, угрожал миру и безопасности всех народов Европы: а против державы Российской особенно дышал яростию с шумом и воплями, как против сильной и ревностной защитницы законной власти, порядка и мира. Здесь можно сказать с Девворою: *велия испытания сердца* (Суд. V. 16)! И терпение хранить было трудно, и дать свободу ревности не удобно. Оставаться в бездействии было не безопасно, и могла чрез сие увеличиться дерзость врагов мира; но и действовать было не благовременно, и сие могло доставить предлог ищущим случая воспламенить войну. *Велия испытания сердца*. Но сердце Царево утвердилось во Господе, и не поколебалось от трудностей. Благочестивейший Государь, с обычною Ему откровенностию, сказал Свое царское слово Своему народу о тревожных движениях за пределами России, могущих приразиться и к ея пределам, и изъявил Свою волю, равно непоколебимую, как в том, чтобы хранить мир, так и в том, чтобы отражать врагов мира. Внутренним движением военных сил к угрожаемым пределам, не выходя из мирнаго положения, Он стал в положение грозное: и таким образом нравственно подкреплял верных союзников и друзей порядка и мира, и поражал издавеча дерзость мятежа и безначалия. Если некоторые соседние Государи, которым безначалие, даже не покрываясь личиною, противостало во всем своем безобразии, с самыми разрушительными усилиями, благонадежно и с успехом противопоставили ему законную власть и силу: сему, без сомнения, не мало споспешествовало то, что за ними стоит крепкий защитительный оплот единоначалия и всякой законной власти – Россия. Итак, не новое ли это, что Самодержец России мановением скипетра действует так сильно, как оружием, не прерывая мира, побеждает одну из самых враждебных сил, словом угашает возгоравшуюся войну, величественным молчанием заграждает огнедышащая уста? И год тревог и ужасов для многих народов у нас остался годом мира и спокойствия.

Боже, песнь нову воспеваем Тебе, дающему спасение Царю!

Возвращаясь к еврейскому псалмисту, любопытствуя знать ближе, какие обстоятельства возбудили его к новой песни о спасении царей. Путь к разрешению сего вопроса мне видится в самом псалме. Псалмист молит Бога: *избави мя от вод многих, из руки сынов чуждых, ихже уста глаголаша суету, и десница их десница неправды* (Пс. CXLIII. 7. 8). И в след за сим восклицает: *Боже, песнь нову воспою Тебе, – дающему спасение царем*. Чтобы понять сей внезапный переход от скорбной молитвы к торжественному восклицанию, необходимо предположить, что в людях, которых уста глаголют суету, которых десница есть десница неправды, он видит великую опасность не только для частных людей, но и для царства; и потому избавление от таких людей признает великим благодеянием Божиим, достойным торжественной благодарности.

Что умножение людей, которых десница есть десница неправды, вредно и опасно не только для людей в частности, но и для общества, о том сомнения не предвидится. Но неужели так же вредны и опасны и те, *ихже уста глаголют суету*? Многие ли уста так строги, чтобы никогда не глаголяли суеты?

Чтобы разсуждать о сем основательно, требуется не поверхностный взгляд на суету. Соломон написал целую книгу для изъяснения суеты: но для сего довольно взять только начало и конец его книги. В начале ея сказано: *всяческая суета* (Еккл. I. 2); а в конце: *Бога бойся, и заповеди Его храни; яко сие всяк человек* (XII. 13). Соединив сии мысли, находим, что, по учению Соломона, все, возвышающее человека над суетою, заключается в страхе Божиим и в хранении заповедей Божиих; и что, напротив того, вне страха Божия и хранения заповедей Божиих, все в человеке есть суета. Итак, *уста, глаголющая суету*, которых Псалмист боится, как потопа, означают усиленное обнаружение образа мыслей, в основании которого нет благоговения к Богу и Его заповедям. *Избави мя, говорит, от вод многих, из руки сынов чуждых, ихже уста глаголаша суету*.

Мужа боговдохновенного, конечно, не лзя подозревать в напрасном страхе, или в малодушии. Если же указуемая им опасность от суеты действительно изведена: то хорошо ли мы поступаем, если видим, слышим, и, может быть, себе позволяем суету без опасения и осторожности? И в наше время, и близ нас не умножаются ли уста, глаголющая суету, в забвении Бога и Его заповедей? Не глаголют ли они часто, свободно, обаятельно, в беседах, на зрелищах, в книгах?

Дело суеты начинается тем, что уменьшается внимание к Божественному и вкус к духовному, и усиливается склонность к чувственному; пленяются изящным, ищут приятного, с охлаждением к истинному и доброму; более занимаются игрою страстей, нежели слушают разсудка и нравственного чувства. Но как божественное, духовное, истинное, доброе, бессмертно, и потому сродно бессмертной душе человеческой, и доставляет ей постоянное услаждение; а чувственное тленно, и потому для бессмертной души неудовлетворительно; приятное, не упроченное истинным и добрым, есть мгновенно, и перестает быть приятным при повторении и пресыщении, от чего рождается непрестанная жажда новаго; страсти, при ослаблении возжей разсудка и нравственного чувства, легко превращаются в бешеных коней: то дело суеты, получив силу, не может остановиться на одних забавах, но, смотря по обстоятельствам, больше или меньше, скорее или медленнее, подается вперед. Куда? – Это, к сожалению, слишком очевидно в наше время у *сынов чуждых*. Многочисленные у них *уста, глаголющая суету*, сперва говорили суету приятную, потом нескромную, потом соблазнительную, потом явно порочную, наконец возмутительную и разрушительную; взволновали умы: вызвали, поощрили, даже вновь образовали людей, *ихже десница – десница неправды*, и таким

образом произошли, по выражению Псалмопевца, *воды многи*, – потоп зла, который подмывает основания всякого благоустройства и благосостояния общественного и частного.

Так у *сынов чуждых*. Но мы довольно ли осторожны? Некоторые виды их суеты не переходят ли к нам открыто, не прокрадываются ли неприметно? Скажут, вероятно, что мы заимствуем у них только невинную суету. Не войду против сего в спор, хотя можно сомневаться, окажется ли какая суета невинною пред судом истины и добродетели. Скажу только, что, когда для суеты, как говорят, невинной, дверь отворена, тем более требуется заботливого внимания, чтобы она была затворена для суеты небезвинной и небезопасной.

Благодарение Богу и покровительствуемому Им Благодетельнейшему Государю, что мы охранены *от вод многих*, и от *сынов чуждых*, *ихже уста глаголаша суету, и десница их десница неправды!* Да сохраняем себя с своей стороны достойными вышнего охранения! Средство для сего, простое и верное, то, которое предложил Соломон, и которое, как лучшее из наследств, передали нам наши предки: – *Бога бойся, и заповеди Его храни: яко сие всяк человек*; – в сем достоинство, благо и блаженство человека и человечества. Аминь.

СССХIV.

233. Слово

в день тезоименитства Благодетельнейшаго Государя

Императора Николая Павловича.

(Говорено в Чудове монастыре Декабря 6-го;

напечатано в Твор. Св От. 1849 г. и в собрании 1861 г.)

<1848 год>

*Яже свыше премудрость, первее убо чиста
есть, потом же мирна, кротка,
благопокорлива,
исполнь милости и плодов благих, несуменна
и
нелицемерна.* Иак. III. 17.

В сем изречении святой Апостол Иаков изложил некоторыя свойства истинной премудрости, на тот конец, чтобы можно было по сим отличительным чертам непогрешительно узнать ее, и благонадежно к ней прилепиться.

Ныне, сынове России, мы радуемся о Царе своем: и естественно, наша мысль и сердце идут к источникам нашей радости, – к царским доблестям, особенно для всех открытым, и для всех понятным в благотворениях и милостях. Как отечески печется Благодетельнейший Государь наш о своих подданных, вообще и порознь, соответственно званиям и различным обстоятельствам жизни! Как деятельно распространяет благодеяния воспитания и образования от высших до низших сословий народа! Как покровительствует и собственным оком назирает учреждения для призрения сирых, беспомощных, престарелых, для врачевания болящих! Как любит озарять своим благословением заслугу,

даже и не Его престолу оказанную! Как не отчуждает от своего милосердия даже и тех, на которых бесспорные права объявило карающее правосудие! Как поспешно простирает подъемлющую руку к пораженным внезапным бедствием! При таких помышлениях о царской деятельности, исполненной милости и благотворения, как приятно встретиться с апостольскою мыслию, что милость и благотворительность принадлежат к отличительным чертам *премудрости, яже свыше*.

Итак дела и памятники царской милости представляют очевидное доказательство того, что Великому Государю на Всероссийском Престоле соприсутствует *яже свыше премудрость*: и если она соприсутствует Ему в делах милости, то, конечно, не оставляет Его и в делах правды и вообще в делах попечения о благе царства. Возблагодарим за сие и прославим Всевышнюю Премудрость, *которую царие царствуют*: и тем с большим дерзновением и упованием да просим у Нея Благодетельнейшему Государю нашему и еще дара, – того, который Соломон видит у Нея в правой руке, как бы в готовности подать: *долгота бо жития и лета жизни в деснице Ея* (Притч. III. 16).

О свойствах же истинной премудрости не бесполезно нам войти в некоторые размышления для самих себя.

Не думаю, чтобы кто из людей, более или менее размышляющих, отказался внять размышлению о премудрости, как бы о предмете, принадлежащем особенному кругу людей, и не входящем в общия потребности жизни. Сего, кажется, нельзя опасаться от века, который заботится о просвещении, едва ли не больше, нежели о добродетели, и который, не знаю, довольно ли основательно, только довольно незастенчиво провозглашает себя просвещенным. Противоположность невежества есть просвещение. Противоположность невежества есть премудрость. Итак просвещение и премудрость сходятся. Кто не обрекает себя на невежество, тот не должен быть равнодушен к премудрости. Кто помышляет о просвещении, тот пусть помыслит, может ли оно светить каким-нибудь иным светом, кроме премудрости.

Если бы кто из христиан подумал, что он может в чувстве смирения, как в тени, покоиться, не заботясь о свете премудрости; такового я спросил бы: ты однако же хочешь ли знать Христа? Если не хочешь, то перестаешь быть христианином. А если желаешь знать Христа: то ты должен вспомнить, что Евангелие проповедует *Христа, Божию силу и Божию премудрость* (1 Кор. I. 24); что Христос есть премудрость, не только Сам в Себе, но и собственно для нас: *Иже бысть нам премудрость от Бога* (30). Итак, если желаешь знать Христа, то не можешь миновать знакомства с премудростию. Она должна светить разумению христианина, охранять его веру и управлять его жизнью. *Блюдайте*, поучает Апостол, *како опасно ходите, не якоже немудри, но якоже премудри* (Еф. V. 15).

Но как не все, что блестит солнечным блеском, есть золото; и потому, кто не хочет быть обманут, тот должен изучить отличительные признаки благородного металла: так не все, что имеет вид премудрости, есть подлинно премудрость; и потому кто не хочет быть прельщен лжемудрием, тот должен вникнуть в отличительные свойства истинной премудрости. Сему-то и поучает святой Иаков в изречении, которое мы взяли за основание настоящего размышления.

Яже свыше премудрость, первое убо чиста есть. Первое отличительное свойство истинной премудрости есть то, что она чиста. Чтобы по собственному разумению Апостола определить, что желал он здесь означить наименованием *чистоты*, надлежит принять в соображение, что *премудрость, яже свыше*, противопоставляет он *земной, душевной, бесовской* (Иак. III. 15). Итак первое отличительное свойство истинной

премудрости есть то, что она удалена от нечистот *земных, душевных, бесовских*, или, по выражению другого Апостола, *от всякия скверны плоти и духа* (2 Кор. VII. 1). Последователь истинной премудрости не оскверняет руки неправедною корыстию, сердца – похотию, духа – гордостью и неблагонамеренностию. Он всевозможно хранит себя нравственно чистым в мыслях, в намерениях, в чувствованиях, в действиях.

Наименованием *чистоты*, означив образование, которое истинная премудрость дает человеку преимущественно в нем самом, слово апостольское представляет далее черты, которыми она ознаменовывает его более в отношениях к другим.

Потом же мирна, кротка. Другия черты истинной премудрости суть: мирное расположение духа, кротость, в противоположность *зависти горькой и рвению*, положенных Апостолом в образе мудрости ложной. Что зависть есть черта мудрости ложной, в том убедиться не трудно. Завидуют в том, чего не имеют: следственно завидующий другому в мудрости сим самым обличается в том, что не имеет мудрости. Рвение, то-есть, пристрастное усилие доставить преобладание своему мнению, есть плод зависти: следственно и сия черта принадлежит к образу мудрости ложной. Истинная премудрость не завидует, потому что имеет; не рвется, потому что имеет не мнение, а истину, обладающую внутреннею, непреодолимою силою. Последователь истинной премудрости мирно предлагает истину, и действует для правды; кротко вразумляет неведущих, и исправляет неправых. Если распря и вражда возстанут против истины и правды: он станет за истину и правду с твердостью, но без раздражения, и исполнив долг справедливой защиты, не замедлит возвратиться в свой внутренний мир, если не с радостию о торжестве мира, то по крайней мере с мирною молитвою и за не мирных. Так можно и должно понять того, который сказал о себе: *с ненавидящими мира бех мирен* (Пс. CXIX. 6).

Далее, по Апостолу, *премудрость, яже свыше, благопокорлива*. Будучи сама свыше, от Бога, тем не менее охотно покоряется она земной законной власти и начальству, яко также от Бога поставленным, и не только начальству, но и просто ближнему готова оказать послушание в требовании справедливом и благонамеренном. Только на богопротивное требование не обинется она сказать: *повиноватися подобает Богу паче, нежели человеку* (Деян. V. 29): и скажет сие только для того, чтобы пострадать за повиновение Богу без нарушения повиновения власти.

Яже свыше премудрость, *исполнь милости и плодов благих*. Таково ея отношение к бедствующим и вообще к ближним. Всем делает она всякое возможное добро, по чувству долга пред Богом, по влечению любви и милосердия к ближним.

Наконец, истинная премудрость *несумненна*, или не склонна судить и пересуживать, и не лицемерна. Она не выискивает сомнений против дознанных истин, чтоб иметь тщеславие указать новые пути знанию. Не судит, без призвания, людей, которых суд предоставил Себе Бог. Она не связывает людей новоизобретенными мнениями и соумышлениями в отдельные пучки, к ослаблению и расторжению всецелой общественной связи и единства. Не покрывает личиною своих мнений, правил и намерений, чтобы наружною благовидностию привлечь к тому, что не способно привлечь внутренним достоинством. Не кормчествует словом, мешая вино истины с водою суеты и с поддельными растворениями, которые возбуждают не благородную бодрость, но неистовую ярость страстей. В таком духе безпритворной искренности говорит Апостол Павел: *отрекохомся тайных срама, не в лукавствии ходяще, ни лстяще словесе Божия, но явлением истины представляюще себе ко всякой совести человечестей, пред Богом* (2 Кор. IV. 2).

Таковы по учению апостольскому свойства истинной премудрости. Разсмотрев их несколько, какое употребление можем мы сделать из сего разсмотрения? Можем сделать то самое, для чего изложил свойства истинной мудрости Апостол, – охранить себя от прельщения мудрости ложной.

В наше время у некоторых народов возникла новая мудрость, которая вековыми трудами государственной мудрости обработанная и усовершенствованная государственными установлениями находит не только требующими исправления, но совсем негодными, и хочет все переломать и перестроить. По огромности предприятия можно подумать, что это должна быть огромная мудрость: и вот случай прельщения. Итак, может быть, не излишне испытать сию новую мудрость на оселке апостольском. *Чиста* ли она? – Нет. Она совсем не говорит о благоговении к Богу, которое есть единственный источник чистоты, и потому не имеет мысли о том, что христианство называет чистотою. *Мирна* ли она? – Нет. Она живет и дышет распрями не только ее последователей с непоследователями, но и последователей между собою. *Кротка* ли? – Нет. Надменна и дерзновенна. *Благопокорлива* ли? – Нет. Мятежна. *Исполнена ли милости и плодов благих?* Нет: жестока и кровожадна. *Несумненна ли?* – Напротив, она ничего не произвела, кроме сомнений, подозрений, нареканий и недоверенности. *Нелицемерна* ли? – Она переменила личину за личиною, смотря по тому, какою когда лучше прельстить можно. Посему какая это мудрость? – Очевидно не та, которая свыше. Какая же? Не беру на себя дать ей имя. Вашему прониканию и безпристрастию предоставляю выбор из имен, предложенных Апостолом: *земна, душевна, бесовска*.

Но еще ближе познание свойств истинной премудрости можно, и должно, употребить для приобретения истинной премудрости. Приобретайте свойства премудрости, яже свыше: и вы постепенно будете приобретать самую премудрость, которой она принадлежат. Подвизайтесь быть *чисты, мирны, кротки, благопокорливы, исполнены милости и плодов благих, несумненны, нелицемерны*: только успевая в сих подвигах, вы будете верно успевать в премудрости.

Страстные любители знания могут возразить, что это – смешение понятий: что иное – знание, а иное – деятельность; иное – мудрость, а иное – добродетель. – Не спорим, что разделены в понятии: но так ли в жизни? Можете взять отдельно голову и сердце, – мертвые; но в живом человеке они находятся в единстве, и голова не живет без сердца. Так можете взять отдельно мудрость и добродетель в мертвом понятии: но в истинной жизни они находятся в единстве; ум не живет без сердца, и мудрость без добродетели.

Апостол указал, между прочим, на мудрость бесовскую. Что она такое? Знания естественного диавол может иметь не меньше и даже, может быть, больше, нежели человек: поелику, по тонкости своего существа, видит в природе многое, чего дух человека, заключенный в теле, не видит. Чего же не достает в мудрости диавола? – Доброты. Итак, по Апостолу, знание без доброты есть мудрость диавольская: и следственно, по противоположности, знание с добротою есть премудрость Ангельская, или человеческая, смотря по тому, – одета ли она плотию. Итак, любители знания, покажите мне добродетель: и я обрадуюсь сему удостоверению, что вы имеете премудрость.

Известна вам Евангельская притча о мудрых и юродивых девах. Она возбуждает к мудрости не каких либо избранных подвижников знания, но всех нас. И мудрые и юродивые девы имели светильники и свет. Чем же отличались и преимуществовали мудрые? Тем, что сверх того имели елей в сосудах для поддержания света. Свет светильника есть знание ума; елей в сосуде – любовь к добру в сердце. Когда, по

истощении времен, отверзутся двери вечности, и явится небесный Жених: свет земного знания угаснет вместе с земною жизнью, и с истлением светильни, то есть, преходящих предметов знания. Но душа мудрая, которая благовременно наполнила свой духовный сосуд живою и деятельною любовью, во-первых, к верховному добру, к Богу и Христу, а последовательно и ко всякому добру, помощью сего духовного елея воспламеняется и украшает свой светильник небесным, неугасающим светом, с которым некоснеюще и верною стопою идет в сретение Божественного Жениха Христа, и приемлется в чертог вечной радости.

Любите свет: но не забывайте и елея, которым он питается. Любите знание и мудрость: но не забывайте и добродетели, которою живет мудрость, и которая даже есть самая мудрость, как учит многоиспытанный мудрец Иов: *се благочестие есть премудрость, а еже удалятися от зла, есть ведение* (Иов. XXVIII. 28). Аминь.

СССХV.

234. Слово

пред благодарственным молебным пением, по прекращении губительной болезни.

(Говорено в Чудове монастыре 19 Декабря;

напечатано в Твор. Св. От. 1849 г. и в собр. 1861 г.)

<1848 год>

За несколько месяцев пред сим, совершали мы здесь, подобное нынешнему, соборное моление, с радостию, и не без опасения: — с радостию о том, что болезнь, внезапно поражавшая некоторых, и всем угрожавшая, по видимому, прекратилась; но и не без опасения, потому что мы не смели разрешить в свою пользу недоумения, достойны ли мы совершенного избавления от бедствия. Посему и воззвали мы тогда к возлюбленному богоспасаемому граду словом Господним: *се здрав еси, ктому не согрешай, да не горше ти что будет* (Иоан. V. 14).

К прискорбию, опасение оказалось ненапрасным. Бедствие возвратилось, и явилось *горшим* прежняго. Меч ангела истребителя, хотя не слишком умножил свои поражения, но шире прежняго блистал, и долее нам не позволял насладиться чувством безопасности.

Наконец вновь нам думается, что Ангелу, *погубляющему люди*, уже сказано, как некогда в Иерусалиме: *довольно ныне, отъыми руку твою* (2 Цар. XXIV. 16). Но точно ли сказано? Решительное ли это повеление? Кто нас в сем уверит тверже прежняго?

И что же мы будем делать? Неужели и ныне примешивать к радости страх? Думаю, что так и должно. Потому что духовная мудрость предписывает сие не только для какойнибудь сомнительной радости, но и для самой основательной, и потому можно сказать, для всякой радости. *Работайте*, говорит, *Господеву со страхом, и радуйтесь Ему с трепетом* (Пс. II. 11). Радуйтесь пред Богом, Который хранит, щедрит, милует: но радуйтесь с трепетом, потому что и в день милости Он не престаёт быть неумытно праведным Судиею; и — *аще беззакония назриши, Господи, Господи, кто постойт?*

Но чтобы нам иметь более близкое указание свыше, что должны мы делать в настоящем положении нашем, слышите, что *Бог богов Господь глагола: призови Мя в день скорби твоя, и изму тя, и прославиши Мя* (Пс. XLIX. 1. 15).

Первой части сего повеления надлежало уже быть исполненной доныне: и мы можем, как и прежде, с утешением свидетельствовать, что она не осталась неисполненною, как во граде сем, так и в области его. Церковь во дни скорби призывала Бога умоляющим гласом: и послушная ей чада последовали ей благоговейным вниманием, воздыханиями, слезами, коленопреклонениями, крестными хождениями. Одни благоговейно притекали в места, прославленные святынею: другие ознаменовавшую себя спасительными действиями святыню привлекали в места своего жительства, к подкреплению своей веры, к ограждению себя благодатию. В разных местах, некоторые святые иконы, в продолжение многих дней, многопоприщными путями, странствовали по селениям на руках молитвенников, среди неоскудевающего сонма других молитвенников. Олтарь радовался о множестве приходящих с покаянием и взыскующих Божественного брашна, во оставление грехов и в жизнь вечную.

Что сказать о второй части приведенного нами Господня изречения, содержащей в себе обетование: *изму тя?* – Сожаления были бы достойны те из нас, которые подумали бы, что глагол, изшедший из уст Господних, который, по удостоверению пророческому, *не возвратится тощ* (Иса. LV. 11), остается для нас уже праздным и бездейственным. Таковых ненарушенную безопасность и мы можем изъяснить не столько словом Избавителя, сколько молчанием Судии, Который не спешит пресечь время долготерпения, потому что имеет впереди вечность правосудия. А о тех, которые по вере призывали Бога Избавителя, и невинно прошли сквозь годину опасности, что иное можем мы думать, как не то, что на них исполнилось Божие обетование избавления, хотя бы им и не явилась небесная рука, их покрывающая, и невидимая благодать, их осеняющая и ограждающая? От многих же имели мы утешение слышать смиренное исповедание явственно на них ознаменовавшегося избавления. Инде целое селение, между другими постигнутыми губительною болезнью, являлось огражденным от нея: и нельзя было приметить никакой ограды, кроме усердной общественной молитвы. Инде, уже водворившаяся в селении болезнь и смерть отступали от онаго, как скоро посещала оно некая святыня, верою призванная. Иному в болезни, вообще столь упорной против усилий врачей, решительным врачевством был от святыни взятый елей, а иному – один от сердца произнесенный молитвенный обет.

После сего нашему благоговейному вниманию и ревностному исполнению предлежит остальная часть Божия повеления: *прославиши Мя*.

Не будем невнимательны. Не будем тяжкосерды. Не будем не благодарны. Прославим Господа, *не до конца прогневавшегося, не давшего искушиться паче, еже мощи, но сотворившего со искушением и избытие, поразившего и изцелившего, наказавшего и милующего, простершего над нами сень смерти, и разрешившего ее светом жизни*.

Если в день скорби, пред угрожающею ночью смерти, ты воззвал к Богу из глубины души, и мог потом приметить некое мановение невидимой руки, изымающей тебя от опасности: прославь Бога, дающего молитву молящемуся, близкого к призывающим Его, являющегося в милостях и щедротах.

Если ты не видал особенного знамения спасения, но тем не менее спасен от беды, ходившей окрест тебя: прославь Бога сокровенного, но тем не менее везде

присутствующаго и вседействующаго, призирающаго на тебя, когда ты о том не знаешь, и спасающаго тебя, когда ты о том не думаешь.

Если ты столь тяжкосерд, и так занят суетою, что и близкое бедствие не устремило тебя к Богу: одумайся хотя теперь, прославь Бога долготерпеливаго, и перестань искушать Его долготерпение невниманием к Его судьбам, и к вечной судьбе твоей собственной души.

Не преминем прославить имеющаго в руце Своей сердце Царево Бога и за те облегчения общественнаго бедствия, которыя даровал Он нам действием человеколюбиваго сердца Благочестивейшаго Самодержца нашего, чрез верныя орудия благотворной воли Его, и чрез возбуждение частной благотворительности. Угрожаемым губительною болезнью благовременно, всенародно предложены были советы и вразумления, предохранительныя как от самой болезни, так и от сопутствующих ей ложных страхов и недоразумений, вредных не только для здоровья, но и для общественнаго спокойствия. Постигнутым болезнью приготовлены были лечебницы, врачи, врачевства. На оставшихся безпомощными после умерших простерто благотворительное призрение.

Не обинусь сказать еще: прославим Бога и за самое бедствие и за род бедствия, которым мы посещены. Признаемся, что без сего бедствия мы меньше молились бы, меньше калялись, меньше смирялись. Итак, слава Богу, хотя и неприятным средством, умножившему в нас молитву, покаяние, смирение. А если сравним бедствие устрашавшей нас болезни телесной, с бедствием умственной и нравственной болезни, какою в наше время заражены некоторые люди, и чрез них невольно поражены некоторые народы и государства до такой степени замешательства и превратности, что у них больные хотят лечить здоровых, обуявшие в своеволии составляют законы для царственной мудрости, забывшие Бога мечтают созидать новый мир, неукротимый дух беспокойства и тревоги одних приводит в воспламенение ярости, других в оцепенение недоумения; и стогны городов устилаются мертвыми от язвы междоусобия: — от сих тяжких зрелищ обращаясь к себе, конечно, с глубоким убеждением присоединиться можем к образу мыслей Давида, и сказать: слава Богу, что мы *впали в руце Господни, яко мнози суть щедроты Его зело; в руце же человеци не впали* (2 Цар. XXIV. 14).

Не словом же только прославим Бога: но наша жизнь, которую Он нам сохранил и сохраняет, да представит в нас ревностных читателей Его славы, а в следствие сего и деятельных исполнителей Его воли. Твердость в вере, послушание Церкви, верность к Царю, усердие ко благу общему, непрельщение суетою и блистательною ложью духа времени, любовь к истине и правде, готовность к возможному благотворению, кратко сказать, наши добрыя мысли, добрыя чувствования, добрыя дела, да прославят Отца нашего, Иже есть на небесех! Аминь.

СССХVI.

235. Беседа

о милосердии к бедным.

(Напечатана в. Твор. Св. От. 1848 г. и в собр. 1861 г.)

<1848 год>

*Аз вам глаголю: сотворите себе други
от мамоны неправды, да, егда оскудеете,*

Не много ли уже говорено и говорится о милосердии к бедным? Будем ли говорить и еще?

Кому любезно милосердие, тому не будет сие в тягость: потому что не скучают разговором о том, что любят. А если кто не расположен часто слышать о милосердии, таковой, по справедливости, может усомниться, довольно ли он любит милосердие; и в сем случае напомнить и не раз о милосердии не лишнее.

Как богатеет мир бедствиями и скорбями! Надобно, чтобы не меньше богатели чада Божии чувствованиями и делами милосердия.

Кто хочет обогатиться, тот часто размышляет о способах приобретения. И тот, кто хочет обогатиться милосердием, также имеет нужду часто размышлять о приобретении сего сокровища нетленного и некрадомага.

В сей мысли может утвердить нас Евангелие. Известно, как тесна сия книга для множества предметов, которые принадлежали бы ей, если бы могли вместиться в ней. *Суть, говорит Евангелист, многа, яже сотвори Иисус, яже аще бы по единому писана быша, ни самому мноу всему миру вместити пишемых книг* (Иоан. XXI. 25). Посему можно бы подумать, что не много найдется места в Евангелии для учения о милосердии, по видимому, довольно простаго и обыкновеннаго: но Евангелие, или лучше, Сам Христос Спаситель говорит о милосердии многократно и многообразно, и это, без сомнения, соответственно с потребностью поучаемых.

Он видит людей, только начинающих искать пути спасения и блаженства: и, пользуясь возбуждившимся желанием спасения и блаженства, на сем грунте сеет семя учения о милосердии. *Блажени милостивии: яко тии помиловани будут* (Матф. V. 7).

Видит души, способныя к возвышенным чувствованиям: и, чтобы научить их милосердию и благотворению безкорыстному, великодушному, простираемому даже на врагов, указывает им высочайший образец. *Будите милосерди, якоже и Отец ваш Небесный милосерд есть* (Лук. VI. 36). *Яко солнце Свое сияет на злыя и благия, и дождит на праведныя и на неправедныя* (Матф. V. 45).

Входит в дом к человеку любящему гостеприимство: и угощение обращает в учение милосердия. *Егда твориши пир, зови нищия, маломощныя, хромыя, слепыя; и блажен будеши, яко не имут ти что воздати, воздаст же ти ся в воскрешение праведных* (Лук. XIV. 13. 14).

Видит людей, которым некогда подумать о делах милосердия, потому что их время слишком занято многодельною праздностию и праздною деятельностью, строгим исполнением законов современной роскоши в одежде и убранстве, пиршествами, увеселениями; которые тем глубже дремлют духовно, чем более возвышена деятельность их чувственной жизни, для пробуждения которых, следственно, надобно сильное средство: и таким средством употребляет притчу, в которой представляет для них зеркало настоящего и будущего. *Человек некий бе богат, и облачашеся в порфиру и виссон, веселяся на вся дни светло* (Лук. XVI. 19); и потому некогда ему приметить, что у ворот его лежит нищий и болящий Лазарь. Вот настоящее! А вот и будущее! Немилосердый богач, в адских огненных муках, не может достать капли воды, для прохладения того языка, который так тонко чувствовал изящество избраннаго ястия и пития.

Видит Небесный Учитель законника, не отрицающего заповеди человеколюбия, но покушающегося стеснить и запутать ее холодным исследованием: *кто есть ближний мой?* (Лук. X. 29): и дабы показать, что сие мнимое недоумение совсем не требует умственного исследования, и разрешается просто сердцем, притчею представляет в предмет человеколюбия странника, поверженного на дороге, обнаженного и израненного разбойниками.

Видит священников и левитов, не довольно готовых, не довольно поспешных на помощь бедствующему; и, чтобы хотя стыдом расположить их к милосердию, показывает в притче о впадшем в разбойники, священника и левита, прошедших мимо, а Самарянина, по обыкновенному понятию, человека презренного, помогающего беспомощному, как слуга, и как родной.

Божественный Учитель милосердия не оставляет без особого наставления *приблизжавшихся послушати Его* (Лук. XV. 1) и таких *учеников* (Лук. XVI. 1) как *мытари и грешницы*, которые, как в приобретении, так и в употреблении богатства, руководствовались только мирскою мудростию, полагаемую в том, чтобы ловко приобрести, пожертвовать, только для большей выгоды, обезпечить себя от недостатка. От их мудрования, подобно как и прежде в доме угостителя от угощения, заимствует Он для них образ учения; и предлагает притчу о несправедливом приставнике имения, и сопровождает ее наставлением: *сотворите себе други от мамоны неправды, да, егда оскудеете, примут вы в вечныя крове.*

Видно, слышавшие сие наставление догадались понять оное не в смысле мирского мудрования, которому никогда неучил Божественный Наставник, но в разуме чистой духовной мудрости: потому что Наставник Сердцеведец не нашел нужным прибавить что либо, для ограждения Своего наставления от несправедливого истолкования. Вероятно ли посему, что некоторые из христиан не так легко войдут в истинный разум учения Христова, как некогда мытари? Желалось бы почести сие даже невозможным: но случается слышать вопросы: что значит притча о неверном приставнике? что значит: *сотворить себе други от мамоны неправды?* Неужели собравший богатство неправдою, подав милостыню из несправедливо приобретенного, может тем приготовить себе добрую обитель в вечности?

Полагаю, что надобно устранить сие недоумение: а для сего нужно яснее иметь в виду содержание притчи.

Некто имел приставника сельского имения; и узнав, что он расточает вверенное, вознамерился отнять у него должность, и для того потребовал отчета в управлении. Управитель, видя, что должен остаться без места и без содержания, призвал людей, которым из управляемого имения хлеб и масло были отпущены в долг, и, велев переписать долговые записи, с уменьшением долга, подарил таким образом одному пятьдесят мер масла, другому двадцать мер пшеницы, в той надежде, что, лишись места и содержания, из благодарности будет ими принят в их дома. *И похвали господь дому строителя несправедливого, яко мудре сотвори.* Примечайте, что несправедливый строитель похвален не за неправду, которая не может быть предметом похвалы, и за которую он уже сужден прежде, и осужден на отрешение от должности, но за то, что *мудре сотвори*, что искусно распорядился.

Для правильного разумения сей притчи надлежит взять в соображение общее правило, что как видимый предмет притчи, по свойству вещей, не во всем может быть сходен с предметом, означаемым притчею, то не все, что принадлежит к повествованию притчи,

может принадлежать к ее уподобительному значению и толкованию. Например, в притче о судии неправедном, *Бога не боящемся и человек не срамляющемся* (Лук. XVIII. 2), который вдове, долго, ежедневно неотступно просившей защиты, оказывает наконец просимую справедливость, к уподобительному толкованию принадлежит, во-первых, самое имя судии, во-вторых, последняя часть повествования, и сим иносказанием означает, что Бог усердную и неотступную молитву наконец приемлет и исполняет: а подробные черты первой части повествования, изображающие судию неправедным, *Бога не боящимся и человек не срамляющимся*, не принадлежат к уподобительному толкованию притчи: потому что в сих чертах являются человеческие свойства, очевидно, не сообразные с святостью Судии Бога. Подобно сему и в притче о неправедном приставнике, неправда и неверность входят только в повествование притчи для его полноты, а к уподобительному значению притчи не принадлежат, как черты не совместные с духом учения Христова.

Истинное же значение притчи определяется следующими чертами. Приставник управляет чужим имением: подобно сему всякий человек в настоящей жизни пользуется богатством и другими дарами Божия творения и провидения, не как независимый обладатель, никому не обязанный отчетом, но как приставник, обязанный отчетом Богу, Которому единому первоначально и существенно все принадлежит. Приставник наконец должен оставить управление, и дать в нем отчет: подобно и всякий человек, с окончанием земной жизни, должен оставить то, чем распоряжался на земле, и дать в своих действиях отчет пред судом Божиим. Отставаемый приставник видит, что останется скудным и бездомным: подобно сему преставляемые от земной жизни, иные благовременно в смиренном самопознании открывают, а иные поздно усматривают, что они скудны подвигами и добродетелями, что не стяжали довольно веры и любви к Богу, не довольно укрепились в молитве, не совершили достаточных подвигов воздержания и самоотвержения, или страдания за истину, которые отверзли бы для них одну из обителей небесных. Что делать бедному приставнику? Что делать скудной душе? – Приставник имеет надежду быть принят в дома тех, которым он от избытка вверенного ему управления сделал одолжение. Душа, при недостатке совершенства, имеет надежду, что бедствующие и скорбящие, которым она от своего земного благосостояния подавала помощь и утешение, благодарною молитвою веры, помогут и ей отворить дверь вечного крова, которую себе отверзают верностию в подвиге терпения.

Конечное слово притчи ясно показывает, что она, употребляя мирское мудрование в подобие духовной мудрости, отнюдь их не смешивает: *сынове века сего мудрейшии паче сынов света в роде своем суть*. То есть: как жаль, что чада мудрости мирской имеют довольно искусства, среди самого разрушения, темными средствами устроить свое временное благосостояние, а чада света, ученики мудрости Божественной, часто не употребляют довольно тщания, чтобы при ее свете, с ее силою, уловить и упредить свой путь в вечные кроны!

Остается изъяснить выражение: *мамона неправды*, чтобы не ясно понимаемые слова не закрывали чистоты учения.

У Сириян был идол, который назывался *мамона*, и суеверно почитался покровителем богатства. От сего и к самому богатству перенесено то же название: *мамона*. Господь, конечно, не без причины, вместо простого названия богатства, употребил слово *мамона*, в котором с понятием *богатства* соединяется понятие *идолослужения*: и причину сего не иную можно предположить, как ту, что хотел означить не просто богатство, но богатство, с пристрастием собираемое, с пристрастием обладаемое, делающееся идолом сердца.

Таким образом определяется смысл и целого выражения: *мамона неправды*. Это значит богатство, которое, чрез пристрастие к нему, сделалось несправедливым, или порочным: ибо в священном языке неправда может означать вообще порок, подобно как и правда – вообще добродетель.

Что же посему значит наставление: *сотворите себе други от мамы неправды*? Это значит: богатство, которое чрез пристрастие легко становится у вас мамоною неправды, веществом порока, идолом, обратите в доброе стяжание чрез благотворение бедным, и приобретите в них духовных друзей и молитвенников за вас.

Что касается до тех богатых, которые не только не свободны от неправды пристрастия к богатству, но и отягчены неправдою злоприобретения: они напрасно ищут легкого способа прикрыть свою неправду в притче о несправедливом приставнике. Но если хотят истинного, собственно к ним относящегося наставления, то найдут оное в истории мытаря Закхея. Тогда как он неправду пристрастия к богатству очищает милостынею; *се пол имени моего, Господи, дам нищим*, другую, более тяжкую, неправду злоприобретения заглаживает справедливым удовлетворением обиженных: *аще кого чим обидех, возвращу четверницею* (Лук. XIX. 8).

Премудрый сын Сирахов приписывает милостыне достоинство жертвы и богослужения. *Творяй милостыню, аки жряй жертву хваления* (Сир. XXXV. 2). Но приношение Богу должно быть чисто не только от гнусности, но и от низости. *Да не принесеши*, говорит Закон, *цены псу в дом Господа Бога твоего* (Втор. XXIII. 18). Посему можно судить, как нужно заботиться о том, чтобы подаваемое в милостыню было почерпнуто из чистого источника.

При сем приходит на мысль спросить: очень ли хорошо поступают, когда говорят: дай деньги на зрелище, или на другое суетное увеселение; половина их издержится для твоего удовольствия, а другая обратится в милостыню. Что тут будет? Милостыня ли очистит суету? Или суета лишит чистоты милостыню? Найдется ли на сие ответ, который был бы приятнее вопроса? Но, конечно, не подлежит сомнению то, что, если бы назначаемые на благотворительное увеселение деньги, с устранением увеселения и на него издержек, сполна были отданы на милостыню; то милостыня была бы вдвое больше и несравненно чище. Апостол учит нас *плакати с плачущими* (Рим. XII. 15), а не ликовать с мыслию о несчастных, и не переполнять чашу веселия, чтобы дрожде досталось плачущим.

Надеюсь впрочем, что никто не оскорбится нашею заботою, чтобы изобретательное искусство благотворительности, доброе в намерении, сколь можно более имело достоинства в средствах и способах действия.

Успокоим движение мысли и слова в безпрекословно верном общем правиле: *чти Господа от праведных твоих трудов* (Притч. III. 9), как делами благочестия, так и делами благотворения ближнему. Аминь.

1846 год.

СССХVII.

236. Речь

Благочестивейшему Государю Императору

**Николаю Павловичу, пред вступлением Его Императорского
Величества с Их Императорскими Высочествами, Великими Князьями
Николаем и Михаилом Николаевичами, в Успенский Собор.**

(Говорена марта 9-го; напечатана в Собр. 1848 г.)

<1846 год>

Благочестивейший Государь!

И после долгих путей Твоих, Ты дал себе труд новаго пути, вспомняв отеческим сердцем Твой древлепрестольный град.

Дерзаем сказать, что и мы следовали за Тобою, не только до пределов России, но и до дальняго края Европы, сопровождая Тебя нашими сердечными заботами, нашими молитвенными желаниями, уповая впрочем на хранящее Тебя Провидение.

Теперь благодарим Бога за Твою охранительную к нам близость, за радость Твоего лицезрения с сими новыми цветами Твоих и наших надежд, и молим, да совершит Он просиявшую надежду еще сорадоваться возобновляемым и умножаемым Твоим семейным радостям.

ОТДЕЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

СЛОВА И РЕЧИ,

напечатанныя

ПРИ ЖИЗНИ ПРОПОВЕДНИКА, НО НЕ ВНЕСЕННЫЯ В СОБРАНИЯ

1844, 1848 и 1861 годов.

(Печатаются с брошюр и повременных изданий).

1836 год.

СССХVIII.

30. Речь

**Благочестивейшему Государю Императору
Николаю Павловичу пред вступлением Его Величества
в Успенский Собор.**

(Говорена августа 11 дня; напечатана отдельно

и в Московских Ведомостях № 68-й, 1836 г.)

<1836 год>

Благочестивейший Государь!

Сретая Тебя в сем Царском месяце, пред сим храмом Твоего царского венчания, не можем не вспомнить и не усмотреть ныне, что над главою Твоею совершился не рукотворенный венец, – венец десятилетия Царских подвигов, – венец, чем более трудною работою Твоею духа выработанный, тем более драгоценный для нас и для потомства.

И оградив нашу безопасность и спокойствие, Ты не покоишься, но тем не менее подвизаешься, дабы упрочить и возвысить наше благоденствие. Не для сего ли и теперь обходишь нас, почивающих под сению Твоего Престола, чтобы собственным оком видеть людей и дела, и непосредственными манованиями все направлять к правде, к пользе, к порядку, ко благу, к совершенству?

Все сие видя и сознавая, что иное можем чувствовать, как радоваться, благодарить и непрестанно желать, чтобы *Венчающий Тебя милостию и щедротами* непрестанно украшал Тебя новыми венцами благословенных лет, деяний, славы, которыми верный народ Твой красуется, как своим собственным украшением.

1842 год.

СССХІХ.

31. Речь

Благочестивейшему Государю Императору

Николаю Павловичу пред вступлением Его Величества

в Успенский Собор.

(Говорена сентября 3 дня; напечатана в Московских Ведомостях № 72, 1842 г.)

<1842 год>

Благочестивейший Государь!

Венец старых – чада чад, сказал Премудрый Соломон (Притч. XVII. 6).

Тебе ранее старости прилагается сей приятный венец к величественнейшим венцам Царя Победителя, Миротворца, Законодателя, Распространителя Православия.

С недавнею о сем радостию соединяя ныне радость Твоего лицезрения преданными Тебе сердцами молим Венчающаго Тебя милостию и щедротами, да и еще умножает и благоукрашает выну венцы Твои, подобно как Ты непрестанно продолжаешь, возобновляешь, умножаешь Твои царственные подвиги.

СССХХ.

32. Беседа

при торжественном священнослужении
по случаю внесения в храм Святых мучеников Флора и Лавра
и освящения креста, устроенного благоизволением и
щедротами Государя Цесаревича, Великого Князя Александра
Николаевича
и Государыни Цесаревны Великия Княгини Марии Александровны.

(Говорена декабря 20 дня; напечатана в Москов. Губ. Вед. № 52)

<1842 год>

О вере в общение со святыми, отшедшими к Богу, хочу сказать нечто братьям святого храма сего. И не я избираю для вас ныне сей предмет беседы. Но из Дома Царева чрез меня приходит к вам слово утешения и назидания.

Святый Апостол Павел, пиша послание к Христианам из Евреев, и желая утвердить их в вере и добродетели, между прочим обращает их внимание на превосходство Христианской веры, в сравнении с Ветхим Заветом, и говорит: *не приступите бо к горе осязаемой, и разгоревшемуся огню, и облаку, и сумраку, и буре, и трубному звуку, и гласу глагол, его же слышавшии отрекошася, да не приложится им слово, не терпящу бо повелевающего*. Не трудно вам уразуметь, что сими словами Апостол указывает на грозное преподание закона Израильскому народу чрез Моисея на горе Синае, при чем народ не допущен был *приступить к Богу уразумети*, и от страха говорил Моисею: *да не глаголет к нам Бог, да не когда умрем* (Исх. XIX. 21. XX. 19). Сему противопологая Новый Завет Христов, Апостол продолжает: *но приступите к Сионстей горе, и ко граду Бога живаго, Иерусалиму небесному, и тмам Ангелов, торжеству, и Церкви первородных на небесех написанных, и Судии всех Богу, и духом праведник совершенных, и к Ходатаю Завета Новаго Иисусу* (Евр. XII. 18–24). То есть: древние, вступая в завет с Богом, предстояли видимой горе Синайской, и чувственным знамениям присутствия Божия: вы, Христиане, вступая в завет с Богом и Христом, приступили к невидимой горе Сионской, вступили в ближайшее, духовное общение с Небом. Те имели своим ходатаем, или посредником пред Богом человека, раба Божия, Моисея, который и сам трепетал пред знамениями присутствия Божия: ваш Ходатай пред Богом есть Иисус Христос, Сын Божий, истинный Бог и человек, в Котором обитает все благоволение Бога Отца к Нему, и чрез Него к человекам. Те и повелением, и собственным страхом удержаны были от приближения к Богу, от прикосновения к месту Его присутствия, от непосредственного общения с вышними силами: вам открыт свободный и невозбранный доступ к общению со множеством Ангелов, с величественным собором и Церковию духов праведных человеков, достигших духовного совершенства, *написанных на небесах*, в качестве граждан Небеснаго Иерусалима, приискренне усвоенных Богу, подобно как некогда прообразовательно усвоились Ему *первородные*; наконец в сем сообществе небесных граждан вы имеете дерзновение приближаться и к Самому Царю небеснаго града, к Богу и Христу. Таково, братья, превосходство нашея веры. *Темже убо*, заключает Апостол, *да имамы благодать, ею же служим Богу со благоговением и страхом* (28). Тем же убо, скажу и я, да пребываем верны благодати и вере, мыслию и сердцем, делом и житием, да храним себя достойными високаго сообщества, в которое ввела нас благодать верою.

Но мне кажется, приведенные теперь, и несколько нами объясненные, слова Святого Павла возбуждают еще вопрос: когда же и как произошло то, что мы *приступили к Сионстей горе, и ко граду Бога живаго, Иерусалиму небесному, и тмам Ангелов, торжеству, и Церкви на небесех написанных*? Евреи ясно знали, когда, и как приступили они к *горе осязаемей*, Синайской, и приняли закон. То, что в соответствие сему явному событию поставляет Апостол, может ли быть указано с такою же очевидностию? Ходатай новаго завета, Господь Иисус, как только начал созидать свою Церковь призыванием Апостолов, сказал первым ея членам: *отселе узрите Небо отверсто, и Ангелы Божия восходящая и нисходящая над Сына человеческого* (Иоан. I. 51). Это почти тоже, как бы Он обещал им, что они скоро *приступят к тмам Ангелов*. Когда же, и как исполнилось то, что Господь обещал и что Апостол видел уже исполнившимся? – Видно, что сие началось от самых слов обещания Господня: *отселе узрите небо отверсто*; вполне же и торжественнее совершилось, думаю, в воскресении Господнем, и в вознесении на небо. Со времени грехопадения первого человека, и его изгнания из рая, двери рая и неба были затворены для рода человеческого; херувим пламенным оружием заграждал вход. Кровию и водою из ребра страждущаго на кресте Иисуса погашен пламень оружия сего. Воскресшему сквозь запечатанный гробный камень Иисусу отверзлись двери Неба, как Богу: но как он есть купно и человек, то и для человечества оне отверзлись, и нам открылась возможность приступить ко граду Бога живаго, к тмам Ангелов, к Церкви первородных, на небесех написанных. *Возшед*, по выражению Пророка и Апостола, *на высоту*, то есть, на небо, *пленил Он плен*, то есть, освобожденных Им пленников ада привел к Иерусалиму Небесному, *и даде даяния человеком* (Еф. IV. 8), то есть, дары небесные и Божественные. Таким образом твердо и торжественно установленное ближайшее общение земнаго с небесным, без сомнения, не могло не оказать более или менее влияния на события в Христианстве. Сие самое и показывает История Евангельская и Апостольская. Ангелы открывают гроб воскресшаго Иисуса и остаются при нем в ожидании человеков, чтобы обрадовать их вестью о Его воскресении. *Многа телеса усопших святых восташа, и воскресшие изшедше из гроб, по воскресении Его, внидоша во святыи град, и явишася мнозем*, без сомнения, служа тем союзу земнаго с небесным, славе Небеснаго Спасителя, и вере земнородных спасаемых. Ангел вывел Апостола Петра из заключенной и страгомой темницы. И достойно примечания, что когда освобожденный таким образом Петр пришел к воротам дома, в котором собрано было много Христиан, и когда до них дошла неожиданная весть о его пришествии, тогда они, не поверив, сказали: *Ангел его есть* (Деян. XII. 15). Такое близкое было знакомство с Ангелами, что казалось вероятнее встретить Ангела из области света, нежели Петра из темницы.

Правда, и во время ветхаго завета не неизвестны были явления Ангелов: но тогда и благочестивые взирали на сие, как на необычайность, угрожающую смертью. И тогда в отшедших к Богу праведниках живущие на земле полагали некоторую связь с небом; ибо для чего бы иначе так любили именовать Бога в молитвах Богом Авраама, Исаака и Иакова? Но тогда сия связь была не так тверда и открыта: потому что сами праведники еще ожидали утверждения и открытия своего союза с Богом чрез Христа.

Когда же Христианская на земли Церковь и учением познала, и опытом открыла свой, хотя большею частию невидимый, но действительный союз с Церковию небесною, со тмами Ангелов, с душами праведников совершенных: тогда мудрости ея свойственно было избрать и ввести в постоянное употребление приличные средства к сохранению и поддержанию сего союза в его благотворной силе. Для сего память святых введена в Богослужение; распределена по дням года, и частию по дням недели. Церковь восхваляет пред вами их подвиги и добродетели, чтобы возбуждать нашу к ним любовь и в след за нею подражание; обращает к ним молитвенные гласы, чтобы преклонять к вам их любовь, для вас благотворную. Ибо основание чистаго союза духовнаго есть чистая любовь. И

если начало церковной памяти святых небесных не может быть изъяснено иначе, как из живаго дознания союза с ними в первенствующей Церкви: то продолжение и распространение сей памяти также не иначе изъясняется, как непрестанно являющеюся и испытуюмою благотворностию сего союза. Церковь полна славою святых: потому что, по благодати Божией, полна их благотворениями.

Если хорошо и на земли иметь друзей, которых доброта поощряла бы нас к добру, мудрость вразумляла бы в затруднениях; сила и доступ к высшему могуществу подкрепляли бы нас и защищали: колико лучше иметь на небесах друзей, которых доброта, мудрость, сила чиста, светла, Божественна, от непрерывнаго их общения с Богом? Или это далеко? – Не далеко, братия. Потому что разстояния и времен, и мест, мало значат для духа, особенно чистаго, и в Боге живущаго. *Буду и спребуду вам всем в ваш успех и радость веры*, уверял Апостол (Филипп. I. 25) тогда, как не знал, долго ли останется в живых на земли: и верно слово сие о всех ему подобных. Точною да имеем хотя начаток веры и любви, с надеждою успеха в них.

Но вот и дело веры в общение святых, небесных, – дело, давшее предмет настоящему слову, и паче слова утешительное и назидательное, не только для братий святаго храма сего, но и для всех сынов Церкви и России. Когда Бог, благословив супружеский союз Благовернаго *Государя Цесаревича Великаго Князя Александра Николаевича и Благоверной Государыни Цесаревны Великия Княгини Марии Александровны*, даровал Им Первородную Дщерь: радость Их, равно как и Августейших Родителей Их, явилась радостью Христианскою. Сердце Царево, вместе с благодарением к Богу, подвижлось человеколюбием к неимущим, сирым и болящим, отверзло для них щедрую руку. Сердце Сына и Наследника Царева вознеслось к Отцу Небесному, и взыскало принести Ему жертву, при посредстве святых Его. Воспомянув, что день рождения *Благоверной Государыни Великой Княжны Александры Александровны* посвящен Церковию памяти святых мучеников Флора и Лавра, и что здесь есть храм их имени, *Государь Цесаревич и Государыня Цесаревна* благоизволили почтить и украсить сей олтарь сим изображением Распятаго Спасителя нашего, ознаменовывая сим священным памятником Свою благодарность к Богу за Свою Первородную Дщерь, и купно поручая Ее молитвам святых Мучеников.

Братия и чада веры! Соутешимся верою Благовернаго Первенца и Наследника Царева. Благо Дому Цареву, когда вера в Нем обитает. Благо и нам, когда вера обитает в Доме Царевом. Радостными и молитвенными движениями сердец, приступим ныне, и не престанем приступать к Церкви первородных на небесах написанных, и к Самому Ходатаю Новаго Завета Господу Иисусу, да сохранит завет благоволения Своего Благочестивейшему Государю нашему *Императору Николаю Павловичу*, да прибавит и умножит Ему и Наследнику Его *Благоверному Государю Цесаревичу Александру Николаевичу* всякое благословение и всякий дар совершенный, наипаче же дар благословеннаго потомства, утверждающий на веки судьбу Престола и Царства, молитвами святых, в славу благодати и премудрости вечныя, ею же Царие царствуют. Аминь.

1846 год.

СССХХI.

33. Слово

**по освящении храма во имя святых первоверховных
апостолов Петра и Павла, в Московском
кадетском корпусе.**

(Говорено октября 7-го; напечатано в Твор. Св. От.)

<1846 год>

*Благ Господь надеющимся на-Нь; души
ищущей Его
благо есть, и надеющейся с молчанием
спасения
Божия. Благо есть мужу, егда возмет ярем
в юности
своей. Плач. Иер. III. 25–27.*

Слова сии взяты из печальной песни, которую пророк Иеремия воспел на развалинах Божия храма и града Иерусалима.

Можете сказать: к чему здесь слова печальной песни, когда мы с радостию видим храм, некогда благочестивою волею созданный, и ныне благочестивым усердием возобновленный и украшенный?

А я, вместо ответа на сие, могу предложить обратный вопрос: к чему были там слова, мною приведенные? Развалины храма и города о том ли говорили, что *благ Господь*? – Однако не можем не признать, что Пророк, говоривший Духом Божиим, говорил премудро и прилично, и что богодухновенное слово пророческое всегда и везде полезно и спасительно. Постараемся же понять, как слова Пророка приличны были там: и увидим, как они могут быть полезны здесь.

Благ Господь надеющимся на-Нь, души ищущей Его благо есть, и надеющейся с молчанием спасения Божия. К чему подлинно могли клониться сии слова, сказанные пророком на развалинах Иерусалима и храма? – Могли клониться к вразумлению и назиданию Иерусалимлян. Слыша сию всеобщую истину, что *благ Господь надеющимся на-Нь*, сей непреложный закон Провидения, что душе ищущей Господа должно быть благо, Иерусалимляне должны были заключить, что благим явился бы Господь и для них, если бы они Его искали, если бы надеялись на Него. Тогда благодать храма была бы покровом и охранением граду: Иерусалиму было бы благо. Если же постигло Иерусалимлян зло: то, конечно, потому, что не искали Господа, и не надеялись на Него. Таким образом оказывается, что на развалинах храма и города написан был урок: а Пророк пришел и читал и преподавал его. Какой урок? – Ищи Господа; и благо будет душе твоей. Надейся на Господа; и *вкусишь и увидишь, яко благ Господь* (Пс. XXXIII. 9). Ищи Его свободным движением сердца, и тем утверждай твое благоденствие. Берегись забывать Его, чтобы не разрушить твоего благоденствия. Но если, по несчастию, ты уже и впал в забвение Бога, и разрушено твое благоденствие: то вспомни, хотя теперь, что *благ Господь*, и не отчайся; ищи Его сокрушенным сердцем; принимай бедствия и скорби с *молчанием терпения; надейся спасения Божия.*

Вместе с вразумлением, слова пророка могли относиться и к утешению. Когда Иерусалим поражен был гневом Божиим, и самый храм не пощажен: тогда могло казаться, что после

сего поражения уже нельзя ожидать восстановления, что рана не исцельна, и печаль безутешна. Но нет, говорит пророк, *благ Господь надеющимся на-Нь, души ищущей Его благо есть*: следственно, надобно только искать Господа, сокрывшаго благодать Свою; надобно только воспринять надежду на Него: и Господь вновь явится благом к народу Своему; душам ищущим Его будет благо; Иерусалим возстанет; храм воскреснет.

Видите, как и среди развалин и опустения не неуместно сеял Пророк слова истины: они должны были произрастить назидание и утешение, надежду и спасение. Такое доброе семя не так же ли полезно, и, может быть, не больше ли удобно сеять на земле охраняемой и возделываемой?

Приближим учение Пророка к нашим душам; введем оное в нашу жизнь!

Дух Божий свидетельствует чрез Пророка, что *благ Господь надеющимся на-Нь, что души ищущей Его благо есть*. Что может быть достовернее сего свидетельства? Ищи же Господа, душа Христианская; надейся на Него, одушевляй себя постоянно мыслию, что, по уверению Божественному, сие тебе благо есть, в сем заключается твое блаженство!

Далеко ли христианину искать Господа? – Ты можешь обрести Его в твоём сердце: поелику душам христианским дал Он сие обещание: *вселюся в них и похожду* (2 Кор. VI. 16), и действительно вселяется в них благодатию Крещения. Ещё простее искать Его во храме, в священных знамениях, в слове Евангелия, в Таинствах, снисходящего и приближающегося, сокровенного и являющегося, и посещающего душу.

Ищи Господа молитвою, благоговейным размышлением о делах Его, верою, любовью, исполнением заповедей Его. К сему присовокупи особенный способ приближения к Богу, указуемый Пророком: *с молчанием надейся спасения Божия*. Если благоденствуешь, если возвышаешься в мире: *не глаголи высокая в гордыни, и да неизыдет велеглаголанье из уст твоих* (1 Цар. II. 3); храни своего *потайного сердца человека, в неистлении кроткого и молчаливого духа, еже есть пред Богом многоценно* (1 Петр. III. 4). И напротив, если встречаешься с бедствием и скорбью: соблюдай *молчание* терпения; не разразись словами ропота на Провидение, которых не поразили бы никого, кроме тебя самого. Самую надежду спасения Божия, уже приобретенную, охраняй *молчанием* смирения.

Указуя путь ко благу и блаженству, Пророк скажет еще, что *благо мужу, егда возмет ярем юности своей*. Как речь идет о служении Богу: то *ярем*, без сомнения, разумеется Божий, то-есть, покорение нашей воли воле Божией, и труд служения Богу и исполнения заповедей Его. Сие и Сам Спаситель выражает подобными наименованиями *ига и бремени*, уверяя притом, что *иго Его благо и бремя Его легко есть* (Матф. XI. 30). Таким образом Пророк особенное счастье человека полагает в том, чтобы он от юности начал служить Богу.

Мысль сия, конечно, понята здесь; ибо сей храм знаменует стремление к приведению ея в действие. Он для того наипаче назначен, чтобы удобнее детство и юность приобучать к упражнениям благочестия.

По истине благо, если хартия юного сердца, не запятнанная пороками, не исчерченная помыслами греха, представляется Богу, обещавшему *на сердцах написать законы Свои* (Евр. VIII. 10).

Благо юной душе, которая предает себя тихому действию благодати прежде, нежели усилились тревожные действия поврежденной природы.

Как, по слову Господню, *никтоже может двема господинома работати* (Матф. VI. 24): то, конечно, лучше рано предать себя истинному Владыке, Богу, нежели допустить мир возобладать душою, и потом тяжким борением исторгаться из оков поработителя.

Да помышляет о сем каждый, кого природа, или особенный долг, или свободное побуждение человеколюбия призывает к попечению о детях, и да не коснит сеять в юныя сердца семена благочестия и благоговения к заповедям Божиим.

О юность! Не верь прелестям чувств и мечтам воображения; поверь опыту и Духу Божию; ускорь сама себе написать в памяти и в сердце глагол Его: *благо тому, кто возмет на себя ярем заповедей Христовых в юности*. В сих не многих словах заключено много твоей судьбы. В них есть пророчество для последующих времен жизни.

Если же кто сознает, что ему не досталось сие благо, чтобы *взять ярем Господень в юности своей*: таковой да помышляет, что много потеряно, и тем паче да не коснит подвизаться о приобретении того, чего не приобрел ранее. Есть воды для отмытия нечистоты греха, – слезы покаяния. Есть огонь для выжжения и глубоко внедрившейся смертоносной язвы греха, – внутренний огонь покаянной скорби, и печали, яже по Бозе. Есть воздаяние и для пришедших в поздний час на дело Божие: но счастлив тот, кто не носит в совести своей упрека, что многие и лучшие часы дня земной жизни потерял напрасно. Аминь.

1847 год.

СССХХП.

34. Речь

Благочестивейшему Государю Императору

Николаю Павловичу пред вступлением Его Величества

в Успенский Собор.

(Говорена сентября 4; напечатана в Московских Ведомостях)

<1847 год>

Благочестивейший Государь!

И сей год будет светел в летописи Твоей древней Столицы, светом Твоего в ней присутствия.

Петр Великий, направляя жизнь России ко внешним сношениям, дал ей другую Столицу: Ты, Благочестивейший Государь, возвышая внутреннюю жизнь России, кажется, из двух Столиц делаешь одну, одинаково полным вниманием Твоим к обеим, частым благотворным присутствием Твоим в древней, и сближением их, чрез улучшение и усиление сообщений.

Радостными и благодарными сердцами взываем к Царю Царей о продолжении и умножении благословений Его над Тобою и над всеми ветвями и отраслями Твоего державного рода.

СССХХІІІ.

35. Слово

по освящении храма Знамени Божией Матери, при доме графа Дмитрия Николаевича Шереметева.

(Говорено сентября 21; напечатано отдельно.)

<1847 год>

*И возвестиша царю Давиду, глаголюще:
благослови Господь дом Аведдаров, и вся,
яже его, кивота ради Божия. 2 Цар. VI. 12.*

Иметь храм Божий близь себя, в своем доме, – приятная и вожденная мысль, когда подумать о благодати храма Божия, но и устрашающая мысль, когда подумать о святости Живущаго в нем.

Что сия мысль вожденна была царю и пророку Давиду, сие можно примечать из следующего повествования о нем книги Паралипоменон: *И сотвори себе дома во граде Давидове, и уготова место кивоту Божію, и сотвори ему скинию* (1 Пар. XV. 1). Скиния была тоже, что в последствии времени храм Божий, с тою особенностію, что все устройство скинии было подвижное. Тогда существовала скиния Божия, устроенная, по повелению Божію, Моисеем. Святилище очевидно важное по сему происхождению и по древности. Она стояла в сие время или в Силоме, где находилась пред тем во время юности пророка Самуила, или в Гаваоне, где после нашел ее Соломон, по вступлении своем на престол. А главная и существенная святыня скинии – кивот Божий с Богоначертанными скрижалями заповедей, еще при первосвященнике Илие, вынесенный из нея на войну против Филистимлян, взятый ими в плен, но в следствие карательных от него над ними чудес, возвращенный в землю Израилеву, оставался долго в Кариафиариме, в доме Аминадава. Итак надлежало бы Давиду итти для богослужения в скинию Моисееву, или к кивоту Божію, или еще лучше – соединить случайно разрозненные святыни, возвращением кивота Божия в скинию Моисееву. Но не так думал он. Он строит себе дом в Иерусалиме, и тут же новую скинию, и сюда хочет перенести кивот Божий. Очевидно, вместе с благочестивым чувством, здесь действует желание иметь святилище близь себя.

Это пример, ободрительный для тех, которые и ныне желают иметь храм Божий близь себя. Они идут по добрым следам.

Чтобы новосозданную скинию освятить, и доставить ей достоинство храма Божия, Давиду надлежало внести в нее кивот Божий. Для сего собрал он вельмож и народ, и пришел в Кариафиарим. Здесь в доброе предприятие вкралась погрешность. По установлению Божественному, для перенесения кивота Божия, только первосвященник и священники могли прикоснуться к нему, чтобы облечь его покровами, а потом должны были поднять

его на рамена левиты. Сего закона, вероятно, не вспомнили, а вспомнили, что кивот от Филистимлян пришел на колеснице и поставили его также на колесницу. Началось торжественное шествие. На одном кособоге колесница наклонилась, и надлежало употребить предосторожность против падения кивота. Левит Оза простер руку, и вместо того, чтобы поддержать колесницу, коснулся сааго кивота. Кивот не упал: но дерзновенно и незаконно прикоснувшийся к святыне пал мертвый. Тогда в сердце Давида место благочестиваго желания заступил благочестивый ужас: како внидет ко мне кивот Господень (1 Пар. XIII. 12)? – сказал он, и оставил его в доме Аведдара.

За что так строгий суд Божий поразил Озу? За нарушение ли только правил обрядовых, для сильного напоминания слишком забытаго закона первосвященникам, священникам и левитам? Или, сверх того, за усмотренную Судиею Сердцеведцем, более несовместную со святынею, некую нравственную нечистоту? – Сие ведает Сердцеведец Судия.

Но почему сей случай так сильно поразил Давида, который не действовал в противность закону обрядов, и даже оказал к нему с своей стороны внимание, предоставив действовать при кивоте Божиим левитам? Без сомнения потому, что в сем частном случае, он видел общий закон святыни, некогда в подобном случае изреченный Моисеем от имени Божия: *в приближающихся Мне освящуся* (Лев. X. 3). То есть: кто паче других приближается к Богу и к святыне, знаменующей особенное присутствие Божие: в том преимущественно являет себя святость Божия, благосообщительная достойным, неприкосновенная недостойным. Моисей в посте и чистоте приближается к Богу на Синае, приемлет богоначертанныя скрижали и просвещается так, что народ не может сносить света лица его. К той же святыне скрижалей приближается Оза, и не к самым скрижалям, а только к ковчегу, в котором оне лежали, прикасается и поражается смертию. Так, если благоговеешь, веруешь, очищаешь совесть, то святыня Божия поаляет грех и просвещает человека; в противном же случае она опаляет грешника. Поелику Давид имел довольно самопознания и смирения, чтобы не почитать себя свободным от греха, то естественно, что он утратился близости святыни, в глазах его поразившей грешника.

Что должны мы подумать, взирая на сей пример Давида? Можем ли возыметь более дерзновения пред святынею, нежели он? Не убоимся ли вместе с ним Господа, и не скажем ли: како внидет ко мне кивот Господень? Не дерзновенно ли желать, чтобы храм Божий со своею святынею пришел и утвердился в моем доме? Не довольно ли того, что могу идти в храм Божий, где он есть, и переступив только чрез праг его, стоять издалеа вместе с мытарем, и с его молитвою: Боже милостив буди мне грешному?

Но если Давид своим примером приводит нас в страх, то он же своим примером и успокоить нас может, и вдохнуть нам дерзновение веры перед Богом.

Кивот Божий, поразивший Озу, и от страха оставленный в доме Аведдара, не поразил дома Аведдарова. Напротив того *возвестиша царю Давиду, глаголюще: благослови Господь дом Аведдаров, и вся, яже его, кивота ради Божия*. Давид отложил страх, восприял дерзновение, собрал вновь священников и левитов и всего Израиля, и, согласно с предписанием закона Моисеева, на раменах левитов, с торжеством принес кивот Божий в скинию, которую водрузил для него.

Новая благодать Христова снисходительнее и щедрее ветхаго закона Моисеева. Как звездами усеяно небо: так она усеяла храаами Божиими землю; и нередко позволяет дому человеческому принять в свои объятия дом Божий.

Сей храм, ныне освященный, не ныне присвоен дому, но еще в предшествовавшем роде. Ныне, воздействовала благочестивая мысль возвратить ему святыню, которую он имел и которой лишился-было. Да не устрашает он святынею своею живущих в доме сем, но паче да утешает и облагодотворяет их своею благодатию. Да благословит Господь их, и вся, яже их, дома ради Господня. Да сотворит же благодатию Своею, чтобы прилежащий к сему храму дом всегда был к нему близок благочестивым усердием, и во всех отношениях достоин святого соседства. Аминь.

ОТДЕЛЕНИЕ ТРЕТИЕ.

СЛОВА И РЕЧИ,

не напечатанные

ПРИ ЖИЗНИ ПРОПОВЕДНИКА.

(Заимствованы из десятой книги Чтений в Московском

Обществе любителей Духовного Просвещения 1870 г.).

1838 год.

СССXXIV.

53. Слово

в день обретения мощей Преподобного Сергия.

(Говорено в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре июля 5).

<1838 год>

*Братие, аз себе не у помышляю достигша:
едино
же, задняя убо забывая, в предняя же
простираяся:
к намеренному теку, к почести вышняго
звания
Божия о Христе Иисусе (Фил. III. 13).*

Издавна учителя жизни, чтобы дать наставлениям своим ясность и силу, представляли жизнь под образом пути. *Блаженни непорочнии в пути* (Пс. СХVIII. 1), говорит Псалом. То-есть: блаженны непорочные в образе жизни, не соvrащающиеся в заблуждение, не впадающие в пороки, уподобляющиеся таким образом путешественнику, который не сбивается с дороги и не падает.

Не совсем просто, братие, управить человеку путь жизни своей так, чтобы он был непорочен, и вел неуклонно к блаженству. Есть известный путь добрый и спасительный: и кто бы не захотел идти, особенно же дойти по нему? Есть известный путь злый и погибельный: и кто бы, кажется, не захотел уклониться от него? Но вот в чем затруднение и опасность: *есть путь, иже мнится человеку прав быти, последняя же его приходят во*

дно ада (Прит. XIV. 12). Нельзя не поверить опытной мудрости Соломона в сем угрожающем замечании.

Подумаем, путники жизни, о важности для нас известия, которое посылает нам дальновидный Соломон от конца разных путей жизни. Есть, говорит, путь, который кажется человеку правым, но которого конец сводит на дно ада. Какой это путь? Где он? Чей он? Соломон сего не сказывает; а только дает знать, что такой путь есть на свете. Можно подумать, что это не довольно человеколюбиво; сказать: есть опасность, и не сказать, где она? Но не станем платить упреком за благодеяние. Соломон не определил пути обманчиваго, может быть, потому, что он весьма разнообразен, и даже не один: но тем не менее он сделал всеобщее благодеяние, потому что, дав знать об опасности угрожающей всем без изъятия, дал тем сильнейшее побуждение к осторожности каждому без изъятия. Если есть путь в начале или в продолжении благовидный, но в конце погибельный, и если он так обманчив, что кажется правым: то не может ли он очутиться под ногами у тебя и у меня? Что же нам делать? Должно каждому из нас, братие, часто и прилежно испытывать свой нравственный и духовный путь, подлинно ли он есть правый, или только мнится прав быти; примечать правый путь по глубоко мирной и безмятежной совести, а по смущенной и не мирной – не правый, или по крайней мере сомнительный; внимательно, по возможности, разсматривать указания истинно праваго пути в слове Божием и словесах святых и преподобных отец наших; не управлять пути своего собственным мудрованием и собственною волею, но волею Божиею и, по возможности, руководством и примером опытных в духовном пути наставников, от Бога на сие призванных и духовным разсуждением одаренных; наконец, как по сказанию Соломона, путь обманчивый обличается решительно своим пагубным концем, а также и напротив путь действительно праведный оправдывается решительно своим концем блаженным; то полезно и нужно нам, с особенным вниманием *взирать* на конец пути, или, по выражению Апостола, *на скончание жительства* (Евр. XIII. 7), право шествовавших и право руководствовавших наставников наших, которым благодать Божия в нетлении, чудесах и исцелениях даровала несомненное свидетельство того, что их путь привел к небу и блаженству, и следовательно есть несомненно правый и, обращаясь от блаженного конца пути их к его началу и продолжению, их следами, то-есть, их примерами и правилами жизни, исправлять наши невежественные или греховные уклонения от пути праваго и спасительнаго.

Посему-то всеобщая руководительница Святая Церковь нередко с особенною торжественностию, как и в настоящий день, творит память угодивших Богу и Богом прославленных наставников наших, и не только их кончину праведно ублажает, но и житие и учение их пред нами провозглашает, и их подвиги и добродетели нам показывает.

Посему-то и мне, по долгу служения моего, пришло на мысль показать вам теперь отчасти достопреемственный путь св. Ап. Павла, им самим описанный в откровенной и сердечной беседе его с возлюбленными ему Филиппийцами.

Братие, аз себе не у помышляю достигша, едино же, задняя убо забывая, в предняя же простираяся, к почести вышняго звания Божия о Христе Иисусе.

В сем иносказательном изображении жизни духовной Апостол уподобляет ее не просто пути, но бегу на ристалище, где искуснейший и быстрейший в беге, и потому прежде других достигающий поставленной на конце пробегаемого поприща меты получает, по древнему обычаю, венок, или другую установленную награду. *Братие*, говорит он, *аз себе не у помышляю достигша*. То-есть: я еще не отваживаюсь уподобить себя тому счастливому скоротечцу, который пробежал все назначенное поприще, достиг

предпоставленной меты, и готов получить награду за превосходство; яснее, я еще не дерзаю думать о себе, что я достиг совершенства христианских подвигов и добродетелей, и уже заслужил небесную награду. Слышащие сие, без сомнения, могли понять, что мудрый и вместе кроткий наставник, под образом смиренного признания о себе самом, скромно преподает наставление всем, что никто не должен почитать себя достигшим полного совершенства христианского. Ибо если Апостол, столько подвизавшийся в проповедании Евангелия, столько страдавший за Христа, столько чудодействовавший во имя Иисуса, столько церквей, в столь многих градах и племенах, основавший и обогативший дарованиями духовными, восхищенный до третьяго неба, не дерзает помыслить, что он достиг совершенства: то кто может дерзнуть на сие? Надобно, в мечтании о себе, дойти до совершенного безумия, чтобы почесть себя достигшим высшей степени духовного восхождения, нежели Ап. Павел. Но слышавшим и уразумевшим сие отрицательное наставление Апостола, могло придти на мысль: что же однако положительно думает о себе св. Павел? Чего достигшим он себя почитает? И что вообще должны мы думать об успехах, какие по благодати Божией приобретаем в духовной жизни? Успевшему естественно приходит мысль о приобретенном успехе: что же делать с сегою мыслию? – Провидя сии и подобные вопросы, Апостол предупредительно разрешает их одним ответом: *едино же*. У меня, говорит, одна мысль, в которой не развлекает меня никакая другая, одна забота, которой не уменьшают никакия другия дела и попечения: *едино же*. Какая же это единственная мысль и забота, которая достойно и достаточно занимает Апостола, и которою он хочет занять всех христиан? *Единое же, задняя убо забывая, в предняя же простираяся; к намеренному теку, к почести вышняго звания о Христе Иисусе*.

То есть: как скоротечец на позорищном поприще не озирается ни на пространство, которое пробежал, ни на других скоротечцев, которых оставил позади себя, потому что сие повредило бы верности и скорости бега: так я, говорит Апостол, *задняя забывая*, не смотрю оком самодовольства на подъятые прежде подвиги и достигнутые успехи, но держу мысль мою в таком положении, как еще не успевший ничего сделать для Бога, для ближних и для души своей; не смотрю также оком суждения на тех, которые коснеют или претыкаются на пути ко спасению, потому что и в отношении к духовному пути, так же как в отношении к видимому пространству, справедливо то, что кто смотрит назад, или по сторонам, тот не может хорошо идти вперед.

Как скоротечец, на всем протяжении своего поприща, непрестанно стремится вперед, потому что, сколько-бы ни скор был его начальный бег, остановясь прежде конца поприща, он не получил бы награды; так я, продолжает Апостол *в предняя простираяся* до самага конца подвижническаго и испытательнаго поприща, то есть до самага конца временной жизни, непрестанно устремляюсь вперед, к новым духовным упражнениям, к новым подвигам, во славу Божию, к новым делам служения благу и спасению ближних.

Как у скоротечца на поприще одна мысль, одна забота, одно направление всех движений, один предмет напряжения всех сил, как бы успешно достигнуть конечной меты поприща, и получить ожидающую там награду, так и у меня, сказует Апостол, одна господствующая мысль и забота, управляющая движением способностей и сил, наполняющая деятельность, состоит в том, что я *к намеренному теку*, – стремлюсь к цели и жизни, *к почести вышняго звания Божия о Христе Иисусе*, – к небесной награде, к которой с высоты славы Своя призывает Бог во Христе Иисусе. Не трудно догадаться, что чрез единство стремления к почести вышняго звания, по противоположности, Апостол дает разуметь и долг, и вместе средство не быть пристрастну к какой-либо земной почести, или выгоде, или удовольствию, и не быть слишком чувствительну к земному несправедному безчестию, или утрате, или скорби и страданию.

Надобно при сем взять в соображение другое изречение, которым св. Павел в том же послании к Филиппийцам изображает цель своего стремления: *еще како достигну в воскресение мертвых*, как бы мне достигнуть того воскресения мертвых, которое называется воскресением живота и которое обещано верующим и спасаемым. Из сего видно, что, и говоря о *почести вышняго звания Божия*, он думает не об особенной и высшей небесной награде, которую, без сомнения, уготовал праведный Бог избранным Своим подвижникам, Апостолам, но просто о блаженной жизни будущего века, которая может быть уделом всякого истинного христианина. И таким образом в самой мысли св. Павла о награде открывается его глубокое смирение, по которому, при всех своих апостольских дарованиях и подвигах, не дерзает он иметь притязание на преимущественную от Бога награду, но почитает для себя довольным достижение той, которой и последний из христиан достигнуть может.

Видите-ли, Братие, путь избранного подвижника Христова, и вместе верное для нас указание пути ко спасению. Ибо хотя это есть путь Апостола, но св. Павел по своему смирению, или лучше, живущий в нем Дух Божий по Своему промыслению о нашем спасении, так изобразил путь его, как он может быть проходим каждым из нас. Всмотримся в чистые следы красных ног. Поревнуем правому течению к несомненной награде.

Не знаю, нужно-ли мне настоять на осторожность от мнения о собственном нашем совершенстве. Наши явные несовершенства, может быть, еще довольно препятствуют мечтанию о мнимом совершенстве нашем; и потому, на сей случай, может быть, еще нет большой нужды в пособии духовного закона.

Предоставляя каждому взять и усвоить себе из апостольского путераспоряжения разные черты руководства, кажется, нами уже открыты, не могу я не обратить вашего внимания, по примеру немного взыскательного Апостола, хотя на одно: *единоже*. Приимем от него на сей раз, и утвердим в сердце нашем, и – о еслибы даровал нам Бог и самым делом исполнить, – хотя одно сие общее и довольно простое, но весьма немаловажное правило: неостанавливаться на пути спасения, но непрестанно стремиться к усовершенствованию себя в жизни христианской, – *в предняя простираяся, к намеренному тещи, к почести вышняго звания Божия о Христе Иисусе*.

Может быть помыслит кто-либо, что Апостолу Павлу легко было, и особенно свойственно, говорит о неослабном продолжении пути спасения, когда он был поставлен и двинут на сей путь рукою крепкою и мышцею высокою, чудесным явлением Христовым с небес. На сие скажу, что не один сей Апостол Богом поставлен на путь спасения; хотя с другими происходит сие не таким торжественным чудодействием, как с Савлом. Не ту же ли действительную благодать, которая рукоположением Анании даровала Савлу прозрение телесное и духовное, и крещением переродила Савла в Павла, – не ту-ж ли ниспосылает Бог и ныне в Таинствах? – *Бог хочет всем человеком спастися, и в разум истины прийти* (1 Тим. II. 4), хочет не праздным, но могущественно деятельным хотением. *Никтоже*, глаголет Спаситель, *приидет ко Мне, аще не Отец Мой привлечет его к Себе* (Иоан. VI. 44); следственно всякого спасаемого влечет Отец небесный ко спасению. Каждому человеку, чаще или реже, смотря по готовности принять, Бог посылает минуты в жизни, в которых путь спасения светится пред его глазами, и влечение Отца небесного ощутительно подвигает его на сей путь. Приложить к сему со стороны человека, *едино* правило Павлово, – следовать влечению Божию непрестанно, необленительно: и человек пробежит путь спасения, как скоротечец, как сам Павел, до желанной меты, до обетованной почести вышняго звания. Но если человек не станет, или по времени престанет, прилагать к благодатному влечению Божию свое свободное

стремление: без сомнения, Бог не повлечет его на небо, как невольника в темницу, потому что сие было бы недостойно и Бога, и неба, и бесполезно для неочищенного человека, который, принеся с собою на небо землю или ад, не мог бы устоять в несродном общении с чистыми блаженными силами; следовательно, в таком случае не иное может последовать, как то, что благодатное влечение скроется; к произвольной лености человека присовокупится необлегчаемая благодатию немощь поврежденной природы; какая же тут надежда успешного совершения пути ко спасению?

Посмотрим ближе на стези и тропинки нашей жизни.

Бог влекущий ко спасению, иногда, наипаче при вступлении в новое звание, или на новую степень служения, соединенною с особенными обязанностями нравственными и духовными, возбуждает в нас ощутительное усердие и ревность ходить достойно своего звания, и часто совершаемое служение приносить в жертву Богу и Его закону. Что-жь? Время неохлаждает-ли в нас начального усердия? Привычка совершать то же служение не ослабляет-ли внимания и ревности о совершении оного в чистоте, достойной Испытующаго сердца и утробы? Не влечемся-ли мы тяжело и принужденно, как обремененные путники, по тому пути, по которому сначала готовы были бежать, как легкие скоротечцы? Верна-ли надежда достигнуть почести вышнего звания тем, за что не отдает нам, вероятно, чести наша собственная совесть?

Бог, и в наказаниях Своих благодеющий, переставляет некоторых на путь к небу и спасению посредством земных бед и лишений, когда путь мира и суеты как-бы провалился пред ними, и им не остается где искать утешения и надежды, разве в Боге и благочестии. Решительный опыт не постоянства и ничтожности благ мира дает им решительное побуждение к отречению от сует мира. Но что потом? С уменьшением силы бед, отторгавшей их от мира, не уменьшается-ли и решимость отречения от сует мира?

Иногда особенныя Божии благодеяния, или чудное избавление от обышедших нас зол, возбуждает нас к благодарности пред Богом, а чрез то и вообще к благочестию; иногда слово истины глубоко падает в сердце, и родит в нем благия намерения; добрый пример сильно поощряет к добру, всего-же чаще, думаю, очищаемая и облегчаемая покаянием совесть, в благодатныя минуты, вызывает каждому из своей таинственной глубины: исправь хотя отныне решительно путь твой и проходи право стези Господни. Но что по времени? Благодеяния Божии не воспоминаются-ли уже просто, как прошедшия события, и возбужденныя ими расположения не остаются-ли без действия и плода? Слово истины, западшее в сердце, не подавляется-ли грудю помыслов страстных и суетных? Благия намерения не умирают-ли прежде, нежели родились от них благия дела? Проводив изощренным ко вниманию взором прошедший мимо нас назидательный пример, не остаемся-ли мы беззаботно на своем месте? Изшед от покаяния с очищением и желанием исправления путей наших, не приступаем-ли к оному вновь, так-же нечистыми, как прежде, так-же как прежде храмлющими на оба колена? Все сие значит-ли теши к почести вышнего звания, как течет скоротечец на своем поприще, или напротив, коснеть, останавливаться, и даже обращаться вспять?

Часто наше коснение и разлечение на благом пути мы стараемся извинять для себя немощию человеческою. Остережемся. Нет спора, что человек немощен. Но есть для него благодать Божия, врачующая немощи и восполняющая оскудение сил. И потому одна немощь не останавливала-бы человека на благом пути, еслибы не примешивалась к сему хитрость врага душ. Когда он примечает, что нельзя человека совсем увлести с пути блага и спасения на путь зла и погибели, как например, на путь человекоубийц, татей, прелюбодеев, чего не слишком ослепленный и ожесточенный человек ужаснулся-бы: то

внушает он человеку, что его скудость в добре может быть извинена немощию; что, если он и не успевает, однако же находится на добром пути, и таковыми обольстительными внушениями располагает его к коснению и разленению, а тем питает свою злокозненную надежду, что если человек не *потечет* усердно и неослабно к намеренному, то не достигнет *почести вышняго званія Божія*; и таким образом путь, мнившийся прав быти, сойдет наконец во дно ада.

Да примечаем, братие, ухищрения врага душ, и да расторгнем его злосплетаемая сети. Да не косним на пути спасения, да не ленимся, да поощряем себя непрестанно простираться в предняя, к усовершенію себя в вере, в познании истины и в благоделании. *Тако тецѣте, да постигнете.* Аминь.

1843 год.

СССХХV.

54. Слово

в день Успения Пресвятыя Богородицы.

(Говорено августа 15-го.)

<1843 год>

Мариам же соблюдаше вся глаголы сия, слагающи в сердцах своем. Лук. II. 19.

Если кончина, или воспоминание кончины обыкновеннаго человека добродетельнаго приводит нас к воспоминанию его добродетелей, и мы по сему случаю о них размышляем, беседуем друг с другом, и таким образом отшедшему воздаем справедливость и славу, а себе доставляем утешение и поощрение к добру: не паче-ли прилично нам поступать таким образом ныне, когда творим торжественную память блаженнаго Успения Пресвятыя Богородицы? В Ней, без сомнения, можем созерцать исполнение всякия добродетели, потому, что в Ней по достоинству Ея обитал, и, конечно, не в оскудении Ее оставил Тот, котораго добродетель покрывает небеса и исполняет землю. Но как за всеми добродетелями Пресвятыя Девы не могло-бы теперь следовать ни слово наше, ни помышление: то в предмет настоящаго размышления беру я одну из Ея добродетелей, которую святой евангелист Лука изобразил в следующих словах: *Мариам же соблюдаше вся глаголы сия, слагающи в сердцах своем.* Это есть сердечное внимание к глаголам Божиим и к делам провидения Божия. Рассмотрение сей добродетели в лице и жизни Пресвятыя Богородицы может проложить путь к учению о сей добродетели для нашей жизни.

Святой Лука в начале своего Евангелія описав чудеса, ознаменовывавшія воплощение Сына Божія, ангельскія предвещанія о рожденіи Предтечи Христова от неплодных, и о рождестве Христа от Девы, пророчественные восторги праведной Елисаветы, Самой Пресвятой Девы, и Захаріи, отца Предтечева, явленіе Вифлеемским пастырям воинства славословящих ангелов и указаніе родившагося Спасителя в невиданном, без сомнения, знаменіи, *младенца повита, лежаща в яслях*, упомянув о удивленіи всех слышавших о сем от пастырей, наконец заключает: *Мариам же соблюдаше вся глаголы сия, слагающи в сердцах своем*: и далее, пересказав пророчество Симеона Богоприимца, изобразив

проявление божественной премудрости в двенадцати-летнем отроке Иисусе, приведя его непонятное в то время богознаменательное изречение: *не весте ли, яко в тех, яже Отца Моего, достоин быти ми?* Евангелист вновь обращается к своему прежнему замечанию: *и Мати Его соблюдаше вся глаголы сия в сердцах своем*. Сие повторение одного и того же замечания показывает, что то было нелегкое, случайное замечание, но важная мысль, которая сильно занимала священного писателя, и которую он хотел глубоко впечатлеть в читателей и слушателей Евангелия.

Что же хотел внушить нам священный повествователь? Не хотел-ли, может быть, предупредить и разрешить вопрос, откуда почерпнул он сведения о начальных событиях земной жизни Христовой, которые хотя гласны были в свое время в Вифлееме и в Иерусалиме, но естественно должны были потерять большую часть своих свидетелей и придти в забвение во время долголетнего, неизвестного жития Господа Иисуса в отдаленном и неславном Назарете? Не хотел-ли в лице Мариамы указать источник своих сказаний и свидетельницу их достоверности? Не думаю. Дух Святый был неизчерпаемый источник и верный свидетель Евангельской истины; потому Евангелисты не заботятся указывать источника своих сказаний и ограждать их достоверность посторонними свидетелями.

И так какую-же мысль и цель имел Евангелист, когда двукратно указывал на Мариам, соблюдающую в сердце глаголы судеб и жизни Христовой? Думаю, мысль и цель его была отверзть нам дверь в душу Той, которая есть дверь небесная, открыть *славу дщери Царевой*, сокровенную *внутри*, ввести нас в святилище сердца Пресвятыя, показать каким образом обитавший во чреве Ея кратковременно, еще иначе обитал в Ней безысходно. Каким же образом? Посредством сердечного внимания к глаголам Божиим, посредством сердечного внимания к делам Божиим. *Мариам соблюдаше вся глаголы сия, слагающи в сердцах своем*. Глаголы, по свойству священного языка, означают здесь как предсказания и сказания о Христе и Спасителе, так и самая события, относящиеся к Его земной жизни, особенным провидением Божиим устроенные: потому, что Бог не редко говорит человеку делами, подобно как человек человеку словами. Мариам слышала глаголы судеб о Сыне Своем, как Спасителе мира, читала глаголы славы Его в чудесных событиях, вниманию Ея представлялись Его собственные глаголы и деяния, проявляющие божественную премудрость и силу. Глаголы сии были многочисленны и многообразны, часто невразумительны по своей высоте или необычайности, иногда тяжки, скорбны и грозны. Когда глаголы умолкают: как легко из многого иное забывается! Как трудно сохранить до точности незабвенным разнообразное и непонятное! Как часто даже стараются забыть неприятное, или страшное! Как повреждается иногда память и предание высоких глаголов и событий неукротенным любопытством и дерзновенным усилием испытывать тайны Провидения и изъяснять дела премудрости Божией, по обыкновенным понятиям разума человеческого. От всего такого сохранила Себя благовнимательная Мариам: без утраты, без изменения, верно *соблюдаше глаголы сия*. Каким образом? Не в книгу ли Она их вписывала? Не хранила ли ее в недоступной никому сокровищнице? Нет, Она умела обрести хранилище, несравненно надежнее. Первою книгою, в которой вписано было Евангелие, было сердце Преподобной Марии, оно было сокровищницею богатства Христова, *соблюдаше вся глаголы в сердце своем*. В сердце верующем Богу, в сердце любящем Единородного Сына Божия и Своего, слагала она глаголы тайны и славы Христовой: и ничего не могло похитить отсюда забвение, потому что любовь не допускает забвения, не могло прокрасться сюда любопытство и собственное мудрование, потому что вера не любопытствует. Глаголы Христовы были живые глаголы в сердце Мариамы; потому что их предмет Христос, есть свет и начало жизни, потому что *верующее сердце* есть *исходище живота*; потому что любовь есть жизнь. Так прежде Павла могла сказать Мариам: *живет во мне Христос*. И после того, как вселившийся в Нея воплощением

переселился из Нея рождением, тем не менее могла она говорить: *живет во мне Христос* (Гал. II. 20).

После рассмотренных нами слов Евангелиста, достойно размышления и его молчание. При начальных происшествиях земной жизни Христовой двукратно заметил он, что Матерь Господня *соблюдаше вся глаголы сия в сердце своем*: но потом во все продолжение своего Евангелия не возобновляет подобных замечаний и не заботится изъяснить, какое действие имела жизнь Господа Иисуса на жизнь Матери Его. Что значит сие, после некоторого избытка в слове, как бы скупое молчание? Чтобы не представить священного писателя несогласным с самим собою, кажется, мы должны предположить у него ту мысль, что вышеприведенным двукратным замечанием Он дал ключ ко всей жизни Пресвятыя Девы, и признал сие довольным. В самом деле, если спросить, что делала Матерь Господня, когда Господь Иисус проповедывал, чудодействовал, страдал, умер, воскрес, вознесся на небо? На все сие можно дать один ответ: *соблюдаше вся глаголы сия в сердце своем*. Сим самым объясняется и то, что есть особенно неудобопостижимаго в Ея безпримерной для прочаго человечества жизни. Например, как могла Она и без недоверия, и без превозношения принять высочайшее благовещение о безсеменном и богоприемном зачатии? Могла потому, что уже тогда соблюдала в сердце глаголы о Христе пророческие. Как прошла она сквозь трудности, бедствия, страхи, окружавшие рождение и младенчество Сына Ея? Без сомнения с непоколебимою твердостью и упованием, потому что соблюдала в сердце глаголы обетований о Нем. Как перенесла Его удаление, когда Он изшел на проповедь спасения человеков и с тем вместе на собственные опасности? Без сомнения, с преданностью, потому что соблюдала в сердце предварительный глагол Его: *в тех, яже Отца Моего, достоин быти Ми* (Лук. II. 49). Как не убило Ее оружие скорби, прошедшее душу Ея в часы страданий и смерти Сына Ея и Бога? Не убило, потому что Она еще прежде испытала сие орудие, изшедшее из уст Симеона Богоприимца и уготовала Свое сердце принять рану глагола смертного и уврачевать ее глаголом воскресения. Как осталась Она живущею, когда с вознесением Господним на небо сокрылось от земли то, чем Она единственно жила? В сердце Ея продолжал жить Христос и Его глаголы, и Она жила жизнью веры, любви и надежды, доколе путем, который мы называем смертию, могла перейти к Нему в жизнь любви, блаженства и славы.

Жизнь Пресвятыя Богородицы назвал я безпримерною для прочаго человечества, потому что таинство Матери Господней не повторимо и не сообщимо; но заключать ли из сего, что она и не подражаема? Что мы беседовали о Ней только к Ея славе, для Нея ненужной, а не к нашему с тем вместе назиданию, не к нашему благу? – Да не будет. Добро не может быть бесполезно. Добродетель не может быть неплоды. Пример святости перестанет ли быть руководительным к святости от того, что восходит выше другого? Соблюдение в сердце глаголов Божиих, сердечное благочестивое внимание представлено нам Евангелием в Пресвятой Деве не только для нашего благоговения и удивления, но и для нашего назидания и подражания. Ищущий спасения нашего Бог не безмолвен для нас, братия. Как обильно простирает Он к нам глаголы спасения? Как, можно сказать, преследует нас ими посредством Евангелия Своего, посредством Церкви Своей и примеров святых и праведных: посредством вразумляющих дел Своего провидения? – Когда стоишь в церкви, – непрестанно оглашают тебя глаголы псалмопения, глаголы молитвы, глаголы тайнодействия, глаголы божественного писания, глаголы духовного учения: вся глаголы Божии, глаголы зовущие, наставляющие, побуждающие ко спасению. Но когда и дома сидишь, ты можешь иметь близ себя священную книгу, и тогда открой только ее, и глаголы спасения устремятся к твоему сердцу. Когда увидишь усердно молящегося, или человеколюбиво благодеющего, знай, что из их дела исходит к тебе глагол Божий: молись и ты, благодетельствуй и ты. Если сего недовольно, Бог глаголет

тебе устами неба и земли, и самую суету мира заставляет изрекать важные глаголы к душе твоей. Благотворныя действия природы, благоприятные случаи жизни говорят тебе: познай Бога милосердаго, и благодарно благоугождай Ему, — события грозныя, разрушительныя, карательныя взывают к тебе: познай Бога правосуднаго, и не медли умиловать Его. После сего приходит на мысль спросить: и неужели мало внимающих глаголам Божиим и спасающихся? Я не знаю, но Тот, Кто ведает, сказал, что *мнози суть звани, мало же избранных* (Матф. XX. 16). Воплощенный глагол Божий нередко спасительныя глаголы Свои заключал возгласением: *имеяй уши слышати да слышит* (Матф. II. 15). Видно, не мало и таких слушателей, которые не только не слышат, но и ушей не имеют, т. е. нет ушей у сердца их. Итак позаботимся иметь уши и слышать, и поучимся сердечному благочестивому вниманию. О совершенном невнимании нечего и говорить; если я говорю, а ты не внимаешь, и обращаешь внимание совсем на другое: разумеется, что ты от меня ничего не узнаешь, и ничего по словам моим не сделаешь. И всемогущий глагол Божий для невнимающего бездействен и как бы не существует для него; но есть роды и степени невнимания.

Ты прилагаешь ухо к слову, обращаешь взор на предмет, — это есть внимание чувственное; но это есть только начало, и нижняя степень внимания. Надобно бывает ступить на нее для восхождения на высшия степени; но в отношении к глаголам Божиим останавливающиеся на сей степени внимания, далеки еще от внимания, далеки еще от внимания спасительнаго. На таких людей падает обличение Христова: *очи имуще не видите, и уши имуще не слышите* (Марк. VIII. 18). Вы смотрите оком, но не созерцаете духом; внимаете внешнему слову слуха, но еще не внимаете внутренней силе слова. Так иные слушают, или читают много молитв: но мало молятся; часто встречаются с учением, но не восходят в разумение истины и не вводят ее в жизнь. Есть внимание разумное, когда в видимый предмет углубляются размышлением, в слышимом слове ищут разумеваемой истины; не трудно усмотреть, что сей род внимания благопотребен для глаголов Божиих: но и сей неудовлетворителен. Вера не любоумудрие, благочестие не наука, хотя есть любоумудрие веры, есть учение благочестия. Кто засветил несколько света в голове, тот еще не сделал всего человека сыном света. Разум кичит, а смиренное признание своего неведения иногда лучше знания. Притом познание истинно спасительное приобретается не одними усилиями разума, но паче усердною молитвою и чистым желанием просвещения свыше. Господь в притче, уподобив слово Божие семени, а слышащих оное земле засеваемой, в изъяснении притчи глаголет: *иже на добрей земли, сии суть, иже добрым сердцем и благим слышавше, слово держат и плод творят в терпении* (Лук. VIII. 15).

И так внимание сердца добраго и благаго, — вот истинно благотворный и спасительный род благочестиваго внимания. И потому не довольствуйся тем, что слух твой отверзает слову Божию: старайся отверзать для него уши твоего сердца. Внимай умом, не слишком напрягай усилие пытливаго разума, но наипаче возбуждай сердце любвию к Богу и к Его глаголам, и успокоивай оное в вере, преданности и смирении. Так поступай с глаголами молитвы; так поступай с словом учения; так внимай и делам вразумляющаго Провидения. И когда благодатныя глаголы дадут себя ощутить твоему сердцу внутренним миром и утешением: тогда бдительно и верно соблюдай глаголы сии в сердцах твоих: храни тайну веры в чистой совести, и в удалении от разсеяния и суеты берегись, чтобы не впасть в древнее невнимание, в котором *очи имуще не видят и уши имуще не слышат*, в котором только устами приближаются к Богу, но далече отстоят от него — сердцем.

Богоблагодатная Мати Слова воплощеннаго и верная блюстительница глаголов спасения! испроси от Него и нам благодать и сердечно-внимательнаго слышания, и вернаго

хранения слова Божия, в сердце и жизни, да не чуждо нам будет и возвещенное блаженство слышащих слово Божие и хранящих оное. Аминь.